

Министерство образования и науки Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет
Южно-Уральский филиал Института истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
Челябинский государственный краеведческий музей

Этнические взаимодействия на Южном Урале

Сборник научных трудов

Ответственные редакторы А. Д. Таиров, Н. О. Иванова

Челябинск
2013

ББК Т51(2Р36)+Т4(2Р36)+Т3(2Р36)
Э912

Рецензенты:

доктор исторических наук *В. С. Мосин*;
доктор исторических наук *С. Г. Боталов*

Ответственные редакторы:

А. Д. Таиров, доктор исторических наук; *Н. О. Иванова*

Печатается по решению совета исторического факультета
Южно-Уральского государственного университета

Э912 **Этнические взаимодействия на Южном Урале** : сб. науч. тр. / отв.
ред.: А. Д. Таиров, Н. О. Иванова. Челябинск : Рифей, 2013. 380 с. : ил.
ISBN 978-5-88521-174-1

В сборнике представлены материалы V региональной (с международным участием) научно-практической конференции «Этнические взаимодействия на Южном Урале» (Челябинск, 20–23 ноября 2012 г.), проведенной при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-01-14037г.

Издание рассчитано на широкий круг исследователей, занимающихся различными проблемами в области археологии, этнографии, истории, искусствоведения и других дисциплин.

ББК Т51(2Р36)+Т4(2Р36)+Т3(2Р36)

Дизайн эмблемы конференции: *А. В. Суворов*

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов.....	5
Решение V региональной (с международным участием) научно-практической конференции «Этнические взаимодействия на Южном Урале».....	7
Секция археологии и древней истории	
<i>Я. В. Рафикова, В. К. Федоров.</i> Исследование святилища эпохи энеолита Бакшай — поселения эпохи бронзы Ново-Байрамгулово-1: итоги и перспективы.....	10
<i>С. А. Григорьев, В. А. Курприянов, С. Г. Котов.</i> Исследование геоглифа на хребте Зюраткуль.....	27
<i>О. П. Ченченкова, Н. О. Иванова, Н. А. Степанова.</i> Зооморфный скипетр-пест — случайная находка на Южном Урале.....	34
<i>И. В. Шевнина, А. В. Логвин.</i> О реконструкции крепления бронзовых и каменных изделий к рукоятям и древкам (по материалам синташтинского кургана Халвай 3).....	39
<i>Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович.</i> Могильник Кизильский I: у истоков строительства аркаимских крепостей.....	51
<i>С. Е. Пантелеева.</i> Керамика синташтинского типа с укрепленного поселения Каменный Амбар.....	64
<i>И. А. Семьян.</i> Воины в культуре населения Южного Урала и Северного Казахстана эпохи бронзы. Погребение кулачного бойца в могильнике Бестамак.....	73
<i>А. В. Епимахов, Н. И. Чуев.</i> О некоторых особенностях интерпретации уральских материалов бронзового века в китайской историографии.....	79
<i>Е. В. Курприянова, А. С. Якимов, Л. Р. Сафарова, А. И. Баженов.</i> Особенности стратиграфии поселения Стрелецкое 1 (предварительные результаты исследований).....	82
<i>И. П. Алаева.</i> Характеристика срубно-алакульских построек в контексте проблематики изучения поселений бронзового века Южного Зауралья.....	102
<i>А. Д. Таиров.</i> Взаимодействия населения степи и лесостепи Южного Зауралья в VI—V веках до нашей эры.....	114
<i>А. М. Ушаков.</i> Погребальные традиции с участием коня в кочевом мире Южного Урала в VI—IV веках до нашей эры.....	132
<i>А. Х. Гильмитдинова.</i> Детские погребения ранних кочевников на территории Южного Зауралья (VII век до нашей эры — II век нашей эры).....	135
<i>Е. В. Переводчикова.</i> Произведения скифского звериного стиля из курганов у села Кичигино как индикатор историко-культурных изменений на Южном Урале в середине I тысячелетия до нашей эры.....	139
<i>В. В. Речкалова.</i> Коллекция предметов из кургана 5 могильника Кичигино I.....	148
<i>К. Г. Коноплева.</i> Каменные жертвенники из могильника Кичигино I.....	154
<i>J. Loyer, A. Tairov, S. Rottier, P. Courtaud.</i> Bioarchaeology and Burial Rituals of the Iron Age nomads from South Ural: first results of the study of the kurgan 4 from Kichigino I cemetery (Russia).....	157
<i>Е. О. Шиманский, Т. С. Малютина, Д. Г. Зданович.</i> Материалы раннего железного века юга Челябинской области.....	166
<i>В. Н. Ягодин.</i> К вопросу о «савроматской» миграции VI—V веков до нашей эры на юго-восточный Устюрт.....	178

А. М. Сеитов. Ишимский серебряный фалар.....	193
С. Г. Боталов. Этнокультурная ситуация в урало-казахстанских степях эпохи средневековья в свете новых археологических данных.....	201
Д. Н. Маслюженко. Исследования кургана № 55 средневекового могильника Усть-Терсюк-3 в нижнем Приисетье в 2012 году.....	207
Р. В. Исаков, Н. Н. Афоньков, А. Г. Шереметьев, М. С. Архангельский. Парадный золотой пояс раннедзючидского времени из Мариентала: историко-культурный и семантический аспекты исследования.....	212
Ф. Н. Петров. Калачевидное кресало и другие находки в устье реки Худолаз.....	226
А. В. Матвеев, С. Ф. Татауров. «Татарская керамика» Западной Сибири: проблема соотношения керамической традиции с конкретным этнокультурным образованием.....	229
Л. Р. Сафарова, А. С. Якимов, В. С. Мосин. Геохимические исследования поселения Кочегарово I.....	239
Л. Н. Плеханова, В. В. Ткачев. Палеоурбаноземы поселения Ишкинино степной зоны Оренбургской области.....	245
А. И. Баженов, Л. Р. Сафарова, А. С. Якимов, А. Д. Таиров «Кирпич-цемент» — универсальная система для строительства курганов.....	251
П. А. Косинцев, О. П. Бачура, А. Ю. Рассадников. Промысловые млекопитающие Южного Зауралья в голоцене.....	259
Л. Л. Гайдученко. Древнейшие формы крупного рогатого скота урало-казахстанских степей.....	262
Л. Л. Гайдученко, В. Ф. Зайберт, П. А. Косинцев, Н. А. Пластеева. Лошади ботайской и терсекской археологических культур.....	269
О. П. Бачура. Сезоны функционирования поселений скотоводов средней бронзы в Южном Зауралье.....	272
Е. П. Китов, А. А. Хохлов. К палеоантропологии заключительного этапа эпохи бронзы — начала железного века Южного Зауралья.....	278
О. Ф. Бытковский, Л. Л. Гайдученко. Фрагмент уха с бронзовой серьгой из могильника Казачья Губерля I.....	283
О. В. Анисеева, О. Ф. Бытковский. Происхождение и распределение каменных бус из раннесарматских погребений Южного Зауралья.....	286
Секция этнографии и этнической истории	
Г. К. Валеев. Типология «скользящих этнонимов».....	304
Н. А. Халиков. Казанские этнографы на Южном Урале.....	312
Г. Х. Самигулов. О тюркских волостях Южного Зауралья XVII — XVIII веков.....	314
И. Р. Атнагулов. Формирование и современная этническая идентичность нагайбаков.....	334
Е. А. Артюшкина. Особенности развития традиционных ремесел и промыслов русских северо-востока Башкортостана (конец XIX — середина XX века).....	341
Н. А. Халиков. Поволжские татары на Южном Урале. Некоторые этнокультурные аспекты.....	345
Е. А. Чайко. Частушки как источник в системе гендерного анализа добрачного поведения населения горнозаводской зоны Челябинской области в середине XX века.....	351
А. А. Ваганов. Этнографические отделы музеев Урала в дореволюционный период.....	359
Р. Н. Масалимов. Антагонизм этнической идентичности и толерантности.....	362
Н. В. Усманов. Межнациональные отношения в советской Башкирии в 1920-е годы.....	367
Сведения об авторах.....	373
Список сокращений.....	378

ОТ РЕДАКТОРОВ

В современных условиях роста национализма проблема толерантных этнических взаимодействий представляется весьма актуальной. И в этом плане Южный Урал, который с древнейших времен являлся зоной активных и разнообразных по форме и содержанию этнолингвистических и этнических контактов финно-угорских, индоевропейских и тюркских народов, дает многочисленные примеры бесконфликтного проживания различных этносов. Особое место в истории Южного Урала занимает период XVIII — начала XX века, время формирования современного этнического состава региона, который в географическом плане включает ныне часть территории Российской Федерации и Республики Казахстан. Тесное соседство различных по происхождению, языку, культуре и религии народов региона обусловило взаимообогащение этнических культур и формирование толерантных форм межэтнических взаимоотношений. Изучение и анализ взаимодействия различных этносов Южного Урала с древнейших времен до нашего времени, несомненно, способствует выработке наиболее приемлемых на современном этапе форм бесконфликтных межнациональных отношений, обеспечивающих нейтрализацию причин и условий, способствующих возникновению социальных и межнациональных конфликтов, национального и религиозного сепаратизма.

С 20 по 23 ноября 2012 года в Челябинске проходила V региональная (с международным участием) научно-практическая конференции «Этнические взаимодействия на Южном Урале». В организации этого научного форума приняли участие Южно-Уральский государственный университет, Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинский государственный краеведческий музей. Финансовую поддержку обеспечил Российский гуманитарный научный фонд (проект № 12-01-14037). Специалисты различного профиля продолжили обсуждение актуальных проблем этнических взаимодействий на Южном Урале с древности до современности, которые были намечены на предыдущих форумах.

Всего было заявлено 53 доклада, работа конференции была организована по двум секциям. В конференции приняли участие ученые Российской Федерации и Республики Казахстан. Краткое содержание запланированных выступлений изложено в сборнике тезисов докладов конференции, опубликованном к началу научного форума. В рамках конференции прошел круглый стол «Этничность в археологии или археология этничности?» с участием ведущих ученых России.

Не случайно местом проведения конференции выбран Челябинский государственный краеведческий музей, который не только имеет прекрасные возможности для высокого научного форума, но и проводит большую работу по организации археологического и этнографического изучения Южного Урала. Музей обладает

одним из самых представительных в регионе собраний археологических и этнографических коллекций, ведет большую работу по их реставрации, научному изучению и описанию и экспонированию. Среди основных направлений работы музея выделяется деятельность по популяризации научных знаний в области древней истории и этнографии народов Южного Урала. Челябинский государственный краеведческий музей, являясь методическим центром по организации музейной деятельности в области, проводит многочисленные выставки, посвященные истории традиционной культуры народов Южного Урала, народному искусству, привлекая национальные культурные центры и различные музейные организации.

За последние три года были организованы многочисленные выставки этнографической тематики: «Башкирские предания и легенды», «Календарные праздники российских немцев», «Приди весна с радостью» (традиции встречи весны у народов Южного Урала), «Когда приходит новый год» (традиции встречи нового года у народов Урала), «Сказки старой тряпичной куклы (игры и игрушки русских детей); археологической тематики: «Не боги горшки обжигают» (история глиняной посуды), «Как рубашка в поле выросла» (история ниток, тканей, красителей) и др. Популярностью у посетителей музея пользуются тематические экскурсии и фольклорно-этнографические программы, проводимые в постоянной экспозиции музея сотрудниками, музейные абонементы (циклы занятий) — все это было разработано и подготовлено совместно с ведущими специалистами-учеными края.

Выставки и программы способствуют формированию и развитию познавательного интереса детей и подростков в области древней и этнокультурной истории, позитивного образа собственной этнической культуры и толерантного отношения к другим культурным традициям.

Настоящий сборник включает основные доклады, представленные на прошедшей конференции. Материалы круглого стола будут изданы отдельным томом.

Публикация материалов конференций

Этнические взаимодействия на Южном Урале : тез. докл. регион, науч.-практ. конф. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2002. 208 с. : ил.

Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы II регион, науч.-практ. конф. Челябинск : Рифей, 2004. 238 с. : ил.

Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2006. 233 с. : ил.

Этнические взаимодействия на Южном Урале : сб. науч. тр. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2009. 187 с. : ил.

Этнические взаимодействия на Южном Урале : тез. докл. конф., Челябинск, 20-23 нояб. 2012 г. / отв. ред. А. Д. Таиров, Н. О. Иванова. Челябинск, 2012. 67 с.

А. Д. Таиров, Н. О. Иванова

РЕШЕНИЕ
V региональной (с международным участием)
научно-практической конференции
«Этнические взаимодействия на Южном Урале»

1. С 20 по 23 ноября 2012 года в Челябинске состоялась V региональная (с международным участием) научно-практическая конференции «Этнические взаимодействия на Южном Урале». Научный форум продолжил обсуждение актуальных проблем этнических взаимодействий на Южном Урале с древности и до современности, которые были намечены на предыдущих конференциях.

2. Конференция проходила при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-01-14037.

3. В организации конференции приняли участие Южно-Уральский государственный университет, Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Челябинский государственный краеведческий музей.

4. На конференцию было заявлено 53 доклада. Работа была организована по двум секциям (секция «Археология и древняя история» – 34 доклада, секция «Этнография и этническая история» – 19 докладов), подготовленных учеными из Российской Федерации и Республики Казахстан. Краткое содержание запланированных выступлений изложено в сборнике тезисов докладов конференции объемом 3 п. л., опубликованном тиражом 100 экз. к началу научного форума (Этнические взаимодействия на Южном Урале : тез. докл. конф., Челябинск, 20-23 нояб. 2012 г. / отв. ред. А. Д. Таиров, Н. О. Иванова. Челябинск, 2012. 67 с.).

5. В конференции приняли участие представители следующих учреждений науки, образования и культуры:

Бирский филиал Башкирского государственного университета.

Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ) (Уфа).

Государственный исторический музей (Москва).

Государственный научно-исследовательский институт реставрации (Москва).

Государственный научно-производственный центр по охране культурного наследия Челябинской области (Челябинск).

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан).

Заповедник «Аркаим» (Челябинск).

Институт археологии РАН (Москва).

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск).

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань).

Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Челябинск, Пермь).

Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН (Уфа).

Институт криосферы Земли СО РАН (Тюмень).

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения (Пушино, Московская обл.).

Институт экологии животных и растений УрО РАН (Екатеринбург).

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва).

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УНЦ РАН (Уфа).

Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова (Республика Казахстан).

Курганский государственный университет.

Магнитогорский государственный университет.

Московский государственный университет.

Московский областной общественный фонд историко-краеведческих исследований и гуманитарных инициатив «Наследие» (Дубна, Московская обл.).

Музей археологии и краеведения города Дубна Московской области.

Омский областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля.

ООО «Археологический научный центр» (Челябинск).

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал ОГУ).

Пензенский государственный университет.

Поволжская социально-гуманитарная академия (Самара).

Свердловский областной краеведческий музей (Екатеринбург).

Управление культуры администрации Озерского городского округа (Озерск, Челябинская обл.).

Уральская государственная академия ветеринарной медицины (Троицк, Челябинская обл.).

Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана (Астана, Республика Казахстан).

Центр археологических исследований (Челябинск).

Центр традиционной культуры Среднего Урала (Екатеринбург).

Челябинская государственная академия культуры и искусств.

Челябинский государственный краеведческий музей.

Челябинский государственный педагогический университет.

Челябинский государственный университет.

Челябинский государственный центр народного творчества.

Челябинский многопрофильный институт.

Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)

Для участия в работе конференции в Челябинск прибыли 34 исследователя из различных городов России и Казахстана. Включая представителей учреждений науки, культуры и образования Челябинска, всего в конференции приняло участие 86 человек. Заслушано было 68 докладов (секция «Археология и древняя история» – 43, секция «Этнография и этническая история» – 25).

В рамках конференции прошел круглый стол «Этничность в археологии или археология этничности?». На нем было представлено четыре основных доклада, при обсуждении которых выступило не менее 20 человек.

На заключительном пленарном заседании, состоявшемся 23 ноября 2012 года, были подведены итоги работы конференции, обсуждены и приняты следующие решения:

1. Конференция отмечает особую актуальность археологических и этнографических исследований для объективной оценки этнокультурных про-

цессов в древности и средневековье и для решения современных проблем межэтнических взаимоотношений.

2. Конференция считает необходимым расширение сферы археологических и этнографических исследований на территории Южного Урала в тесном сотрудничестве академической и вузовской науки, учреждений культуры и народного образования.

3. Конференция считает, что обсуждение вопросов этнических взаимодействий необходимо продолжить и в дальнейшем, сохранив существующую форму (региональная конференция с международным участием), но основное внимание в будущем следует уделять не только публикации результатов исследований, а сосредоточить внимание на основных проблемах этнических взаимодействий.

4. Конференция считает целесообразным провести в рамках следующей конференции круглый стол, посвященный комплексу проблем по направлению «Археологии и современность».

5. Конференция считает целесообразным включить в программу следующей конференции доклады, посвященные разработке методологии интерпретации археологических и письменных источников.

6. Конференция считает необходимым активнее вовлекать в изучение различных форм этнических взаимодействий в древности и средневековье представителей естественно-научных дисциплин.

7. VI международную конференцию «Этнические взаимодействия на Южном Урале» провести в 2015 году.

8. Конференция выражает искреннюю признательность оргкомитету V региональной (с международным участием) научно-практической конференции «Этнические взаимодействия на Южном Урале», а также всем учреждениям, которые приняли участие в ее организации и проведении, а именно:

- Южно-Уральскому государственному университету;
- Южно-Уральскому филиалу Института истории и археологии УрО РАН;
- Челябинскому государственному краеведческому музею.

Особую признательность за финансовую поддержку оргкомитет конференции выражает Российскому гуманитарному научному фонду (РГНФ).

23 ноября 2012 г.

г. Челябинск

СЕКЦИЯ АРХЕОЛОГИИ И ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Я. В. Рафикова, В. К. Федоров

ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯТИЛИЩА ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА БАКШАЙ — ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ НОВО-БАЙРАМГУЛОВО-1: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Археологическая экспедиция Академии ВЭГУ с 2004 по 2012 год ведет исследования на археологическом памятнике официальное название, которого звучит «Ново-Байрамгулово-1, поселение». Однако наименование памятника, вынесенное в заголовок статьи, на наш взгляд, более соответствует его содержанию.

Некоторые результаты полевых исследований и обработки материалов предшествующего этапа изучения памятника уже получили освещение в печати [9–16; 18; 19]. В настоящей статье публикуются наиболее важные результаты работ, полученные к сегодняшнему дню.

Памятник был открыт Н. А. Мажитовым в 1965 году. Он расположен в Учалинском районе Республики Башкортостан, в 2,4 км к юго-востоку от деревни Ново-Байрамгулово, в 1,4 км к северу от деревни Гадельшино, на надпойменной террасе левого берега реки Урал, которая в самом высоком месте достигает 2,8 м над урезом воды. Река Урал, круто изгибаясь в северной части террасы, ограничивает площадку памятника с севера и запада, с северо-восточной стороны границей служит ручей Бакшай, впадающий в реку Урал чуть выше изгиба. С юга границей служит сухое русло, тянущееся с востока на запад параллельно Бакшаю. Расстояние от устья Бакшай до сухого русла по линии СЮ — 145 м. С восточной стороны естественных границ памятник не имеет. Прямо напротив площадки памятника в Урал впадает река Миндяк. Здесь — единственный в ближайших окрестностях удобный подход к воде. При более широком взгляде на местность она характеризуется как относительно ровная долина площадью примерно 12,5 кв. км, ограниченная практически со всех сторон грядями восточного склона хребта Урал-Тау. Площадка памятника подвергалась многолетней интенсивной распашке. С конца 90-х годов XX века территория не пашется, а используется как сенокосные угодья. Участки раскопок 2004, 2005, 2007–2012 годов были заложены в западной части площадки памятника, общая площадь их составила 760 кв. м (рис. 1).

Культурный слой памятника содержит материалы эпохи энеолита (суртандинская культура) и бронзы (алакульская, черкаскульская, межовская, саргаринская культуры).

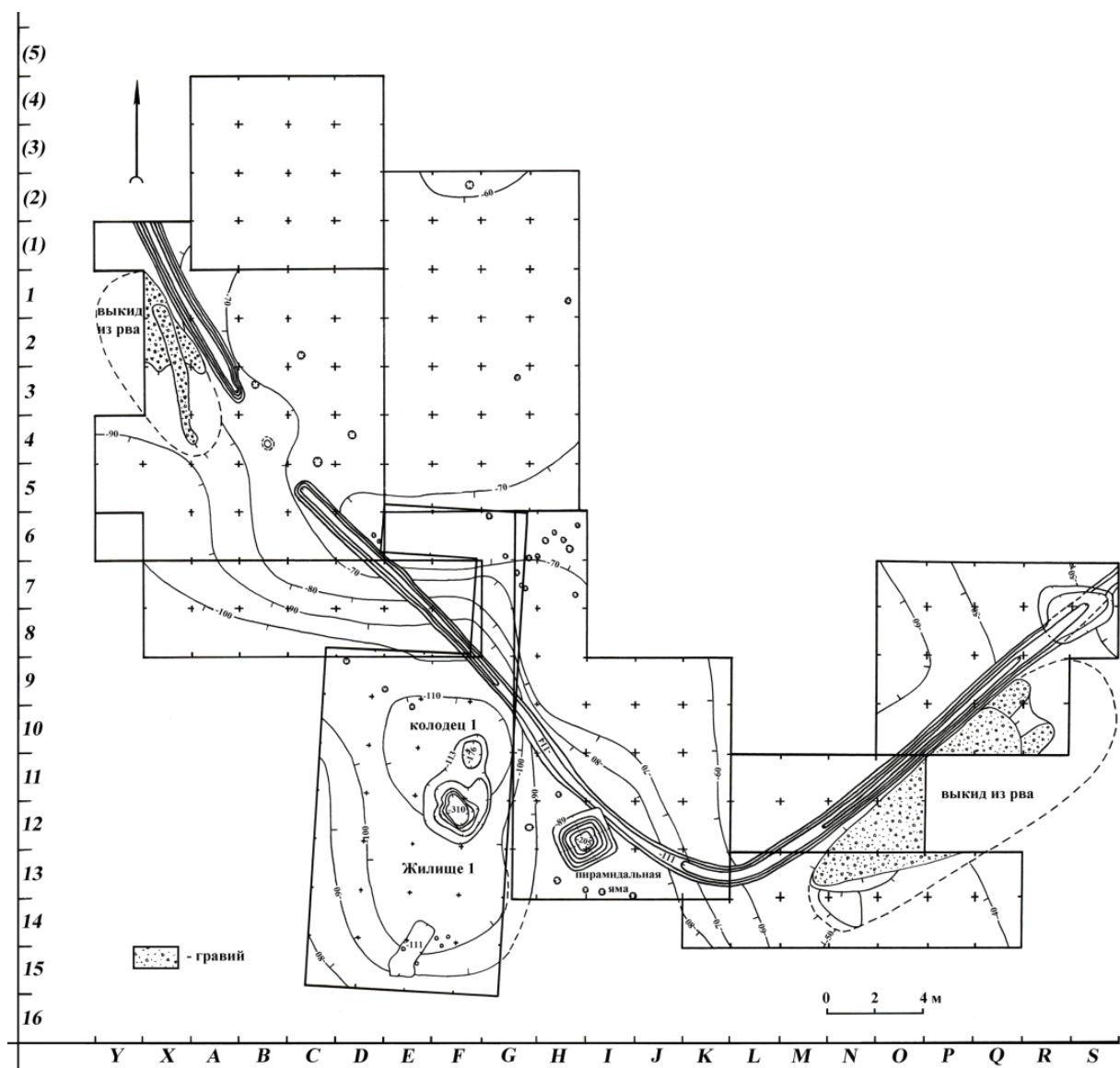

Рис. 1. Поселение Ново-Байрамгулово-1 — святилище Бакшай. Общий план раскопа.
 Сечение горизонталей: на материке — 0,1 м; во рву, пирамидальной яме — 0,2 м;
 в колодце 1 — 0,5 м

Особенности стратиграфии. Верхние слои памятника представлены дерном мощностью до 0,1 м, под которым лежит крупноструктурный трещиноватый гумус — старопашотный слой мощностью 0,2–0,27 м. Под ним расположены слои мелкоструктурного гумуса светло-серого или темно-серого цвета мощностью до 0,5 м, перемежающегося с золистыми участками мощностью до 0,6 м. Часто прослойка золы располагалась в слое мелкоструктурного серого гумуса. Наиболее насыщенные участки с золистым слоем фиксируются в северо-западной части исследованного пространства памятника. В некоторых местах золистый слой залегает прямо на материке, объяснение чему мы дадим ниже. Формирование золистого слоя, по нашему мнению, связано с жизнедеятельностью коллективов эпохи поздней и финальной бронзы. Однако выделение прослоек, соответствующих каждой отдельной культурной группе эпохи бронзы не представляется возможным. Более того, невозможно выделить слой, соотносимый с остатками жизнедеятельности энеолитического населения. Практически повсеместно слой мелкоструктурного гумуса под-

стилается слоем плотного темного гумуса, иногда с прожилками глины мощностью на некоторых участках до 0,26 м, который практически не содержит находок (за исключением занесенных роющими животными и через морозобойные трещины). Этот слой идентифицирован как погребенная почва энеолитической эпохи, так как на его уровне в основном концентрировались энеолитические артефакты. Однако выделение слоя, сопоставимого с остатками деятельности энеолитического населения крайне проблематично. Отсутствие выраженного энеолитического слоя, наиболее вероятно объяснить неоднократным использованием участка памятника разными группами населения эпохи бронзы, в результате деятельности которых напластования предшествующего времени подчищались, местами до материка. Культурные слои и погребенная почва подстилаются в зависимости от структуры материка – суглинком или гравием.

Сооружения. В результате раскопок на уровне материка выявлено несколько объектов. Наибольший интерес представляют остатки крупного сооружения, основной частью которого является ров. На данный момент частично вскрыты юго-западный и юго-восточный участки сооружения, соединяющиеся слегка закругленным углом, ориентированным на юг. Юго-западный участок рва тянется с северо-запада на юго-восток, длина его составляет 37 м, юго-восточный участок, ориентированный по линии СВ-ЮЗ, исследован на протяжении 20 м. Ширина рва на уровне материковой поверхности составляет от 0,55 м до 0,9 м, глубина – от 0,4 м до 0,7 м. Ров имеет слегка наклонные, сужающиеся ко дну стенки, дно его местами плоское, местами слегка закругленное, ширина дна рва небольшая – от 0,2 до 0,3 м, в разрезе конфигурация рва параболической формы. Заполнение рва практически на всем протяжении – плотный черный гумус, в котором изредка встречаются разрозненные кости животных, единичные фрагменты керамики разных эпох, кремневые сколы и немногочисленные орудия. Все эти предметы, как нам представляется, оказались здесь не преднамеренно, а в результате естественных процессов (деятельности норных животных, через морозобойные трещины и т. д.) попали из залегающего выше культурного слоя.

В юго-западной стороне рва зафиксирован разрыв длиной 4,15 м, где к оконечностям рва приурочены по две столбовые ямки, которые, начинаясь от концов рва, образуют с каждым из них прямой угол. «Аллея», образуемая столбовыми ямами тянется в северо-восточном направлении, как бы обозначая коридорообразный вход внутрь сооружения. Посередине разрыва рва на материковом гравии в небольшой ямке глубиной 2–3 см находилась каменная глыба овальной формы размером 32×25 см. Валы, образованные грунтом, вынутым при рытье рва, наиболее явно обозначены в двух участках раскопа, в обоих случаях с внешней стороны рва. В первом случае остатки вала, представленные смесью гравия с плотной глиной, располагались вытянутой полосой параллельно северному участку юго-западной стороны рва впритык к его внешней стенке, ширина его достигала 4 м, высота 0,4–0,6 м. В другом случае остатки вала фиксировались возле юго-восточной стороны рва. Полоса из смеси плотного суглинка с гравием шириной до 4,5 м, высотой до 0,24 м располагалась параллельно границам рва, практически вплотную к ним.

На данный момент, рассмотренное сооружение мы склонны соотносить с эпохой энеолита. Аргументов тому несколько. Во-первых, стратиграфические и планиграфические наблюдения свидетельствуют о перекрытии рва и выкида из него зольными слоями (особенно на северном участке), но в заполнении рва золы нет. Как уже отмечалось, наиболее обширные и мощные слои золы были обнару-

жены на площадке раскопа 2004 года, где расположен вход в сооружение. Видимо, этот участок использовался в качестве места для мусорной свалки населением бронзовой эпохи. Очевидно, что к моменту начала освоения участка в эпоху бронзы, ров полностью затек черноземом. В двух случаях прослежена ситуация, когда объекты, сооруженные в эпоху бронзы, нарушают юго-западную часть рва: в одном из них северо-восточный угол жилищного котлована наложился на участок рва в квадрате Н 10, частично срыв его, в другом – северо-восточный угол пирамидальной ямы нарушил ров в квадрате I 12.

Во-вторых, анализ планиграфического распределения культурно различимых фрагментов керамики (табл. 1)* показывает, что наибольшую концентрацию энеолитической керамики фиксируют площадки раскопов, примыкающие к внутренним участкам рва (раскопы 2004, 2009, 2011 гг.). Причем наибольший показатель удельного веса энеолитической керамики дает раскоп 2004 года (вход в сооружение), а наименьший – раскопы 2005, 2007 и 2010 годов, которые затронули пространство, располагающееся в основном за пределами рва.

Таблица 1

Распределение культурных групп керамики по годам раскопок (2004, 2005, 2007-2011 гг.)

Культурная группа	Год раскопок													
	2004		2005	2007		2008		2009		2010		2011		
	Фр.	%	Фр.	Фр.	%	Фр.	%	Фр.	%	Фр.	%	Фр.	%	
Энеолит	65	11,6	14	16	1,4	38	4,2	69	7	10	1,6	16	7,7	
Алакуль	328	58,5		387	34,7	282	30,7	366	37,4	272	43,9	111	53,1	
Черкакуль	48	8,6		400	35,8	421	45,8	269	27,5	135	21,8	25	12	
Межово	91	16,2		18	1,6	49	5,3	29	3	11	1,8	4	1,9	
Саргары	29	5,1		296	26,5	129	14	245	25,1	192	30,9	53	25,3	
Всего	561	100		1117	100	919	100	978	100	620	100	209	100	

Из 19 сосудов, представленных более чем двумя фрагментами, внутри площадки, ограниченной рвом локализуется 16 и лишь три – за ее пределами (см. рис. 2). Распределение находок кремневой индустрии дают подобную же картину – подавляющее большинство артефактов располагается внутри сооружения.

В третьих, аналогии. На сопредельных территориях сооружения, основными элементами которых являются рвы, известны как в материалах эпохи энеолита, так и эпохи бронзы. Если исходить из того, что форма сооружения близка прямоугольной, то наиболее сходные по форме рвы имеются на поселенческих памятниках бронзовой эпохи – Новоникольское I и Петровка II [4, с. 37, 38, 41, 52, 53, рис. 4, 12]. Однако размеры рва в Новоникольском I – ширина 2-2,5 м, глубина до 1,5-1,7 м, в Петровке II – ширина 1,5-2,5, глубина – 1,5-1,8 м не сопоставимы с размерами рва Бакшя. Оформление входов в них также различно – на поселениях эпохи бронзы ведущих внутрь сооружений коридоров, образованных врытыми столбами, не зафиксировано. Сооружение рвов в Новоникольском I и Петровке II соотносится

* Показатели количества керамики культурных групп не окончательны, в дальнейшем возможна их некоторая корректировка, поскольку работа над керамической коллекцией памятника не завершена, однако на генеральную тенденцию распределения керамики это не должно повлиять.

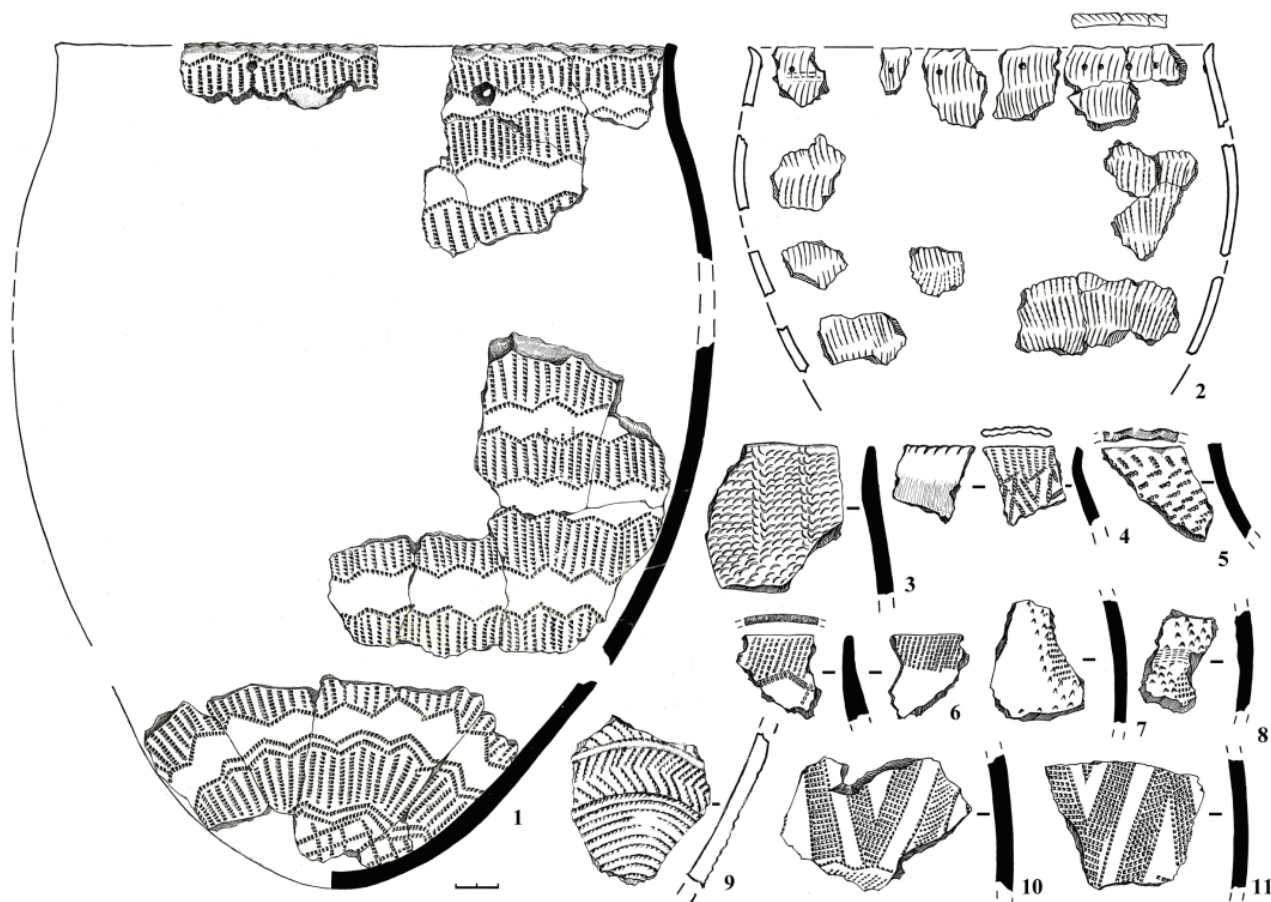

Рис. 2. Поселение Ново-Байрамгулово-1 — святилище Бакшай. Керамика эпохи энеолита

с материалами петровской культуры, по мнению автора раскопок, данные рвы выполняли оборонительную функцию [4, с. 133]. На Бакшае петровских материалов не обнаружено, его сравнительно узкий и неглубокий ров, не может рассматриваться как оборонительное сооружение.

Ранее, до обнаружения южного угла рва, мы предполагали, что ров Бакшай может иметь округлые в плане очертания, и в качестве близких аналогий нами привлекались круглоплановые святилища с астрономическими ориентирами эпохи энеолита сопредельных территорий — Савин, Слободчики, Велижаны. На сегодняшний день, несмотря на несопоставимость форм и размеров, все-таки отказываться от привлечения этих аналогий, на наш взгляд, было бы неверно. Сходство отмечается в оформлении входов — первый круг Савина имеет коридорообразные входы из сплошь вкопанных бревен, правда, с внешней стороны рва. Во втором круге Савина центр разрыва рва маркирован костром на Бакшае — камнем. Более сопоставимы с Бакшаем и размеры рвов Савина: ширина 0,8-1,4 м, глубина 0,6-0,8 м. Несмотря на то, что специальных археоастрономических работ на Бакшае не проводилось, ориентированность направления оси коридорообразного входа на точку восхода солнца в день летнего солнцестояния отмечена личным наблюдением авторов статьи в 2007 году.

В южной части исследованного пространства памятника раскопом 2007 года был выявлен слегка углубленный в материк котлован сооружения, предположительно бытового назначения (жилища?). Котлован подпрямоугольной формы, с закругленными углами, размерами 9×14 м. Длинными сторонами котлован ориенти-

рован меридионально, его стенки плавно заглублены в материк примерно на 0,25 м, глубина котлована в центральной части достигает до 0,4 м. Основное заполнение котлована — мелкоструктурный серый гумус мощностью до 0,75 см, практически не отличающийся от культурного слоя на других участках раскопа. Сверху над ним четко фиксируется слой темно-серого гумуса мощностью от 0,1 до 0,25 м, образование которого, скорее всего, связано с естественным заполнением (затеканием) углубления котлована, после прекращения функционирования сооружения. Темно-серый гумус перекрыт пахотным слоем и дерном. Мелкоструктурный темно-серый гумус подстилается в основном светло-серым гумусом. Гумус, смешанный с золой — поздний пол жилища (?) мощностью от 0,05 до 0,2 м, а в тех местах, где данный слой прерывается (сходит на нет), основное заполнение котлована смыкается со слоем гумуса насыщенного черного цвета мощностью от 0,1 до 0,3 м. Предположительно это культурные напластования раннего этапа существования жилища.

В пределах котлована расчищены две ямы. **Яма 1** располагалась в южной части котлована, подпрямоугольной формы со скругленными углами, размером 2,5×0,9 м, ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Глубина ее от уровня материка не превышает 0,1 м, заполнение — черный гумус. С ямой связан комплекс из пяти столбовых ямок диаметром от 0,1 до 0,18 м, глубиной от 0,13 до 0,29 м. Ямки оконтуривали правильный равнобедренный треугольник, направленного вершиной на северо-восток, с основанием 0,9 м и сторонами по 1,6 м. Трактовка ее функционального назначения на данный момент затруднительна.

Яма 2 расчищена примерно в центре котлована, несколько смещена к северу, имеет грушевидную в плане форму, ориентирована по линии ЮЮЗ-ССВ, состоит из северной части — «вход-ступенька» и южной основной. Размеры ямы после ее полного исследования составили в длину (меридиональное направление) 4,2 м, ширина «входа-ступеньки» — 1,5 м, основной части — 2,8 м. Глубина в материк «входовой» части 0,75 м, основной части 2,1 м. Стенки ямы неровные, в верхней части уступчатые. Дно ровное, плоское, неправильной формы, размером 0,9 × 1,2 м. Заполнение ямы — преимущественно черный гумус. Находки в яме идентичны находкам из культурного слоя — фрагменты керамики и кости животных. Среди культурных групп керамики наиболее представлена керамика черкаскульской культуры 47,9 %, по имеющимся фрагментам реконструирована верхняя часть черкаскульского сосуда (см. рис. 3, 2), остальные группы количественно заметно уступают — на долю саргаринской керамики приходится 27 %, алакульской — 23,9 %, энеолитической — 0,9 % (см. рис. 4). Причем находки встречались, только до глубины 1,5 м, ниже до дна их не было. На наш взгляд, эта яма — колодец, хотя полной уверенности в правильности определения ее функционального назначения нет, вполне возможно, что она могла использоваться и как яма-погреб, хотя, здесь нет полных развалов сосудов или сочлененных частей туш животных, которые обычно находят в погребах-холодильниках.

Вероятность связи ямы 2 с металлургическим производством, на наш взгляд, минимальна, хотя находка вблизи нее медного вплеска, а также двухкамерность ямы, как будто не исключают до конца возможности такой интерпретации. Однако связь колодцев с металлургическим процессом присуща более синташтинскому времени. Анализ колодцев постсинташтинского времени позволил сделать вывод об их использовании исключительно для водозабора [1, с. 13]. Непосредственно над ямой 2 находился прокол — остатки очага, представленного простым кострищем, в котором была найдена саргаринская керамика (см. рис. 5).

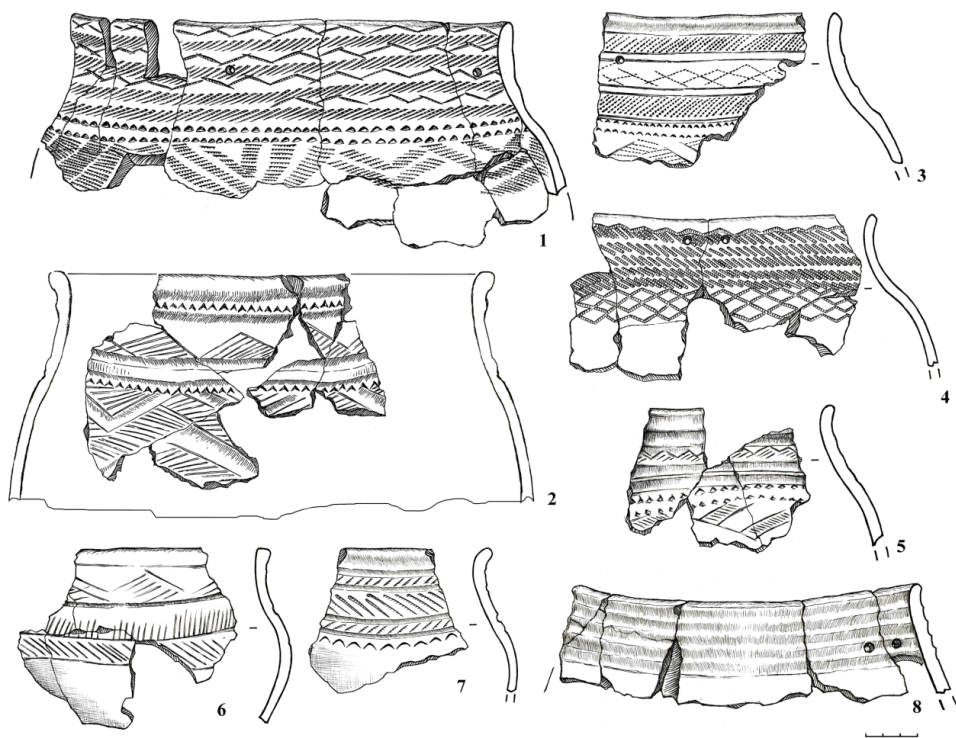

Рис. 3. Поселение Ново-Байрамгулово-1 — святилище Бакшай. Черкаскульский комплекс керамики

Рис. 4. Поселение Ново-Байрамгулово-1 — святилище Бакшай. Алакульский комплекс керамики

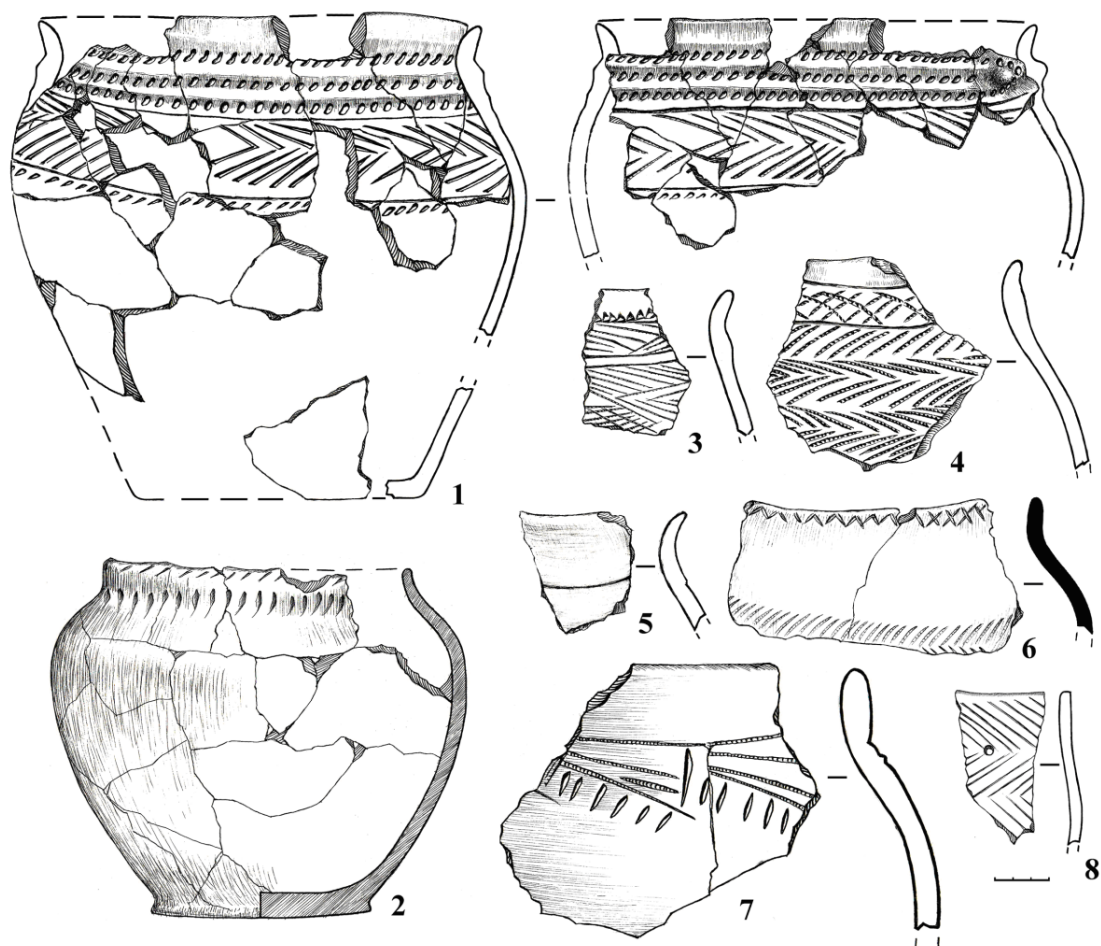

Рис. 5. Поселение Ново-Байрамгулово-1 — святилище Бакшай. Саргаринский комплекс керамики

В отношении функционирования данного объекта (жилища?), как нам представляется, реконструируется следующая последовательность событий. Формирование котлована (строительство жилища), сооружение колодца наиболее вероятно соотносить с деятельностью черкасульского населения. Хотя не исключено создание этого комплекса и в алакульское время, однако снижение концентрации алакульской керамики в нижних слоях котлована и на площадке раскопа в целом (по сравнению с 2004, 2009–2011 гг.), на наш взгляд, снижают эту вероятность.

В саргаринское время, скорее всего, колодец был засыпан, глиняная прослойка мощностью до 0,25 м в верхней части заполнения ямы 2 может быть интерпретирована как замазывание поверхности ямы-колодца, подобно тому, как это было сделано в целях гидроизоляции на поселении Мочище I [3, с. 88]. Время функционирования ямы 1, на наш взгляд, может определяться досаргаринским периодом — алакульским или черкасульским, поскольку ее перекрывает слой серого гумуса, смешанного с золой, образовавшейся в период жизни последних обитателей жилища.

Симптоматично, что площадка раскопа 2007 года дает высокие показатели керамики саргаринской и черкасульской культур, кроме того, саргаринская имеет наивысшие показатели и в 2010 году, в то время как на площадке 2004 года (вход в сооружение) керамика отмеченных культур имеет самые низкие показатели. Наибольшая концентрация черкасульской керамики в 2007 году зафиксирована на уровне 7-го горизонта, наиболее насыщенные горизонты саргаринской керамикой

этого года — 4-й и также 7-й. Концентрация черкаскульской керамики на уровне 7-го горизонта может быть свидетельством того, что особо тщательной уборке пол жилища не подвергался, керамика просто оказалась втоптанной в него (?). Очаг был сооружен в саргаринское время непосредственно над засыпанным колодцем.

За пределами жилищного котлована с восточной стороны расчищена **яма 3**, имеющая в верхней части подквадратную форму со скругленными углами размером 2,2×2,32 м, ориентированную по сторонам света, с небольшим отклонением к СЗ. Северо-восточный угол ямы частично нарушил участок юго-западной стенки рва. Глубина ямы достигала 1,14 м от уровня материка. Заполнение представляло собой плотный черный гумус с включением небольшого количества камней и крайне слабо насыщенный находками. После вскрытия ямы выяснилось, что она имеет хорошо выраженную форму «перевернутой пирамиды» с четкими гранями, сходящимися к центру. С западной и южной стороны «пирамидальную яму» окружали пять столбовых ямок диаметром от 0,18 до 0,32 м, глубиной от 0,1 до 0,41 м.

По всей вероятности, вокруг ямы была какая-то загородка, препятствующая проникновению мусора. К северу и востоку столбовых ямок обнаружено не было, но и здесь, вероятно, была какая-то изгородь, защищающая яму от напользания мусорной свалки. По немногочисленным находкам, сделанным в непосредственной близости от этого необычного объекта, наиболее вероятно его сооружение в саргаринское время. Здесь же, у восточного края ямы, на уровне 6-го горизонта на глубине 0,8 м, надо рвом, найден единственный за все годы раскопок полный развал саргаринского сосуда (рис. 5, 2). Скорее всего, местонахождение сосуда непосредственно на заполнении рва, может объясняться случайным совпадением. Аналогов ям с такой конфигурацией в материалах поселений с саргаринским присутствием, да и в материалах иных культур нам не известно.

Керамическая коллекция памятника на сегодняшний день насчитывает 15 665 фрагментов из них культурно различимых фрагментов — 4418 единиц*. Количественно преобладает керамика алакульской культуры (1746 фр.), затем следует группа керамики черкаскульской культуры (1298 фр.), саргаринской (944 фр.) и межовской (202 фр.), энеолитическая группа насчитывает 228 фрагментов. В ней по имеющимся фрагментам выделяется 75 сосудов, 19 из них представлены тремя и более фрагментами, 11 — двумя фрагментами, остальные 45 — единичными фрагментами. Подавляющее большинство сосудов находит аналогии в суртандинских памятниках Южного Зауралья.

Помимо коллекции керамической посуды материалы памятника представлены металлическими предметами (14 экз.), а также свидетельствами металлургической деятельности на площадке памятника: медным всплеском (1 экз.), медными слитками (3 экз.), шлаками (2 экз.), фрагментами плавильных чаш (2 экз.), изделиями из камня (23 экз.), кости (48 экз.), рога (8 экз.), керамики (33 экз.).

Из металлических изделий отметим однолезвийный нож длиной 24,5 см с прямой спинкой и закругленным концом, рукоять оформлена притушением части лезвия; два шила; навершие кинжала с прорезной рукоятью (литейный брак); миниатюрную модель долота, фрагменты желобчатого браслета (рис. 6, 1–5). Изделия из кости представлены наконечниками стрел, проколками, остриями, наконечником гарпуна, чесалкой (?) с шестью зубцами (рис. 6, 6–15).

* В подсчет не включены данные по керамике 2005 и 2012 годов: коллекции еще не обработаны.

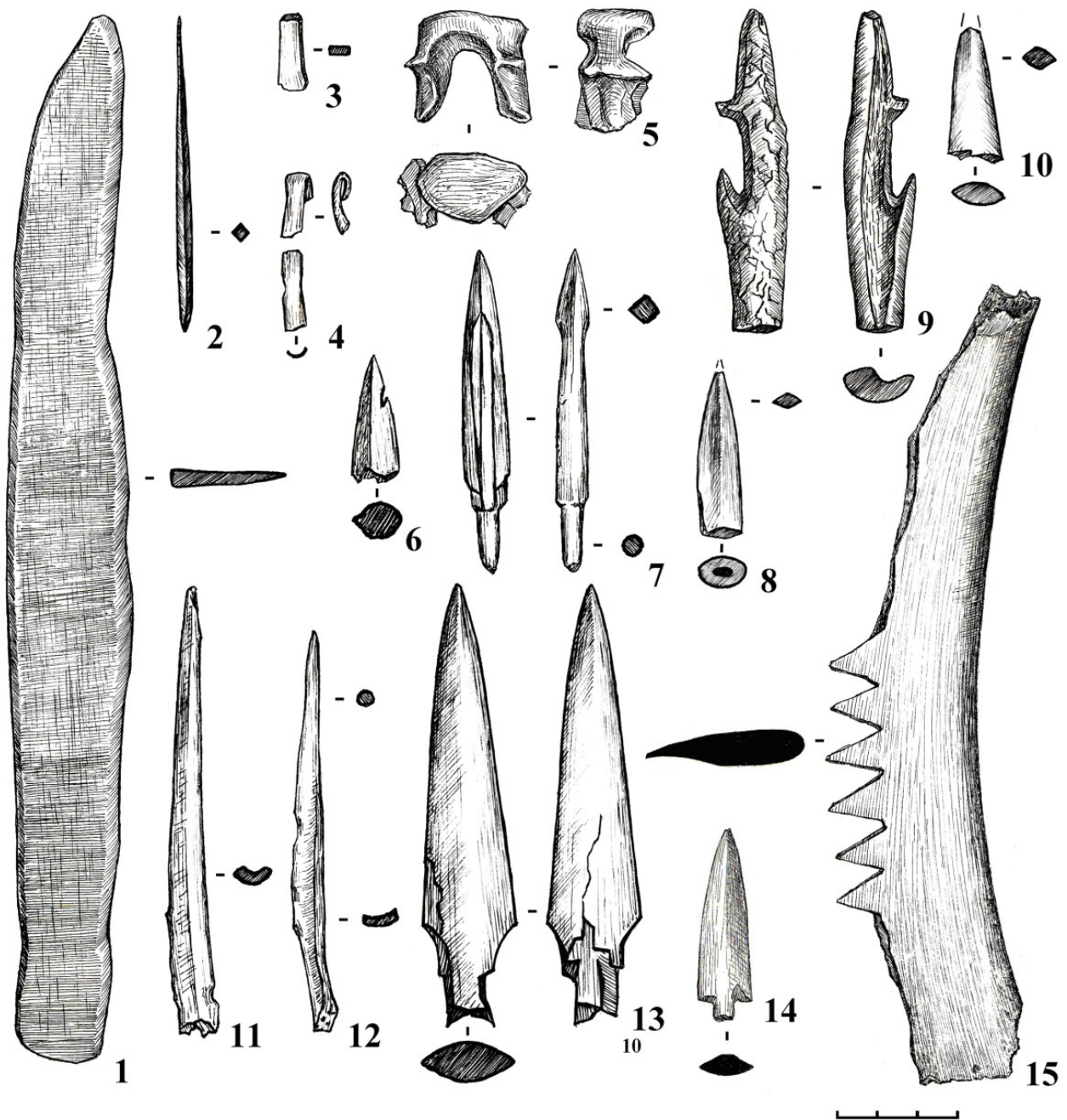

Рис. 6. Поселение Ново-Байрамгулово-1 — святилище Бакшай.
Вещевой комплекс. 1-5 — медь; 6-15 — кость

Среди каменных изделий — шлифованная подвеска из серпентинита, с отверстием; песты, молоты и их обломки (см. рис. 7, 1-4). Из керамических изделий — модели хлебцев (?), — пряслица (рис. 7, 5-12).

Кремневая коллекция насчитывает 15 559 единиц. Из них продукты первичного расщепления — 15 191 ед., в том числе нуклеусы — 32 экз. (см. рис. 8), пренуклеусы — 3 экз., нуклевидные куски — 12 экз. Остальные 408 экз. являются орудиями, их заготовками и фрагментами (см. рис. 9-13; табл. 2).

Сырьем в большинстве случаев служила сине-зеленая, сургучная, бордовая, кроваво-красная, черная яшма. Изделия из серого, желтого, белого кремня, полупрозрачного кварцита — единичны.

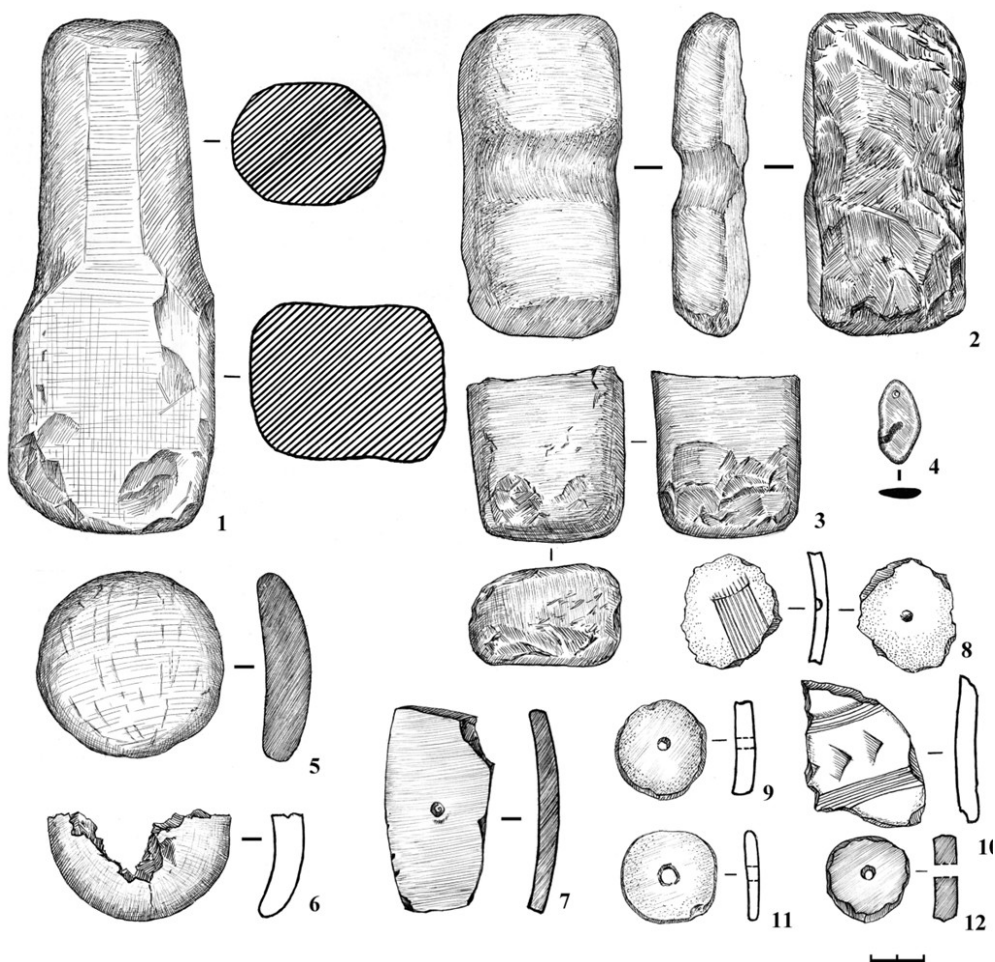

Рис. 7. Поселение Ново-Байрамгулово-1 — святилище Бакшай.
Вещевой комплекс: 1–4 — камень; 5–12 — керамика

Таблица 2

Кремневые изделия с вторичной обработкой (орудия)

№	Орудие	Кол-во, шт.	№	Орудие	Кол-во, шт.
1	Бифас (орудие с двусторонней обработкой)	85	18	Резчик на отщепе	1
2	Наконечник стрелы	17	19	Резчик на пластине	1
3	Нож с двусторонней обработкой	5	20	Скобель на отщепе	6
4	Нож на отщепе	11	21	Скобель на пластинчатом сколе	6
5	Нож на плитке	3	22	Скобель на куске кремня	3
6	Скребок на отщепе	64	23	Скобель на сработанном нуклеусе	1
7	Скребок на пластинчатом сколе	8	24	Тесло	3
8	Скребок на пластине	12	25	Долото-стамеска на сколе с плитки	3
9	Скребок-скобель на отщепе	2	26	Проколка на отщепе	3
10	Скребок-резец на отщепе	5	27	Проколка на пластине	2
11	Скребло на отщепе	7	28	Провертка-нож	1
12	Скребло на пластинчатом сколе	4	29	Топор	1
13	Скребло-нож на отщепе	1	30	Отбойник	3
14	Резец на отщепе	12	31	Отщеп с ретушью	85
15	Резец на пластинчатом сколе	1	32	Пластинчатый скол с ретушью	10
16	Резец на пластине	7	33	Пластина с ретушью	33
17	Резец на плитке	1	34	Микролит геометрический	1

Большинство изделий из кремня должно быть отнесено к эпохе энеолита. На поселениях эпохи бронзы Южного Зауралья, где нет более ранних слоев, они встречаются лишь спорадически, либо их нет совсем [2; 17]. Костей животных найдено 73 105 единиц. Среди костей животных встречаются разрозненные кости человека. В Институте геологии и минералогии СОАН получены две радиоуглеродные даты: СОАН-7273; 4335±110 лет. Кости крупных млекопитающих: раскопки 2004 года, горизонт 3. Предполагаемый возраст эпоха бронзы. СОАН-7274, 4415±125 лет. Кости крупных млекопитающих: раскопки 2004 года, горизонт 2. Предполагаемый возраст — эпоха бронзы.

Результаты естественнонаучных исследований опубликованы лишь частично. Костные остатки животных исследованы П. А. Косинцевым (ИЭРиЖ УрО РАН, Екатеринбург), исследования палеопочв выполнены Л. Н. Плехановой (ИФХиБПП РАН, г. Пущино), антропологические материалы были изучены В. В. Куфтеринным (БГПУ, г. Уфа) [5–7]. Кроме того, палеоботанические и копрологические исследования проведены Е. Г. Лаптевой и А. М. Короной (ИЭРиЖ УрО РАН, Екатеринбург), анализ металлических изделий выполнен В. Ю. Луньковым (ИА РАН, Москва).

Рис. 8. Поселение Ново-Байрамгулово-1 — святилище Бакшай. Кремневые изделия. Нуклеусы

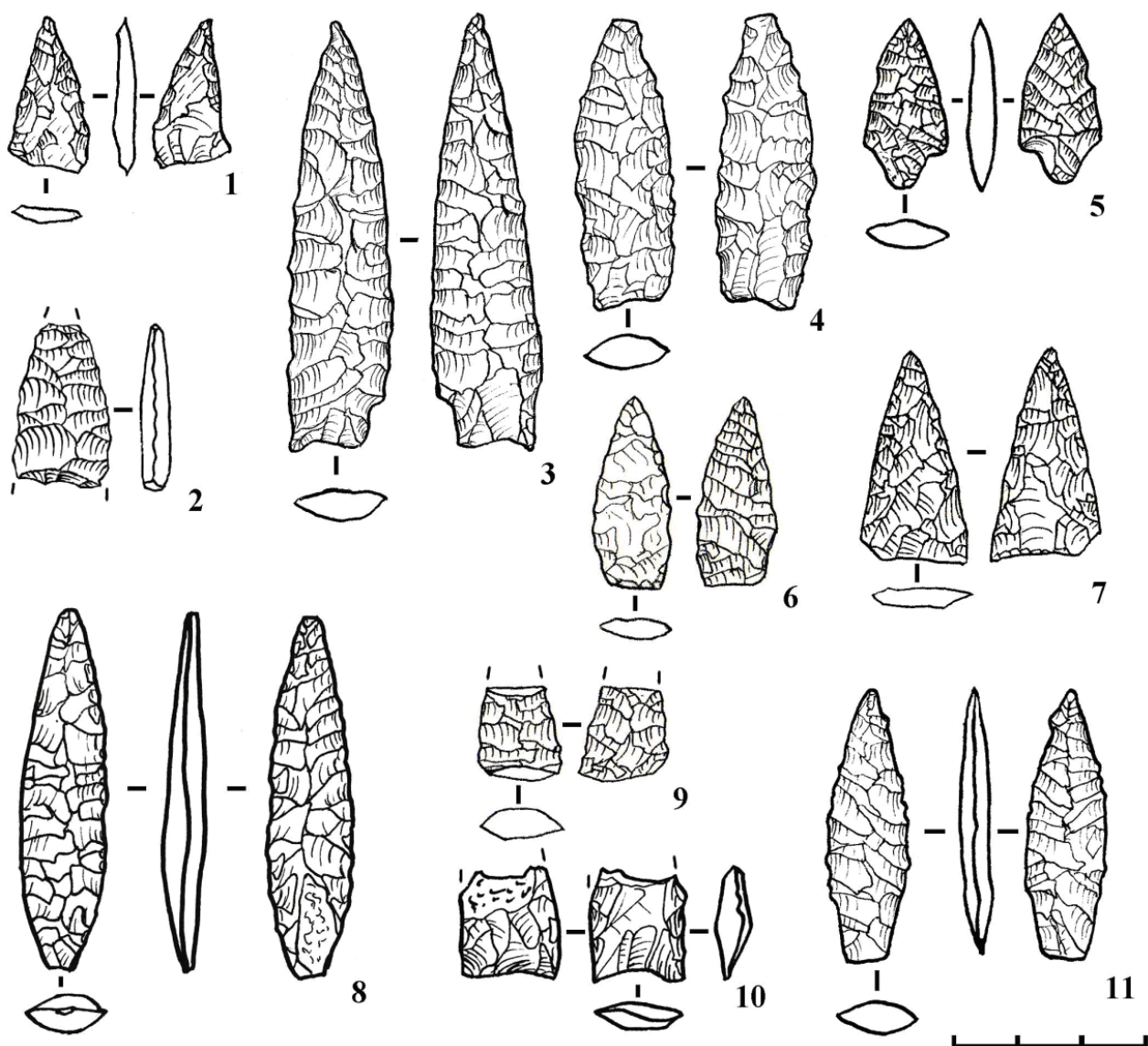

Рис. 9. Поселение Ново-Байрамгулово-1 — святилище Бакшай.
Кремневые изделия. Наконечники стрел

В 2010 году на территории памятника были проведены геофизические исследования методами площадного электропрофилирования и электротомографии, руководитель работ И. В. Журбин (ФТИ УрО РАН, Екатеринбург). Их результаты позволили получить информацию о планировке, не исследованной раскопками части памятника и структуре культурного слоя. Выявленные контрастные аномалии дают основания предположить существование внутри ограниченной рвом площади нескольких объектов, один из которых имеет отчетливые округлые очертания и диаметр около 30 м. Внутри него находится объект прямоугольной (почти квадратной) конфигурации, и размер примерно 16×16 м, ориентирован сторонами по линиям СВ-ЮЗ и СЗ-ЮВ. В засушливое лето 2012 года на месте этого объекта была отмечена впадина. Сопоставление направления рва и расположения выявленных геофизическими методами объектов позволяет предположить, что они каким-то образом связаны друг с другом. Дальнейшие раскопки должны установить наличие и характер этой связи, дать существенную информацию о датировке и предназначении сооружения, остатки которого представлены рвом.

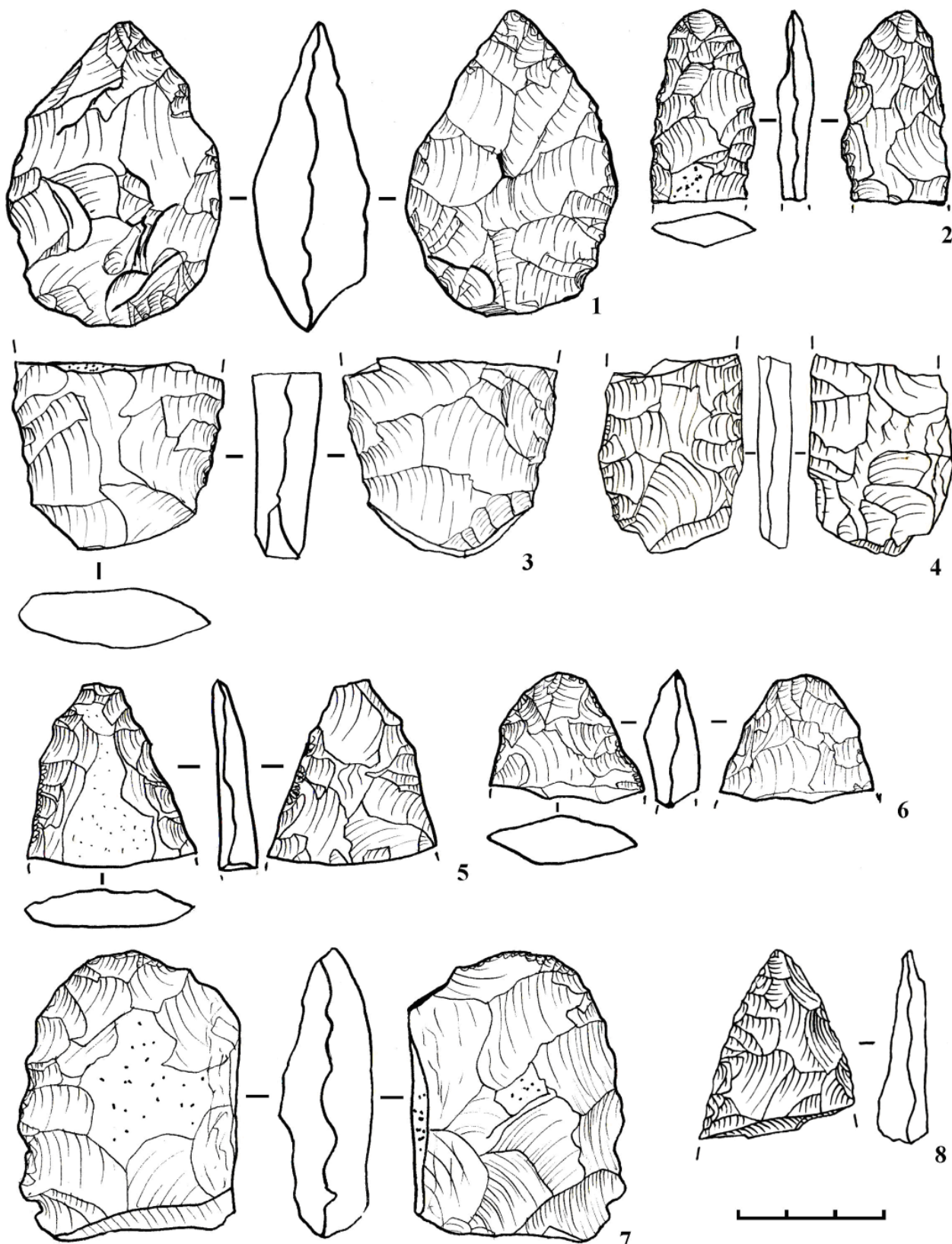

Рис. 10. Поселение Ново-Байрамгулово-1 — святилище Бакшай.
Кремневые изделия. Орудия с двусторонней обработкой

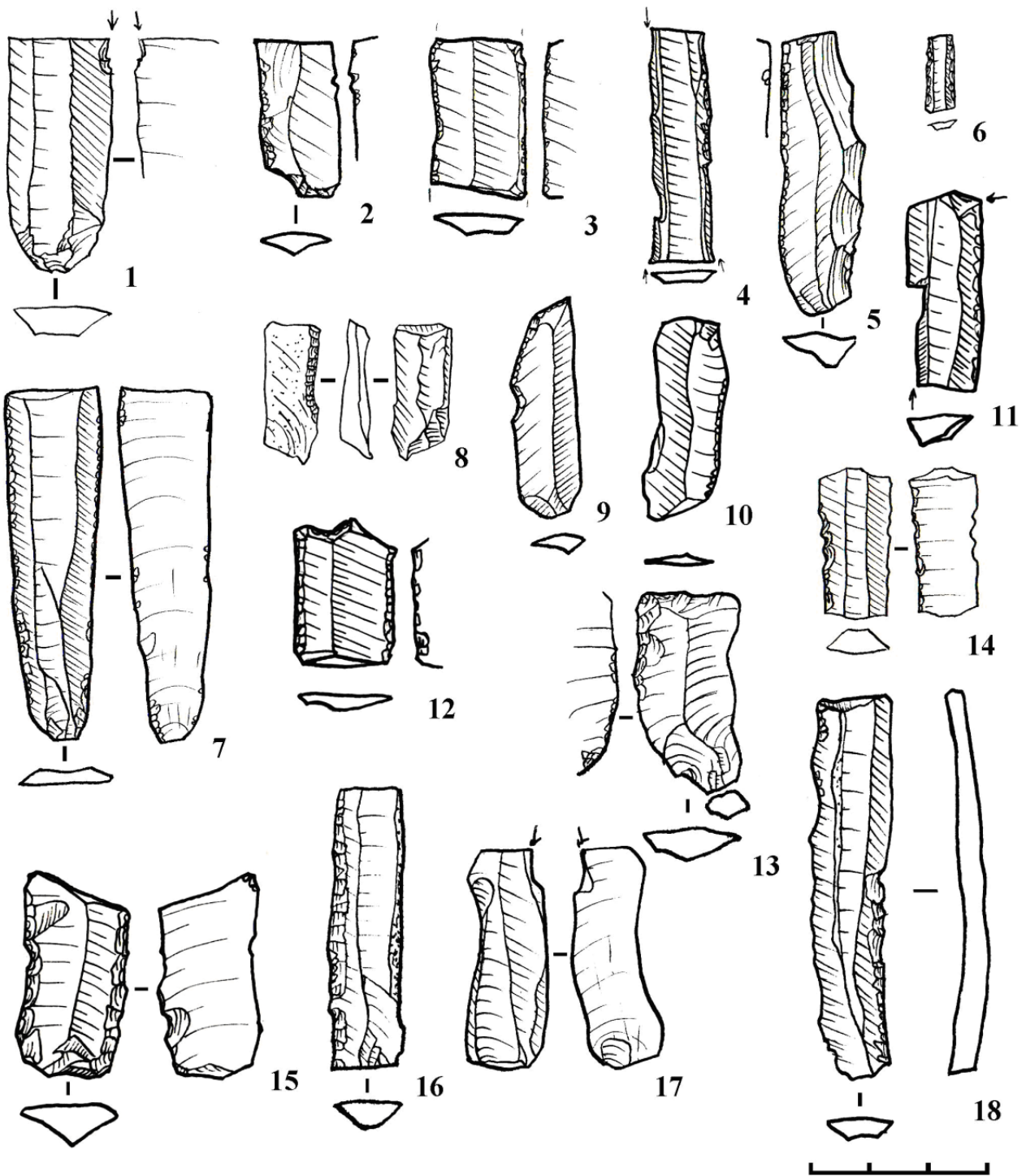

Рис. 11. Поселение Ново-Байрамгулово-1 — святилище Бакшай.
Кремневые изделия. Орудия на пластинах

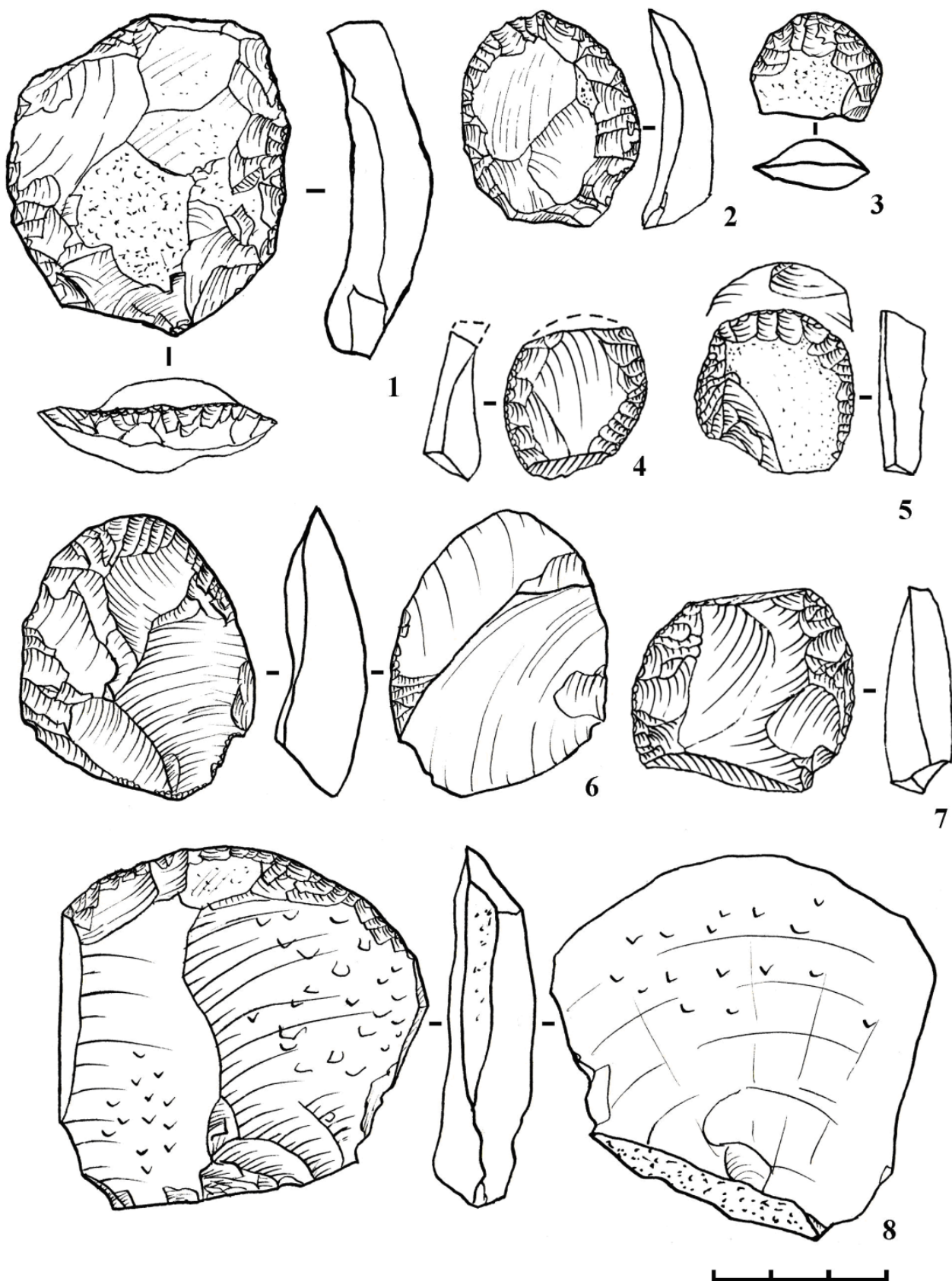

Рис. 12. Поселение Ново-Байрамгулово-1 — святилище Бакшай.
Кремневые изделия. Скрепки на отщепях

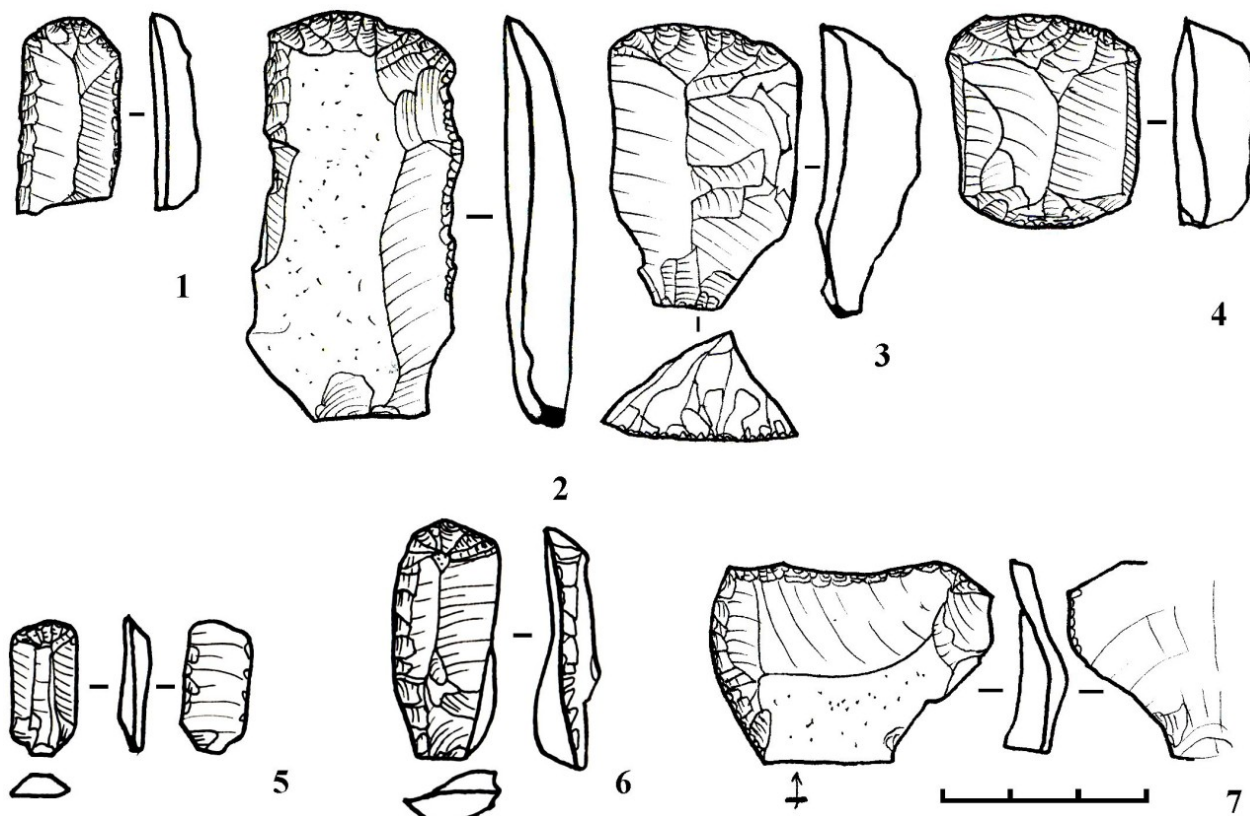

Рис. 13. Поселение Ново-Байрамгулово-1 — святилище Бакшай.
Кремневые изделия. Скребки на пластинах

Литература

1. Алаева, И. П. Колодцы бронзового века Урало-Казахстанского региона / И. П. Алаева // Вестн. о-ва открытых исслед. древности. Челябинск, 2002. Вып. 1. С. 5-16.
2. Гарустович, Г. Н. Таналыкское I поселение / Г. Н. Гарустович, В. Г. Котов // УАВ. Уфа : Гилем, 2007. Вып. 6-7. С. 32-49.
3. Григорьев, С. А. Стратиграфическая ситуация на поселении эпохи поздней бронзы Мочище I в Южном Зауралье / С. А. Григорьев, Е. В. Тидеман, Л. Ю. Петрова // Известия Челябинского научного центра. Вып. 2 (36). Челябинск, 2007. С. 86-90.
4. Зданович, Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей / Г. Б. Зданович. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.
5. Косинцев, П. А. Результаты определения костных остатков из поселения Ново-Байрамгулово (из раскопок 2004 г.) / П. А. Косинцев // Вестн. ВЭГУ. 2008. № 6 (38). С. 47-55.
6. Куфтерин, В. В. Палеоантропологический материал из раскопок Ново-Байрамгуловского поселения (святилища Бакшай) / В. В. Куфтерин // Вестн. ВЭГУ. 2012. № 2 (58). С. 187-191.
7. Плеханова, Л. Н. Морфологические исследования палеопочв поселения Ново-Байрамгуловское (Бакшай) на территории Башкирского Зауралья / Л. Н. Плеханова, Я. В. Рафикова // Материалы III Междунар. Нижневолж. археол. конф. «Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия», г. Астрахань, 18-21 окт., 2010 г. Астрахань : Астрахан. гос. ун-т, 2010. С. 104-107.
8. Потемкина, Т. М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии / Т. М. Потемкина // Мировоззрение древнего населения Евразии. М. : Старый сад, 2001. С. 166-256.
9. Рафикова, Я. В. Бакшай: святилище эпохи палеометалла в Южном Зауралье? / Я. В. Рафикова, В. К. Федоров // Труды II Всероссийского археологического съезда. Суздаль, 2008.

10. Рафикова, Я. В. Керамика Ново-Байрамгуловского поселения (святилища Бакшай) из раскопок 2004 г. / Я. В. Рафикова // Вестн. ВЭГУ. Сер. История. 2008. № 6 (38). С. 69–75.
11. Рафикова, Я. В. Общая характеристика керамики Ново-Байрамгуловского поселения (святилища Бакшай) по итогам раскопок 2009 года / Я. В. Рафикова // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология : Материалы XVIII Урал. археолог. совещания, г. Уфа, 11–16 окт. 2010 г. Уфа, 2010. С. 100–103.
12. Рафикова, Я. В. Раскопки Ново-Байрамгуловского поселения в башкирском Зауралье (святилище Бакшай) / Я. В. Рафикова // АО-2005. М., 2007. С. 389–390.
13. Рафикова, Я. В. Раскопки Ново-Байрамгуловского поселения в Башкирском Зауралье / Я. В. Рафикова // АО-2007. М., 2010.
14. Рафикова, Я. В. Энеолитическое святилище Бакшай в Южном Зауралье / Я. В. Рафикова, В. К. Федоров // Астрономическое и мировоззренческое содержание археологических памятников Южного Урала : тез. докл. полевого семинара, Аркаим, 19–25 июня 2006 г. Челябинск, 2006. С. 33–35.
15. Рафикова, Я. В. Энеолитическое святилище Бакшай в Южном Зауралье (предварительное сообщение) / Я. В. Рафикова, В. К. Федоров // Вестн. ВЭГУ. Спец. вып. Ч. 2. Уфа : Вост. ун-т, 2006. С. 173–177.
16. Рафикова, Я. В. Энеолитическое святилище Бакшай в Южном Зауралье (предварительное сообщение) / Я. В. Рафикова, В. К. Федоров // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии проблемы изучения и историография : чтения памяти К. В. Сальникова (1900–1966) : материалы междунар. конф., г. Уфа, 20–22 апр. 2007 г. Уфа, 2007. С. 174–175.
17. Сунгатов, Ф. А. Поселение эпохи поздней бронзы Олаир / Ф. А. Сунгатов, И. И. Бахшиев. Уфа : Уфим. полиграфкомбинат, 2008. 200 с.
18. Федоров, В. К. Исследования Ново-Байрамгуловского поселения (святилища Бакшай) в 2010 году / В. К. Федоров, Я. В. Рафикова // Вестн. ВЭГУ. Сер. История. 2010. № 6 (50). С. 157–159.
19. Федоров, В. К. Исследования Ново-Байрамгуловского поселения (святилища Бакшай) в 2011 году / В. К. Федоров, Я. В. Рафикова // Вестн. ВЭГУ. 2011. № 6 (56). С. 168–170.

С. А. Григорьев, В. А. Куприянов, С. Г. Котов

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕОГЛИФА НА ХРЕБТЕ ЗЮРАТКУЛЬ

Геоглиф находится в Саткинском районе Челябинской области, в 200 км к западу от Челябинска, в 15 км к юго-востоку от города Сатка, на территории национального парка «Зюраткуль», получившего свое название по высокогорному озеру и хребту.

Информация об объекте поступила от саткинского туриста Александра Шестакова, который обнаружил его весной 2011 года, изучая космические снимки программы Google. Осенью того же года было проведено первичное археологическое обследование объекта [2].

Объект расположен на террасе юго-восточного склона хребта «Зюраткуль» на высоте 860 м. С площадки изображения открывается панорама озера Зюраткуль, но и сама площадка прекрасно видна с вершины хребта.

На космическом снимке объект отчетливо виден, благодаря светлым изогнутым линиям шириной 2–4 м, четко различимым на фоне поверхности, которые формируют контурный рисунок животного (рис. 1; 2). Размеры рисунка по линии ЗЮЗ–ВСВ – 218 м, по линии ССЗ–ЮЮВ – 195 м, по линии СЗ–ЮВ – 275 м.

Рис. 1. Космический снимок геоглифа

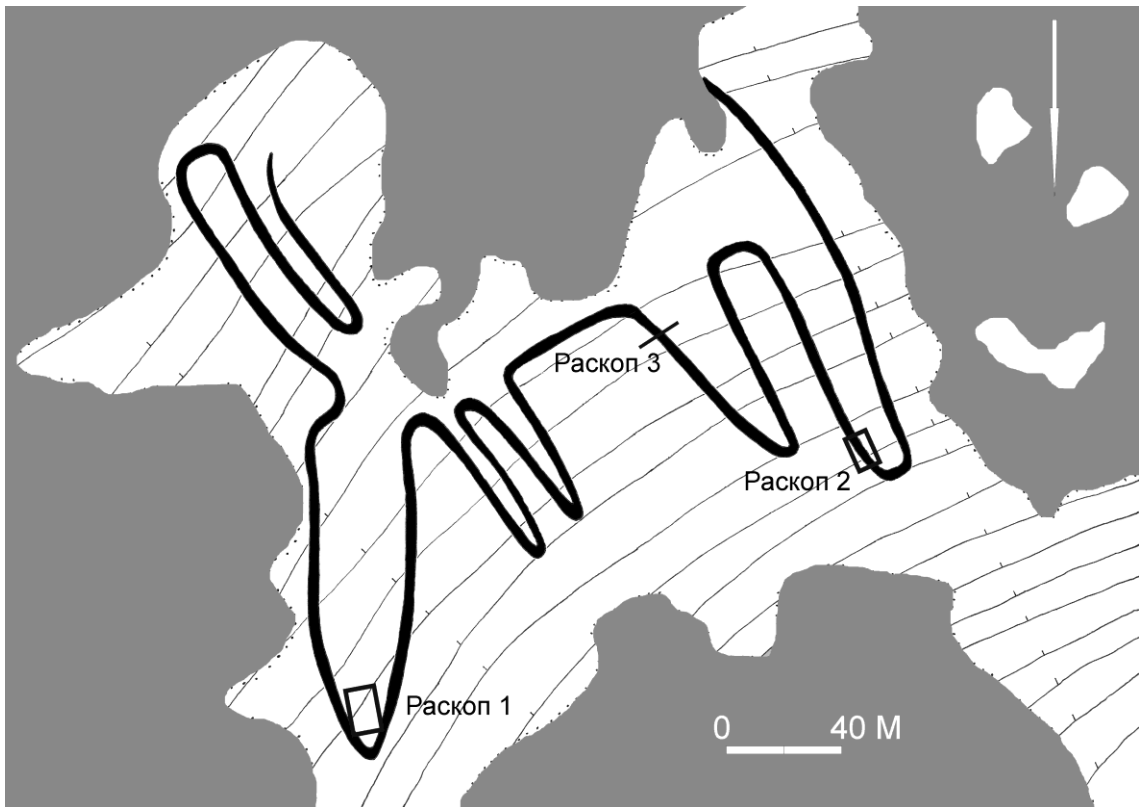

Рис. 2. Топографический план объекта со схемой раскопов

Рисунок ориентирован для восприятия с вершины хребта, так как ноги изображенного животного обращены к хребту. Вероятно, при создании и последующем использовании объекта наблюдатели находились именно там. Это явно животное, имеющее четыре ноги и два рога. Поэтому это может быть лось или олень. К сожалению, рога стилизованы, а линия спины (где у лося должен быть характерный горб) скрыта лесным участком. Единственную возможность для определения вида животного дают снимки, сделанные с самолета и парашюта, на которых было видно, что линии завершения морды соединяются под острым углом, причем, закругляется линия, изображающая наружный контур морды. Морда крупная, с сильно отвисающими губами. Не исключено, что это попытка в стилизованном виде показать характерные особенности лося. Между «глазницей» и линией рога изображена ложбинка, также характерная для этого животного.

После закладки двух первых разведочных траншей в 2011 году было установлено, что линии выполнены из камня. При этом по контуру положены крупные глыбы, а центр заполнен камнями меньших размеров. Для выравнивания поверхности, под некоторыми крупными камнями выбраны специальные углубления. В основном в кладке использован кварцит, но встречаются темные сланцы и зеленокаменная порода. Присутствие камней разных пород однозначно указывает на то, что это не скальный выход, как и то, что все камни лежат на глиняном основании. Поэтому первоначально было понятно, что объект искусственный, но казалось, что он достаточно прост. Однако в 2012 году были заложены дополнительные раскопы на линии ноги, окончании морды и ноги изображения, которые показали, что это не так, и разные части геоглифа отличаются.

Характер основных линий, вероятно, отражает траншея в верхней части задней ноги изображения (раскоп 3). Судя по всему, при сооружении в этом месте линии ноги, здесь были сняты дерн и гумус в ширину полосы геоглифа (5 м) и дополнительно за его пределами на 2,5–3 м в каждую сторону. После снятия гумусного слоя материковые камни в пределах намеченной линии геоглифа не убирались, а камни за ее пределами извлекались из материка, и складывались на полосу геоглифа. То есть, конструкция контура здесь была предельно простой и резко отличалась от конструкций на окончании ноги и морды.

В раскопе на окончании морды изображения (раскоп 1) выявлен сплошной массив мелкого колотого камня высотой 80–100 см и общим размером 9×0 м (рис. 3). На некоторых камнях видны следы обкалывания, не имевшего никакого функционального значения. Камни лежали в глиняном слое, причем, глина отличалась от материковой, в ней отсутствовала мелкая дресва. Она производила впечатление отмученной формовочной глины. Первоначально предполагалось, что глина является делювиальными отложениями, но сеть шурфов за пределами геоглифа и вышеописанный раскоп на основном контуре глины не выявили. Она присутствует лишь на окончании морды и ноги. В трех местах фиксировались небольшие траншееобразные понижения, которые шли параллельно внешним контурам. Это сочетание глины с дробленным камнем и присутствие узких вытянутых понижений позволяет предполагать, что завершение морды было сделано в виде четырех низких и широких стенок с тремя проходами.

Перед мордой фиксируются развалы колотых камней с глиной, уходившие за пределы раскопа. Поэтому мы допускаем, что здесь будет какая-то конструкция, но не исключено, что это место, где кололи камень и складировали глину для строительства.

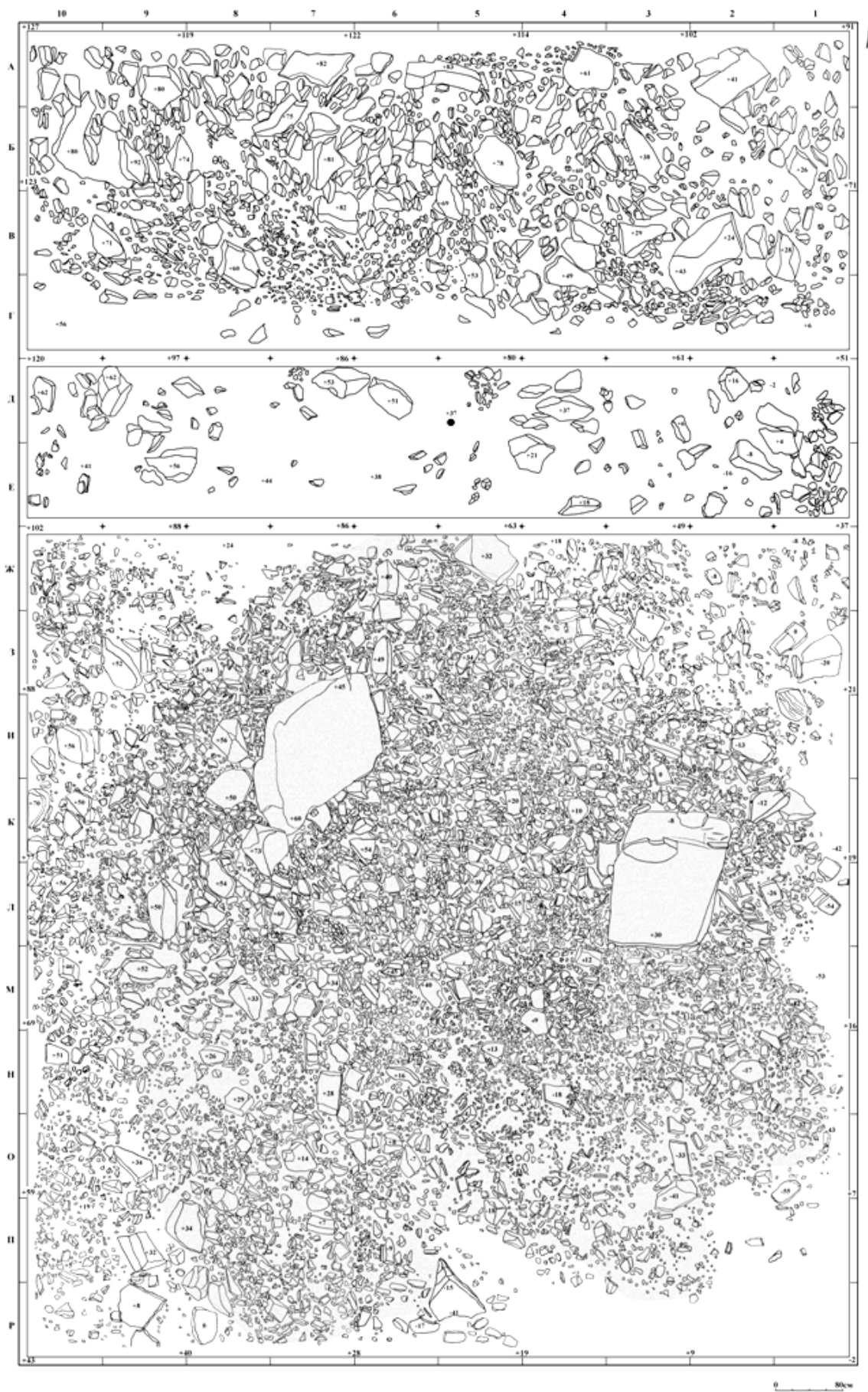

Рис. 3. План раскопа 1

Тот же результат получен и на завершении ноги (раскоп 2). Здесь кладка основного контура более основательна: по периметру выложены принесенные со стороны крупные камни размером до 1,5 м, а середина заполнена камнями средних размеров. Эта кладка сменяется кладкой небольшой перегородки, пересекающей контур ноги, за которой ситуация меняется (рис. 4). Нижняя часть ноги выполнена мелким дробленным камнем с глиной. Здесь тоже видны полосы, где камней нет или их мало, и присутствует лишь глина. Видимо, копыто животного тоже выполнялось в виде каких-то отдельных линий, сделанных из камня и глины. Поэтому в перспективе следует ожидать обнаружения каких-то индивидуальных особенностей и в других частях изображения.

Рис. 4. Фото раскопа 2. На переднем плане справа — массивная кладка линии ноги, в средней части снимка — перегородка из массивного камня, к которому слева примыкает перегородка из кладки мелкого камня. На заднем плане — структура из глины и мелкого камня

Камни для его строительства брались с поверхности площадки и из материкового слоя, где они встречаются, но добыть такое количество камня, таким образом, было нереально и слишком трудоемко. Более вероятный источник — кварцитовые курумники по склону и у подножия наиболее крутой части хребта. Ближайший такой курумник находится в 200 м выше по склону. На нем выявлены следы обкалывания камня в виде негативов крупных сколов на глыбах и обломках кварцита, а также крупные сколы кварцита среди камней.

Но некоторую часть камней добывали из материка вместе с глиной, на что указывает и характерный набор орудий (см. рис. 5). Единственной находкой из кремня был боковой скол оживления нуклеуса, лежавший в глиняном слое перед мордой. По поверхности кладки на морде и на ноге было обнаружено несколько десятков

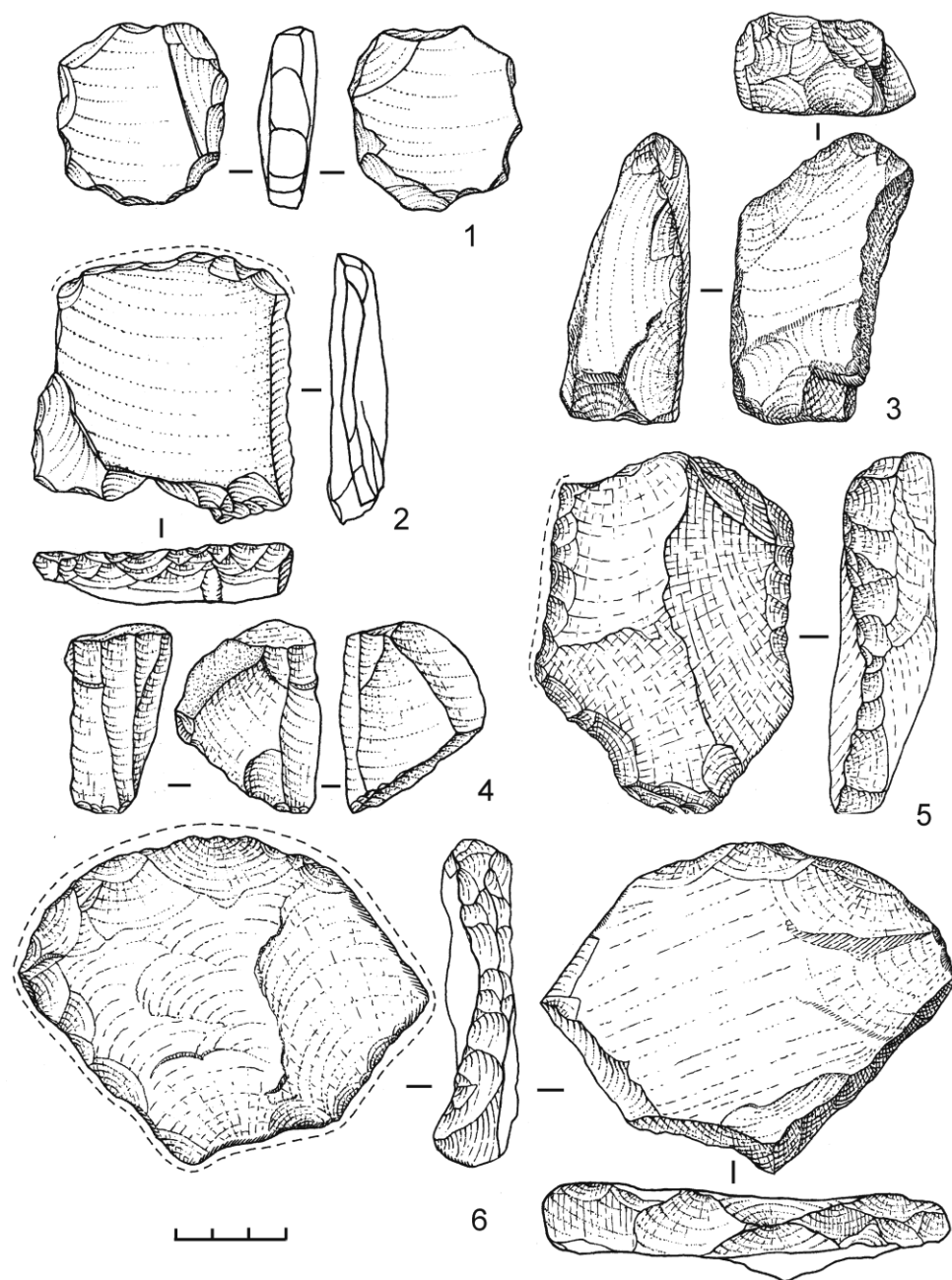

Рис. 5. Орудия, найденные на геоглифе: 1 — скребок двойной, округлый на отщепе кварцита; 2 — скребло поперечное на отщепе из серого сланца; 3 — зубило из обломка кварцита; 4 — нуклеус торцевой одноплоскостной на обломке из кварцита; 5 — скребло поперечное на массивном отщепе кварцита; 6 — плитка из серого кварцита, оббитая по периметру

изделий из кварцита, реже сланца или зеленого туфа. Девяносто процентов орудий это типологически выраженные скребла на отщепах: продольные, поперечные, округлые. Присутствует серия изделий с выделенным острием и закругленным ретушью основанием. Трасологические исследования показали, что все эти изделия, судя по следам использования (многочисленные выбоины и заломы на кромке лезвия и на примыкающих к нему участках, а также закругление края, яркая заполировка и многочисленные царапины и борозды, перпендикулярные лезвию) являются мотыгами. Стереотипной формой были и крупные орудия вытянутых очертаний

с обработанным ретушью острым концом, которые использовались для взрыхления земли, то есть в качестве кайла. Значительный разброс по размерам этих орудий для копания указывает на то, что они изготавливались под размер руки индивидуально, то есть одни для детей, другие для юношей и женщин, а третьи — для взрослых мужчин. Среди изделий встречаются и другие категории: нуклевидные формы, зубила, скребковые орудия. Обращает на себя внимание аморфность нуклеусов из кварцита и сланца. В слое были обнаружены многочисленные отщепы и чешуйки кварцита и сланца, но пластинчатых сколов найдено не было. Также среди орудий зафиксированы несколько отбойников.

Таким образом, данный комплекс находок указывает на то, что сооружение относится, вероятно, к каменному веку (неолиту или энеолиту). К сожалению, дать более точную хронологическую привязку пока невозможно. В одном месте в 2011 году был выявлен фрагмент погребенной почвы мощностью 6 см. Поскольку почвообразование здесь началось после плейстоцена, а сейчас слой достигает 40–50 см, то, казалось, это указывает на достаточно ранний возраст. Но около кладки почва могла быть подрезана или вытоптана. Тем не менее, очевидно, что памятник датируется до начала раннего железного века, так как рассчитан на открытые пространства, а таежные леса появляются в высокогорьях Южного Урала лишь в I тыс. до н.э. [1].

В отличие от породивших много мифов геоглифов Наска в данном случае мы имеем объект, строительство которого можно объяснить с вполне рациональных позиций, хотя объект, безусловно, имеет культовый характер. Маркировка контура в данном случае не являлась большой проблемой, поскольку площадка прекрасно просматривается с хребта Зюраткуль.

В перспективе, для определения всех характеристик объекта и его датировки необходимо его изучение по специальной программе, включающей раскопки, геодезические работы, дешифрирование аэрофотоснимков, естественнонаучные анализы. Кроме того, необходимо определить формы охраны и музеефикации данного памятника. Думается также, что это не единственный подобный объект на Урале, так как культурные явления отражают наличие традиции, которая не может быть отражена единственным экземпляром. Однако поиски аналогичных объектов в силу перекрытия мощным слоем отложений и залесенностью региона могут быть бесперспективны.

Литература

1. Бачура, О. П. Фауны млекопитающих в позднем плейстоцене и голоцене на Южном Урале / О. П. Бачура, П. А. Косинцев // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2010. № 12 (118). С. 42–48.
2. Grigoriev, S. A. Discovery of a geoglyph on the Zjuratkul Ridge in the southern Urals [Электронный ресурс] / S. A. Grigoriev, N. M. Menshenin // Antiquity, March. 2011. URL: <http://antiquity.ac.uk/projgall/grigoriev331/>

ЗООМОРФНЫЙ СКИПЕТР-ПЕСТ — СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

В новой экспозиции ЧГКМ выставлено неординарное каменное орудие (НВ 6438/5). Изделие 18,3×6,7×5,8 см имеет вид стержня, расширяющегося к одному концу. В сечении предмет почти округлый, но одна сторона слегка уплощена. Ближе к узкому концу орудия на стороне, противоположной уплощенной, плавно выступает поперечный валик высотой около 0,7 см, шириной до 2 см. Валик слегка завален набок (при взгляде со стороны узкого торца - опускается на правую сторону). Торцевые площадки жезла скруглены. Узкий конец на торце слегка расширяется и имеет вид уплощенной полусферы. На расстоянии около 1,5 см от широкого конца жезла на боковых сторонах выдолблено по ямке: с одной стороны диаметром около 2 см и глубиной 0,2 см, с другой размером 3,5×1,5×0,3 см. На одной из плоскостей слабо видны две выцветшие буквы «К. В.», написанные тушью.

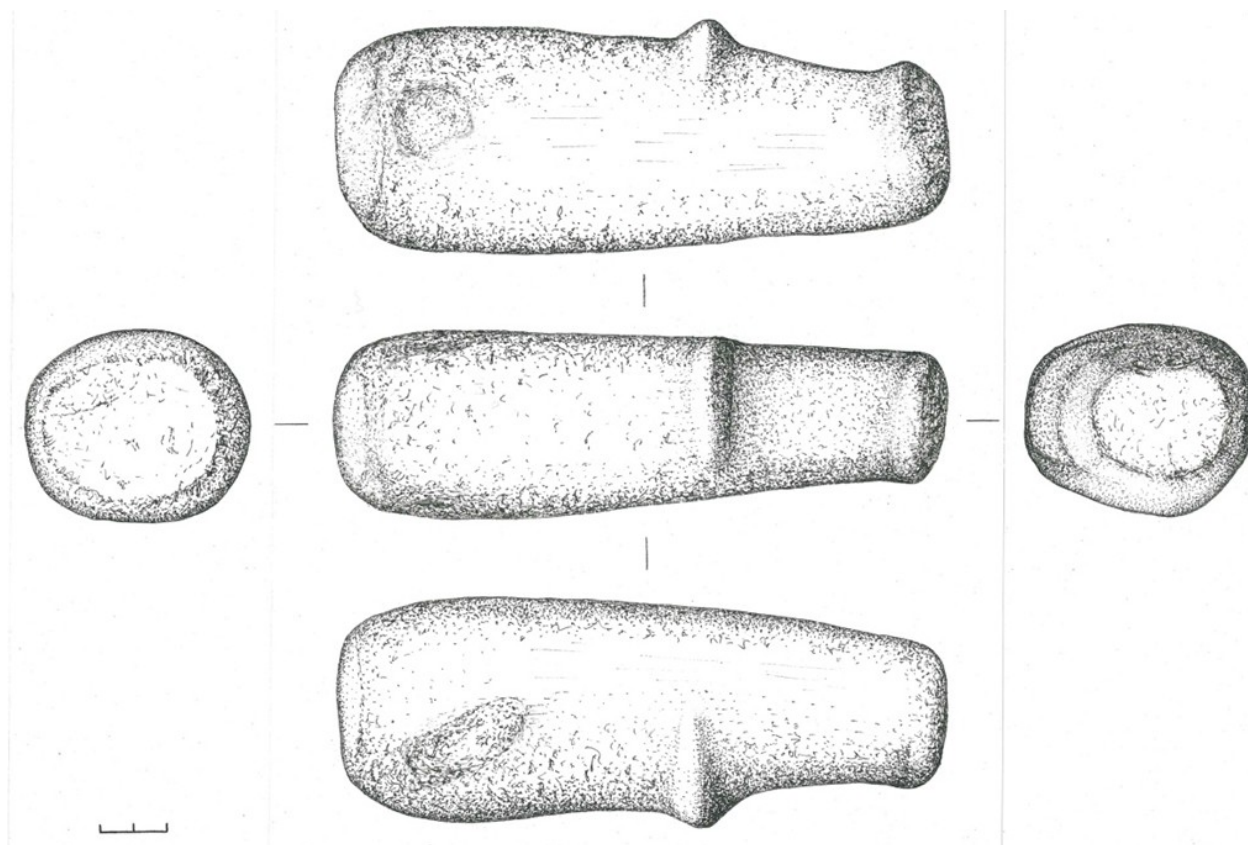

Рис. 1. Зооморфный скипетр-пест — случайная находка на Южном Урале (Челябинский государственный краеведческий музей). Прорисовка

Рис. 2. Зооморфный скипетр-пест — случайная находка на Южном Урале (Челябинский государственный краеведческий музей). Фото

В инвентарную книгу музея предмет был записан в 2007 году как жезл. История его поступления такова. В 80-х годах прошлого столетия археологическая лаборатория Чел.ГУ заключила договор с Челябинским областным краеведческим музеем на приведение в порядок археологических коллекций. Во время выполнения договорных работ было обнаружено довольно много предметов без маркировки. Установить их принадлежность и место обнаружения можно было только по, иногда сохранившимся, этикеткам на ящиках и коробках. Один из таких предметов (представляемый археологами как пест) был в 1995 году выставлен в созданном музее в научном городке музея-заповедника «Аркаим». В 1995 году во время проведения в музее-заповеднике научного семинара археолог И. Б. Васильев обратил внимание на выставленный в экспозиции предмет и определил, что это зооморфный жезл, находки которых имеют место на больших территориях в погребениях средней бронзы.

По местонахождению предмета при проведении сверки, надписям тушью на предмете можно предположить, что он поступил в музей в те годы, когда в нем работал К. В. Сальников. С 1936 года К. В. Сальников сотрудничал с Челябинским областным краеведческим музеем, возглавляя экспедиции в Миасский и Юргамышский районы Челябинской области. С 22 ноября 1937 года по 28 сентября 1940 года он был оформлен сотрудником музея (археологом) и руководил его Юргамышской (1938, 1939), Щучанской (1938), Исетской (1940) экспедициями. В 1940 году выехал в город Чкалов (ныне Оренбург), но еще многие годы продолжал сотрудничать с Челябинским областным музеем, возглавлял его археологические экспедиции, помогал в создании тематико-экспозиционного раздела «Первобытнообщинный строй» в экспозиции музея.

Сегодня работа с археологическим наследием К. В. Сальникова только в самом начале: исследуются эпонимные памятники эпохи бронзы (Алакульский могильник) ведется работа по подготовке к публикации архива. В 2009 году в сборнике «Проблемы археологического изучения Южного Урала», который издается в Челябинском государственном педагогическом университете, были опубликованы уникальные материалы — статья К. В. Сальникова «История археологических исследований на Южном Урале». Статья вышла в авторской редакции и увидела свет, спустя 56 лет после ее написания. Вне сомнений представленный в статье материал поможет найти ответ на многие вопросы об уникальных предметах из фондов Челябинского государственного краеведческого музея.

С большой долей вероятности можно предположить, что пест является случайной находкой, которая была сделана на территории Южного Урала во время археологических исследований, проводимых К. В. Сальниковым. Обнаружение такого предмета при раскопках могильников или поселений не могло остаться незамеченным К. В. Сальниковым и не быть представленным в его публикациях.

Авторы выражают благодарность исследователям, оказавшим содействие в изучении предмета: Валерию Васильевичу Григорьеву — заведующему отделом месторождений полезных ископаемых Уральского геологического музея, минералогическое определение; Роману Борисовичу Волкову — ведущему археологу отдела археологических исследований НПЦ по охране памятников истории и культуры Свердловской области и И. В. Молчанову (Южно-Уральский государственный университет) за трасологический анализ.

Трасологический анализ, выполненный И. Молчановым, выявил «на рабочем (широком) конце выкрошенность и остатки серо-зеленой породы (руда?). На вытянутой поверхности, где много современных повреждений, визуальны зафиксированы продольные и иногда диагональные, глубокие, разноразмерные царапины абразивного характера. На выступающих участках рельефа поверхности металлический блеск. Под микроскопом, на описываемой поверхности обнаружен выпуклый участок, на котором видны остатки породы ярко-красного цвета (охра?). В заполнении царапинок выявлены остатки породы светло-коричневого цвета. На противоположной поверхности визуальны зафиксирован металлический блеск на выступающих участках, но он менее интенсивен по сравнению с ранее описанной вытянутой поверхностью. Под микроскопом, на этой поверхности видны короткие, разнонаправленные, разной ширины царапинки. На выступающих участках рельефа боковой стороны, без выступа-перехвата, виден слабый металлический блеск. Под микроскопом, на уровне выступа-перехвата, отмечено небольшое углубление, в котором видны остатки ярко-красной породы. Возможно, данное орудие служило для дробления (торцевая сторона) и растирания (вытянутые поверхности) руды или пород «использовавшихся в ритуальных целях».

Трасологический анализ Р. Б. Волкова — ведущего археолога отдела археологических исследований НПЦ по охране памятников истории и культуры Свердловской области — позволил внести уточнения. «На поверхности фиксируются выбоины и царапины, связанные с условиями хранения и транспортировки. Орудие изготовлено пикетажем с использованием твердого остроконечного отбойника. На боковых плоскостях фиксируется зашлифовка с длинными, достаточно глубокими бороздками. Возможно, это попытка пришлифовать эти плоскости или использование предмета в качестве терочника (разминателя). Основная рабочая плоскость скошена (в результате использования) на один угол. На обоих торцах фиксируются

выщерблены и выбоинки, полученные в результате работы. Функция — измельчение твердого, вероятно, неорганического материала. На некоторых участках фиксируются слабые, бледные пятна охристого цвета (прокрашенность возникла в результате условий захоронения). На боковых плоскостях, возле основной рабочей плоскости, видны две симметричные выемки, не имеющие функционального значения и служащие для оформления предмета».

По минералогическому определению В. В. Григорьева, материалом послужила «мелкозернистая горная порода интрузивного происхождения. Плотная массивная текстура. Порода состоит из светлых и темных минералов. Последний, составляет около 30 % породы, и представлен, скорее всего, минералом из группы амфиболов, относящейся к обыкновенной роговой обманке; минерал черного цвета образует удлинение зерна с хорошим идиоморфизмом. Светлые минералы представлены кварцем и плагиоклазом; в небольшом количестве присутствует калиевый полевой шпат (ортоклаз) — он, скорее всего, альбитизирован. На выветренной поверхности экспоната при 20-кратном увеличении можно увидеть желтоватые зерна в ассоциации с беловатым альбитом. Кварц — скопления мелких зерен с раковистым изломом серой и светло-серой окраски. Кварц составляет около 5–10 % породы. На основании выше изложенного, породу можно отнести к кварцевому диориту — гранодиориту. Часть предмета залегала во влажном грунте и подвергалась химическому выветриванию в большей степени, чем часть над поверхностью грунта. Видны следы механического воздействия на породу: старые выветрелые и свежие — в виде борозд. На выветрелой поверхности видны тонкие и очень тонкие корочки гидроксидов железа — результат химического выветривания темноцветного железосодержащего минерала».

Как было справедливо отмечено И. Б. Васильевым, по общим очертаниям изделие напоминает энеолитические зооморфные скипетры Восточной Европы (IV–III тыс. до н. э.). Проблема их появления, распространения и интерпретации активно обсуждается в литературе без малого 50 лет. Исследователи выделяют два (реже три) района концентрации этих изделий: западный Карпато-Дунайский, восточный Поволжско-Уральский (и, иногда, Предкавказский). Разработано несколько систем классификации скипетров [3; 4; 8]: по регионам, форме, способу крепления рукояти (обвязкой или через втулку), характеру изображения (натуралистические, стилизованные и абстрактные). Археологи связывают скипетры с проблемой поиска индоевропейской прародины в южнорусских степях и ведут споры о синхронности, либо первичности западного или восточного центра. Один из первых исследователей скипетров В. Н. Даниленко [2] — предложил интерпретировать их как стилизованные изображения головы взнузданной лошади и атрибуты вождя-всадника. Ряд ученых возразил против этой точки зрения. С. В. Богданов указал на отсутствие доказательств существования всадничества в эпоху энеолита, и связал скипетры с изображением переднеазиатского лунного бога, имеющего вид рогатого дракона-змея [1]. А. Д. Резепкин подчеркнул, что персонаж скипетров крутолобый и курносый — эти особенности нехарактерны для лошади [7]. С. Н. Корневский привел доказательства того, что на скипетрах изображен фантастический зверь с чертами кабана и водного дракона-ящера [4]. Не вызывает споров одно: скипетры считают первым фециальным (субкультурным) оружием, появившимся в связи с масштабной перестройкой культур на рубеже раннего и позднего энеолита [1, с. 17] и отражавшим сформировавшийся канон символа веры земледельцев и пастушеских скотоводов [4, с. 138].

С энеолитическими скипетрами Восточной Европы предмет из Челябинского музея объединяют общие очертания и зооморфный облик. Однако если вслед за С. Н. Кореневским говорить о каноне скипетров, то челябинское изделие не вполне вписывается в него. По канону известные скипетры являются: а) символами власти, а иногда настоящим оружием [2, гл. 3]; б) имеют плоскую форму; в) крепятся к рукояти. Предмет из Челябинского музея в сечении округлый, а не плоский; использовался как пест (известно, правда, что и обломки наверший архаринского типа вторично использовались в качестве пестов) [1, с. 11]. Одна сторона челябинской находки уплощена как на скипетре из окрестностей Новоорска [1, с. 14–15, рис. 1, 2; 5, с. 85, рис. 76, 2], но следы привязывания к рукояти отсутствуют. Если воспринимать челябинское изделие как пест, то поперечный валик отмечает перехват рукояти. Вместе с тем поперечный валик является одной из черт, придающих предмету зооморфный облик и сходство со скипетрами. Цапфу — характерный элемент скипетров — некоторые исследователи интерпретируют как обозначение узды [1] или — на изделиях без отверстий — имитацию выступающего конца поперечно насаживаемой рукояти [7]. На челябинском изделии поперечный валик (вызывающий ассоциации с цапфой), а также уплощение «нижней» стороны изделия, и оформление узкого торца в виде полусферы, возможно, являются чисто знаковыми элементами. Они придают предмету зооморфный облик, и одновременно связывают его с различными изобразительными (культурными) традициями. Оформление «носовой» части в виде уплощенной полусферы является устойчивой иконографической деталью для скульптур эпохи энеолита и бронзы лесостепной полосы Евразии [10, рис. 9, 10]. Такая форма встречается и на скипетрах [9], но в целом не характерна для них. Это полусферическое (или грибовидное) завершение является, скорее, отличительной чертой пестов, распространенных в лесостепной зоне Евразии в эпоху бронзы (1800–1200 гг. до н. э.) [11; 12]. Подобные песты называют также миниатюрными колонками и скипетрами.

Вопрос терминологии является отдельной темой, но в данном случае его не обойти. В широком смысле скипетр — символ власти. Жезл — более узкое понятие — символ власти в виде стержня. Пест — короткий стержень для толчения. К изделию из Челябинского музея может быть применено любое из этих наименований. В вынесенном в название статьи определении «скипетр-пест» объединяется типология (внешние признаки) и функция (практическое использование).

Зооморфный скипетр-пест из фондов Челябинского государственного музея дополняет информацию об энеолитических скипетрах Восточной Европы. Находки таких предметов на столь обширных территориях подтверждают существование единого информационного пространства на территории всей лесостепной и степной зоны Евразии еще в древности. Об использовании и применении зооморфных пестов-жезлов можно говорить, используя современные находки подобных изделий [статья Е. В. Куприяновой, А. С. Якимова и др., Особенности стратиграфии поселения Стрелецкое 1 (предварительные результаты исследования), рис. 7, в данном сборнике].

Литература

1. Богданов, С. В. Материалы типа касимча-суворово из окрестностей Новоорска в системе энеолитических древностей Восточной Европы / С. В. Богданов // Культурное наследие степей Северной Евразии : сб. ст. Вып. 1. Оренбург : Оренбург. губерния, 2000. С. 8–28.
2. Даниленко, В. Н. Энеолит Украины / В. Н. Даниленко. Киев, 1974.
3. Дергачев, В. А. О типологии зооморфных скипетров энеолита Восточной Европы / В. А. Дергачев // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Кн. 2. СПб., 2003. С. 37–40.
4. Корневский, С. Н. Символика атрибутов духовной власти эпохи энеолита Восточной Европы и Предкавказья — каменных зооморфных скипетров / С. Н. Корневский // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов, 2008. С. 135–156.
5. Моргунова, Н. Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья / Н. Л. Моргунова. Оренбург, 1995.
6. Николаева, Н. А. Юго-Восточная Европа и Кавказ: культурно-исторические связи в середине III тыс. до н. э. (проблема датировки «конеголовых» скипетров) / Н. А. Николаева // Вестн. МГОУ. Сер. История и полит. науки. 2011. № 1. С. 99–109.
7. Резепкин, А. Д. К вопросу об эволюции энеолитических скипетров / А. Д. Резепкин // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.). Тирасполь, 2002. С. 66–70.
8. Цуцкин, Е. В. Архаринский «скипетр» как свидетельство разложения первобытнообщинного строя на территории нижнего Поволжья / Е. В. Цуцкин // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981. С. 25–28.
9. Цуцкин, Е. В. Каменное зооморфное навершие, найденное у с. Аксай Волгоградской области / Е. В. Цуцкин // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981. С. 67–69.
10. Ченченкова, О. П. Антропоморфные каменные скульптуры из Северного Казахстана / О. П. Ченченкова // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 5. Екатеринбург, 2007. С. 129–151.
11. Ченченкова, О. П. Песты из коллекции Свердловского областного краеведческого музея (в сравнении с каменной скульптурой западносибирской лесостепи) / О. П. Ченченкова // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004. С. 156–173.
12. Boroffka, N. Zu den steinernen «Zeptern/Stossel-Zeptern», «Miniatursaulen» und «Phalli» der Bronzezeit Eurasiens / N. Boroffka, E. Sava // Archäologische mitteilungen aus Iran und Turan. 1998. Band 30.

И. В. Шевнина, А. В. Логвин

О РЕКОНСТРУКЦИИ КРЕПЛЕНИЯ БРОНЗОВЫХ И КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ К РУКОЯТЯМ И ДРЕВКАМ (по материалам синташтинского кургана Халвай 3)

Курган Халвай 3 находится на левом берегу тобольского рукава Каратамарского водохранилища, в семи км к северо-востоку от поселка Халвай Тарановского района Костанайской области (Северный Казахстан). Раскопки проводились Тургайской археологической экспедицией в 2009–2010 годах. Диаметр кургана 32 м со рвом, высота 1 м. Ров глубиной до 0,7 м, шириной, до 3 м. Почти половина кургана оказалась размыта Каратамарским водохранилищем. Всего на кургане Халвай 3

было зафиксировано 11 ям. Ямы № 1, 3, 6, 8, 9 расположены под насыпью и относятся к периоду развитой бронзы, остальные погребения (№ 2, 3А, 4, 5, 7, 8А) являются впускными и были совершены в разные археологические периоды (РЖВ, раннее средневековье).

Материалы кургана Халвай 3 относятся к разным археологическим эпохам, но при этом необходимо прояснить, что курган был сооружен в синташтинское время. По данным дендрохронологического анализа (анализ выполнен И. Панюшкиной, университет Аризоны) установлено, что ямы № 1, 3, 9 перекрестно датируются по годичным кольцам между собой, то есть ямы были сооружены в одно время. Хронология по ширине годичных колец деревьев составляет 24–40 лет. Исходя из этого, с большой долей вероятности можно предположить, что и ямы № 6 и 8 одновременны с ямами № 1, 3, 9. По дереву из перекрытия, для ямы № 1 в лаборатории Аризоны была получена радиоуглеродная дата, конвенционное значение которой 3577 ± 39 , результаты ее калибровки: 2009–2001, 1976–1885 cal BC (1 sigma); 2032–1870, 1846–1811, 1804–1776 cal BC (2 sigma). Полученная дата уверенно относит основные погребения кургана к XXI–XVIII векам до н. э.

Кроме пополнения базы данных новыми археологическими материалами урало-казахстанских степей курган Халвай 3 дает возможность с помощью прекрасно сохранившихся органических материалов (дерево, трава, кожа, мех), как правило, трудно фиксируемых в археологической науке, получить дополнительную информацию по вопросам реконструкций связанных с креплением каменных и бронзовых орудий к различным материалам.

Органические материалы на изделиях из бронзы были зафиксированы на ножках (ямы № 3, 9), теслах (ямы № 1, 3), наконечниках копий и дротика (ямы № 1, 9), наконечниках стрел (яма № 9), долоте (яма № 6); шильев (ямы № 3, 6).

При работе с органическими материалами отмечена органика: а) сохранившаяся на рукоятях и древках изделий, имеющая отношение, как к способам креплений рукоятей и древков, так непосредственно и к самим рукоятям; б) сохранившаяся на рабочих лезвиях и клинках бронзовых изделий, соотносимая с ножами либо чехлами. При анализе, были проведены возможные реконструкции.

Наконечники копий и дротика. Наконечник дротика с остатками древка из ямы № 1 имеет кованную разомкнутую втулку, диаметром 20 мм (рис. 1, 1).

Втулка имеет два округлых отверстия диаметром 2,3 мм. Необходимо отметить, что края втулки в виде зубцов загнуты вверх, что и образует орнамент в виде треугольников. Длина изделия 159 мм. Треугольное перо длиной 70 мм имеет ромбическое сечение ребра жесткости. Ширина пера у острия 4 мм, у основания 29 мм. Наконечник имеет обломанное заостренное древко длиной 80 мм (рис. 1, 2–5).

Два литых втульчатых наконечника копья из ямы № 9. Один бронзовый, литой втульчатый наконечник копья с длинным листовидным пером и округлоромбическим сечением стержня пера. Диаметр втулки 33 мм, диаметр втулки у основания 15 мм. Длина пера 111 мм, длина втулки 92 мм. Во втулке сохранились остатки обломанного древка длиной 75 мм. Древко заострено. Также на втулке сохранился двойной кожаный шнур крепления (см. рис. 2, 1).

Второй бронзовый, литой втульчатый наконечник копья имеет утолщение – валик по краю втулки. Длинное листовидное перо и ромбическое сечение стержня. Длина пера 135 мм, длина втулки – 92 мм. Диаметр втулки 34 мм, у основания – 16 мм. Втулка имеет боковое «ушко». Во втулке сохранилось обломанное древко,

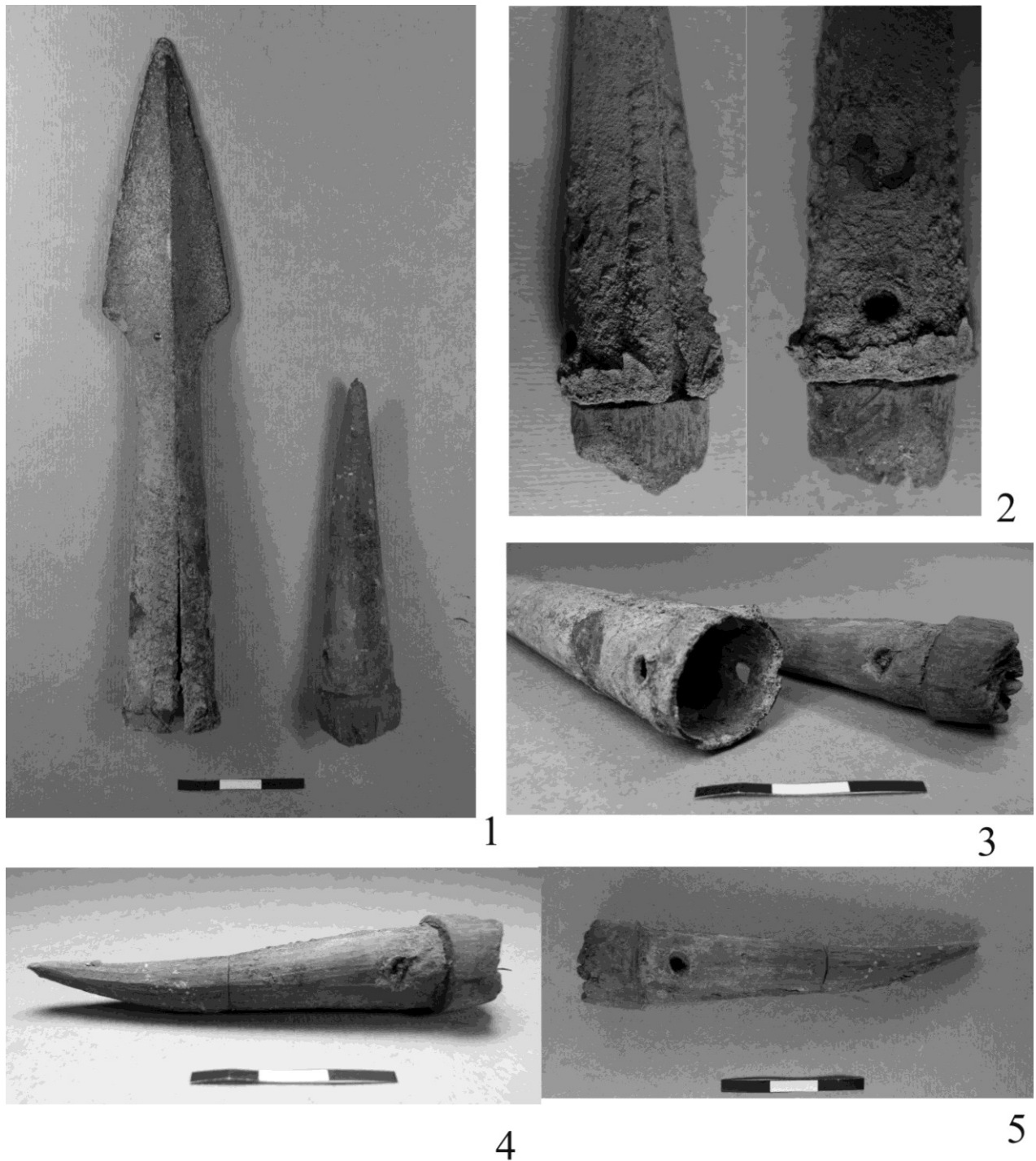

Рис. 1. Курган Халвай 3. Погребальный инвентарь. Бронзовый наконечник дротика из ямы № 1.
1 — бронзовый наконечник дротика и его насад; 2, 3 — втулка и насад; 4, 5 — насад

длиной 101 мм. Древяко заострено. Кроме этого, при расчистке наконечника копья на большей части его втулке фиксировался кожаный шнур, часть шнура пропущено через «ушко» (рис. 2, 4,5).

Реконструкция крепления. Наконечник дрота из ямы № 1. Наконечник имеет древяко, у которого сквозное отверстие соответствует отверстиям на втулке дрота. Через дырочки насквозь был протянут шнур, для стягивания втулки и для более надежного крепления дрота к древяку. На литых втулках наконечников из ямы № 9 имеются кожаные шнуры, которыми, дополнительно укреплялась втулка к древяку

(рис. 2, 1, 4, 5). На наконечнике с «ушком» кожаный ремешок пропущен через ушко. Насад у всех трех наконечников имеет выраженный упор и черешок, который вставляется во втулку (рис. 1, 4, 5; 2, 2, 3, 4). Такой насад повышал прочность втулки, защищая изделие от деформации при использовании, и обеспечивал надежную стыковку древка с наконечником [2, с. 62–63]. Все три древка имеют следы от инструмента плотника, которые идентифицированы, как следы строгания, скорее всего ножом (рис. 2, 3). Кроме этого, необходимо отметить, что у всех трех наконечников древки обломаны еще в древности, что, вне всякого сомнения, имеет прямое отношение к погребальному ритуалу.

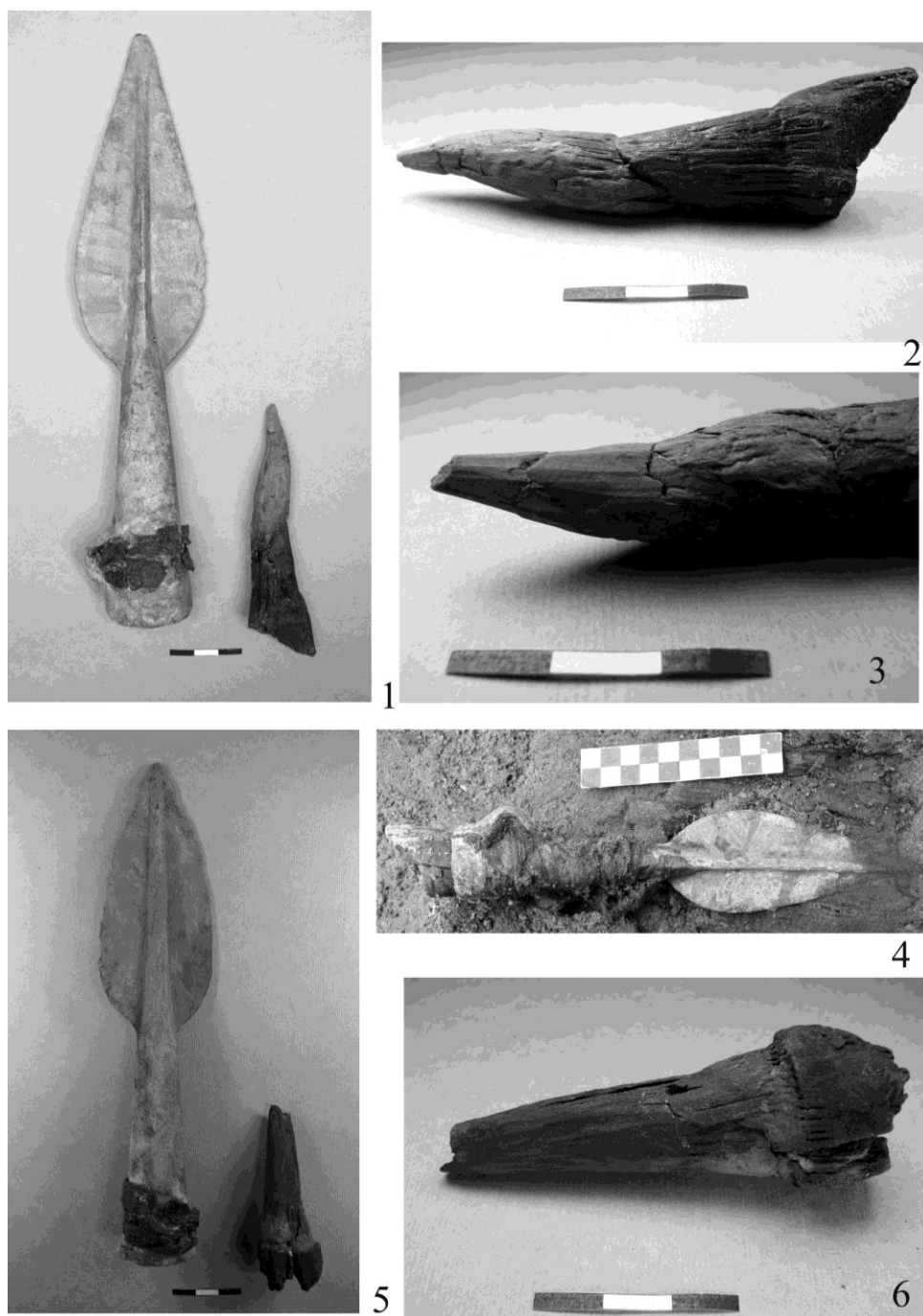

Рис. 2. Курган Халвай 3. Погребальный инвентарь.
 Бронзовые наконечники копий из ямы № 9: 1, 5 — наконечники копий и их насады; 4 — наконечник копья.
 Полевая фотография; 2, 3, 4 — насады; 3 — следы строгания на насаде наконечника

Наконечники стрел. Бронзовые наконечники стрел из ямы № 9 (2 экз.) черешковые, листовидные (рис. 4, 1, 3–6). Один имеет длину черешка 10 мм, длину пера — 50 мм. Ширина пера 20 мм. Сечение стержня пера округлое. Поперечное сечение черешка овальное. Перо в виде насечек. Само перо листовидное. Ребро жесткости орнаментировано «елочкой».

Второй листовидный черешковый наконечник с обломанным черешком имеет перо шириной 15 мм, длиной 55 мм. Сечение стержня пера с одной стороны отсутствует (видимо, брак при литье), с другой стороны, по всей видимости, было округлым.

Черешковый каменный наконечник длиной 39 мм, шириной 19 мм. Ширина черешка 10 мм, длина 8 мм. Изготовлен из халцедона.

Реконструкция крепления. У описанных выше черешковых наконечников сохранились древки стрел диаметром 7–8 мм. В торцевой части древка имеется прорезь, куда вставлен черешок наконечника (рис. 3, 2; рис. 4, 3).

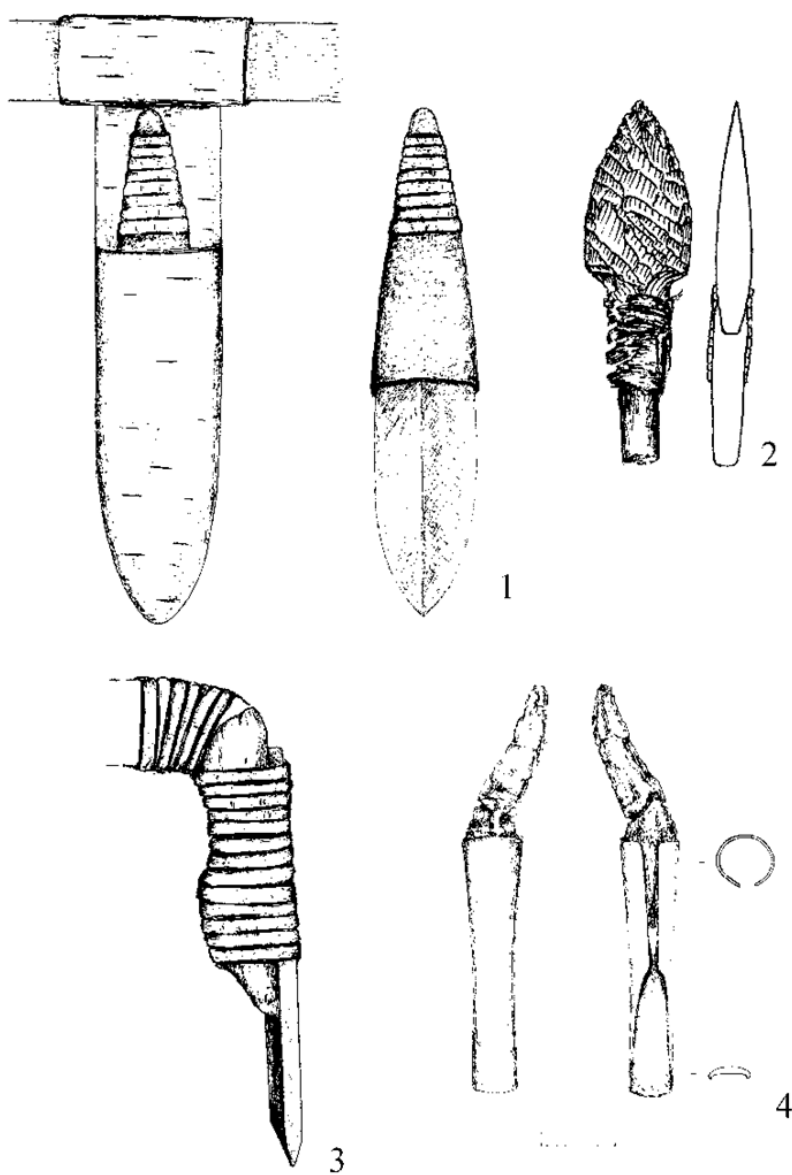

Рис. 3. Курган Халвай 3. Погребальный инвентарь. 1 — вариант реконструкции ножен для ножа из ямы № 3; 2 — реконструкция крепления наконечника стрелы из ямы № 9 к древку; 3 — реконструкция крепления рукояти к теслу (ямы № 1, 3); 4 — долото из ямы № 6

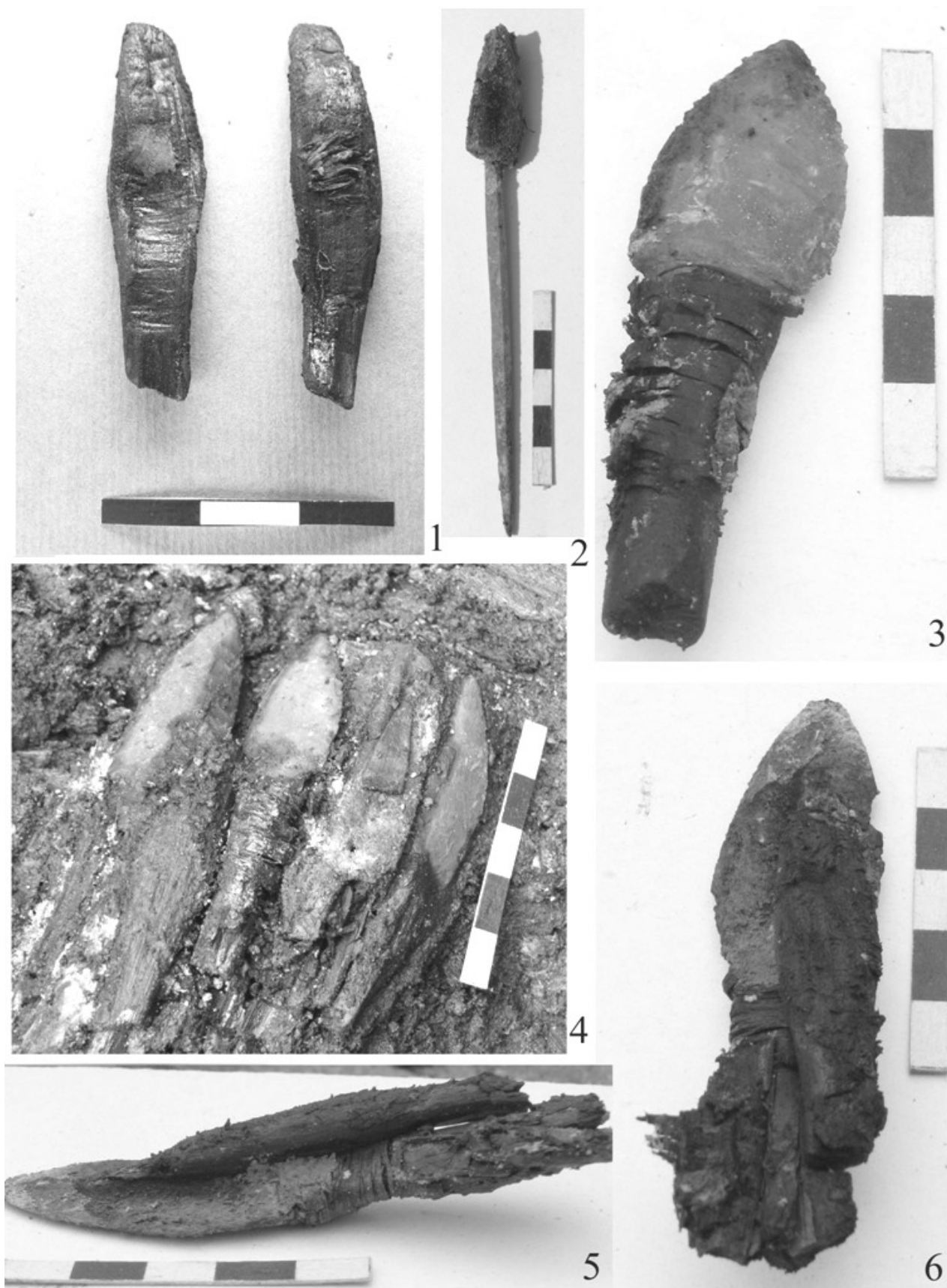

Рис. 4. Курган Халвай 3. Погребальный инвентарь. 1 — наконечники стрел деревянные (яма № 9);
2 — бронзовая проколка (яма № 6); 3–6 — наконечники из камня, бронзы и дерева (яма № 9)

Место крепления обмотано волокном растительного происхождения (луба, крапивы, конопли, Иван-чая и т. д. — определения Л. Л. Гайдученко). К сожалению моментов крепежа наконечников, с прямым основанием не удалось зафиксировать.

Также в коллекции имеется четыре деревянных черешковых наконечника плохой сохранности. Три черешковых наконечников и один наконечник треугольной формы с прямым основанием (рис. 4, 1, 4).

Топор. Бронзовый топор из ямы № 9 массивновислообушный с Г-образным абрисом в плане, овальной втулкой и с бойком на обухе. Имеет сильно скошенную верхняя грань обуха и четкий перегиб в профиле, отделяющий обушную часть от клинка. С остатками деревянной рукояти во втулке. Отверстие для рукояти овальное. Боек прямоугольный. При расчистке топора на нем и части деревянной рукояти фиксировался мех и кожа волка или собаки (определения Л. Л. Гайдученко), пропитанные окислами (рис. 5, 1, 2, 4). При расчистке топора выяснилось, что топор имел деревянную рукоять во втулке. У основания втулки, на рукояти имеется кожаный шнурок с узелком. На втулке топора также был зафиксировано кожаный ремешок (рис. 5, 3).

Реконструкция крепления рукояти и чехол. Топор имел чехол из кожи с мехом, который, скорее всего, крепился к поясу. Вероятно, кожаный ремешок, обнаруженный на втулке топора, имеет отношение к креплению чехла к поясу или же к его застегиванию (рис. 5, 2, 4). Подобное ношение топора известно и по сей день, например, активно используется туристами. Чехол при ношении на поясе топора необходим для защиты от порезов. Второй кожаный шнур с узелком на рукояти, по нашему мнению, имеет отношение к дополнительному укреплению топора к рукояти.

Ножи-кинжалы. Бронзовый нож-кинжал из ямы № 3 обоюдоострый. Лезвие листовидной формы. Продольное ребро на лезвии выражено слабо. Насад от лезвия отделяется выемками. Пятка черенка ромбическая. Длина ножа-кинжала 157 мм. Длина лезвия 123 мм, максимальная ширина лезвия 34 мм. Длина насада 46 мм. Поперечное сечение линзовидное. Нож-кинжал имеет перекрестие, перехват, ребро жесткости. На клинке сохранился мех волка или собаки (определения Л. Л. Гайдученко) (см. рис. 6, 2). Береста в верхней части, чуть выше ножа-кинжала имела утолщение, загиб в два слоя. Внутри, под ножом была зафиксирована палочка, длиной 55 мм, один конец которой обломан, другой имеет оформленную головку, на которой фиксировался узел из нити (рис. 6).

Бронзовый нож из ямы № 9 очень плохой сохранности. Особенно пострадало лезвие, которое, по всей видимости, было двулезвийным. Насад длиной 112 мм, шириной 22 мм. Пятка черешка, может быть, была округлой. Насад от лезвия отделен четкими выемками, одна из которых сохранилась. При расчистке ножа были зафиксированы тонкая деревянная планка с кожаной полосой. На лезвии сохранился мех.

Реконструкция ножен и крепления рукояти. Нож-кинжал из ямы № 3 находился в ножнах из тонко выделанной бересты (рис. 7, 1; рис. 6, 1). Ножны состояли из чехла, который был открыт с одной стороны, и имели петлю, обеспечивающую подвес. Петля сшита из бересты, завернутой в два слоя в кольцо. На петле сохранились отверстия от иголки. Назначение палочки с узлом из нити, пока не установлено, возможно, она была использована для укрепления шва. Берестяные ножны изнутри оббиты мехом, для того, чтобы клинок плотно сидел в них (рис. 6, 3). Подобная обивка не редкость, например, часто использовалась в средневековье [4].

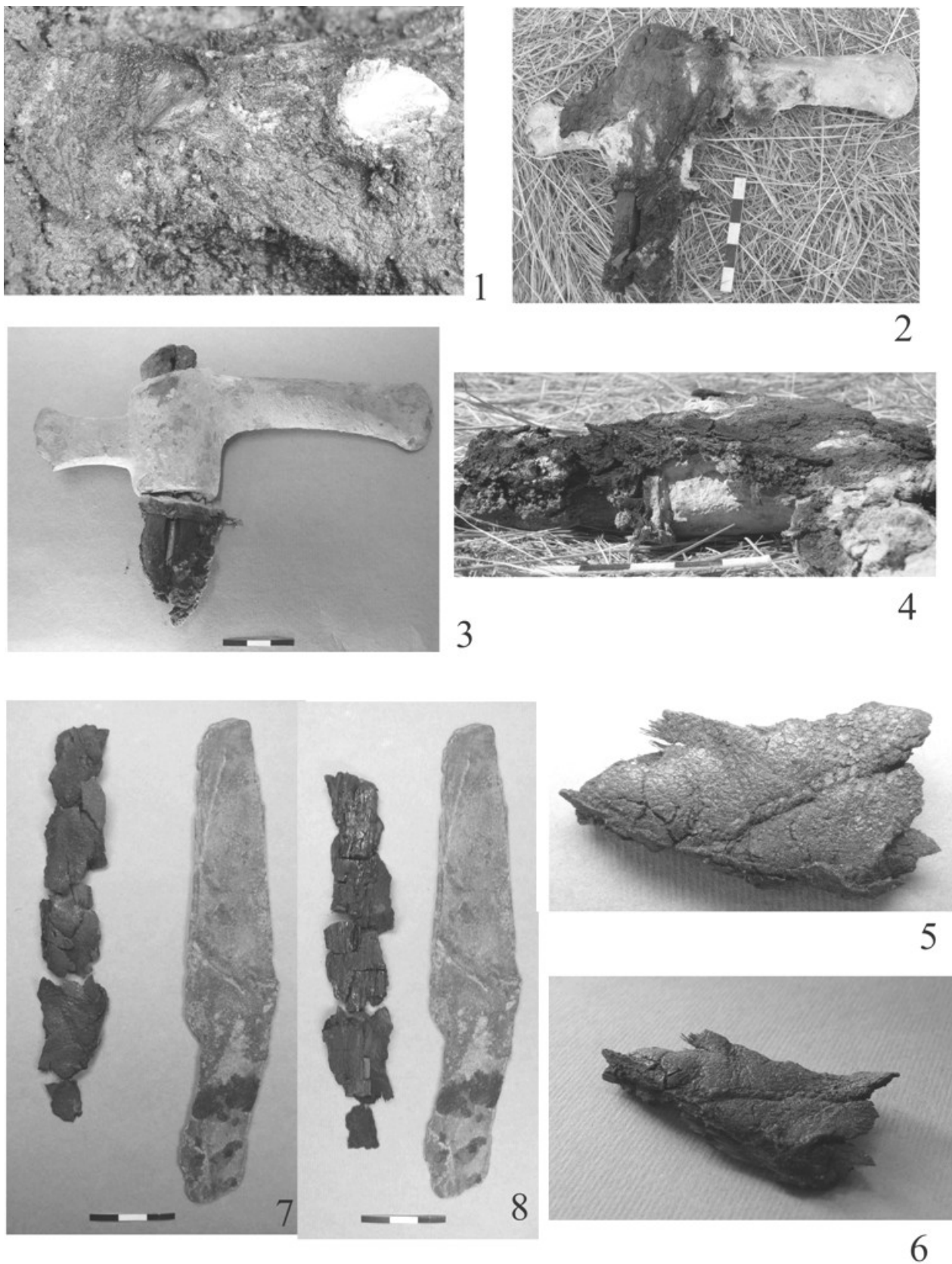

Рис. 5. Курган Халвай 3. Погребальный инвентарь. 1 — топор из ямы № 9 в чехле из кожи с мехом; 2, 4 — топор с деревянной рукоятью и кожаным шнуром; 3 — топор и кожаный ремешок с узлом; 5, 6 — фрагмент ножен из кожи со швом; 7, 8 — нож и ножны из кожи и дерева

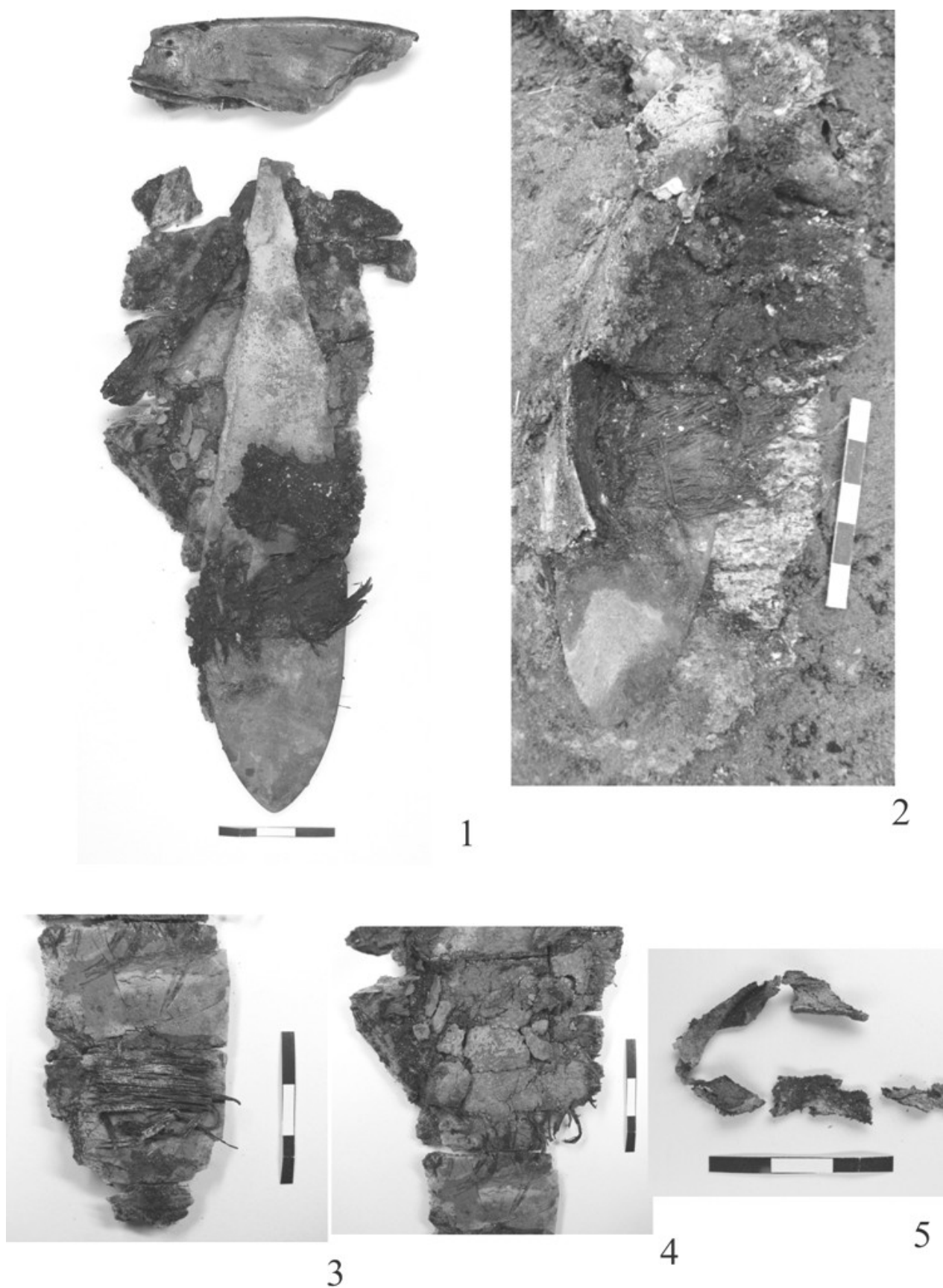

Рис. 6. Курган Халвай 3. Погребальный инвентарь. 1 — нож-кинжал и ножны из ямы № 3; 2 — нож-кинжал в ножнах (полевое фото); 3 — фрагмент берестяных ножен с мехом волка или собаки; 4 — фрагмент ножен и остатки кожаной рукояти; 5 — кожаный шнур

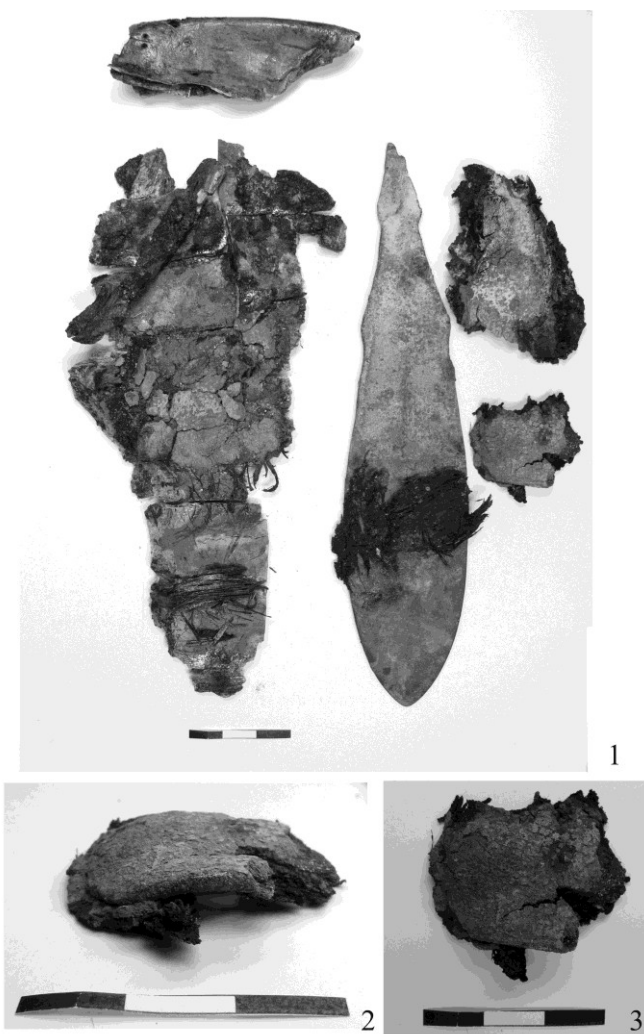

Рис. 7. Курган Халвай 3. Погребальный инвентарь.
1 — нож-кинжал и ножны из ямы № 3;
2, 3 — фрагмент рукояти из кожи

нужно отметить — очень тонкие швы и тонкую выделку кожи (толщина менее 1 мм). Ножны, по всей видимости, состояли из двух деревянных планок, внутри которых находился чехол из кожи, мехом к лезвию ножа (рис. 5, 7, 8).

Топоры-тесла. Бронзовый поперечно-лезвийный топор (топор-тесло) из ямы № 1 с остатками кожаной оплетки и деревянной ручки (рис. 8, 3–5). Плоский, с широкой пяткой. Длина 121 мм, толщина 6 мм. Ширина у основания 23 мм, по лезвию 40 мм. Трапецевидной формы, с постепенно расширяющимися к лезвию боковыми гранями. На рукояти и лезвии зафиксирована кожа с мехом волка или собаки (определения Л. Л. Гайдученко).

Бронзовый поперечно-лезвийный топор (топор-тесло) из ямы № 3 с остатками деревянной рукояти и оплетки (рис. 8, 1, 2). Плоский, с широкой пяткой. Длина 147 мм, толщина 4 мм. Ширина у основания 25 мм, по лезвию 39 мм. Трапецевидной формы, с постепенно расширяющимися к лезвию боковыми гранями. На рукояти и лезвии зафиксирована кожа с мехом волка или собаки (определения Л. Л. Гайдученко).

Реконструкция крепления рукояти. При расчистке топоров-тесел, выяснилось, что у обоих поперечно-лезвийных топоров сохранилась деревянная ручка, ко-

О форме ножен из бересты мы можем лишь предполагать. Швов от шитья на чехле не сохранилось, следов плетения также не было обнаружено. Таким образом, был сделан вывод, что ножны сшиты из цельного куска бересты. Исходя из того, что клинок был обоюдоострый, форма ножен должна была быть симметричной (рис. 3, 1). На рис. 6, 2 видно, что с одной стороны идет загиб бересты, там, где должен был быть шов, при ассиметричных ножнах. Возможно, шов шел посередине ножен — сзади или спереди чехла.

Рукоять ножа-кинжала из кожи с мехом, в два слоя, верхняя часть рукояти имела примотку кожаным шнуром, для дополнительного укрепления рукояти к насаду (рис. 7, 1–3; рис. 6, 4, 5). Подобный способ закрепления рукояти уже был зафиксирован [1, с. 28; 3, с. 360]. По следам на лезвии и остаткам рукояти было установлено, что рукоять занимает 85 мм, то есть почти половину всего ножа-кинжала (рис. 7, 1–3).

Нож из ямы № 9 имел ножны из кожи и дерева (рис. 5, 7, 8). Сохранились фрагменты кожи, где отчетливо видны швы (рис. 5, 5, 6). Причем

торая поверху примотана к теслу кожаны́м ремешком (рис. 8). Нужно отметить, что дерево фиксируется лишь с одной стороны тесла. Реконструкция представлена на рисунке (рис. 3, 3). Подобное закрепление рукоятей к теслам известно еще с каменного века [5, s. 123].

Шилья. Бронзовая проколка из ямы № 3 четырехгранная. Длина 51 мм, ширина 3 мм. Бронзовое шило из ямы № 6 длиной 121 мм, толщиной 2,5–4,5 мм. Поперечное сечение квадратное (рис. 4, 2).

Реконструкция крепления рукояти. Оба шила имеют подтреугольную деревянную рукоять-основу, куда и было вбито само шило. Каких либо дополнительных креплений зафиксировано не было.

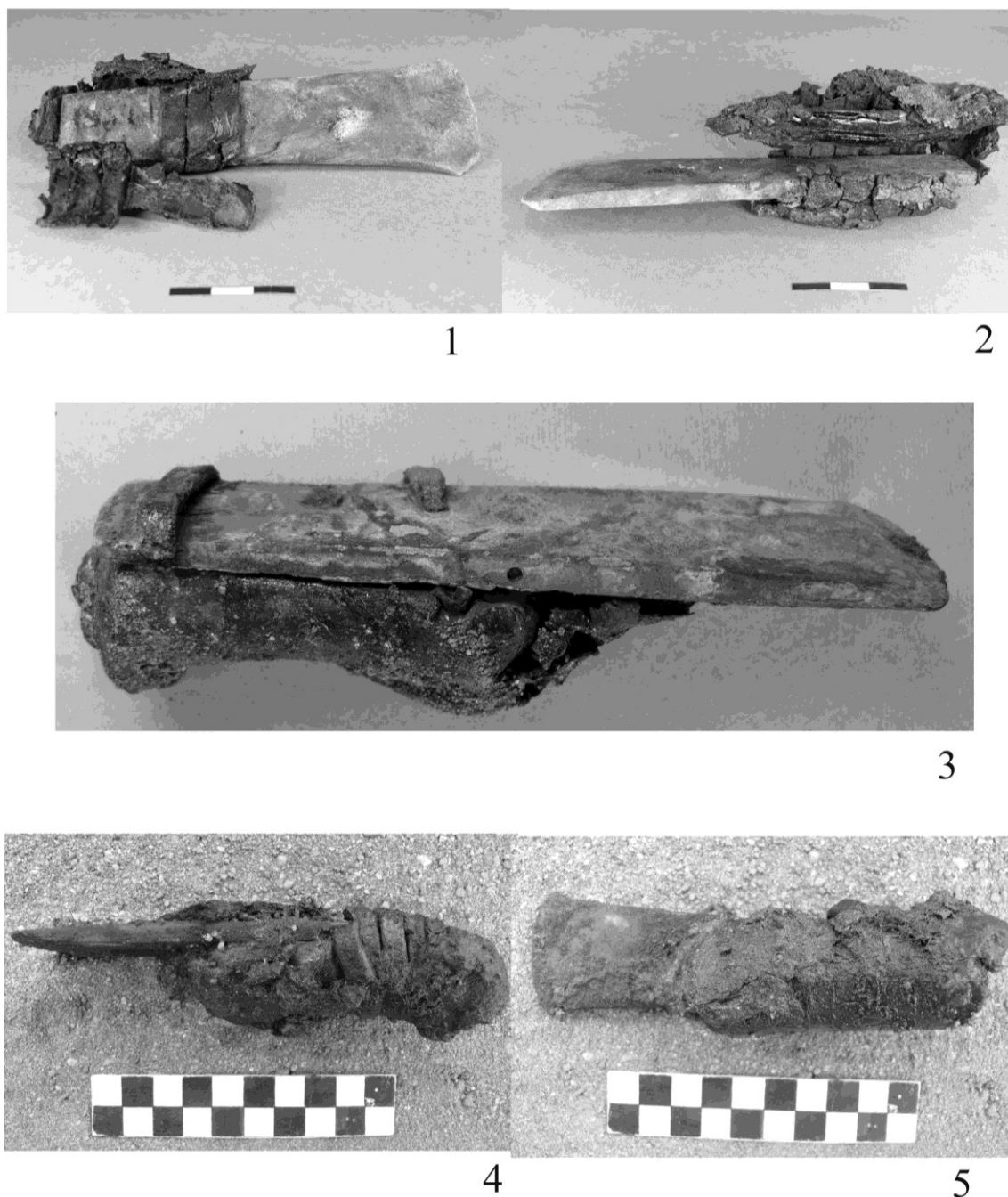

Рис. 8. Курган Халвай 3. Погребальный инвентарь. Тесла. 1, 2 — яма № 3; 3–5 — яма № 1

Долото. Бронзовое втульчатое долото из ямы № 6 желобчатое с продольным лезвием и остатками деревянной рукояти во втулке (рис. 3, 4). Длина сохранившейся части рукояти 101 мм. Длина металлической части 107 мм. Втулка образована загибанием краев внутрь. Втулка округлая, диаметром 24 мм. Рабочий край раскован. Ширина срединной части долота 18 мм, ширина рабочего края — 18 мм.

Реконструкция крепления к рукояти. Во втулке долота были зафиксированы остатки деревянной рукояти, которая оформлена по такому же принципу, как древки у наконечников копий и дротика, описанных выше. Но нужно отметить отсутствие в данном случае дополнительного укрепления в виде примотки кожаным шнуром, что объясняется тем, что при использовании долота, плотник постоянно наносит удары по краю рукояти, тем самым вбивая рукоять во втулку. Дополнительное укрепление в данном случае просто не функционально.

В заключении хотелось бы отметить прекрасную сохранность дерева, что позволило нам проследить в некоторых случаях следы от деревообрабатывающего инструмента на досках и бревнах перекрытия. Зафиксированные следы соотносятся более всего с топором-теслом.

Таким образом, сохранность органических материалов синташтинской эпохи кургана Халвай 3, позволяет получить дополнительную информацию по вопросам реконструкций связанных с креплением различных материалов к каменным и бронзовым орудиям:

— орудия из бронзы, как правило, лежат в ножнах или чехлах из кожи, бересты и дерева;

— рукояти для бронзовых изделий сделаны из дерева, кожи. Для дополнительного укрепления рукоятей или древков использовались кожаные шнуры или растительные волокна;

— предложенные варианты реконструкций, при всей своей наглядности носят известную долю условности, так как не все элементы крепления удалось зафиксировать;

— плотницкое и кожевенное дело в синташтинском обществе было высоко развитым.

Литература

1. Генинг, В. Ф. Черноозерье 1 — могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья / В. Ф. Генинг, Н. К. Стефанова. Препр. Екатеринбург, 1994. 67 с.

2. Грушин, С. П. О происхождении некоторых элементов орнамента на бронзовых предметах сейминско-турбинского типа / С. П. Грушин // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2006. № 2 (26). С. 61–67.

3. Молодин, В. И. Исследование могильника бронзового века Тартас 1 / В. И. Молодин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. 10. Ч. 1. С. 358–364.

4. Hägg, I. Mikrostratigraphisch Analyse von Schwertscheiden aus dem Hafen von Haithabu / I. Hägg // Die Textilfunde aus der Siedlung und aus den Gräbern von Haithabu. Beschreibung und Gliederung. Neumünster, 1991.

5. Jens, L. Grundlagen sesshaften Lebens / L. Jens // Germanica. Weltbild, 2002.

МОГИЛЬНИК КИЗИЛЬСКИЙ I: У ИСТОКОВ СТРОИТЕЛЬСТВА АРКАИМСКИХ КРЕПОСТЕЙ

Одним из наиболее важных археологических событий последних лет является открытие и исследование могильника Кизильский I на реке Урал недалеко от районного центра – поселок Кизильский. Памятник является составной частью археологического микрорайона, выделенного вокруг самого западного укрепленного поселения «Страны городов» – поселение Кизильское [3, с. 57, рис. 26; 5, с. 105–111]. Он занимает долину правого берега реки Урал до впадения в нее реки Худолаз. Укрепленное поселение Кизильское открыто и исследовано в 1960–1980 годах В. С. Стоколосом [18]. Раскопки проводились также и на могильнике, примыкающем к укрепленному поселению [17]. Опубликованные материалы относятся к эпохе поздней бронзы, характеризуют срубно-алакульские древности и саргаринско-алексеевскую культуру общности культур валиковой керамики.

Раскопы, заложенные В. С. Стоколосом на укрепленном поселении Кизильское, не охватывают полностью ни одну жилищную впадину. У всех трех жилищ вскрылась только самая углубленная центральная часть, стены построек определены не по всему периметру. Раскопы не соотнесены с фортификационными сооружениями. Исследования памятника проводились без учета опыта раскопок поселений единой большой площадью [7; 8]. Укрепленные поселения в Южном Зауралье как историко-культурное явление в то время еще не были известны [2].

В настоящее время необходимы уточнение стратиграфической ситуации на памятнике и поиск синташтинско-аркаимского слоя, а также применение современных методик для решения проблем, связанных с основанием крепости и ее развитием на протяжении бронзового века. Немаловажное значение в этом отношении приобретают и материалы могильников прилегающей территории.

Кизильский I курганный могильник располагается в 700 м на север от укрепленного поселения. Памятник занимает мысовую площадку берега, образованную изгибом русла старицы. Дешифрирование аэрофотоснимков выявило около 30 курганов, расположенных компактно, вдоль линии берега длиной около 200 м. Ширина площадки памятника 120 м [3, с. 77–78]. При работе с топографическим планом зафиксировано 18 курганов (см. рис. 1).

Насыпи сnivelированы и почти не читаются на поверхности. При дешифрировании снимка было видно, что они расположены компактно и почти примыкают друг к другу. Иногда фиксировалось, как одна насыпь наплывает на другую. Визуально при обследовании местности четко обозначились только наиболее крупные насыпи, имевшие диаметры 8, 10, 12 м и высоту до 0,3 м. В северной части памятника, на мысовой части площадки зафиксирован наиболее крупный курган диаметром 22,0 м и высотой 0,4 м. На местности вокруг курганов хорошо выражены ровики. Они обозначены понижениями шириной иногда до 2 м, глубиной до 0,3 м, поросшими травой более яркого цвета (типчаком). На насыпях курганов растет беле-

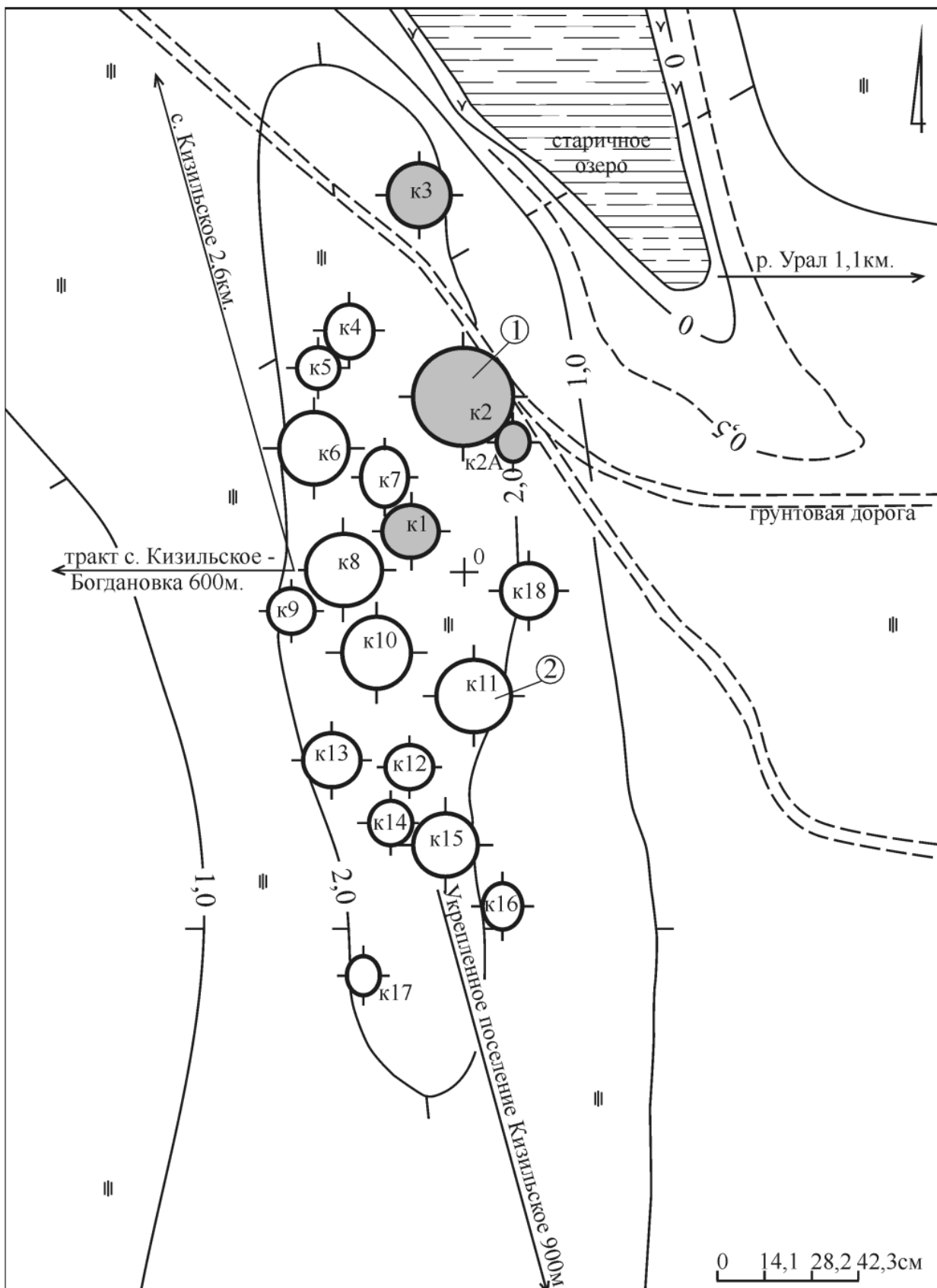

Рис. 1. Могильник Кизильский I. Топографический план. Составлен М. Р. Макуровой.
 Горизонталы проведены через 1 м. 1 — раскопанный курган; 2 — нераскопанный курган

сая полынь. Район могильника активно используется под выпас скота, курганные насыпи разрушаются и, вероятно, через какой-то короткий промежуток времени они окончательно исчезнут с поверхности земли. Это одна из серьезных причин, которая заставила нас приступить в 2008 году к исследованию памятника. Раскопкам подверглись четыре сооружения в северной части могильника.

Курган 1 находился в районе компактного расположения насыпей, где они смыкаются друг с другом. Крайние северные курганы 2 и 3 просматривались, как отдельно стоящие насыпи и располагались на изгибе мыса. Однако при исследовании обнаружено, что к кургану 2 с юго-восточной стороны примыкало сооружение 2 «А» (рис. 1). В 2009–2010 годах исследованы курганы 1, 2 и 2 «А». Информация о результатах исследования этих курганов приведена в публикации [9, с. 223–228]*.

Настоящая работа посвящена материалам кургана 3, исследованного в 2011 году. В связи с новыми данными считаем целесообразным привести *краткую характеристику конструктивных особенностей опубликованных погребальных сооружений и захоронений.*

Наблюдения за структурой культурных напластований курганов могильника Кизильский I показали, что перед нами не просто насыпной грунт, а остатки сложных архитектурных сооружений. Наиболее ярко это прослежено, в кургане 2, диаметр которого составлял 22 м. Здесь обнаружена овальная погребальная площадка диаметром 16×14,6 м, ее окружал ров шириной 3,5 м и глубиной около 1,5 м. Перед ровом возвышались остатки стены, сложенной из глинобитных сырцовых кирпичей. Вторая глинобитная стена диаметром около 6 м окружала погребальную камеру, которая, в свою очередь, была тщательно обложена крупными блоками, сформированными из глины. Обе глинобитные стены в плане представляли собой вытянутый овал яйцевидной формы. На отдельных участках стены прерывались, образуя входы. Между двумя стенами — натопанность, это территория для совершения основных обрядов, связанных с погребением умершего. Погребения совершались в глубоких сложных погребальных камерах со ступенями, перекрытиями и множеством органических покрывал. Положение и поза погребенных в могильной яме неустойчива. Погребение в кургане 1 совершено скорченно, на левом боку с разворотом на спину, головой ориентировано на В. Погребения в курганах 2, 2 «А» совершены на правом боку, ориентированы в северо-восточном направлении. Умершие замурованы слоем чистой пластичной желтой глины, иногда замешанной с красной охрой в сочетании с разнообразными органическими подстилками, посыпкой и пропиткой охристыми растворами красного цвета. Погребальный инвентарь лаконичен. Это глиняные сосуды и предметы металлообработки.

С антропологическими материалами из курганов 1, 2 работали антропологи А. А. Хохлов и А. В. Нечвалода. Погребение в кургане 1 определено как детское, возраст 12–13 лет. В основной яме кургана 2 погребена женщина 24–25 лет. Выполнен скульптурный портрет-реконструкция лица по черепу. Погребение в могильной яме сооружения 2 «А» принадлежит подростку 13–15 лет**.

Курган 3 — самая северная погребальная конструкция, расположенная у кромки мысового останца первой надпойменной террасы. Курганный насыпь, как и весь могильник, сильно разрушена временем и «блуждающей» многовековой полевой дорогой, которая проходит сегодня по кромке террасы и захватывает юго-западную полу кургана (рис. 1).

* Сооружение 2 «А» (номер по отчету) описано как сооружение 3.

** Предварительное определение авторов Т. Малютиной и Г. Здановича.

Высота сохранившегося надмогильного сооружения кургана 25–30 см. Диаметр кургана определялся в пределах 10–12 м. Однако с учетом опыта раскопок курганов № 1 и № 2, где были обнаружены широкие рвы, мы заложили прямоугольный раскоп площадью 260 кв. м.

В процессе вскрытия надмогильного сооружения было установлено, что мощность напластований кургана вне углубленных в материк конструкций не превышает 0,75 м. В их основании были определены границы погребальной площадки, ограниченной внутренними контурами рва. Площадка неправильной округлой формы диаметром в пределах 11–12 м и была несколько вытянута по линии З–В. Внешние границы рва по линии З–В имели диаметр 17,4 м, по линии С–Ю – 16,5 м. Ширина рва колеблется от 1,8 до 2,8 м. Внутри ров разделен на пять ладьевидных углублений, заметно отличающихся по длине – от 4,5 до 10,5 м, достигающих глубины 1,2 м (рис. 2, 3).

В центре *подкурганной площадки* выделялось темное пятно верхней конструкции погребальной камеры, границы которого фиксировались по срезу погребенной почвы и прослойкам глины (рис. 2, 3). Пятно имело подпрямоугольную форму с округлыми углами, размерами 3,6×2,8 м, ориентировано по линии СЗ–ЮВ. Его опоясывал разорванный на отдельные участки овал суглинка желтого и серого цвета с внешними границами 4,5×3,5 м (кольцо А). Ширина кольцевого глиняного обрамления ямы 0,5–0,7 м, толщина суглинка 7–10 см.

Древняя дневная поверхность погребенной почвы сохранилась в средней части подкурганной площадки в виде кольца с внешним диаметром 8,5–9 м. Толщина погребенной почвы равна 35–40 см. По внешней границе на древней дневной поверхности, по кругу, залегал плотный суглинок желто-серого (коричневатого) цвета. Он составлял массив кольца Б, толщиной до 30–35 см и шириной 1–1,3 м. Почти всю древнюю поверхность подкурганной площадки между кольцами А и Б покрывал тонкий слой желтого суглинка (глины) толщиной не более 3–5 см. Этот слой слабо фиксировался в плане из-за малой мощности, но всегда хорошо читался в разрезах. Слой светлого суглинка (глины) «отбивал» погребенную почву от грунта насыпи кургана.

Между погребальной площадкой, ограниченной кольцом глиняного вала Б и углублением рва, фиксировалась галерея шириной от 0,7 до 2,0 м, образованная срезом погребенной почвы и заполненная оползшим грунтом глиняного вала. В юго-восточном секторе галерея резко расширялась и образовывала прямоугольный выступ по направлению к центру погребальной площадки. Грунт глиняного вала составлял большую часть заполнения обводного рва.

Могильная яма. В центре сооружения на уровне материка зафиксировано, что, срезы погребенной почвы маркируют площадку, подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентированную по линии СЗ–ЮВ (рис. 2). В нее вписано пятно могильной ямы, которая выделялась восьмеркообразными контурами из темно-серого гумусированного суглинка, общей протяженностью 2,6 м с поперечными диаметрами 1,0 и 1,6 м.

При зачистке на уровне (-80) очертания погребального сооружения заметно изменились, они приобрели форму удлиненной прямоугольной конструкции с округлыми углами длиной 2,4 м, шириной 1,3 и 1,4 м (см. рис. 4, 1). По характеру заполнения выделялись две камеры: северо-западная была заполнена глыбками пестроцвета а юго-восточная – темно-серым гумусом. Между темным заполнением и границами очертаний погребального сооружения шли светло-желтый суглинок

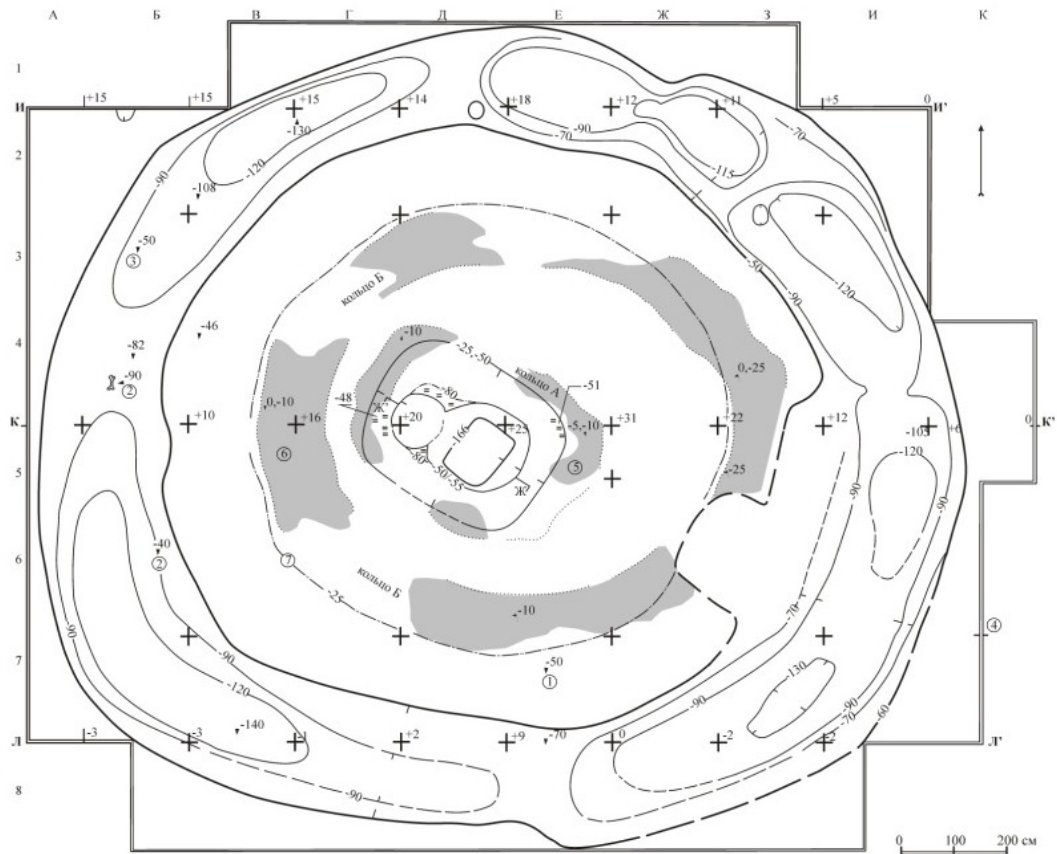

Рис. 2. Могильник Кизильский I. Курган 3. Общий план. 1 — кость человека; 2 — кость животного; 3 — керамика; 4 — 308 м над уровнем моря; 5 — желтый суглинок кольца А; 6 — желтый суглинок кольца Б; 7 — граница среза погребальной площадки

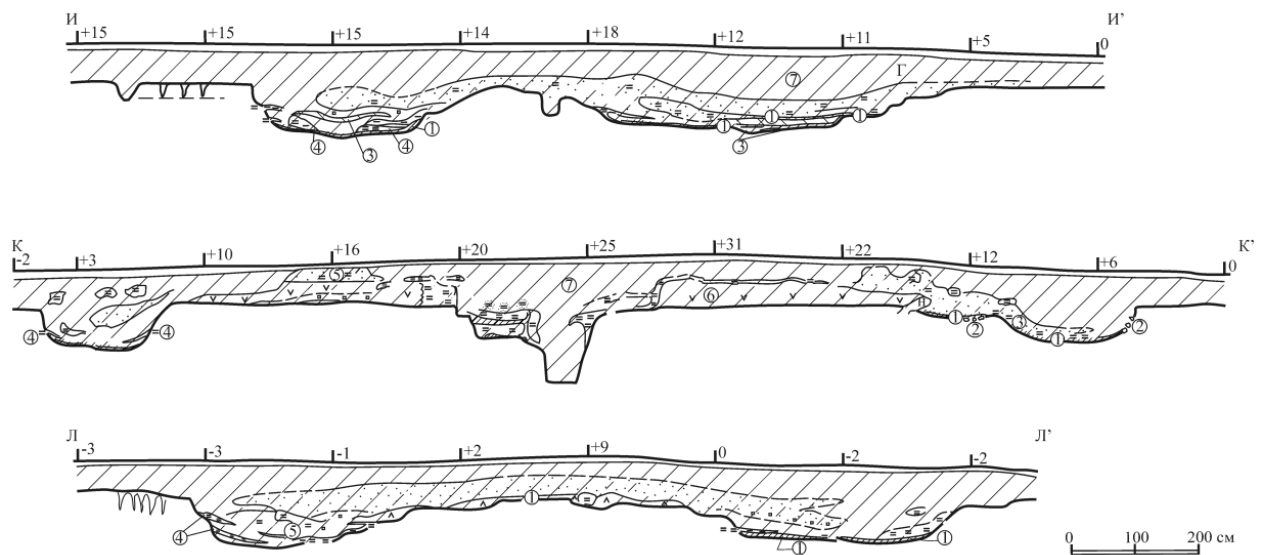

Рис. 3. Могильник Кизильский I. Курган 3. Разрезы широтных бровок кургана. 1 — гумусированная прослойка во рву; 2 — прослойка с включениями мелкого галечника; 3 — прослойка илистого грунта; 4 — суглинок желтого цвета; 5 — суглинок желто-серого цвета; 6 — погребенная почва; 7 — темно-серый гумусированный суглинок

и слои светлой пластичной глины. Описанные заполнения создают впечатление двух камер, которые разделяет слой суглинка толщиной от 20 до 40 см (рис. 4, 2). Как показали дальнейшие исследования, северо-западная камера использовалась как входная шахта в основное погребальное сооружение. Она заполнена светло-желтым суглинком почти до дна. Горизонтальное дно камеры зафиксировано на уровне (-100). По светлому суглинку заполнения и дна северо-западной камеры читаются темные органические прослойки толщиной 1–2 см, которые подчеркивали сложность первоначальной конструкции сооружения и этапы его разрушения. На полу камеры зафиксированы два круглых образования диаметром 15 и 20 см — возможно, следы деревянных опор. Еще одно подобное образование прослежено на уровне (-80) за пределами камеры, у ее северо-восточного угла (рис. 4).

Юго-восточная камера на горизонте (-80) размерами 1,44 × 1,44 м была обрамлена желтым суглинком шириной 10–20 см, который опускался по стенкам могилы. Особый интерес представлял сложный по конфигурации слой глины, между входной и погребальной камерами. С южной стороны слой глины обрывался, достигая максимальной ширины (40 см). Здесь зафиксирован массив черного (жирного) гумуса толщиной 25 см и длиной 50 см, ориентированный поперек погребального сооружения. На уровне (-115) этот гумус маркировал широкую ступень входа, и размеры камеры сужались до 1,0 × 1,3 м.

Основное заполнение представлено темно-серым гумусом с ленточными прослойками светлой глины и небольшими глыбками суглинка (рис. 4, 2). На уровне (-160) — (-165) очертания могильной ямы сократились до 0,8 × 1,2 м. Могила ориентирована по линии ЮЗ — СВ. Нижняя часть камеры на высоту до 20 см была выложена блоками светло-желтой и серой глины. В отдельных случаях можно прочесть размеры блоков: (15...20) × 10 × 15 см.

Погребение. При зачистке глиняного заполнения ямы в ее юго-западной части фиксировался грунт, окрашенный охрой и содержащий кусочки охры, перемежающийся с тончайшим слоем жирной черной органики. В нем была обнаружена пропитанная охрой бедренная кость ноги человека и сгнивший тлен, по-видимому, от фаланг стопы или стоп (?). Бедренная кость располагалась параллельно юго-западной стене ямы (рис. 4, 1). В северо-восточной части ямы, параллельно ее продольным стенам, в верхнем слое глины лежали берцовые кости ноги человека. Чуть южнее и ниже, рядом с ними обнажились фрагменты развала сосуда и кости черепа человека. Следом за ними в юго-западном направлении в черной жирной органике расчищались остальные кости скелета. Погребенный лежал ничком, головой ориентирован на северо-восток (рис. 4, 1). Кости рук направлены вдоль грудной клетки, кости ног разведены в стороны. Оказалось, что тазовые кости и кости ног располагались вплотную к юго-западной стене ямы. Крылья тазовых костей как бы вывернуты. Правая тазовая кость находилась чуть выше, ложбинкой сустава повернута налево, слева от нее наклонно лежала берцовая кость. Ее верхний конец упирался в бедренную кость, лежащую выше. Причем берцовая кость была направлена к суставу бедренной тем концом, который, по правилам, должен был входить в ложбинку тазовой кости. Левая тазовая кость зафиксирована чуть ниже. Бедренная кость, по отношению к ней, расположена *in situ*, и направлена направо вдоль юго-западной стены. Оказалось, что ее берцовые кости мы расчистили совсем в другом месте — в северо-западной части ямы, около сосуда.

Кости рук погребенного, расположенные вдоль грудной клетки, слегка заходили под тазовые кости. У левой руки отсутствовали фаланги пальцев.

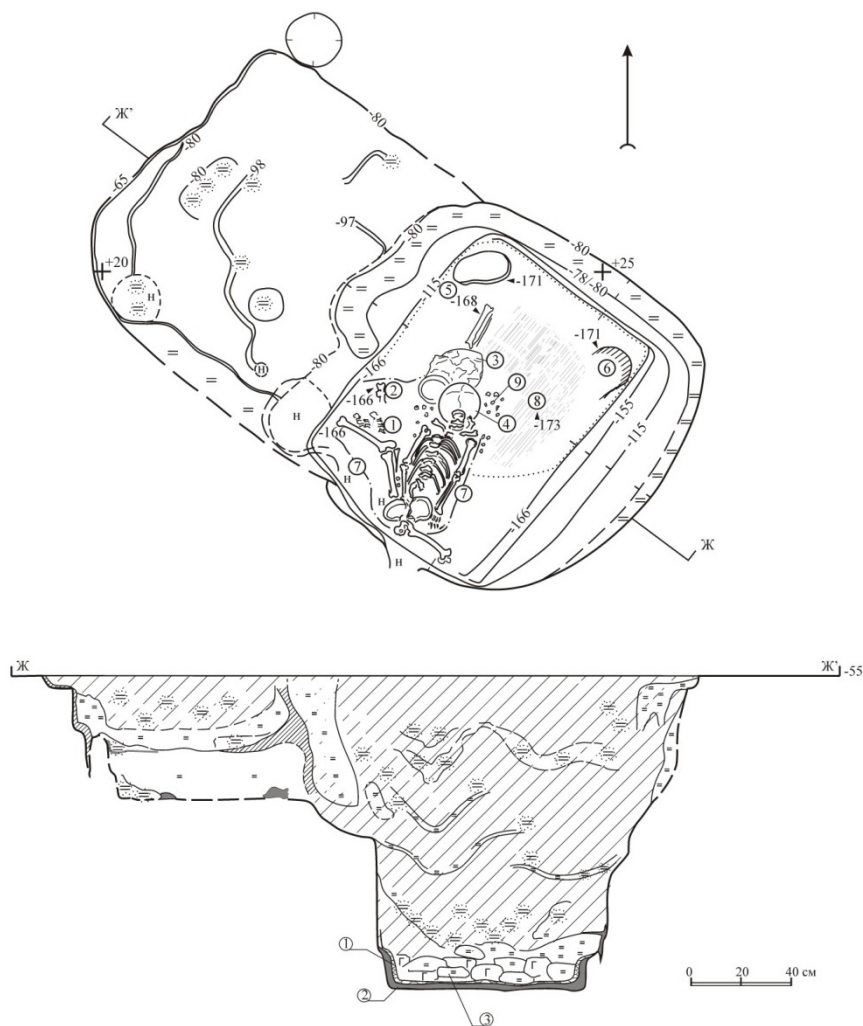

Рис. 4. Могильник Кизильский I. Курган 3.

- I. План и разрез могильной ямы. Погребение: 1 — кости стопы (тлен); 2 — кость тазового отдела; 3 — сосуд; 4 — череп; 5 — блюдо, дерево, охра; 6 — жирная черная органика (кожаный мешочек); 7 — очертания покрывала (кожа, войлок?); 8 — стебли растительной органики светло-серого цвета на слое жирной органики (мощность 2 см); 9 — скопление мелких разноцветных галек.
- II. Разрез могильной ямы по линии ЖЖ': 1 — слой органики растительного происхождения; 2 — слой органики животного происхождения; 3 — глиняные блоки (условные обозначения см. рис. 3)

Нижний уровень фиксации костей скелета погребенного (-173) — (-174). Под ними по всему периметру ямы отмечался черный слой органического материала мощностью 1,0–1,5 см. В центральной части камеры, в районе расположения верхнего отдела скелета и далее в северо-восточном направлении на темной органике лежал слой растительной органики бежевого оттенка (рис. 4, 1). Хорошо фиксировались стебли растения типа рогоза или конопли. В северо-западном углу ямы отмечено скопление порошка и комочков охры. Причем они устойчиво формировали удлиненно-овальные очертания в пределах 20×15 см. Среди комочков охры отмечены участки тончайшего тлена дерева. Ближе к северо-восточному углу ямы фиксировался комочек или сгусток черной жирной органики диаметром около 15 см, мощностью около 4 мм, несколько отличный от темного слоя, покрывавшего дно. Около погребенного, в районе верхнего отдела скелета, обнаружены скопления мелких разноцветных галек. Уровень достаточно ровного горизонтального дна ямы

(-174)–(-175). По предварительным наблюдениям, в погребальной камере захоронен ребенок 6–7 лет.

Сосуд керамический — единственная сохранившаяся вещественная находка из могильной ямы (рис. 5). Он имеет горшечную форму с округло-овальным туловом и округлым дном. Шейка едва намечена, скорее это оттянутый скошенный венчик. Хорошо выраженное высокое плечо плавно переходит в овальное тулово. Размеры: высота сосуда 12 см, диаметр горла 9,9 см, диаметр тулова 12,5 см. Толщина стенок 0,7 см. В формовочных массах присутствуют раковина и тальк. Сосуд орнаментирован по всей внешней поверхности и по внутренней стороне венчика. Орнамент нанесен, в основном, гребенчатыми штампами с разным шагом и размером зубцов. Как орнаментир использовались ископаемая раковина и подушечки пальцев.

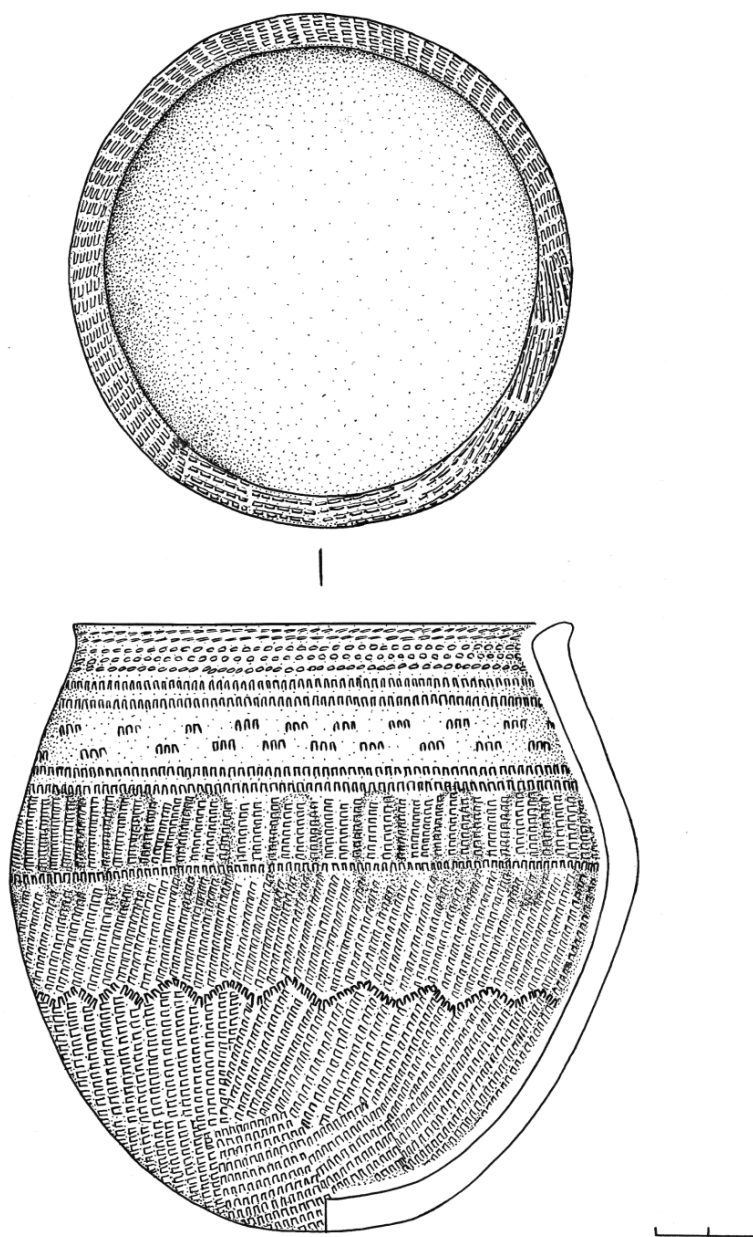

Рис. 5. Могильник Кизильский. Курган 3. Сосуд из могильной ямы. Глубина (-169) — (-173)

На внутренней поверхности венчика — плотные ряды дискретных косых коротких отрезков гребенчатого штампа. На внешней поверхности под венчиком проходят 4–5 плотно поставленных горизонтальных линий. Чуть отступая от них — еще две линии с другим шагом гребенки (может быть, это отпечатки раковины?). Ниже идут дискретные отпечатки в виде гусеничек. Под ними еще два ряда горизонтальных линий. Верхние и нижние парные линии и гусенички между ними выделяются как единый бордюру. Под ним, уже в основании плеча, расположен горизонтальный бордюру из коротких вертикальных отпечатков штампа. Он подчеркнут горизонтальной линией штампа с длинным узким зубом. Особый колорит этому бордюру орнамента придают ритмические пальцевые вдавления изнутри сосуда. На тулове еще один ряд коротких насечек гребенчатого штампа, подчеркнутого горизонтальным зигзагом. Ниже орнамент группируется согласно абрису дна. Он организован из тех же коротких насечек гребенчатого штампа, группами, отходящими от дна и плотно покрывающими поверхность изделия.

Хорошо известно что, *история сооружения* древними людьми погребальной конструкции всегда начиналась с выбора площадки, ее ограничения в форме и размерах и каких-то определенных действий, связанных с освящением погребальной территории, ее ритуализации, наполнения ее «смыслами», поэтому при раскопках курганов археологи особое внимание уделяют фиксации древней дневной поверхности.

При раскопках могильника Кизильский I мы повсеместно встречались с проблемой фиксации древней дневной поверхности и выявлением состояния погребенной почвы. Определить погребенную почву при раскопках в 2009 году кургана 2 было достаточно сложно [9, с. 225–227]. Сначала погребенная почва была выделена только под слоем глиняного вала, где она отличалась плотностью и имела карбонатные включения. На площадке внутри вала гумусированный слой, лежавший на материке, был более рыхлым, и не отличался однородностью. Мы интерпретировали этот гумусированный слой, как искусственный и привнесенный. Хотя целесообразность таких действий древних исполнителей обряда была непонятна.

В 2010 году на памятнике работала группа российских и японских почвоведов, в связи с выполнением международного гранта [9, с. 229]*.

В работе участвовал д. г. н. И. В. Иванов (г. Пущино, ИФХиБПП РАН). Визуально И. В. Иванов определил весь гумусированный слой на погребальной площадке кургана 2 как погребенную почву. Разницу в структуре под валом и вне его он объяснил тем, что площадка после сооружения рва и вала, а возможно и после захоронения, какое-то время стояла открытой и подвергалась разрушительным действиям со стороны людей и природы. Погребенная почва была перекрыта грунтом так называемой «насыпи» кургана только спустя какое-то время.

Замечания И. В. Иванова еще раз подтвердили, что все исследованные сооружения могильника Кизильский I представляют единые устойчивые традиции по-

* Грант № 09-05-92106-ЯФ_а, РФФИ (Российский фонд фундаментальных исследований) и YSPS (Yapan Society for the Promotion of Science — Японское общество продвижения науки). Тема гранта: «Реконструкция экологических условий уникальной цивилизации бронзового века и сохранение почв и других природных компонентов на границе Европы и Азии». Руководитель проекта РФФИ и YSPS от России — ведущий научный сотрудник доктор биологических наук В. Е. Приходько (Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН), от Японии — профессор, декан Казуюки Инубуши (Чибо университет).

гребального обряда определенного отрезка времени. По единому принципу обустроены и погребальные площадки с некими общими правилами по отношению к дневной поверхности и слою гумуса.

Во всех исследованных курганах могильника Кизильский I погребенная почва, особенно ее поверхность, в той или иной степени подверглась воздействию человека. В кургане 3 древний гумус (мощность 35–40 см) полностью срезан непосредственно вокруг погребальной ямы. На его срезе, на уровне материковой поверхности располагалась кольцевая конструкция из суглинка или ее развалы — кольцо А (рис. 2, 3). Второе, овальное в плане кольцевое сооружение (кольцо Б), также сложенное из плотного суглинка желто-серого цвета, было уложено на погребенную почву у границ рва. Древнюю поверхность подкурганной площадки между кольцами А и Б, как уже отмечалось, покрывал тонкий слой желтой глины толщиной 3–5 см. Этот слой хорошо отбивал изломы линии древней дневной поверхности и показывал насколько активно человек использовал «погребенку» в пространстве между кольцевыми сооружениями (рис. 3, разрез КК').

У внешних пределов кольца Б (диаметр 8,5–9,0 м) фиксируется еще один значительный срез древнего гумуса, который уступом переходит в углубление рва. Ширина среза в пределах 1,0 м. По нашим наблюдениям эта кольцевая площадка не имела каких-либо сооружений, и в течение длительного времени была открытой для природных стихий. За пределами рва древний гумус вокруг курганной площадки также был срезан — очевидно, дерновые пласты использовались строителями для создания надмогильного сооружения.

Наблюдения за заполнением рва показали, что его днище в течение достаточно длительного времени оставалось открытым. В нем медленно накапливались тонкие слои гумуса. За слоями гумуса следуют мощные слои разрушений, которые заполняют рвы со стороны погребальной площадки. Они состоят из «чистых» или перемешанных грунтов светлых суглинков — остатков кольцевой конструкции Б. Следующий «горизонт» заполнения рвов представлен слоями гумуса, которые отражают, очевидно, грунт дернового сооружения, первоначально возвышавшегося над погребальной камерой. Однако сползающий во рвы гумус иногда захватывал в свой массив и светлую глину сырцовых кладки кольцевых сооружений. Этот процесс хорошо зафиксирован в разрезах (рис. 3, К, Л), где отдельные строительные блоки диаметром 15–20 см оказываются в верхних горизонтах заполнения рва. Этот факт служит свидетельством того, что кольцевые сооружения из глины, основания которых мы фиксировали в планах и разрезах, были отнюдь не символическими, а достаточно значимыми по высоте и прочности. Перенос на расстояние цельных конкреций светлых суглинков и глины, в которых читаются контуры цельных блоков или их фрагментов, также говорит в пользу системной кладки кольцевых стен, а не просто о набросах глины вокруг могильных ям.

Необходимо подчеркнуть, что на ряде участков заполнение, состоящее из слоев светлых строительных суглинков, прослеживается и с напольной стороны кургана. Нельзя исключать, что валы или кольцевые стены из суглинка складывались и у внешних границ рва. Возможно, внешние строительные сооружения каким-то образом сопрягались со структурой рва.

Мы выделили в конструкции рва пять составных частей или ладьевидных углублений. Четыре основных прерыва во рву совпадают со сторонами света (северо-восточный сектор состоит из двух углублений). В планиграфии подкурганной

площадки целесообразно акцентировать внимание на так называемую галерею, образованную срезом погребенной почвы между глиняным валом Б и внутренними границами рва. Как отмечалось, в юго-восточном секторе галерея резко расширялась, и образовывала прямоугольный выступ, направленный к центру площадки. Радиальные стенки выступа (длина — 1,2 и 1,8 м) по своей ориентировке совпадают с могильной ямой. Выступ среза погребенной почвы имеет ширину около 2 м и может быть интерпретирован как вход на кольцевую площадку между двумя стеновыми конструкциями А и Б. Мы уже неоднократно подчеркивали, что именно эта площадка подвергалась наибольшему воздействию человека. Здесь хорошо фиксировались изломы древней поверхности и натопанность с тонким слоем желтой глины.

Попасть на площадку можно было только через галерею, огибая по кругу (по спирали) кольцо Б. Главным входом, вероятно, служил прерыв рва, обращенный на запад. Здесь в материке в средней части прерыва были обнаружены кости мелкого рогатого скота и, несколько севернее, фрагмент керамики, который можно связывать с эпохой энеолита или ранней бронзы.

Общий взгляд на погребальную площадку кургана 3 вызывает ассоциации с планиграфией круглоплановых поселений Южного Урала и, прежде всего, с Аркаимом. Подквадратная площадь аркаимской цитадели и площадка могильной ямы кургана 3, несмотря на разную ориентировку, обращены округлыми углами по сторонам света. Эти два различных по своему содержанию памятника сближают кольцевые структуры, сложенные из глиняных блоков, наличие углублений во рвах, смещение входов-прерывов, преднамеренное усложнение проникновения на центральную обрядовую площадку и многое другое. Принципиально важно, что при реализации планиграфических построений древние строители обоих объектов использовали принцип лабиринта. Возможно, не случайны двучленные углубления во рвах восточных секторов кургана 3 — они создают другую ритмику по сравнению с отрезками рвов, которые обращены на запад.

При расчистке подкурганной площадки в пределах раскопа были выявлены три столбовые ямки. Они располагались на северных участках, две в границах рва, и одна ямка зафиксирована с напольной северо-западной стороны рва, за пределами погребальной территории. Столб на линии «И» у пикета (+18) ориентирован на север относительно основной могильной ямы (рис. 2). По аналогии с поселением Аркаим и могильником Большекараганский (курган 25), можно предположить, что столбы связаны с астрономическими наблюдениями древних и отмечали азимуты восхода и захода Солнца в день летнего солнцестояния [4, с. 13; 8, с. 155, 160]. Возможно, на подкурганной площадке стояли в древности и другие столбы, имеющие палеоастрономическое содержание, но мощный гумус не способствовал фиксации и сохранению этих конструкций.

В заключение еще раз отметим, что в основе погребальных площадок всех исследованных курганов лежат округло-овальные сооружения, ограниченные валом и рвом. Причем рвы и валы выглядят достаточно монументально. Достаточно сложные конструкции из желтой глины и органических материалов возводились непосредственно над могильной ямой сразу после захоронения. Собственно могильные ямы имеют крупные размеры, опущены в грунт почти до грунтовых вод. По периметру стен сооружены заплечики и многочисленные ступени. Перекрытия, скорее всего, присутствовали и в средней части камер. Могильная яма кургана 3 вообще сооружена по принципу катакомбы. Она имеет входную шахту, ступенчатый

вход и вертикальную забутовку глиной входа из шахты в яму. Все исследованные погребения как бы замурованы в слое глиняной забутовки около дна.

Погребенный человек в кургане 3 лежал в камере ничком, головой на северо-восток, тазовые кости упирались в противоположную стену. Было сделано предположение, что он был похоронен сидя со скрещенными ногами, и камера первоначально была полый. Положение ничком погребенный приобрел в процессе разрушения конструкций ямы. Но этой реконструкции противоречат глиняная забутовка ямы и положение в ней костей умершего. Они лежали непосредственно на дне — на органических подстилках и были закрыты покрывалом из органических материалов. Только отдельные кости ног располагались в глиняной забутовке.

Еще одна черта погребального обряда — отсутствие некоторых костей скелета или их неестественное положение. В погребении кургана 2 отсутствовали кости кисти правой руки, у погребенного в кургане 2 «А» тоже отсутствовали кости кисти правой руки и кости стоп. Неестественным образом лежал череп погребенного. В целом, памятник создает уникальный образ древнего коллектива с массой деталей и смыслов, а материалы его требуют глубокого анализа, осмысления и продолжения работ в этом направлении.

Исследованные курганы могильника Кизильский I относятся к эпохе ранней — средней бронзы и представляют особенности погребального обряда древнеямной историко-культурной области.

Основные характеристики надмогильных сооружений, погребальных камер и собственно погребений позволяют соотнести материалы курганов с Волго-Уральским вариантом древнеямной культуры [1; 12–14].

Датировка памятника пока затруднительна. Вскрытые погребальные сооружения, скорее всего, представляют широкий хронологический диапазон, имеют неоднозначные культурные характеристики. До сих пор непонятна идея эволюции курганного обряда на различных территориях, в том числе и в южно-уральских степях. Неоднозначно представляются материалы даже одного кургана. В орнаментации сосуда из погребения кургана 3 присутствуют энеолитические традиции. Однако по форме, он близок керамике ямной культуры классического периода [15, с. 90]. Принципы сооружения погребальной камеры в кургане 3 с широкими заплечиками, входной шахтой, наличие перекрытий показывают уже достаточно поздний этап развития древнеямных традиций и присутствие в них неких квазикатакомбных инноваций [1; 13, с. 66–72]. В целом памятник оказался сложным, требующим большого сплошного раскопа территории. Необходим проект его планомерного исследования [9].

Поиски методологических решений и выводы, изложенные в описании курганов, пока являются предварительными, требующими более глубокого анализа материалов. Но главное — это открытие артефактов древнеямного типа непосредственно на территории распространения синташтинско-аркаимской культуры [5]. До недавнего времени на территории распространения укрепленных поселений был изучен только один такой памятник — рядом с укрепленным поселением Аркаим — могильник Александровский IV [Малютина, Зданович Г., Гаврилюк, 2010]. Еще один могильник, (Второй Малокизильский) был известен по раскопкам К. В. Сальникова в 1949–1950 гг. [Сальников, 1952, с. 50–51].

Уже сейчас можно говорить о значительной близости погребальных обрядов двух крупнейших культурных образований эпохи бронзы. Отсюда можно вести развитие идеи крепости в синташтинско-аркаимской культуре [10]. Особый инте-

рес в этом отношении представляют овалы (яйцевидные) формы сырцовых выкладок перед рвами, которые соответствуют планиграфии ранних фортификационных сооружений «Страны городов».

Традиции древних ямных племен в значительной степени сформировали аркаимский мир, нашли в нем свое отражение, и обеспечили необычайный взлет его культуры. Именно в этом плане интересны открытия, сделанные нами на могильнике Кизильский I. Главная интрига этих исследований заключается в следующем. Неужели идея крепости возникла у ямников, и первоначально «крепостные стены» должны были оберегать дом мертвых? Или идея концентрической фортификации была заимствована на Ближнем Востоке у жителей земледельческих цивилизаций, где круглые укрепленные поселения появляются еще в V–IV тыс. до н. э. [11]? «Ямники» были подвижными скотоводами и могли переносить в том числе и архитектурные идеи. В этом случае совсем не обязательны глобальные миграции.

С другой стороны, если исходить из логики развития мифологических представлений, идея яйца в качестве основы мироустройства была повсеместно распространена в религии древнейших индоевропейцев, и кажется, не нуждалась в заимствовании. Эволюционный ряд планировочных решений «Страны городов» — от овальных (яйцевидных) к круглоплановым, далее к подквадратным и прямоугольным поселениям, свидетельствует о самостоятельной линии развития пространственных представлений и их воплощении в культурных стереотипах степей Евразии.

Литература

1. Богданов, С. В. Эпоха меди Степного Приуралья / С. В. Богданов. Екатеринбург. 2004. 285 с.
2. Генинг, В. Ф. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во. 1991. 407 с.
3. Зданович, Г. Б. Археологический атлас Челябинской области. Вып. 1. Степь-лесостепь. Кизильский район Челябинской области / Г. Б. Зданович [и др.]. Челябинск, 2003. 239 с.
4. Зданович, Д. Г. Курганные памятники Южного Зауралья. Астрономические аспекты исследования / Д. Г. Зданович, А. К. Кириллов. Челябинск, 2002. 72 с.
5. Зданович, Г. Б. Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований) / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина. Челябинск : Крокос : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. 256 с.
6. Зданович, Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации) / Г. Б. Зданович. Свердловск : Изд-во УрГУ. 1988. 184 с.
7. Зданович, Г. Б. Стратиграфия поселения Новоникольское I / Г. Б. Зданович // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 113–127.
8. Кириллов, А. К. Археoaстрономические исследования в степном Зауралье: укрепленные поселения «Страны городов» и их окрестности / А. К. Кириллов, Д. Г. Зданович // Астрономия древних обществ. М. : Наука, 2002. С. 151–162.
9. Малютина, Т. С. Исследования Кизильского комплекса памятников эпохи бронзы на Южном Урале: перспективы и возможности / Т. С. Малютина // Индоевропейская история в свете новых исследований : сб. тр. конф. памяти проф. В. А. Сафронова. М., 2010. С. 221–231.
10. Малютина, Т. С. Некрополи укрепленного поселения Аркаим: Александровский IV. Захоронения патриархов аркаимской долины / Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович, А. Г. Гаврилюк // Аркаим — Синташта. Древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Г. Б. Здановича : сб. науч. тр. Ч. 1. Челябинск : ЧелГУ, 2010. С. 179–207.
11. Мерперт, Н. Я. Рец. на кн.: Demircihuyuk. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975–1978. B1. Architektur, Stratigraphie und Befunde / M. Korfmán. Mainz am Rhein. 1983. S. 252. Abb. 374. Pl. 18. СА. 1988. № 2. С. 264–272.

12. Моргунова, Н. Л. Периодизация и хронология ямных памятников Приуралья по данным радиоуглеродного датирования / Н. Л. Моргунова // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006. С. 67–71.

13. Моргунова, Н. Л. Скворцовский курганный могильник / Н. Л. Моргунова [и др.]. Оренбург, 2010. 159 с.

14. Моргунова, Н. Л. Памятники древнейшей культуры на Илеке / Н. Л. Моргунова, А. Ю. Кравцов. Екатеринбург, 1994. 152 с.

15. Салугина, Н. П. Проблема перехода населения Волго-Уралья от раннего к среднему бронзовому веку (на основе анализа посуды из погребальных комплексов) / Н. П. Салугина // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2009. С. 87–98.

16. Сальников, К. В. Древнейшие памятники истории Урала / К. В. Сальников. Свердловск : Свердл. обл. гос. изд-во, 1952.

17. Стоколос, В. С. Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на реке Урал / В. С. Стоколос, Г. И. Стоколос // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. Сер. Ист. науки. 2004. № 2. С. 237–255.

18. Стоколос, В. С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) / В. С. Стоколос // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. Сер. 1. Ист. науки. 2004. № 2. С. 207–236.

С. Е. Пантелеева

КЕРАМИКА СИНТАШТИНСКОГО ТИПА С УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННЫЙ АМБАР*

История изучения памятников синташтинской культуры охватывает уже несколько десятилетий. Но, несмотря на живой интерес археологов ко многим аспектам данной проблематики, неоправданно мало внимания уделяется анализу керамических комплексов поселений. Данная ситуация обусловлена объективными причинами, а именно — долгосрочностью и трудоемкостью исследований как самих поселений, так и их многочисленных и фрагментированных коллекций. В настоящее время, в той или иной степени, вниманию исследователей доступны материалы укрепленных следующих поселений: Аркаим [5], Синташта [2, с. 89–100] и Устье I [1, с. 38–43]. Все археологи отмечают чрезвычайное разнообразие синташтинского керамического комплекса — вариативность форм, морфологических деталей и орнаментальных композиций. Таким образом, одной из главных задач на современном этапе исследований видится накопление источниковой базы по поселенческой керамике синташтинской культуры и ввод в научный оборот этих материалов, что создаст основу для дальнейших интерпретаций и сопоставлений.

Целью настоящей работы является представление широкому кругу специалистов коллекции синташтинской керамики укрепленного поселения Каменный Ам-

* Работа выполнена в рамках междисциплинарного проекта, поддержанного Президиумом УрО РАН «Природа и общество Южного Зауралья в эпоху бронзы: междисциплинарный анализ археологических памятников» и совместного российско-германского проекта (РФФИ № 12-06-91330-ННИО_a).

бар, которое исследуется на Южном Урале в течение ряда последних лет в рамках совместного российско-германского проекта [4; 6]. Памятник содержит культурные остатки трех хронологических периодов: синташтинского, петровского и срубно-алакульского. Для данной работы была проанализирована посуда синташтинского типа из участков, раскопанных в северо-восточной части поселения, где были исследованы остатки четырех построек и фрагмент фортификации. С синташтинским периодом функционирования поселения связаны постройки 1, 2 и 7, постройка 3 относится к срубно-алакульскому времени (рис. 1).

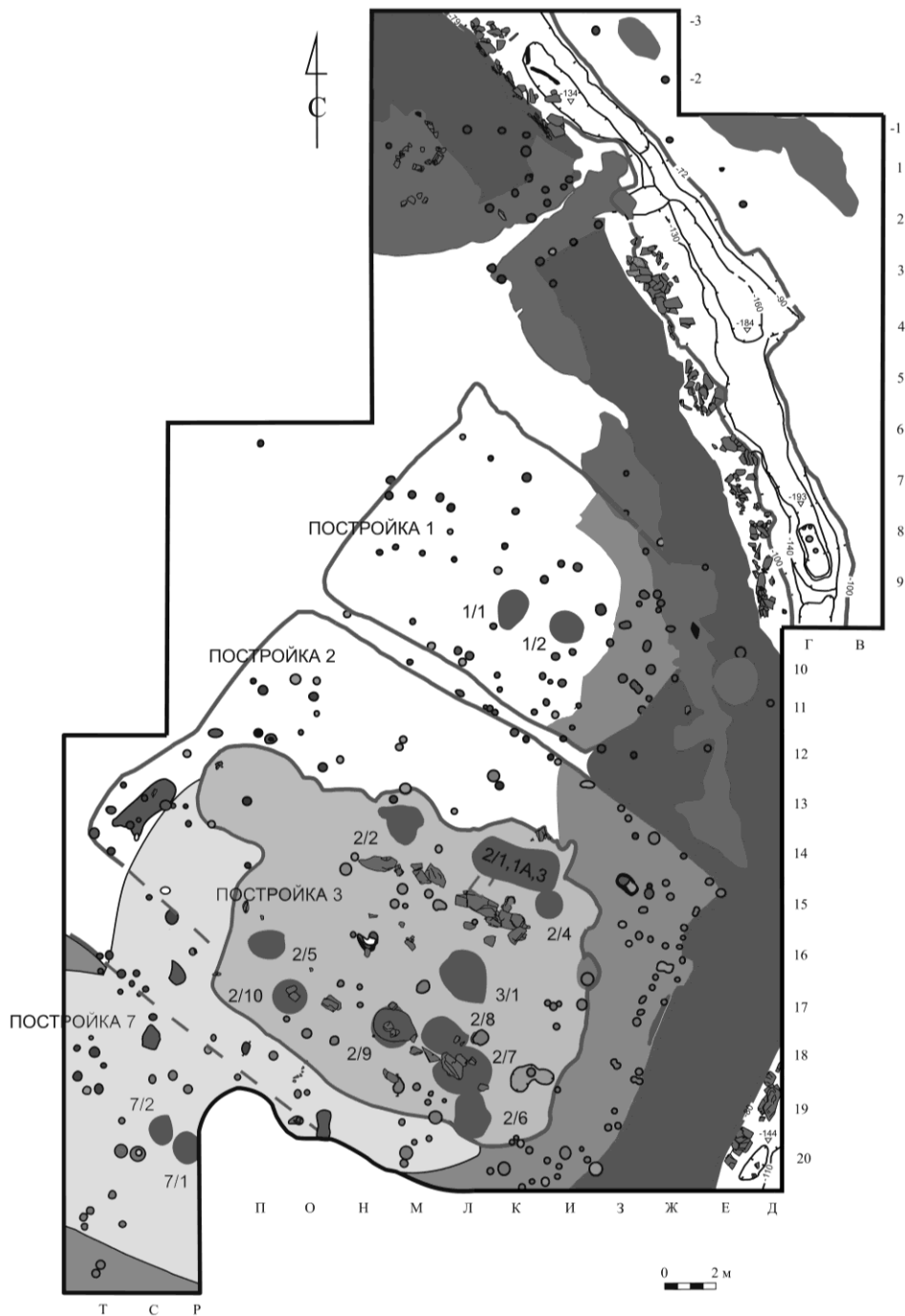

Рис. 1. Поселение Каменный Амбар. Общий план исследованных объектов в северо-восточной части поселения

Очевидно, что фрагменты битой посуды, извлекаемые из культурного слоя любого поселения, первоначально являлись целыми изделиями, выполнявшими различные функции (приготовление пищи, хранение, транспортировка и т. д.). Многочисленные исследования демонстрируют, что многофункциональность керамических изделий находит отражение в их морфологической, технологической и орнаментальной вариативности, а также в специфике их локализации в археологическом контексте. В связи с этим основными задачами при работе с керамикой поселения Каменный Амбар являлись попытка систематизации материала и создание внутренней типологии, а также анализ пространственного распределения выделенных типологических групп.

Основные ограничения в возможностях анализа и интерпретации синташтинских материалов укрепленного поселения Каменный Амбар связаны с многослойностью памятника, и как следствие этого — со значительным повреждением синташтинского горизонта следами активной жизнедеятельности последующих обитателей поселка. Так, например, постройки 2 и 7 подверглись значительным разрушениям: часть их заполнения уничтожена переотложенными слоями, которые, вероятно, образовались в результате извлечения грунта при сооружении котлованов более поздних жилищ. Кроме того, постройка 2 нарушена сооружением, возведенным в срубно-алакульское время (постройка 3). Все эти факторы обусловили сильную степень фрагментированности керамики: сосуды, которые возможно реконструировать хотя бы графически, представлены единичными экземплярами. Поэтому для анализа керамической коллекции были использованы только верхние части сосудов. Это обстоятельство, несомненно, сократило количество выделяемых типологических групп, поскольку восстановить полностью форму и пропорции большинства изделий не представлялось возможным. Кроме того, неоднократное заселение площадки городища, а впоследствии и различные природные процессы, сопровождавшие разрушение объектов, приводили к перемещению отдельных фрагментов битой посуды в культурном слое. Таким образом, место обнаружения какого-либо фрагмента не всегда могло соответствовать месту его первоначального положения. Еще одним важным моментом, на который необходимо обратить внимание, являются различия в размере и организации жилого пространства в постройках. Если в небольшой постройке 1 обнаружено только два колодца, расположенных в центре помещения, то в более значительной по размерам постройке 2 зафиксировано 11 колодцев, расположенных в два ряда: первый — чуть севернее центральной оси жилища, второй — вдоль его южной стены. В связи с этим возникает закономерное предположение, что исследованные объекты могли быть разнофункциональными. Учитывая все факторы, повлиявшие на качество и информативность источника, можно перейти к изложению результатов исследования имеющихся в распоряжении материалов.

Выборка синташтинской посуды составила 72 экземпляра. В основу систематизации керамики было положено традиционное разделение сосудов на две основные категории — горшки (37 экз.) и банки (35 экз.). Дальнейшее типологическое членение оказалось возможным только при использовании различных критериев классификации. Было установлено, что горшечные формы легко подразделяются на типы на основе различий в морфологических особенностях сосудов, но их орнаментальные композиции чрезвычайно разнообразны и практически не поддаются систематизации (во всяком случае, при данном объеме выборки). Группа же баночных сосудов, напротив, является в целом монолитной по своим морфологическим

характеристикам, но подразделяется на отдельные категории, благодаря устойчивым орнаментальным моделям. Таким образом, удалось выделить четыре типа горшечных сосудов и четыре типа баночных. Сильная фрагментированность коллекции не позволила однозначно отнести часть изделий к конкретным типам, и для максимального охвата имеющейся информации были также сформированы две условные промежуточные группы.

Тип Г-1. Плавнопрофилированные сосуды с прямой шейкой средней высоты (3 экз., 4,2 %). Данная группа включает горшки различных размеров — диаметром 16, 28 и 33 см. У крупных сосудов венчики плоские и прямые, их толщина (1 см) слегка превышает толщину стенок (0,7–0,9 см). У маленького горшка плоский венчик отогнут наружу, его толщина равна толщине стенок (0,7 см). Шейки прямые, высотой 3–3,5 см. У двух сосудов основу декора шейки составляет одинарный или двойной горизонтальный зигзаг, дополненный другими элементами, а тулово украшено вертикальной «елочкой». Общим признаком в построении орнаментальной композиции всех изделий является подчеркивание основания шейки: валиком, двойной прочерченной линией, желобком (рис 2, 1, 2). Все сосуды обнаружены в виде скопления: один — в заполнении постройки 1 рядом с колодцем, другой — в предвходовой части постройки 2, третий — за пределами объектов в хозяйственной яме.

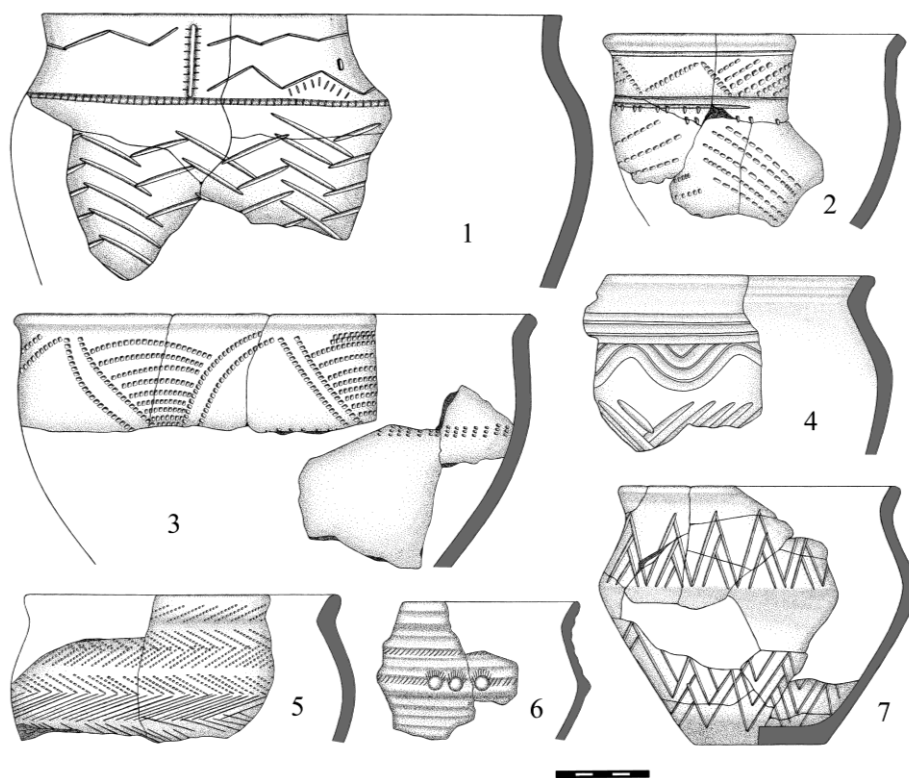

Рис. 2. Керамика синташтинского типа с укрепленного поселения Каменный Амбар: 1, 2 — плавнопрофилированные сосуды с прямой шейкой средней высоты (тип Г-1); 3 — сосуд с короткой резко отогнутой шейкой и колоколовидным туловом (тип Г-2); 4, 5 — плавнопрофилированные горшки с короткой резко отогнутой шейкой (тип Г-3); 6, 7 — горшки с короткой резко отогнутой шейкой и ребристым профилем (тип Г-4)

Тип Г-2. Горшки с короткой резко отогнутой шейкой и колоколовидным туловом (1 экз., 1,4 %). Эта группа представлена единственной емкостью крупного размера (диаметр 28 см). Венчик округлый, его толщина равна толщине стенок (0,8 см). Сосуд орнаментирован по плечу заштрихованными треугольниками

вершиной вниз, нанесенными криволинейными оттисками гребенчатого штампа. Узор подчеркнут снизу горизонтальным пояском коротких наклонных оттисков гребенки (рис. 2, 3). Сосуд обнаружен в виде разрозненных фрагментов, в основном сконцентрированных в северо-западном углу постройки 2.

Тип Г-3. Плавнопрофилированные горшки с короткой резко отогнутой шейкой (14 экз., 19,4 %). Данная группа включает сосуды различного объема, но преобладают емкости малого и среднего размера диаметром от 14 до 24 см. Встречаются как округлые (8 экз.), так и плоские (6 экз.) венчики. Шейка короткая, отогнутая наружу, резкий переход от шейки к плечу образует ребро с внутренней стороны. Профиль плеча плавный. Соотношение толщины стенок и венчика различно: в одних случаях преобладает толщина либо венчика, либо стенок; в других случаях эти показатели равны. Средние значения равны и составляют 0,7 см. Треть шеек орнаментирована с внутренней стороны: двумя или тремя желобками (по 2 экз.), волнистой линией (1 экз.). Интересно отметить, что практически все сосуды с орнаментированными изнутри шейками (кроме одного, обнаруженного во рву) были найдены в заполнении постройки 2.

Орнаментация верхней части сосудов чрезвычайно разнообразна. Тем не менее, выделяется набор основных композиций: 1) пояски наклонных отрезков, образующие горизонтальные «елочки», в некоторых случаях дополненные другими элементами (горизонтальными линиями, «лесенкой») (5 экз.); 2) треугольники, заштрихованные или пустые, вершиной вниз (3 экз.); 3) чередующиеся тонкие валики и желобки, заполненные поясками наклонных отрезков или горизонтальным зигзагом, между которыми по плечу расположена полоса орнамента в виде заштрихованных треугольников вершиной вниз или отдельных групп наклонных отрезков (3 экз.); 4) округлые фестоны, расположенные под тройными горизонтальными линиями или сгруппированными в шахматном порядке горизонтальными отрезками (2 экз.). Декор выполнен в резной технике, а также гладким и гребенчатым штампами (рис. 2, 4, 5).

Анализ пространственного распределения сосудов показал их значительную рассеянность в пределах исследованной территории. Большинство емкостей представлено разрозненными фрагментами, лишь один развал обнаружен в центральной части постройки 1. Половина сосудов обнаружена в пределах сооружений: 4 экз. в постройке 1 и 3 экз. в постройке 2; остальные – в межжилищном пространстве или в переотложенном положении. Какой-либо закономерности в положении керамики внутри жилых сооружений не прослеживается.

Тип Г-4. Горшки с короткой резко отогнутой шейкой и ребристым профилем (8 экз., 11,1 %). В основном это емкости малого или среднего размера диаметром от 14 до 22 см. Венчики округлые (5 экз.) или плоские (3 экз.); шейка короткая, отогнутая наружу. Половина сосудов имеет ребро с внутренней стороны при переходе от шейки к плечу, у другой половины этот переход сглажен. Переход от плеча к тулову оформлен в виде ребра. Толщина стенок и венчиков, а также соотношение этих показателей аналогичны предыдущей группе сосудов. Орнаментация верхней части горшков настолько разнообразна, что выделить близкие по составу композиции оказалось невозможно. Впрочем, не исключено, что это может объясняться малочисленностью выборки. Единственной характерной деталью декора является орнамент «шишечки», который зафиксирован только у посуды этой группы (рис. 2, 6, 7). Все сосуды находились в пределах объектов (по 4 экз. в постройках 1 и 2), преимущественно концентрируясь вблизи колодцев в глубине по-

мещения. Один из горшков был обнаружен в детском погребении, сооруженном под полом постройки 2 [см. подробнее: 4, с. 67–68].

Первая промежуточная группа — тип Г-3/4. В эту группу вошли обломки горшков с короткой резко отогнутой шейкой, размер которых не позволял определить форму профиля плеча (11 экз., 15,3 %). Анализ пространственного распределения фрагментов показал, что почти две трети сосудов (7 экз.) расположены за пределами построек — в межжилищном пространстве, в зоне оборонительных сооружений и в переотложенных слоях. Степень фрагментированности изделий очень значительная — основная их часть представлена всего одним обломком, в единичных случаях — двумя или тремя. Интересно отметить, что почти все сосуды, обнаруженные в постройке 2 имеют орнаментацию по внутренней стороне шейки, что соответствует наблюдениям, полученным при анализе изделий типа Г-3.

Тип Б-1. Банки, орнаментированные в верхней части двумя горизонтальными валиками (10 экз., 13,9 %). Данная группа в основном представлена крупными сосудами, диаметр которых составляет 30–39 см. Во всех случаях венчик плоский, утолщенный (средняя толщина 1,2 см); средняя толщина стенок 0,8 см. С внешней стороны венчика наносился орнамент. Чаще всего встречается декор в виде пары тонких желобков (4 экз.). Среди других элементов — волнистые линии; заштрихованные треугольники вершиной вверх; горизонтальный зигзаг; пояски наклонных отрезков, выполненные резной техникой, гребенчатым или гладким штампом. Характерной особенностью декора верхней части сосудов являются два горизонтальных валика, разделенные полосой орнамента. Орнамент весьма разнообразен, представлен двойной волнистой линией, одинарным или двойным горизонтальным зигзагом, горизонтальной «елочкой» и другими элементами. Но чаще всего в этой зоне наносились заштрихованные ромбы (ими украшена треть сосудов). Декор выполнен в резной и прочерченной технике, а также гребенчатым штампом. Как правило, сверху и/или снизу узор ограничен поясками наклонных насечек. В тех случаях, когда размер фрагмента позволял оценить орнамент тулова сосуда, зафиксирована вертикальная «елочка» различной толщины, выполненная прочерчиванием или гладким штампом. В целом, не смотря на разнообразие орнаментации данной группы посуды, прослеживается определенный канон построения композиции (рис. 3, 1–3). Основная концентрация фрагментов сосудов приурочена к дальней от входа части построек — вдоль стен, а также вблизи колодцев: постройка 1 — 5 экз., постройка 2 — 2 экз., межжилищное пространство и переотложенные слои — 3 экз.

Тип Б-2. Банки, орнаментированные в верхней части одним горизонтальным валиком (4 экз., 5,6 %). Это сосуды средних и крупных размеров диаметром от 22 до 32 см. Во всех случаях венчик плоский, его толщина слегка превышает толщину стенок (средняя толщина венчика 1 см, стенок — 0,8 см). Как правило, с внешней стороны венчика нанесен орнамент, представляющий собой уголкового вдавления или пояски наклонных отрезков, выполненные резной техникой или гладким штампом. У двух банок под горизонтальным валиком с помощью гладкого штампа нанесены заштрихованные треугольники вершиной вниз (рис. 3, 4). Интересно отметить, что оба изделия происходят из одного объекта (постройка 1). Основная концентрация фрагментов обнаружена вдали от входа — вдоль стен, а также вблизи одного из колодцев. Третий сосуд полностью украшен вертикальной елочкой, нанесенной гребенчатым штампом, а валик подчеркнут снизу пояском наклонных отрезков (рис. 3, 5). Его обломки залежали компактной группой в северо-

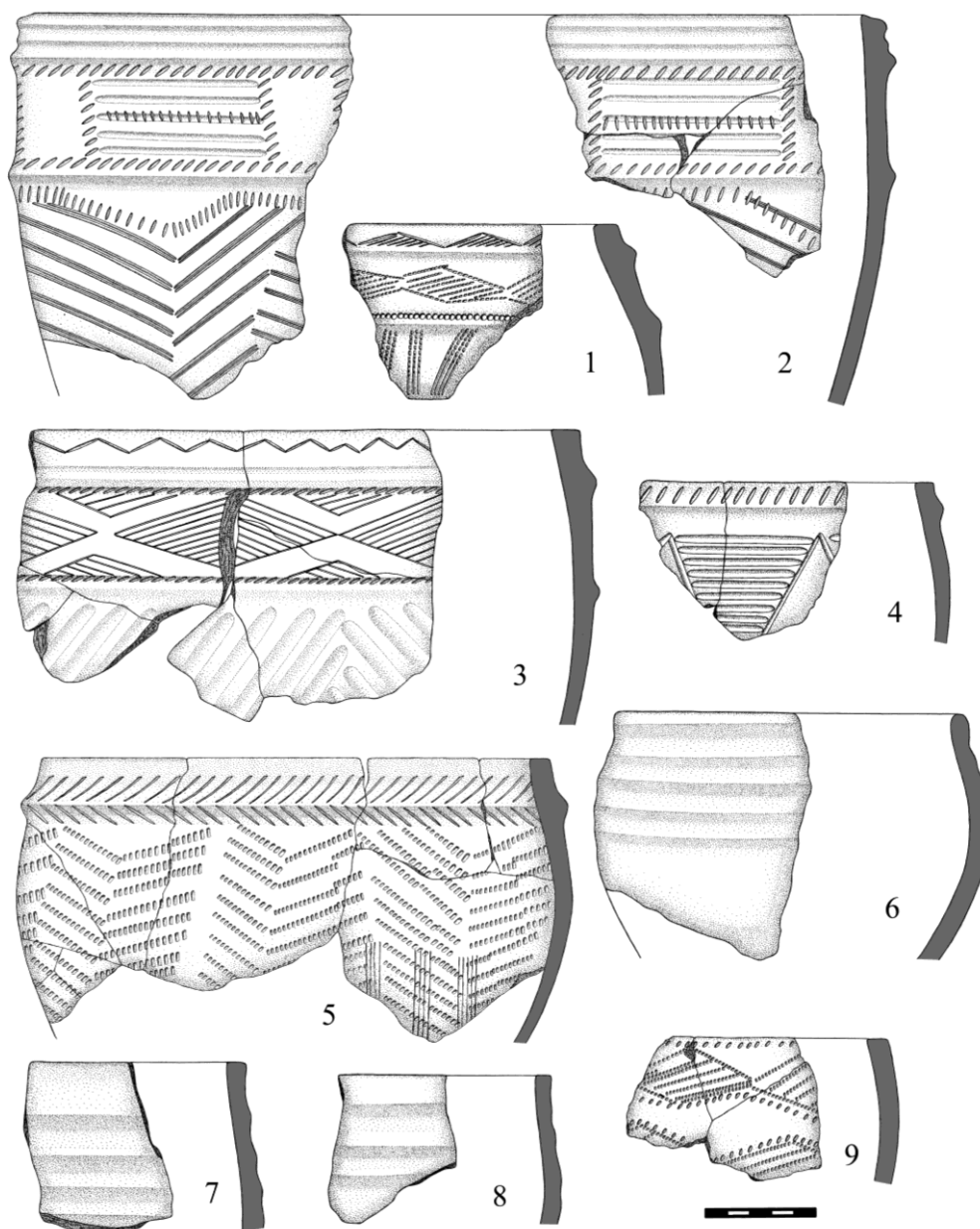

Рис. 3. Керамика синташтинского типа с укрепленного поселения Каменный амбар: 1–3 — банки, орнаментированные в верхней части двумя горизонтальными валиками (тип Б-1); 4, 5 — банки, орнаментированные в верхней части одним горизонтальным валиком (тип Б-2); 6–8 — банки, орнаментированные в верхней части чередующимися валиками и желобками (тип Б-3); 9 — банка без рельефного орнамента (тип Б-4)

западном углу постройки 2. Четвертое изделие не орнаментировано. Этот сосуд был найден в межжилищном пространстве (за пределами задней стены постройки 1).

Вторая промежуточная группа — тип Б-1/2. В эту группу вошли фрагменты сосудов, размеры которых не позволили с уверенностью отнести их к одному из двух предыдущих типов (6 экз., 8,3 %). Большинство обломков было найдено за пределами объектов в межжилищном пространстве. Все сосуды представлены одним, максимум двумя фрагментами, обнаруженными на значительном расстоянии друг от друга.

Тип Б-3. Банки, орнаментированные в верхней части чередующимися валиками и желобками (14 экз., 19,4 %). Данная группа включает емкости различных

размеров (диаметром от 16 до 36 см) и по своим морфологическим характеристикам является наиболее разнородной из всех категорий баночной посуды. Среди рассмотренных изделий зафиксированы и закрытые формы, и сосуды с почти вертикальными стенками. Отдельные банки имеют слегка оттянутый венчик и, приближаясь по форме уже к категории горшков. На данном этапе исследований, учитывая сильную степень фрагментированности посуды и однотипную орнаментацию, было принято решение пока рассматривать все эти сосуды в рамках одной группы. У большинства изделий венчик плоский, округлый встречен только у трех экземпляров. Соотношение толщины стенок и венчика различно: в некоторых случаях преобладает толщина либо венчика, либо стенок, в других случаях эти показатели равны. Среднее значение толщины венчика — 1 см, стенок — 0,9 см. Орнамент верхней части сосудов состоит из чередующихся валиков и желобков, ширина и количество которых варьируют у разных изделий (рис. 3, 6–8). В одном случае под этим орнаментом расположена тройная прочерченная волнистая линия. Две трети сосудов найдено за пределами объектов: в межжилищном пространстве и в переотложенных слоях. В заполнении построек 1 (2 экз.) и 2 (3 экз.) они были обнаружены преимущественно в предвходовой части.

Тип Б-4. Банки без рельефного орнамента (1 экз., 1,4 %). Единственный сосуд данного типа обладает следующими морфологическими характеристиками: диаметр 25 см, венчик плоский, толщина венчика 1 см, стенок — 0,8 см. Орнамент верхней части сосуда состоит из не менее двух рядов заштрихованных ромбов, выполненных гребенчатым штампом. По венчику с внешней стороны нанесен поясok вдавлений. Такими же вдавлениями оконтурены ряды ромбов (первый ряд — снизу, второй — сверху) (рис. 3, 9). Один фрагмент обнаружен в заполнении рва, два — в постройке 1 вблизи колодца.

Итак, в результате анализа керамики синташтинского типа с укрепленного поселения Каменный Амбар был получен ряд важных наблюдений. Количество баночных и горшечных форм в коллекции практически одинаково. Такое соотношение резко отличает бытовую посуду от набора погребальной керамики из расположенного рядом могильника Каменный Амбар-5, где доля баночных сосудов составляет только 2 % [3, с. 160].

Типологические группы, выделенные в процессе изучения коллекции, количественно неравнозначны. Самыми многочисленными изделиями являются банки, орнаментированные в верхней части чередующимися валиками и желобками (тип Б-3) и плавнопрофилированные горшки с короткой резко отогнутой шейкой (тип Г-3). Второе место по количеству занимают банки, орнаментированные в верхней части двумя горизонтальными валиками (тип Б-1), и горшки с короткой резко отогнутой шейкой и ребристым профилем (тип Г-4). Изделия других групп немногочисленны или представлены в единичных экземплярах. Таким образом, определяется круг наиболее используемых в быту и, следовательно, наиболее часто воспроизводимых изделий, составляющих основу синташтинского керамического комплекса. Каждая из этих групп обладает отличительным набором морфологических и орнаментальных характеристик. В процессе систематизации материала было выявлено еще одно существенное отличие от материалов могильника Каменный Амбар-5: если в коллекции могильника абсолютное большинство составляют горшки с ребристым профилем [3], то в коллекции поселения среди горшечных форм преобладают плавнопрофилированные сосуды.

При изучении археологического контекста керамики первостепенное внимание стоит уделить именно находкам из постройки 1, поскольку постройки 2 и 7 претерпели значительные разрушения, и очевидно, что уцелела только малая часть происходящего из них керамического набора. В целом, из заполнения построек происходит чуть более половины всех сосудов (39 экз.), остальные обнаружены в межжилищном пространстве, в области оборонительных сооружений и в переотложенном положении. Как показало исследование пространственного распределения фрагментов, локализация в слое различных типов посуды имеет ряд отличий. Только в постройках или преимущественно в постройках находилась керамика следующих типов: Б-1 и Б-2 (в глубине помещения вдоль стен и вблизи колодцев), Б-4 и Г-4 (вблизи колодцев), Г-1 (в предвходовой части и вблизи колодца), Г-2 (в предвходовой части).

Данные наблюдения позволяют сделать два основных вывода. Во-первых, по периметру помещения располагались наиболее крупные и тяжелые сосуды. Во-вторых, значительная часть изделий концентрировалась в непосредственной близости от колодцев, которые, очевидно играли важнейшую роль в домохозяйстве. Половина сосудов типа Г-3 обнаружена вне объектов, внутри сооружений эти изделия не занимали определенной позиции и находились в различных частях помещения. Возможно, использование этой посуды было связано с ее перемещением в пространстве, в том числе и за пределы построек.

Не исключено, что именно поэтому горшки из постройки 2 имеют характерное украшение шейки с внутренней стороны, являющееся отличительным признаком посуды именно этого жилища. Обломки керамики, размер которых не позволял отнести их однозначно к определенному типу, помещенные в промежуточные группы Г/3-4 и Б/1-2, были преимущественно обнаружены вне сооружений. Очевидно, они являются фрагментами сосудов типов Г-3, Г-4, Б-1 и Б-2. Их размер и положение в пространстве свидетельствуют о том, что эти изделия к заключительному моменту функционирования синташтинских построек уже давно вышли из употребления (были разбиты), и их мелкие обломки в качестве мусора рассеялись по площадке поселения. Фрагменты сосудов типа Б-3 преимущественно фиксировались за пределами построек и в их предвходовой части. Как уже отмечалось выше, эта группа наименее однородна морфологически, и представлена наиболее бедно и грубо декорированными изделиями. Можно предположить, что данные сосуды не были предназначены для приготовления и/или употребления пищи, а могли быть связаны с какой-либо хозяйственной деятельностью за пределами помещений.

Таким образом, в результате изучения коллекции синташтинской керамики с укрепленного поселения Каменный Амбар удалось не только дать общую характеристику морфологических и орнаментальных особенностей посуды, но и на основе внутренних различий выделить ряд типологических групп. Сосуды каждой из этих групп занимают определенную пространственную позицию в слое поселения и, по-видимому, представляют собой различные функциональные категории. Несомненно, представленное исследование является только началом долгого пути, поскольку выборка керамики пока невелика, и выдвинутые предположения нуждаются в проверке и уточнении. Данная работа на поселении Каменный Амбар будет продолжаться. В связи с этим перспективным видится участок внутренней застройки в северной части памятника, исследуемый раскопками в течение послед-

них лет. Кроме того, в рамках реализации совместного российско-германского проекта в настоящее время проводится петрографический и рентгеноспектральный анализ образцов синташтинской керамики в лаборатории Университета им. Й.-В. Гете (г. Франкфурт-на-Майне). Сопоставление этих данных с результатами типологического исследования, безусловно, будет крайне интересным.

Литература

1. Виноградов, Н. Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типа) / Н. Б. Виноградов. Челябинск : Абрис, 2011. 175 с.
2. Генинг, В. Ф. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во. 1992. Ч. 1. 407 с.
3. Епимахов, А. В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1 / А. В. Епимахов. Челябинск : Челяб. дом печати, 2005. 192 с.
4. Корякова, Л. Н. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) / Л. Н. Корякова, Р. Краузе, А. В. Епимахов [и др.] // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 61-74.
5. Малютина, Т. С. Керамика Аркаима: опыт типологии / Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович // РА. 2004. № 4. С. 67-82.
6. Krause, R. Befestigte Siedlungen der bronzezeitlichen Sintašta-Kultur im Transural, Westsibirien (Russische Föderation) / R. Krause [et al.] // Eurasia Antiqua. 2010. Band 16. P. 97-129.

И. А. Семьян

ВОИНЫ В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА ЭПОХИ БРОНЗЫ. ПОГРЕБЕНИЕ КУЛАЧНОГО БОЙЦА В МОГИЛЬНИКЕ БЕСТАМАК

Роль и место войны в жизни древних обществ Южного Урала и Северного Казахстана чрезвычайно важны для понимания их культурного облика. Суждения о ведущей роли военной элиты в культуругенезе мало подкреплены анализом конкретных фактов, а главное, не сформулированы модели функционирования, не установлены причины высокого уровня милитаризации местного населения.

В настоящее время стоит задача не столько накопления новой информации в ходе полевых исследований, сколько тщательной проработки материала с использованием основных археологических процедур. В историографии отражены результаты изучения военного аспекта синташтинских и петровских древностей [2; 4; 5; 7; 8; 12; 14; 15 и др.]. Традиционным стало представление о высокой военизованности носителей синташтинских и петровских традиций, в тоже время данная оценка опирается скорее на общее впечатление, чем на конкретный анализ.

Несмотря на внушительную базу находок, связанных с военным делом, антропологические материалы синташтинских и петровских погребений демонстрируют

отсутствие ярко выраженного боевого травматизма. Как отмечает Г. Б. Зданович: «Население отличалось хорошим состоянием здоровья. На костях, за редким исключением, отсутствуют следы насильственной смерти. Отмечаются следы заживших травм (переломов костей). Все данные указывают на то, что представители этой популяции не подвергались сильным «физическим перегрузкам и не страдали от голода» [9, с. 26]. Таким образом, отсутствие явных следов боевых действий рассматривается как следствие отсутствия войны как таковой и даже как маркер низкого уровня социальной агрессии.

В связи с расширением круга источников [10–12; 15 и др.] актуальной задачей является пополнение базы данных, созданной более десятилетия назад [13]. Наряду со сбором материалов о вооружении, особый интерес представляет поиск свидетельств боевого травматизма на костях. В данном аспекте наибольший интерес вызывает погребение № 40 Бестамакского могильника [10].

Могильник находится в пределах Тургайской ложбины, в северной ее части, на правом берегу реки Буруктал, восточного притока реки Убаган, у ее истоков. Ближайший населенный пункт поселок Чили Семиозерного района Кустанайской области Республики Казахстан находится в 8 км к юго-востоку. Расположен могильник у северо-восточной окраины древнего поселения Бестамак. Поселение изучалось в 1981–1983 годах и дало разновременные материалы, от неолита до поздней бронзы включительно.

Погребение № 40 было расположено в центральной части раскопа, зафиксировано на глубине 0,45 м. Яма имела скругленные очертания с параметрами 2,14–1,75 м. Ориентировка по линии С–Ю с небольшим отклонением. Помимо достаточно хорошей сохранности погребальных конструкций и изобилия остеологического материала жертвенных животных мы встречаем в яме № 40 могильника костяк мужчины возрастом 35–40 лет с ярко выраженным боевым травматизмом, который был зафиксирован антропологом Р. Линдстромом (рис. 1). Он описал обширный комплекс травм: перелом обеих носовых костей; перелом коренных зубов; перелом локтевого отростка с последующими компенсаторными структурами; головка второй пястной кости деформирована в результате фронтального удара; у одного из длинных пальцев при жизни были удалены две фаланги; одно из ребер имеет следы перелома. По заключению Р. Линдстрома, все травмы погребенного были залечены и он прожил не менее года после их нанесения [Там же, с. 46].

Автор данной статьи продолжительное время занимался боевым спортом и участвовал в соревнованиях (рукопашный бой, армейский рукопашный бой, карате КОИ, смешанные единоборства). Поэтому при первичной оценке описанных повреждений большую роль сыграл личный опыт: я получал схожие травмы (травмы фаланг пальцев, травма пястной кости, перелом ребер). Эти травмы являются типичными для кулачного бойца, или спортсмена полноконтактных единоборств. В этой связи для интерпретации характера повреждений погребенного были использованы в основном данные спортивной медицины бокса, так как на данный момент они наиболее хорошо разработаны и соответствуют нашим требованиям, а также этнографические и археологические материалы.

Рассмотрим первый пункт. Перелом обеих носовых костей. «Большой медицинский справочник» описывает перелом носа так: «Перелом костей носа — механическая травма, нарушение анатомического строения костей носа. Перелом костей носа является наиболее распространенной травмой с повреждением костей

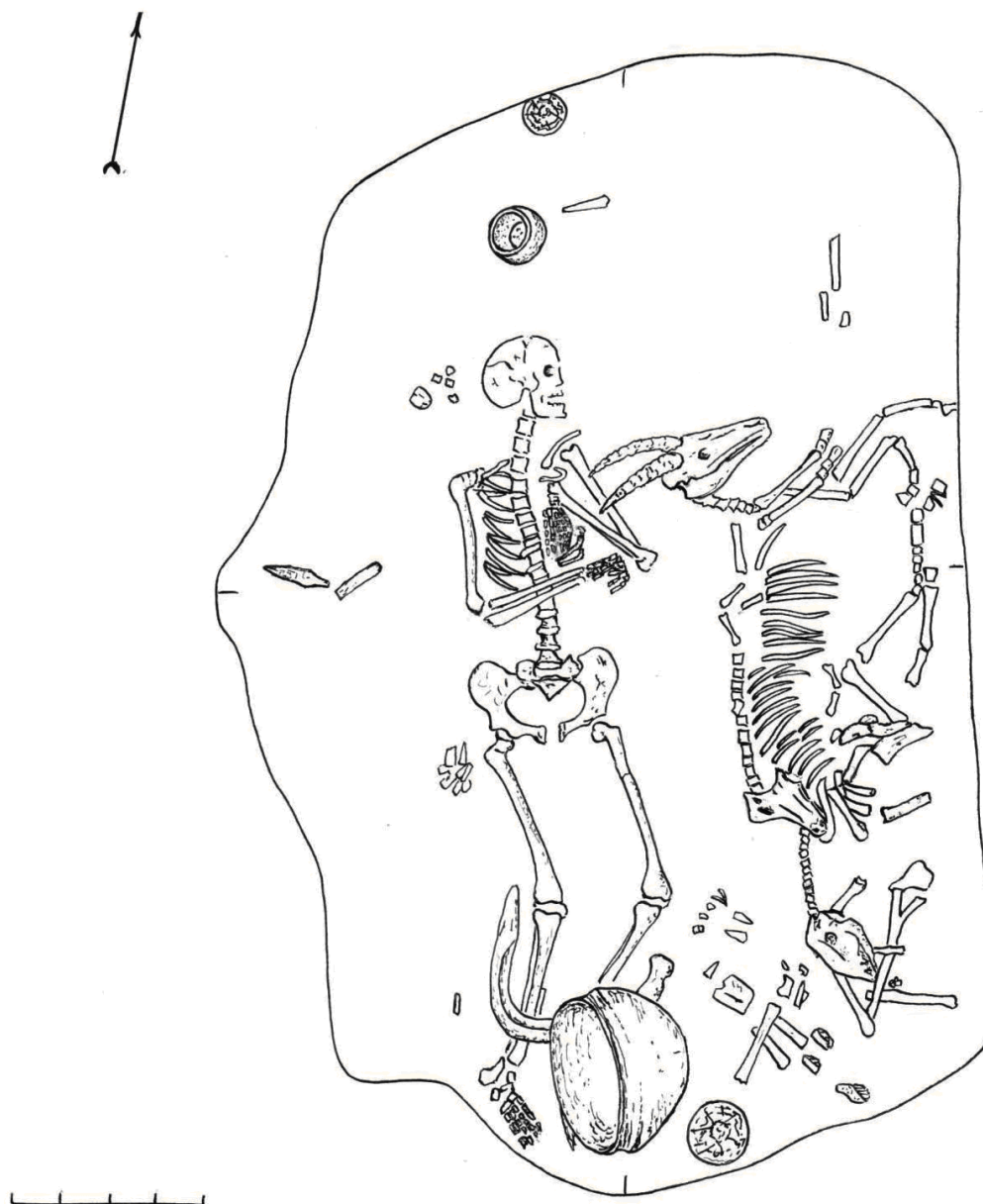

Рис. 1. Могильник Бестамак. Могильная яма № 40. План на уровне дна могильной ямы

лицевой части черепа, на ее долю приходится около 40–50 % от общего числа повреждений костей черепа. На втором месте находится значительно менее вероятный перелом скуловых костей (около 10 %). Причины травм, влекущих за собой перелом костей носа, могут быть различны. Наиболее частые из них — уличные драки, различные тренировки (бокс, борьба, карате и т. д.). Редко, похожие травмы возникают вследствие падения, бытовых травм, автотравм» [3, с. 178]. Интересное дополнение мы находим в книге о спортивных травмах в боксе «Biomechanics of the head for Olympic boxer punches to the face»: «Специфика перелома носовой кости заключается в смещении костного материала согласно траектории нанесенного удара, что визуально определяется в виде искривленной спинки носа бойца. Случаи единовременного перелома обеих носовых костей, крайне редки» [19, р. 58]. Таким образом, мы можем говорить, что при жизни мужчина, погребенный в яме № 40, скорее всего, был травмирован в области носа неоднократно. Сильные удары в лицо наносились ему несколько раз.

Следующим пунктом перечня является перелом коренных зубов. Принципиально важным является тот факт, что зубы мужчины были именно сломаны, а не выбиты. Это весьма типично для профессионального бойца, так как во время боя зубы должны быть крепко сжаты. Это способствует стабилизации челюсти, защите челюсти и зубов, предотвращает нанесение рваных ран в области рта, предотвращает возможную обструкцию трахеи выбитым зубом. Именно сжатие зубов приводит к их перелому, а не выбиванию. Эти процессы хорошо описаны в книге «Спортивные травмы. Клиническая практика предупреждения и лечения», где даются рекомендации по выбору хорошей капы для предотвращения травм зубов [14, с. 224]. В. Щитов в книге «Бокс для начинающих» пишет о травмах зубов следующее: «Конструктивные особенности капы делают боковые зубы челюсти наиболее подверженными для травм. Определяющим является фактор ухода фронтальных ударов по касательной, в отличие от боковых, таких как хук» [17, с. 74]. В нашем случае мы имеем дело с травмой именно боковых коренных зубов. Греческий историк боевых искусств и европейского кулачного боя Георгис Зорзос в своей книге «Medieval and Renaissance Pankration: Pangration», упоминает, что в погребениях кулачных бойцов разных эпох часто встречаются сломанные зубы [22, р. 142]. На основе вышесказанного можно сделать вывод, что при получении повреждения зубы мужчины были сжаты, что является признаком бойца.

Следующим пунктом перечня является перелом локтевого отростка с образованием в последующем компенсаторных структур. Такая травма является достаточно серьезной и ее получают, как правило, в очень жестком бою. Сегодня она характерна для спортсменов, выступающих в рамках единоборств, где разрешена ударная техника локтями, например смешанные единоборства, тайский бокс, бирманский бокс, джиу-джитсу, кудо и т. д. Наиболее новое и полное руководство по тайскому боксу на русском языке так характеризует интересующую нас травму: «Ошибки в технике ударов локтями часто приводят к онемению бьющей руки, вывихам локтевого сустава и даже перелому локтевого отростка... Перелом локтевого отростка нередко приводит к инвалидности вследствие деформаций и посттравматических осложнений» [1, с. 110].

Исторически нанесение ударов локтями было свойственно и европейским бойцам. Упоминания об этом есть в описанной выше книге Г. Зорзоса: «Удары локтями, очевидно, использовались в кулачных боях на протяжении многих веков. Запрет на данную ударную технику появился в Англии в начале XVIII века, когда стал зарождаться современный бокс, подобные удары попали в разряд “грязных”» [22, р. 203]. Итак, перелом локтевого отростка наиболее вероятно был получен изучаемым нами мужчиной эпохи бронзы в рукопашном бою. Этот момент принципиально важен, так как демонстрирует, что мужчина не просто получал повреждения от кого либо, но и сам наносил ответные удары, притом очевидно жестокие и весьма сильные.

Следующий пункт перечня подтверждает вышесказанное. Головка второй пястной кости деформирована в результате фронтального удара. Это одна из самых распространенных травм в боксе. Перелом головки пястной кости даже называют «перелом боксера». Деформация же головки происходит впоследствии удара сжатым кулаком о твердую поверхность. По приводимой статистике травмы пястных костей составляют 39 % от всех травм кисти руки и пальцев в боксе. Переломы и деформации кисти и пальцев бойца наиболее характерны для так называемой

«бьющей» руки или «ударной» руки, которая является ведущей, и обычно более способна на сильный нокаутирующий удар, чем вторая [14, с. 86–87].

Следующим в перечне повреждений, является отсутствие у одного из длинных пальцев мужчины двух фаланг. Объяснить их отсутствие можно тем, что после сильной травмы фаланги заживали неудачно, изуродованный палец приносил болевые ощущения, и было принято решение их удалить. Получение подобных повреждений в бою на голый кулак вполне возможно. Но это лишь гипотеза, доказать которую сложно. Лишь этнографические аналогии дают некоторые аргументы. Серьезные повреждения пальцев чаще получают борцы, чем ударники. Я обратился к истории одной из самых свирепых и древних традиции борьбы – борьбе бразильских индейцев Амазонки ксингу. Данная аборигенная культура Южной Америки до сих пор сохраняет свои боевые традиции, до прихода европейцев находилась на стадии неолита. При освещении традиций ритуальной борьбы «хука-хука» исследователи пишут о тяжелых травматических последствиях состязаний. Увечья считались и считаются индейцами поводом для большой гордости. В боях часто встречаются вывихи и переломы пальцев, и до недавнего времени ксингу часто просто удаляли у борца неправильно сросшиеся пальцы, чтобы они не приносили ему боль, позволяли сжимать кулак и делать захваты [19, р. 139–146].

В случае с нашим бойцом мы, возможно, наблюдаем похожую ситуацию. Вероятно, поединки, в которых мужчина принимал участие, были жестоки и не имели правил, либо почти не имели. Они были похожи на древнегреческий панкратион, для победы могла использоваться любая техника: броски, удары рук и ног, болевые приемы, удушения. В таких условиях получение тяжелых повреждений пальцев имело высокую вероятность.

Последнее повреждение из нашего перечня: перелом ребра, лишь дополняет общую картину полученных мужчиной увечий. Данная травма корпуса является очень типичной для всех видов единоборств и бытовых драк. Но даже сильный и акцентированный удар довольно редко вызывает перелом ребра. В спортивной медицине принято считать, что подобные повреждения возникают в силу ослабления костной структуры после большого количества ударов.

Повреждения были зафиксированы в основном на левой части туловища и, проанализировав всю совокупность травм, мы можем сказать почему. Как известно большинство людей правши, соответственно бьющая рука у них правая. Повреждения ребра и сломанные зубы у костяка как раз с левой стороны тела погребенного. Но судя по характеру повреждений левой руки, у рассматриваемого мужчины именно она была бьющей. Во все времена и во всех видах единоборств боец левша считался наиболее опасным соперником. Это может объяснить, почему именно этот мужчина был бойцом.

Подводя итог, можно с высокой степенью вероятности говорить о том, что мужчина из погребальной ямы № 40 могильника Бестамак был бойцом. Но для чего и, при каких обстоятельствах он дрался неизвестно, определить это на основе имеющихся данных невозможно. Представляется очевидным, что изученный нами спектр травм невозможно объяснить бытовым насилием и личным желанием субъекта подраться в качестве развлечения. Для получения подобных повреждений необходимо участвовать в жестоких схватках регулярно и в течение нескольких лет. Вполне возможно, что бои служили для увеселения публики, или социальной верхушки. Но тяжесть травм побуждает искать более рациональную мотивацию для подобной жестокости.

Вновь приходится обратиться к данным вне археологии. Например, в средневековой Ирландии с глубокой древности существовал обычай, регулирующий пользование пастбищами разными кланами. Д. О'Кронин пишет, что когда возникал конфликт за пастбище, клансмены вооружались и сходились в условленном месте. Так как большинство клансменов не являлось воинами, было вооружено только домашним инструментом, то интересы клана представляли профессиональные кулачные бойцы. Два бойца сходились в жестокой схватке и, как правило, проигравший клан, почитая древний обычай, уступал победителю пастбище или скот без боя [20, с. 204–210].

Возможно, изучаемый нами кулачный боец эпохи бронзы тоже отстаивал неизвестные нам интересы своей общины или рода в организованном поединке. Анализ погребального инвентаря может лишь отчасти помочь в понимании того, кем был его владелец. Погребение сопровождалось несколькими расчлененными коровами, козами и овцами, двумя точильными камнями, небольшим неорнаментированным сосудом, бронзовыми теслом и ножом, развалом орнаментированного сосуда, двумя пестами, 20 кремневыми и одним бронзовым наконечниками. Достаточно обширный набор стрел и наличие бронзового наконечника могут косвенно указывать на воинские занятия погребенного. Примеры столь насыщенных дистанционным вооружением погребений в синташтинской обрядности единичны. Таким образом, инвентарь и жертвоприношения были достаточно разнообразными и богатыми, что может указывать не только на высокий социальный статус погребенного, но и на уважение общины к этому человеку за его навыки бойца.

Литература

1. Артеменко, О. Л. Муай-Тай: свободный бой / О. Л. Артеменко, Т. С. Дроздов. М. : Современное слово, 2001. 311 с.
2. Берсенева, А. Г. Луки синташтинской культуры: материалы и варианты реконструкции / А. Г. Берсенева, А. В. Епимахов, Д. Г. Зданович // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала : сб. науч. тр. к 70-летию Г. Б. Здановича : в 2 ч. Ч. 1. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. С. 82–95.
3. Большой медицинский справочник : кн. практ. врача / ред. А. И. Воробьев. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Оникс : Мир и образование, 2007. 815 с.
4. Генинг, В. Ф. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей : в 2 т. Т. 1 / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 407 с.
5. Епимахов, А. В. Южное Зауралье в период средней бронзы / А. В. Епимахов. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2002. 170 с.
6. Епимахов, А. В. К вопросу о «деградации» колесничного комплекса в период поздней бронзы в Южном Зауралье (по материалам могильника Николаевка II) / А. В. Епимахов // Вестн. ЧГПУ. Сер. Ист. науки. 2004. № 2. С. 105–111.
7. Епимахов, А. В. Евразийские колесницы: Конструктивные особенности и возможности функционирования / А. В. Епимахов, И. В. Чечушков // Археология Южного Урала. Степь. Челябинск : Рифей, 2006. С. 173–187.
8. Епимахов, А. В. «Горизонт колесничных культур» Северной Евразии: Поэтическая метафора и историческое содержание / А. В. Епимахов, И. В. Чечушков // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. Вып. 21. С. 480–500.
9. Зданович, Г. Б. Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Г. Б. Зданович. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2002. 55 с.
10. Калиева, С. С. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) / С. С. Калиева, В. Н. Логвин // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 9. С. 37–52.
11. Логвин, В. Н. Элитное погребение синташтинско-петровского времени с могильника Бестамак / В. Н. Логвин, И. В. Шевнина // VII исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2008. С. 190–197.

12. Логвин, А. В. Курган Халвай 3 (предварительное сообщение) / А. В. Логвин, И. В. Шевнина // Маргулановские чтения – 2011 : материалы междунар. археолог. конф., г. Астана, 20–22 апр. 2011 г. Астана, 2011. С. 291–295.
13. Нелин, Д. В. Вооружение и военное дело населения Южного Зауралья и Северного Казахстана эпохи бронзы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. В. Нелин. Уфа, 1999. 23 с.
14. Ренстрем, П. Спортивные травмы. Клиническая практика предупреждения и лечения / П. Ренстрем. Киев : Олимп. лит., 2003. 472 с.
15. Ткачев, В. В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы / В. В. Ткачев. Актобе : Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
16. Чечушков, И. В. Оголове колесничной лошади эпохи бронзы: Экспериментальное исследование / И. В. Чечушков // Проблемы истории, филологии и культуры. 2007. Вып. 17. С. 421–428.
17. Чечушков, И. В. Колесницы евразийских степей эпохи бронзы / И. В. Чечушков // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 57–65.
18. Щитов, В. Бокс для начинающих / В. Щитов. М. : ФАИР-Пресс, 2004. 48 с.
19. Boas, C. Xingu: Indians and Their Myths / C. Boas, O. Boas. London, 1946. 342 p.
20. O’Croinin, D. Early Medieval Ireland, 400–1200 / D. O’Croinin. London ; New York : Longman, 1995.
21. Viano, D. C. Biomechanics of the head for Olympic boxer punches to the face / D. C. Viano, C. A. Bir ; Br. J. SportsMed. Philadelphia, 2005. 164 с.
22. Zorzos, G. Medieval and Renaissance Pankration: Pangration / G. Zorzos. New York, 2003. 229 с.

А. В. Епимахов, Н. И. Чуев

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ УРАЛЬСКИХ МАТЕРИАЛОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА В КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Древности Урала давно и заслуженно получили широкую известность за пределами России, несмотря на очевидные языковые препятствия в распространении информации. Вне использования этих материалов ныне оказывается невозможным обсуждение многих проблем общеэвразийского масштаба. Яркой иллюстрацией могут служить памятники бронзового века, фигурирующие в целом ряде обобщающих и узко тематических публикаций [7; 8; 11 и др.], где они являются важным звеном в цепи территориальных, хронологических, этнолингвистических и иных построений. Не стала исключением и китайская историография, где интерес к «северным территориям» никогда не угасал полностью, а ныне переживает период количественного и качественного роста.

Китайские археологи ведут активные полевые исследования и осмысление культур эпохи неолита и бронзы в районах вдоль всей северной границы страны. Многие археологические культуры имеют трансграничное расположение и уходят на территорию России, Монголии или Казахстана. Неудивительно, что интерес китайских исследователей обращен к материалам и выводам российских коллег. Китайские археологи непосредственно сотрудничают с российскими специалистами

* Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы «Коммуникации Центральной Евразии — от древности к Новому времени».

из Дальневосточного отделения РАН, а еще больше – Сибирского отделения РАН [3], выпускают публикации по археологической проблематике наших территорий. Наше внимание привлекла статья, посвященная достаточно удаленной от Китая, но близкой нам синташтинской культуре Южного Зауралья [6]. В ее появлении нет ничего неожиданного: главный интерес для китайских коллег представляет колесничная проблематика, поскольку колесница в эпоху бронзы сыграла особую роль в Китае, а вот ее самостоятельное возникновение там не доказано. Более того, в качестве наиболее вероятного источника рассматриваются археологические культуры именно нашего региона. Помимо колесницы есть и другие темы взаимного интереса, как то ритуальные сооружения и культы, технологии, в том числе металлургические, но все-таки главной является тема колесницы.

Для нас эта статья тоже интересна, так как позволяет осознать, как выглядят наши материалы в глазах зарубежных коллег и как они ими воспринимаются и осознаются. Порой это происходит не совсем так, как мы ожидаем, и далеко не всегда по вине иностранных читателей.

Не претендуя на исчерпывающий анализ, мы сосредоточимся на некоторых аспектах этой статьи авторитетного китайского специалиста Ян Цзяньхуа [Там же], имеющих непосредственное отношение к синташтинским древностям бронзового века. Автор работы предпослал аналитической части краткий обзор фактических данных, почерпнутых из публикаций на русском и английском языке [10; 12; 13 и др.]. Впрочем, относительно первого следует оговориться, что использованы в основном иллюстративная часть и «Summary» монографии «Синташта» [1, с. 388–398]. Китайская статья, увидевшая свет в 2007 году, никак не могла учесть более поздние работы (например [9] или перечисленные выше), особенно на русском языке, поэтому необходимо кратко остановиться на некоторых использованных фактах, положенных в основу выводов автора.

Одним из наиболее неожиданных фактов в этом перечне стало довольно подробное описание «церемониальной постройки» с центральным столбом, ступенями, нишей в стене и еще одним столбом близ стены. Непосредственно вслед за этим упоминается крупный храм предков диаметром 18 кв. м. Сопоставить эту информацию с реалиями археологического памятника оказалось не самым простым делом. Лишь обращение к упомянутому «Summary» монографической публикации «Синташта» прояснило дело. Речь идет о «ритуальных сооружениях» в разных частях могильника – СМ (ритуальное сооружение I) и СI [1, с. 237–241, 328–330]. К следам ритуальной деятельности авторы книги отнесли также два канавообразных углубления на территории комплекса СМ*.

Первое, что бросается в глаза при внимательном прочтении монографии – явное несоответствие объема описания фактов и объема реконструкций. Вторые намного детальнее первых и, более того, содержат описание процесса *функционирования* сооружений. К тому же, они дополнены графическими реконструкциями планов, что повышает их убедительность для читателя, лишенного возможности вникнуть в тонкости аргументации. Меж тем, объем исходной информации настолько мизерный, что никак не предполагает детальных заключений о внешнем облике объектов. По-существу, в распоряжении исследователей были два углубления сложной конфигурации со столбовой ямкой в средней части. В заполнении этих

* С нашей точки зрения, эти объекты вполне могли быть сегментами рвов, отнюдь не редких на многих синташтинских некрополях.

сооружений не выявлены культурные остатки (как и сохранившиеся деревянные детали)*, позволяющие оценить характер использования. Судя по локализации на площадке могильника, предположение о ритуальном использовании кажется наиболее логичным, но не более того.

Отчего же эти факты, не самые выразительные на фоне блестящих древностей Синташтинского комплекса, привлекли внимание китайского специалиста? Ответ, как нам кажется, кроется в эффекте «узнавания своего». Вряд ли нуждается в простом обосновании тезис о значительной роли культа предков в духовной жизни и ритуальной деятельности Китая, начиная с глубокой древности. В данном же случае гипотетическая реконструкция (так и не нашедшая дополнительного подкрепления в ходе новых раскопок с использованием большого спектра естественнонаучных методов) нашла благодатную почву. Впрочем, Ян Цзяньхуа не проводит прямых аналогий, говоря лишь о вероятной связи шанского колесничного комплекса с андроновским.

Каковы итоги обращения к этому частному сюжету китайской историографии? Во-первых, следует признать, что даже самые яркие открытия уральского бронзового века пока в недостаточной степени представлены в зарубежной литературе. Более того, качество презентации оставляет желать лучшего, поскольку публикация выводов заметно опережает обнародование фактов. Такого рода перекося («тезисная археология» по Я. А. Шеру) вплоть до последнего времени столь же остро ощущался и в нашей науке. Наконец, еще одна особенность отечественной археологии (хотя, может быть, и археологии других стран) состоит в желании «...извлекать из материала гораздо больше, чем он может дать в действительности» [5, с. 8]. Тенденция, зафиксированная А. А. Формозовым в середине 1970-х годов, проявляется в том, «что в археологической литературе достаточно обычными стало стремление получить от материала неизмеримо больше, чем в нем на деле содержится, и манера изложения, при которой читатели не в состоянии проверить степень обоснованности выводов автора» [Там же, с. 9]. Если русскоязычному читателю еще предоставлена возможность самостоятельной проверки достоверности чужих умозаключений, то иноязычный читатель вынужденно исходит из априорного доверия к выводам коллег. Это накладывает особую ответственность на тех, кто представляет наши материалы за пределами России.

В целом синташтинские древности рассматриваются Ян Цзяньхуа в качестве стадии процесса урбанизации в Евразийской степи, который не получил продолжения и завершился становлением номадизма. По поводу последнего следует отметить, что автор фактически ставит знак равенства между скотоводческой экономикой и кочевничеством, что, на наш взгляд, не вполне соответствует фактам. Достаточно припомнить, что на протяжении всего II тыс. до н. э. в Евразийской степи большинство населения в той или иной степени придерживалось традиций оседлости. Этот образ жизни успешно сочетался с явным преобладанием животноводческой системы обеспечения не только в степной, но и в лесостепной зоне. Что касается урбанизации, то эта оценка синташтинских поселений в этом ключе доступна для критики, начиная с первичных археологических фактов (иерархия поселений, земледелие, ремесленный характер производства и др.), останавливаться на которых в рамках краткой публикации нет резона.

* Для данного могильника трудно сослаться на плохую сохранность дерева. Достаточно вспомнить, что именно здесь были впервые четко зафиксированы детали колес со спицами.

Литература

1. Генинг, В. Ф. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей : в 2 т. Т. 1 / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.
2. Кузьминых, С. В. Проблемы эпохи раннего металла в трудах В. Ф. Генинга / С. В. Кузьминых // Удмуртской археологической экспедиции — 50 лет. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 91–99.
3. Линь, Ю. Переоценка взаимосвязей между бронзовыми изделиями шанской культуры и Северной зоны / Ю. Линь ; пер. А. В. Варенова и С. А. Комиссарова // Китай в эпоху древности. Новосибирск : Наука, 1990. С. 29–45.
4. Стефанов, В. И. О культурной принадлежности Большого Синташтинского кургана / В. И. Стефанов // РА. 2009. № 1. С. 18–24.
5. Формозов, А. А. О критике источников в археологии / А. А. Формозов // СА. 1977. № 1. С. 5–14.
6. Ян, Ц. Синьташта: Оу-Я цаоюань цаоци чэншихуа гочэндэ чжунцзе (Синташта. Итог процесса урбанизации в древний период в Евразийской степи) / Ц. Ян // Бяньцзян каогу яньцзю (исследования по археологии пограничья Китая). Вып. 5. Пекин, 2007. С. 216–225.
7. Frachetti, M. Multi-regional emergence of mobile pastoralism and nonuniform institutional complexity across Eurasia / M. Frachetti // Current Anthropology. 2012. № 1. Vol. 53. P. 2–21.
8. Kohl, P. The making of Bronze Age of Eurasia / P. Kohl. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 296 p.
9. Koryakova, L. The Ural and Western Siberia in the Bronze and Iron Age / L. Koryakova, A. V. Epimakhov. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 384 p.
10. Kuz'mina, E. E. The Stages of Development of Stock Breeding, Husbandry and Ecology of the Steppes in the Light of the Archaeological and Paleozoological Data (4th Millenium BC — 8th Century AD) / E. E. Kuz'mina // The Archaeology of the Steppes Methods and Strategies / ed. by B. Genito. Napoli : Istituto Universitario Orientale, 1994. P. 31–71.
11. Social Complexity in Prehistoric Eurasia: Monuments, Metals and Mobility / ed. by B. K. Hanks, K. M. Linduff. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 417 p.
12. Zdanovich, G. B. The 'Country of Towns' of Southern Trans-Urals and Some Aspects of Steppe Assimilation in the Bronze Age / G. B. Zdanovich, D. G. Zdanovich // Ancient interactions: east and west in Eurasia. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 249–263.
13. Zdanovich, G. B. The Steppe of the Urals and Kazakhstan during the Late Bronze Age / G. B. Zdanovich, D. G. Zdanovich // Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. Oxford : McDonald Institute for Archaeological Research, 2003. P. 329–404.

**Е. В. Куприянова, А. С. Якимов,
Л. Р. Сафарова, А. И. Баженов**

ОСОБЕННОСТИ СТРАТИГРАФИИ ПОСЕЛЕНИЯ СТРЕЛЕЦКОЕ 1 (предварительные результаты исследований)

Поселение Стрелецкое 1 расположено в 3,3 км к юго-западу от села Черноречье и в 2,3 км к северо-востоку от поселка Стрелецк в Троицком районе Челябинской области, на левом берегу реки Уй (рис. 1, 2). В полевой сезон 2012 года на поселении проводились комплексные исследования в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2016 годы)». Государственный контракт № 1805-01-41/05-12 от 18.07.2012 г.

Рис. 1. Карта археологических памятников, расположенных вдоль берегов реки Уй, между поселками Стрелецк и Черноречье

История изучения памятника. Поселение Стрелецкое 1 было открыто разведочным отрядом А. М. Кисленко, Т. С. Малютиной, Н. С. Татаринцевой в 1977 году [7], переобследовано в 1993 году В. П. Костюковым [6], в 2006 году — Е. П. Китовым [4].

В 2011 году отрядом международной археологической экспедиции под руководством сотрудников учебно-научного центра изучения проблем природы и человека ЧелГУ Е. В. Куприяновой и Д. Г. Здановича с участием археологов из университетов городов Питтсбург (США) и Шеффилд (Великобритания) было проведено переобследование памятника в рамках мониторинга археологических объектов, расположенных на реке Уй. Было отмечено, что обрушившийся берег обнаружил значительное увеличение мощности культурного слоя в центральной части объекта, обнажившейся в обрыве берега. Под несколькими слоями зольников эпохи бронзы, содержащими керамику разных археологических культур и перекрытыми погребенной почвой, на глубине 1,5–2 м от современной дневной поверхности обнаружены глинистые слои, содержащие материалы эпохи камня.

Летом 2012 года отрядом археологической экспедиции учебно-научного центра изучения проблем природы и человека ЧелГУ был проведен комплекс работ, включавших спасательные раскопки разрушающейся части памятника, а также комплексные исследования с применением естественнонаучных и неразрушающих методов.

Неразрушающие методы исследования

1. Магнитометрическая съемка памятника. Магнитометрическая съемка поселения Стрелецкое 1 показала наличие большого количества мелких металлических объектов в верхних слоях памятника, современную полевую дорогу, но не дала четкой картины каких-либо архитектурных деталей поселения. К сожалению, можно констатировать, что снятие магнитометрического плана поселения не дало желаемых результатов по установлению не фиксируемых визуально архитектурных деталей, что отчасти объясняется супесчаным характером почв данного микрорайона.

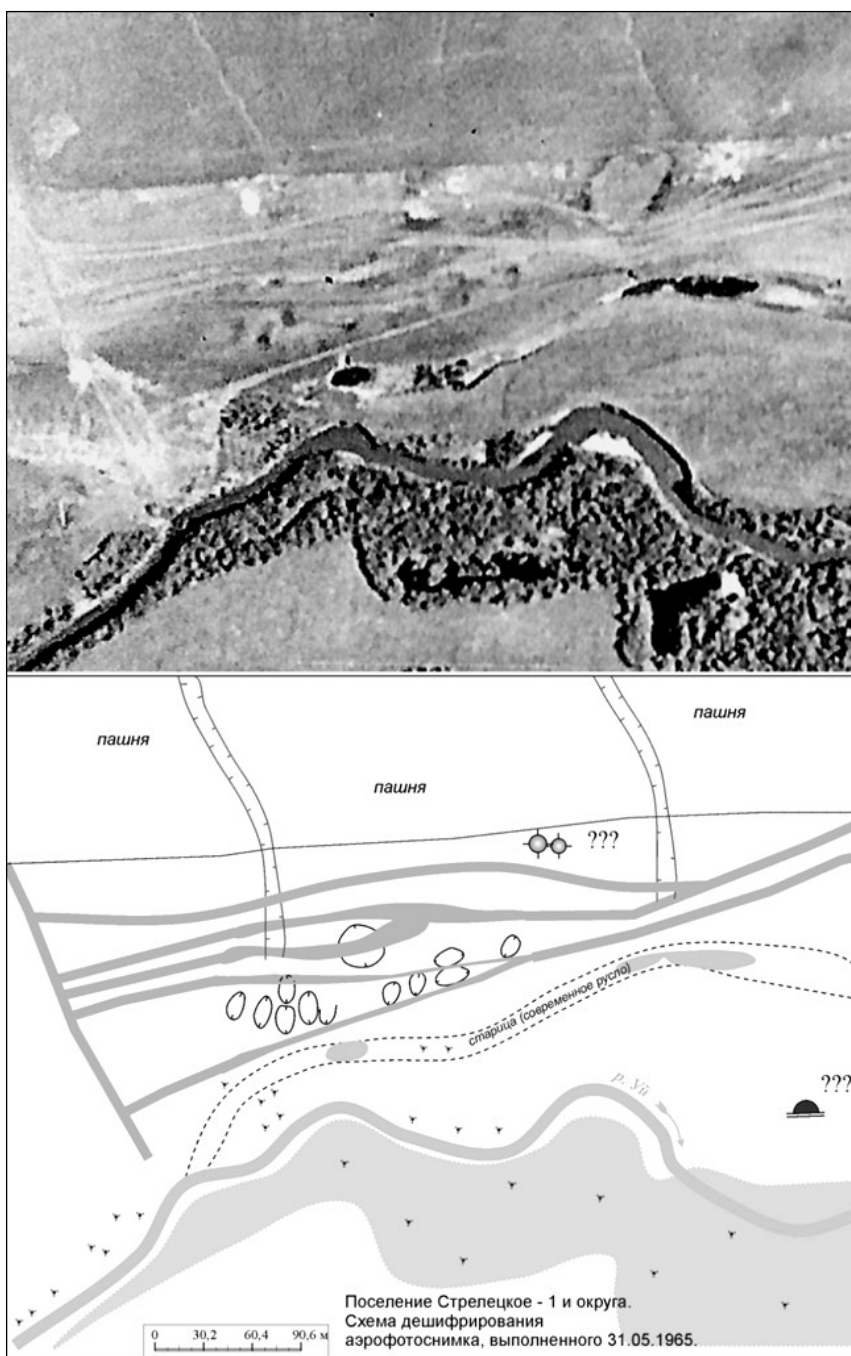

Рис. 2. Поселение Стрелецкое 1. 1 — аэрофотоснимок 1965 г.;
2 — схема дешифрирования аэрофотоснимка 1965 г.

2. *Снятие топографического плана, дешифрирование аэрофотоснимка 1965 г., снятие современного снимка поверхности памятника с воздуха.* Снятие топографического плана памятника (см. рис. 4) электронным тахеометром и соотнесение его с данными аэрофотоснимка местности 1965 г. и современного снимка с воздуха дало следующие результаты:

— зафиксировано смещение русла реки к северу-северо-западу, на территорию, занимаемую объектами поселения за последние 47 лет на 30–150 м. Таким образом, меандрирующим руслом реки на данный момент было уничтожено около 50 % площади поселения;

– при дешифрировании аэрофотоснимка 1965 года фиксировались 12 жилищных впадин, расположенных в ряд в направлении запад-юго-запад – восток-северо-восток перпендикулярно и параллельно руслу реки (рис. 2);

– современный снимок, сделанный с кайта (рис. 3), зафиксировал наличие семи жилищных впадин. На топографическом плане, выполненном с помощью тахеометра, фиксируются восемь впадин;

– соотнесение данных дешифрирования и современного топоплана показало, что исследования 1970–2000 годов принимали за площадку памятника территорию, ограниченную зоной подъемных сборов в обрыве реки. Оказалось, что поселение занимает территорию, более чем вдвое превышающую первоначально зафиксированную. Длина площадки поселения вдоль берега реки превышает 200 м вдоль русла реки. Разрушающаяся часть поселения, с которой ранее собирались подъемные сборы и, которая считалась собственно площадкой поселения, является всего лишь его центральной частью. Сохранившиеся на данный момент жилищные впадины, расположены к западу, востоку и северу от мощнейшего зольника, разрушаемого обрывом;

– сопоставление топографического плана с аэрофотоснимком показало, что поселение Стрелецкое-1 на данный момент является одним из самых крупных по площади поселений эпохи бронзы на данной территории. Соотнесение данных раскопок и занимаемой площади памятника свидетельствует о том, что поселение функционировало на протяжении всей эпохи бронзы.

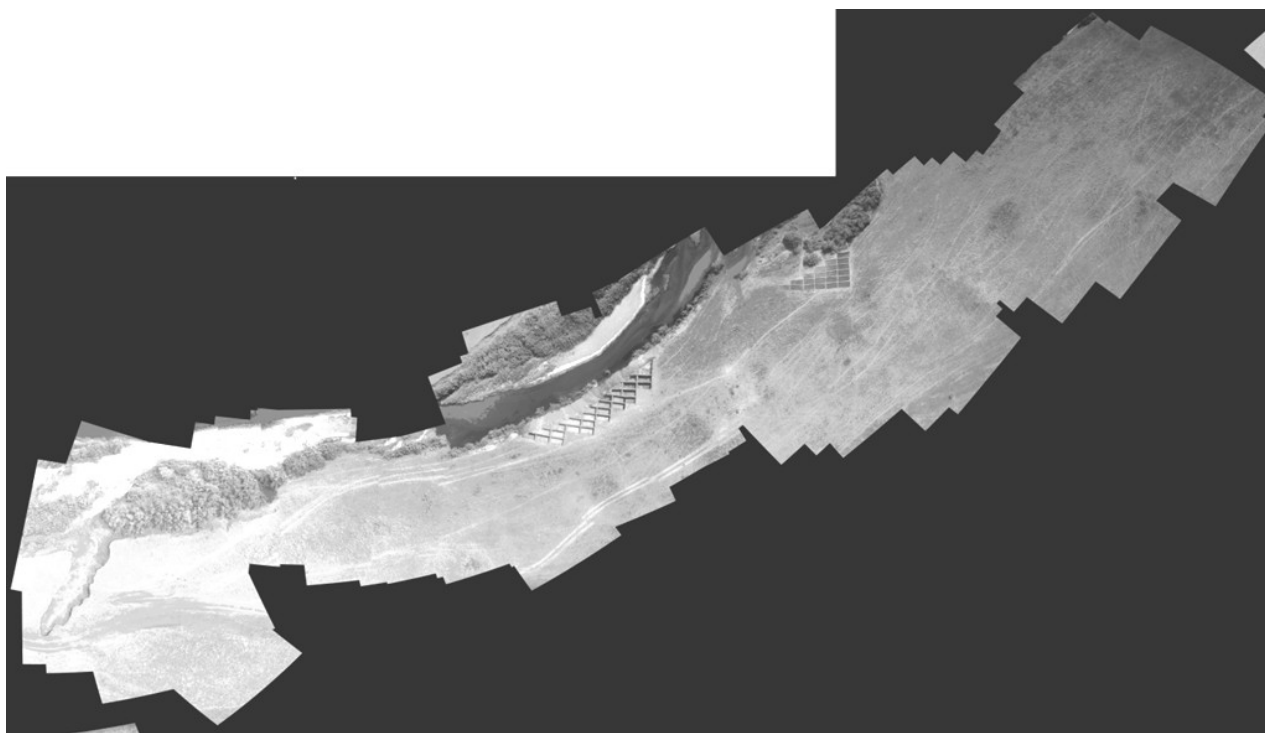

Рис. 3. Поселение Стрелецкое 1. Аэрофотоснимок поверхности памятника, сделанный с воздушного змея (кайт) в 2012 г.

Стратиграфия культурного слоя эпохи бронзы в раскопах 1 и 2. *Раскоп 1*, многоугольной вытянутой формы, был заложен вдоль обрыва на юго-восточной стороне поселения. Раскоп, вытянутый вдоль берега в ЮЗ–СВ направлении, состо-

ял из 16 прямоугольных участков размерами 2×4 м и 19 участков неправильной формы, уходящих в обрыв, общей площадью 234 кв. м. (рис. 2, 3, 4).

Раскоп заложен на зольнике, формировавшемся вдоль берега реки за пределами жилищ, по всей вероятности, за счет выноса мусора за пределы межжилищного пространства. Профили раскопа имеют сложную стратиграфию (рис. 5).

Под слоем дерна по всей поверхности раскопа залегают тонкие песчано-гумусированные прослойки — следы речных наносов. Толщина слоя наносов увеличивается с запада на восток вследствие естественного наклона площадки памятника. Под слоем речных наносов залегают слои серой гумусированной супеси — продукт вторичного почвообразования над зольником эпохи бронзы. Слой имеет неровную границу, заклинками уходящую в золистые слои.

Формирование заклинков обусловлено процессами промывания почвы дождями и водой в период весенних паводков. Толщина слоя уменьшается прямо пропорционально увеличению слоя наносов, очевидно, вследствие смывания почвы паводковыми водами. В западной части мощность гумуса достигает 40–45 см, к востоку этот слой практически исчезает. Слой гумусированной супеси был насыщен артефактами эпохи бронзы (кости, каменные орудия, керамика), однако их культурная принадлежность трудно восстанавливается, так как остаются не вполне понятными до сих пор процессы перемещения артефактов во вторично образующихся слоях.

Более ясная стратиграфическая и культурная ситуация видится в разнообразных золистых слоях, залегающих ниже слоя гумуса. Верхний слой — светло-серый слабогумусированный зольник — содержал керамику и артефакты, которые с уверенностью можно отнести к эпохе финальной бронзы (саргаринско-алексеевская культура). Ниже залегают белесый золистый слой с неравномерными вкраплениями черных и серых пятен. В этом слое зольника содержались артефакты и керамика, относящиеся преимущественно к эпохе поздней бронзы (алакульская культура).

Слои перемежались прерывистыми золистыми прослойками серо-коричневого цвета со слабыми следами прокала. Их толщина редко превышает 5–7 см. Причинами их образования служили, вероятно, периодически заживавшиеся на площадке костры. Диагностика золистых слоев белесого, серого и светло-серого цвета раствором соляной кислоты не выявила наличия карбонатов, тогда как в прослойках серо-коричневого цвета они фиксировались.

По мнению почвоведов и геологов, эти особенности объясняются различными условиями промывания почвенных слоев. В данном случае наиболее вероятной представляется такая интерпретация: основная масса зольников (культурные слои эпох финальной и поздней бронзы) образовалась путем долговременного собирания и выноса мусора с территории поселения, который пережигался на стороне, и попал сюда уже в виде золы с остатками артефактов. Тонкие прослойки серо-коричневого цвета со следами прокалов, напротив, образовались одномоментно, путем поджигания мусора непосредственно в данном месте.

В центральной части раскопа между золистыми слоями зафиксированы прослойки крупного речного мелкозернистого песка, принесенного, по всей вероятности, рекой.

Можно предположить, что, по крайней мере, один раз за период функционирования поселения, в алакульское время, вследствие разлива реки случилось сильное наводнение.

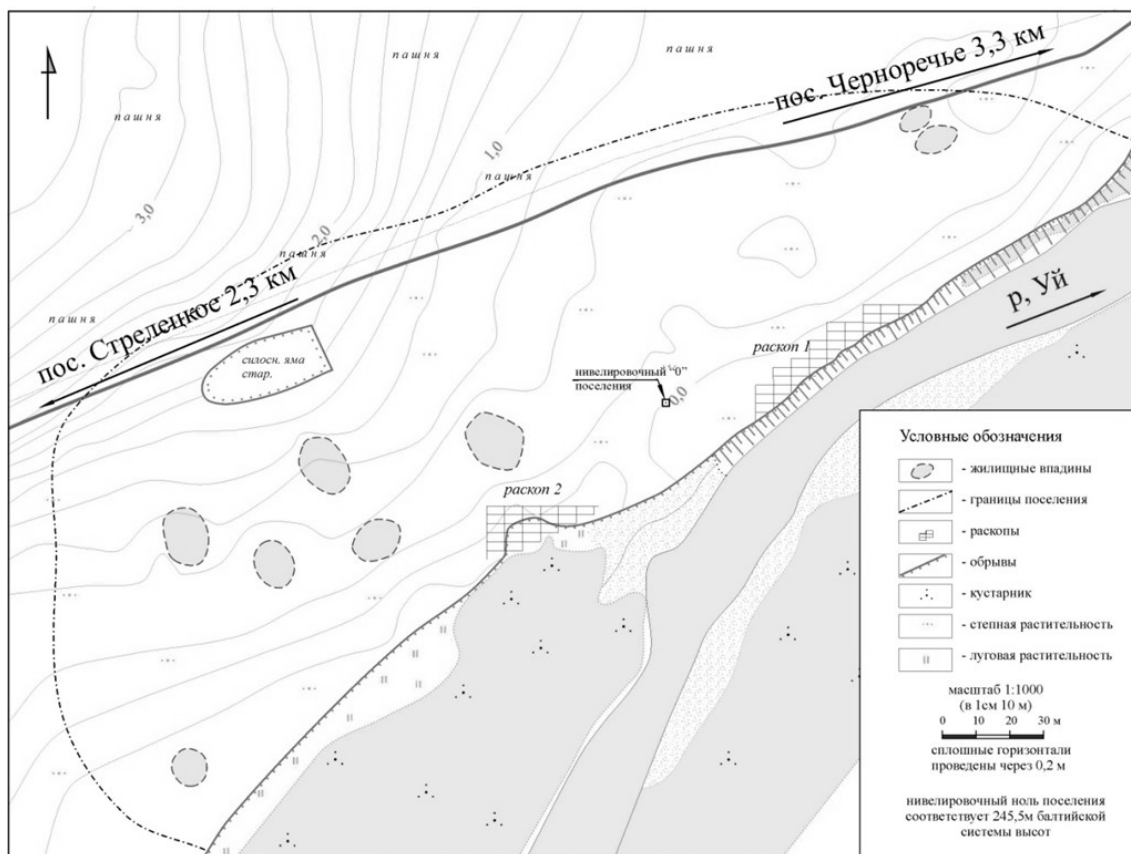

Рис. 4. Поселение Стрелцкое 1. Топографический план

Условные обозначения

- дери
- речные наносы (слоистый песчано-гумусированный слой)
- темно-серая гумусированная сугесь (слой с размытой нижней границей)
- светло-серый зольный слой
- серый зольный слой
- темно-серый зольный слой (погребенная почва внутри зольника эпохи бронзы)
- погребенная почва эпохи бронзы (черный тяжелый сугилсок)
- погребенная почва эпохи бронзы (черная гумусированная сугесь)
- крупнозернистый аллювиальный лесс желтого цвета (паводковые наносы в эпоху бронзы)
- серо-коричневый зольный слой со слабыми следами приосада
- блесый зольный слой с вкрапленными черными и серыми пятнами

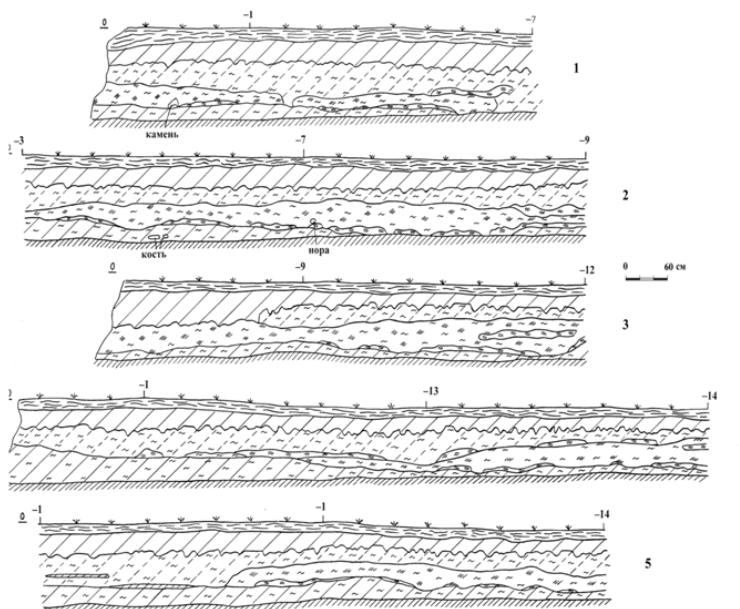

Рис. 5. Поселение Стрелцкое 1. Стратиграфия зольника. Раскоп 1, бровки запад-восток, южные фасы: 1 — бровка -1/1; 2 — бровка 1/2; 3 — бровка 2/3; 4 — бровка 3/4; 5 — бровка 4/5

Описанная ситуация, характерная для основной части раскопа, несколько изменена в северо-западном углу (участки В-Г/-1-1). Здесь в нижней части над погребенным слоем залегает несколько тонких, но достаточно ярких прослоек коричневого и белесого цвета, над которыми залегает тонкий темно-серый золистогумусированный слой, который можно интерпретировать как погребенную почву, начавшую образовываться внутри зольника в перерыве между его использованием. Нижний слой, перекрытый тонким слоем погребенной почвы, содержал керамику эпох средней – поздней бронзы (петровская и синташтинская культуры).

Погребенная почва эпохи бронзы – черный тяжелый илистый суглинок с неровной верхней границей, повторяющей естественный рельеф дневной поверхности на момент начала создания зольника. Таким образом, погребенная почва является в данной ситуации нижней границей культурного слоя эпохи бронзы. На всей площади раскопа не выявлено практически никаких древних вкопов и антропогенных нарушений поверхности погребенной почвы. Мощность древней погребенной почвы достигает 70 см. Под ним залегает материковый слой – желтый крупнозернистый песок, внутри которого на расстоянии около 2 м от современной поверхности в центральной части обрыва находится тонкая линза зеленой глины, содержащая артефакты эпохи палеолита – каменные сколы. Этот слой исследован лишь частично в двух участках крайней к обрыву линии раскопа.

Кроме золистых слоев наличие каких-либо культурных объектов, следов сооружений в пространстве раскопа не обнаружено. Скопления костей и керамики в большинстве своем носят неупорядоченный характер. Исключение составляет скопление челюстей мелкого рогатого скота, зафиксированное в квадрате Ж/8 (рис. 6, 1). Здесь найдены 11 левых ветвей нижних челюстей овец и одна правая ветвь нижней челюсти козы (определения Л. Л. Гайдученко). Стратиграфия и планиграфия этого скопления однозначно указывают на одномоментность их попадания в культурный слой. Отсутствие упорядоченности в планиграфии скопления не позволяет соотнести его с некоей ритуальной выкладкой (инсталляцией). Наиболее вероятно, что в данном случае мы имеем дело с отходами от некоего ритуала, возможно, связанного с календарной символикой. Число 12 постоянно фигурирует в обрядах, орнаментах и иных аспектах культуры, связанных с астрально-календарной символикой в эпоху бронзы изучаемого региона [2]. Антиподы челюстей, использованных в ритуале, были выброшены в зольник. Отсутствие на этих костях следов погрызов собаками позволяет высказать предположение о том, что эти кости были не просто выброшены, но и прикрыты сверху.

Еще одним объектом условно можно назвать единственное искусственное углубление в погребенной почве, обнаруженное у северной стенки на участке В/-1. На уровне погребенной почвы (гл. (-78) – (-95)) зафиксировано углубление аморфных очертаний размерами 40×60 см, глубиной до 20 см, заполненное копролитами (рис. 6, 2). По свидетельству палеозоолога Л. Л. Гайдученко, копролиты из углубления принадлежат собакам, крупному рогатому скоту и, возможно, человеку. Скорее всего, формирование объекта обусловлено уборкой территории межжилищного и вокруг жилищного пространства. Рядом с углублением на уровне погребенной почвы лежал бронзовый серп. Объект относится, судя по стратиграфии, к самым ранним слоям существования поселения – синташтинско-петровской культуре. Более мелкие скопления и отдельные копролиты встречаются в слоях зольника в большом количестве, что довольно необычно для памятников эпохи бронзы, где находки копролитов являются единичными. Этот факт можно объяснить наличием

Рис. 6. Поселение Стрелецкое 1. 1 — скопление челюстей мелкого рогатого скота в раскопе 1, уч. Ж/8;
2 — углубление заполненное копролитами, раскоп 1, уч. В/-1

системы тщательной уборки прилегающей к жилищам территории на всех этапах существования поселения от эпохи средней до финальной бронзы.

В целом процесс формирования зольника поселения на раскопе 1 представляется следующим образом. Площадка, на которой расположен зольник, является пространством между берегом реки и жилищными впадинами. С момента начала функционирования поселения она была предназначена под вынос бытового мусора. Характер находок (пищевые остатки — расколотые кости домашних и диких животных, рыб; богато орнаментированная керамика со следами починки — сверленными отверстиями; фрагменты и целые орудия из камня, кости, керамики, бронзы, использующиеся в бытовой сфере — прядении, ткачестве, охоте, животноводстве, приготовлении пищи и пр.) свидетельствует о том, что в эту часть зольника ссыпались остатки, убираемые из жилищ поселения. Мусор предварительно сжигался за пределами зольника, либо периодически непосредственно на нем. Заполнение зольника свидетельствует о сложной экологичной системе организации очистки поселения от мусора. В слоях зольника, кроме артефактов, встречено большое количество копролитов и их скоплений, представляющих отходы жизнедеятельности человека и собаки, которые, очевидно, специально выметались за пределы межжилищного пространства.

Первоначальный этап формирования зольника относится к эпохе средней-поздней бронзы (синаштинская и петровская культура). Слой, содержащий керамику этого периода, относительно тонкий и зафиксирован только в западном углу раскопа. Неподалеку от поселения Стрелецкое 1 находится укрепленное поселение аркаимского типа — Черноречье, являвшееся в эпоху средней бронзы, вероятно, чем-то вроде административного центра, а также центром металлургии. На поселении Стрелецкое 1 не обнаружено следов металлургического производства, хотя имеются находки предметов из бронзы, в том числе относящихся к синташтинско-петровскому слою. Очевидно, поселение являлось в синташтинско-петровское время периферийным неукрепленным поселком, имевшим тесные связи с культурным центром — укрепленным поселением Черноречье, где следы металлургического производства зафиксированы в больших количествах. Судя по небольшой толщине слоя, поселение в этот период функционировало недолго, а затем наступил небольшой перерыв в его использовании, во время которого над ранними слоями зольника начал формироваться гумусный слой. Возможно, перерыв в использовании зольника связан с большим наводнением, следы которого фиксируются в других профилях в виде слоя речных наносов. Более точное представление о синташтинско-петровском этапе функционирования памятника могло бы дать изучение жилищных впадин, запланированное на будущие сезоны. Основным и наиболее активным этапом использования зольника является эпоха поздней бронзы (алакульская культура). К этому периоду относится большая часть обнаруженной керамики и артефактов. Керамики эпохи финальной бронзы обнаружено гораздо меньше, соответственно, более коротким было и время использования зольника в этот период. В целом можно предполагать, что время функционирования поселения включало около 600 лет и датируется XIX–XIV веками до н. э.

Раскоп 2 имел треугольную форму и состоял из 21 участка 2×4 м, общей площадью 168 кв.м. Раскоп был заложен на краю первой надпойменной террасы на полуовальном углублении, уходящем в обрыв поймы. Изначально углубление было принято за край разрушенной жилищной впадины. В борту обрыва фиксирова-

лись золистые слои и подъемный материал — керамика и каменные отщепы. В процессе раскопок оказалось, что углубление является не частью впадины, а начавшим формироваться в древности оврагом, занесенным речными слоями и задерновавшимся впоследствии. Территория раскопа № 2 является таким же зольником, что и раскоп № 1, точнее, продолжением территории выноса мусора из жилищных впадин, тянущейся вдоль берега реки. Стратиграфия зольника раскопа 2 схожа с составом слоев раскопа 1, но имеет ряд особенностей:

1. Культурный слой в целом тоньше, чем в раскопе 1. В центральной части отсутствует вовсе — на месте оврага в профилях фиксируется лишь мощный слой речных наносов, лежащий на погребенной почве.

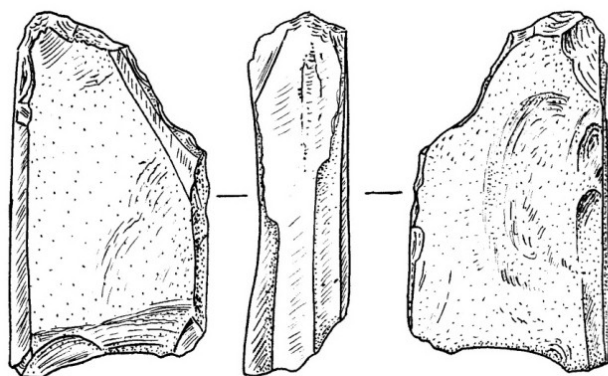
2. В составе профилей можно выделить те же слои, что в раскопе 1 (заклинистый слой серой гумусированной супеси, светло-серый золистый слой, белесый золистый слой с вкраплениями черных и серых пятен, серый золистый слой, тонкие прослойки коричневого золистого слоя со слабыми следами прокала), но мощность всех слоев гораздо тоньше.

3. Существенно отличается культурный слой раскопа 2 по составу артефактов. Керамики на порядок меньше, по внешнему виду она менее нарядная. Много керамики грубо и неумело слепленной. По культурному составу сверху находилась керамика эпохи финальной бронзы, ниже — преобладающая по количеству керамика алакульской культуры. Всего несколько фрагментов можно уверенно отнести к петровской культуре. Гораздо меньше в раскопе 2 и костей животных; большинство из них производят впечатление не кухонных остатков, а технологического материала. В косторезном ремесле существует такой прием обработки кости, когда ее оставляют на открытом пространстве до растрескивания на фрагменты, из которых потом отбирают пригодные для изготовления предметов куски. Большинство костей раскопа 2 представляют именно такие фрагменты, многие имеют следы подработки. Много технических каменных сколов, недоделанных изделий из камня. При сносе бровок в раскопе 2 было обнаружено бронзовое долото, явно предназначенное для обработки дерева и изготовления различных деревянных изделий — чаш, рукоятей и пр. Обнаружено также некоторое количество орудий ремесленного производства: костяные орнаменты для керамики, лоцила, абразивные камни и др. По характеру состава находок можно предположить, что территория раскопа 2 была свалкой, куда выносили преимущественно технические отходы из мастерских по производству керамики, каменных, костяных и других изделий. Множество брака, неумело слепленные сосуды говорят о том, что в мастерских проходило также обучение учеников данным ремеслам. Разграничение территорий бытовой и технической свалки свидетельствует о сложной организации пространства на поселении.

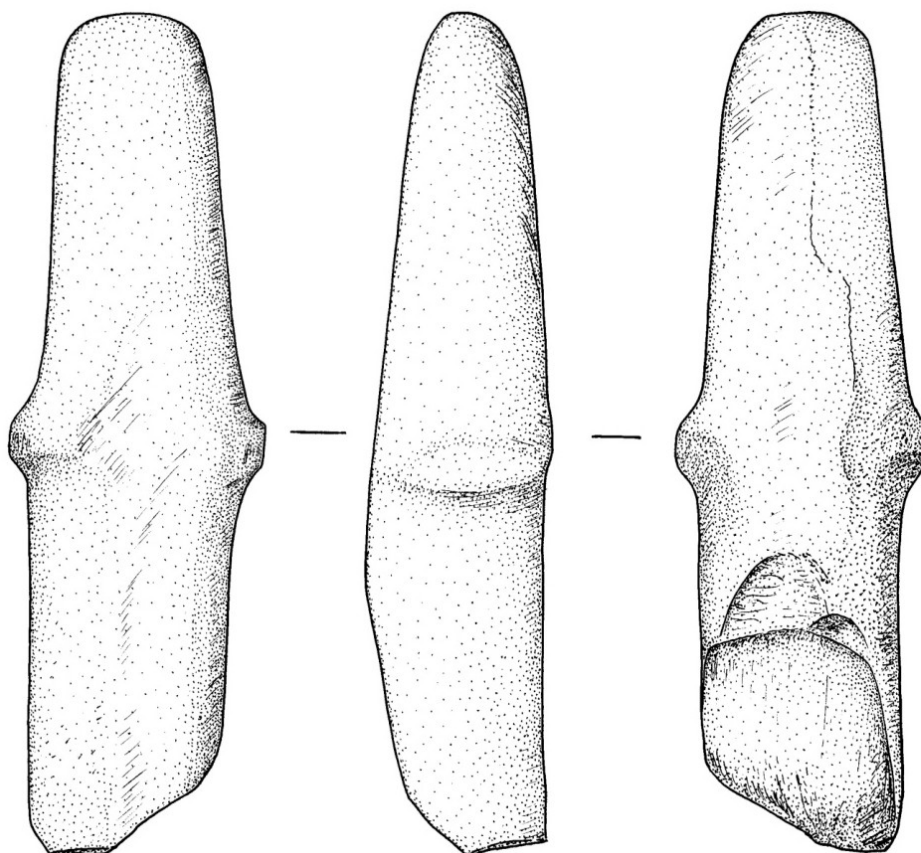
4. Погребенная почва, на которой залегает культурный слой, также имеет отличия от почвы раскопа 1. В припойменной зоне это тот же тяжелый черный суглинок, далее вверх от реки погребенная почва постепенно приобретает супесчаный характер.

Исследование слоев эпохи камня. Обнаруженные в 2011 году при осмотре обрыва поселения артефакты эпохи камня предполагали собой наличие под слоями эпохи бронзы культурного слоя каменного века. Раскопки поселения показали, что под слоем зольника эпохи бронзы находится не потревоженная строительными вмешательствами погребенная почва, повторяющая естественный рельеф дневной

поверхности эпохи бронзы. В целях дальнейшего исследования на краю обрыва в квадратах Е/4 и Г/1 были заложены шурфы, уходящие в обрыв реки. Шурф в квадрате Е/4 показал отсутствие культурного слоя под погребенной почвой эпохи бронзы. Шурф в квадрате Г/1 обнаружил, что под стерильной погребенной почвой толщиной 40–50 см залегает слой зеленоватой глины, содержащий артефакты каменного века — две мелкие кости и нуклеус (прямоугольная плитка из кремнистой породы со сколотыми с торца параллельными пластинами (рис. 7, 1). Нуклеус может предварительно датироваться ранним мезолитом (определения В. С. Мосина).

1

2

Рис. 7. Поселение Стрелецкое 1. Вещевой инвентарь:
1 — нуклеус эпохи мезолита; 2 — зооморфный пест

Таким образом, можно предполагать, что слой эпохи камня залегает в юго-западной части поселения под стерильной прослойкой из погребенной почвы, отделяющей зольник бронзового века. Подробное детальное изучение слоев каменного века запланировано на следующие сезоны.

Раскопы 1 и 2: комплекс артефактов. Основу остеологического комплекса поселения Стрелецкое 1 составляют кости домашних животных — лошадь (остатки 39 особей), крупного рогатого скота (КРС, остатки 182 особей), мелкого рогатого скота (МРС, остатки 147 особей), кости собаки. Из диких видов представлены немногочисленные находки костей лося, кабана, косули, лисицы, зайца, птиц и рыб (определения выполнены Л. Л. Гайдученко).

В раскопах 1 и 2 было обнаружено более 2000 предметов и их фрагментов. Самые многочисленные группы составляет керамика и каменные сколы — отходы производства. Обнаружено также множество костей со следами сработанности.

Керамический комплекс. Керамика из раскопов 1 и 2, культурная принадлежность которой поддается определению, делится на четыре группы:

Группа 1 — керамика из верхних слоев поселения (около 1/4 от общей массы фрагментов), горшечного типа, с зауженной горловиной, плоскодонная, с раздутым туловом и плавно профилированными плечом и шейкой, на шейке в ряде случаев имеется валик (см. рис. 8). Венчики короткие, слегка оттянутые наружу, без внутреннего ребра. Керамика в основном толстостенная и грубой лепки. Поверхность сосудов обычно грубо заглажена. Орнамент керамики локализуется в области шейки и верхней части тулова. Элементы орнамента — косые насечки, горизонтальный и вертикальный зигзаг из двух-трех звеньев, узоры из крестообразно пересекающихся линий, сложные геометрические фигуры и композиции. Основная техника орнаментации — плоский штамп, гребенчатый штамп встречается редко. Перечисленные типологические и технологические характеристики этой группы керамики поселения Стрелецкое 1 полностью соответствуют характеристикам посуды саргаринско-алексеевской культуры эпохи финальной бронзы (в пределах XIV–X (?) веков до н. э.).

Группа 2 составляет большинство (около 3/4 общего объема) фрагментов (см. рис. 9). Состоит в основном из сосудов крупных и средних размеров горшечной формы. Встречено несколько сосудов баночного типа. Тулова сосудов конусообразные, днища плоские. Шейки сосудов горшечного типа плавнопрофилированные, имеют уступчатое плечико. Орнамент сосудов разнообразен — горизонтальные линии, треугольники и композиции из треугольников, свастические и меандроидные композиции — нанесен зубчатым, плоским штампом, прочерчиванием. Для этой группы характерны четко определенные зоны орнаментации: верхняя часть шейки, верхняя часть тулова, придонная часть тулова. В тесте примесь талька. Многие сосуды имеют отверстия для ремонта бронзовыми скрепками. Типологические и технологические характеристики этой группы керамики поселения Стрелецкое 1 соответствуют характеристикам алакульской культуры эпохи поздней бронзы Южного Зауралья (XVII–XV века до н. э.).

Немногочисленная 3 группа керамики (около 30 фрагментов) типологически классифицируется как принадлежащая петровской культуре эпохи поздней бронзы Южного Зауралья (XVIII–XVII века до н. э.) Одними из характерных признаков петровской керамики является наличие «воротничка» на шейке, острореберной профилировки (см. рис. 10, 10, 15, 18).

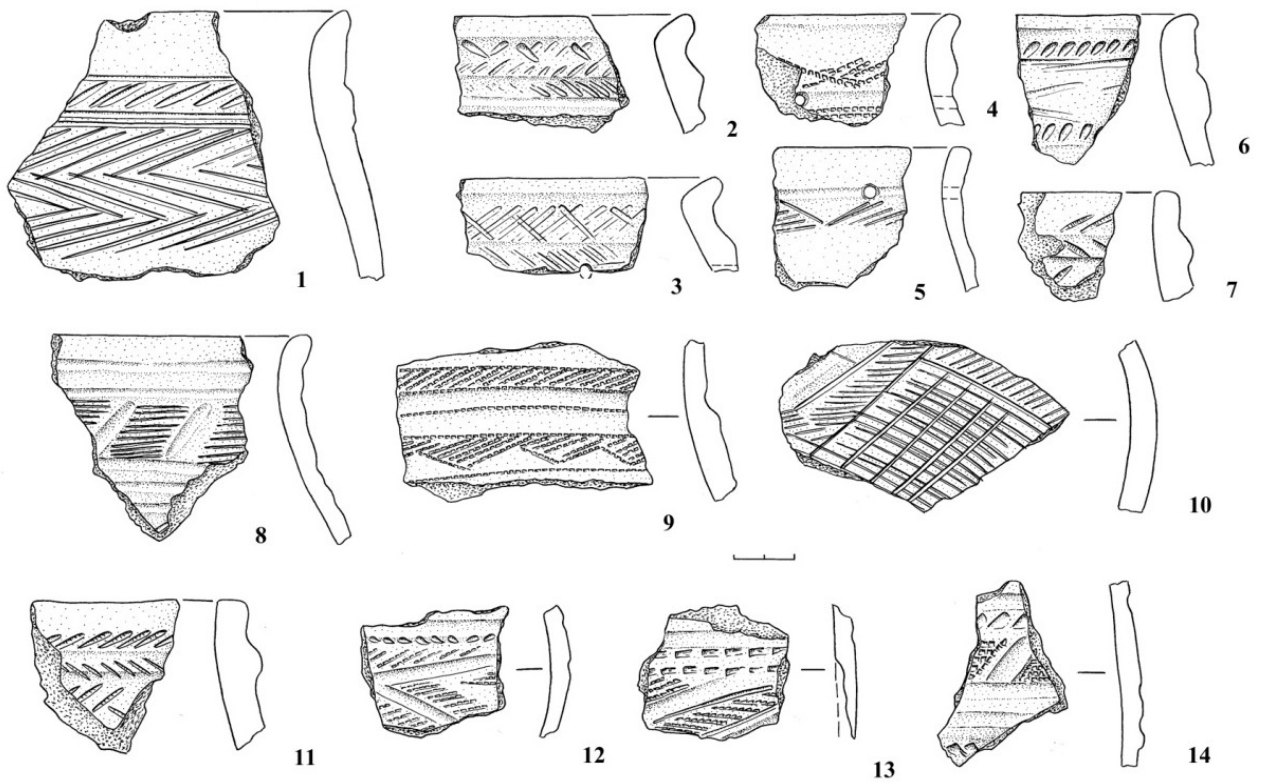

Рис. 8. Поселение Стрелецкое 1. Керамика саргаринско-алексеевской культуры

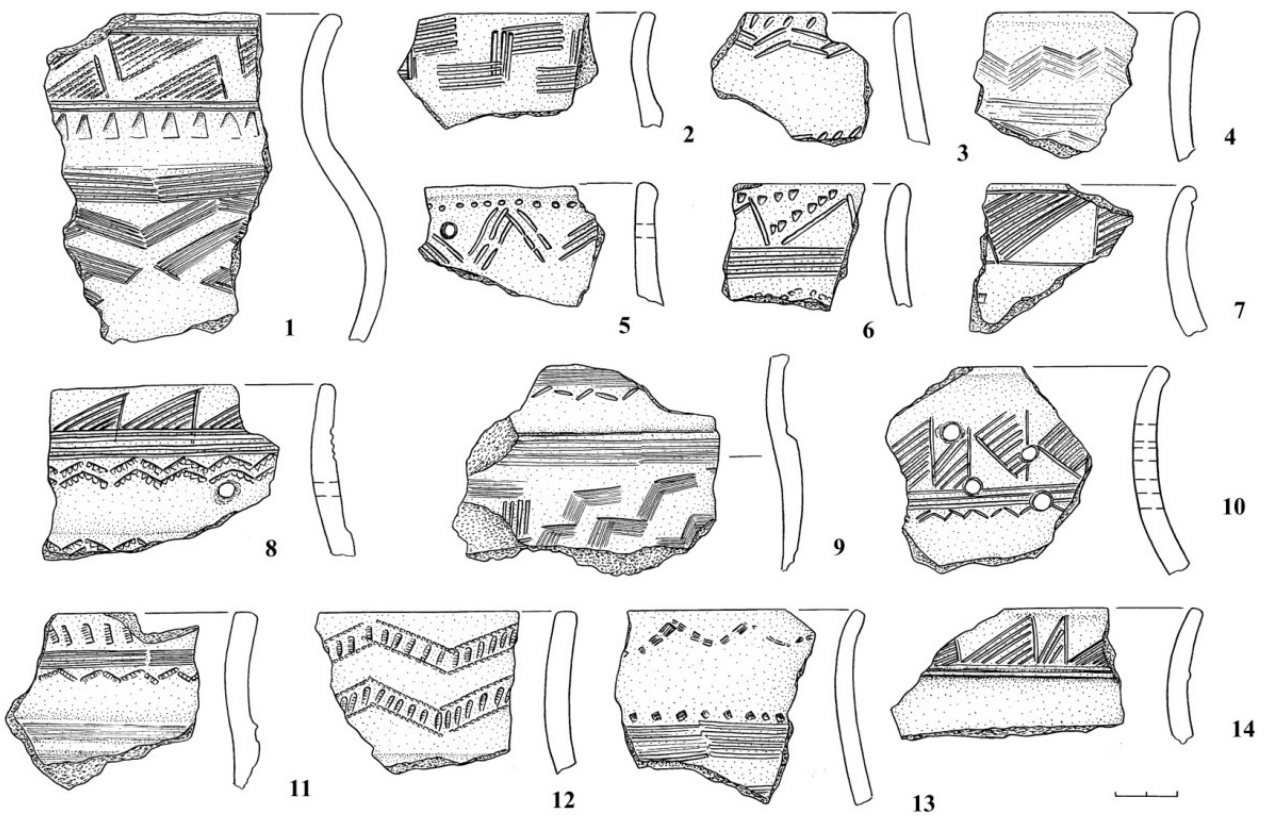

Рис. 9. Поселение Стрелецкое 1. Керамика алакульской культуры

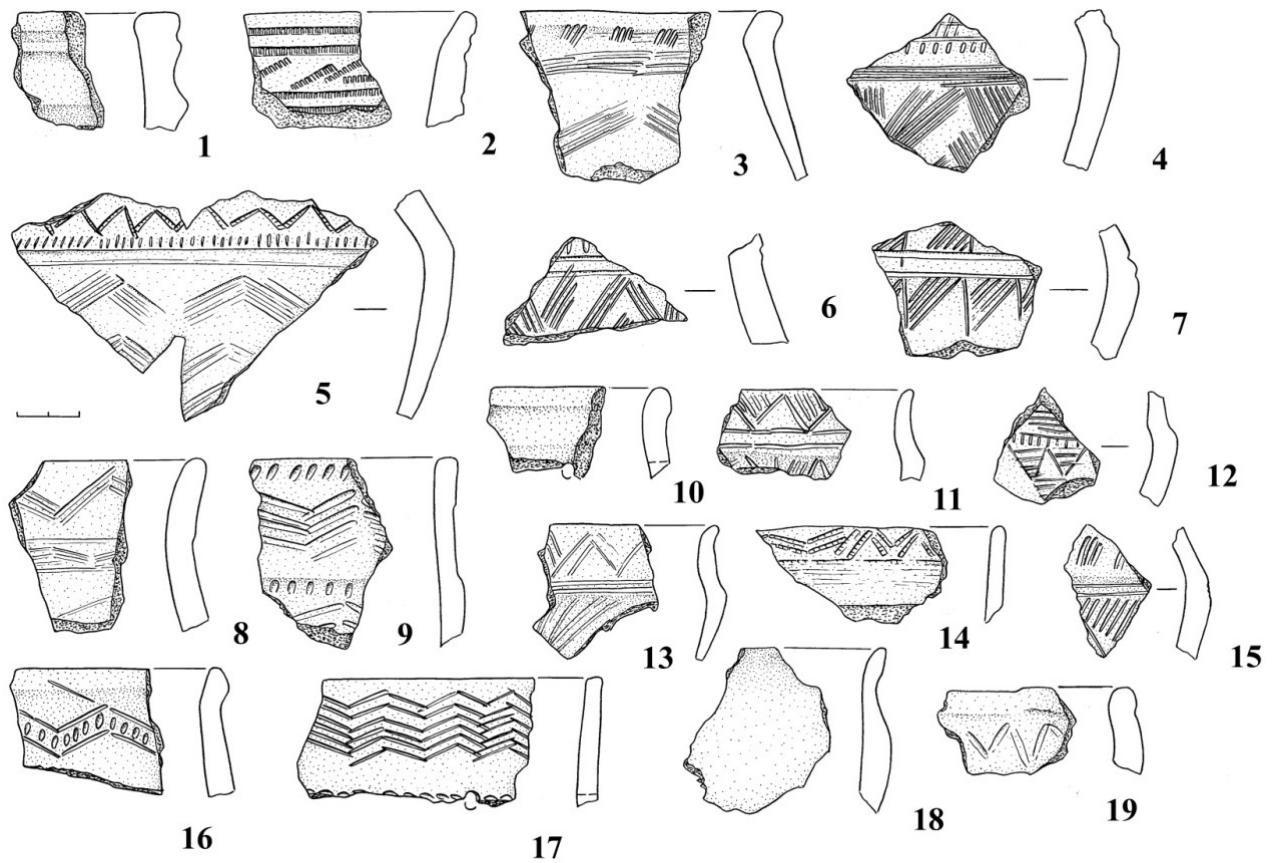

Рис. 10. Поселение Стрелецкое 1. Керамический комплекс. Ранние формы керамики

Несколько фрагментов из нижних слоев участков линий В-Г раскопа 1 уверенно классифицируются как принадлежащие синташтинской культуре эпохи средней бронзы (XXI-XVIII века до н. э.) Южного Зауралья (рис. 7, 1-7). Фрагменты принадлежат остросереберным сосудам с ребром на плече и внутренней части шейки, либо крупным банками с «воротничком» на шейке и глубоким желобком под ним.

Изделия из керамики. Самая многочисленная группа изделий представляет собой так называемые «пряслица», их фрагменты или заготовки под них, изготовленные из кусков керамики, обточенных до формы круга с просверленным круглым отверстием в центре (см. рис. 11, 6, 9). Особый интерес представляют керамические «блюдца», или «таблички», с нанесенными на них знаками (рис. 11, 7-8). Необычную находку представляет собой миниатюрный сосуд-светильник (рис. 11, 3) баночной формы с просверленными по краям отверстиями для подвешивания.

Изделия из камня. Значительную массу находок представляют собой массивные каменные артефакты со следами сработанности — отбойники, точила, терочники, наковальни. Другая группа каменных артефактов — отходы каменной индустрии: нуклеусы, отщепы, камни со сколами и сколы, а также ножевидные пластины, скребки на отщепах. Зафиксировано также несколько кварцевых галек со сработанными гранями — ложила для заглаживания поверхности керамики, каменные диски — крышки и подставки для керамики. К индивидуальным находкам относятся фрагмент каменного оселка (рис. 11, 2); наконечник дротика, обломанный на конце с ретушированной поверхностью (рис. 11, 4); квадратная каменная булава из серпентинита (рис. 11, 1) и два фрагмента круглых булав; грузило неправильной формы с просверленным сквозным отверстием (рис. 11, 5).

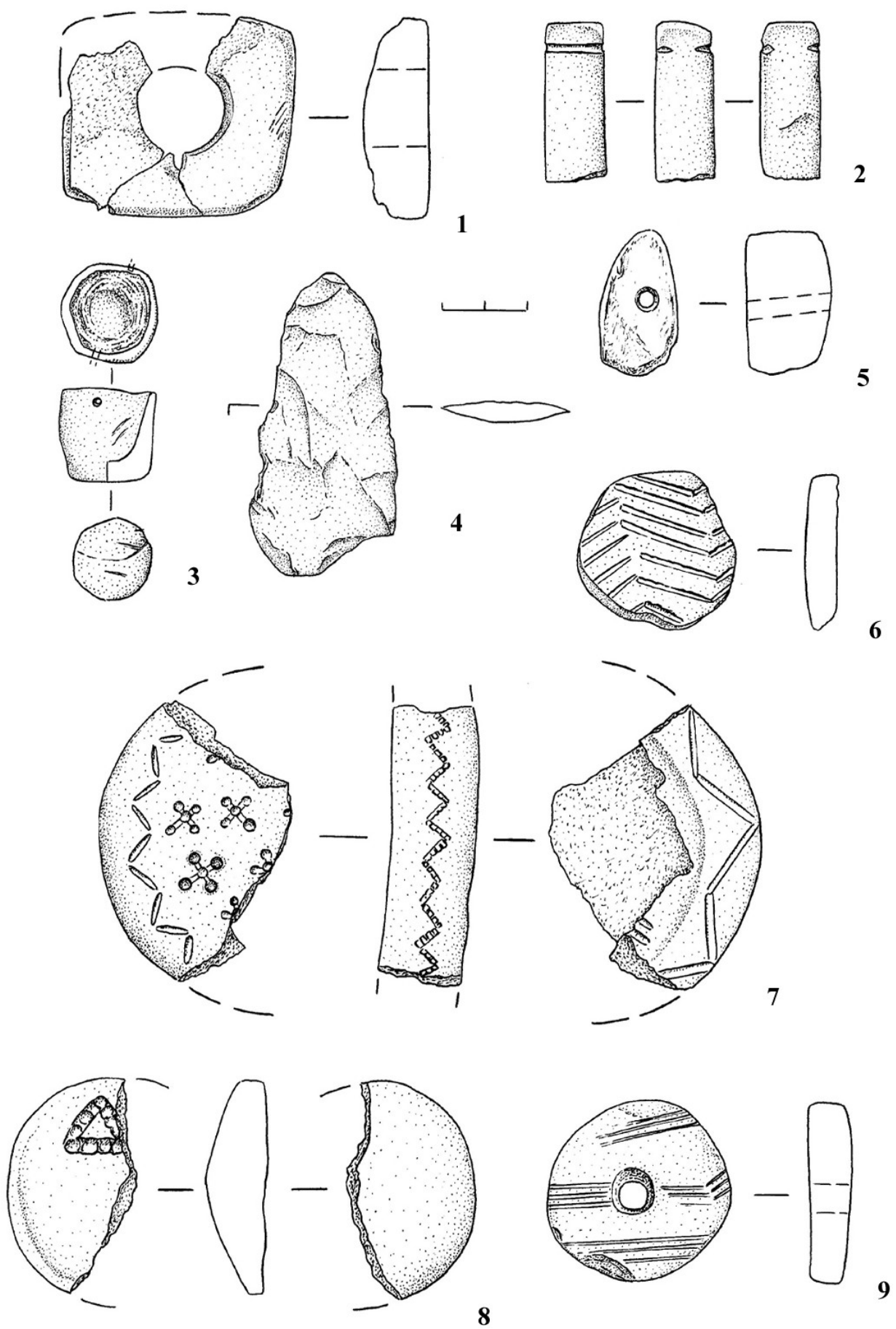

Рис. 11. Поселение Стрелецкое 1. Вещевой инвентарь. Изделия из камня и керамики

Особый интерес представляет собой находка каменного зооморфного песта со стилизованным изображением головы барана (рис. 7, 2). Пест удлиненной конусо-видной формы с обломанным торцевым рабочим краем имеет посередине два параллельных округлых выступа, соединенных желобком, изображающих «рога барана». Уникальность находки обусловлена, с одной стороны, ее редкостью, с другой — тем, что большинство находок подобных зооморфных пестов, наверший, рукоятей, хотя и датируются условно эпохой бронзы, по факту являются в большинстве случайными находками.

Находка песта в слое эпохи бронзы позволяет с уверенностью датировать целую группу типологически схожих артефактов эпохой средней — поздней бронзы.

Изделия из кости. Количество и вид найденных изделий из кости позволяет констатировать высокое развитие косторезного ремесла на поселении Стрелецкое 1. Найдено большое количество заготовок, костей и фрагментов рога со следами срабатанности, шлифовки, насечками. Большую группу составляют проколки из фрагментов трубчатых костей животных с заостренными концами. Из такой же кости изготовлен кочедык для плетения с заостренным концом и насечками для привязывания нитей (см. рис. 12, 5).

Найдено несколько трепал для обработки шкур, изготовленных из сточенных челюстей крупного рогатого скота. Большое разнообразие типов представляют наконечники стрел: квадратные, ромбические, треугольные в сечении, с черешком и без черешка, с шипами и без них, изготовленные из кости и рога (рис. 12, 9–12). Найдены также два изделия из трубчатой кости, которые можно интерпретировать как рукояти инструментов или игольницы (рис. 12, 7, 8).

Редкой находкой являются многофункциональные орудия для гончарства — кости с нарезанными по краю зубцами для нанесения орнамента и зашлифованной широкой поверхностью для лощения поверхности сосудов (рис. 12, 4).

Обнаружены также две костяные плоские таблички, на одной из которых нанесены черточки в виде сетки, клык собаки с просверленным сквозным отверстием, бусина из кости крупной рыбы, а также многочисленные амулеты из подъязычных костей крупного и мелкого рогатого скота с просверленными отверстиями для подвешивания (рис. 12, 1–3). Многочисленность этой группы артефактов на данном памятнике, которые, однако, не встречаются на других памятниках региона, наводят на мысль, что амулет из подъязычной кости являлся своеобразным родовым знаком для жителей данного поселения.

На поселении найдено также большое количество астрагалов крупного и мелкого рогатого скота со следами сточенности, предназначенных для игры и гадания. К гадальным и игральным принадлежностям относятся и пястные кости животных с круглыми сквозными отверстиями. Редкой находкой является гарпун, изготовленный из рога животного (рис. 12, 6).

Изделия из бронзы. На поселении найдены два массивных бронзовых серпа (см. рис. 13, 1–2) — пластинчатых, треугольных в сечении, С-образной формы без насадов для рукояти. Один из серпов, более широкий, находился в верхних слоях, относится к эпохе финальной бронзы.

Другой, более узкий серп, обнаружен в самых нижних слоях и может быть датирован эпохой средней бронзы. В раскопе 2 при сношении бровок обнаружено бронзовое долото (рис. 13, 3). Среди бронзовых орудий также иглы и их фрагменты, обломки пластинчатых орудий (вероятно, ножей).

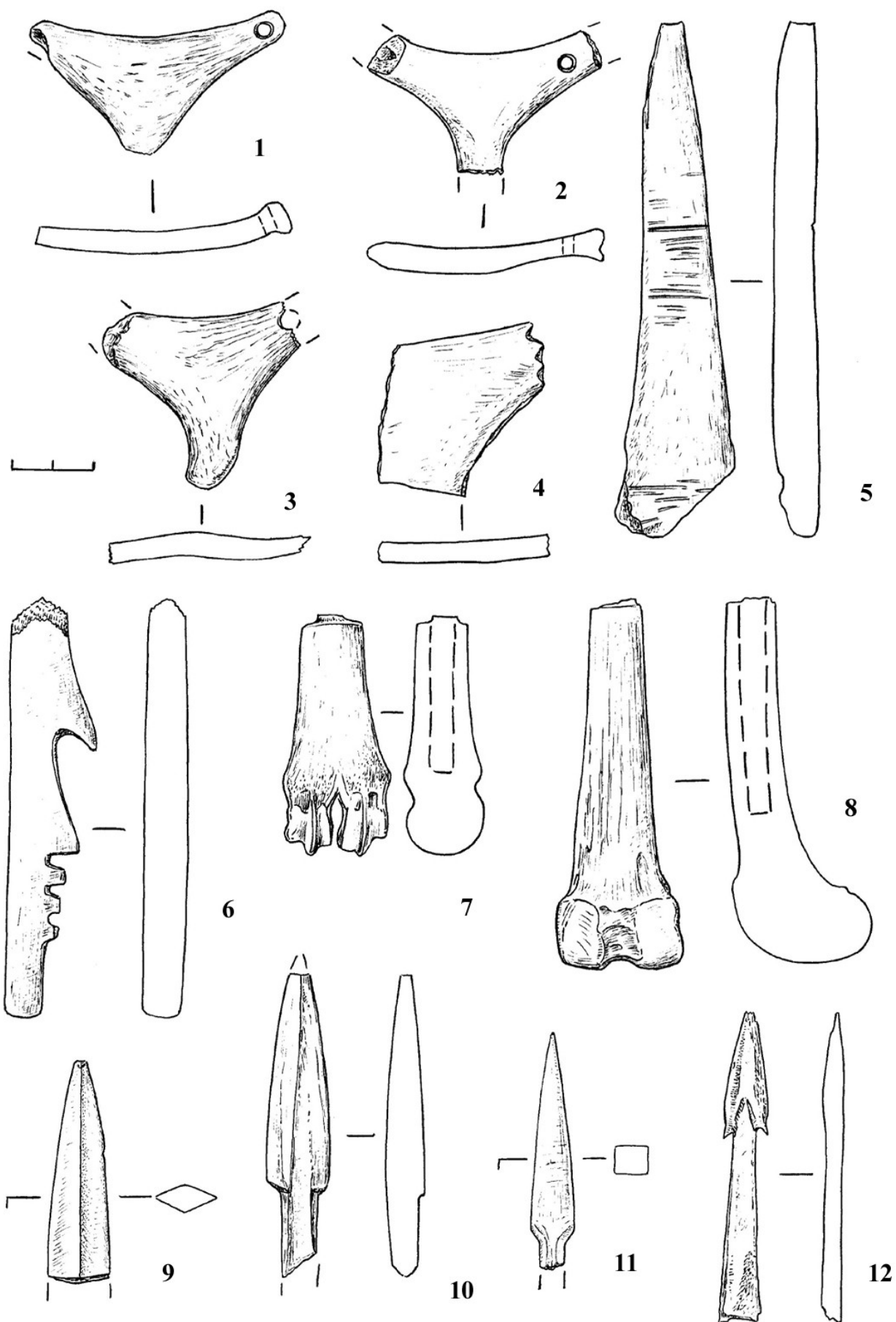

Рис. 12. Поселение Стрелецкое 1. Вещевой инвентарь. Предметы из кости

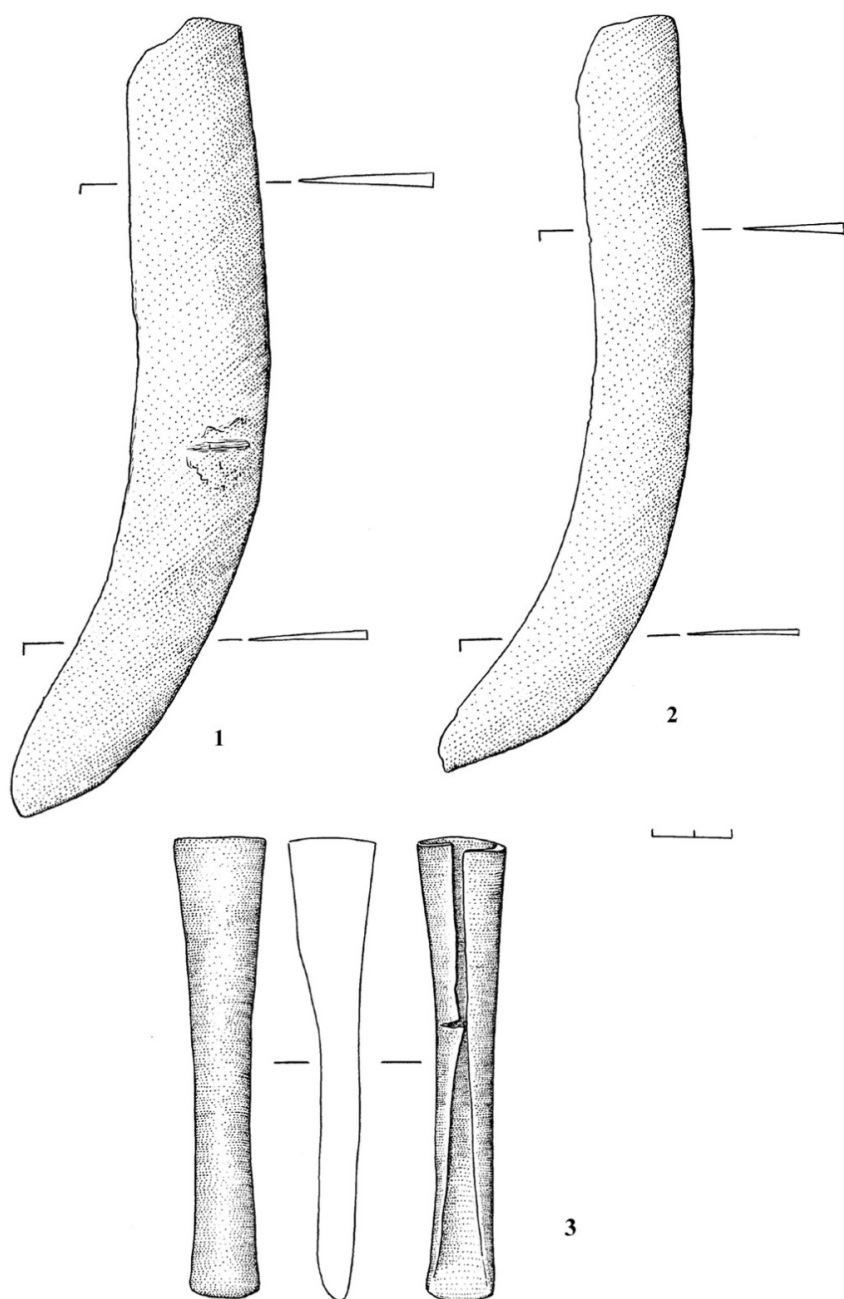

Рис. 13. Поселение Стрелецкое 1. Вещевой инвентарь. Предметы из бронзы

Погребенные почвы и палеогеографическая ситуация. Река Уй разрушает поселение Стрелецкое 1, в результате чего в береговом обнажении хорошо читается стратиграфия памятника. В одном из таких сегментов была выполнена зачистка, проведены почвенно-археологические исследования. Методика проведения этих работ хорошо разработана, изложена во многих научных публикациях [1; 3 и др.]. Отметим, что основу методики составляет сравнительный анализ морфологического строения, физико-химических и биологических свойств погребенной почвы и ее современного аналога в пределах исследуемого археологического памятника. К настоящему времени получены данные о морфологическом строении погребенной почвы и культурных слоев на поселении (см. рис. 14), а также современной почвы (см. рис. 15).

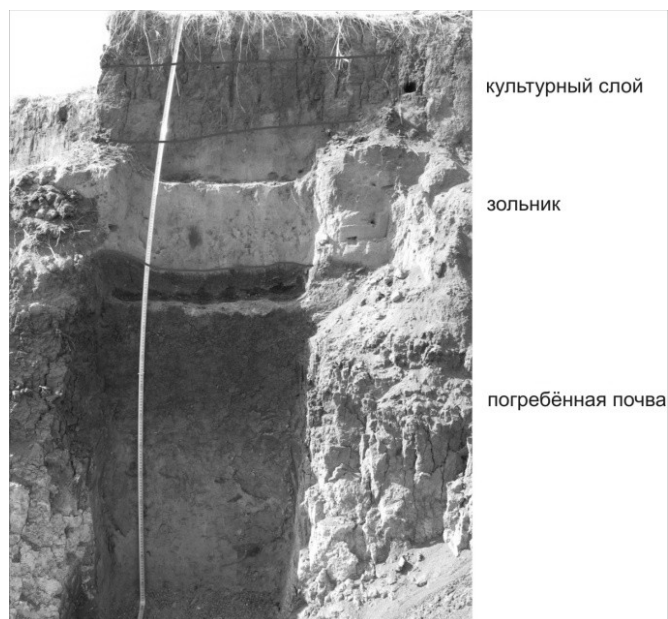

Рис. 14. Погребенная почва на поселении Стрелецкое 1

Рис. 15. Современная почва в окрестностях поселения Стрелецкое 1

Установлено, что самое раннее поселение возникло в эпоху поздней бронзы. При этом постройки этого периода и само поселение было расположено непосредственно на почвенном покрове. Об этом свидетельствует хорошая сохранность погребенной почвы под культурными слоями поздних периодов под всей площадью раскопа 1, которая практически не осложнена ямами, углублениями, вкопами. Таким образом, верхняя часть погребенной почвы (гумусовый горизонт) является археологическим материком для поселения эпохи поздней бронзы. Почвы поздне-бронзового времени и современная относятся к одному почвенному типу – лугово-черноземному [5]. Предварительное датирование погребенной почвы по перекрывающему ее культурному слою позволяет отнести ее к XIX веку до н. э.

На противоположном (правом) берегу реки Уй изучено береговое обнажение с двумя погребенными почвами, которые отделены друг от друга серией аллювиальных слоев (рис. 16). Наиболее древняя почва относится к лугово-черноземному типу, при этом она характеризуется наличием мощного (более 50 см) гумусового горизонта. Она перекрыта пачкой аллювиальных слоев мощностью 65 см. Выше залегает аллювиальная маломощная почва. Таким образом, установлено, что современной природной ситуации предшествовало частое изменение гидрографии реки Уй, и как следствие чередование различных по продолжительности периодов подтопления и осушения. Лугово-черноземная почва фиксирует продолжительную во времени стадию пойменных лугов, тогда как более молодая аллювиальная почва свидетельствует о пойменных условиях почвообразования.

Рис. 16. Береговое обнажение реки Уй с погребенными почвами

Заключение. Исследования 2012 года показали, что поселение Стрелецкое 1 является интересным и перспективным объектом для изучения, как с точки зрения археологии, так и почвоведения. Площадка, на которой расположен памятник, обживалась не только на протяжении всей эпохи бронзы, но и в эпоху камня. Комплекс артефактов, полученных при раскопках, позволяет реконструировать некоторые детали хозяйства, системы жизнеобеспечения древнего населения Южного Зауралья. Почвоведческие исследования в перспективе могут дать данные по датировке культурных слоев, реконструкции палеоклиматической ситуации в эпоху камня – бронзы.

Литература

1. Демкин, В. А. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества / В. А. Демкин. Пущино : ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. 213 с.
2. Зданович, Д. Г. Сосуд из могильника Чекатай: к исследованию «знаковых» орнаментальных композиций эпохи бронзы / Д. Г. Зданович // Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во. 2003. С. 85–98.
3. Иванов, И. В. Эволюция почв степной зоны в голоцене / И. В. Иванов. М. : Наука, 1992. 144 с.
4. Китов, Е. П. Разведочные работы в долине реки Уй (Пластовский и Троицкий районы Челябинской области) в 2006 году / Е. П. Китов ; Архив УНЦ изучения проблем природы и человека ЧелГУ. Челябинск, 2007.
5. Классификация и диагностика почв СССР. М. : Колос, 1977. 224 с.
6. Костюков, В. П. Отчет и полевых работах на территории Челябинской области в 1993 г. / В. П. Костюков ; Архив ЛАИ ЧГПУ. Челябинск, 1993.
7. Малютина, Т. С. Археологическая разведка по р. Уй в Троицком р-не Челябинской области / Т. С. Малютина, Н. С. Татаринцева, А. М. Кисленко // Археологические исследования на Ю.Урале в 1977 г. : отчет. Т. 1 / Архив ИА АН АН СССР, Р-1, № 6607 ; Архив УНЦ изучения проблем природы и человека ЧелГУ. Челябинск, 1977.

И. П. Алаева

ХАРАКТЕРИСТИКА СРУБНО-АЛАКУЛЬСКИХ ПОСТРОЕК В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

На сегодняшний день, в степях Южного Зауралья исследовано 25 поселенческих памятников с материалами позднебронзового века (алакульской и срубной культуры «классического» этапа). Всего на всех памятниках вскрыто около 20 000 кв. м, исследовано полностью или частично 80 построек.

Полноценные раскопки на поселенческих памятниках степной части Южного Зауралья были начаты в 1961 году экспедицией Башкирского филиала АН СССР и Челябинского краеведческого музея под руководством К. В. Сальникова на двух памятниках – У Спасского Моста и Нижнее-Спасское селище. Первые поселения были исследованы достаточно скромными площадями. В дальнейшем пик исследо-

ваний бытовых памятников широкими площадями приходится на протяжении всех 70-х годов 20 века. Свердловские, челябинские и уфимские археологи ведут крупномасштабные работы на таких памятниках, как Мирный II, III, IV, Тавлыкаево, Берсуат XVIII, Кулевчи III, Дружный I [3; 4; 7; 13; 14; 20]. В ходе этих исследований была получена представительная информация о жизнедеятельности населения Южного Зауралья эпохи поздней бронзы: планиграфии алакульских и срубных поселков, конструктивных особенностях жилищ. Сформирована большая коллекция различных предметов и керамических сосудов. Вторая половина 80-х годов 20 века была отмечена переориентацией интересов исследователей на изучение укрепленных поселений синташтинской культуры. В 90-е годы 20 века и с вступлением в 21 столетие начинается новый этап пополнения базы поселенческих памятников позднего бронзового века.

В истории исследования поселений бронзового века в степной части Южного Зауралья можно выделить несколько этапов:

Первый этап (1930–1940 – 1960 гг.) – рекогносцировочный. Этот этап отмечен первыми целенаправленными разведочными работами, закладкой шурфов, небольших раскопов с целью воссоздания общей линии развития населения бронзового века в Южном Зауралье.

Второй этап (1970–1980 гг.) – накопительный. В этот период были развернуты крупномасштабные раскопки на ряде поселений эпохи бронзы.

Третий этап (конец 90-х – по настоящее время) – современный, отмечен целевыми локальными исследованиями.

Уже по результатам работ первого этапа стало возможным определить перечень вопросов ставших насущными в 20–21 веке в проблематике поселений бронзового века Южного Зауралья:

1. Проблема размежевания культурных слоев эпохи поздней бронзы (алакульско-срубных) и финала бронзового века [черкаскульско-межовских (замараевских), саргаринско-алексеевских] на многослойных поселениях. Суть проблемы заключалась в оценке площади и структуры поселений на каждом из этапов функционирования многослойного памятника, отдельно для срубно-алакульского времени и для саргаринско-алексеевского.

В работах К. В. Сальникова все поселения рассматривались в одной «андроновской» совокупности. Как и К. В. Сальников вопрос о площади и структуре андроновских поселений Е. Е. Кузьминой рассматривался по разведочным данным, в целом для всей андроновской общности [12, с. 68–69]. Но, все приведенные данные, с большей долей вероятности, характеризовали площади поселений на заключительном этапе эпохи бронзы. Так как именно для финала бронзового века свойственны крупные, сильно заглубленные котлованы жилищ, хорошо различимые на поверхности. Традиция характеристики жилищ бронзового века в совокупной выборке сохраняется и в работах последнего времени [16].

На практике, постройки алакульской культуры, визуально трудноопределимы на современной поверхности, что подтверждают материалы лесостепного Притоболья [17, с. 330]. Этот факт свидетельствует о том, что использование только традиционных методов значительно затрудняет оценку площади и структуры поселков позднего бронзового века.

2. Проблема детальной характеристики конструктивных особенностей построек алакульской культуры, и ее отличия от построек срубной, черкаскульской, межовской саргаринско-алексеевской культур.

Первоначально эта задача была реализована К. В. Сальниковым по материалам лесостепных поселений, так был определен алакульский характер построек на поселении Кипель и принадлежность постройки поселения Замараево к концу бронзового века [19]. Тем не менее, все представления о поселениях степной части Южного Зауралья были составлены на основе разведочных данных и небольших раскопах. Поэтому, долгое время продолжала бытовать уверенность, что андроновские постройки имеют размеры от 100 кв. м до 400 кв. м, и сооружены в глубоких котлованах.

Благодаря многолетним исследованиям многослойных поселений Северного Казахстана в работах Г. Б. Здановича и С. Я. Зданович была поставлена проблема размежевания конструкций разных эпох. Но отсутствие однослойных поселений алакульской культуры в выборке Г. Б. Здановича, не позволило сколько-нибудь существенно улучшить ситуацию с характеристикой построек именно этой культуры. Из всего массива раскопанных построек к алакульским конструкциям автором предположительно отнесены жилища № 1 и № 2 поселения Петровка II [10, с. 121]. В материалах лесостепного Притоболья к однослойному поселению алакульской культуры, возможно, отнести только жилища поселения Камышное I [17].

Со временем, введение в оборот материалов поселений Мирный II и Мирный III признанных однослойными [20], сделало данные памятники опорными в характеристике построек алакульской культуры Южного Зауралья [6]. На современном этапе, в публикациях площадь построек алакульской культуры определяется в 80–230 кв. м, глубиной до 0,7 м [Там же, с. 302], от 140 до 270 кв. м, глубиной до 1,0 м [8, с. 156].

3. Проблема создания стратиграфических колонок по материалам многослойных поселений степной части Южного Зауралья.

Планомерно, работа по выявлению и изучению поселений разных периодов бронзового века (поселений петровской, алакульской, федоровской, саргаринско-алексеевской культур) велась Северо-Казахстанской экспедицией под руководством Г. Б. Здановича. Результаты масштабной работы, выполненной Г. Б. Здановичем на материалах поселений Северного Казахстана по созданию стратиграфических колонок многослойных поселений как основы хронологической вертикали, фактически были распространены и на территории степной части Южного Зауралья. В исследуемой совокупности фигурировало лишь одно поселение степной части Южного Зауралья – поселение Кулевчи III [4]. Тогда как, особенностью многослойных поселений степной части Южного Зауралья и локальным отличием с другими территориями являлось наличие компонента срубной культуры, и практическое отсутствие выраженного комплекса федоровской культуры, для позднего бронзового века.

Для материалов заключительной эпохи бронзового века дело осложняется культурной идентификацией керамических комплексов. Отсутствует единое общепотребительное наименование, характеризующее культурную специфику памятников финального этапа бронзового века степной части Южного Зауралья. Предложено несколько наименований, по погребальным памятникам выделен белоключевский тип [8], материалы поселения Берсуат XVIII обусловили возможность появления берсуатского типа керамики [13]. При этом признаки известных культур – федоровско-черкаскульской, межовской, саргаринско-алексеевской – также выделяются в изучаемых комплексах.

– проблема построения общей истории поселений с выделением единой линии наследования.

Фактически данная проблема была заявлена в работах Е. Е. Кузьминой, где постройки синташтинской, алакульской и саргаринско-алексеевской эпох рассматривались в одном ключе, и были отнесены к одной категории «центральноевразийского дома» [12]. Но в конкретизации линии наследования на сегодняшний день сделаны лишь первые шаги [16]. Все перечисленные проблемы сохраняют свою актуальность и на сегодняшний день.

Предметом исследования стали поселения степной части Южного Зауралья, которые позволительно рассматривать в рамках отдельной совокупности. Культурную специфику памятников степной части в сравнении с лесостепными, наиболее зримо демонстрируют погребальные комплексы [1].

Всего в базу данных вошла информация о 21 поселенческом памятнике Южного Зауралья, с территории срубно-алакульской контактной зоны. Наибольшая активность срубно-алакульских взаимодействий отмечена на берегах рек бассейна реки Урал, к востоку, на реках бассейна Тобола следы срубно-алакульских контактов становятся все более эпизодичными. Из 21 поселения, компактная группа из 12 памятников локализовалась на берегах рек, относящихся к бассейну реки Урал. Поселения, располагающиеся на притоках реки Тобол (девять поселений), составляли разреженную группу удаленных друг от друга памятников.

Опорными, признаны памятники, на которых исследованы постройки эпохи поздней бронзы. Так на сегодняшний день к однослойным памятникам отнесены: поселение Кулевчи III с петровско-алакульским комплексом [4], Лебяжье VI [15], Мирный II, Мирный III [20], Мирный IV [22], с некоторыми оговорками к этому списку можно прибавить и поселение Большая Березовая-2, исследованное автором [2]. На остальных поселениях постройки поздней бронзы не сохранились, остались лишь отдельные внутрижилищные конструкции (колодцы, хозяйственные ямы).

Площадь большинства поселений (12 поселений из 20) эпохи бронзы степной полосы Южного Зауралья в пределах 3000–6500 кв. м, на которых были отмечены 4–6 жилищных впадины. Понимая, что указанное количество впадин соответствует ситуации эпохи финальной бронзы, мы все же хотели бы отметить, что большинство жилищ финальной бронзы возведено в котлованах алакульской культуры, о чем свидетельствуют конструкции алакульского времени (ямы, колодцы) локализованные в пределах этих построек. Поэтому, позволительно говорить о некотором совпадении границ поселений эпохи поздней бронзы и финала бронзового века.

Масштабные поселения с площадью от 10 000 до 36 000 кв. м немногочисленны, и в целом не характерны для степного Южного Зауралья. Большое количество построек от 9–10 до 21, в основном связано с освоением площадки поселения на этапе финального бронзового века (поселения Нижнее-Спасское, Черкасы II). В Северном и Центральном Казахстане среднее число жилищных впадин на площадке поселения 15–30, причем в Центральном Казахстане количество жилищ достигает 50–100 [12, с. 68–69, табл. 1]. Как и в Южном Зауралье, большое количество построек на этих территориях связывается с периодом финального бронзового века (саргаринско-алексеевская культура). Таким образом, для времени существования памятников алакульской культуры можно признать характерными небольшие поселения (3000–6000 кв. м), с 4–8 постройками.

Практически на всех памятниках бронзового века Южного Зауралья в организации построек на площадке поселения доминировала линейная планировка. Чаще всего постройки располагались в один (пос. Тавлыкаево, Каменная речка III),

либо в два параллельных ряда (пос. Мирный II, III, IV, Кулевчи III, Большая Березовая-2). В редких случаях, количество рядов могло увеличиться до четырех, за счет большего числа построек (пос. Утяганское-1, Каменный Брод).

По Е. Е. Кузьминой для Урала характерен первый тип планировочного решения, когда дома располагаются по одной линии вдоль реки, постройки одинаково ориентированы, обращены выходом к реке, или стоят торцом с подветренной стороны [12, с. 70]. В Южном Зауралье из 12 известных случаев, на девяти поселениях постройки ориентированы по отношению к реке торцом, и только в трех случаях длинными стенками оказываются параллельно руслу реки, впрочем, изгибы русла делают выявленную зависимость неоднозначной. Здесь важно, даже не направление построек относительно береговой линии, а соотнесение их друг с другом. Они могут быть параллельны длинными сторонами стен либо выстроены в ряд – торец к торцу (табл. 1).

Таблица 1

Расположение жилищ на площадке памятника

Памятник	Расположение жилищ		Парность построек
	параллельно длинными сторонами построек	торец к торцу	
Большая Березовая-2	+	—	+
Каменная речка III	+	—	+
Мирный II	+	—	+
Мирный III	+	—	+
Мирный IV	—	+	?
Лебяжье VI	+	—	?
Кулевчи III	+	—	—
Тавлыкаево	+	—	?
Малая Березовая-4	—	+	—
Каменный Брод	+	—	?
Утяганское I	+	—	+

На большей части поселений постройки выстроены параллельно длинными сторонами стен, в некоторых случаях отмечена тенденция выстраивать жилища парой, с небольшим расстоянием между ними. Вероятно, истоки традиции расположения построек параллельно длинными сторонами стен лежит в планировочном решении синташтинских и петровских укрепленных поселений.

Постройки алакульской культуры в целостности исследованы только на семи поселениях (табл. 2), на остальных памятниках представлен культурный слой алакульского времени и остатки внутрижилищных конструкций (ямы, колодцы, очаги).

По своим параметрам постройки позднего бронзового века Южного Зауралья, возможно, разделить на достаточно крупные строения с комплексом внутрижилищных конструкций и небольшие помещения, вероятно, хозяйственного назначения. Так, из 20 построек алакульской культуры большая часть представлены жилищами площадью от 100 до 170 кв. м, только пять построек имели площадь от 20 до 48 кв. м (см. рис. 1). Как правило, небольшие строения были фактически пристроены к крупным жилищам.

На поселении Мирный IV, у каждого крупного жилища отмечен свой небольшой пристрой. На поселении Лебяжье VI также, у торца большого жилища расположено небольшое помещение с отдельным углублением. Подобная локализация небольших

Постройки алакульской культуры степной полосы Южного Зауралья

Памятник	Количество впадин	Номер постройки	Площадь постройки, кв. м	Размеры, м	Глубина, см	Ориентировка
Лебяжье VI	8	1	Вероятно 150	(17×1,5)	35–040	ССВ–ЮЮЗ
		2	Вероятно 170	(20,5×3)	30–35	ССВ–ЮЮЗ
		3	20	(4×4,4)	15	С–Ю
Нижнее-Спасское	10	1	48	6×8	—	—
Мирный II	8	1	160	(11–12×14)	25–35	СВ–ЮЗ
		2	170	(14×12)	20–40	СВ–ЮЗ
		3	50–60	12×8	—	3–В
Мирный III	6	1	160	18×9	40	СВ–ЮЗ
		2	160	18,5–9,5	20–30	СВ–ЮЗ
Мирный IV	6	1х	30–80	9,5×8,6 (6×4,6)	30	СВ–ЮЗ
		2х	30	6,9×4,2	40–60	С–Ю
		3х	35	9,6×3–4	40	СВ–ЮЗ
		1	130	13×9–12	40–60	С–Ю
		2	100	11,7×8,4	60–90	СВ–ЮЗ
		3	110,7	12,3×9	30–60	3–В
Большая Березовая-2	4	4	135	15×9	10–20	ССВ–ЮЮЗ
		1	120	14×7,5–9	30	ССВ–ЮЮЗ
		3	130	15×8–9	20	ССВ–ЮЮЗ
Кулевчи III	4	1	Иссл. 53	(8,6×5,8)	30–50	-
		7	300	24,5×12,5	30–50	С–Ю

построек вблизи и в связке с крупными жилыми строениями позволяет рассматривать их в качестве пристроенного помещения, возможно, хозяйственного назначения. Размеры небольших построек: длина 6–8 м, ширина – 4–5 м, глубина может быть незначительной – 10–15 см, либо 30–40 см.

Определенным стандартом в жилой архитектуре эпохи поздней бронзы степной полосы Южного Зауралья можно считать крупные (100–160 кв. м) прямоугольные помещения с неглубокими котлованами (20–40 см), иногда заглубления в материк не фиксируется. Небольшая глубина котлованов, позволяет нам отнести постройки к категории наземных. Борта котлованов в большинстве случаев дошли до наших дней в оплывшем состоянии, в нескольких случаях отмечена ступенчатая подрезка бортов постройки. Длина построек варьируется в диапазоне 12–18 м, при довольно стандартной ширине 8–9 м. Отсутствие «постоянства» в длине помещений можно объяснить довольно частыми затруднениями при выявлении четких границ построек, поэтому на планах большинство торцевых стенок обозначено пунктиром. Напротив, выделение определенного стандарта в ширине помещений (8–9 м) свидетельствует о существовании четких строительных традиций в соблюдении параметров построек.

Конструкция построек эпохи поздней бронзы связана с каркасно-столбовой системой. Количество зафиксированных ямок от столбов от двух до 87, в зависимости от вскрытой площади и наличия перестроек. По небольшой выборке достоверных и полных данных, классическая каркасно-столбовая постройка, представленная рядом столбов по периметру жилища и центральным рядом опор, предполагающим двускатное покрытие, зафиксировано в единичных случаях (Большая Березовая-2). В большинстве случаев на полностью и частично исследованных

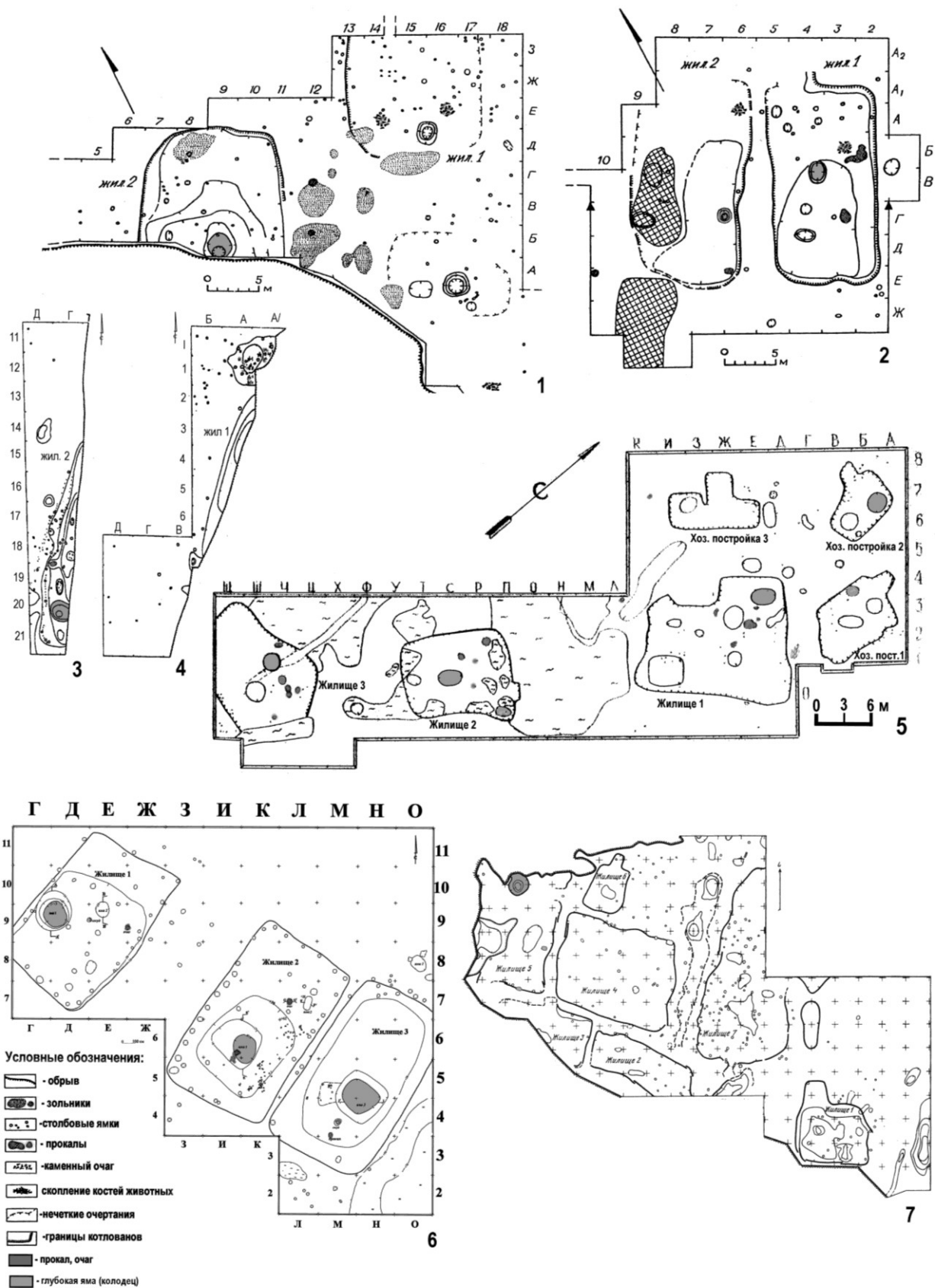

Рис. 1. Постройки срубно-алакульского времени степной части Южного Зауралья:
 1–2 — поселения Мирный II, Мирный III (по [20]); 3–4 — поселение Лебяжье VI, жил. 1, жил. 2 (по [15]);
 5 — поселение Мирный IV (по [22]); 6 — поселение Большая Березовая-2 (по [2]); 7 — поселение Кулевчи III (по [4])

раскопками постройках отмечены ряды столбовых ям вдоль стен. Кроме того, выделяется несколько построек (Мирный IV, жил. 2), где столбовые ямы организованы вдоль одного из бортов постройки. Возможно, в этом случае предполагалось односкатное перекрытие с опорой на высокий противоположный борт котлована. В некоторых случаях (Лебяжье VI, жил. 3, Малая Березовая-4, жил. 5) помещение окантовывал двойной ряд столбов, в этом случае один ряд шел по дну котлована, второй, локализовался вдоль борта котлована.

Плахи между столбами закреплялись в горизонтальном положении [14]. Оформленный вход зафиксирован в 10 случаях. Вход чаще всего оформлялся в виде небольшого (от 1 м до 2,7 м) коридора с несколько углубленным полом, расположенным в торцевой стене помещения.

Несомненно, главным организующим центром жилища позднего бронзового века был колодец, приколодезное углубление достигало диаметра 4 м, и глубиной до 1 м относительно пола во всем помещении. Из 19 полностью исследованных помещений данного периода, в 15 из них (почти 80 %) был сооружен колодец. Колодцы отсутствовали в трех небольших постройках хозяйственного назначения. Если взять в выборку только крупные постройки, то размещение колодцев в каждом из них являлось строго соблюдаемым правилом. Сооружение колодца в каждом крупном, жилом помещении — устойчивая традиция синташтинского и петровского времени. К эпохе существования черкакульской, межовской и алексеевско-саргаринской культур размещение колодцев внутри жилых построек не отмечено. Все колодцы, известные в пределах построек этих культур первоначально возведены и использовались в качестве колодцев только в алакульское время.

Чаще всего следы использования огня представлены небольшими пятнами прокала материкового грунта. За стационарные очаги, можно принять лишь мощные прокалы в приколодезной зоне. В постройках эпохи поздней бронзы Южного Зауралья отмечено два типа очагов: открытый тип иногда в небольшом углублении, или в виде скопления небольших прокаленных камней. Из 14 достоверно отмеченных случаев фиксации очагов в постройках, в 11 из них встречены скопления прокаленных камней. Как открытые очаги, так и скопления камней в большинстве случаев были локализованы около стен помещений, и практически не встречены в центре построек.

В постройках алакульской культуры в редких случаях совершались захоронения, всего известно четыре случая. На раннеалакульском поселении Кулевчи III под стенами постройки 5 выявлено два погребения младенцев [4]. Погребения младенцев в постройках является устойчивой традицией, характерной для построек петровской культуры (погребения в петровских постройках укрепленного поселения Устье-1, Аркаим). В то же время захоронение взрослых на площадке поселений эпохи поздней бронзы встречаются очень редко. Среди них наиболее часто фиксируются останки людей, локализация которых предполагает криминальный характер их происхождения в данном месте (Коркино-1, Устье-1, Мирный IV). На поселении Мирный IV костяки взрослых людей были обнаружены на уступе в колодце, и на выходе из постройки.

Существует ряд различий в характеристике и особенностях залегания культурного слоя поселений алакульской культуры и построек заключительного периода эпохи бронзы Южного Зауралья. Так культурный слой однослойных поселений алакульского времени состоит преимущественно из различных зольников. Запол-

нение построек также представлено слоем в разной степени насыщенным золой. Примером могут служить золыстые напластования поселений Кулевчи III и Лебяжье VI. В том случае, если алакульская постройка использовалась на втором, заключительном этапе эпохи бронзы, локализация золыстого слоя с артефактами алакульского времени, после подчистки котлована, оказывается за пределами жилищной впадины (Малая Березовая-4). Возможно, сам факт отсутствия золы в заполнении котлована и локализация его за стенами постройки, свидетельствует об использовании котлована алакульского времени для возведения постройки заключительного этапа эпохи бронзы (поселения Мирный II Мирный III- золыстики за бортами построек, вдоль стен, плюс наличие определенного процента керамики заключительного этапа бронзового века в материалах поселения).

Заполнение построек заключительного этапа эпохи бронзы (с керамикой черкаскульской, межовской, саргаринско-алексеевской культур) представлено сильно гумусированным, рыхлым грунтом черного цвета, включения золы в котором практически исключены.

Стратиграфические колонки большинства исследованных поселений степной части Южного Зауралья представлены следующими, сменяющимися друг друга культурами: раннеалакульская (петровская), алакульская и срубная, черкаскульская, межовская, саргаринско-алексеевская. Территории лесостепного Притоболья, Северного Казахстана демонстрируют наличие в этой связке самостоятельной доли алакульско-федоровского, федоровского компонента. Представительный комплекс алакульско-федоровского времени в Южном Зауралье фиксируется только на периферии этой зоны на реке Уй (пос. Каменная речка III) и в могильниках северо-восточной группы (мог. Солнце-Талика, Кулевчи VI). Практически на всех поселениях степной части Южного Зауралья керамика федоровской культуры насчитывает буквально единицы. Этот факт согласуется с «культурным тяготением» керамики и особенностей погребального обряда степной части Южного Зауралья к комплексу западно-алакульской группы Оренбуржья [21]. Для территорий Оренбуржья еще Э. А. Федоровой-Давыдовой отмечено отсутствие керамики федоровской культуры. По-видимому, физическое смешение населения срубно-алакульской контактной зоны предопределило особенное положение локального варианта алакульской культуры степной части Южного Зауралья. Свидетельствами контактов двух миров, срубно-алакульского и федоровского являются единичные фрагменты федоровской керамики на поселениях эпохи поздней бронзы Южного Зауралья и редкие погребальные комплексы.

Сопоставление конструктивных особенностей построек, бытовавших в Южном Зауралье на протяжении бронзового века, дает возможность говорить об определенном наследовании принципов жилищной архитектуры синташтинско-петровских комплексов к срубно-алакульским. В то же время, постройки заключительного этапа бронзового века демонстрируют несколько иные конструктивные решения.

В алакульское время господствует линейная планировка построек, как правило, выстроенных вдоль берега реки. Интересно, что на многих поселениях господствует размещение построек длинными сторонами друг к другу, и реже встречается постройка жилищ торцом к торцу. Как наследие предшествующей, синташтинской эпохи нами рассматривается близкое «стенка к стенке» расположение жилищ на площадке поселения, часто подобным образом организованы пары построек (рис. 2).

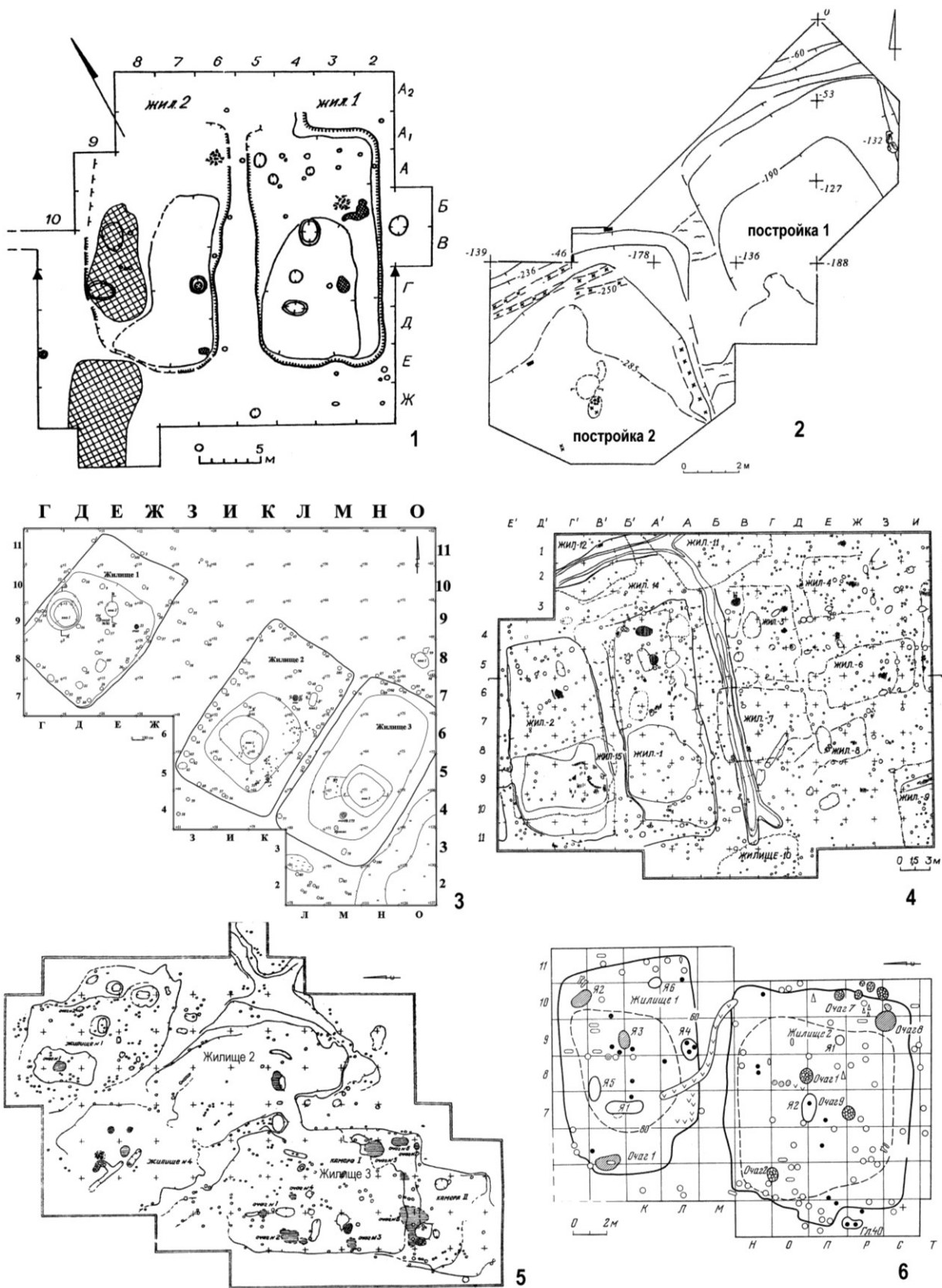

Рис. 2. Примеры парного расположения построек бронзового века Урало-Ишимского междуречья: 1 — поселение Мирный III (по [20]); 2 — поселение Каменная речка III (по [9]); 3 — поселение Большая Березовая-2 (по [2]); 4 — поселение Новоникольское I (по [10]); 5 — поселение Явленка I (по: Зданович, Г. Б. Поселение Явленка I — памятник эпохи бронзы Северного Казахстана // Из истории Сибири. Вып. 7. Томск, 1973); 6 — поселение Камышное I (по [17])

Особенность расположения построек парами, в свое время, отметил Г. Б. Зданович: «Создается впечатление, что алакульские жилища часто возводились попарно, плотно примыкая длинными сторонами друг к другу. Таких групп на поселении несколько, и расстояние между ними может быть значительным, достигая многих десятков метров (Петровка II, Явленка I)» [10, с. 141].

В поселенческой архитектуре от синташтинской эпохи наследуются каркасно-столбовые конструкции прямоугольной формы (площадью 100–150 кв. м). Постройки синташтинских городищ фактически можно отнести к категории наземных [5; 11]. Как правило, глубина собственно котлованов алакульской культуры не превышала 10–30 см. Значительная глубина жилищной впадины на поверхности является следствием масштабного разрушения глубокой ямы-колодца, часто дополненное специальной подчисткой и углублением алакульского котлована на этапе возведения постройки эпохи финальной бронзы.

В эпоху финальной бронзы котлованы построек значительно заглубляются [10; 17].

Глубокая яма-колодец в полномасштабном жилище алакульской культуры встречается практически с таким же постоянством, как и в постройках синташтинских укрепленных поселений. В эпоху финальной бронзы ни в одном случае не отмечено использование глубокой ямы в качестве колодца, фиксируются следы использования верхней части провала над алакульским колодцем.

Самостоятельный центральный очаг фактически отсутствовал, если не считать что данную роль исполняли мощные прокалы в верхнем заполнении колодца. Особую роль в синташтинских постройках играли пристенные очаги. В алакульских постройках, следы прокалов, россыпи прокаленных камней (переносные очаги), довольно часто также локализируются вдоль стен построек.

Таким образом, связь синташтинско-петровских построек с последующими постройками алакульско-срубными, отчетлива по нескольким позициям: некоторые элементы планировки поселений, параметры и площадь построек, внутренняя планировка жилищ, виды и особенности размещения внутрижилищных объектов (колодцев, очагов, хозяйственных ям).

Наследование традиций алакульской архитектуры населением финального бронзового века, по-видимому, нельзя считать установленным фактом. На заключительном этапе бронзового века появляются новые типы построек (по площади и конструкции), новые типы внутрижилищных объектов, не используются колодцы.

Намеченный подход в разграничении жилищ эпохи финальной бронзы и собственно построек алакульской культуры позволил остановиться на характеристике последних. Поселения алакульской культуры в степной части Южного Зауралья представлены на многослойных памятниках. Постройки алакульской культуры в большинстве случаев были переиспользованы на этапе финального бронзового века (межовская, саргаринско-алексеевская культура).

В своих параметрах поселки эпохи поздней бронзы наследуют традиции предшествующей, синташтинской эпохи.

Литература

1. Алаева, И. П. Погребальные памятники алакульской культуры степной зоны южного Зауралья в эпоху поздней бронзы / И. П. Алаева // Проблемы истории, филологии, культуры. М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2008. Вып. 21. С. 507-524.
2. Алаева, И. П. Отчет об археологических раскопках поселения Большая Березовая-2, в Нагайбакском районе Челябинской области летом 2009 года : в 4 т. / И. П. Алаева // Архив ЛАИ ЧГПУ. Челябинск, 2011.
3. Бельтикова, Г. В. Исследование поселения Дружный I / Г. В. Бельтикова // Археологические открытия — 1979. М., 1980. С. 134.
4. Виноградов, Н. Б. Кулевчи III — памятник петровского типа в Южном Зауралье / Н. Б. Виноградов // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 169. М., 1982.
5. Виноградов, Н. Б. Культурно-исторические процессы в степях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типов) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Н. Б. Виноградов. М., 2007. 46 с.
6. Григорьев, С. А. Бронзовый век / С. А. Григорьев // Древняя история Южного Зауралья: в 2 т. Т. 1. Челябинск, 2000. С. 302.
7. Днепров, С. А. Раскопки поселения Дружный I в Челябинской области / С. А. Днепров, В. М. Коноркин, А. Ф. Шорин // Археологические открытия — 1978. М., 1979. С. 169-170.
8. Епимахов, А. В. Бронзовый век Южного Урала (экономический и социальные аспекты) : дис. ... д-ра ист. наук / А. В. Епимахов. Екатеринбург, 2010. С. 156.
9. Епимахов, А. В. Поселение Каменная речка III на реке Уй (проблемы культурной атрибуции памятников поздней бронзы) / А. В. Епимахов, М. Г. Епимахова // Вестник археологии, антропологии, этнографии. Вып. 4. Тюмень : ИПОС СО РАН, 2002. С. 96-105.
10. Зданович, Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации) / Г. Б. Зданович ; отв. ред. В. И. Матющенко. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 177 с.
11. Зданович, Г. Б. Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Г. Б. Зданович. Челябинск, 2002. 55 с.
12. Кузьмина, Е. Е. Откуда пришли индоарии? / Е. Е. Кузьмина. М. : Калина, 1994. 464 с.
13. Малютина, Т. С. Поселение Берсуат XVIII / Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович, Л. Ю. Петрова // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Сер. Этногенез урал. народов. Челябинск : Рифей, 2006. С. 153-172.
14. Морозов, Ю. А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры / Ю. А. Морозов // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа : БФАН СССР, 1983. С. 19-40.
15. Петрова, Л. Ю. Поселение эпохи бронзы Лебяжье VI (публикация материалов охранных раскопок) / Л. Ю. Петрова // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. Сер. Ист. науки. Вып. 2. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2004. С. 181-206.
16. Петрова, Л. Ю. Жилища эпохи бронзы Урало-Тобольского междуречья / Л. Ю. Петрова // XVII Уральское археологическое совещание : материалы науч. конф., г. Екатеринбург, 19-22 нояб. 2007 г. Екатеринбург ; Сургут : Магеллан, 2007. С. 162-164.
17. Потемкина, Т. М. Бронзовый век лесостепного Приоболья / Т. М. Потемкина. М. : Наука, 1985. 376 с.
18. Сальников, К. В. Андроновские поселения Зауралья / К. В. Сальников // Совет. археология. Вып. 20. М. : Изд-во АН СССР, 1954. С. 213-252.
19. Сальников, К. В. Очерки древней истории Южного Урала / К. В. Сальников. М. : Наука, 1967. 408 с.
20. Стефанов, В. И. Поселения алакульской культуры Южного Урала / В. И. Стефанов // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск : Каменный пояс, 1996. С. 43-63.
21. Ткачев, А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы : в 2 ч. Ч. 2 / А. А. Ткачев. Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. 243 с.
22. Чемякин, Ю. П. Поселение эпохи бронзы Мирный IV / Ю. П. Чемякин // Из истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1974. С. 50-55.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ
СТЕПИ И ЛЕСОСТЕПИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ
В VI–V ВЕКАХ ДО НАШЕЙ ЭРЫ***

Северными соседями ранних кочевников урало-казахстанских степей во второй половине VI – V вв. до н. э. было население лесостепных городищ с баитовской и воробьевской керамикой, племена гороховской, иткульской, гамаюнской и саргатской культур. Между населением, оставившим поселения с керамикой различного типа (или различных культур), прослеживаются глубокие взаимные инфильтрации, приводившие к чересполосному расселению и взаимодействия, определившие определенное сходство материальной культуры [74, с. 11, 14, 15; 123, с. 8, 10; 24, с. 58].

Различные аспекты взаимодействия населения лесостепи Зауралья и Западной Сибири с кочевниками урало-казахстанской степи, особенно с кочевниками Южного Урала, участие его в сложении керамического комплекса раннесарматской (прохоровской) культуры, роли иткульского очага металлургии и металлообработки в обеспечении кочевого мира цветным металлом рассмотрены К. Ф. Смирновым, М. Г. Мошковой, А. Х. Пшеничнюком [94, с. 29–38, 47–50; 95, с. 45–48; 108, с. 128–130; 117, с. 70; 118, с. 169–177; 119, с. 273–275]. Особенно тесные связи у южнозауральских кочевников прослеживаются с племенами иткульской культуры. Активной стороной в этих связях выступали, без сомнения, номады Южного Зауралья. Чем же привлекали южноуральских номадов племена иткульской культуры? Вряд ли они могли снабжать кочевников продуктами земледелия, которое у них, если и существовало, не могло иметь, в силу специфических природных условий, широкого распространения. Главную роль в хозяйстве лесостепных зауральских племен играло скотоводство [59, с. 88; 65, с. 87; 114, с. 39; 121, с. 152, 157]. Ощутима была и роль охоты, главными промысловыми животными были лось и косуля. Промысел пушных видов имел солидное значение лишь в зауральской лесостепи, у племен восточного склона Урала (иткульская, гамаюнская культуры), он был очень мал, и ограничивался, видимо, только собственным потреблением [59, с. 88, 89; 121, с. 152–154].

Главное, что привлекало кочевников, то, ради чего они стремились на север – был металл (медь, железо), ибо «те племена, которые оказываются лучше обеспеченными металлом, получают преимущество над соседями» [99, с. 166]. Как уже отмечалось [129, с. 121–131], в VII–VI вв. до н. э. именно потребность в металле стимулировала активность номадов Южного Зауралья на северных рубежах своей территории. В этот период они получали металл и изделия из него в основном из наиболее близких горно-металлургических центров Центрального Казахстана. Однако рудные источники Центрального Казахстана и более восточных областей находились в руках кочевых племен, поэтому получение металла отсюда являлось, скорее всего, проявлением различных форм обмена и вряд ли было результатом торговых операций. Единственный продукт, который производили номады в количествах,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00293а.

значительно превышающих внутренние потребности, — скот и продукты скотоводства, не мог служить товаром во взаимоотношениях между кочевниками. Внеэкономические же способы получения металла от других кочевых племен, в частности военные набеги, хотя и играли определенную роль в удовлетворении потребностей, но не могли, в силу общего уровня социально-экономического развития и относительно одинакового уровня военного дела и военной организации, обеспечить устойчивого и в требуемых количествах его поступления. Набеги, по самой своей сущности, являлись слишком ненадежными и нестабильными, слишком зависящими от баланса сил в каждый конкретно-исторический момент.

Металл же был нужен постоянно — для изготовления оружия, украшений, орудий труда, конской упряжи и т. п. Вот почему крайне важным было его регулярное и в достаточном количестве поступление. Поэтому кочевники Южного Зауралья вероятно уже в VII–VI веках до н. э., делали ставку на ближайших его производителей — племена иткульской культуры. Для иткульцев, способных обеспечить себя в достаточном количестве не только металлом, но и скотом, и продуктами скотоводства, эти связи не были так необходимы, как для их южных соседей. Естественно, при благоприятных условиях, кочевники не прочь были и силой добыть необходимый им металл путем грабительских набегов. Именно это явилось одной из причин, наряду с внутренними, социально-экономическими факторами, развития местных обществ, появления и широкого распространения в лесостепном Зауралье укрепленных поселений [19, с. 36, 37; 22, с. 226, 236; 23, с. 99–101]. Как отмечает В. А. Борзунов, строительство укрепленных поселений явилось закономерной реакцией лесостепного населения Зауралья на агрессивность степняков. Цепь гамаюнских и иткульских фортификаций, оформившаяся к VI–IV векам до н. э., по рекам Багаряк, Синара, средняя Исеть защищала внутренние лесные районы от экспансии кочевых племен [22, с. 226].

Вероятно, следствием давления со стороны кочевников в конце VI — начале V века до н. э. стал отток части иткульского и гамаюнского населения далеко на восток, в Ишимо-Иртышское лесостепное междуречье. Придя на новое место, переселенцы заняли схожую экологическую нишу — поселились на берегах системы Больших Крутихинских озер [105, с. 51, 52]. Отдельные гамаюнские и иткульские общины мигрировали, вероятно, и на северо-восток Башкирии (долина рек Ай и Юрюзань) [19, с. 97].

Но, во-первых, набеги, как уже отмечалось, не могли обеспечить регулярного и в необходимых объемах поступления металла; когда обе стороны, кочевники и оседлое население, сохраняют свою политическую самостоятельность, эксплуатация подобного рода не является надежно гарантированной, не имеет каких-либо строго фиксированных форм. Во-вторых, и это, пожалуй, главное, набеги не стимулировали производства металла, да и не только металла, тая в себе и возможность разрушения самих основ хозяйственной жизни оседлого населения. Поэтому набеги не могли служить удовлетворению все возрастающих потребностей кочевников Южного Зауралья в металле.

Одним из способов обеспечения бесперебойного и в достаточном количестве поступления необходимых для кочевников продуктов (земледелия, ремесла, металлургии) на самых выгодных для них условиях, способом к которому стремились все кочевники, а при благоприятных условиях и проводили в жизнь, было внеэкономическое подчинение (завоевание) их производителей. В этом случае необходимыеномадам продукты поступали в виде регулярной дани в обмен на покровительство,

защиту от других кочевников и т. д. [102, с. 290; 116, с. 71, 72; 135, с. 256; 136, с. 11]*. Мы полностью согласны с мнением М. Г. Мошковой, что «разделение труда у савромато-сарматских скотоводов-кочевников (в том числе и южнозауральских кочевников, — А. Т.) с оседлыми земледельческо-скотоводческими племенами складывались, вероятно, в даннической форме. Получая от своих соседей (в основном северных) изделия из бронзы, железа и, возможно, какие-то продукты земледелия, савромато-сарматы давали взамен гарантии “покровительства”» [96, с. 206]. «Характерной особенностью данничества, как формы эксплуатации было то, что при даннических отношениях речь шла об изъятии прибавочного (а иногда и части необходимого) продукта у побежденных коллективов, которые, тем не менее, в основном сохраняли свою целостность как социально-потестарные и экономические общности» [47, с. 120; см. также: 134, с. 274, 276; 102, с. 290–292].

Со второй половины VI в. до н. э. кочевники Южного Зауралья становятся одним из основных контрагентов племен Восточной Европы в их торговых операциях на «скифском торговом пути». Основным предметом экспорта была, скорее всего, медь, получаемая от племен иткульской культуры. Увеличение внутренних потребностей в цветном металле, а также интересы «внешней торговли» у южнозауральских номадов, очевидно, стимулировали и рост его производства на зауральских городищах, расцвет иткульского очага металлургии и металлообработки. Как отмечает Г. В. Бельтикова, «значительные потребности номадов в металлических изделиях стимулировали производственную деятельность в очаге» [6, с. 8]. Как раз во второй половине VI в. до н. э. и, особенно, в V в. до н. э. территория этого очага металлургии расширяется и достигает максимума. В это же время меняется характер памятников и производства на них — появляются производственные площадки, предназначенные для выплавки меди в значительных масштабах.

В V в. до н. э. производство становится биметаллическим — наряду с медным производством отмечено наличие железоделательного ремесла. Кроме того, в производстве металла наблюдается развитие определенной специализации [13, с. 103–105]. Как совершенно справедливо замечает Г. В. Бельтикова, «в основе перемен этого периода лежат два одновременно действующих фактора. Внешний — повышение в конце VI–V вв. до н. э. политической и военной мощи савроматов, увеличение их спроса на металл и металлическое оружие, что наряду с другими причинами определило продвижение номадов на север и вступление их в тесный контакт с иткульцами. Это повлекло увеличение производства металла в очаге, а, следовательно, поиск и освоение дополнительных источников руды, создание, главным образом в зоне контакта с номадами, новых пунктов для производства и обменных операций. Внутренним импульсом перемен в очаге стало появление железоделательного производства. Этот фактор способствовал расширению очага и соответственно специализации гнезд по отдельным фазам производства» [6, с. 20, 21].

Все это приводит к тому, что в V–IV веках до н. э. иткульцы становятся основными поставщиками металла кочевым народам Южного Урала [11, с. 125; 38, с. 14, 15; 93, с. 25, 26; 96, с. 206; 140, с. 163; 139, с. 80]**. Причем к кочевникам поступали

* В этой связи интересно мнение Л. Р. Кызласова, что экономической причиной завоевания гуннами Южной Сибири было стремление овладеть богатыми месторождениями металлов Саяно-Алтайского нагорья и Южного Забайкалья [64, с. 121, 122].

** Ранние кочевники Южного Приуралья импортировали сырье и готовые изделия, правда, в крайне незначительном количестве, и из ананьинского горно-металлургического очага (медь группы МП) [63, с. 197].

не только готовые изделия, но, вероятно, и сам металл в слитках, и литейные формы для отливки предметов «повседневного спроса» кочевников — прежде всего наконечников стрел, конской упряжи, украшений и т. п.

Примечательно, что с изменением исторической ситуации в зауральской лесостепи в конце V — IV веке до н. э., вызвавшей ослабление связей со степными районами Южного Урала, и оттоком кочевников из Южного Зауралья и Приуралья, приходит в упадок и иткульская металлургия. В III веке до н. э. иткульский очаг металлургии, как система, как единый организм прекращает свое существование [6, с. 21; 13, с. 106], одновременно прекращает свое существование и сама иткульская культура. Это, на наш взгляд, является еще одним свидетельством значительного влияния кочевых племен южноуральских степей на развитие зауральской металлургии.

Здесь следует подчеркнуть, что подавляющее большинство аналогий предметам из металла и камня, обнаруженным на иткульских городищах, прослеживается на юге — в степях Зауралья и Приуралья [6, с. 19; 8, с. 70-75; 10, с. 65-74; 12, с. 113, 114; 15, с. 108; 21, с. 118; 114, с. 30, 41]. В этой связи можно упомянуть и находку бронзового птицевидного идола близ города Коркино, на территории, занимаемой в VII-V веках до н. э. кочевым населением Южного Зауралья. Он по своим стилистическим особенностям близок идолам с Азов-горы, памятника иткульской культуры [30, с. 102, рис. 1; 138, с. 71-77, рис. 1].

О достаточно тесных связях носителей иткульской культуры с кочевниками говорят и находки в степной зоне Южного Зауралья сосудов близких, а порой и идентичных, по форме и орнаментации иткульским. По мнению Н. С. Савельева, «сейчас можно уверенно говорить, что практически весь тальковый керамический комплекс кочевников свои исходные формы и орнаменты имеет в иткульской культуре». С этим утверждением нельзя, с определенными оговорками, не согласиться. По его же мнению, «значительная часть кочевнической тальковой керамики по всему своему облику является гафурийской» (зауральской «гафурийской». — А. Т.) [111, с. 34]. Это, впрочем, тоже не вызывает возражений. Хотя, как считают М. Ф. Обыденнов и А. Ф. Шорин, оформление самого зауральского «гафурийского» керамического комплекса, так же как и гороховского, происходит под прямым влиянием южных сарматоидных традиций. «Гафурийская» посуда в Зауралье, во многом сохраняя еще традиции межовско-березовского орнаментального комплекса, имела уже явно сарматоидную форму [98, с. 103; 104, с. 185]. Влиянием этих традиций объясняется, в частности, увеличение роли резной (прочерченной) орнаментации на керамике у гороховского и гафурийского населения [146, с. 22; см. также: 141, с. 21]. Прямое влияние ираноязычных кочевников на население района озера Аргази еще в VII-VI веках до н. э. подтверждается наличием здесь явно кочевнического погребения в кургане Березки Vб [147, с. 13-16].

Немногочисленные памятники с «гафурийским» типом керамики в Зауралье в настоящее время исследованы в достаточно узком регионе — на берегах озера Аргази [97, с. 31; 103, с. 15, 16]. Здесь же известны и наиболее южные иткульские металлургические центры [142, с. 125]. Естественно, что в процессе активных контактов кочевников степи с иткульскими металлургами в них были вовлечены и родственное иткульцам гафурийское население. Как считает Н. С. Савельев, не политические и не экономические контакты, а брачные связи населения зауральской лесостепи и степи явились определяющими в становлении у последних талькового керамического комплекса [111, с. 38; 112, с. 184]. С этим утверждением вполне можно

согласиться, отметив лишь следующее. Во-первых, брачные связи кочевников Южного Зауралья существовали, вероятно, не только с иткульским и зауральским гафурийским населением, но и воробьевским и гороховским. Во-вторых, характерны они были, скорее всего, для начальной поры взаимодействия в условиях определенной этнополитической стабильности. В дальнейшем же, в условиях начавшегося политического и социально-экологического кризиса, определяющими, в том числе и в развитии талькового керамического комплекса, явились другие формы взаимодействия [130, с. 19, 20]. В-третьих, вряд ли правомерно исключать и постоянные сезонные контакты, о которых пишет Б. Ф. Железчиков [40, с. 40] и которые отвергает Н. С. Савельев [111, с. 38]. Приход кочевников на летовки в Южное Зауралье*, на границу степи и лесостепи, а также в предгорья Урала, неизбежно вызывал контакты между племенами различного хозяйственно-культурного типа. В результате этих контактов, которые со временем становятся постоянными, могли осуществляться те или иные формы обмена, в ходе которых степняки, вероятно, получали необходимые им продукты (например, дерево определенных пород, рыбий клей, смолу, рога оленя и лося и т. п.) и керамическую посуду. Последняя необходима была им в том числе и для нужд погребального культа. Не исключено, что отдельные группы лесостепного и горно-лесного населения Южного Урала изготавливали ее специально для кочевников, сообразуясь с их вкусами и запросами. И последнее, брачные контакты, очевидно, также носили сезонный характер.

В V–IV веках до н. э. иткульские металлурги по-прежнему оставались основными поставщиками меди, ее сплавов и готовых изделий племенам Прикамья [5, с. 32; 36, с. 198; 61, с. 122; 62, с. 179, 180]. О наличии ананьинско-иткульских связей, помимо данных спектроаналитического исследования цветного металла, свидетельствуют находки в Прикамье керамики иткульского типа [19, с. 103; 46, с. 66, 69; 90, с. 94] и фрагментов ананьинской керамики на поселениях горно-лесного и лесостепного Зауралья [13, с. 95; 24, с. 59, 60; 29, с. 41]. Сортамент иткульских изделий включает типы орудий труда, в частности кельты, оружие и украшения, бытовавшие в ананьинском мире [8, с. 71–73; 9, с. 46; 12, с. 111; 15, с. 108; 16, с. 142]. По-видимому, в V–IV веках до н. э., как и в предшествующее время, иткульские металлурги являлись тем звеном, которое соединяло с востока ананьинский мир с кочевниками Южного Урала, племенами урало-казахстанских степей. Наличие этих связей документируется, в частности, большим количеством привозных зооморфных предметов, а также подражаний им, в памятниках ананьинской культуры Волго-Камья. Под влиянием азиатских кочевников у ананьинских племен складывается традиция изготовления зооморфных чеканов с головкой хищной птицы под бойком и поясных крючков [27].

Показательно, что на Галкинском городище в Среднем Прикамье вместе с керамикой иткульского типа найдена обойма для перекрестных ремней с рельефным изображением головы хищной птицы, выступающей в вертикальной плоскости, и пальметкой в виде стилизованной головы птицы в профиль, аналогичная обойме из кургана 2 группы Маровый Шлях в Южном Зауралье [19, с. 103; 45, с. 69, табл. II, 17; 46]. Появление в Прикамье иткульской керамики В. А. Борзунов, на наш взгляд совершенно справедливо, связывает с проникновением в этот регион групп иткульского населения – экспортеров цветного металла [19, с. 104]. В плане ананьинско-

* Мы не рассматриваем в данном случае контакты кочевников восточных предгорий Южного Урала (горные долины Ирэндыка), оставивших каменные курганы [111, с. 37; 113, с. 131] с населением лесостепи и горно-лесных районов Южного Урала.

иткульских связей особый интерес представляют материалы грота Шайтаноозерский Каменный остров I у железнодорожной станции Нейва-Рудянка и культового места на вершине горы Голый Камень в районе Нижнего Тагила. При исследовании грота найдено три сосуда иткульской культуры [31, с. 114], а на Голем камне вместе с бронзовыми наконечниками стрел обнаружена керамика иткульского и ананьинского типа [79, с. 74]. Отметим также и пещерное святилище на камне Дыроватом на реке Чусовой, соединяющей Среднее Зауралье со Средним Приуральем и выводящей на Среднюю Каму в районе Перми. Кстати, близ Перми на Заосиновском I «поселении» найдена керамика иткульско-гамаюнского облика [90, с. 94]. При раскопках же пещерного святилища на камне Дыроватом обнаружено значительное количество бронзовых наконечников стрел, имеющих ближайшие аналогии в памятниках иткульской культуры и в погребальных комплексах кочевников Южного Зауралья [7, 1–6; 115, с. 56, рис. 5, 13–25].

Проникновение групп иткульского населения – экспортеров цветного металла осуществлялось, очевидно, и на северо-восток – в лесное Среднее Зауралье и, вероятно, далее в Нижнее Приобье. Об этом могут свидетельствовать находки в лесной зоне Зауралья иткульской керамики и бронзового птицевидного идола [37, с. 67; 91, с. 76; 143, с. 70, рис. 4, 1].

Часть продукции иткульских металлургов поступала в бассейн реки Белой, в кара-абызские и приуральские гафурийские производящие центры. В этом плане интересные материалы получены недавно при исследовании пещерных памятников западного склона Южного Урала (Сикияз-Тамак, Сабакай, Еланлино и др.). Здесь встречена керамика как иткульская, так и приуральская гафурийская [92, с. 27].

Иткульской медью и изделиями из нее (наконечники стрел, котлы, кельты и т. п.) снабжались носиловские, баитовские и воробьевские племена, а также производящие центры саргатской и гороховской культур [6, с. 21; 7, с. 145; 61, с. 122; 82, с. 307]. Об этом могут свидетельствовать и данные спектроаналитического исследования цветного металла с памятников гороховской культуры лесостепного Зауралья и саргатской культуры Среднего Приобья и Северного Казахстана (городище Актау) [4, с. 73, 76; 7, с. 145–148; 32, с. 106–109; 35, с. 30]. Потребителями иткульского цветного металла и изделий из него были и кочевники Северного Казахстана [4, с. 73, 76; 7, с. 149], что было вызвано почти полным прекращением поступления олова из районов Центрального и Восточного Казахстана [35, с. 30]. В лесостепном Зауралье устанавливаются, по мнению В. Д. Викторовой, даже специальные места обмена, одно из которых находилось на острове Каменные палатки. В его западной части располагались металлургические площадки. В пределах этих площадок, а также в других частях острова обнаружены фрагменты сосудов ананьинской, иткульской и гороховской культур. Здесь же найден фрагмент жертвенника из красного песчаника [29, с. 41].

Как уже отмечалось, контакты номадов урало-казахстанских степей с племенами лесостепи, прослеживаемые еще с VII–VI вв. до н. э., достигли своего расцвета в V–IV веках до н. э. В это время население лесостепи Зауралья и Западной Сибири подверглось интенсивному иранскому воздействию. Этим воздействием, по видимому, обусловлены не только иранские заимствования в угорских языках, связанные с хозяйством, религией, социальными отношениями и военным делом [1, с. 87, 88; 28, с. 169, 170; 34; 60, с. 36; 84, с. 80; 87, с. 105; 148, с. 105, 106; 149, с. 48, 50; 150, с. 89], но и проникновением в мировоззрение древних угров элементов миро-

воззрения ираноязычных народов, в частности ряда космологических идей и «митраистского комплекса» [100, с. 160; 149, с. 49, 50; 151, с. 112, 113].

Усиление контактов с ираноязычными кочевниками степи в VI — первой половине V века до н. э. сопровождалось, вероятно, проникновением отдельных их групп в районы Зауральской и Западно-Сибирской лесостепи*.

Эти пришлые группы сыграли решающую роль в ускорении социально-экономического развития лесостепного населения, инициировав, в частности, переход к подвижным формам скотоводства. Пришедшие из степи племена приняли участие в формировании саргатской, на востоке, и гороховской, на западе, культур. Последнее обстоятельство нашло отражение в погребальном ритуале, конструкции могильных ям, надмогильных сооружений, инвентаре, искусстве [26, с. 59; 49, с. 148, 149; 52, с. 7; 54, с. 148, 157–162; 55, с. 98; 56, с. 44; 57, с. 42; 58, с. 63, 71; 73, с. 124; 75, с. 150; 76, с. 359; 80, с. 129; 82, с. 299, 301, 305, 309; 84, с. 79, 80; 86, с. 10; 131, с. 87–89, 98–100; 133, с. 83].

Существенная роль кочевого иранского элемента в окончательном формировании саргатской и гороховской культур нашла отражение в наиболее популярной в настоящее время точке зрения о смешанной «угорско-иранской» этнической принадлежности носителей этих культур [53; 54, с. 169; 72, с. 19, 20; 80, с. 126; 83, с. 101; 85, с. 122; 119, с. 273]**. Так, В. А. Могильников считал как саргатскую, так и гороховскую культуры многокомпонентными по своему генезису. «Они включали в себя угорский субстрат и иранский суперстрат с вливанием саков Северного Казахстана и Приаралья». Последний явился культурообразующим фактором и стабилизатором этнополитической структуры, занимая господствующее положение в среде саргатцев и гороховцев [80, с. 126]. По мнению Н. П. Матвеевой, этнические компоненты носителей саргатской культуры предположительно определяются как восточноиранский (аристократия), потомки неразделенных индоиранцев (рядовое население южной лесостепи), угорский (обитатели подтаежной зоны Притоболья и Приишимья) и самодийский (население подтаежной зоны Прииртышья и Барабы) [77, с. 38; см. также: 68, с. 94]. Причем, ведущие субстратные компоненты саргатской культуры, с ее точки зрения, были, очевидно, иранскими [73, с. 128]. Рядовое население гороховской культуры, по Н. П. Матвеевой, было представлено южными уграми, в том числе и протомадьярами [67, с. 129; 77, с. 30, 32, 38], а аристократическое сословие — восточными иранцами [77, с. 30, 38] или являлось смешанным с преобладанием восточноиранского компонента [67, с. 129].

Уже давно отмечено, что ряд аналогий в погребальном ритуале и конструкции надмогильных сооружений гороховской и саргатской культур уводят далеко на юг — в Приаралье [см. например: 49, с. 148, 149; 83, с. 100, 101; 84, с. 80; 132, с. 104]. Речь идет о каркасно-столбовых конструкциях и настилах над погребениями, трупоположениях в могильных ямах со следами столбовых конструкций по углам, канавках по периметру могильной ямы, западной ориентировке погребенных и т. п. [73, с. 115–117, 123, 124; 82, с. 308; 88, с. 133]. К строительным традициям Средней Азии, очевидно, восходят и истоки гороховской, отчасти и воробьевской, фортификации [18, с. 117, 118; 23, с. 100; 120, с. 56; 123, с. 15]. Это обстоятельство заставляет

* Возможно, что этим проникновением и обусловлено происхождение некоторых уральских топонимов, в частности, группы гидронимов с начальным «р» на юге Свердловской области, на границе лесостепи и леса [66, с. 136, 137].

** Другие точки зрения на этническую принадлежность носителей саргатской и гороховской культур рассмотрены нами ранее [127, с. 155, 156, 162, 163; 131, с. 70, 71, 96–98].

предполагать проникновение отдельных групп сакского населения среднеазиатского междуречья в зауральско-западносибирскую лесостепь [73, с. 124; 85, с. 122; 125, с. 87; 128, с. 90]. С миграцией саков Приаралья В. А. Могильников и А. П. Уманский связывают и проникновение в лесостепь Тоболо-Иртышского междуречья, так же, как и в степное и лесостепное междуречье Оби и Иртыша и Верхнее Приобье, некоторых сюжетов звериного стиля, в частности, изображения кошачьего хищника в позе «туловище в профиль, голова в фас» [89, с. 161].

Изучение краниологических материалов из погребений раннего железного века западносибирской лесостепи позволило А. Н. Багашеву прийти к выводу, что «сопоставление западносибирских выборок... с синхронными материалами показывает, что наименьшее различие они обнаруживают с савроматскими и сарматскими группами, саками юго-восточного Приаралья и Казахстана, усунями Киргизии и Казахстана». Антропологические данные не противоречат и выводу о миграции в западносибирскую лесостепь в период формирования саргатской общности ранних сарматских кочевых племен. Причем динамика изменчивости монголоидной примеси позволяет полагать, что «приток пришлого населения, в основном мужчин, не был, видимо, растянут во времени и был более или менее существенным, только в период сложения саргатской общности, а на следующих этапах ее функционирования практически прекратился» [3, с. 53, 54]. Фиксирует А. Н. Багашев и, как минимум, двукомпонентность антропологического состава населения гороховской культуры. Один из них местного лесостепного зауральского происхождения, второй — генетически связан, скорее всего, с «савроматскими и сарматскими популяциями» [2, с. 27]. Причем «удельный вес европеоидного компонента, родственного сарматским популяциям, выше в составе населения гороховской культуры, чем в составе саргатских групп» [3, с. 54].

Проникновение кочевых ираноязычных групп в состав аборигенного населения лесостепи поначалу, очевидно, сопровождалось установлением даннической зависимости последних [50, с. 143]. Тем самым принадлежность к кочевым, сакским по происхождению, родам определяло знатность и высокий социальный статус у носителей гороховской и саргатской культур. Вероятно также, что именно с кочевниками были связаны представители аристократии, погребенные в курганах с шатровыми сооружениями обеих культур [48, с. 39, 41; 54, с. 157]. Иранское же происхождение родовой знати у саргатцев и гороховцев в дальнейшем давало широкие возможности для развития торговых контактов, брачной дипломатии, военно-политических связей с кочевыми племенами Южного Зауралья и Казахстана [73, с. 125]. Местное же угорское население, хотя и не сразу, но восприняло основные элементы модели мира ираноязычных кочевников, их погребальной обрядности [50, с. 143; 51, с. 87; 54, с. 159; 55, с. 98; 68, с. 94; 73, с. 124]. Этим, вероятно, объясняется распространение курганного погребального обряда у «гороховцев» и «саргатцев» [144, с. 57]. Однако сакские черты в погребальной обрядности по-прежнему были присущи лишь военной аристократии [73, с. 124]. Вместе с кочевниками степи в лесостепь проникают бронзовые трехлопастные и трехгранные втульчатые наконечники стрел «скифского типа», остававшиеся ведущими типами бронзовых наконечников на протяжении длительного времени, железные петельчатые удила и двудырчатые псалии, изготавливаемые правда преимущественно из кости и рога. Инфильтрацией кочевого сакского элемента в состав лесостепного населения объясняется, на наш взгляд, появление в лесостепи каменных жертвенников без ножек или на четырех, подчеркнем, коротких ножках. Позднее, такие жертвенники изго-

тавливались уже из глины [см. например: 73, с. 114; 106, с. 86, 87]. Напомним также, что, по мнению А. Ф. Шорина, как гороховский, так и гафурийский керамический комплексы складываются под влиянием кочевого ираноязычного населения степи [146, с. 22].

Таким образом, мигрировавшие в лесостепь ираноязычные кочевники явились «культурообразующим фактором и стабилизатором этнополитической структуры, занимая господствующее положение в среде саргатцев и, вероятно, гороховцев, у которых более выражены связи с кочевниками Южного Приуралья» [50, с. 143; 80, с. 126; 88, с. 133, 134].

Итак, в начале V века до н. э. на территории зауральско-западносибирской лесостепи окончательно оформились, при участии и/или под влиянием кочевых ираноязычных групп, саргатская, на востоке, и гороховская, на западе, культуры. Одновременно идет интенсивная консолидация гороховской и саргатской культур, процессы поглощения ими менее стабильных этнообразований лесостепи и интеграции пришлых кочевых групп. Причем у саргатских племен все это протекало несколько быстрее, чем у гороховских. Процессам, происходившим в лесостепи, способствовали благоприятные для развития скотоводства климатические условия региона в V–IV веках до н. э. [126, с. 25–27, 31]. Подъем скотоводческой экономики определил и рост населения, что, в свою очередь, обуславливало расширение ареала культур. Под влиянием же кочевого мира степи ускоряются процессы социального расслоения и обособления племенной аристократии.

Контакты кочевников степи с населением лесостепи были весьма разнообразны по форме, интенсивности, широте и глубине, по своему характеру, способу осуществления и функциональной направленности. Они могли быть постоянными, периодическими или эпизодическими, охватывать все слои общества или отдельные его страты, выступать в форме взаимодействия и/или воздействия. По своему характеру и способу осуществления эти контакты могли быть военными или мирными, миграционными и инфильтрационными. Миграционные контакты – результат перемещения относительно больших групп людей. Инфильтрационные – результат перемещения небольших групп или даже отдельных лиц (например, при смешанных браках, включение в военную дружину иноплеменников и т. п.). Контакты можно разделить на хозяйственные, включая разделение труда между контактирующими обществами, социальные (массовые и элитарные), потестарно-политические и культурно-идеологические (подробнее о формах контактов см.: [47, с. 477–479; 101, с. 240, 241]).

Все эти типы контактов менялись во времени и пространстве в соответствии с конкретно складывающимися и меняющимися обстоятельствами. В одно и то же время типы контактов с разными группами населения (гороховцы, иткульцы, саргатцы, гафурийцы и т. п.) могли быть разными. Различными в разное время могли быть и контакты с одной и той же группой населения. На том или ином отрезке истории преобладали те или иные типы контактов. Это зависело от множества, трудноуловимых в настоящее время нюансов. Поэтому вряд ли стоит абсолютизировать ту или иную форму контактов, тот или иной их характер, способ осуществления, функциональную направленность, придавая им всеобщий, универсальный характер.

В относительно стабильные периоды, очевидно, преобладали постоянные хозяйственные, в том числе торгово-обменные контакты, инфильтрации, включая брачные связи, охватывающие не только элитарные, но и рядовые слои населения [40, с. 39, 40; 44, с. 7, 8; 81, с. 134; 111, с. 38]. В такие периоды открывались значитель-

ные возможности и для культурно-идеологических контактов, проводниками которых в обществах лесостепи выступала родоплеменная верхушка, связанная своим происхождением с кочевым миром. В периоды же политической и экологической нестабильности преобладали, скорее всего, потестарно-политические контакты военного характера, сопровождавшиеся миграционными процессами (включением в состав того или иного объединения достаточно крупных групп инородного населения). В целом же, характеризуя контакты населения урало-казахстанских степей и племен зауральско-западносибирской лесостепи, можно говорить о том, что начиная с V века до н. э. идет процесс постепенной «сарматизации» лесостепного населения [106, с. 96].

Уже в V веке до н. э. гороховцы, очевидно, стали играть заметную роль во взаимоотношениях номадов Южного Зауралья, шире Южного Урала, с населением лесостепи. Как отмечает Л. Н. Корякова, «гороховская культура на некоторое время (V–IV века до н. э. — А. Т.) стала органической частью, поддерживающей баланс взаимоотношений в системе “оазис — степь — оазис”» [50, с. 140]. От состояния отношений с ними во многом зависело и снабжение кочевников металлом. Отношения эти, вероятно, носили в основном мирный характер, прерываемый отдельными военными столкновениями. Тесные связи, существующие между гороховскими племенами и кочевниками Южного Зауралья, документируемые находками предметов савромато-сарматского облика на территории, занимаемой гороховцами [17, с. 62, № 230; 33, с. 87–90, 93, 94; 48, с. 41; 94, с. 27; 119, с. 170, 273, 274; 124, с. 67 и др.]. Обусловлены же они были непосредственным соседством, близкими формами хозяйства и генетическим родством.

Говоря о генетическом родстве, мы имеем в виду то, что в формировании гороховской культуры, помимо местного лесостепного населения, оставившего памятники воробьевского типа, приняли участие, по нашему мнению, не только кочевые группы из Приаралья, но и кочевники Южного Зауралья VII–VI веках до н. э., носители бобровско-тасмолинской культуры [131, с. 89, 90; см. также: 50, с. 140; 53, с. 32; 73, с. 124; 76, с. 363, 366]. Инфильтрацией кочевников Южного Зауралья в лесостепь можно, вероятно, объяснить появление на Тоболе (могильник Скаты I) захоронений в могильных ямах с подбоем [48, с. 41]. Эти связи политического, экономического и матримониального характера явились причиной распространения уже в V веке до н. э. у кочевников Южного Зауралья круглодонной керамики с примесью талька в глине, близкой по форме, технологии изготовления и орнаментации гороховской [43, с. 76, 77; 94, с. 35–38, 47–50; 95, с. 47, 48; 107, с. 74; 108, с. 100, 101; 109, с. 105; 119, с. 114, 115, 119, 120]*. О матримониальных связях кочевников Зауралья с населением лесостепи могут свидетельствовать и данные антропологии, в частности материалы Ново-Орского I и II и Ново-Кумакского могильников близ города Орск. Мужские черепа этих могильников сближаются с так называемым андроновским европеоидным вариантом. Женские черепа можно сопоставить с так называемыми уралоидами. «Это подразумевает текущие контакты между степным европеоидным и каким-либо лесостепным уралоидным населением» [137, с. 86].

* Б. Ф. Железчиков связывал с влиянием лесостепных племен Зауралья и наличие восточной, северо-восточной и северной ориентировок в погребениях савроматского времени Восточного Оренбуржья и Челябинской области [39, с. 25; 41, с. 5; 42, с. 21]. Однако данных для такого предположения нет. Погребений с иткульской, воробьевской и байтовской керамикой почти нет [74, с. 9; 69, с. 79; 122, с. 57; 142, с. 125], а наиболее ранние погребения гороховской культуры датируются V — началом IV века до н. э. [122, с. 50] или рубежом V–IV веков до н. э. [25, с. 13, 14]. В степной же части Южного Зауралья погребения с северной ориентировкой известны уже в VII–VI веках до н. э.

В V в. до н. э. гороховцы активно осваивают территории, занимаемые воробьевскими, баитовскими и иткульскими племенами. В это время гороховская керамика появилась на баитовских, иткульских и гамаюно-иткульских городищах и поселениях (Рафайловское, Коровяковское, Шайдурихинское, Каменогорское, Серный Ключ, Носиловское 2, Баитовское 1 и 3 и др.). Судя по находкам керамики, отдельные воробьевские группы, обитавшие ранее на средней Исети, в результате гороховского давления проникли в верховья рек Миасс, Исеть, на Багаряк, где складываются относительно крупные укрепленные поселения, заселенные смешанным населением (Красный Камень, Зотинское II, III, Дальнее Багарякское, Каменогорское) [19, с. 97; 20, с. 128; 68, с. 79].

В это же время на месте Воробьевского городища эпонимной культуры была возведена трехплощадочная гороховская крепость со сложной системой фортификации. Кольцевые гороховские и сходные с ними укрепления с фигурной линией фортификации распространились в Притоболье, низовьях Синары, на Нижней и Средней Исети. Как показала стратиграфия Носиловского городища и ряда других памятников Среднего Притоболья, прослеживается определенная тенденция к распространению гороховских памятников на восток, вытеснению баитовцев и заселению баитовских территорий [19, с. 97; 68, с. 79–81, 85; 70, с. 86; 71, с. 88; 73, с. 9; 88, с. 133]. С этим расширением ареала гороховской культуры в V веке до н. э. В. А. Могильников связывает и проникновение гороховского населения в Месягутовскую лесостепь (Северо-Восточная Башкирия) [88, с. 133]. В конце V — начале IV века до н. э. гороховцы уже занимали север зауральской лесостепи от восточного склона Урала до Среднего Тобола [74, с. 14, 15; 78, с. 122, 123; 122, рис. 1б; 123, с. 7].

Вероятно, под воздействием носителей гороховской культуры у отдельных групп иткульского населения появляется обряд грунтовых захоронений, хотя здесь не исключено и влияние кочевого населения степной части Южного Зауралья. Число исследованных и опубликованных иткульских погребений крайне мало [110; 142], чтобы охарактеризовать погребальный обряд и потому данный вывод, естественно, носит предварительный характер. Тем не менее, один из иткульских могильников — Березки VIII а [142] — находится на берегу озера Аргази, где в могильнике Березки V б исследованы как гороховские погребения, так и раннекочевническое захоронение VII–VI веков до н. э. [145; 142, с. 125]. Гороховские погребения присутствуют также в могильниках Березки Vг и Березки Ve [104, с. 145, 150].

К концу V века до н. э. в Южном Зауралье оформляются две основные модели взаимодействия населения степи и лесостепи [128]. Первая, «иткульская», являлась, на наш взгляд, более ранней. Судя по археологическим данным, первые контакты кочевников степи с обитателями поселений восточного склона Урала относятся к VII в. до н. э. Первоначально они носили военно-грабительский характер и были связаны со стремлением кочевников овладеть источниками поступления в степь цветного металла. Результатом военной активности номадов явилось установление системы даннических отношений — в обмен на гарантии «покровительства» иткульские племена поставляли кочевникам цветной металл и изделия из него. При этом иткульские племена, очевидно, в основном сохраняли свою целостность как социально-потестарная и экономическая общность. Военно-грабительский характер первых контактов, а в дальнейшем и даннические отношения, привели к почти полному отсутствию культурно-идеологических контактов между «иткульцами» и кочевниками. Их взаимоотношения, не затрагивая сферу духовной культуры,

ограничивались лишь постоянными хозяйственными контактами, в которые вступали отдельные, прежде всего, элитарные, группы населения.

Формирование второй, «гороховской», модели связано с миграцией в конце VI — начале V в. до н. э. групп ираноязычных кочевников Южного Зауралья и Приаралья в лесостепь Зауралья и Западной Сибири. Эти группы сыграли решающую роль в ускорении социально-экономического развития западносибирского населения и приняли участие в формировании гороховской и саргатской культур. Последнее обстоятельство нашло отражение в погребальном ритуале, конструкции могильных ям, надмогильных сооружений, инвентаре, фортификации и искусстве. Принадлежность к кочевым, сакским по происхождению, родам определяло знатность и высокий социальный статус у носителей гороховской и саргатской культур. Сакское же происхождение родовой знати в дальнейшем давало широкие возможности для развития хозяйственных, социальных, потестарно-политических и культурно-идеологических контактов с кочевыми племенами Южного Зауралья и Казахстана. Причем, контакты эти охватывали не только элитарные, но и рядовые слои населения.

Литература

1. Абаев, В. И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов / В. И. Абаев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.) : тр. Междунар. симпозиума по этн. проблемам истории Центр. Азии в древности (II тысячелетие до н. э.), Душанбе, 17–22 окт. 1977 г. М. : Наука, 1981. С. 84–89.
2. Багашев, А. Н. Материалы по краниологии населения гороховской культуры / А. Н. Багашев // Тюменский исторический сборник : материалы науч. конф., посвящ. 50-летию ист. ф-та Тюмен. гос. ун-та. Тюмень : б. и., 1996. С. 20–28.
3. Багашев, А. Н. О роли пришлого и местного компонентов в расогенезе населения западно-сибирской лесостепи эпохи раннего железа / А. Н. Багашев // Проблемы взаимодействия человека и природной среды : материалы итоговой науч. сессии ученого совета Ин-та проблем освоения Севера СО РАН 1999 г. Вып. 1. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2000. С. 52–56.
4. Барцева, Т. Б. Цветной металл из Среднего Приишимья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) / Т. Б. Барцева // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Изд-во Башкир. ун-та, 1987. С. 65–83.
5. Белавин, А. М. Пермское Предуралье как культурно-экологическая область / А. М. Белавин // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез / отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб. : б. и., 2007. С. 26–40.
6. Бельтикова, Г. В. Зауральский (Иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н. э.) / Г. В. Бельтикова : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 23 с.
7. Бельтикова, Г. В. Иткульский очаг металлургии: ориентация, связи / Г. В. Бельтикова // Урал. ист. вестн. № 8 (Древние и средневековые культуры Урала в евразийском культурном пространстве). Екатеринбург : Академкнига, 2002. С. 142–163.
8. Бельтикова, Г. В. Иткульское I городище — место древнего металлургического производства / Г. В. Бельтикова // Проблемы Урало-Сибирской археологии. Свердловск : УрГУ, 1986. С. 63–78.
9. Бельтикова, Г. В. Литейные формы иткульского очага металлургии (VII–III вв. до н. э.) / Г. В. Бельтикова // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург : Наука, 1993а. С. 38–75.
10. Бельтикова, Г. В. Металлические наконечники стрел с иткульских памятников / Г. В. Бельтикова // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск : б. и., 1982. С. 65–77.
11. Бельтикова, Г. В. О зауральской металлургии VII–III вв. до н. э. / Г. В. Бельтикова // ВАУ. 1981. Вып. 15. С. 118–125.
12. Бельтикова, Г. В. Памятник металлургии на острове Малый Вишневы / Г. В. Бельтикова // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск : УрГУ, 1988. С. 103–117.

13. Бельтикова, Г. В. Развитие иткульского очага металлургии / Г. В. Бельтикова // ВАУ. 1993. Вып. 21. С. 93–106.
14. Бельтикова, Г. В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии / Г. В. Бельтикова // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения В. Ф. Генинга). Екатеринбург : б. и., 2005. С. 162–186.
15. Бельтикова, Г. В. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири / Г. В. Бельтикова, В. А. Борзунов, Л. Н. Корякова // ВАУ. 1991. Вып. 20. С. 102–114.
16. Бельтикова, Г. В. Городище Думной горы место специализированного металлургического производства (предварит. сообщение) / Г. В. Бельтикова, В. Е. Стоянов // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск : УрГУ, 1984. С. 130–144.
17. Берс, Е. М. Каталог археологической коллекции Свердловского краеведческого музея / Е. М. Берс. Свердловск : б. и., 1959. 83 с.
18. Борзунов, В. А. Городища с бастионно-башенной архитектурой раннего железного века Урала и Западной Сибири / В. А. Борзунов // XIV Уральское археологическое совещание (21–24 апреля 1999 г.) : тез. докл. Челябинск : Рифей, 1999. С. 117–118.
19. Борзунов, В. А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура) / В. А. Борзунов. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1992. 189 с.
20. Борзунов, В. А. Зотинское IV городище на р. Багаряк / В. А. Борзунов // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири (ВАУ. Вып. 22). Екатеринбург : Наука, 1993. С. 111–134.
21. Борзунов, В. А. Иткульско-гамаюнское городище Красный Камень / В. А. Борзунов // ВАУ. 1981. Вып. 15. С. 112–118.
22. Борзунов, В. А. Укрепленные поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины железного веков / В. А. Борзунов // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. I. Поселения и жилища. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1995. С. 203–244.
23. Борзунов, В. А. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала / В. А. Борзунов, Н. Н. Новиченко // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск : УрГУ, 1988. С. 88–103.
24. Борзунов, В. А. Березки II – поселение эпохи раннего железа в горно-лесном Зауралье / В. А. Борзунов, Т. И. Нохрина // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск : Наука, 1981. С. 52–62.
25. Булдашов, В. А. Погребальная обрядность гороховской культуры : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. А. Булдашов. Новосибирск, 1998. 27 с.
26. Васильев, В. И. Основные проблемы этнической ретроспекции исторического прошлого Западной Сибири эпохи железа / В. И. Васильев, В. А. Могильников // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск : б. и., 1981. С. 58–61.
27. Васильев, Ст. А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие / Ст. А. Васильев // Археолог. вести. № 11. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. С. 275–297.
28. Вереш, П. Т. К вопросу о приаральской прародине древневенгерского этноса / П. Т. Вереш // Приаралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции / Рос. акад. наук. М. : Вост. лит., 1998. С. 167–171.
29. Викторова, В. Д. Пути и формы взаимодействия населения лесной полосы Зауралья (эпохи неолита и раннего железного века) / В. Д. Викторова // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Прикамья : материалы междунар. науч. конф. К 30-летию Камско-Вятской археолог. экспедиции. Ижевск : Изд-во ин-та экономики и управления УдГУ, 2002. С. 36–41.
30. Викторова, В. Д. Находки на горе Азов / В. Д. Викторова, В. В. Непомнящих, О. З. Непомнящих // 120 лет археологии восточного склона Урала: Первые чтения памяти В. Ф. Генинга. Ч. 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала : материалы конф. Екатеринбург : б. и., 1999. С. 96–103.
31. Волков, Р. Б. Гранитный грот (навес) Шайтаноозерский Каменный Остров I / Р. Б. Волков, Н. Г. Ерохин, Р. Н. Тихонова // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3. Екатеринбург : Банк культур. информ., 1999. С. 110–116.
32. Галибин, В. А. Спектральный анализ цветного металла из Среднего Притоболья / В. А. Галибин, Н. П. Матвеева // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии : тез. докл. регион. науч. конф. Новосибирск : б. и., 1989. С. 106–109.
33. Генинг, В. Ф. Большие курганы лесостепного Притоболья (IV–II вв. до н. э.) / В. Ф. Генинг // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург : Наука, 1993. С. 72–101.
34. Грантовский, Э. А. О восточноиранских племенах кушанского ареала / Э. А. Грантовский // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М. : Наука. С. 76–92.

35. Дегтярева, А. Д. Металлообработка раннего железного века Среднего Приишимья / А. Д. Дегтярева // Западная Сибирь — проблемы развития. Тюмень : ИПОС СО РАН, 1994. С. 20–31.
36. Дерендяев, Д. С. Взаимодействие ананьинских групп Прикамья (по материалам поселений) / Д. С. Дерендяев // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья : Материалы междунар. науч. конф. К 30-летию Камско-Вят. археолог. экспедиции. Ижевск : Изд-во ин-та экономики и управления УдГУ, 2002. С. 197–199.
37. Ерохин, Н. Г. Першинская-1 пещера — стратифицированный археологический памятник в Среднем Зауралье (каменный век — поздний железный век) / Н. Г. Ерохин, Н. Р. Тихонова, Р. Б. Волков // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург : Екатеринбург, 1997. С. 61–69.
38. Железчиков, Б. Ф. Некоторые вопросы развития скотоводческого хозяйства сарматов Южного Приуралья / Б. Ф. Железчиков // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа : БФ АН СССР, 1984. С. 3–17.
39. Железчиков, Б. Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья в VI в. до н. э. — I в. н. э. / Б. Ф. Железчиков. Волгоград, 1986. Деп. в ИНИОН АН СССР, № 28585.
40. Железчиков, Б. Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI–II вв. до н. э. : науч. докл., представл. в качестве дис.... д-ра. ист. наук / Б. Ф. Железчиков. М., 1997. 56 с.
41. Железчиков, Б. Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья : автореф. дис.... канд. ист. наук / Б. Ф. Железчиков. М., 1980. 16 с.
42. Железчиков, Б. Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья : дис.... канд. ист. наук / Б. Ф. Железчиков. М., 1979 // Архив ИА РАН. Р-2. № 2261–2263.
43. Железчиков, Б. Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья и Заволжья в VI–III вв. до н. э. / Б. Ф. Железчиков, Е. Б. Железчикова // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста : б. и., 1990. С. 71–81.
44. Железчиков, Б. Ф. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н. э. / Б. Ф. Железчиков, А. Х. Пшеничнюк // Проблемы истории и культуры сарматов : тез. докл. междунар. конф. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1994. С. 5–8.
45. Збруева, А. В. Галкинское городище / А. В. Збруева // Археологические памятники Урала и Прикамья. МИА. 1940. № 1. С. 83–99.
46. Збруева, А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / А. В. Збруева // МИА. 1952. № 30. 321 с.
47. История первобытного общества. Эпоха классового образования. М. : Наука, 1988. 568 с.
48. Ковригин, А. А. К вопросу о социальной структуре населения Зауралья в раннем железном веке / А. А. Ковригин, Д. И. Ражев // Россия и Восток: археология и этническая история : материалы IV междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск : Омский филиал Объедин. ин-та истории, филологии и философии. 1997. С. 38–41.
49. Корякова, Л. Н. Ансамбль некрополя саргатской культуры (статистическая характеристика) / Л. Н. Корякова // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск : б. и., 1977. С. 134–151.
50. Корякова, Л. Н. Гаевский могильник в контексте эволюции саргатской культурной общности / Л. Н. Корякова // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. Екатеринбург : Екатеринбург, 1997. С. 138–154.
51. Корякова, Л. Н. Золотой век Зауральской лесостепи / Л. Н. Корякова // Урал. ист. вестн. № 4. Екатеринбург : Академкнига, 1997а. С. 76–101.
52. Корякова, Л. Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века) / Л. Н. Корякова. Препр. Екатеринбург : б. и., 1991. 52 с.
53. Корякова, Л. Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века) : дис.... д-ра ист. наук в форме науч. докл. / Л. Н. Корякова. Новосибирск, 1993. 72 с.
54. Корякова, Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура) / Л. Н. Корякова. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.
55. Корякова, Л. Н. Тоболо-Иртышская провинция в системе культур железного века / Л. Н. Корякова // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала : тез. докл. XII Урал. археолог. совещ. Екатеринбург : ИИА УрО РАН : Урал. гос. ун-т, 1993а. С. 97–99.
56. Корякова, Л. Н. К вопросу о связях населения лесостепи Западной Сибири в эпоху поздней бронзы — раннего железного века / Л. Н. Корякова, Л. И. Погодин, А. Я. Труфанов // Проблемы археологии степной Евразии: тез. докл. : в 2 ч. Ч. 2. Кемерово : б. и., 1987. С. 42–46.

57. Корякова, Л. Н. К вопросу о сравнении саргатской и савромато-сарматской культур / Л. Н. Корякова, С. М. Попова // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Изд-во Башкир. ун-та, 1987. С. 37-45.
58. Корякова, Л. Н. Прыговский 2 могильник: кочевники и лесостепь / Л. Н. Корякова, С. В. Шарапова, А. А. Ковригин // Урал. ист. вестн. 2010. № 2. С. 62-71.
59. Косинцев, П. А. Особенности хозяйства восточного склона Урала в раннем железном веке / П. А. Косинцев // Проблемы Урало-Сибирской археологии. Свердловск : УрГУ, 1986. С. 79-89.
60. Кузьмина, Е. Е. Финно-угры и индо-иранцы: динамика культурных связей / Е. Е. Кузьмина // Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Материалы 3-й балто-славян. конф. : в 2 ч. Ч. 2. М. : б. и., 1990. С. 33-39.
61. Кузьминых, С. В. Евразийская металлургическая провинция и цветная металлообработка раннего железного века: проблема соотношения / С. В. Кузьминых // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала : тез. докл. XII Урал. археолог. совещ. Екатеринбург : ИИА УрО РАН : Урал. гос. ун-т, 1993. С. 119-122.
62. Кузьминых, С. В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза) / С. В. Кузьминых. М. : Наука, 1983. 256 с.
63. Кузьминых, С. В. Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности / С. В. Кузьминых, С. А. Агапов // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Екатеринбург : УрО АН СССР, 1989. С. 178-197.
64. Кызласов, Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.) / Л. Р. Кызласов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. 207 с.
65. Матвеев, А. В. К проблеме этногеографии Западно-Сибирской лесостепи в скифскую эпоху / А. В. Матвеев // Скифская эпоха Алтая : тез. докл. конф. Барнаул : б. и., 1986. С. 85-88.
66. Матвеев, А. К. Древнеуральская топонимика и ее происхождение / А. К. Матвеев // ВАУ. 1961. Вып. 1. С. 133-141.
67. Матвеева, Н. П. Гипотетическая реконструкция социальных структур населения гороховской культуры / Н. П. Матвеева // XIV Уральское археологическое совещание (21-24 апр. 1999 г.) : тез. докл. Челябинск : Рифей, 1999. С. 128-129.
68. Матвеева, Н. П. Край в раннем железном веке и средневековье / Н. П. Матвеева // История Курганской области (с древнейших времен до 1861 года) : в 2 т. Т. 1. Курган : Курган. пед. ин-т, 1995. С. 76-112.
69. Матвеева, Н. П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи / Н. П. Матвеева // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень : б. и., 1989. С. 77-103.
70. Матвеева, Н. П. О гороховской культуре / Н. П. Матвеева // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях : тез. докл. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения К. В. Сальникова. Уфа : Башкир. гос. ун-т, 1991а. С. 84-87.
71. Матвеева, Н. П. О гороховской культуре в Зауралье / Н. П. Матвеева // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа : Вост. ун-т, 1996. С. 83-96.
72. Матвеева, Н. П. О погребальном обряде саргатских могильников Приишимья / Н. П. Матвеева // Проблемы изучения саргатской культуры : тез. докл. Омск : б. и., 1991б. С. 16-20.
73. Матвеева, Н. П. Ранний железный век Приишимья / Н. П. Матвеева. Новосибирск : Наука, 1994. 152 с.
74. Матвеева, Н. П. Ранний железный век Среднего Приоболья : автореф. дис.... канд. ист. наук / Н. П. Матвеева. Новосибирск, 1987. 21 с.
75. Матвеева, Н. П. Саргатская культура на среднем Тоболе / Н. П. Матвеева. Новосибирск : Наука, 1993. 175 с.
76. Матвеева, Н. П. Социальное развитие народов западносибирской лесостепи в раннем железном веке / Н. П. Матвеева // Сибирь в панораме тысячелетий : материалы междунар. симпозиума : в 2 т. Т. 1. Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998а. С. 359-366.
77. Матвеева, Н. П. Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири (ранний железный век лесостепной и подтаежной зон) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук // Н. П. Матвеева. Новосибирск, 1998. 45 с.
78. Матвеева, Н. П. Керамические комплексы раннего железного века поселения Язевое I / Н. П. Матвеева, Т. М. Потемкина, И. Ю. Чикунова // РА. 2001. № 4. С. 114-123.
79. Мищенко, О. П. География, топография и хронология культовых мест на вершинах гор в Среднем Зауралье / О. П. Мищенко // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Березники : б. и., 2001. С. 73-77.

80. Могильников, В. А. К генезису культур Западной Сибири в эпоху раннего железа / В. А. Могильников // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997а. С. 126–132.
81. Могильников, В. А. К характеристике контактов кочевников Южного Зауралья с населением лесостепи / В. А. Могильников // XIV Уральское археологическое совещание : тез. докл. Челябинск : Рифей, 1999. С. 133–135.
82. Могильников, В. А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири / В. А. Могильников // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 274–311.
83. Могильников, В. А. Некоторые особенности генезиса культур лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке / В. А. Могильников // ВАУ. 1981. Вып. 15. С. 100–103.
84. Могильников, В. А. Об этническом составе культур Западной Сибири эпохи раннего железа / В. А. Могильников // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 77–89.
85. Могильников, В. А. Основные достижения российской археологии XX в. в изучении железного века Западной Сибири / В. А. Могильников // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. : материалы науч. конф. : 75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга. Ижевск : б. и., 2000. С. 119–123.
86. Могильников, В. А. Основные линии развития Зауралья и Западной Сибири в эпоху железа / В. А. Могильников // VI Уральское археологическое совещание : тез. пленар. и некоторых дискусион. докл. М. : б. и., 1977. С. 10–12.
87. Могильников, В. А. Особенности этнокультурного развития населения лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке / В. А. Могильников // Проблемы археологии и этнографии Сибири : тез. докл. регион. конф. Иркутск : б. и., 1982. С. 105.
88. Могильников, В. А. Социально-экономическая структура и этнические процессы на юге Западной Сибири в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. / В. А. Могильников // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири : материалы Всерос. науч. конф. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997б. С. 132–135.
89. Могильников, В. А. Гешировая плакетка из Новотроицких курганов / В. А. Могильников, А. П. Уманский // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 155–161.
90. Мокрушин, В. П. Новые материалы по раннему железному веку Прикамья / В. П. Мокрушин // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники : б. и., 2001. С. 87–94.
91. Морозов, В. М. Городище Янычково (предварительные результаты исследования) / В. М. Морозов, С. Н. Панина // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург : Екатеринбург, 1997. С. 76–91.
92. Морозов, В. М. Поздний комплекс находок из пещер Южного Зауралья / В. М. Морозов, В. И. Юрин // XV Уральское археологическое совещание : тез. докл. междунар. науч. конф. Оренбург : Оренбург. губерния, 2001. С. 27.
93. Мошкова, М. Г. К вопросу о металлургическом производстве у кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в савромато-сарматский период / М. Г. Мошкова // Киммерийцы и скифы : тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А. И. Тереножкина : в 2 ч. Ч. 2. Кировоград : б. и., 1987. С. 24–26.
94. Мошкова, М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры / М. Г. Мошкова. М. : Наука, 1974. 52 с.
95. Мошкова, М. Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска / М. Г. Мошкова // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА. 1972. № 153. С. 27–48.
96. Мошкова, М. Г. Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром / М. Г. Мошкова. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1989. С. 202–214.
97. Нохрина, Т. И. Отчет о раскопках, произведенных на западном берегу озера Аргази летом 1976 года / Т. И. Нохрина // Архив ИА РАН. Р-1. № 6428.
98. Обыденнов, М. Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкасульская и межовская культуры) / М. Ф. Обыденнов, А. Ф. Шорин. Екатеринбург : Наука, 1995. 196 с.
99. Павленко, Ю. В. Формирование раннеклассовых отношений на территории Украины / Ю. В. Павленко // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тези доповідей XX Республіканської конференції. Київ : Наукова думка, 1989. С. 165–167.

100. Пархимович, С. Г. Индоиранский компонент в мировоззрении обских угров / С. Г. Пархимович // Сургут, Сибирь, Россия : междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию г. Сургута : тез. докл. Екатеринбург : б. и., 1994. С. 159–162.
101. Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблемы исторических контактов). М. : Наука : Гл. ред. вост. лит., 1978. 301 с.
102. Першиц, А. И. Некоторые особенности классовобразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов / А. И. Першиц // Становление классов и государства. М. : Наука, 1976. С. 280–313.
103. Петрин, В. Т. Отчет об исследовании могильников Байрамгулово I, II и разведочных обследований на озере Аргази Аргаяшского района Челябинской области, произведенных в 1976 г. : в 2 т. Т. 1 / В. Т. Петрин // Архив КА УрГУ. Ф-II. № 237.
104. Петрин, В. Т. Археологические памятники Аргазинского водохранилища: (Эпоха камня и бронзы) / В. Т. Петрин, Т. И. Нохрина, А. Ф. Шорин. Новосибирск : Наука, 1993. 208 с.
105. Полеводов, А. В. Археологический микрорайон к северу от Больших Крутихинских озер / А. В. Полеводов, Е. А. Плешков // Археологические микрорайоны Западной Сибири : материалы науч. конф. Омск : Изд-во Ом. ун-та, 1998. С. 48–53.
106. Полосьмак, Н. В. Бараба в эпоху раннего железа / Н. В. Полосьмак. Новосибирск : Наука, 1987. 144 с.
107. Пшеничнюк, А. Х. Исследования по раннему железному веку / А. Х. Пшеничнюк // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа : БФ АН СССР, 1987. С. 67–76.
108. Пшеничнюк, А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала / А. Х. Пшеничнюк. М. : Наука, 1983. 200 с.
109. Пшеничнюк, А. Х. Особенности культуры ранних кочевников Восточного склона Южного Урала / А. Х. Пшеничнюк // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства : тез. докл. Всесоюз. археолог. конф. Кемерово : б. и., 1979. С. 105–106.
110. Ражев, Д. И. Курганные погребения Шайдурихинского могильника. (Антропологический анализ) / Д. И. Ражев // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург : Екатеринбург, 1997. С. 91–97.
111. Савельев, Н. С. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры / Н. С. Савельев // УАВ. 2000. Вып. 2. С. 17–48.
112. Савельев, Н. С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа / Н. С. Савельев. Уфа : Гилем, 2007. 260 с.
113. Савельев, Н. С. Формирование иткульского металлургического очага в свете кочевнических миграций раннескифского времени / Н. С. Савельев // Международное (XIV Уральское) археологическое совещание : материалы междунар. науч. конф. Пермь : Редакц.-издат. отдел Перм. ун-та, 2003. С. 130–131.
114. Сальников, К. В. Иткульская культура (К вопросу о «Зауральском ананьине») / К. В. Сальников // Краевед. зап. Вып. 1. Челябинск : Челяб. кн. изд-во, 1962. С. 21–47.
115. Сериков, Ю. Б. Культурные комплексы р. Чусовой / Ю. Б. Сериков // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Березники : б. и., 2001. С. 50–64.
116. Скорый, С. А. К этнокультурной истории Украинской Правобережной Лесостепи в скифскую эпоху / С. А. Скорый // Киммерийцы и скифы : тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А. И. Тереножкина : в 2 ч. Ч. 2. Кировоград : б. и., 1987. С. 70–72.
117. Смирнов, К. Ф. Ранние кочевники Южного Урала / К. Ф. Смирнов // АЭБ. 1971. Т. IV. С. 69–78.
118. Смирнов, К. Ф. Савроматская и раннесарматская культуры / К. Ф. Смирнов // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1989. С. 165–177.
119. Смирнов, К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат / К. Ф. Смирнов. М. : Наука, 1964. 380 с.
120. Стоянов, В. Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века / В. Е. Стоянов // КСИА. 1969а. Вып. 119. С. 52–61.
121. Стоянов, В. Е. Некоторые черты социально-экономической организации древнего населения Зауральско-Западносибирской лесостепи (ранний железный век) / В. Е. Стоянов // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск : б. и., 1977. С. 152–159.
122. Стоянов, В. Е. О могильниках Зауральско-Западносибирской лесостепи (ранний железный век) / В. Е. Стоянов // ВАУ. 1973. Вып. 12. С. 44–57.
123. Стоянов, В. Е. Ранний железный век Западносибирской лесостепи. (Опыт классификации и периодизации) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Е. Стоянов. М., 1969. 17 с.

124. Стоянов, В. Е. Курганные могильники у д. Воробьево / В. Е. Стоянов, В. Н. Фролов // ВАУ. 1962. Вып. 4. С. 53–87.
125. Таиров, А. Д. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала / А. Д. Таиров // АПО. 1998. Вып. 2. С. 87–96.
126. Таиров, А. Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II-I тыс. до н. э. : материалы к ист. реконструкциям / А. Д. Таиров. Челябинск : Рифей, 2003. 68 с.
127. Таиров, А. Д. История изучения раннего железного века Южного Зауралья / А. Д. Таиров // История археологии Южного Зауралья : учеб. пособие. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2002б. С. 113–186.
128. Таиров, А. Д. К вопросу о взаимодействии племен степи и лесостепи Южного Зауралья в раннем железном веке / А. Д. Таиров // Этнические взаимодействия на Южном Урале : тез. докл. регион. науч.-практ. конф. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2002а. С. 107–109.
129. Таиров, А. Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. / А. Д. Таиров. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. 274 с.
130. Таиров, А. Д. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция / А. Д. Таиров // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2000б. С. 16–28.
131. Таиров, А. Д. Ранний железный век / А. Д. Таиров // Древняя история Южного Зауралья : в 2 т. Т. 2. Ранний железный век и средневековье. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2000а. С. 4–205.
132. Хабдулина, М. К. Взаимодействие степного и лесостепного на селения Северного Казахстана в эпоху поздней бронзы и раннего железного века / М. К. Хабдулина // Проблемы археологии Степной Евразии : тез. докл. : в 2 ч. Ч. 1. Кемерово : б.и., 1987. С. 103–105.
133. Хабдулина, М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа / М. К. Хабдулина. Алматы : Гылым : Ракурс, 1994. 170 с.
134. Хазанов, А. М. Роль рабства в процессах классовобразования у кочевников Евразийских степей / А. М. Хазанов // Становление классов и государства. Основные проблемы развития. М. : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1976. С. 249–279.
135. Хазанов, А. М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей / А. М. Хазанов. М. : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1975. 344 с.
136. Хазанов, А. М. Характерные черты кочевых обществ евразийских степей / А. М. Хазанов // Доклады советской делегации. IX МКАЭН. М. : б. и., 1973. 16 с.
137. Хохлов, А. А. Новые краниологические материалы Южного Урала савроматского времени / А. А. Хохлов, С. Ю. Фризен // Проблемы этногенеза и этнической истории башкирского народа : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию С. Н. Шитовой. Уфа, 22 дек. 2006 г. Уфа : Гилем, 2006. С. 85–87.
138. Чемякин, Ю. П. Случайная находка в окрестностях Коркино / Ю. П. Чемякин // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург : Квадрат, 2006. С. 71–77.
139. Черных, Е. Н. Каргалы. Забытый мир / Е. Н. Черных. М. : Наука, 1997. 177 с.
140. Черных, Е. Н. О работах Волго-Уральской комплексной экспедиции в 1989–1990 гг. / Е. Н. Черных, С. А. Агапов, А. Ю. Кравцов [и др.] // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск : Ин-т истории, яз. и лит., 1991. С. 159–164.
141. Шарапова, С. В. Керамика раннего железного века лесостепного Зауралья (опыт статистического анализа) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. В. Шарапова. Ижевск, 2000. 27 с.
142. Шорин, А. Ф. Березки VSHA — могильник раннего железного века Южного Зауралья / А. Ф. Шорин // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3. Екатеринбург : Банк культур. информ., 1999. С. 123–126.
143. Шорин, А. Ф. Боровая 1 — стоянка эпохи энеолита в лесной зоне Среднего Зауралья / А. Ф. Шорин // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург : Екатеринбург, 1997. С. 69–75.
144. Шорин, А. Ф. К этнической характеристике черкаскульской культуры (состояние проблемы) / А. Ф. Шорин // РА. 1994. № 4. С. 54–62.
145. Шорин, А. Ф. Курган раннего железного века на Южном Урале / А. Ф. Шорин // Сибирь в древности. Новосибирск : Наука, 1979. С. 57–60.
146. Шорин, А. Ф. О роли межовской культуры Среднего Зауралья в формировании уральских культур раннего железного века / Шорин // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа : Вост. ун-т, 1996. С. 20–32.
147. Шорин, А. Ф. Отчет об археологических исследованиях на острове Большой Вишневы (Аргазинское водохранилище) в Аргаяшском районе Челябинской области, проведенных летом 1975 года / А. Ф. Шорин // Архив ИА РАН. Р-1. № 5999.

148. Яценко, С. А. Культурные контакты финно-угорских и иранских народов древности (Сапоговский клад как культурно-исторический памятник) / Яценко // Этно-национальные доминанты в культуре и искусстве народов Урало-Поволжья. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2001. С. 99–114.

149. Яшин, В. Б. Еще раз о митраических истоках культа Мир-сусне-хума у обских угров / В. Б. Яшин // Народы Сибири: история и культура. Сер. «Этнография Сибири». Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1997. С. 44–52.

150. Яшин, В. Б. К проблеме южных связей древних угров / В. Б. Яшин // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова : тез. докл. обл. науч. конф. по разделам: Скифо-сибир. культ.-ист. общность. Раннее и позднее средневековье. Омск : ОмГУ, 1987. С. 87–89.

151. Яшин, В. Б. О возможных истоках некоторых обугорских космологических представлений / В. Б. Яшин // Источники по истории Западной Сибири (История и археология). Омск : б. и., 1987а. С. 102–116.

А. М. Ушаков

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ С УЧАСТИЕМ КОНЯ В КОЧЕВОМ МИРЕ ЮЖНОГО УРАЛА В VI–IV ВЕКАХ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Конь имел для кочевников Южного Урала, как и для других кочевых народов Евразии, первостепенное значение. Наличие лошади позволило кочевникам вести подвижное хозяйство, служило важнейшим фактором военного могущества, давало питательную пищу и продукты необходимые в повседневной жизниномада (кожа, волос, сухожилия). При этом, являясь одним из самых выносливых домашних животных, конь способен был в суровом климате степных пространств в течение всего года находиться на естественных пастбищах, что имело весьма большое значение для кочевого хозяйства [2, с. 208]. Чрезвычайно важная роль коня у древних народов Южного Урала находила яркое отражение в погребальном обряде, мифологии, фольклоре и изобразительном искусстве.

Несмотря на это обстоятельство, данная тема получила слабое освещение в исследованиях по культуре ранних кочевников Южного Урала. В отдельных работах рассматривается роль коня в мифологии и космологии саков и скифов [1; 9], использование лошади в обряде в качестве заупокойной пищи [12; 15], изображение данного животного в скифо-сибирской художественной традиции Евразии [8]. Основной же массив работ посвящен характеристике составных элементов уздечных наборов (например [14]).

Исходя из данной ситуации, мы попытались выявить традиции в погребальной практике кочевников с участием коня, на примере археологических памятников Южного Урала конца VI – начала IV века до н. э. В данном исследовании было учтено 370 погребений из указанной территории. В итоге, археологические источники наглядно свидетельствуют о наличии сразу нескольких погребальных традиций, связанных с конем в культуре кочевников Южного Урала (182 погребения – 49,1 % от общего числа) содержат различные формы присутствия коня. Их материализованным выражением являются зафиксированные полные скелеты коней – на древнем

горизонте под насыпью кургана (13 случаев); выкладки на погребенной почве черепов лошади (семь случаев); отдельные кости скелета лошади (нижние челюсти, кости ног, лопатки, ребра) на погребальном сооружении или в насыпи кургана (25 случаев); кости лошади (нижняя челюсть, бабки, трубчатые кости и пр.) в могильной яме (80 случаев), а также предметы конского снаряжения (57 случаев).

В то же время, кроме вышеуказанных традиций встречаются единичные случаи, выделяющиеся из основной массы памятников. Так, в кургане 18 могильника Кырык-Оба II был обнаружен комплекс, который включал в себя: лепной горшок, 100 черных ритуальных галек, большую трубчатая кость, фрагменты черепной коробки и лопатку лошади [5, с. 58]. К редкому случаю также можно отнести и индивидуальное захоронение коня на погребенной почве под насыпью кургана № 9 могильника Лебедевка IV.

Костяк лошади был уложен на левый бок, с вытянутыми ногами и головой на запад. Возле скелета коня лежали два лепных горшка и песчаниковая плитка с углублением в центре, погребение человека отсутствовало [6, с. 10]. Обряд захоронения лошадей под насыпями курганов является весьма распространенным в погребальной практике кочевников скифо-сакского времени в Причерноморье и на Алтае [3; 11; 15]. Аналогии лепной посуде из данного кургана встречаются среди памятников большереченской культуры Алтая [4, с. 107].

Все перечисленные формы участия лошади в обряде четко коррелируются с другими элементами погребальной обрядности кочевников Южного Урала. В результате, условно можно выделить две группы памятников. К первой группе относятся следующие элементы: большие размеры курганов (высота более 1 м, диаметр более 20 м); сложная подкурганная деревянная конструкция (шатер, сруб); кольцевой или полукольцевой глиняный вал вокруг погребальной площадки; дромосные могильные ямы квадратной или прямоугольной формы (как правило, больших размеров); южная ориентировка погребенных. Также памятники из этой группы содержат значительное количество заупокойного инвентаря, в том числе, большое число предметов социального престижа (блюда из драгоценных металлов, ритоны, гривны, жезлы, бронзовые котлы, деревянные чаши с золотыми пластинами и т. д.). Для данной группы характерны захоронения полных туш лошадей и выкладки черепов на погребенной почве (Илекшар I, курган 1; Пятимары I, курган 6; Кырык-Оба II, курган 15).

Во вторую группу входят курганы небольших размеров (высота менее 1 м, диаметр менее 20 м), без усложненных структур насыпи и деревянных конструкций, с простыми прямоугольными ямами, имеющими рядовой заупокойный инвентарь и западную ориентировку погребенных. Для данной группы характерны (Пятимары I, курган 2; Алебастрово II, курган 17; Тара-Бутак, курган 1) отдельные кости скелета лошади под насыпью кургана и кости лошади в могильной яме.

Отдельно следует сказать о предметах конского снаряжения, которые присущи как погребениям из первой группы (Пятимары I, курган 8; Кырык-Оба II, курган 16), так и из второй (Лебедевка VI, курган 5; Восточно-Курайли I, курган 35). Так, нами были зафиксированы следующие предметы: бронзовые и железные удила и псалии, бронзовые бляшки и распределительные пронизи, бронзовые подпружные кольца, алебастровые обоймы. Вариации их встречаемости различны. Элементы узды находились и в насыпи кургана, как правило, в южной ее части, в засыпном грунте могилы, и в качестве заупокойного инвентаря, сопровождавшего погребенного. Но они также различаются по составу и количеству, причем наиболее богатые и вариативные комплексы конского снаряжения типичны для первой группы.

Имеющиеся различия между, условно выделенными нами группами, можно объяснить, прежде всего, воздействием фактора социальной стратификации [13, с. 101]. Признаки первой группы являются индикаторами высокого социального положения в кочевническом обществе, требуют значительного уровня трудозатрат, содержат материальные ценности, следовательно, присущи элитарной части общества. Тогда как признаки второй группы наиболее характерны для рядовых захоронений. Так как они характеризуются значительным упрощением системы обрядовых действий, отсутствием больших затрат труда и материальных ценностей. Исходя из этого, логично предположить, что сопровождающие человеческие захоронения жертвоприношения коней являются одним из индикаторов социального статуса погребенного.

Традиция помещения коня в сакральное пространство кургана говорит о том, что его использовали не только в качестве жертвенной, заупокойной пищи, но и как имущество погребенного — его верхового коня. При этом захоронение верховых лошадей чаще производилось при погребении богатых и влиятельных представителей племени [15, с. 101]. Конь становится своеобразной прерогативой господствующих слоев кочевников, символом и знаком их социального престижа и привилегией [1, с. 37]. Но не только сам конь выступает в качестве показателя социального ранга погребенного. Так же можно интерпретировать и конское снаряжение, богатство и пышность которого демонстрирует социальный престиж владельца [14, с. 100]. Следовательно, от социального статуса погребенного зависел тот или иной набор элементов традиции. В погребениях элитарной части общества встречаются полные скелеты коней на древнем горизонте под насыпью кургана, с сопровождающими их богатыми и вариативными комплексами конского снаряжения. В рядовых же захоронениях фиксируются определенные «символы» присутствия коня, выраженные в наличии разнообразных костей животного и элементов конской узда.

Как правило, ритуальным животным становится в первую очередь то, которое играет определяющую роль в экономике [10, с. 29]. Следовательно, форма ведения хозяйства кочевников обусловила включенность коня во все сферы деятельности кочевнического общества, что в свою очередь определило важность представления о нем как составной части духовной культуры. Отсюда и проявление достаточно широкого спектра погребальных традиций, связанных с участием коня в погребальном ритуале кочевников Южного Урала. Аналогии данной традиции наблюдаются, как в погребальной практике кочевников скифо-сакского времени Евразии [3; 7; 15], так и у ранних кочевников Алтая [4, с. 119], где она являлась весьма распространенной.

Литература

1. Беленицкий, А. М. Конь в культурах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье / А. М. Беленицкий // КСИА. № 154. 1978. С. 31–39.
2. Вайнштейн, С. И. Мир кочевников центра Азии / С. И. Вайнштейн. М. : Наука, 1991. 296 с.
3. Грязнов, М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени / М. П. Грязнов. Л. : Наука, 1980. 62 с.
4. Гуцалов, С. Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н. э. / С. Ю. Гуцалов. Уральск : Полиграфсервис, 2004. 136 с.

5. Гуцалов, С. Ю. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане / С. Ю. Гуцалов // РА. 2010. № 2. С. 51–66.
6. Железчиков, Б. Ф. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н. э.) / Б. Ф. Железчиков, В. М. Клепиков, И. В. Сергацков. М. : Вост. лит., 2006. 159 с.
7. Ильинская, В. А. Скифская узда IV в. до н. э. / В. А. Ильинская // Скифские древности. Киев, 1973. С. 42–64.
8. Королькова, Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен нижнего и южного Поволжья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности / Е. Ф. Королькова. СПб. : Петерб. востоковедение. 2006. 272 с.
9. Кузьмина, Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов / Е. Е. Кузьмина // Скифы — сарматы. Киев : Наукова думка, 1977 а. С. 96–120.
10. Кузьмина, Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света / Е. Е. Кузьмина // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М. : Наука, 1977б. С. 28–53.
11. Литвинский, Б. А. Древние кочевники «Крыши мира» / Б. А. Литвинский. М. : Наука. 1972. 180 с.
12. Мошкова, М. Г. Памятники раннесарматской (прохоровской) культуры / М. Г. Мошкова // САИ. Вып. Д1–10. М., 1963. 56 с.
13. Мышкин, В. Н. Конструкция курганной насыпи и тризна как показатели социальной стратификации ранних кочевников Южного Приуралья / В. Н. Мышкин // Маргулановские чтения : материалы междунар. науч. конф., 22–25 сәуір, 2009 ж. Петропавловск, 1992. С. 100–102.
14. Очир-Горяева, М. А. Уздечные наборы скифской эпохи из Южного Приуралья / М. А. Очир-Горяева // Liber Archaeologicae : сб. ст., посвящ. 60-летию Б. А. Раева. Краснодар ; Ростов н/Д. : ЮНЦ РАН, 2006. С. 94–105.
15. Смирнов, К. Ф. Сарматы. Ранняя история и культура сармат / К. Ф. Смирнов. М. : Наука, 1964. 290 с.

А. Х. Гильмитдинова

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ (VII ВЕК ДО НАШЕЙ ЭРЫ — II ВЕК НАШЕЙ ЭРЫ)

Детские погребения эпохи раннего железного века в Южном Зауралье достаточно редки. Кроме того, детские погребения до сих пор не являются популярным объектом исследования, следовательно, недостаточно изучены и, безусловно, нуждаются в большем внимании. В настоящее время на территории Южного Зауралья известно всего 10 детских погребений. Относятся они к разным периодам: сарматскому — 6 погребений, раннепрохоровскому — 2, позднесарматскому — 2.

Погребенных можно разделить по возрастному признаку на группы: *infantilis 1* (0–7 лет) и *infantilis 2* (7–14 лет). Из всего количества захоронений только два являлись детскими старшего возраста, остальные представлены погребениями детей младшей возрастной категории. Совершены они в простых могильных ямах (7 погребений), подбое, полуподбое и катакомбе. Захоронения как одиночные, так и коллективные со взрослыми погребенными (таких насчитывается четыре). В случаях групповых захоронений нелегко определить принадлежность инвентаря тому или иному погребенному. Чаще всего сопроводительный инвентарь клали рядом с взрослыми. Это заметно и по его расположению в пространстве могильной ямы —

рядом с погребенным старшего возраста, и по функциональному предназначению вещей. Редко когда с погребенными детского возраста обнаруживают предметы вооружения или орудия труда. Наверняка это обусловлено тем, что при жизни, дети не пользовались «взрослым» инвентарем. Но тут также легко ошибиться — расположение инвентаря в могильной яме может быть обусловлено существующими традициями и размещение вещевого материала в погребении играет определенную роль, наделенную особым смыслом.

Как было сказано выше, к савроматскому времени относится всего шесть захоронений. В их число входят два погребения детей младшего возраста и одно захоронение подростка из кургана 4 могильника Кичигино I (полевые материалы), парное захоронение женщины и младенца из кургана 17 могильника Альмухаметово, два коллективных погребения из Малого Климовского кургана.

Захоронения в кургане 4 могильника Кичигино I (рис. 1, 1, 2) находились на периферии подкурганной площадки. Погребения совершены в простых грунтовых ямах, размеры которых варьировались от 0,6 до 1,4 м в длину и от 0,4 до 0,8 м в ширину. Глубина не более 20 см от уровня материка. Могильные ямы двух детских погребений ориентированы по линии СВ–ЮЗ, яма с захоронением подростка ориентирована СЗ–ЮВВ. Погребенные укладывались вытянуто на спине, причем дети младшего возраста были ориентированы головой на ЮЗ, а подросток — головой на СЗ. Захоронение подростка безинвентарное, в детских погребениях были найдены лепной сосуд и бронзовый браслет.

Парное захоронение женщины и младенца в кургане 17 некрополя Альмухаметово также совершено в простой грунтовой могильной яме, размеры которой достигали 3×2,3 м. Покойные были уложены вытянуто на спине, головой на СЗ. Костяк ребенка плохо сохранился. Из всего обнаруженного в могильной яме инвентаря, а это бронзовое зеркало, бусины, прямоугольный алтарик и два сосуда, к ребенку относился, наверное, неорнаментированный сосуд [6, с. 50].

Малый Климовский курган содержал две могильные ямы. Могильная яма 1 была ориентирована по линии З–В, размеры ее 2,2×2,6 м, глубина до 60 см от уровня материка. В яме обнаружено коллективное захоронение, представленное тремя погребенными: мужчина, женщина и ребенок 2–3 лет. Умершие были уложены на дно могильной ямы вытянуто, на спине, головой на З. Из инвентаря со стороны ребенка лежала половина туши барана и небольшой сосуд грушевидной формы. Могильная яма 2 Малого Климовского кургана ориентирована по линии В–З, размеры ее 4,2×3,2 м, глубина до 60 см от уровня материка. Погребение разграблено. По плохо сохранившимся костным останкам установлено, что костяки принадлежат мужчине, женщине и ребенку четырех лет. Из инвентаря были найдены только два бронзовых наконечника стрел.

Погребение подростка из кургана 2 III Бекешевских курганов (рис. 1, 6) относится к раннепрохоровскому этапу [6, с. 68]. Могильная яма находилась в восточной части подкурганной площадки. Захоронение совершено в подбое, размеры которого достигали 1,9×0,5 м. Погребальная камера ориентирована по линии С–Ю. Костяк подростка лежал вытянуто на спине головой на юг. Из инвентаря были найдены только сосуд, стеклянные бусины и наконечник стрелы.

К раннепрохоровскому времени относится и погребение 2 кургана 2 могильника Дружное (рис. 1, 5). Одиночное захоронение ребенка было совершено в катакомбе, ориентированной по линии С–Ю. Размеры погребальной камеры 0,9×0,7 м.

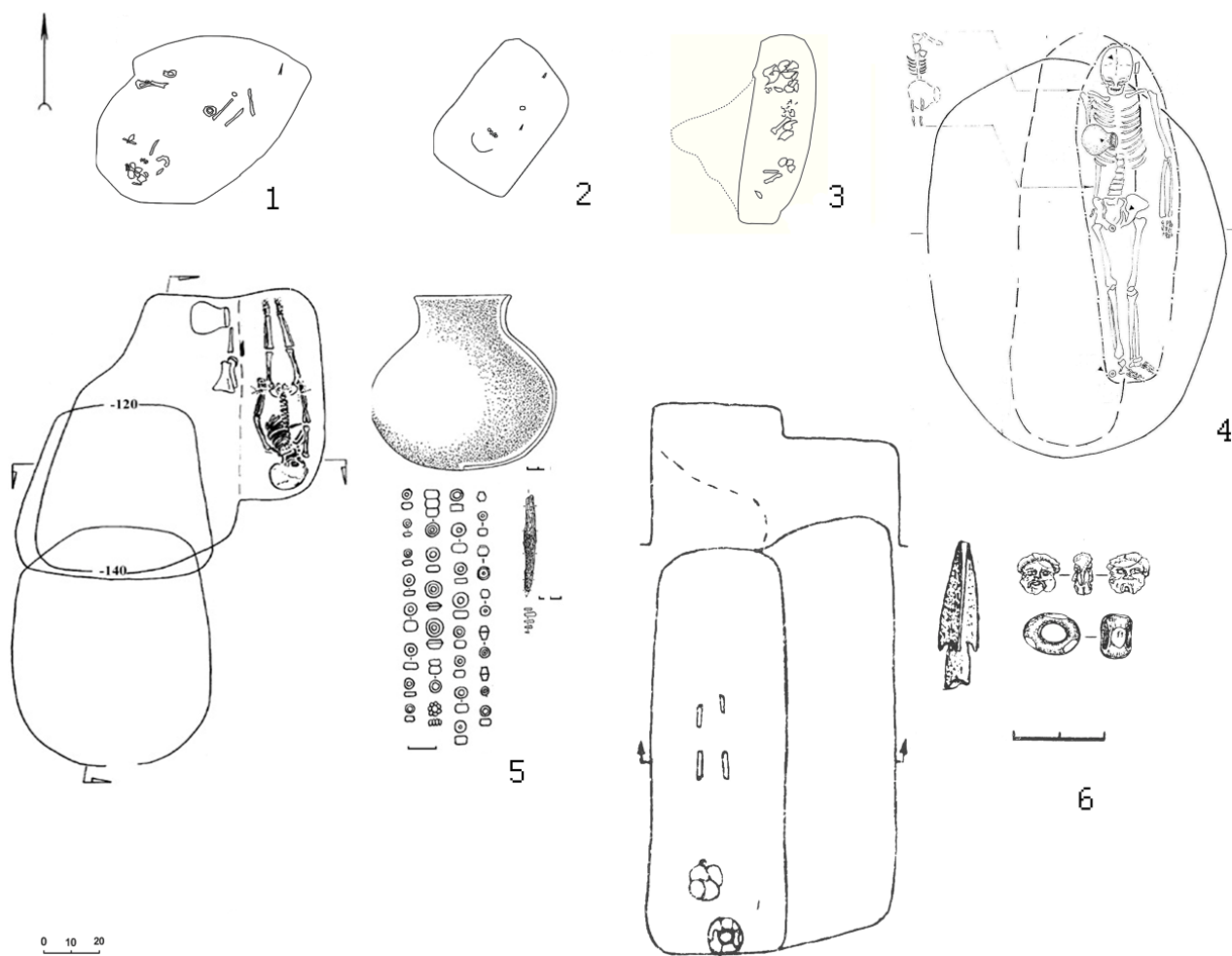

Рис. 1. Детские погребения ранних кочевников на территории Южного Зауралья (VII в. до н. э.— II в. н. э.):
 1 — савроматское детское захоронение (могильник Кичигино I, курган 4, погребение 1); 2 — савроматское детское захоронение (могильник Кичигино I, курган 4, погребение 1); 3 — позднесарматское детское захоронение (могильник Солёный Дол, курган 22, погребение 1); 4 — позднесарматское парное захоронение женщины и младенца (могильник Солнце II, курган 20); 5 — раннепрохоровское детское захоронение (могильник Дружное, курган 2, погребение 2); 6 — раннепрохоровское подростковое захоронение (III Бекешевские курганы, курган 2, погребение 1)

В глубину катакомба достигала 120 см от уровня материка. Костяк ребенка лежал вытянуто на спине, головой на юг. Вещевой материал представлен сосудом, ножом, бусами. В ногах расчищены кости передней ноги барана с лопаткой [4, с. 180].

К позднесарматскому периоду относятся два погребения из могильников Солёный Дол и Солнце II. Детское погребение 1 кургана 22 могильника Солёный Дол (рис. 1, 3) находилось в юго-западном секторе кургана. Ориентировано по оси СЗ-ЮВ. Размеры ямы 0,6×0,2 м и глубина не больше 10 см от уровня материка. Ребенок 1,5–2 лет был уложен вытянуто на спине, головой на север. Из инвентаря обнаружены только две бусины [3, с. 118].

Погребение из кургана 20 могильника Солнце II являлось парным, включающим женщину и младенца (рис. 1, 4). Могильная яма, ориентированная по линии С-Ю, имела размеры 1,6×0,4 м и глубину 155 см от уровня материка. Захоронение совершено в полуподбое. Женщина и ребенок были уложены вытянуто на спине головой на север. Инвентарь представлен двумя керамическими пряслицами,

бронзовой фибулой, сосудом и шейным украшением. Детский скелет плохо сохранился. Инвентаря при погребенном не оказалось [1, с. 13–22].

Из-за малочисленности выборки детских захоронений и их широкого хронологического диапазона выделить особенности детского погребального обряда, присущего ранним кочевникам Южного Зауралья, невозможно. Однако некоторые предварительные наблюдения хотелось бы озвучить.

Детские захоронения всех периодов истории ранних кочевников Южного Зауралья были совершены по упрощенному обряду и располагались они на периферии курганов, совершались в простых грунтовых ямах, в подбоях и в катакомбах.

Могильные ямы имели различную ориентировку. В савроматское время доминировало направление по линии СВ–ЮВ и З–В, в раннепрохоровское время господствовала широтная ориентировка, а в позднесарматское – ЮВ–СЗ.

В савроматское время погребенные укладывались головой на Ю, З, СЗ, то есть доминировало преимущественно западное направление. В раннепрохоровское время погребаемых в основном ориентировали головой на Ю, а в позднесарматское время – головой на С.

Сопроводительный инвентарь во все времена небогатый. Наличие или отсутствие его в могильной яме может соответствовать мировоззрению ранних кочевников или социальной дифференциации древнего общества. Тем не менее, стандартным набором погребального инвентаря можно считать один-два сосуда. Орудия труда и предметы вооружения отсутствуют, за исключением одного случая – нахождения наконечника стрелы, который, впрочем, мог играть роль оберега. Встречаются также и украшения, например бронзовый браслет и бусины.

В сравнении со взрослым погребальным обрядом детские погребения более бедные и однообразные. Можно только предположить, что это, скорее всего, связано с тем, что дети до определенного возраста не являлись полноправными членами общества. Настораживает малочисленность детских захоронений, так как нормальные демоэкономические отношения древнего общества требуют большого количества незрелого населения в племени [2, с. 112–122].

Непредставительность и достаточно бедный погребальный обряд детских захоронений Южного Зауралья в раннем железном веке еще не являются показателями низкого социального статуса детей в обществе ранних кочевников. Сам факт захоронения ребенка в кургане, возможно, обозначает прижизненное привилегированное положение погребенного в древности. Остальных же детей могли хоронить другим способом. Так или иначе, изучение детских захоронений в Южном Зауралье представляется актуальным и перспективным направлением.

Литература

1. Епимахов, А. В. Новые памятники гунно-сарматского времени Южного Зауралья / А. В. Епимахов, И. Э. Любчанский // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 1994. Вып. 1. С. 13–22.
2. Кислый, А. Е. Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения / А. Е. Кислый // Рос. археология. 1995. № 2. С. 112–122.
3. Любчанский, И. Э. Погребальная архитектура могильника Солёный Дол / И. Э. Любчанский // Уфим. археолог. вестн. Уфа, 2010. Вып. 10. С. 110–120.

4. Мосин, В. С. Древняя история Южного Зауралья : в 2 ч. / В. С. Мосин, С. А. Григорьев, А. Д. Таиров, С. Г. Боталов ; под ред. Н. О. Ивановой. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2000.
5. Полевые материалы раскопок кургана № 4 могильника Кичигино I (2011).
6. Пшеничнюк, А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала / А. Х. Пшеничнюк. М. : Наука, 1983. 200 с.

Е. В. Переводчикова

ПРОИЗВЕДЕНИЯ СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ ИЗ КУРГАНОВ У СЕЛА КИЧИГИНО КАК ИНДИКАТОР ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В СЕРЕДИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Курганы у села Кичигино (Увельский район Челябинской области) находятся на крайнем юге лесостепной зоны Южного Зауралья. На возвышенности располагается группа из 12 курганов, к настоящему времени полностью раскопанных. Предметы, оформленные в скифском зверином стиле, найдены в двух курганах — 5 и 3.

В кургане 5 было открыто богатое аристократическое погребение сакского времени [19, с. 209–214; 20, с. 339–354]*. В погребении найдена значительная серия вещей, выполненных в скифском зверином стиле.

Публикуя материал кургана, А. Д. Таиров и С. Г. Боталов приводят ему аналогии из памятников раннесакского времени Южного Зауралья, Приаралья, Центрального Казахстана, Алтая, Тувы и других регионов восточной части степной Евразии [20, с. 343–349]. Для уточнения места кичигинских находок в контексте искусства очерченных областей следует обратиться к признакам, на которых эти аналогии основаны. Это признаки, выделяющие сравниваемые изображения из общего массива произведений скифского звериного стиля. В целом же приведенные исследователями параллели не вызывают возражений.

Так, совершенно несомненными представляются аналогии поясным бляхам-застежкам в виде головы хищной птицы (см. рис. 1, 8), найденные в материалах Северо-Западного Алтая — Гилево-10 (рис. 1, 11) и Тувы — Демир-Суг II и Аржан-2 (рис. 1, 9) [20, с. 344–346]. К ним следует добавить модификацию такой формы птичьей головы, представленную на известной роговой застежке из кургана 3 могильника Тасмола V, которую П. И. Шульга интерпретирует как поясную застежку [25, с. 274, рис. 82, 4]. Можно заметить при этом, что сама форма завитка на поясных застежках и крючке с головой лошади (рис. 1, 10) практически одинакова, и завиток за спиной хищного зверя (рис. 1, 1) также похожей формы.

* Приношу глубокую благодарность А. Д. Таирову и С. Г. Боталову, предоставившим в мое распоряжение качественные изображения вещей и обеспечившим знакомство с коллекцией в Челябинске.

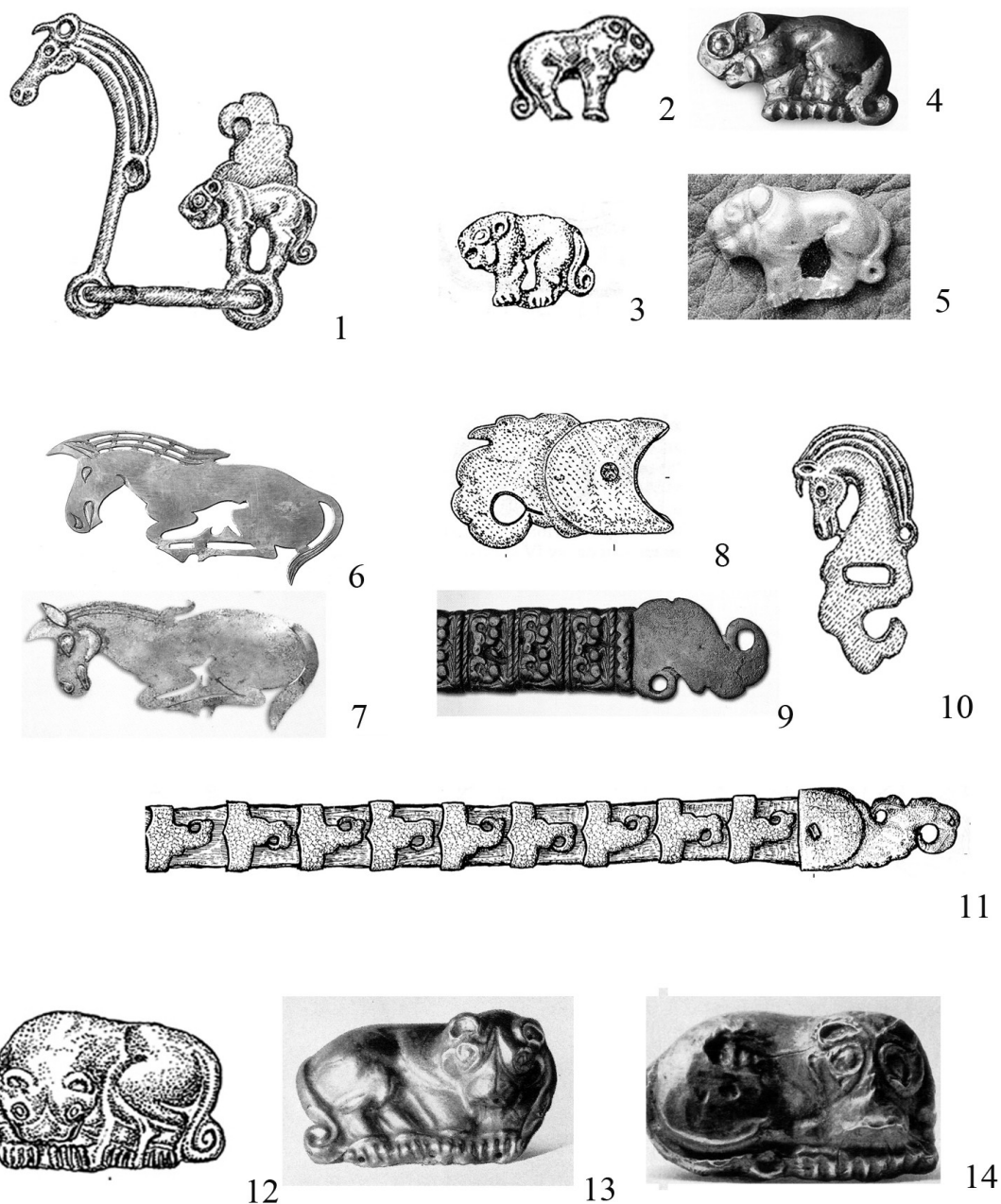

Рис. 1. Предметы из кургана 5 у села Кичигино и аналогии к ним: 1 — бляха и крючок, соединенные звеном цепи; 2–5 — бляшки в виде хищника (2 — Кичигино; 3 — Южный Тагискен, курган 31; 4 — Аржан-2; 5 — Талды-2); 6, 7 — фигурки лошадей, Аржан-2; 8, 9 — поясные бляхи-застежки (8 — Кичигино; 9 — Аржан-2); 10 — крюк, Кичигино; 11 — фрагмент пояса, Гилево; 12–14 — фигурки хищников, с головой повернутой анфас (12 — Кичигино; 13 — Тасмола V, курган 3; 14 — Южный Тагискен, курган 53).

3–7, 12–14 — золото, остальное — бронза.

1, 2, 8, 10, 12 — [19]; 3 — [9]; 4, 9 — [1]; 5–7 — [4]; 11 — [25]; 13, 14 — [2]

Специфические признаки изображений лошадей (рис. 1, 1, 10) — направленный вперед хохолок гривы, показанный в виде ленты равномерной ширины, расчерченной полосками, повторяющими ее изгиб — характерны и для золотых фигурок лошадей из кургана Аржан-2 (рис. 1, 6, 7).

Изображения львов на бронзовых предметах из поясного набора отличаются некоторыми специфическими особенностями. Прежде всего, это сочетание плоского завитка (стилизованной птичьей головы) со скульптурно выполненным изображением (рис. 1, 1), которое встречается нечасто. Наибольшее сходство по соот-

ношению рельефной части с плоскостью завитка кичигинская фигурка обнаруживает с деревянными резными предметами из 1 Туэктинского кургана. В материалах этого памятника плоский завиток сочетается с самыми разными элементами, выполненными в низком рельефе: мордой хищника анфас [17, табл. XCIV, 2; XCV, 1-3], стержнем псаля [Там же, табл. LXXX, 4; LXXXI, 5; LXXVIII, 2; LXXIX, 4], круглой выпуклой бляхой [Там же, табл. LXXVIII, 1, 2]. Сочетание полусферической бляхи с плоским завитком, по форме очень близким кичигинским, наблюдается на распределителях ремней из алтайского могильника Кайнду, курган 7 [10, с. 236, рис. 55, 1, 2].

Параллели самим фигуркам зверей А. Д. Таиров и С. Г. Боталов видят в комплексах курганов 31 и 53 Южного Тагискена, а также в кургане Аржан-2. При этом изображения из тагискенского кургана 53 «очень похожи, однако отличает их передача ряда существенных деталей. Более близка к кичигинским золотая бляшка-накладка в виде стоящего льва из кургана 31 Южного Тагискена, хотя и она не является полной аналогией... Наиболее близки кичигинским изображения хищников на золотых и бронзовых изделиях из кургана Аржан-2» [20, с. 344]. Таким образом, приведенные аналогии выстраиваются в некую иерархию. Для оценки этой иерархии следует рассмотреть подробно все сравниваемые изображения.

Бронзовые фигурки львов из Кичигино (рис. 1, 1, 2), как и все принадлежности этого поясного набора, выполнены в низком рельефе. Звери показаны стоящими на прямых ногах (ноги выполнены довольно схематично, когти не акцентированы). Трактовка глаз, ушей, пасти, бедра традиционна для скифского звериного стиля. Признак, выделяющий наши изображения из этого круга, — очень массивная шея, переходящая в выступ лопатки и отделенная рельефным выступом от туловища зверя. Нет сомнения, что таким образом мастер показал гриву животного. Таким образом, перед нами изображение именно льва, а не традиционного для скифского звериного стиля абстрактного хищника. По этому признаку они находят ближайшие аналогии в фигурках зверей из тагискенского кургана 31, у которых грива тоже выделена выступом рельефа (рис. 1, 3). Сходство дополняется аналогичной трактовкой глаз, ушей и пасти животных. На изображениях хищников из курганов 45 и 53 Южного Тагискена, при достаточно массивной голове, грива не выделена [9, рис. 29, 1-4; 44, 2].

Выделенная грива присутствует и на золотых бляшках в форме стоящих хищников от костюма из кургана Аржан-2 (рис. 1, 4). Здесь этот эффект достигается при помощи очень массивной головы и примыкающего вплотную к ней выступа лопатки, созданного довольно высоким рельефом. Характер рельефа, а также трактовка глаз и ушей животных не позволяет видеть в этих изображениях наиболее близкую аналогичную кичигинским. Гриву можно увидеть и на бронзовых бляшках в виде хищных зверей из Аржана-2 [1, с. 32], у них тоже выделенная рельефом лопатка смыкается с затылком довольно массивной головы. Подобный прием использован и при изображении хищников на перекрестии железного с золотом кинжала [Там же, с. 51], по многим стилистическим признакам отличающихся от кичигинских зверей.

Грива показана и на золотых фигурках хищников из кургана 5 могильника Талды-2 в Центральном Казахстане [3, с. 77-78; с. 79, рис. 6]. Здесь использован похожий прием: объединение выступа лопатки с массивной головой зверя. На некоторых экземплярах этот выступ отделен рельефом от морды зверя, на отдельных находках в нем находится рельефное углубление. У этих хищников на передних лапах рельефом показаны по три когтя, отделенных от лапы поперечной рельефной полоской (рис. 1, 5).

Похожим способом акцентирована грива у хищника, вырезанного из золотой фольги, из кургана Карашоки, расположенного неподалеку от Талды-2 [5, с. 18]. Мощная голова зверя вместе с лопаткой несколько возвышается над его спиной. На лопатке помещены спиралевидные завитки (рис. 2, 3), в которых исследователи вполне обоснованно видят стилизованные птичьи головы [6, с. 33–34]. На лапах льва изображено по три когтя, загибающихся, но направлению друг к другу.

Изображение из Карашоки по таким признакам, как ширина контурных и внутренних полосок фольги, характер перехода между ними, конфигурации завитков, очень похоже на кичигинские изделия из золотой фольги. А. Д. Таиров и С. Г. Боталов описывают их как пластины со сложным орнаментом, выполненным «с использованием мотива «сложного завитка», состоящего из направленных в противоположные стороны клювовидных отростков, дополненных полукруглыми фестонами, спиральями и пламевидными фигурами, в виде изогнутого вытянутого треугольника» [20, с. 340]. В комбинации этих орнаментальных мотивов можно увидеть фигуры хищных птиц или грифонов, одна из которых показана присевшей на лапы с повернутой назад головой (рис. 2, 1), а у другой можно разглядеть хвост и крылья (рис. 2, 2). Общим же контуром эти пластины напоминают золотые бляхи-застежки от портупей горита из кургана Аржан-2 [23, с. 100, рис. 2, 5], форма которых определена К. В. Чугуновым как сложный завиток [Там же, с. 101]. Эти предметы не ажурные, сходство с нашими пластинами состоит лишь в общем контуре.

Подобные изделия из фольги редки. Помимо упомянутого центральноказахстанского изображения хищника, можно назвать сходные по стилю вихревые композиции из золотой фольги — кстати, тоже на головном уборе (но в этом случае женском) из кургана 5 Яконура (рис. 2, 4). Ажурный предмет похожего клювовидного контура из золотой фольги найден и в кургане 57 Южного Тагискена [9, рис. 52, 7]. На его краях читаются птичьи головы в виде завитков, но сам стиль исполнения грубее кичигинского. Золотая ажурная нашивка на головной убор из Аржана-2 [23, с. 99, рис. 1, 5], хоть и содержит в своем узоре завитки, но по их форме и ритмической организации ближе не к кичигинским изображениям, а к золотой поясной пряжке из Аржана-2 [Там же, с. 100, рис. 2, 3] и к узору на ажурном выступе шпильки оттуда же [Там же, рис. 2, 2]. При этом общий контур выступа напоминает кичигинские экземпляры.

Сходные орнаментальные мотивы, близкие по стилю исполнения, можно наблюдать на ажурных кожаных аппликациях в виде фигур петухов [17, с. 262] или же фениксов [11, с. 200] на погребальной колоде из 1 Пазырыкского кургана (рис. 2, 5). Здесь мы видим очень похожие изобразительные элементы: завитки, треугольники с вогнутыми сторонами, отходящие в стороны изогнутые отростки с острыми концами.

Золотые фигурки лежащих хищников с повернутой анфас головой (рис. 1, 12), относятся к своеобразному иконографическому типу, и по этому признаку находят место в небольшой серии золотых предметов из кургана 3 могильника Тасмола V, Тагискенского кургана 53 и кургана 4 Филипшовки [13, с. 296]. Подобная иконография отличает и деревянную резную фигурку хищника из 4 Пазырыкского кургана [16, с. 203, рис. 124]. Среди этих предметов ближайшей аналогией нашему изображению является тасмолинское (рис. 1, 13). У этих изображений сходным образом слегка согнуты задние ноги, на концах лап показано по четыре когтя, отделенных от лапы рельефно поперечной полоской. Практически одинаково трактованы голова, глаза, уши, выступ бедра. Тагискенский зверь (рис. 1, 14) отличается от них, более массивной головой, а также специфическим приемом изображения задней лапы, завернутой под бедро — прием,

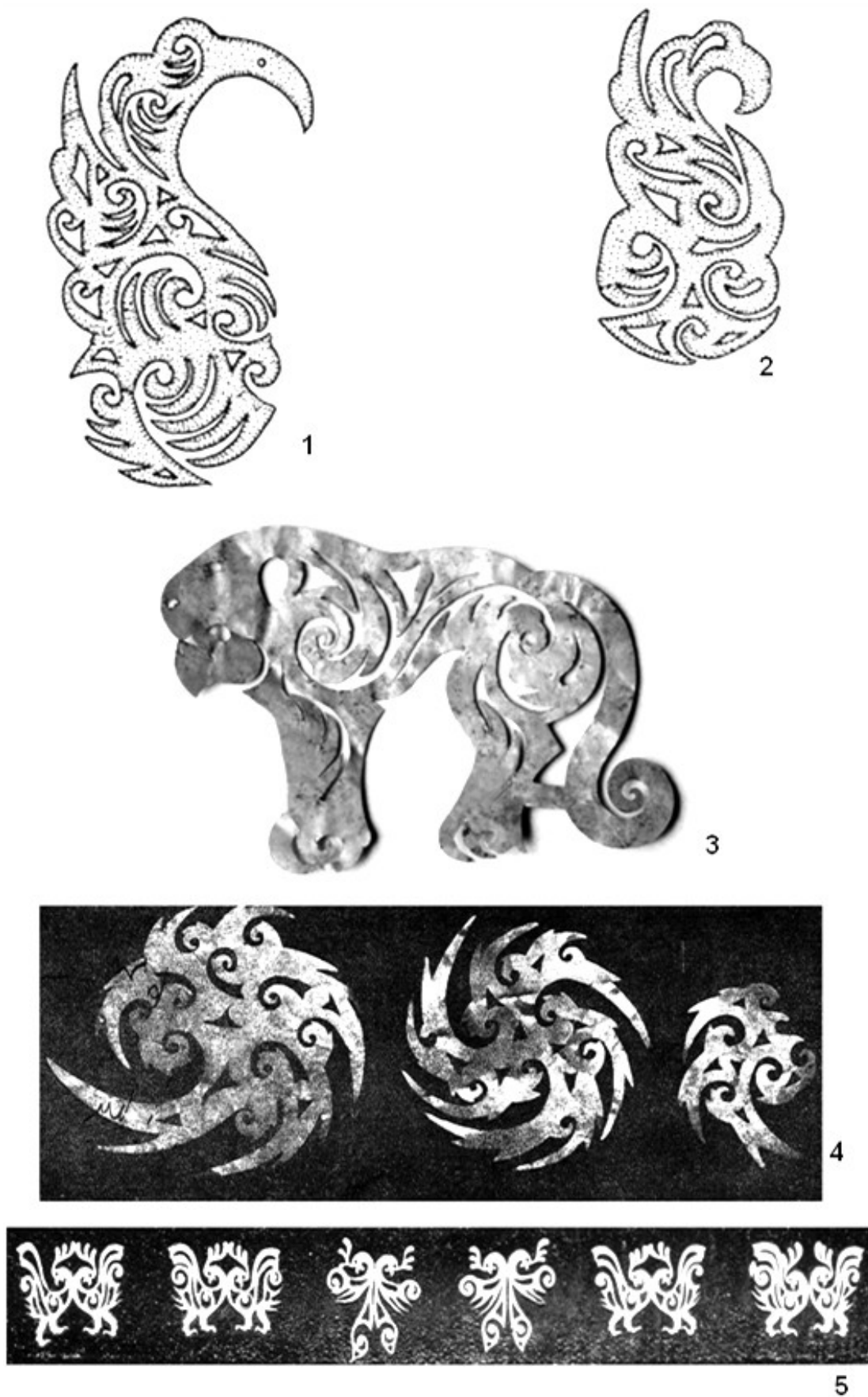

Рис. 2. Ажурные изображения: 1, 2 — Кичигино, курган 5 [2010]; 3 — Карашоки [4]; 4 — Яконур, курган 5 [8]; 5 — Пазырык, курган 1 [7]; 5 — кожа, остальное — золото

выделенный К. В. Чугуновым на материалах кургана Аржан-2 [23, с. 99]. Фигурка же из Филипповки, при сходной иконографии, выделяется из этой серии по стилистическим признакам.

Итак, стилистические параллели произведениям скифского искусства из Кичигинского кургана 5 найдены в памятниках Тувы, Центрального Казахстана. Приаралья и Алтая. Нетрудно заметить, что большинство аналогий некоторым вещам находятся в довольно ограниченной серии памятников. Это Аржан-2, Южный Тагискен, курганы 31 и 53, Тасмола V курган 3, Талды-2, Карашоки, а также пазырыкские памятники Алтая. При этом признаки каждого отдельно взятого изображения этой группы находят параллели в разных памятниках, упомянутых выше. Можно сказать, что их связи постоянно перекрещиваются. Исключение составляют лежащие хищники с головой анфас из Кичигино и Тасмолы, практически полностью аналогичные. Следует напомнить, что поиск аналогий проводился по признакам, выделяющим то или иное изображение из круга памятников скифского звериного стиля. Нет ли в таком случае какой-либо закономерности в распределениях этих признаков внутри выделенной серии памятников?

Для ответа на этот вопрос попробуем суммировать изложенные наблюдения в виде таблицы, строки которой соответствуют памятникам, а столбцы — признакам (табл. 1). Наличие признака обозначается знаком +, особенно близкое сходство с кичигинскими образцами — ++, практически полная аналогия им — ++++. Выбраны те признаки, по которым установлены связи кичигинских изображений. Исключение составляет подвернутая задняя лапа хищника — признак, не встреченный в Кичигино, однако очень важный, отличающих ряд изображений восточного ареала евразийских степей [24, с. 74].

Таблица 1

Признаки сходства изображений из кургана 5 у села Кичигино с предметами из других памятников

Памятник	Признак					
	Сложный завиток — птичья голова	Изображение львиной гривы	Трактовка лошадиной гривы полосками	Лежащий хищник с головой анфас	Ажурные предметы из золотой фольги	Подвернутая задняя лапа хищника
Кичигино, курган 5	+	+	+	+	+	
Аржан-2	+	+	+			+
Тагискен, курганы 31, 53, 57		++		+	+	+
Тасмола V	+			+++		
Талды-2		+				
Карашоки		+			+	
Памятники пазырыкской культуры (Пазырык-1, 2, Яконур)				+	+	

Данные таблицы демонстрируют достаточно хаотичное распределение выделенных признаков сходства, которое не удалось упорядочить ни по принадлежности к той или иной категории вещей, ни по материалу изготовления.

Наличие столь разнообразных связей с различными культурами восточных областей евразийской степи в искусстве южноуральского памятника не позволяет считать, что эти произведения искусства были откуда-то принесены, поскольку свя-

зи перекрещиваются. Скорее всего, следует полагать, что такая картина свидетельствует о некоем едином пространстве, в пределах которого осуществлялся обмен художественными идеями. Получается, что в это пространство входило отчасти и Южное Зауралье.

Тот факт, что южноуральский памятник Кичигино по признакам найденных в нем произведений искусства обнаруживает связи не только с тасмолинской культурой Центрального Казахстана, но и с другими культурными образованиями востока евразийской степи, вполне вписывается в сложную динамику отношений кочевых культур Южного Урала, Приаралья, Центрального Казахстана, Алтая и Тувы. Южноуральские кочевники в разные периоды своей истории могли входить в единую общность с центральноказахстанскими, отделяться от них, вступать в контакты с населением Приаралья и т. д. (см., например [18, с. 113–117]).

Что же касается концепции «аржано-кичигинского культурно-хронологического горизонта второй половины VII – середины VI вв. до н. э.», предложенной А. Д. Таировым и С. Г. Боталовым [20, с. 351–352], то наблюдаемые перекрещивающиеся связи произведений звериного стиля из Кичигино, затрагивают более широкий круг памятников. Нетрудно заметить, что приведенные аналогии выходят за рамки предлагаемого «горизонта». Так, тагискенские курганы 31 и 53 датируются второй половиной VI – V веком до н. э. [9, с. 69], первый Туэктинский курган – серединой VI века до н. э. [17, с. 335–336], или второй половиной VI – первой половиной V века до н. э. [22, с. 26–27], курган 7 могильника Кайнду – «с середины VI в. до н. э.» [10, с. 104].

В кургане 3 у села Кичигино найдена золотая гривна с окончаниями в виде фигур животных с согнутыми лапами (рис. 3, 1). А. Д. Таиров, С. Г. Боталов и М. Л. Плешанов видят ближайшую аналогию этой гривне в предметах из Ставропольского (Казинского) клада, приводят стилистические параллели из материалов 1 Филипповского кургана [21, с. 144]. Этот тезис, а также выводы Е. Ф. Корольковой о сходстве материалов Казинского клада и 1 Филипповского кургана и их восточные аналогии [12, с. 84–86], не вызывают возражений. Авторы публикации датируют впускные погребения кургана 3 началом IV века до н. э. [21, с. 143].

Хотелось бы остановиться на вопросе о том, какие животные изображены на концах кичигинской гривны. А. Д. Таиров, С. Г. Боталов и М. Л. Плешанов видят в них хищников [Там же, с. 143]. Такому определению не противоречат ни зубастая пасть зверя, ни его длинный хвост, ни положение ног, свойственное изображениям хищников. Обращает, однако, не себя внимание резко обрубленная морда животного, напоминающая пяточок свиньи; в сочетании с торчащим вверх клыком, хорошо читаемом на одном окончании гривны, это позволяет предполагать, что перед нами изображение кабана. Длинный выступ подтреугольной формы в верхней части спины животного, примыкающий к его уху, напоминает изображение гривы кабана в традиции скифского звериного стиля (см., например [2, с. 34, рис. 26; с. 100, рис. 131]). Показана грива в виде треугольника и на изображении кабана из 1 Филипповского кургана [26, cat. 66] – здесь этот треугольник отмечен насечками.

Стилистически наиболее близкими изображениям на кичигинской гривне выглядят фигуры животных на ручках сосудах из 1 Филипповского кургана [26, cat. 73, 76, 77, 79]. Они сходны с нашими по трактовке поверхности мелкими рельефными полосками, оформлению лопатки и бедра животного. На всех этих изображениях присутствует такой же треугольный выступ. Однако вид этих животных определить трудно: у них длинная морда с оскаленной пастью (особенно рис. 3, б),

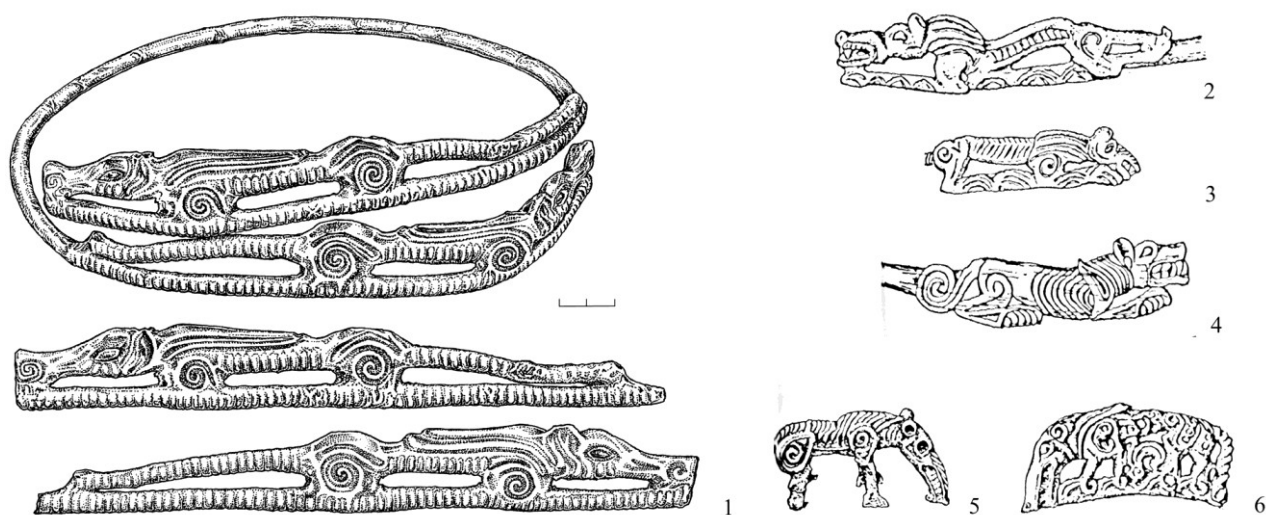

Рис. 3. Гривна из кургана 3 у села Кичигино и аналогии: 1 — Кичигино, курган 3 [21]; 2–4 — окончания гривен (2, 3 — Ставропольский клад, 4 — Уландрык 1, курган 12); 5, 6 — ручки сосудов, Филипповка, курган 1 (2–6 — [12])

которая вполне могла бы принадлежать кабану, однако лапы заканчиваются когтями. При этом длинного хвоста, свойственного изображениям хищников, мы ни в одном случае не видим.

Возможно, впрочем, что и на гривне из Кичигино, и на ручках судов из Филипповки показаны кабаны. Это копытное животное иногда изображалось в позах, свойственных изображениям хищников, и составляло особую группу в классификации животного мира, лежавшей в основе скифской изобразительной традиции [14, с. 46–48]. В русле этой логики лежит и присутствие черт хищников в изображениях кабанов — это хвост (кичигинская гривна) и когтистые лапы (ручки сосудов из Филипповки).

Сравнивая предметы, оформленные в скифском зверином стиле, из кичигинских курганов 5 и 3, следует, прежде всего, заметить, что, созданные в разное время, они отражают разные историко-культурные ситуации. Произведения звериного стиля из кургана 5 соответствуют эпохе единства кочевников на обширной территории, включавшей Центральный Казахстан, Алтай, Туву, отчасти Приаралье и Южный Урал. Результаты анализа их специфических признаков позволяют говорить о Южном Урале как об одной из частей этой территории, сколь бы отдаленной она ни была.

Находки же и кургана 3 свидетельствуют о принципиально иной ситуации. Авторы публикации помещают их в культурный контекст конца V — начала IV века до н. э., который характеризуется «резкой трансформацией прежних стереотипов культуры», вызванной «притоком в регион кочевников из Центральной Азии» [21, с. 144]. Этот вывод подтверждается исследованием золотых оковок сосудов из 1 Филипповского кургана. Исполненные в пазырыкском стиле, они вполне могли быть принесены именно с Алтая — возможно, вместе с притоком нового населения отсюда [15, с. 201–202]. Учитывая отмеченное стилистическое сходство кичигинской гривны с изображениями из 1 Филипповского кургана, можно говорить уже об определенном круге памятников, в материале которых отразилось это явление.

Таким образом, получается, что произведения скифского искусства из двух курганов у села Кичигино дали возможность проследить динамику структуры связей

культуры кочевников Южного Урала в пределах достаточно небольшого временно-го интервала. Подобная возможность убедиться в исторической информативности скифского звериного стиля предоставляется нечасто.

Литература

1. Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб. : Гос. Эрмитаж, 2004. 64 с.
2. Артамонов, М. И. Сокровища саков / М. И. Артамонов. М. : Искусство, 1973. 278 с.
3. Бейсенов, А. З. К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана / А. З. Бейсенов // «Кадырбаевские чтения – 2010» : Материалы II Международ. науч. конф. Актобе : б. и., 2010. С. 77–79.
4. Бейсенов, А. З. Сарыарқа сактары мәдениетінің жаңа деректері (Новые данные о сакской культуре Сарыарки) / А. З. Бейсенов // Археология и история Сарыарки. Караганда : Изд-во КарГУ, 2012. С. 223–241.
5. Бейсенов, А. З. Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии / А. З. Бейсенов // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: Тез. докл. круглого стола, посвящ. 20-летию независимости Респ. Казахстан. Караганды : б. и., 2011. С. 14–20.
6. Бейсенов, А. З. К вопросу о сложении раннесакского звериного стиля (по материалам курганов Талды-2) / А. З. Бейсенов, Г. А. Джумабекова, Г. А. Базарбаева // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: Тез. докл. круглого стола, посвящ. 20-летию независимости Респ. Казахстан. Караганды : б. и., 2011. С. 32–35.
7. Грязнов, М. П. Первый Пазырыкский курган / М. П. Грязнов. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 91 с.
8. Грязнов, М. П. Раскопки на Алтае / М. П. Грязнов // СГЭ. 1940. Вып. 1. С. 17–20.
9. Итина, М. А. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен) / М. А. Итина, Л. Т. Яблонский. М. : РОССПЭН, 1997. 187 с.
10. Кирюшин, Ю. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая : монография : в 3 ч. Ч. 3. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни / Ю. Ф. Кирюшин. Н. Ф. Степанова, А. А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. 292 с.
11. Киселёв, С. В. Древняя история Южной Сибири / С. В. Киселёв // МИА. 1949. № 9.
12. Королькова (Чежина), Е. Ф. К вопросу об атрибуции Ставропольского (Казинского) клада / Е. Ф. Королькова (Чежина) // АСГЭ. 1995. Вып. 32. С. 77–89.
13. Переводчикова, Е. В. Еще раз о юго-восточных связях Филипповских курганов / Е. В. Переводчикова // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : ТАУС, 2010. С. 295–298.
14. Переводчикова, Е. В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи / Е. В. Переводчикова. М. : Вост. лит., 1994. 206 с.
15. Переводчикова, Е. В. Произведения скифского звериного стиля из 1 Филипповского кургана в контексте искусства кочевников Южного Приуралья / Е. В. Переводчикова, А. Д. Таиров // НАВ. 2010. Вып. 11. С. 198–212.
16. Руденко, С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время / С. И. Руденко. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.
17. Руденко, С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время / С. И. Руденко. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.
18. Таиров, А. Д. «Тасмолинцы» и внешний мир / А. Д. Таиров // Кадырбаевские чтения : материалы междунар. науч. конф. Актобе : ПринтА, 2007. С. 112–120.
19. Таиров, А. Д. Аристократическое погребение сакского времени из Южного Зауралья / А. Д. Таиров, С. Г. Боталов // Маргулановские чтения – 2009 : материалы междунар. науч. конф., 22–25 сәуір, 2009 ж. Петропавловск : М. Қозыбаев атындағы СКМУ, 2009. Т. 1. С. 209–214.
20. Таиров, А. Д. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье / А. Д. Таиров, С. Г. Боталов // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : ТАУС, 2010. С. 339–354.
21. Таиров, А. Д. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) / А. Д. Таиров, С. Г. Боталов, М. Л. Плешанов // Ранние кочевники Волго-Уральского ре-

гиона : материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий», Оренбург, 21–25 апр. 2008 г. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2008. С. 139–145.

22. Тишкин, А. А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А. А. Тишкин. Барнаул, 2006. 54 с.

23. Чугунов, К. В. Некоторые особенности искусства кургана Аржан-2 / К. В. Чугунов // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале : в 2 т. М. : ИА РАН, 2008. Т. 1. С. 98–101.

24. Чугунов, К. В. Синхронизация археологических культур раннесакского времени Казахстана и Тывы / К. В. Чугунов // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии : тез. докл. круглого стола, посвящ. 20-летию независимости Респ. Казахстан. Караганды : б. и., 2011. С. 69–77.

25. Шульга, П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае : в 2 ч. / П. И. Шульга. Барнаул : Азбука, 2008. Ч. 1. Раннескифское время. 276 с.

26. The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. N. Y., 2000.

В. В. Речкалова

КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ ИЗ КУРГАНА 5 МОГИЛЬНИКА КИЧИГИНО I

В июле — августе 2008 года в ходе охранных археологических исследований курганного могильника Кичигино I в Увельском районе Челябинской области исследован курган 5, время сооружения которого отнесено ко второй половине VII в. до н. э. В центре кургана находилась глубокая могильная яма с длинным дромосом, содержащая одно погребение [3], в состав инвентаря которого входят многочисленные изделия в скифо-сибирском зверином стиле (рис. 1).

Целью данного исследования является анализ и классификация изображений животных на этих изделиях. При работе с материалами погребения встал вопрос о выработке типа описания предметов, который бы позволил наиболее полно и адекватно отразить их особенности. Метод описания объектов искусства, предложенный в данной работе, предварительный, требующий дальнейшей доработки и расширения.

Мы разделили все изображения на классы: хищники, травоядные и птицы. Каждый класс включает несколько групп. Хищники были разделены на образы стоящего и лежащего животного. Травоядные представляют группы изображений голов коней и сайгаков. Птицы были разделены на образы грифонов и львов-грифонов, а также геометрические образы.

Хищники

Образ стоящего хищника. Животные изображены стоящими, их морды застыли в оскале, глаз широкий, овальный с выделением зрачка. Резкой линией характеризуется скула, ухо круглое и глубокое, отделенное линией от неярко выделенной

Рис. 1. Могильник Кичигино I. Курган 5: 1–2 — золотые накладки с изображением стилизованной головы птицы; 3 — поясная деталь с изображением лошади и льва-грифона; 4 — бляха с изображением голов лошадей; 5 — серьга с изображением лежащего хищника кошачьей породы; 6 — костылек-застежка с изображением головы сайгака; 7 — бляха на горите с изображением хищника, кошачьей породы; 8 — бляха на груди погребенного с изображением хищника, кошачьей породы; 9, 15 — золотые пластины с изображением стилизованной птицы; 10 — деталь пояса с изображением головы лошади и стилизованной птицы; 11 — бляшка с изображением стоящего хищника, кошачьей породы; 12–13 — обоймы с изображением голов сайгаков; 14–15 — деталь пояса с изображением стилизованной головы птицы

плавной гривы. Стоит обратить внимание на резко очерченную линию бедра и пластичный хвост спиралевидной формы. Лапы изображены схематично, их нижняя часть характеризуется небольшим выступом. Вся фигура животного изображена в профиль, но глаз и ухо показаны анфас. В целом образ получается статичным, животное кажется напряженным, зверь как бы замер в защищающейся позе, клыки придают ему агрессивный оттенок. Композиции имеет замкнутый характер, ей не хватает экспрессивности, динамичности и четкости в деталях. Обе фигуры хищников полностью идентичны. Как представляется, мы с полной уверенностью можем утверждать, что на бляшках изображен лев.

Близкие предметы можно встретить в курганах могильника Талды 2 [1, с. 31], а также Кош-Пей, курган 1. Указанная схожесть относительная, только лишь на уровне позы, но все-таки проглядываются некоторые общие черты в характере изображения. Предметы из могильника Кош-Пей 1, наиболее близки изображениям кошачьего зверя из Кичигино. Это выражается в стилистике, одинокого изображения хвоста и морды.

Образ лежащего хищника. Зверь изображен лежа, голова прижата к передним лапам, и находится на одной линии с бедром, рот нереалистично улыбается, рельефно выделяются скулы, нос овальной формы, с широкими ноздрями, напоминает пятючек кабана. Глаза овальные с выделенным зрачком, отделены двумя симметричными рельефными закругленными линиями, уши полукруглые с внутренними углублениями. На туловище зверя так же присутствует линия бедра, лапы с акцентированными пальцами, к задним лапам прижат спиралевидно закачивающийся хвост. Изображение трехмерное, предмет можно отнести к малой скульптурной пластике. Хищник показан анфас, кроме хвоста и бедра, они изображены в профиль, надо отметить, что это единственная группа предметов из могильника, где животное полностью изображено анфас. Композиция имеет замкнутый, гармоничный характер. Размеры первой и третьей бляшек почти идентичны, а внешняя схожесть изображений наиболее близка. На основании этого можно сделать предположение о том, что форма для выбивания этих бляшек была одна и та же. Аналогиями для кичигинских изображений стали тисненые фигурки хищников из курганов 3, 4 и 6 могильника Тасмола V [8, с. 328–333, 398, рис. 63], а также золотая обкладка в виде льва из кургана 53 могильника. Но наиболее близка к кичигинским экземплярам золотая бляшка-накладка в виде стоящего льва из кургана 31 Южного Такискена [6, с. 22, 70, рис. 44, 2; 4, с. 339–354].

Травоядные

Сайгаки. Обоймы в виде противопоставленных голов сайгаков. Всего 18 экземпляров, из них десять двухсторонних и восемь односторонних. Ребристые рога переходят волнообразной линией в морду зверя, небольшими углублениями в форме эллипса выделяются ноздри и рот с очерченными губами, так же выделены скулы. Глаз овальной формы с акцентированным зрачком. Круглое сквозное ухо головы одного сайгака соединяется с ухом головы второго. Далее ухо переходит в идентичное вышеописанному изображению, но уже в зеркальном отражении. Композиция симметрична при делении по диагонали, а также кругоцентрична и гармонична. Изображение профильное и двухстороннее, в нем чувствуется плавность и пластичность образа. Частое повторение круглой формы и зеркальная симметрия, может и отдаленно, напоминает нам знак Инь и Янь.

Изображение сайгака на костыльке. Верхняя часть морды сайгака рельефная, на ней мы видим ухо, маркированное незаконченным овалом с внутренним углублением. Глаз округлой формы с акцентированным зрачком. В верхней части головы можно выделить не четко изображенные ноздри и рот овальной формы. Рога отсутствуют. Изображение профильное и двухстороннее. Предмет выполнен грубо.

Аналогиями для изображений голов сайгаков можно считать частично поясные крепления с головами лошадей из кургана Аржан 2. Мы видим похожие черты в стилистике и ракурсе изображения зверя. В той же манере, что и на кичигинских обоях передана голова сайги на золотых бляшках, изображающих это животное в летящем галопе, из кургана 66 Южного Тагискена [6, с. 27, 68, 70, рис. 65, 3–5; 4, с. 339–354]. Однако наиболее близкой по изображению представляется бронзовая бляха, найденная в песках Курмангазинского района Атырауской области в Западном Казахстане [10, с. 122].

Лошади

Би-конь. Изображение голов лошадей на бляхе. Одна голова лошади, переходя в общую шею, перерастает в голову второй лошади.

Хотя на бляхе изображены головы одного животного, они не идентичны и различаются чертами. Грива левой лошади более широкая, так же как и ухо овальной формы глубже. Рот правой лошади изображен более четкой линией, а челка шире (?). Глаза у лошадей углубленные, однако, отсутствует зрачки. Ноздри прорезаны небольшой линией, скулы выделены рельефно, и плавно углубляются, переходя в щеки, так же рельефна и линия шеи, придающая оттенок трехмерности всему изображению. Если мы абстрагируемся от голов лошадей, и сфокусируемся на шее, то ее форма напоминает нам подкову. Изображение профильное. В целом композиция симметрична и гармонична. Аналогиями могут выступать бляхи с изображениями верблюдов в погребении 2, кургана 4 могильника Сыпучий Яр [9, с. 167, рис. 3, 13, 14; 4, с. 339–354], а так же бляхи с верблюдами из погребения 2 и 6 кургана Аржан 2.

Композиция изображений едина, однако стилистика образов верблюдов иная, обилие восточных черт, гибкость и пластичность форм — вот что отличает бляхи с изображениями верблюдов.

Крючок в виде головы лошади на длинной шее. Детализировано, выполнена голова лошади с длинной шеей, изображенная на крючке. Морда животного удлиненная и овальная, глаз круглый с углублением, зрачок отсутствует, над глазом мы видим челку (?), изображенную одной чертой, также мы видим рядом стилизованный элемент, в виде круглого отверстия. Интересное предположение по его поводу сделал А. Д. Таиров. Он считает, что слияние челки и гривы животного, возможно, образует изображение хищной птицы. Ноздри у лошади широкие овальные, грива широкая, выделенная несколькими углубленными линиями, далее идет длинная и худая шея. Изображение профильное и двухстороннее. Композиция гармоничная, все линии идут в одну сторону вдоль тела. Данное изображение можно считать стилизованным.

Бляха с изображением лошади. Голова лошади плотно прижата к шее, ноздри обозначены короткой линией, рот линией чуть шире. Глаз округло-углубленной формы, зрачок отсутствует, также рельефной линией выделена челка, ухо овальной

формы с углублением. Широкая грива с тремя отделяющими уходящими вглубь линиями, далее идет сквозное отверстие круглой формы и треугольной формы, расширяющаяся к низу шея лошади, переходящая в зеркальном отражении в стилизованное изображение хищной птицы. Изображение профильное. Композиция асимметричная и уравновешенная. Данный предмет может быть сопоставлен с аналогичным изделием VII–VI веков до н. э., являющимся импортом на территорию ананьинской культурно-исторической области [4, с. 339–354; 5, с. 276, рис. 21, 23].

Птицы

Золотые накладки с изображением птицы. Птица изображена довольно схематично, можно выделить плавно изогнутый клюв, хохолок, а так же плечо и крыло животного, которое показано с помощью трех волнообразных изгибов. Всего мы можем насчитать пять изгибов. Птица изображена в профиль. Это изображение симметричное и мы можем диагонально разделить его на две части. Каждая из них включает в себя два плавных полукруга и один острый, напоминающий коготь хищника или клюв птицы. Все изгибы идут плавной линией, в них нет резких очертаний. Композиция симметричная и гармоничная, имеет замкнутый характер. Аналогиями данным предметам можно считать золотые пластины с рисунком из могильника Тасмола 5 [4, с. 339–354; 8, с. 324–325, рис. 22, 23, 62], а также золотые пластины с изображением грифонов из могильника Аржан 2 [11, с. 101, рис. 1, 5]. Повторяется форма предмета и характер передачи черт птицы.

Золотые ажурные пластины. Как и предыдущие изображения, они полностью стилизованные, использован тот же мотив – волнообразные изгибы, с когтеобразными формами. Однако стоит отметить разнообразный геометрический орнамент внутри контуров изделия, то есть мотив «сложного завитка», а также выделяется округлой и сквозной формы глаз птицы. Композиция схематично-абстрактная, но гармоничная. Во внутреннем орнаменте предмета можно проследить определенный ритм изделия, созданный мастером при помощи изображения элементов в зеркальной симметричности по отношению друг к другу. Похожие изделия можно встретить в могильнике Шерубай в Центральном Казахстане [1, с. 31]. Оно было сделано тем же способом, что и из Могильника Кичигино I, и мы можем говорить о зооморфности и стилизованности обоих изделий.

Но основе представленных выше описаний, мы пришли к выводам о том, что все предметы можно разделить на две большие группы, так как изделия, выполненные из бронзы, отличаются по стилистике от изделий, выполненных из золота. Аргументами для этого может служить, сравнение бляшек с изображением стоящего хищника и бляшек с изображением лежащего хищника. В первой группе изображение профильное, во второй зверь изображен анфас. Так же в первой группе лапы животного выполнены довольно схематично, во второй же группе на лапах кошачьего хищника мы видим пальцы. Далее в первой группе у зверя есть грива, и мы можем идентифицировать данный образ как, Образ Льва, во второй же мы не можем с такой четкостью говорить о наличии гривы, по-моему, мнению она отсутствует. И последнее, все предметы первой группы сделаны с помощью литья из бронзы, предметы же второй группы сделаны из золотой пластины, путем прорезания или выбивания. Все это приводит к мысли о том, что предметы были созданы двумя разными мастерами.

В могильнике Кичигино I, курган (№ 5) было найдено множество изделий, которые выполнены в скифо-сибирском зверином стиле. Мастера владели основными техниками изготовления предметов. Также мы можем отметить большое разнообразие поз, форм и образов изображения животных. Они являются классическими для скифо-сибирского искусства. Это были те животные, от которых зависела жизнь кочевника. Если говорить о трактовке данных образов, то большинство современных исследователей склонны утверждать, что, скорее всего они передавали качества животного, изображенного на предмете (лошадь — быстрота, птицы — зоркость, сайгак — быстрота и сила, лев — храбрость и т. д.). Переносили эти качества на носившего их человека, оберегали слабозащищенные места, такие как шея и пояс. Е. С. Богданов пишет о том, что повторяемость сюжетов, тиражирование определенных категорий вещей с изображением зверей в канонических позах, привело к мысли о том, что каждое изображение зверей на одежде, и украшениях подчеркивало социальное положение человека в обществе. Зооморфные изображения, по мнению Мириманова, представляют собой, не реалистические образы, а своеобразные идеограммы [2, с. 232]. А изображение животных на горите могло означать охотничью удачу владельца оружия.

Описание предметов и их искусствоведческий и археологический анализ позволили сделать выводы о стилистических, технологических особенностях предметов, а также определить их место в системе скифо-сибирского звериного стиля.

С полной уверенностью можно говорить о том, что кичигинские мастера не просто воспроизводили канонические образы звериного стиля, но и как художники выражали в них свое мировоззрение, индивидуальность и характер.

Литература

1. Бейсенов, А. З. Сарыака, колыбель степной цивилизации / А. З. Бейсенов. Караганда, 2011. 31 с.
2. Богданов, Е. С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция) / Е. С. Богданов. Новосибирск, 2006. 232 с.
3. Боталов, С. Г. Отчет об охранных археологических исследованиях курганного могильника.
4. Боталов, С. Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье / С. Г. Боталов, А. Д. Таиров // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2010. С. 339–354.
5. Васильев, С. А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие / С. А. Васильев // Археологические вести. СПб., 2004. № 11. С. 275–297.
6. Итина, М. А. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен) / М. А. Итина, Л. Т. Яблонский. М., 1997. 186 с.
7. Кичигино 1 в Увельском районе Челябинской области в 2008 год. Челябинск, 2008. 127 с.
8. Маргулан, А. Х. Древняя культура Центрального Казахстана / А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев [и др.]. Алма-Ата, 1966. 435 с.
9. Семенов, В. А. Сыпучий Яр — могильник алдыбельской культуры в Туве / В. А. Семёнов // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 31–33.
10. Тасмагамбетов, И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников / И. Тасмагамбетов. Алматы, 2003. 336 с.
11. Чугунов, К. В. Некоторые особенности искусства кургана Аржан 2 / К. В. Чугунов // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале : в 2 т. Т. 2. М., 2008. С. 98–101.

КАМЕННЫЕ ЖЕРТВЕННИКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА КИЧИГИНО I

Каменные алтарики, жертвенники или столики являются одной из характерных черт погребального инвентаря кочевников Южного Урала в раннем железном веке. Жертвенники распространены также на территории Сибири, урало-казахстанских степей, Приаралья, встречаются они и в Северном Причерноморье. В могильнике Кичигино I, расположенном на северном берегу Южноуральского водохранилища, в 1,5 км к западу от села Кичигино Увельского района Челябинской области из 10 исследованных курганов только два содержали погребения с каменными столиками.

Жертвенник из погребения 1 могильной ямы 2 кургана 5 (рис. 1) – прямоугольной формы на четырех ножках-столбиках. Длина его 27 см, ширина 17 см. Столик имеет прямоугольную форму с закругленными углами и невысоким узким бортиком (~ 1,5 см) по краю. Высота ножек около 5 см, диаметр – 7 см. Одна из ножек повреждена. На наружной стороне жертвенника, в области сломанной ножки, имеются следы красной краски. В могильной яме жертвенник стоял слева от погребенного, рядом с ним лежали плоское круглое бронзовое зеркало с короткой боковой ручкой и керамическое пряслице. По характеру погребального обряда захоронения в могильной ямы 2 датируются второй половиной VI – началом V века до н. э.

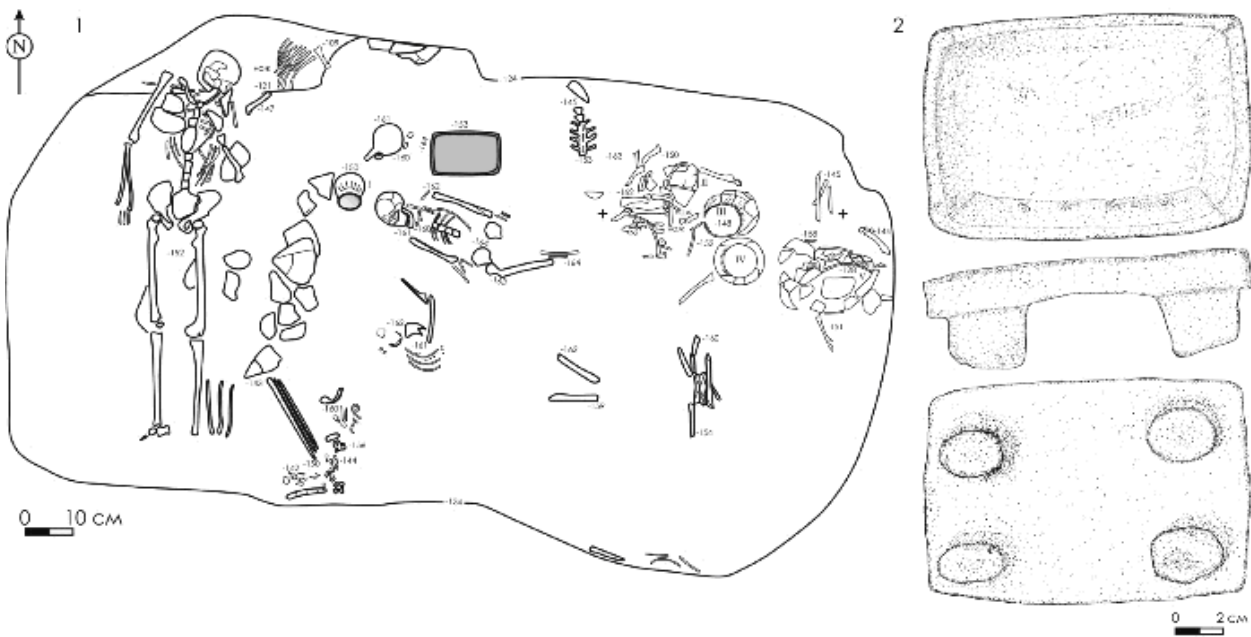

Рис. 1. Могильник Кичигино I. Курган 5. Могильная яма 2:
1 — план могильной ямы; 2 — каменный жертвенник

Согласно классификации К. Ф. Смирнова кичигинский алтарик относится к группе I (с ножками), подгруппе А (на четырех ножках), типу 1 (прямоугольной формы, с прямым бортиком, на круглых в сечении ножках).

На территории Южного Приуралья аналогии кичигинскому жертвеннику известны в кургане 1 в урочище Елга, недалеко от села Преображенка [2, с. 108], кургане 5 урочища «Горбатый мост» [Там же, с. 107], погребении 3 кургана 2 могильника Тара-Бутак [11, с. 42], погребении 1 кургана 7 могильника Увак [Там же, с. 66]. На территории Южного Зауралья близки кичигинскому жертвенник из кургана у села Березовка [12, с. 40] и алтарик из случайных находок близ села Аландское [10, с. 162]. В Приуралье фрагмент похожего алтарика, только овальной формы с «ножками-шишечками» был найден в кургане 47 могильника Уйгарак [1, с. 39]. Все перечисленные находки датируются исследователями VI–V веками до н. э. Похожей формы жертвенник, но имеющий ряд отличий, особенно в технике изготовления, происходит из погребения II Пазырыкского кургана Горного Алтая. Его длина 35 см, ножки подокруглой формы. На внутренней стороне столика два продолговатых желобчатых углубления, вероятно, для жира [9, с. 81]. В Приобье подобные жертвенники известны в могильниках Новотроицкое-2 [13, с. 327, рис. 127], Рогозиха I, Леонтьевка, Усть-Иштовка, Андроново I, Кирилловка III [7, с. 89]. Самые ранние комплексы с жертвенниками на этой территории датируются В. А. Могильниковым VI–V веками до н. э. (Рогозиха I и, возможно, Андроново I), остальные относятся к IV–III векам до н. э.

Второй кичигинский жертвенник, вернее его фрагмент, происходит из ограбленного основного центрального коллективного захоронения 4 кургана 4 (рис. 2), совершенного на уровне древней дневной поверхности внутри деревянной погребальной конструкции. Он также имеет прямоугольную форму, но без ножек. Его размеры 17,5×14 см, ширина невысокого бортика – 2,5 см, высота – 2,5–3 см. Поврежден столик был еще в древности. Сохранившийся в погребении инвентарь включал в себя два бронзовых зеркала: одно по классификации Т. М. Кузнецовой относится к отделу I (с

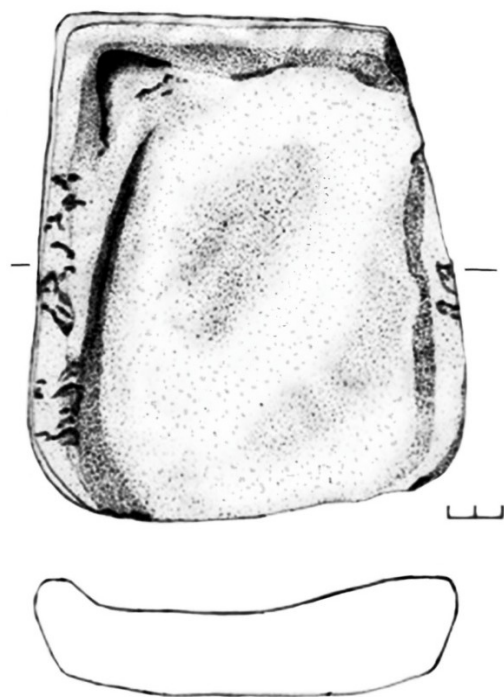

Рис. 1. Могильник Кичигино I. Курган 4. Центральное погребение. Захоронение 4. Каменный жертвенник

тральной ручкой), типу I (ручкой-петелькой), виду I (диск с бортиком), вариант (петелька-сегмент). Под этим зеркалом лежал деревянный гребень, рядом керамическое пряслице. Второе зеркало относится к отделу III (зеркала, у которых ручки нет и не было), вид II (диск без бортика) [6, с. 126–138]. По погребальному обряду и набору инвентаря погребение датируется концом VI – началом V века до н. э.

По классификации К. Ф. Смирнова, жертвенник относится к группе II (без ножек), типу I (прямоугольной формы) [Смирнов, 1964. С. 165]. Жертвенники такой формы на территории Южного Приуралья встречены в погребении 1 кургана 25 могильника Уркач [Гуцалов, 2004. С. 50], могильной яме 1 кургана 18

Новокумакского могильника [Смирнов, 1977. С. 23], погребении 1 могильной яме 1 кургана 1 могильника Имангазы-Курасу II [Гуцалов, Таиров, 2000. С. 226]. В Приаралье очень похожий фрагмент алтарика обнаружен в кургане 62 могильника Южный Тагискен [Яблонский, Итина, 1997. С. 26]. Все перечисленные находки датируются в пределах VI–IV веков до н. э. В Сибири подобные жертвенники происходят из могильника Кирилловка III, погребения 2 кургана 5 и из могильной ямы кургана 18 могильника Новотроицкое-2. Датируются они V–III веками до н. э. [7, с. 127, рис. 60; 13, с. 327, рис. 127, 13).

Ситуация, когда в одной могильной яме с жертвенником встречен одновременно такой набор инвентаря, как зеркало и пряслице довольно распространена. Такая традиция погребального обряда характерна для территории Южного Зауралья, Приуралья, Приаралья и даже Сибири.

Похожий погребальный обряд был зафиксирован в следующих погребальных памятниках Приуралья: погребение 5 курган 2 могильник Кырык-Оба II; погребение 2 курганы 22, 25 и 26 курган 26 могильника Уркач 1; курган 1 могильник Кызылжар; курган 12 могильник Бесоба; курган 1 могильник Веселый [3, с. 52–53]; погребение 3 курган 2 могильник Тара-Бутак [11, с. 43]. В Зауралье подобный жертвенник был обнаружен в погребении 2 кургана 10 могильника Альмухаметово [8, с. 40]. В Приишимье – курган 5 могильник Бектениз [12, с. 141, табл. 57], а в Приаралье – курганы 47, 51, 74 могильника Уйгарак [1, с. 39–45] и курган 45 могильника Южный Тагискен [5, с. 18–19]. В Сибири также отмечается взаимовстречаемость алтариков с пряслицем и зеркалом в могильной яме 1 кургана 15 могильника Новотроицкое-1 [13, с. 223, рис. 23].

Таким образом, жертвенники, сходные по форме с алтариками из могильника Кичигино 1 датируются одним периодом, концом VI – началом V века до н. э., также они распространены в урало-казахстанских степях. Алтарики подобной формы в Сибири датируются более поздним временем – V–III веками до н. э. Что касается погребального обряда, то и в Сибири, и в Приаралье, и в урало-казахстанских степях известны случаи положения рядом с жертвенниками таких предметов, как зеркала и керамические пряслица.

Литература

1. Вишневецкая, О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака) / О. А. Вишневецкая // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1973. Т. 8. 160 с.
2. Граков, Б. Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (пережитки матриархата у сарматов) / Б. Н. Граков // Древние цивилизации. Греция. Эллинизм. Причерноморье: Избр. ст. из журн. «Вестник древней истории». 1937–1997. М. : Ладомир, 1997. С. 100–121.
3. Гуцалов, С. Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н. э. / С. Ю. Гуцалов. Уральск, 2004. 136 с.
4. Гуцалов, С. Ю. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей / С. Ю. Гуцалов, А. Д. Таиров // Археология, палеоэкология и палеодемография. М. : Геос, 2000. С. 226–251.
5. Итина, М. А. Саки Нижней Сырдарьи : монография / М. А. Итина, Л. Т. Яблонский. М. : РОССПЭН, 1997. 187 с.
6. Кузнецова, Т. М. Зеркала Скифии VI–III веков до н. э. : монография / Т. М. Кузнецова. М. : Индрик, 2002. Т. 1. 352 с.

7. Могильников, В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. : монография / В. А. Могильников. М. : Пушин. науч. центр РАН, 1997. 195 с.
8. Пшеничнюк, А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала : монография / А. Х. Пшеничнюк. М. : Наука, 1983. 200 с.
9. Руденко, С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время : монография / С. И. Руденко. М. ; Л. : АН СССР, 1953. 404 с.
10. Смирнов, К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов : монография / К. Ф. Смирнов. М. : Наука, 1964. 360 с.
11. Смирнов, К. Ф. Сарматы на Илеке / К. Ф. Смирнов. М. : Наука, 1975. 176 с.
12. Хабдулина, М. К. Курган у с. Березовка / М. К. Хабдулина, Т. С. Малютина // Отчет о полевых археологических исследованиях Урало-казахстанской археологической экспедиции (Архив ЛАИ ЧПУ). Челябинск, 1991. 165 с.
13. Шульга, П. И. Новотроицкий некрополь : монография / П. И. Шульга, А. П. Уманский, В. А. Могильников. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. 329 с.

J. Loyer, A. D. Tairov, S. Rottier, P. Courtaud

**BIOARCHAEOLOGY AND BURIAL RITUALS
OF THE IRON AGE NOMADS FROM SOUTH URAL:
FIRST RESULTS OF THE STUDY OF THE KURGAN 4
FROM KICHIGINO I CEMETERY (RUSSIA)**

Introduction

The nature of the relationships between individuals buried in a kurgan is a burning issue which is at the heart of archaeological debates [2; 3; 13; 23]. This topic involves significant questions concerning the role of children in mortuary practices. While several problems reflecting the complexity of such an issue, bioarchaeology can allow us to gain important biological and socio-cultural information. Bioarchaeology is a precious methodology for studying burial practices and the social aspects of life, as well as the impact of social relations, environment, power and subsistence on health [1; 2; 4; 9; 12; 17–20; 22; 24; 27; 31–34]. Bioarchaeological methods are strongly required to gain information on age, sex and on possible family relationships, as well as the study sub-adults.

This paper will discuss the first results of a bioarchaeological study undertaken on the Kurgan 4 from Kichigino I cemetery and dated from the Sauro-Sarmatian period. The analysis of the Kurgan 4 was part of a wider research on bio-anthropology and burial rituals of the Iron Age nomads from the South Ural region. The taphonomic and palaeopathological results of the Kurgan 4 individuals and burials will therefore not be submitted in the present paper. By combining both osteological and archaeological data, we will demonstrate how accurate methods can provide meaningful results for the understanding of the burial rituals and their social aspects. With one central and several peripheral burials including child graves, dated from the same period, the unpublished Kurgan 4 presents a unique context to explore the mortuary practices, the relationships between the deceased people and the role of non-adults in the kurgan.

The Kurgan 4 from Kichigino I cemetery

Located in the far-south of the forest-steppe zone of the South Ural region (Chelyabinsk Oblast, Uvelsky district), the cemetery of Kichigino I consists of ten kurgans located on a promontory, at the confluence of Uvelka and Kabanka river. The different excavations have predominantly revealed Sauro-Sarmatian burials (second half of the VI c. BC – IV c. BC). The mortuary complex has also been reused at the Late Sarmatian period (II–IV c. AD) and the Medieval epoch [5; 6; 38].

The Kurgan 4 was excavated during the summer 2010 by A. D. Tairov. It was placed in the center area of the cemetery, its diameter was 28 m. The kurgan consists of a central wooden funeral chamber (from archaeological survey its dimensions were approximately 6×3 m), and four peripheral individual burials, three of them containing sub-adults. The funerary chamber and the burial 4 which is located near its South-Western corner, have been disturbed. Furthermore, a medieval burial was located on the central upper layers of the kurgan above the chamber and modern constructions have disturbed the central part of the kurgan.

Material

Archaeological and osteological data from Kurgan 4 has been analysed at South Ural State University (Chelyabinsk) during the months of January to March 2012. The Kurgan 4 is still unpublished. The non-adult skeletons from the peripheral burials were badly-preserved (post-cranium was mostly non-preserved and skulls were extremely fragmented; teeth were the most representatives remains), one possible sub-adult burial (pit 2) couldn't be examined for taphonomic reasons. Human and faunal remains from the funerary chamber were strongly scattered and unevenly preserved depending on the bones and their location in the burial. On top of that, bones were partly altered by fire (in the northern part of the chamber). The exact number of individuals buried in the funerary room wasn't determined during the excavation.

The bio-osteological analysis was carried out on four human skeletons from individual peripheral burials, whereas all the human bones from the funerary chamber were carefully studied. In the meantime, archaeological and taphonomic data was recorded from archaeological survey, photographs and A. D. Tairov's data.

Methods

Biological identification.

Laboratory procedures included skeletal preparation, restoration, sorting and biological identification. Both cranial and post-cranial remains were analysed. Accurate methods were used for sex determination and age estimation for adults and sub-adults, and non-metrics traits were observed and recorded. The MNI (Minimum Number of Individuals) was determined for the central funeral room.

Sexing skeletons is possible after the puberty, when dimorphic elements leave a mark on the bone. Also, sexual diagnosis is dependant on the preservation state of sexually dimorphic traits. We used the adult hip-bone to assess the sex of the skeletons, as it is known as the best reliable indicator for sex determination [7; 30].

Giving an age-at-death is complex for adults, as senescence evolution is variable from one individual to another. For adults we first looked at the fusion of the sternal extremity of the clavicle, and the iliac crest of coxal bones. We used the method of Schmitt et al. [36] on the sacro-pelvic surface of the ilium and the Lovejoy method [25] based on teeth attrition when the pelvis wasn't preserved. For children, the method from Moorrees et al. [28] and Ubelaker [39] based on dental development were used. The bad preservation of non-adult skeletons didn't allow us to apply any other method based on the post-cranium.

Non-metric variations (or discrete traits) have genetics and environmental factors [21; 29]. The spatial regrouping of one or several non-metric variations shared by individuals in a cemetery or a collective grave has been demonstrated. Thus, non-metric variations can allow us to infer on spatial burial organization [10; 11]. Sixty seven discrete traits were observed, 37 on the cranium [21] and 30 on the post-cranium [16; 40]. However, the observations were highly limited because of taphonomic and anthropogenic factors.

The Minimum Number of Individuals (MNI) was determined for the central burial of the Kurgan 4. After having separated human from fauna bones, each human bone was curated, identified and recorded [8; 35]. Once the assemblages were performed, paired and unpaired elements were counted to determine the greatest minimum number of individuals.

Archaeological data recording

The precise position of the body, its relationship with any surrounding elements (faunal remains, artefacts), the burial and body orientation, the burial structure, its dimension and its arrangement in the kurgan were all recorded. Both osteological and archaeological data were strictly recorded into a database and compared.

Results

Minimum Number of Individuals in the funeral chamber.

Three human individuals have been identified during the excavation. The precise analysis demonstrated that the MNI was higher than three. At least 5 right hip-bones were in the central burial. We suppose that one belongs to the medieval burial which was found above the Iron Age burial. Three of the Iron Age hip-bones belong to adults, one is from an adolescent or a young adult. Moreover, fragments of a juvenile skeleton were found (represented by fragments from the skull, left clavicle, the humerus, femurs, the right tibia and the foot). The age is incompatible with the four right hip-bones (fig. 1). De facto, we conclude that at least 5 skeletons were buried into the central burial of the Kurgan 4 of Kichigino I.

Biological identification and Archaeological data

At least two individuals aged less than 30 years old, 2 individuals of undetermined age and a child [5–8,5 years old] were placed in the funeral chamber. Two of them were men, one was a woman. Except for Burial 4, all the peripheral burials hold a child less than 6 years old (table 1). Regarding the non-metric variation analysis, only discrete traits which were present on at least two individuals have been studied. Unfortunately, the analysis was highly limited because of bone fragmentation and bad skeletal preservation.

Fig. 1. Fragments of four right hip-bones located in the central burial of Kurgan 4, Kichigino I

However, we notice that neither the sub-adult 3 nor 5 hold a multiple hypoglossal canal nor sagittal bone (table 2). Both of them have two parietal foramen and a wormian bone in the lambda region (fig. 2). These two non-metric variations have a hereditary occurrence and don't change with age [21].

The stratigraphy shows that the peripheral burials were built deeper than the funeral wooden chamber. The depth of the peripheral burials is almost the same (the maximum distance was no more than 2 cm) and there is no overlapping between the graves. Furthermore, dimensions of the peripheral graves seem to be correlated with the height and the age of the buried children who were in supine position. Despite the general bad-preservation of bones and evidence of disturbances, faunal remains and artefacts have been recorded in the central burial and in burials 3 and 4. The two peripheral burials include neither grave goods nor faunal bones (table 1).

Bioarchaeological Review and Discussion

The combination of both osteological and archaeological data provides interesting points to examine with regards to children's status and the overall organization of the kurgan. First, the MNI result demonstrates that at least 9 individuals (5 skeletons in the funeral chamber, 4 skeletons in the peripheral burials) were buried in the kurgan 4 during the Sauro-Sarmatian period.

Three peripheral individual burials out of four are for sub-adults, and at least one child and two individuals aged less than 30 years old were buried in the funerary chamber. Therefore, the number of individuals who died before 30 years old would represent 66,7 % of the buried people in this kurgan. Furthermore, the similar depth of the peripheral burials seems to attest that they were contemporary.

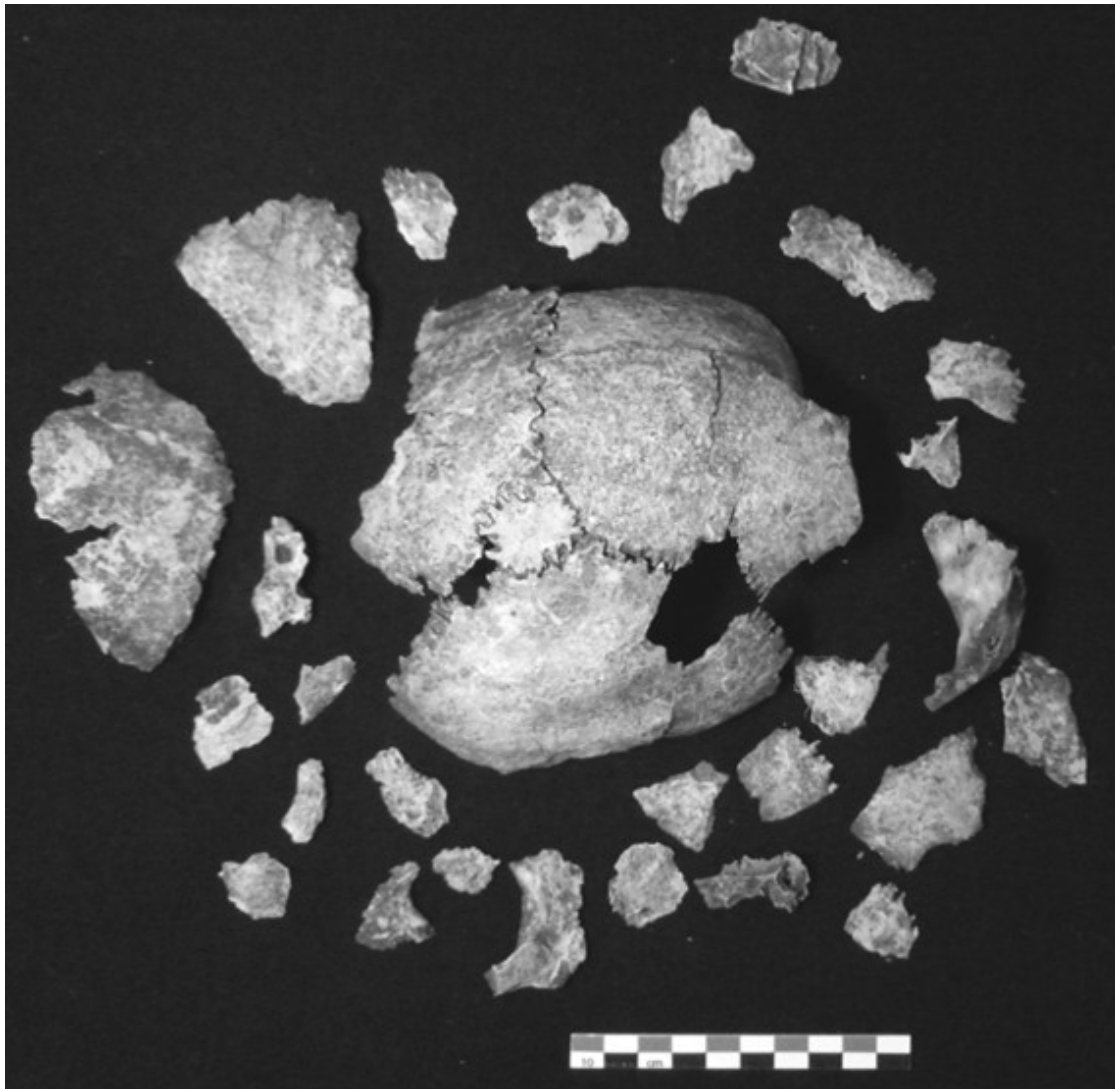

Fig. 2. Non-adult skull from burial 3 with a wormian bone at lambda

Table 1

Bioarchaeological data summary of the kurgan 4, Kichigino I cemetery
(dimensions from field records, depth)

Burial	Sex	Age	Grave orientation	Depth*	Grave dimension*	Artefact	Faunal remains
1	-	[2-4]	SW-NE	-168	110 x 70	0	0
3	-	[2-5]	W-E	-167	120 x 75	Pottery	1
4	U	[>20]	SE-NW	-167	255 x 95	Bead / Arrowheads	1
5	-	[4-6]	WNW-ESE	-166	140 x 80	0	0
Central Burial	F	U	WSW-ENE	-116	600 x 300	2 mirrors, 1 stone altar, arrowheads, 1 quiver, 1 fusaiola, pottery	1
	M	U					
	M	[<30]					
	U	[<30]					
	-	[5-8,5]					

*Depth and grave dimension in centimeters
Sex: F (female), M (male), U (undetermined)
0: absent / 1: present

Non-metric variations selection

Individuals		1	3	4	5	CB-6	CB-7	CB-8
Non-Metric variation	Right / Left	[2-4]	[2-5]	>20	[4-6]	[5-8, 5]	U	U
A	L	NP	2	NP	0	NP	NP	NP
	R	NP	1	NP	2	NP	NP	NP
B	L	NP	NP	NP	0	0	NP	0
	R	NP	NP	NP	0	0	0	NP
C	L	NP	0	NP	0	NP	NP	NP
	R	NP	NP	NP	0	NP	NP	NP
D	-	NP	0	NP	0	NP	NP	NP
E	L	NP	0	NP	3	NP	NP	NP
	R	NP	0	NP	2	NP	NP	NP
F	-	NP	1	NP	1	NP	NP	NP
G	L	NP	NP	0	0	NP	NP	NP
	R	NP	NP	0	0	NP	NP	NP
H	L	NP	NP	NP	NP	NP	NP	NP
	R	NP	NP	0	0	NP	NP	NP
I	L	NP	NP	0	1	0	NP	NP
	R	NP	NP	NP	1	NP	NP	NP
J	L	NP	NP	0	0	NP	NP	NP
	R	NP	NP	NP	0	NP	NP	NP

A- Parietal foramen
 B- Foramen of Huschke
 C- Hypoglossal multiple canal
 D- Sagittal bone
 E- Lambdoid bone
 F- Wormian bone at lambda
 G- Mylohyoid bridge
 H- Paracondylar process
 I- Lateral pilaster
 J- Hypetrochanteric fossa

NP: Non-Preserved
U: Undetermined
0: Absent
1-2-3: Present (= number)

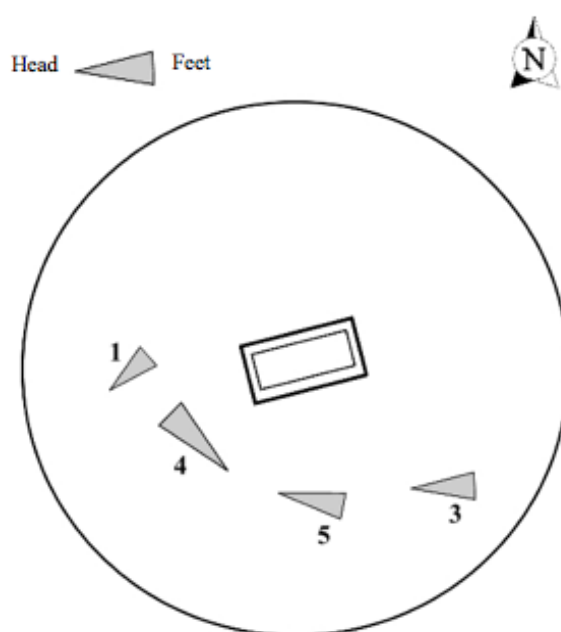

Fig. 3. Schematic plan of the unpublished kurgan 4 with a central funeral chamber and four peripheral burials

A very interesting fact concerns the burials 3 and 5 which share curious similarities. One with a non-adult aged [2–4 years old], the other aged [4–6 years old]. Both children were in supine position, the anatomical articular connections reflected a decomposition in a void for both skeletons [14; 15]; both burials were located near one another in the South-Eastern area of the kurgan; the orientation of their bodies was pointing West in a very similar way; moreover, each of them have two parietal foramen and a wormian bone in the lambda region. Conversely, burial 3 held artefacts and faunal remains whereas burial 5 didn't.

The high number of young people buried in the Kurgan 4 raises important issues towards their role in mortuary practices and more broadly in the Sauro-Sarmatian nomadic society. As it was previously seen, children were not restricted to peripheral burials. However, it seems that when they were buried in the central burial, they were not alone but with adults. In this regard, some authors [3; 13; 26] have already highlighted the fact that young people were often buried with adults in the central burial, which is frequently a collective or a simultaneous burial. The central simultaneous burial of Gumbeiskiy (Agapovsky district, Chelyabinsk Oblast) containing one teenager flanked by two men is a relevant example³. Furthermore, artefacts and faunal remains were also deposited in individual child burial of [2–5 years old] (burial 3). Items and faunal remains were abundant in the funeral chamber (adult and young horse remains, one quiver with arrowheads, a stone altar, mirrors, etc) while in two burials (burial 1 and 5) of children respectively [2–4] and [4–6 years old], there were neither items nor faunal deposits. Consequently the central burial's access and the ritual of grave goods and faunal remains deposits are clearly differential.

From the bioarchaeological analysis of the Kurgan 4, we can say that from at least the age of 5–8,5 years old, a child can share the same rights than adult men and women, and thus have a place in a central funeral room within a large kurgan. Also, different death rituals were performed for children of approximately the same age, as it is illustrated with the non-adults from burial 1 and 2. This doesn't necessarily mean that children who were buried in the central part of the kurgan, or with grave goods and faunal remains, had a higher status or rank than those who were buried in peripheral burials, and/or without any associated artefacts. We should also evoke the kurgan in terms of 'cross-cutting horizontal categories' [19, p. 23]. In other words, two, several or none of the deceased people could have shared kinship affiliation, family, clan, political, economic or any kind of social relationships, whether there were peaceful or violent. In this regard, we suggest that the children from burial 5 and 3 may have an affiliation. In the Kurgan 4 from Kichigino I, all the burials seem to belong to the same period (between the second half of the 6th century BC and the second half of the 5th century BC). Thus, the dead people, as well as the living members who performed the rituals in the kurgan 4 probably shared a cultural and a collective identity. But, does the spatial organization of the mound reflect a reasoned collective plan?

Another very interesting topic concerns the overall layout of the kurgan. As the anthropologist Segaud notices: 'Shapes inform as soon as a category or a pattern is evident, repeated, and recognized within a society' ⁴ [2007: 74]. When belonging to a consistent chrono-cultural period, the location of burials in a circular-shaped mortuary complex is clearly meaningful. The circular mounding shape basically implies that at first the central area is unique and preferential, and on the other hand any surrounding element is spatially dependant of this central and highest point. Therefore, by essence, kurgan shapes conveyed a given organization. The Kurgan 4 is located on the higher point and in the central group of kurgans of the Kichigino 1 cemetery. Interestingly all the burials are situated in the southern part of the kurgan, and the burials 3, 4 and 5 seem to follow a circular direction (fig. 3). The three peripheral non-adult burials are almost pointing West (burial 1, 3, 5) while the adult burial (burial 4) is oriented in the opposite direction, the dead individual's head pointing East. The bad preservation, the lack of data and the disturbances are too important to outline conclusions, notwithstanding these few perspectives seem to highlight a relative coherence and contemporaneity of the mortuary practices.

Conclusion and Perspectives

The kurgan 4 clearly illustrates the complexity of funerary rituals as well as the difficulty to understand the social meaning of kurgans. This first bioarchaeological analysis of a kurgan from Kichigino 1 cemetery has provided us significant results and new perspectives to understand children's status in mortuary practices, the organization of the kurgan, and the social aspects of the Sauro-Sarmatian nomadic society. Accurate osteoarchaeological methods allowed us to gain valuable information on the precise age of non-adults, the sex of adults, as well as the Minimum Number of Individuals found in the disturbed central burial. We have demonstrated that at least 9 individuals were buried in the Kurgan 4, including a high number of young people. The study of both osteological and archaeological data has highlighted interesting similarities and differences in children's mortuary practices within the kurgan. Also, prominent features of spatial organization have revealed meaningful information on the mortuary practices and the overall layout of the kurgan. Bioarchaeological results of the Kurgan 4 raise important issues that invite attention with regards to demography in mobile societies, the nature of the relationships between individuals buried in the same kurgan, and the role of children. However, only an inter-disciplinary approach including archaeology, osteology, anthropology and taphonomy, could support a more precise and a better insight on the mortuary practices and the social aspects of the past nomadic communities.

Bibliography

1. Agarwal, S. C. *Social Bioarchaeology* / S. C. Agarwal, B. A. Glencross. Wiley-Blackwell, 2011.
2. Anthony, D. W. *The Horse, the Wheel and Language. How Bronze Age Riders from the Eurasian Steppes shaped the Modern World* / D. W. Anthony. Princeton University Press, 2007.
3. Aruz, J. *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World* / J. Aruz, A. Farkas ; E. V. Fino (eds). The Metropolitan Museum of Art Symposia, 2006.
4. Bendezu-Sarmiento, J. *De l'Âge du Bronze à l'Âge du Fer au Kazakhstan. Gestes funéraires et paramètres biologiques* / J. Bendezu-Sarmiento // *Identités culturelles des populations Andronovo et Saka. (From Bronze Age to Iron Age in Kazakhstan. Burial practices and biological factors: cultural identities of Andronovo and Saka populations)*. Mémoires de la Mission archéologique française en Asie Centrale. T. 12. De Broccard, 2007.
5. Botalov, S. G. *Отчет: Об охранных археологических исследованиях курганного могильника Кичигино I в Увельском районе Челябинской области в 2008 году Института истории и археологии УрО РАН : Report : Survey and archaeological study of the kurgans from the Kichigino 1 cemetery, Uvelsky district Chelyabinsk Oblast, year 2008.*
6. Botalov, S. G. *Excavations at the Kichigino Burial Site (South Urals) in 2007* / S. G. Botalov, A. D. Tairov // *Ancient West and East*. 2011. Vol. 10. P. 349-358.
7. Bruzek, J. *A method for visual determination of sex using the human hip bone* / J. Bruzek // *American J. of Physical Anthropology*. 2002. Vol. 117. P. 157-168.
8. Courtaud, P. «Anthropologie de sauvetage» : vers une optimisation des méthodes d'enregistrement. Présentation d'une fiche anthropologique («Salvage anthropology» : Towards a better use of recording methods. Presentation of an anthropological index) / P. Courtaud // *Bull. et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris*. N. S. 1996. T. 8, fasc. 3-4. P. 157-167.
9. Courtaud, P. *Osteomorphological features of nomadic riders : Some examples from Iron Age populations located in southwestern Siberia* / P. Courtaud, D. Rajev // *EAA third annual meeting (Ravenna, 1997)*. BAR International Series 717. Vol. 1. Pre and Protohistory, 1998. P. 110-113.
10. Crubezy, E. *Caractères discrets et «recrutement» des ensembles sépulcraux (Discrete traits and spatial burial organization)* / E. Crubezy, P. Sellier P. // *Bull. et Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris*. N. S. 1990. T. 2, fasc. 3-4. P. 171-177.

11. Crubezy, E. Microévolution d'une population historique. Etude des caractères discrets de Missimnia (Soudan, IIIe – VIe siècle) (Micro-evolution of Historic Populations. Study of discrete traits of the population of Missima) / E. Crubezy [et al.] // Bull. et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. N. S. 1999. T. 11, fasc. 12. P. 1-213.
12. Daire, M-Y. Habitats et nécropoles de l'Age du Fer au carrefour de l'Eurasie (Iron Age Settlements and Cemeteries at the crossroads of Eurasia) / M-Y. Daire ; L. Koryakova (dir) // Mémoires de la Mission archéologique Française en Asie Centrale. T. 11. Diffusion De Boccard, 2002.
13. Davis-Kimball, J. Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age / J. Davis-Kimball ; L. T. Yablonsky (dir). Berkeley : Zinat Press, 1995.
14. Duday, H. O. L'archéothanatologie ou l'archéologie de la mort (Archaeoethanatology or the archaeology of the Dead) / H. Duday // Vandermeesch, Objets et méthodes en paléoanthropologie / J. J. Dutour, B. Hublin. Comité des travaux historiques et scientifiques, 2005. P. 153-207.
15. Duday, H. The Archaeology of the Dead : Lectures in Archaeoethanatology / H. Duday. Oxbow Books, 2009.
16. Finnegan, M. Non-metric variation of the infracranial skeleton / M. Finnegan // J. of Anatomy. 1978. № 125 (1). P. 23-37.
17. Gowland, R. Social Archaeology of Funerary Remains / R. Gowland, C. Knüsel. Oxford : Oxbow books, 2006.
18. Guilaine, J. Sépultures et sociétés. (Burials and societies) / J. Guilaine. Paris : Ed. France, 2009.
19. Hanks, B. K. Iron Age Nomadic Burials of the Eurasian Steppe, A Discussion Exploring Burial Ritual Complexity / B. K. Hanks, J. Davis-Kimball, L. Koryakova, T. L. Yablonsky (dir) // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements. Eurasian Bronze and Iron Age : BAR International Ser. 2000. P. 19-30.
20. Hanks, B. K. Societal Complexity and Mortuary Rituality: Thoughts on the Nature of Archaeological Interpretation / B. K. Hanks // Complex Societies of Central Eurasia from 3rd to the 1st Millenium BC / K. Jones-Bley, D. G. Zdanovich // J. of Indo-European Studies Monograph Ser. 2002. Vol. 2. №46. P. 355-373.
21. Hauser, G. Epigenetic Variants of the Human Skull / G. Hauser, G. F. De Stefano Stuttgart. Schweizerbart, 1989.
22. Knudson, K. J. New Directions in Bioarchaeology: Recent Contributions to the Study of Human Social Identities / K. J. Knudson, C. M. Stojanowski // J. of Archaeological Research. 2008. № 16 (4). P. 397-432.
23. Koryakova, L. Some notes about the material culture of Eurasian nomads / L. Koryakova, J. Davis-Kimball, L. T. Yablonsky // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements. Eurasian Bronze and Iron Age : BAR International Ser. 2000. P. 13-18.
24. Linduff, K. M. Are All Warriors Male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe / K. Linduff ; K. S. Rubinson (dir). Altamira Press, 2008.
25. Lovejoy, C. O. Dental wear in the Libben population : Its functional pattern and role on the determination of adult skeletal age at death / C. O. Lovejoy // American J. of Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 47-56.
26. Loyer, J. Burial rituals and bio-anthropology of the Iron Age nomads from South Ural region (Russia) : master's thesis / J. Loyer. Bordeaux : Université Bordeaux 1, 2012.
27. Marshall, M. E. Processes and Practices of Death: Toward a Bioarchaeology of Dynamic Societies / M. E. Marshall [et all.] // The archaeology of power and politics in Eurasia. Chap. 12. Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
28. Moorrees, C. F. A. Age Variation of Formation Stages for ten Permanent Teeth / C. F. A. Moorrees, E. A. Fanning, E. E. J. Hunt // J. of Dental Research. 1963. № 42. P. 1490-1502.
29. Murail, P. Variations anatomiques non métriques: les caractères discrets (Non-metric variations: discrete traits) / P. Murail // Objets et méthodes en paléoanthropologie / O. Dutour, J. J. Hublin, B. Vandermeesch ; Comité des travaux historiques et scientifiques. 2005. P. 153-207.
30. Murail, P. DSP: A probabilistic sex diagnosis tool using worldwide variability in hip bone measurements / P. Murail [et all.] // Bull. et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. N. S. 2005. № 17 (3-4). P. 167-176.
31. Murphy, E. M. Mummification and Body Processing: Evidence from the Iron Age Southern Siberia / E. M. Murphy, J. Davis-Kimball, L. Koryakova, T. L. Yablonsky (dir.) // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements. Eurasian Bronze and Iron Age. BAR International Series, 2000. P. 279-292.
32. Murphy, E. M. A biocultural study of children from Iron Age South Siberia / E. M. Murphy // Babies Reborn : Infant/Child burial in Pre du geste funéraire pendant la préhistoire and Protohistory / K. Bacvarov (ed) : BAR International Ser. Paris : CNRS, 2008. P. 175-187.

33. Murphy, E. M. A Bioarchaeological Study of Xiongnu Expansion in Iron Age Tuva, South Siberia / E. M. Murphy, C. Hartley, G. B. Yazicioglu, A. T. Smith // The archaeology of power and politics in Eurasia. Chap. 12. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
34. Robb, J. Social 'status' and biological 'status': A comparison of grave goods and skeletal indicators from Pontecagnano / J. Robb [et all.] // American J. of Physical Anthropology. 2001. Vol. 115. Issue 3. P. 213–222.
35. Schaefer, M. Juvenile Osteology. A Laboratory and Field Manual / M. Schaefer, L. Scheuer, S. Black. Elsevier, 2009.
36. Schmitt, A. Une nouvelle méthode pour estimer l'âge au décès des adultes à partir de la surface sacro-pelvienne iliaque / A. Schmitt. // Bull. et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. N. S. 2005. № 17. P. 1–13.
37. Segaud, M. Anthropologie de l'espace: habiter, fonder, distribuer, transformer (Anthropology of space: living, founding, distributing, changing) / M. Segaud. Paris : Armand Colin, 2007.
38. Tairov, A. D. Отчет: о раскопках могильников Кичигино I и Кичигино II в Увельском районе Челябинской области в 2009 году (Report: Excavation of the Kichigino I et Kichigino II cemeteries in the Uvelsky district, Chelyabinsk Oblast, year 2009) / A. D. Tairov. Челябинск, 2011.
39. Ubelaker, D. H. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation / D. H. Ubelaker. Washington ; DC : Taraxacum, 1989.
40. Voisin, J.-L. Les caractères discrets des membres supérieurs: un essai de synthèse des données (Discrete traits of the upper limbs: a synthesis essay) / J.-L. Voisin // Bull. et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. 2001. P. 1–24.

**Е. О. Шиманский, Т. С. Малютина,
Д. Г. Зданович**

МАТЕРИАЛЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЮГА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В результате археологических исследований юга Челябинской области экспедициями Челябинского государственного университета и культурно-исторического заповедника «Аркаим» в 1990–2000-е годы был получен ряд новых материалов по эпохе раннего железа. Они происходят из курганных могильников Калмыцкая Молельня, Худолазские курганы и Кизильский I (рис. 1). В некрополе Калмыцкая Молельня к этому времени относится курган 2, раскопанный в 1992 году А. Д. Таировым и Д. Г. Здановичем. Курганы Кизильского I и Худолазского могильников исследовались Т. С. Малютиной при участии Е. О. Шиманского в 2008–2009 годах [3; 4]. Комплексы ранних кочевников здесь представлены во впускных захоронениях в насыпях бронзового века [5; 6].

Могильник Калмыцкая Молельня, курган 2. Памятник расположен на площадке мыса в излучине правого берега реки Большая Караганка, в 1,7 км к западу от окраины села Александровка, к югу от дороги на село Измайловское (рис. 1, 1). Некрополь был открыт в 1977 году и получил наименование могильник Александровка II [10, с. 7–8, рис. 6]. В 1992–1993 годах планиграфия и топография памятника была уточнена и скорректирована И. М. Батаниной при дешифрировании аэрофотоснимков. В те же годы были исследованы раскопками пять курганов [1, с. 186–187, рис. 5]. Четыре кургана дали материал эпохи бронзы и один раннего железного века. Тогда же памятник был переименован в могильник Калмыцкая Молельня.

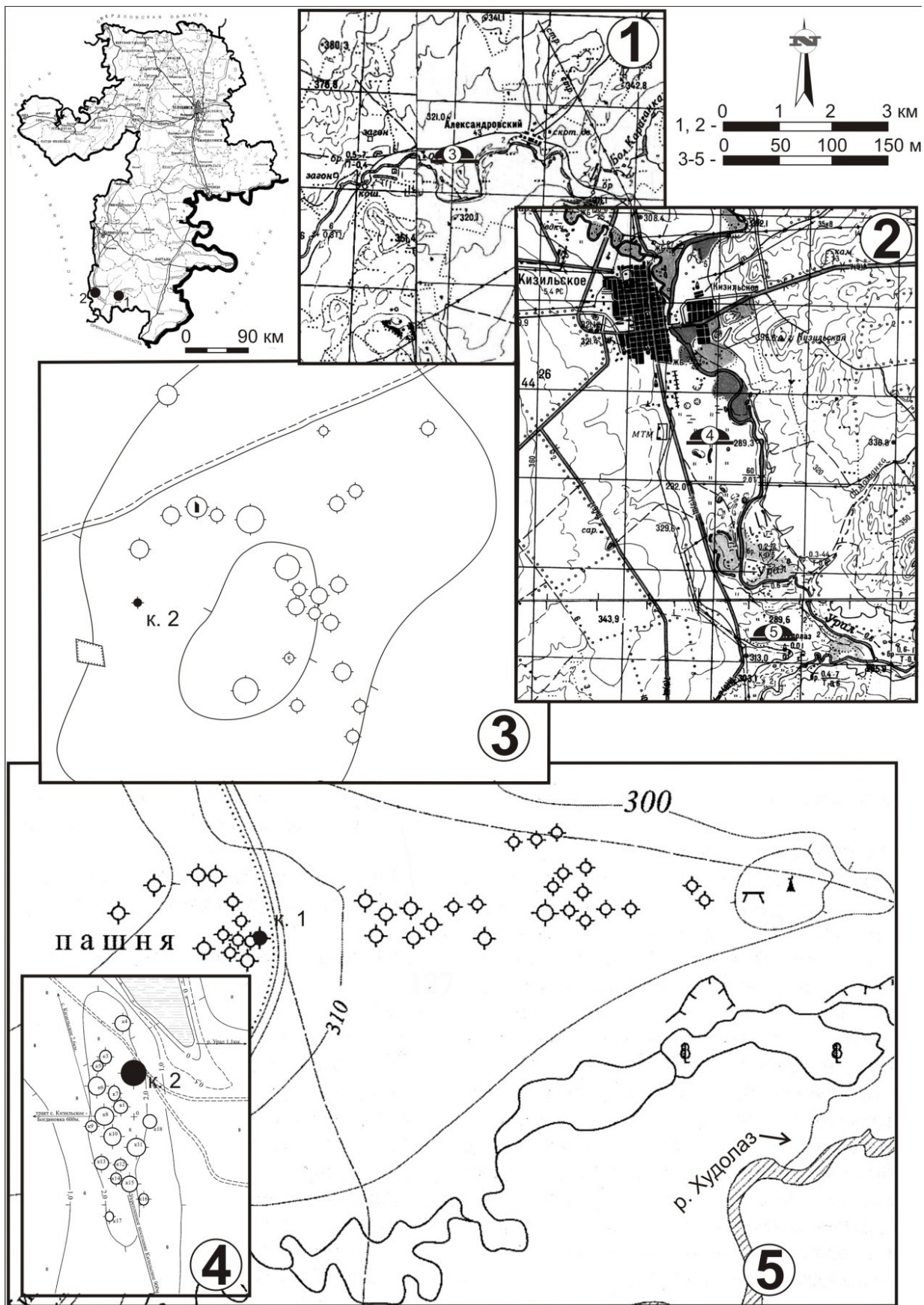

Рис. 1. Карта и планы памятников представленных в статье: 1 — могильник Калмыцкая Молельня, ситуационный план; 2 — могильник Кизильский I и Худолоазские курганы, ситуационные планы; 3 — могильник Калмыцкая Молельня; 4 — могильник Кизильский I; 5 — могильник Худолоазские курганы

Погребальное поле занимает площадку 600×300 м и насчитывает 24 грунтовых курганных насыпи. Насыпи расположены двумя группами — южной и северной (рис. 1, 3). В южной группе насыпи сконцентрированы более компактно, в северной — растянуты в широтном направлении. Часть курганов не входит в видимую систему и располагается несколько автономно. Размеры курганов варьируют: диаметры от 20–25 м до 10–12 м, высота 1–1,5 — 0,3–0,5 м.

Курган № 2 относится к одиночным сооружениям и расположен в юго-западной части памятника. Видимый диаметр кургана — 10 м, высота от современной поверхности 0,2 м. На поверхности, в центральной части из-под дерна были видны вершочки камней, уходящих вглубь курганного возвышения. В ходе вскрытия было отмечено, что наброс из камней не сплошной, часть камней концентрируется в центре, над могильной ямой, другие образуют полукольцо вокруг нее с севера и запада (рис. 2, 1).

Размеры камней варьируют, наиболее крупные в пределах 70×40×40 см. Все камни (за исключением, найденных в заполнении могильной ямы) находились выше материкового слоя. Судя по наблюдениям авторов раскопок, каменный наброс был сделан поверх насыпи кургана, а некоторая его видимая хаотичность объясняется последствиями поздней распашки площадки памятника. В процессе зачистки при выходе на материковый слой выявились очертания могильной ямы расположенной в центральной части курганной площадки к западу от заложенной бровки по линии С-Ю.

Стратиграфия слоев проста. Мощность современной дерновой поверхности кургана около 0,15 м. В центральной части, под слоем темно-серой гумусированной почвы, на уровне (0) — (-15) от условного нуля, залегал выкид из могильной ямы мощностью 0,05–0,07 м (за условный нуль принята отметка в 1 м от северного пикета насыпи). Под выкидом — слой погребенной почвы темно-серого цвета; на окончаниях профиля бровки погребенная почва незаметно переходит в современный гумус. Под погребенной почвой с уровня (-15) фиксировался материковый слой — серо-желтый суглинок, с множественными включениями щебня и гальки и с обильными затеками гумуса. По составу выкид и материковый слой идентичны. Материк зафиксирован на отметке (-25).

Очертания могильной ямы на уровне материка: длинные стороны ориентированы по оси ССЗ-ЮЮВ, торцы округлые, граница западной стенки прямая, у восточной стенки зафиксирован материковый выступ, делящий ее на два неравных участка (рис. 2, 2). Длина ямы 2,7 м, ширина в южной части 1,3 м, в северной — 1 м. При углублении на 0,1 м выяснилось, что северная стенка уменьшается до 0,75 м, около которой вдоль северо-восточной стенки, зафиксированы вертикально стоящие камни, уходящие основаниями в заполнение ямы. В двух случаях под камнями найдены ребра мелкого рогатого скота (МРС) (палеозоологические определения для этого кургана выполнены Л. Л. Гайдученко). На уровне (-65) в юго-западной части расчищен обширный горизонтальный уступ, поверх которого располагались небольшие ниши (глубина 10–15 см, высота до 15 см). В заполнении ниш — многочисленные мелкие фрагменты дерева. Направление волокон не дало единой картины, что объясняется деятельностью грызунов. В южной части ямы, поверх материкового уступа выкладка камней, местами в два яруса, частично вдвинутых в ниши. Переход стенок в дно могильной камеры с юга и запада имеет практически прямой угол, с востока дно уходит в подбой со сводчатым потолком, с севера аналогичный подбой. Дно камеры обнаружено на уровне (-155). Длина камеры по дну

1,6 м, максимальная ширина 0,95 м, поверхность ровная без уклона. Реконструируемая по северному окончанию ямы высота свода достигает 0,5–0,55 м. Южный вход в камеру ступенчатый. В заполнении могильной камеры было найдено керамическое прясло и два черепа лошади. Один из черепов принадлежал взрослой особи, самке, лежал на подсыпке мощностью 10–15 см из светлого песка с множественными включениями щебня.

Второй череп молодой особи находился ниже, поверх тазовых костей человеческого скелета, на остатках деревянной плахи. Оба черепа были без нижних челюстей и до помещения их в могильную камеру не менее года находились в субаэральных условиях. Помимо этого, в заполнении найдены фрагмент черепа и зуб крупного рогатого скота (КРС, полувзрослая особь?), встречались отдельные камни. Вдоль западной и северной стенок зафиксированы лежащие параллельно им остатки деревянных плах, отметки (–85) – (–100).

На дне ямы расчищен костяк, принадлежавший погребенной женского пола (рис. 2, 3). Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ЮЮВ. Сохранность костей плохая, с правой стороны скелет погребенной был потревожен норой. Череп повернут направо, левая рука вытянута вдоль туловища, ноги, вероятно, были вытянуты. Сверху погребение было перекрыто крупными камнями.

На левой руке погребенной, выше запястья, зафиксирован железный браслет, поверх него металлизированные фрагменты тонкой ткани. Мелкие кусочки ткани также были обнаружены под верхушкой левой и правой тазовых костей. На шейных позвонках расчищены остатки украшений: пронизь из камня и пастовая бусина. Под черепом также найдены фрагменты ожерелья: две пастовые бусины и костяная пронизь. Еще одна пастовая бусина – на расстоянии примерно 15 см западнее черепа, чуть выше дна ямы. Под черепом, в области правого виска, лежала бронзовая серьга.

Слева от костяка, вдоль западной длинной стенки ямы, были расчищены останки расчлененной туши овцы: плечевая, локтевая и лучевая кости в сочленении, пять грудных позвонков также в сочленении и отдельно два ребра. Все кости принадлежали одной молодой особи. В ногах погребенной – крупный керамический сосуд хорошей сохранности.

Большинство предметов не сохранились при извлечении из грунта (за исключением керамического сосуда). Поэтому описание находок дается по тексту полевого дневника.

Прясло керамическое, дисковидное. Одна поверхность уплощена и имеет следы затертости, вторая чуть выпуклая. Диаметр изделия 3 см, высота 1,8 см. Диаметр отверстия 0,7–0,8 см. В тесте примеси песка и слюды.

Браслет железный, разомкнутый, с приостренными концами, внешний диаметр – 5,5–6 см. Изготовлен из круглого в сечении дрота диаметром 0,6 см.

Серьга бронзовая. Проволочная, овальной формы, с застежкой «усиком» и тремя зернистыми напаями. Размеры изделия 1,9×1,4 см, диаметр сечения проволоки 0,1 см.

Бусы и пронизи: пронизь каменная (нефритоид?) – продолговатая, бурого цвета, со светлыми прожилками. В сечении округлая, со следами гранения. Размеры 2,1×0,6 см; пронизь костяная – продолговатой формы, стенки тонкие, изготовлена, вероятно, из кости птицы. Размеры 1,3×0,5 см; бусы пастовые. Три бусины продолговатые, рифленые, светло-голубого цвета, размеры 0,7–0,6×0,5 см; одна бусина дисковидная диаметр 1 см, толщина 0,4 см, цвет желто-белый.

Сосуд керамический (рис. 2, 4). Лепной, плоскодонный, горшечно-баночного типа, удлиненных пропорций, неорнаментированный. Венчик отогнут наружу, закруг-

лен. Профилировка плечика плавная, доньшко незначительно заужено. Высота 27–28 см, диаметр по венчику 21,5 см, по дну 10,5 см. Стенки толстые, массивные. Визуально в тесте определяется примесь крупнозернистого песка, мелкого щебня, шамота.

Могильник Худолазские курганы, курган 1. Памятник расположен на правом берегу реки Урал, на водоразделе рек Урал и Худолаз, в 2,25 км на запад от места их слияния, и в 7 км на юг от поселка Кизильское (рис. 1, 2). Могильник открыт В. С. Стоколосом в 1968 году [8]. В 1997 году памятник был исследован по аэрофотоснимку и на местности сотрудниками заповедника «Аркаим» [2, с. 82, рис. 37].

Некрополь занимает расположенный широтно увал, с высотой над современным урезом воды около 10 м. Курганы могильника образуют цепочку длиной более 1,2 км, внутри которой выделяются четыре группы погребальных сооружений (рис. 1, 5). На восточном окончании увала – современное мусульманское кладбище с двумя каменными оградками, восемью округлыми каменными выкладками и двумя небольшими курганами. В 100–120 м западнее – площадка из 12 курганов средних размеров (диаметр до 16 м и высота до 0,5 м, с ровиками вокруг насыпей и отдельными каменными плитами) и одним крупным курганом (высота 1 м, диаметр 30 м). Далее на запад еще одна группа из девяти относительно крупных курганов (диаметр до 20 и высота около 0,5 м). В этой же группе зафиксированы отдельные развалы каменных конструкций в окружающих насыпи рвах и на межкурганном пространстве (грунтовые погребения?). Наконец, последняя группа – далее на запад, на действующей пашне. Визуально курганы этой группы практически не читаются, по данным дешифрирования было зафиксировано 13 насыпей.

Исследования 2008 года проводились на одном из возвышений последней группы. При соотнесении с результатами дешифрирования выяснилось, что заложенный раскоп охватил две прилегающие друг к другу насыпи, расположенных в линию СВ–ЮЗ, фиксируемые к моменту изучения как одно сплошное овальное возвышение. Объект получил наименование курган 1, его современная высота до 0,3 м, диаметр 20 м.

Археологические раскопки показали, что курган 1 представляет собой комплекс разновременных захоронений (см. рис. 3, 1). Шесть ям с индивидуальными женскими и детскими погребениями и перекрытиями из каменных плит в древности были перекрыты, по-видимому, отдельными насыпями, слившимися впоследствии в единое возвышение. Датировка этих захоронений – начало позднебронзового века, керамический материал увязывается с позднесинташтинскими, петровскими и позднеполтавкинскими аналогиями [6, с. 26–31].

Восточная часть раскопа охватила отдельно расположенную курганную насыпь, диаметром около 10 м. Под слоем покрытия-купола из суглинков разного оттенка и плотности находилось сложное погребальное сооружение в яме 7 с захоронениями эпохи бронзы и раннего железного века.

Яма 7 (рис. 3, 2) на уровне зачистки по матерiku – отметки (+10) – (0), за нулевой репер взята отметка в 50 м южнее раскопа, имела удлиненно-прямоугольную форму длиной 3,85 м с общей ориентировкой по линии СЗ–ЮВ. Ширина сооружения в северо-западной части 1,45 м и в юго-восточной – 1,84 м. Расширение образовано узкими, до 0,08 м, заплечиками, с северо-восточной и юго-западной сторон. При выборке верхнего заполнения на глубину 0,2 м от материка, в центральной части ямы были найдены три неорнаментированных фрагмента керамики, фрагмент бронзового изделия непонятного назначения, бронзовый наконечник стрелы и несколько обломков костей черепной коробки человека.

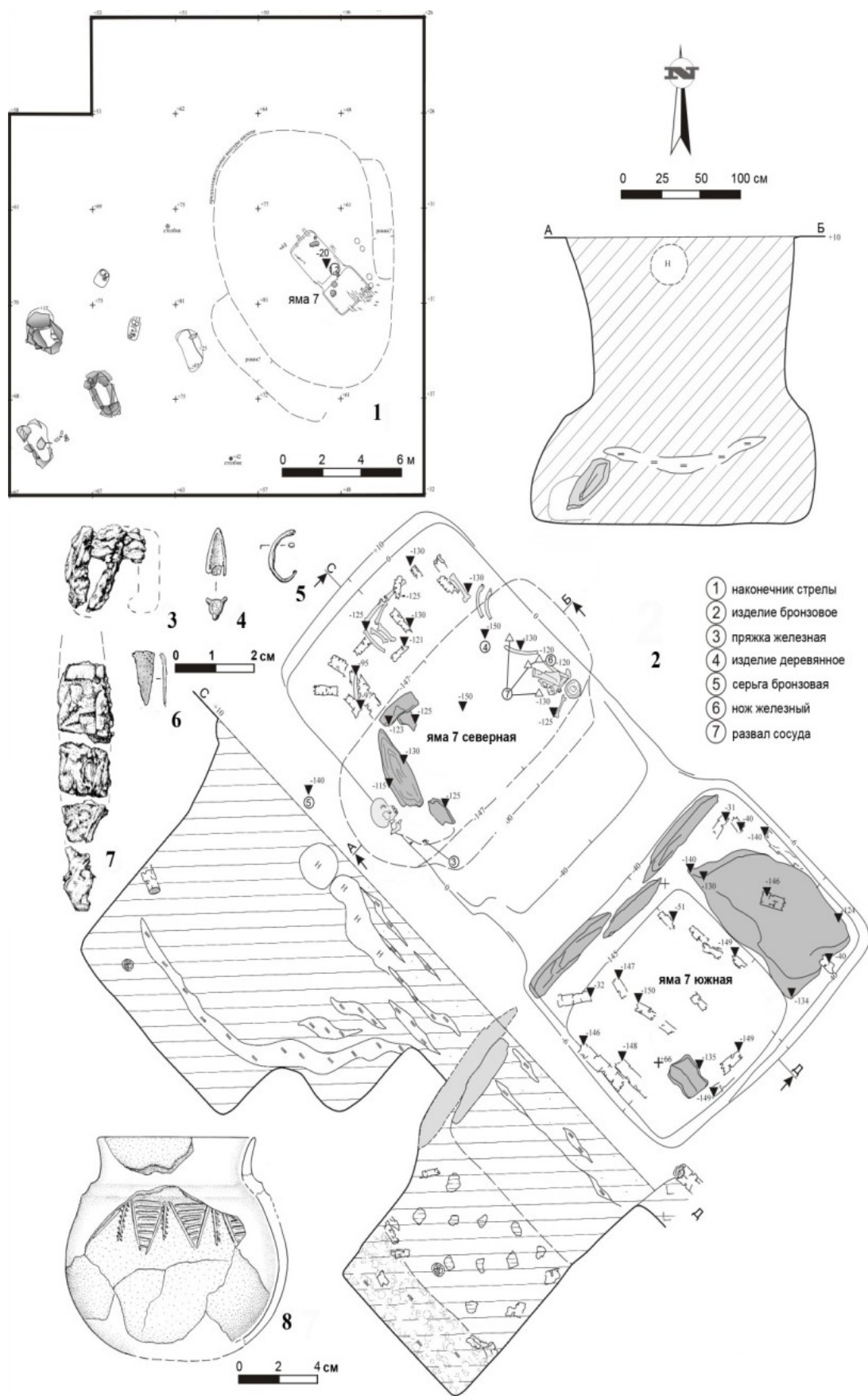

Рис. 3. Могилиник Худолозские курганы, курган 1: 1 — план кургана на уровне материка; 2 — могильная яма (план погребения и разрезы); 3–8 — погребальный инвентарь (3 — пряжка, 4 — наконечник стрелы, 5 — серьга, 6 — пластина, 7 — нож, 8 — сосуд); 3, 7 — железо, 4–6 — бронза, 8 — керамика

На отметке (-35) – (-40) яма разделяется материковой перемычкой на два «отсека», получивших наименования «яма 7 северная» и «яма 7 южная». Ширина перемычки 0,3 м.

Яма 7 южная имела прямоугольную форму, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Стенки ее практически вертикальные, основное заполнение – плотный комковатый суглинок. На дне (-165) широкая ступень с плоской каменной плитой и почти квадратное углубление, заполненное глиной, замешанной с темно-красной охрой, и расчлененными костями человека, также окрашенными красной охрой. Это основное подкурганное погребение.

В северо-западной стенке основной ямы (яма 7 южная) на месте материковой перемычки зафиксированы три вертикально поставленных плиты. Нижние края плит были установлены на узкой ступеньке (шириной 0,1–0,15 м) вырезанной в этой стене. Основания плит углублены на 0,15–0,4 м относительно перемычки, их верх выше ее на 0,3–0,6 м. Они как бы маркируют юго-восточную стену ямы 7 северной. Соответственно яма 7 северная является более поздней, вводной по отношению к яме 7 южной. К этому выводу склоняют нас наблюдения за характером верхнего заполнения ямы 7 южной (рис. 3).

Яма 7 северная имеет прямоугольную форму (2,15×1,47 м), ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Северо-западная стенка ее вертикально опускается к дну до уровня (-147). Центральная и юго-восточная часть ямы имеет более сложную конструкцию. Юго-восточная стенка ямы 7 северной опускается вертикально вниз на 0,6 м, образуя на этом уровне горизонтальную ступень, шириной в полметра, несколько углубленную у основания. С этого же уровня в северо-восточной и юго-западной стенках ямы 7 северной прослежены подбойные углубления. Северо-восточное глубиной 0,2 м и шириной 0,8 м и юго-западное – 0,4 м и 0,8 м соответственно. Высота обоих 0,7 м. Таким образом, оказывается, что могильная камера ямы 7 северной с подбоями ориентирована поперек основной ямы (СВ-ЮЗ). Она подпрямоугольной в плане формы (1,83×0,8...0,9 м), имеет линзовидное дно до уровня (-150). Ширина «входной» юго-восточной части – 1,15 м, длина 0,9 м (от края каменных плит).

В заполнении ямы 7 северной четко фиксируется слой желтого суглинка мощностью до 0,2 м (остатки перекрытия?), начинающийся от края первой ступени и круто спускающийся вглубь камеры почти до противоположной стенки на глубину (-122) (нижняя граница). В заполнении ямы, в основном у северо-западной стенки встречались фрагменты бревен, лежащие как в продольном, так и в поперечном направлении, перекрывая большую часть костей мелкого рогатого скота и прерываясь к центру ямы.

Ниже уровня линзы суглинка в северо-восточном подбое обнаружены развал керамического сосуда, кости мелкого рогатого скота (ребра, позвонки, лопатки и кости ноги в сочленении) среди которых фрагменты железного ножа; там же найден небольшой фрагмент (2×1,5 см) тонкого деревянного изделия с бронзовой аппликацией в виде зигзага, сохранить который не удалось. В северо-восточном углу зафиксирован вертикально стоящий фрагмент бревна. Юго-западный подбой ограничивали четыре камня (три небольших плоских плитки и массивный уплощенный валун белого цвета, размерами 0,5×0,3 м) под наклоном, уходящие вглубь ямы; под камнями на дне ямы – череп и скопление костей детского скелета, лежащих беспорядочно. На черепе – бронзовая серьга, среди костей – фрагментированная железная пряжка.

Описание погребального инвентаря

Наконечник стрелы бронзовый, с внутренней втулкой, трехлопастной (рис. 3, 4). Головка короткая сводчатая. Длина 1,5 см, максимальная ширина лопастей 0,75 см. Сохранилось два опущенных жальца.

Бронзовый предмет, фрагмент (рис. 3, 6). Сохранившаяся часть — тонкая пластинка подтреугольной формы толщиной 0,1 см, размеры пластинки 1,7×0,8 см. Основание «треугольника» имеет следы слома и незначительно загнуто.

Нож железный однолезвийный (рис. 3, 7). Сохранился фрагментарно (длина 7 см) — плоский черенок и примыкающая часть полотна. Переход от черенка слабо профилирован со стороны спинки и в виде пологого уступа со стороны лезвия. Судить о форме спинки по сохранившейся части не представляется возможным.

Пряжка железная (рис. 3, 3). Сохранилась прямоугольная рамка (3×2,5 см) с «прикипевшим» язычком, не выходящим за пределы рамки. Плохая сохранность не позволяет описать изделие более тщательно.

Серьга бронзовая из тонкой проволоки, представлена фрагментом (рис. 3, 5). Проволока уплощена, ширина 0,2 см.

Сосуд керамический (рис. 3, 8). Фрагментирован, сохранился частично. Круглодонный, тулово шарообразной формы, шейка суженая и прямая, венчик приострен. Реконструируемый диаметр по шейке — 11,5 см, высота 14,2 см. Толщина стенок 0,6–0,8 см. На плечике широкая каннелюра, под ней поясok из перевернутых равнобедренных треугольников, заштрихованных горизонтальными линиями. Между треугольниками — вертикальные полосы, пересеченные косыми короткими насечками. Черепок сосуда плотный, внешняя поверхность залощена. Визуальный осмотр формовочной массы показал примеси мелкой дресвы и шамота.

Могильник Кизильский I, курган 2. Памятник расположен на правом берегу реки Урал в 2,6 км на ЮВ от юго-восточной окраины поселка Кизильское, у бровки первой надпойменной террасы, на берегу старичного озера (рис. 1, 2). Могильник занимает площадку берега, образованную изгибом русла старицы, представлен компактной группой курганов, расположенных вдоль линии берега на длину около 200 м и шириной 120 м.

Дешифрирование аэрофотоснимков выявило около 30 грунтовых курганов диаметрами от 8 до 16 м (в среднем 10–12 м), высотой до 0,6 м, с хорошо выраженными ровиками [2, с. 78, рис. 36]. Топографический план могильника, снятый в 2009 году, показал наличие 18 четко выраженных насыпей, зачастую наплывающих друг на друга, расположенных в виде вытянутого меридионально скопления (рис. 1, 4). Наиболее крупные курганы достигают в диаметре 12 м и в высоту 0,3 м, ровики вокруг насыпей шириной до 2 м и глубиной до 0,3 м от современной поверхности.

Охранные исследования могильника Кизильский I проводились в 2008–2011 годах. Раскопкам подверглись четыре наиболее разрушенных сооружения. Особенности погребального обряда и весьма скромные вещевые комплексы стали основанием для включения памятника в круг древностей Волго-Уральского варианта ямной культуры [5, с. 221–229; 7]. Самый крупный исследованный курган 2 содержал уникальные материалы по архитектуре курганной насыпи и погребальной обрядности раннего бронзового века. В основании курганной насыпи была зафиксирована погребальная площадка в виде своеобразного укрепления со стенами и рвом, центром которой являлась сложно устроенная погребальная камера (рис. 4, 1). В центральную часть этого кургана и в погребальную камеру были введены кочевнические погребения раннего железного века.

Курган 2 находился на углу мысовой площадки, в северо-восточной части некрополя. Насыпь округлая, уплощенной формы, вокруг нее — углубление рва, шириной 2–3 м. Современный диаметр насыпи составлял около 19–20 м, высота 0,4 м (рис. 4, 1). Наиболее четкие очертания вводных могильных ям были зафиксированы на уровне материка (–60) — (–65) от условного ноля (точка в 15 м на юго-восток от центра кургана) (рис. 4, 2). Основная могильная яма (яма 1) располагалась в центре подкурганной площадки, впускная яма 1а примыкала к ее северо-восточной стенке. Впускная яма 1б — с юго-запада практически соединена с ямой 1а, и врезана непосредственно в заполнение основной камеры, отличаясь чуть большей гумусированностью.

Соотношение впускных углублений спорно — на плане друг от друга они отделены полосой желтого глиняного грунта, отчасти заходящего в заполнение ямы 1б; профиль центральной бровки указывает лишь на более позднее сооружение ямы 1а по сравнению с древнеямным захоронением (яма 1).

Яма 1 а неправильной овальной формы, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Размеры на уровне материка 1,1×0,9 м. Дно ямы от вершины насыпи на глубине 1,15 м. Углублена в материк на 0,15 м. В северо-восточной части яма имеет пологое поднятие, неправильной в плане формы, шириной до 0,25 м. Дно ямы чашеобразное, подпрямоугольной формы, размерами 0,9×0,83 м. Возле южной и юго-западной стенок была зафиксирована глиняная обмазка, толщиной до 0,15 м; этот же слой, не прерываясь, заходит в заполнение ямы 1б. На дне ямы найдены скопления костей крупного рогатого скота (ребра, две лопатки) и человека — нижняя челюсть, часть плечевой кости и кости стопы в сочленении. Инвентаря не обнаружено.

Яма 1б. Границы ямы на уровне (–60) — (–65) отбивались от заполнения основной ямы по более гумусированному заполнению, очертания подпрямоугольной формы, длинная ось ориентирована по линии СВ–ЮЗ, размеры 1,25×0,88 м. Характер углубления проследить не удалось ввиду схожести грунтов заполнения. Дно на уровне (–85) — (–87). В яме зафиксированы костные останки человека и мелкого рогатого скота. Череп погребенного с нижней челюстью лежал в центральной части ямы, теменной частью вниз; большая часть скелета (ребра, лопатки, длинные и тазовые кости) располагалась в северо-западной части ямы в разрозненном состоянии за исключением зафиксированного анатомического сочленения коленного сустава.

Кости черепа и лопатка барана лежали южнее черепа погребенного на его лопатках и ребрах. Еще одно скопление костей мелкого рогатого скота — грудина и позвонки — между костями ног человека и северо-западной стенкой.

Проведенные антропологические определения костей показали, что они принадлежали двум индивидуумам — женщине (таз, нижняя челюсть (?) и стопы) и мужчине 40 лет (череп и нижняя челюсть, таз, грудина и ребра, длинные кости). В погребении были найдены: остатки железного однолезвийного ножа, предмет располагался в костях грудины барана; керамический сосуд 1 в юго-западном углу ямы на дне; керамический сосуд 2 — у черепа погребенного, к северу от него, стоял на дне.

Помимо этого среди костей мелкого рогатого скота найдены фрагменты керамического сосуда относящегося к синташтинско-аркаимской культуре, попавшего в яму 1б, вероятно, в ходе разрушения раннекочевническим погребением вводного захоронения эпохи средней бронзы [Малютин, 2009. С. 35].

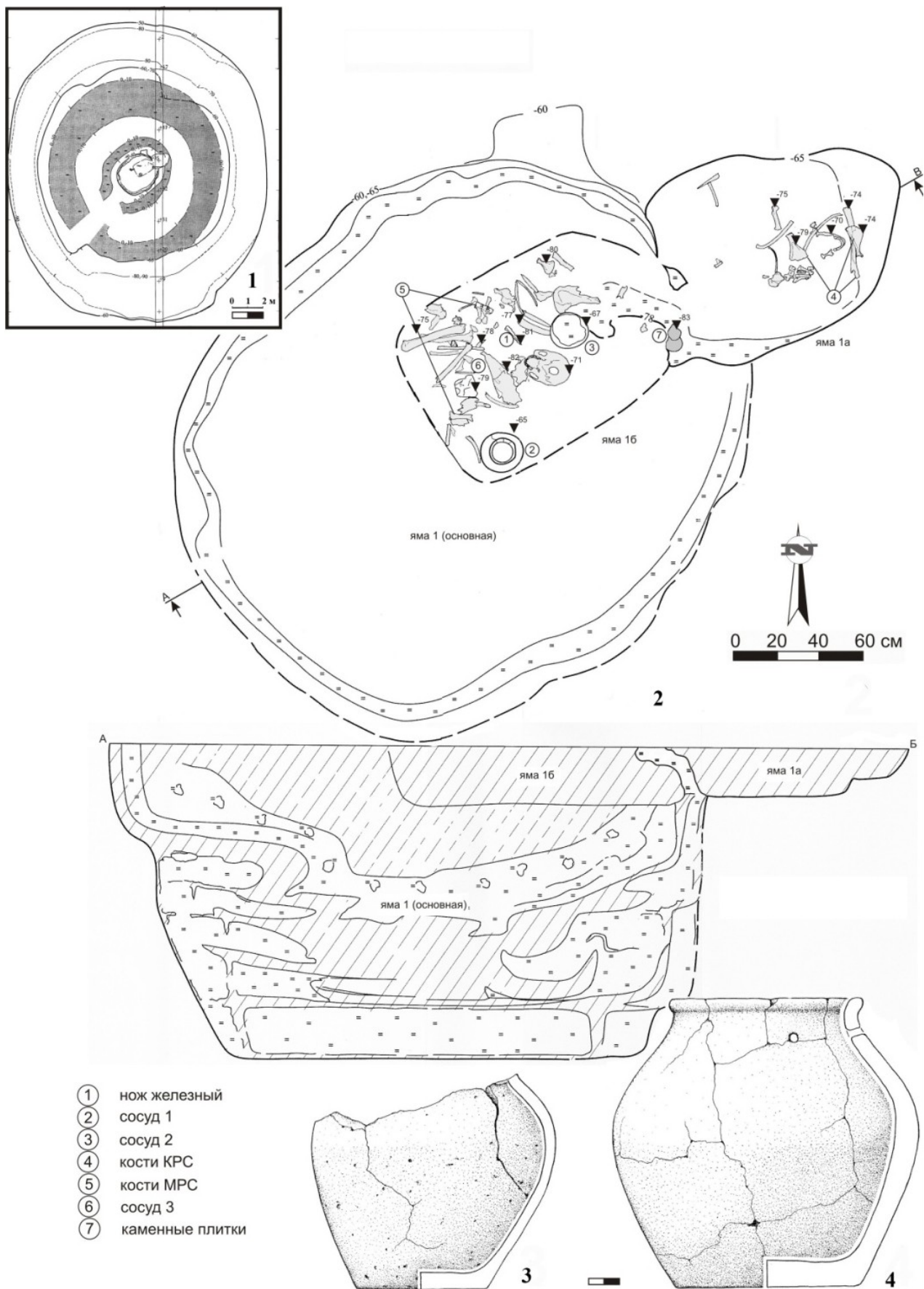

Рис. 4. Могильник Кизильский I, курган 2: 1 — план кургана на уровне материка; 2 — могильная яма (план и разрез); 3, 4 — погребальный инвентарь (3 — керамический сосуд 2, 4 — керамический сосуд 1)

Описание погребального инвентаря

Нож железный однолезвийный с прямой спинкой. Длина сохранившейся части 10 см.

Сосуд керамический 1 (рис. 4, 4). Лепной, плоскодонный, горшечного типа. Венчик округлый, отогнут наружу, профилировка хорошо выражена — сосуд биконический с максимальным расширением в средней части. Высота сосуда 14,4 см, диаметр венчика 9,7 см, доньшка — 9,1 см, максимальный диаметр тулова — 15,3 см. В двух см от края венчика два круглых отверстия (диаметры 0,5 и 0,7 см), расположенных друг напротив друга. Черепок расслаивается, толщина стенок 1,2–1,3 см. Внешняя поверхность заглажена, на ней и внутри следы нагара.

Сосуд керамический 2 (рис. 4, 3). Лепной, плоскодонный, горшечного типа. Верхняя часть сосуда сбита в древности. Максимальная высота сохранившейся части 10,7 см, диаметр доньшка 6,4 см, максимальный диаметр тулова 12,2 см. Тулово асимметрично. Черепок плотный, толщина стенок 0,8–0,6 см, заметно утолщается к доньшку. Внешняя поверхность заглажена, несет отпечатки травы. Внутренняя поверхность со следами нагара.

Описанные погребения по признакам погребального обряда и сопутствующему инвентарю следует отнести к раннесарматскому времени в степях Южного Зауралья.

Наиболее понятна интерпретация материалов из погребения кургана 2 могильника Калмыцкая Молельня. Захоронение было совершено в катакомбе с входом и могильной камерой, расположенными по одной линии. Первоначальный сценарий строительства был частично изменен. Грунтовый свод в ходе работ обвалился (сохранились его остатки над юго-восточной и северо-западной частями погребальной камеры) и был заменен на деревянно-каменное перекрытие. Последнее, вероятно, было устроено несколько ниже материкового уровня, о чем говорят большинство нивелировочных отметок и расположение части камней и фрагментов дерева под остатками свода. На перекрытие был уложен один из черепов лошади. Второй, судя по разнице залегания и наличия под ним слоя аналогичного выкиду, был уложен позже, после засыпки грунта над камерой. Его современное положение — ниже материкового уровня, как и разница в глубине залегания камней в яме, следствие позднего естественного разрушения перекрытия. Очертания северной части ямы были оконтурены оградкой из камней, уходящих основанием в заполнение могилы.

Кочевническое погребение Худолазского могильника было сооружено также в катакомбе, но иного типа — Т-образной — с погребальной камерой перпендикулярной своей длинной осью входной яме. Последняя частично размещена в верхней части заполнения ямы 7 южной, о чем свидетельствует нарушенность глиняного купола над погребением эпохи бронзы и иной характер грунта заполнения. Установка каменных плит, разделяющих погребения, относится также к эпохе раннего железа. После захоронения яма была перекрыта деревянным настилом и слоем желтого суглинка. Спустя какое-то время яма 7 северная была ограблена.

Соотношение впускных углублений в кургане Кизильского могильника остается неясным — одно это погребение или два. Под вопросом и количество погребенных. Принадлежат ли остатки двух индивидуумов одной — сарматской эпохе и были уложены в одной камере — коллективное погребение, или были захоронены в двух соседних могилах? Если керамический сосуд синташтинского времени,

обнаруженный в яме 1б, сопровождал синхронное ему погребение, то вполне вероятно, что один из костяков относится к эпохе средней бронзы, чье погребение было разрушено сарматским захоронением.

Обнаруженный инвентарь достаточно скромен и ограничивает возможности узкой датировки погребений. Наиболее вероятными представляются IV–III в. н. э., что соотносится с раннепрохоровским и прохоровским этапами [стадии С и D по А. Д. Таирову] зауральского варианта прохоровской культуры Южного Урала [9].

Литература

1. Батанина, И. М. Археологическая карта заповедника Аркаим. История изучения археологических памятников / И. М. Батанина, Н. О. Иванова // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск : Каменный пояс. 1995. С. 159–195.

2. Батанина, И. М. Археологический атлас Челябинской области. Вып. 1. Степь – лесостепь. Кизильский район / И. М. Батанина, Г. Б. Зданович, Н. В. Левит [и др.]. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во. 2003. 240 с.

3. Малютина, Т. С. Отчет. Курганный могильник Худолазские Курганы на Южном Урале. Исследования 2008 г. / Т. С. Малютина. Челябинск, 2009. 131 с.

4. Малютина, Т. С. Отчет. Исследование могильника Кизильский I в долине реки Урал в 2009 году (Челябинская область) / Т. С. Малютина. Челябинск, 2010. 113 с.

5. Малютина, Т. С. Исследования Кизильского комплекса памятников эпохи бронзы на Южном Урале: перспективы и возможности / Т. С. Малютина // Индоевропейская история в свете новых исследований : сб. тр. конф. памяти проф. В. А. Сафронова. М., 2010. С. 221–230.

6. Малютина, Т. С. Раскопки курганного могильника Худолазские Курганы на Южном Урале в 2008 году / Т. С. Малютина, Е. В. Куприянова, М. Р. Рафикова // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ. 2009. С. 26–31.

7. Моргунова, Н. Л. Периодизация и хронология ямных памятников Приуралья по данным радиоуглеродного датирования / Н. Л. Моргунова // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург : Изд-во ОГПУ. 2006. С. 36–42.

8. Стоколос, В. С. Научный отчет о результатах археологических исследований в 1968 году / В. С. Стоколос. Уфа, 1968.

9. Таиров, А. Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н. э. / А. Д. Таиров // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. V междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 3–21.

10. Хабдулина, М. К. Отчет. Археологическая разведка в зоне проектирования Караганского водохранилища. Археологические исследования на Южном Урале в 1977 году / М. К. Хабдулина, В. И. Зайтов, Т. А. Даниленко. Челябинск, 1977.

В. Н. Ягодин

К ВОПРОСУ О «САВРОМАТСКОЙ» МИГРАЦИИ VI–V ВЕКОВ ДО НАШЕЙ ЭРЫ НА ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ УСТЮРТ

Плато Устюрт в своей юго-восточной части имеет узкий длинный выступ, вытянутый в направлении с СЗ–ЮВ на 48 км, который постепенно понижается с отметок 125–127 м до 65–63 м. Если в верхней части выступ ограничен крутыми обрывами, то в южной части с восточной стороны неприступные обрывы сменяются поло-

гими склонами, плавно опускающимися до уровня древнеаллювиальной равнины, раскинувшейся у подножия плато Устюрт. Продолжением юго-восточного выступа является возвышенность Чаш тепе отделенная от основного массива выступа пологой седловиной и имеющая в длину 14 км (см. рис. 1).

На самом конце юго-восточного выступа, на протяжении 20 км, от его наиболее узкой части и до конца, сосредоточено большое количество археологических объектов различных категорий: древнехорезмийские фортификационные сооружения, городища, неукрепленные поселения, культово-погребальные комплексы, грунтовые и курганные могильники, отдельные курганы. Среди них выделена группа объектов, представляющих определенное единство, как в типолого-хронологическом, так и в этнокультурном отношении. Это курганные могильники: Казыбаба 1 группа 1, курган 2 (КБ, г. 1, к. 2); группа 3, курганы 2, 4 (КБ, г. 3, к. 2, 4); группа 4, курган 56 (КБ, г. 4, к. 56); группа 5, курганы 1, 2, 3 (КБ, г. 5, к. 1, 2, 3); группа 7, курган 1 (КБ, г. 7, к. 1); Казыбаба 2 (КБ 2): пять курганов не раскопанных, типологическая принадлежность предположительно установлена по внешним признакам. Курганные могильники: Дэвкескен 2 (не раскопан, возможная типологическая принадлежность установлена по внешним признакам); Дэвкескен 3, курганы 1, 2 (ДК 3, к. 1, 2); Дэвкескен 4, восточная группа, курганы 1–6 (ДК 4, вг, к. 1–6); западная группа, курганы 1–3 (ДК 4, зг, к. 1–3); Сызлыуй, южная группа, курганы 1, 2 (СУ, юг, к. 1, 2); северная группа, курганы 1–5 (СУ, сг, к. 1–5); одиночный курган Шемаха 1 (ША 1). За пределами юго-восточного выступа курганный группа Калалык, курган 2 (КЛ, к. 2) (рис. 1).

Десятки разведочных маршрутов по территории Устюрта, и проведенных археологических исследований могильников по всей территории плато позволяют говорить о том, что указанные курганы образует локальную группу, расположенную на ограниченной территории юго-восточного выступа. За пределами этой группы, но недалеко от нее, находится только один курган. Нигде более в пределах Аралокаспийского междуморья по материалам собственных работ и в доступных мне материалах других исследователей, аналогичные курганы не отмечены.

Анализ пространственного распределения курганов в группе позволяет установить весьма любопытную топографическую особенность. В центре группы находится курган ША 1 резко выделяющийся по своим метрическим данным. В поперечнике он имеет не менее 70–80 м, в высоту достигает 7–8 м и, вполне сопоставим по этому признаку с элитными курганами степей Евразии известными в скифо-сарматскую эпоху. Другие курганы группы располагаются вокруг большого кургана, одиночно или небольшими группами, по чинкам плато. В могильнике ДК 4, вг, они расположены относительно компактно, вытянувшись широтной цепочкой с интервалом между курганами 15–35 м. Общее количество учтенных курганов интересующего нас типа 28, из них к настоящему времени исследованы 22.

Погребальные сооружения в анализируемой группе разделены на три типа:

1. Коллективные, последовательные погребения в подпрямоугольных погребальных камерах ориентированных длинными сторонами по широте, с дромосами-входами с восточной стороны.

2. Коллективные, последовательные погребения в подпрямоугольных погребальных камерах ориентированных длинными сторонами по широте, без дромосов.

3. Одиночные погребения в подпрямоугольных погребальных камерах ориентированных длинными сторонами по широте.

Все три типа существуют одновременно часто в рамках одних и тех же могильников.

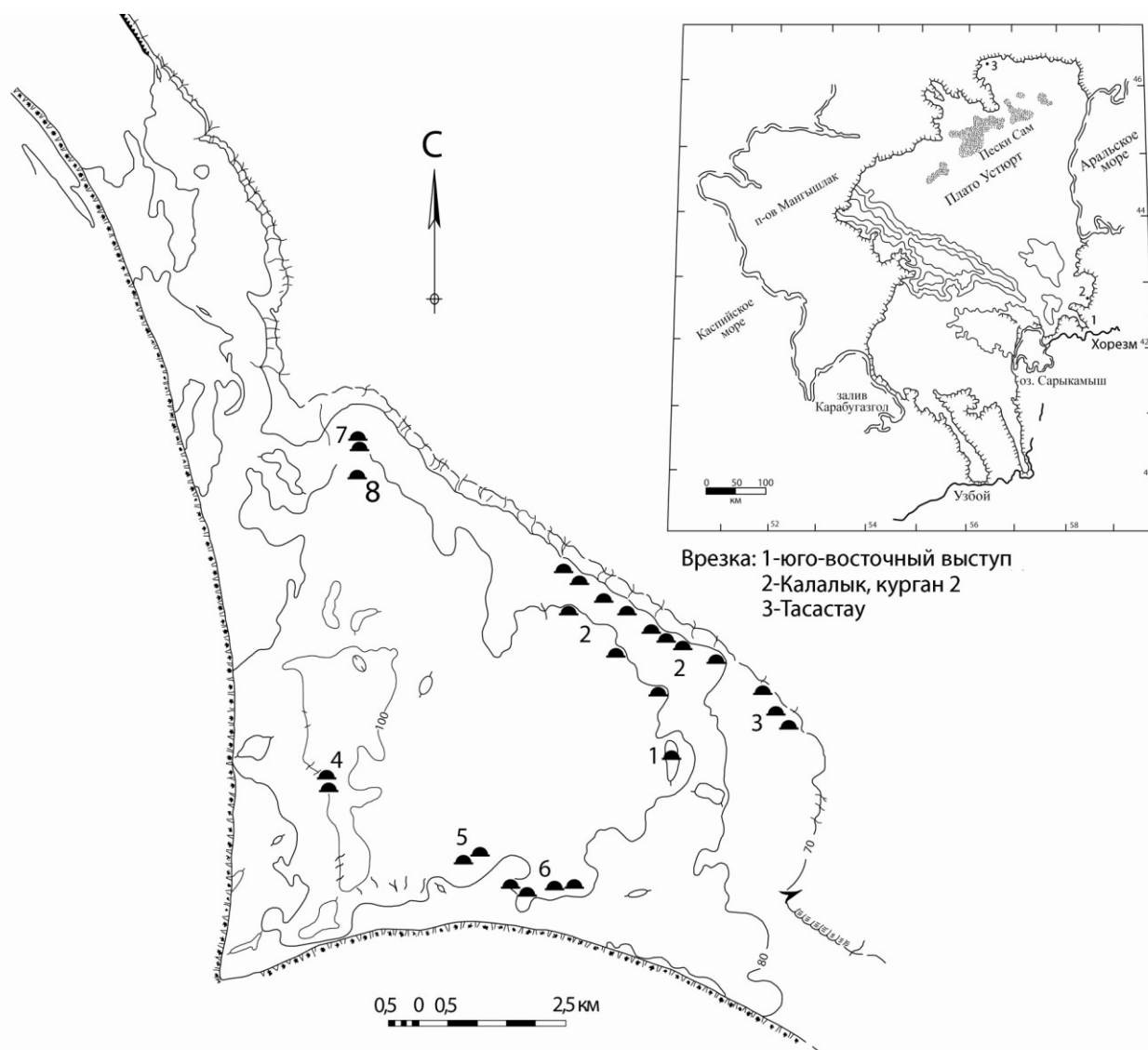

Рис. 1. Карта расположения памятников (конец VI — начало IV в. до н. э.) на юго-восточном выступе Устюрта.
 1 — Шемаха 1, курган одиночный; 2 — могильник Казыбаба 1; 3 — могильник Казыбаба 2; 4 — курганная группа Дэвкескен 2; 5 — курганная группа Дэвкескен-3; 6 — могильник Дэвкескен 4; 7 — могильник Сызлыуй, северная группа; 8 — могильник Сызлыуй, южная группа.
 Врезка: карта-схема Устюрт и Мангышлак: 1 — юго-восточный выступ Устюрта; 2 — группа курганная Калалык, курган 2; 3 — группа святилищ Тасаастау

Погребальный обряд

Тип 1 (рис 2, 3). К нему отнесены курганы: ДК 3, к. 1, 2; ДК, к. 1; КБ, г. 1, к. 2; КБ, г. III, к. 2; КБ, г. III, к. 4; КБ, г. VII, к. 1; КБ, г. VI, к. 3.

Насыпь, обычно большая грунтово-каменная, иногда со сложными подкурган-ными наземными каменными конструкциями. В большинстве случаев на уровне древнего горизонта различными способами выложено кольцо.

Отмечены несколько вариантов сооружения кольца. Первый способ (КБ, г. III, к. 4) — кольцо образовано валиком выкида из погребальной камеры, местами валик обложен камнем-плитняком. Второй — кольцо образовано вертикально установленными (КБ, г. VII, к. 1), или горизонтально уложенными (КБ, г. I, 2) каменными плитами. Третий — каменное кольцо из горизонтально уложенных каменных плит по периферии насыпи и кольцевая обкладка камнем устья погребальной камеры.

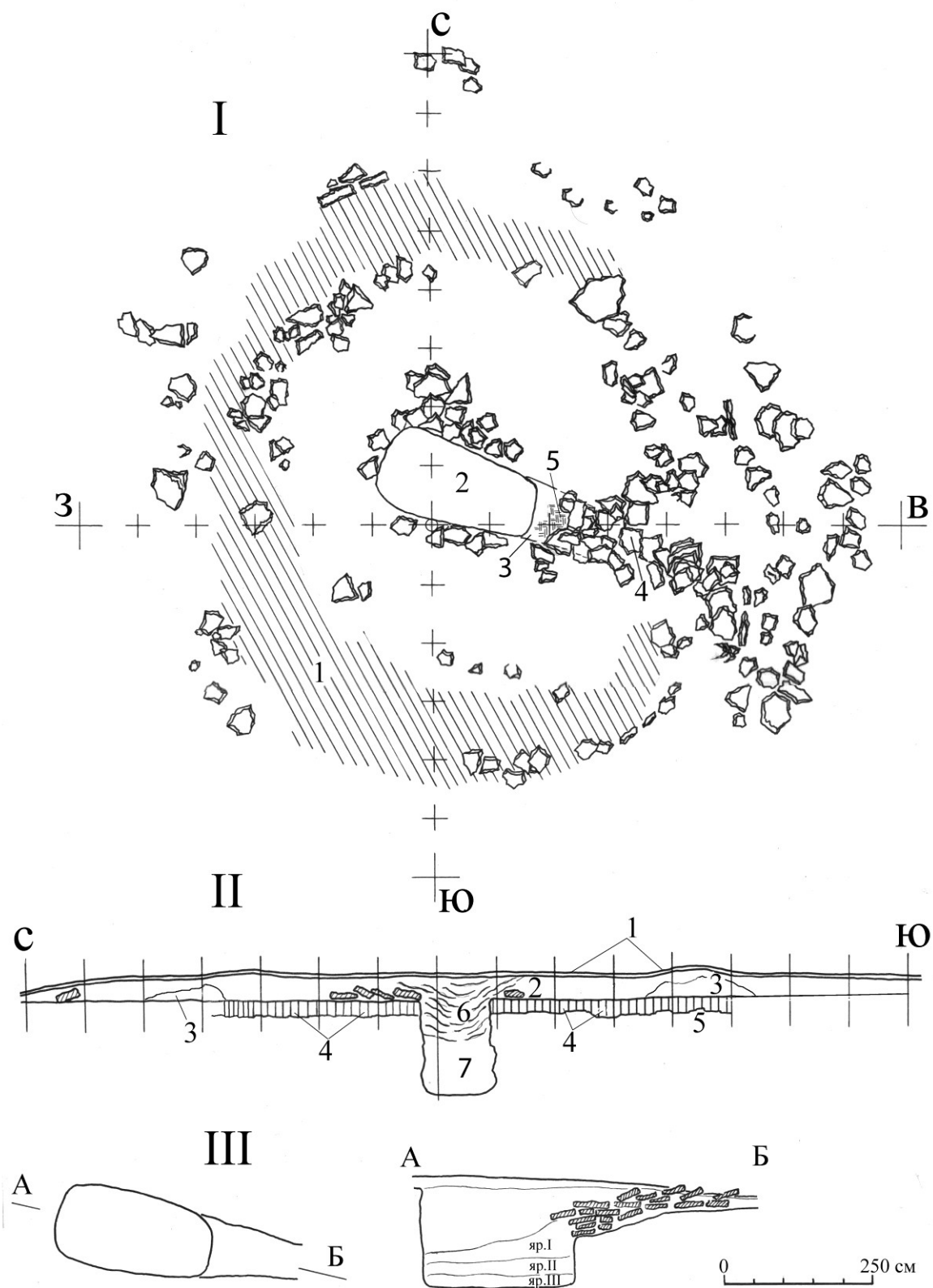

Рис. 2. Курганный могильник Казыбаба 1, группа III, курган 4.

I. План на уровне древнего горизонта: 1 — валик выкида (зеленая глина); 2 — погребальная камера; 3 — дромос, 4 — закладка дромоса, 5 — угли древесные.

II. Разрез С–Ю: 1 — корковый горизонт; 2 — плотный, красноватого цвета, песчанистый, сцементированный слой с полигональной трещиноватостью; 3 — валик выкида (зеленая глина); 4 — почвенный горизонт (материк); 5 — гипсовый горизонт; 6 — супесчаное, пылеватое с мелким щебнем и отдельными тонкими глинистыми прослойками заполнение погребальной камеры; 7 — погребения.

III. Погребальная камера и дромос, план и разрез А–Б

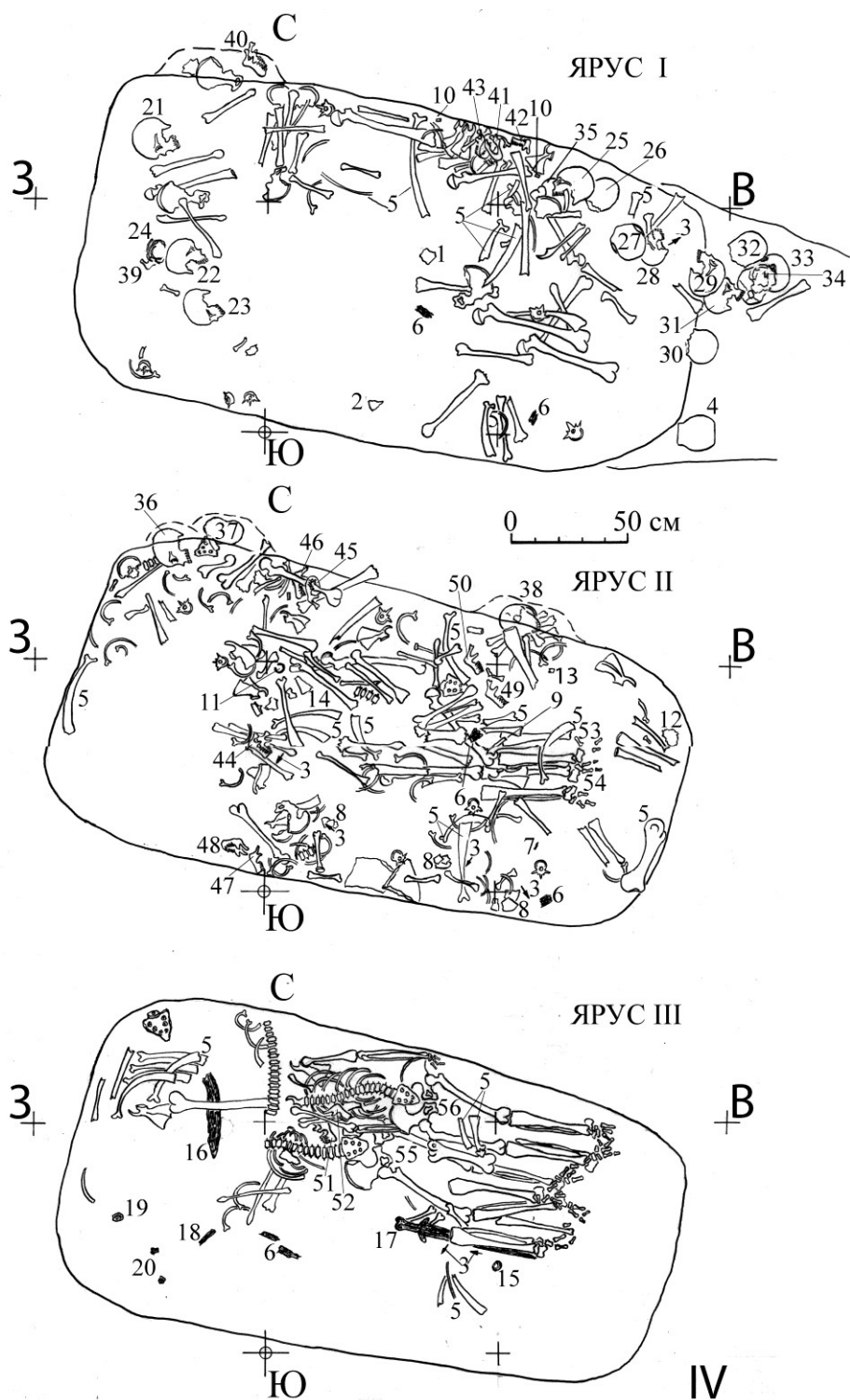

Рис. 3. Курганный могильник Казыбаба 1, группа III, курган 4. Поярусный план погребений.

1 — фрагменты бокала станкового, красноглиняного; 2 — фрагмент плоского, бронзового изделия; 3 — бронзовые наконечники стрел; 4 — сосуд лепной; 5 — кости животных; 6 — фрагменты железа; 7 — фрагменты бронзы; 8 — фрагменты плоского, бронзового зеркала; 9 — трубочка костяная; 10 — бусина; 11 — браслет бронзовый; 12 — фрагмент детского черепа; 13 — фрагмент станкового сосуда; 14 — кость со следами красной краски; 15 — бронзовое украшение; 16, 17 — меч железный; 18 — железный стержень; 19 — ядро каменное; 20 — камни черные; 21 — череп 1; 22 — череп 2; 23 — череп 3; 24 — череп 4; 25 — череп 5; 26 — череп 6; 27 — череп 7; 28 — череп 8; 29 — череп 9; 30 — череп 10; 31 — череп 11; 32 — череп 12; 33 — череп 13; 34 — череп 14; 35 — череп 15; 36 — череп 16; 37 — череп 17; 38 — череп 18; 39 — н. челюсть 1; 40 — н. челюсть 2; 41 — н. челюсть 3; 42 — н. челюсть 4; 43 — н. челюсть 5; 44 — н. челюсть 6; 45 — н. челюсть 7; 46 — н. челюсть 8; 47 — н. челюсть 9; 48 — н. челюсть 10; 49 — н. челюсть 11; 50 — н. челюсть 12; 51 — н. челюсть 13; 52 — н. челюсть 14; 53 — костяк 1; 54 — костяк 2; 55 — костяк 3; 56 — костяк 4

Единично отмечены локальный выкид зеленой глины (ДК 3, к. 1), зеленая глина выкида разбросанная тонким слоем и каменные плиты, беспорядочно разбросанные по этому слою по всей площади перекрытой насыпью (ДК 4, к. 1).

Вход-дромос расположен с восточной стороны кольца. Дромосы трех типов. Первый тип — входы-дромосы на уровне древнего горизонта в виде прохода расположенного с восточной стороны подкурганного кольца и выводящего к восточному торцовому краю погребальной камеры (КБ, г. I, 2; КБ, г. IV, к. 56 (?); КБ г. VI, к. 3). Второй тип — проход наклонно или через несколько ступеней опускающийся до дна погребальной камеры (ДК 3, к. 1, к. 2; ДК 4, к. 1). В начале дромоса обычно фиксируется закладка из камня, «запирающая» вход. Третий тип — округлая в плане яма у восточного торца погребальной камеры, отделенная одной ступенью от ее дна (КБ, г. VII, к. 1).

Погребальная камера расположена по центру насыпи. В плане она подпрямоугольная, или трапециевидная со скругленными углами, длинной осью ориентирована по широте с отклонениями в ту или другую стороны.

Погребения последовательные, каждое новое погребение сопровождалось нарушением предыдущего. В погребальной камере по произведенным подсчетам находилось от пяти до 20 погребений как взрослых индивидов обоих полов, так и детей различного возраста. Сохранившиеся полностью или частично в анатомическом порядке костяки позволяют судить о способах трупоположения. Единственной зарегистрированной позой является положение на спине, с вытянутыми конечностями. Погребенные ориентировались головой на 3.

Такая ориентировка характерна для савроматских погребений Приуалья [5, с. 5].

Погребальный инвентарь. По причине неоднократного нарушения каждого погребения при совершении последующих, а также вследствие ограбления кургана (возможно неоднократного) первоначальный состав и расположение погребального инвентаря, а также принадлежность сохранившихся предметов инвентаря тому или тому погребению установить, за некоторыми исключениями, не представляется возможным.

В наборах погребального инвентаря находились предметы вооружения: бронзовые наконечники стрел, железные мечи, принадлежности колчанов (железные колчаные крючки), костяные ложечки, различного типа бусы, бронзовые браслеты, бронзовые зеркала, бронзовые серьги, лепные и станковые сосуды, каменные жертвенники.

Пища заупокойная. В могильных ямах находились также кости коров и овец. Как правило, это был целый бок коровы или быка с передней ногой без копыта и бок овцы или барана также с передней ногой без копыта.

Тип 2 (см. рис. 4, 5). Представлен четырьмя курганами (ДК 4, к. 2; КБ, г. VI, к. 2; КБ, г. VI, к. 4; КБ, г. VI, к. 5).

Насыпь грунтово-каменная. На уровне древнего горизонта под насыпью находится кольцо во всех случаях с индивидуальными различиями, позволяющими выделить несколько вариантов.

Вариант 1 (ДК 4, к. 2). Кольцо на уровне древнего горизонта. В его основе зеленая глина, выброшенная из материковых слоев, вскрытых погребальной камерой. Сверху она перекрыта беспорядочной кладкой из известняка-плитняка. С внешней стороны кольцо обведено ровиком, ограничивавшим первоначальную насыпь. В пределах кольца, на уровне древнего горизонта, зафиксирован сплошной

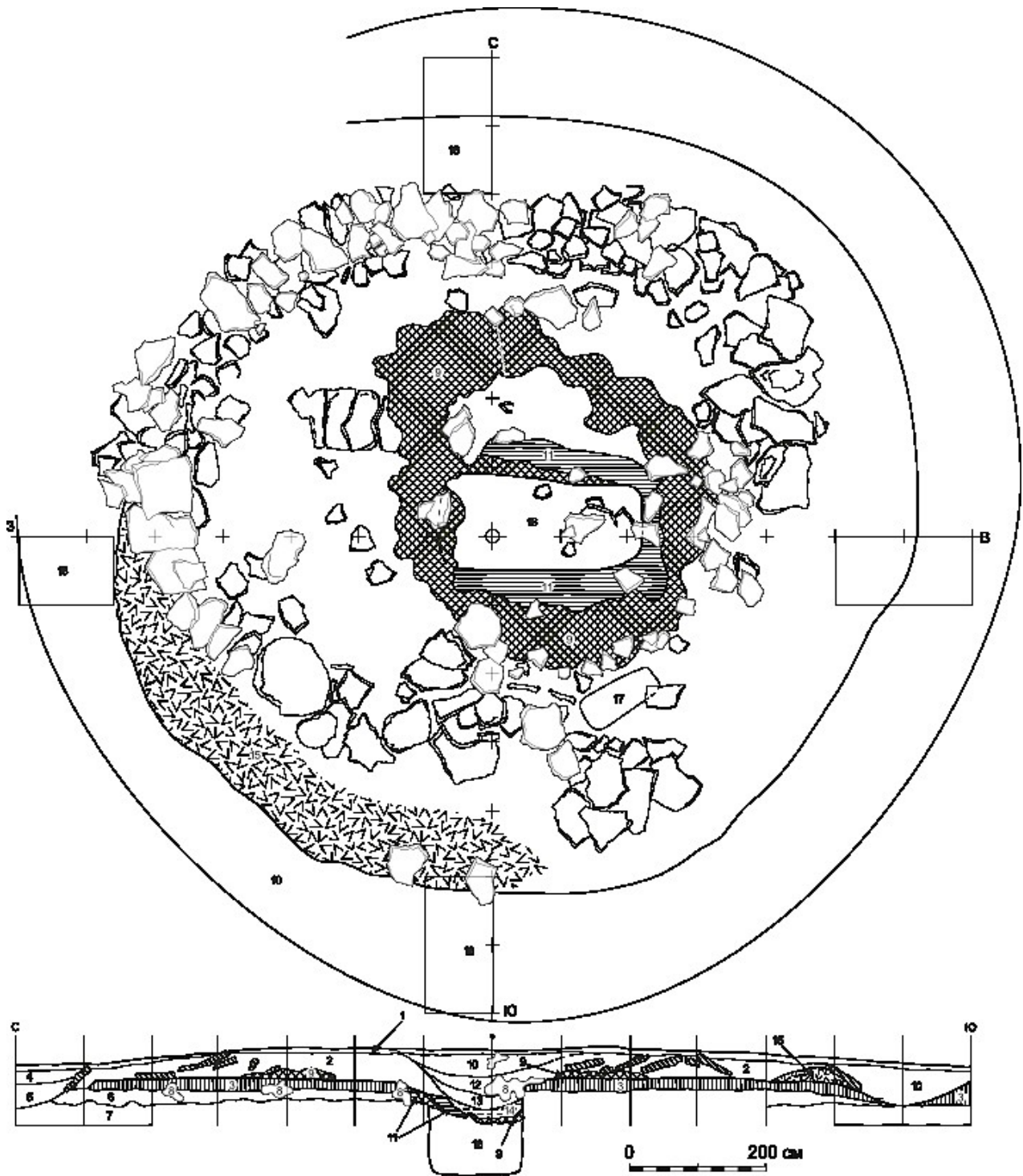

Рис. 4. Курганный могильник Дэвкескен 4, группа восточная, курган 2.

План по расчищенной насыпи, разрез С–Ю: 1 — корковый горизонт; 2 — насыпь курганная (перекопанный песчано-щебнистый грунт); 3 — почва погребенная (уровень древней дневной поверхности); 4 — супесь плотная, красноватая, цементированная солями железа с полигональной трещиноватостью; 5 — супесь щебнистая, в верхней части переработанная процессами дефляции; 6 — супесь щебнистая, огипсованная; 7 — гипсовый горизонт; 8 — кротовины; 9 — угли древесные; 10 — супесь серая, пылеватая, наваянная; 11 — грунт слабо прокаленный; 12 — супесчано-суглинистые натечные слои с тонкими, глинистыми прослойками; 13 — супесь серая пылеватая, наваянная с древесными углями; 14 — супесчано-суглинистые натечные слои с тонкими глинистыми прослойками и древесным углем; 15 — глина зеленая (валик выкида); 16 — ровик; 17 — известняковые плиты насыпи; 18 — впускное погребение; 19 — погребальная камера; 20 — траншеи

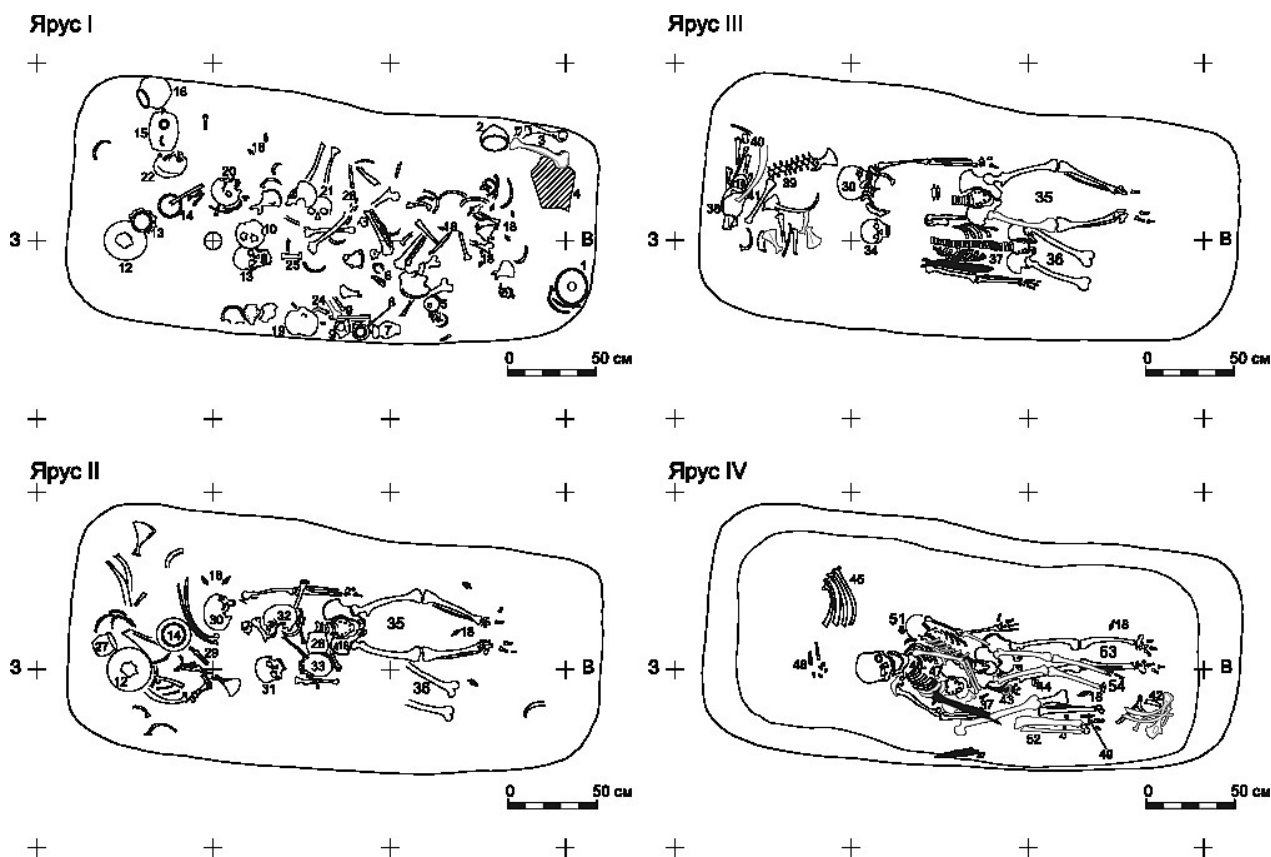

Рис. 5. Курганный могильник Дэвкескен 4, группа восточная, курган 2.

Поярусные планы погребений: 1 — миска станковая; 2 — чаша станковая; 3 — кости задней верблюжьей ноги; 4 — плита известняковая; 5 — сосуд миниатюрный, станковый; 6 — фрагмент железного предмета; 7 — сосуд лепной; 8 — сосуд лепной с трубчатым носиком; 9 — череп, позвонки, передняя нога (передняя часть туши барана с головой); 10 — зеркало бронзовое; 11 — фрагменты пластин бронзовых; 12 — кувшин станковый без горловины; 13 — горловина кувшина станкового; 14 — сосуд лепной; 15 — фляга станковая; 16 — сосуд лепной; 17 — кольцо железное; 18 — наконечники стрел бронзовые; 19 — череп детский 1 (обожженный); 20 — череп 2; 21 — череп 3; 22 — череп 4; 23 — череп 5; 24 — комок глины с отпечатком деревянного сосуда с орнаментом в виде косой сетки; 25 — ручка от бронзового зеркала; 26 — фрагменты истлевшего дерева; 27, 28 — сосуд лепной; 29 — нож железный; 30 — череп 9; 31 — череп 8; 32 — череп 6; 33 — череп 7; 34 — череп 10; 35 — костяк 1; 36 — костяк 2; 37 — меч железный; 38 — череп 11; 39 — кости барана (позвонки, лопатка, нога без копыта — половина передней части туши); 40 — ребра коровы (верблюда?); 41 — кости рыб; 42 — кости барана (таз, ребра — задняя часть туши); 43 — браслет бронзовый; 44 — пряслице керамическое; 45 — кости коровы (ребра, бок туши); 46 — разрозненные кости барана; 47 — бусина костяная; 48 — бусина; 49 — фрагмент меча (?) железного; 50 — баранья кость; 51 — крестец бараний; 52 — костяк 3; 53 — костяк 4; 54 — костяк 5

горелый слой из золы полуобгоревшего хвороста и обуглившимся толстым жердей, оставшихся вероятно от легкой шатровой постройки, возведенной над погребальной камерой и сожженной после ее заполнения. Возможные сопоставления — могилы с шатровым перекрытием и столбовой ямой в центре: Присарыкамьшская дельта, могильник Сакар чага 1 [1, с. 14–15]; Южное Приуралье — орская группа курганов [8, с. 37], Южное Зауралье [18, с. 33–34].

Вариант 2 (КБ, г. 6, к. 4). На уровне древнего горизонта из плитняка выложен неровный квадрат.

Вариант 3 (КБ, г. 6, к. 2, 5). На уровне древнего горизонта из плитняка выложена ограда в виде неровного кольца, а вокруг могильной ямы выложен неровный прямоугольник.

Погребальная камера расположена в центре насыпи. В плане она подпрямоугольная, или трапециевидная со скругленными углами, длинной осью ориентирована по широте.

Погребения располагаются в несколько ярусов одно над другим. В курганах находилось до 20 погребенных разного возраста — мужчин, женщин и детей. Курганы многократно вскрывались для каждого последующего погребения, при котором нарушались предшествующие. По частично сохранившимся костякам было установлено, что погребенные располагались на спине, вытянуто, головой ориентировались на З, кости рук вытянуты вдоль скелета.

Погребальный инвентарь. Предметы погребального инвентаря неоднократно перемещались с места первоначального расположения и, видимо, частично утрачивались. Среди предметов погребального инвентаря необходимо отметить, прежде всего, мечи железные, бронзовые наконечники стрел, бронзовые зеркала, ножи железные, пряслица керамические, браслеты бронзовые, бусины различного рода, керамические сосуды лепные и станковые.

Заупокойная пища. В качестве заупокойной пищи использованы в основном части туш крупного и мелкого рогатого скота. В могильную яму укладывался, обычно, целый коровий бок, часто с передней ногой без копыта. В погребение укладывалась также обезглавленная передняя часть туши овцы или ее половина с одной передней ногой без копыта. В отдельных случаях отмечается укладка передней части туши с головой.

Тип 3 (рис. 6). К нему отнесено 11 курганов (ДК 4, вг, к. 3–6; зг, к. 1–2; КЛ, к. 2 и СУ, юг, к. 1, 2).

Насыпь грунтово-каменная (ДК 4, вг, к. 5–6; зг, к. 2) в одном случае (ДК 4, вг, к. 6) на поверхности беспорядочная каменная наброска; каменная из беспорядочно набросанного известнякового плитняка (ДК 4, зг, к. 1); или грунтовая (ДК 4, вг, к. 3).

В одном случае (ДК 4, вг, к. 4) на уровне древнего горизонта под насыпью находится кольцо образованное зеленой глиной — выкидом из погребальной камеры. Внутри кольца зафиксирована беспорядочная каменная наброска. В кургане КЛ, к. 2 также кольцо на горизонте под насыпью, но более усложненное. Первоначально сформирован широкий кольцевой валик выкида из зеленой глины, на нем из плитняка выложена подквадратная в плане ограда, перекрытая супесчано-щебнистой насыпью. В курганах (СУ, юг, к. 1,2) под курганной насыпью находилась кольцевая ограда, сложенная из камня.

Погребальная камера располагалась в центре насыпи. В плане камера подпрямоугольная со скругленными углами, длинной осью в ориентирована по линии В–З, в двух случаях (ДК 4, вг, к. 6; КЛ, к. 2) ориентирована по линии СВ–ЮЗ.

В одном случае (ДК 4, вг, к. 4) по основанию северной боковой стенки устроена неширокая ступень. В двух других случаях в погребальных камерах имелись ниши. Такая ниша была сооружена в кургане 2 курганной группы Калалык. Она находилась в середине юго-восточной стены погребальной камеры. От дна камеры переход ко дну ниши через ступень, еще через такую же ступень в глубине ниши переход к ее наиболее глубокой части. В кургане 1 западной группы могильника Дэвкескен 4 неглубокие ниши были устроены в юго-западной торцовой стенке и частично на длинных боковых стенках погребальной камеры.

Погребение. Костяки в большинстве погребений этого типа частично или полностью уничтожены в процессе ограбления. По частично сохранившимся костякам было установлено, что погребенные располагались на спине, вытянуто, головой

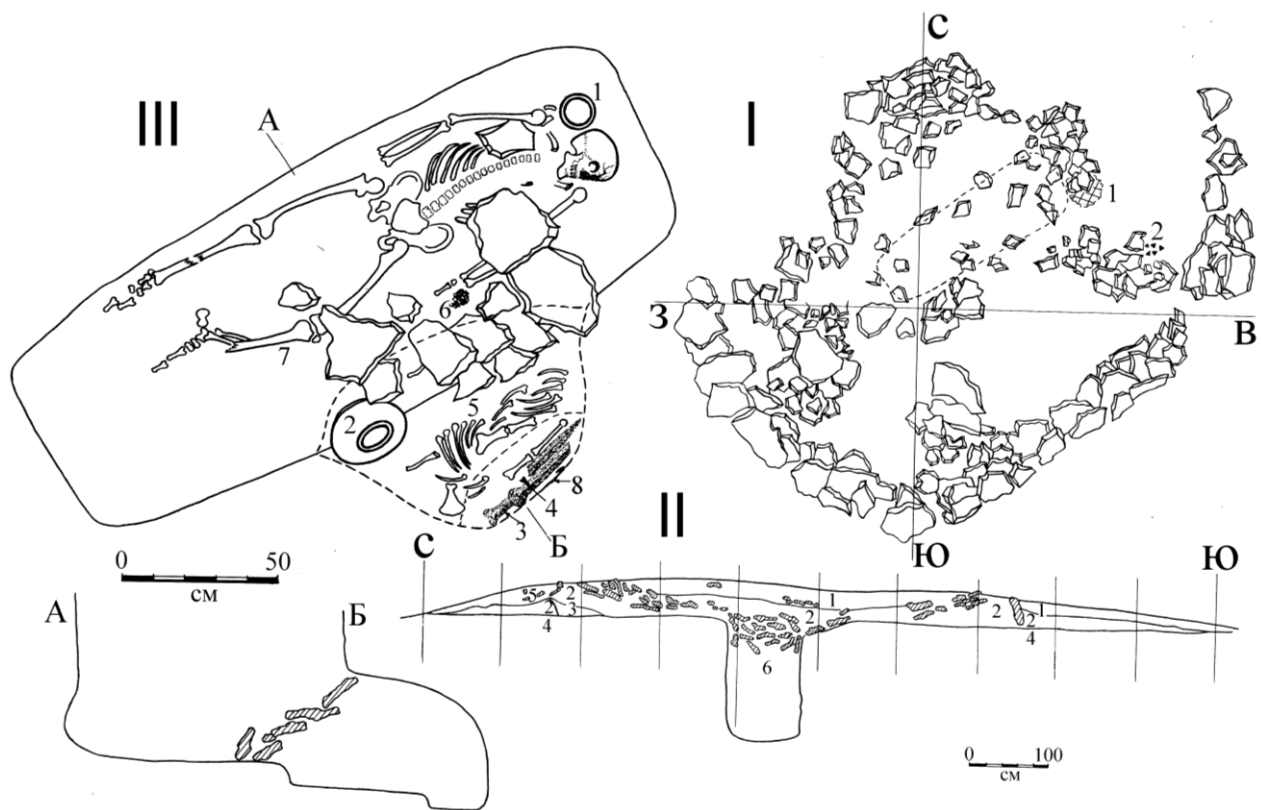

Рис. 6. Курганная группа Калалык 1, курган 2. I — план на уровне расчищенной насыпи.

1 — зольное «пятно»; 2 — фрагменты станковой керамики.

II — разрез С-Ю: 1 — натечно-надувные, песчано-глинистые отложения; 2 — супесь пылеватая со щебнем (насыпь); 3 — зеленая, комковатая глина (валик выкида); 4 — погребенная серо-бурая почва (уровень древнего горизонта); 5 — гипсовый горизонт (материк); 6 — засыпка погребальной камеры (суглинок, комки серо-бустрой почвы, гипса, зеленой глины).

III — план погребения и разрез А-Б: 1 — бокал, станковый; 2 — сосуд лепной; 3 — меч железный, преднамеренно переломленный; 4 — просверленный зуб животного (амулет); 5 — кости барана (половина передней части туши с ногой без копыта); 6 — зольное «пятно»; 7 — тлен древесный; 8 — крюк железный

ориентировались на З, руки вытянуты вдоль тела. В одном случае (КЛ, к. 2) костяк на дне камеры находился на спине, слегка развернут на левый бок, головой ориентирован на СВ (аз. 38°). Обе руки и правая нога вытянуты, левая нога была вытянута вперед и согнута в колене («атакующая» поза). В кургане СУ, юг, к. 1 помимо центрального погребения в погребальной камере находилось одновременное с ним погребение мужчины-воина, совершенное на уровне горизонта, погребенный ориентирован головой на ЮВ. Погребальный инвентарь представлен предметами конской упряжи и железным мечом.

Курганы с погребениями, расположенными подобным образом, неоднократно фиксировались исследователями савроматской культуры в ее самаро-уральском варианте [1, с. 88, 318, 319, рис. 25–26; 15, с. 29–35, 154; 11, с. 78–85, рис. 7, 8; 13, с. 5–12, рис. 2, 5; с. 35–42, рис. 15, 17] и рассматриваются обычно как свидетельство социальной стратификации савроматского общества в конце VI — V веке до н. э. Полагают, что перечисленные курганы содержали погребения вождей и их дружинников, которые набирались из ближайших родичей вождя, следовавших за своим господином в потусторонний мир. Тот факт, что сопровождающие погребения содержали богатый инвентарь, мало чем отличавшийся от инвентаря основного погребения,

позволяет исследователям говорить о том, что это были именно близкие вождю и его семье люди, а не рабы. Не исключается, что воины-стражники, сопровождавшие вождя в потусторонний мир, могли насильственно умерщвляться [1, с. 88, 318, 319; 11, с. 85; 13, с. 49].

Погребальный инвентарь и заупокойная пища. В результате ограбления почти всех курганов описываемой группы первоначальный состав и расположение погребального инвентаря установить не представляется возможным. В разграбленных погребениях обнаружены разрозненные кости овец и коров.

В наборах погребального инвентаря находились предметы вооружения: бронзовые наконечники стрел, железные мечи, принадлежности колчанов (железные колчаные крючки), костяные ложечки, различного рода бусы, бронзовые браслеты, бронзовые зеркала, бронзовые серьги или височные кольца, лепные и станковые сосуды, керамические пряслица, каменные оселки, ножи железные. Единственный не нарушенный комплекс погребального инвентаря имеется в КЛ, к. 2. Основная часть погребального инвентаря находилась в нише. В ее наиболее глубокой части вдоль стенки лежали железный колчаный крюк и железный меч, преднамеренно переломленный на две части. На мече находилась коронка зуба крупного животного, с просверленным в ней сквозным отверстием. На следующей ступени ниши лежали кости овцы. Судя по набору костей (ребра и позвонки, две лопатки, две пары костей ног без копыт), в погребение укладывалась передняя часть туши овцы без головы и без копыт на ногах. У входа в нишу стоял большой лепной сосуд. Вход в нишу был заложен камнями. За пределами ниши, у головы погребенного, находилась станковая чаша.

Из общей классификации выпадает курган 3 в западной группе могильника Дэвкескен 4, в котором находилось два костяка. Поскольку они смещены во время ограбления остается неясным, было это последовательное погребение или же оно было парным.

Материальная культура

Ограниченные рамки статьи не позволяют привести описание и анализ всей суммы имеющегося материала и вынуждают ограничиться описанием и анализом наиболее характерных для установления возраста и культурной принадлежности категорий предметов погребального инвентаря.

Мечи (рис 7, 1, 2) были обнаружены в курганах всех трех типов. Все четыре экземпляра полностью сохранившихся мечей, отобранных для анализа, принадлежат к группе коротких мечей с вытянуто-треугольным клинком ромбического или линзовидного сечения, длина которых колеблется в пределах 60–72 см. Вся группа анализируемых мечей, по классификации К. Ф. Смирнова, [12, с. 10–14] может быть отнесена к второму типу («мечи с бабочковидным перекрестием»).

По форме навершия (серповидное) выделен меч (КЛ, к. 2). Мечи подобного типа известны у скифов Среднего Приднепровья VI — первой половины V в. до н. э., у савроматов Поволжья второй половины VI — V века до н. э., в Южном Приуралье. В классификации К. Ф. Смирнова они выделены в отдел II, тип 2 и датируются в целом второй половиной VI — IV веком до н. э. [12, с. 18–20, табл. 3]. А. Х. Пшеничнюк описал аналогичные мечи, происходящие из курганов Восточных (Зауральских) районов Южного Приуралья, датированных в целом VII–IV веками до н. э. [9, с. 60, 67, табл. XLV, 13; L].

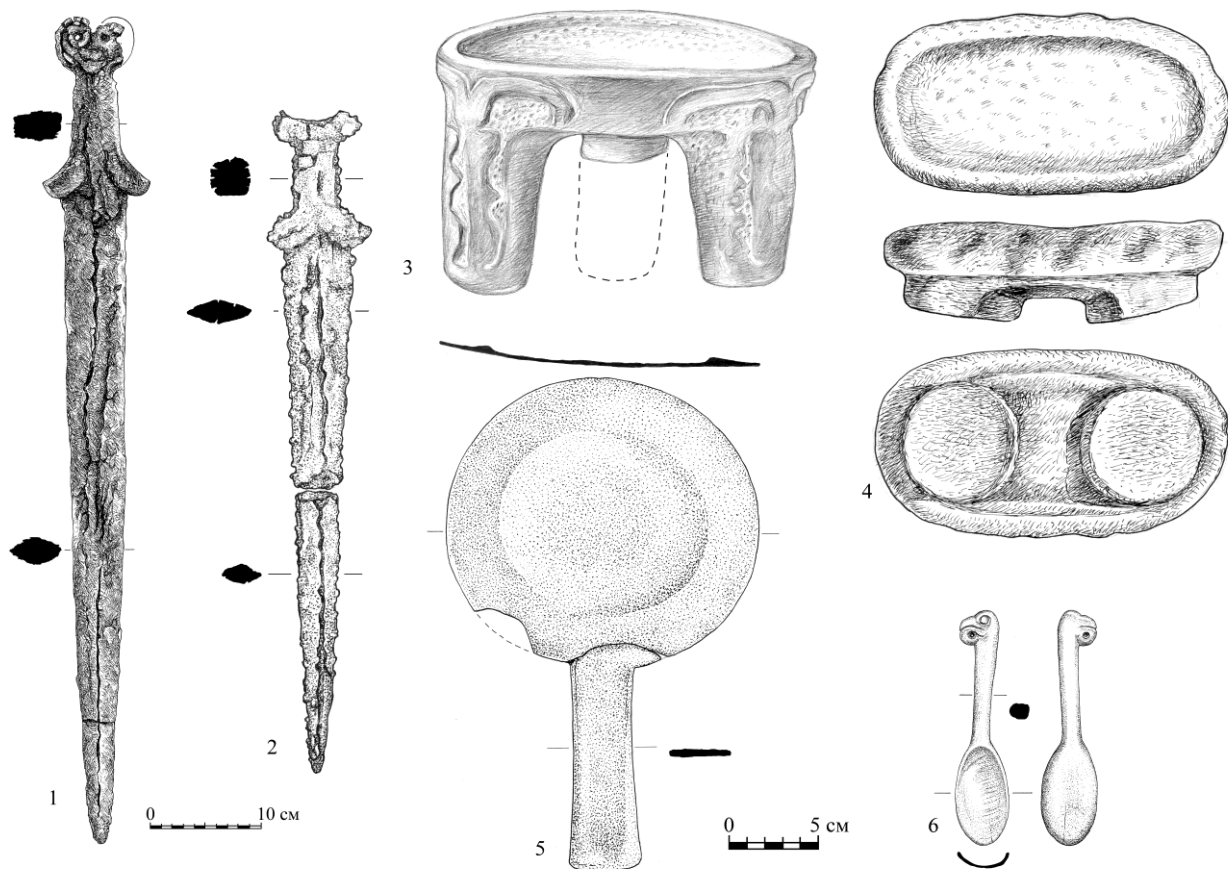

Рис. 7. Находки из погребений:

1 — меч железный (Казыбаба 1, группа III, курган 4); 2 — меч железный (Калалык 1, курган 2); 3 — жертвенник каменный (Казыбаба 1, группа IV, курган 56, нижнее погребение); 4 — жертвенник каменный (Казыбаба 1, группа VII, курган 1); 5 — зеркало бронзовое (Дэвкескен 4, группа восточная, курган 2); 6 — ложечка костяная (Дэвкескен 4, группа восточная, курган 1)

Как отмечено выше, в погребение меч был положен преднамеренно переломленным пополам. Многочисленные примеры преднамеренной порчи оружия мы имеем в погребениях древних кочевых племен степей Восточной Европы [1, с. 249; 2]. Ритуал преднамеренной порчи оружия, как явление культовой практики древних кочевников евразийских степей, является одной из характерных особенностей погребений воинской знати [4, с. 118]. Полагают, что этот обряд в Северном Причерноморье появляется не позже V в. до н. э. как одно из проявлений культа героев среди выдающихся воинов скифского общества [2, с. 16].

Два меча (ДК 4, вг, к. 2 и КБ, г. III, к. 4) имеют волютообразное навершие, со сквозным отверстием в центре волюты. Мечи имеют полные аналогии в савроматских материалах VI–IV веков до н. э. Зауральского (Челябинского, по районированию К. Ф. Смирнова) района. Меч, полностью идентичный мечу из памятника (ДК 4, вг, к. 2), происходит из кургана у деревни Старый комсомол [9, с. 62, 84, табл. LXV, 13].

Меч из памятника (ДК 4, вг, к. 1), с грибовидным навершием. По сумме признаков меч находит аналогии в савроматской культуре самаро-уральского варианта. Находки подобных мечей отмечены в Зауралье на крайнем северо-востоке ареала савроматской культуры во II Сибайских курганах [9, с. 94, табл. XI, 6; XIV, 16, 17, 18].

Зеркало бронзовое (рис. 7, 5) в виде диска с боковой, слегка расширяющейся к низу, ручкой. По краю диска слабо выраженное утолщение, треугольное в поперечном сечении, образовавшееся за счет проковки центральной части и края диска. Диаметр диска зеркала — 16,8 см (ДК 4, вг. к. 2). У савроматов такой признак, как проковка средней части и края диска, появляется еще в VI веке до н. э. [14, с. 32, табл. 28, 4]. Известно зеркало с боковой, расширяющейся к концу пластинчатой ручкой и прокованными серединой и краем диска (конец VI — V век до н. э.), происходящее из группы Бис-оба, курган 7 [Там же, табл. 28, 2]. К этому же периоду относятся и два аналогичных зеркала из IV Ивановских курганов [9, с. 97, табл. XXIX, 2] и из Альмухаметовских курганов [Там же, табл. XXXVII, 2]. Зеркала этого типа характерны лишь для савроматских комплексов самаро-уральского региона.

Жертвенники, или алтарики каменные (рис. 7, 3, 4). К анализу и классификации савроматских каменных жертвенников обращались многие исследователи [1, с. 162–170; 3, с. 25–43; 17; 4, с. 40–41]. В рассматриваемом материале имеются два экземпляра различных по типу артефактов такого рода. Первый (КБ III, к. 56) принадлежит жертвеннику в виде круглого блюда с низким, толстым бортиком, на трех высоких, круглых в поперечном сечении ножках. На внешней поверхности бортика и ножек стилизованные изображения, выполненные в низком рельефе. Диаметр предмета — 20 см, высота — 12 см. В имеющихся классификациях такие жертвенники выделяются в тип круглых, на трех высоких, круглых ножках, выполненных в зверином стиле и датируются они концом VI — V веком до н. э. [4, с. 40–41, табл. 25, 12–16].

Второй жертвенник (КБ VII, к. 1) представляет собой овальное в плане блюдо-корытце с низким толстым бортиком, на двух низких, круглых, массивных ножках изготовленное из серого песчаника. Аналогичный жертвенник происходит из кургана 9 Новокумакского могильника, который датируется V в. до н. э. [1, с. 164, рис. 74, 20].

Ложечка костяная (рис. 7, 6). Головка ложечки плавно переходит в длинную овальную в сечении ручку, на конце которой вырезана головка хищной птицы с мощным, загнутым крючком, клювом. Ложечка тщательно отполирована. Традиция зооморфного оформления костяных ложечек фиксируется в савроматской культуре в конце V — IV веке до н. э. Ложечки с зооморфным завершением ручки, находки которых отмечены в курганах IV века до н. э., имеют здесь характер реликта. Зооморфное навершие на них уже крайне схематично и стилизовано [1, рис. 41, 3д, 2д; 4, с. 38, табл. 18; 7, с. 40, табл. 26, 1].

Керамика станковая (рис. 8, 1, 4) представлена сосудами форм характерных для позднеархаической культуры Хорезма. Многочисленны находки мисок или чаш и сосудов типа небольших хумчей, аналогичных описанным для керамического комплекса первой половины V века до н. э. усадьбы Дингильдже [21, с. 129, рис. 38, 47–48; с. 122, рис. 36, 18, 20, 24, 26; рис. 40. С. 205–206].

Керамика лепная (рис. 8, 2, 3, 5, 6) представлена различными типами плоскодонных и круглодонных сосудов, часто имеющих трубчатый носик-слив, характерных для савроматских керамических форм. Орнамент в равной степени характерен для керамических комплексов VI–V веков до н. э. Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Из орнаментов необходимо отметить асимметричные, нерегулярные композиции, являющиеся одной из характерных черт декора савроматской керамики [1, с. 122].

Особый интерес представляет сосуд из впускного погребения кургана 2 могильника ДК 4. Он имеет широкую, низкую, вертикальную горловину, сплюснуто-

Рис. 8. Керамика из погребений:

1 – хумча станковая (Дэвкескен 4, группа восточная, курган 1); 2 – сосуд горшковидный, лепной (Калалык 1, курган 2); 3 – сосуд горшковидный, лепной (Дэвкескен 4, группа восточная, курган 2); 4 – бокал станковый (Дэвкескен 4, группа восточная, курган 2); 5 – сосуд круглодонный, лепной (Дэвкескен 4, группа восточная, курган 2); 6 – сосуд лепной с приостренным дном (Дэвкескен 4, группа восточная, впускное погребение)

яйцевидную форму тулова и приостренное дно. В формовочной массе примеси шамота и талька. На плечиках орнаментальный пояс из вертикальных зигзагов, нанесенных гладким штампом. Сосуд обладает рядом признаков, которые позволяют говорить о его тождестве некоторым формам савроматской лепной посуды происходящей из зауральских районов ее ареала. Аналогии уводят нас еще севернее в районы распространения лесостепных культур раннежелезного века иткульской, воробьевской, гороховской. А. Х. Пшеничнюк выделяет подобные сосуды во II группу, 1 тип савроматской лепной керамики Южного Приуралья [9, с. 100-101, табл. XXXII, 22; XXXIV, 7; XXXV, 16-17]. По мнению К. Ф. Смирнова, на северо-восточной окраине савроматского мира, подобная керамика появляется в результате контактов со степными и лесостепными племенами Зауралья и Западной Сибири, которые могли принадлежать племенам угорского происхождения [12, с. 70].

Хронология

Описанные выше три варианта обряда погребения находят весьма широкие как хронологические, так и территориальные параллели, что не позволяет использовать его в хронологических построениях. Вопросы определения хронологической позиции анализируемой группы археологических объектов успешно решаются на

основе анализа значительного и разнообразного набора погребального инвентаря, большинство предметов которого имеет весьма четкую хронологическую привязку. Вышеприведенный выборочный анализ предметов погребального инвентаря позволяет полагать период конца VI — начала IV века до н. э. как время использования интересующей нас группы курганов.

Заключение

Выше уже отмечалось, что анализируемые курганы образуют локальную хронологическую и культурную группу, расположенную на ограниченной территории юго-восточного выступа Устюрта, не имеющей предшественников в более ранних культурах Арало-Каспийского междуморья. Появляясь, в течение, какого-то сравнительно непродолжительного периода времени, в ограниченном районе Устюрта, на границе архаического Хорезма, она существует затем на протяжении не менее одного столетия. В свое время, когда было только начато изучение памятников описанного типа, было высказано предположение, что их появление на Устюрте могло быть связано с сезонными перекочевками [20, с. 79–80]. Сейчас, когда мы обладаем значительным материалом для анализа, появилась возможность несколько уточнить это предположение.

Курганы с многократными последовательными погребениями обычно связывают с оседлым или полуседлым образом жизни. В пользу того, что это не были скотоводы, передвигающиеся на длительные расстояния по меридиональным путям сезонных перекочевок, может свидетельствовать массовое наличие костей крупного рогатого скота в курганах. Население, которому принадлежала описываемая группа курганов, скорее можно рассматривать как полукочевых скотоводов, ведущих постоянное скотоводческое хозяйство при использовании отгонных форм. Учитывая, что описанная группа курганов не имеет предшественников в более ранних культурах Арало-Каспия естественно предположить, что она появляется на границах Хорезма в результате миграции, а наличие в комплексах погребального инвентаря артефактов южноуральского или даже зауральского происхождения указывает на вероятный исходный район этой миграции. Оседая на границах архаического Хорезма, мигранты переходят от круглогодичного кочевания к каким-то формам полукочевого хозяйства.

Вместе с тем курганы с одиночными погребениями, позволяют предполагать, что оседала только какая-то часть населения, в то время как другая продолжала кочевать между Южным Приуральем и, возможно Зауральем, и юго-западным Приаральем, используя некоторые районы Устюрта в качестве зимовочных территорий.

Период конца VI — начала IV века до н. э., вероятно, был временем сложения пастбищно-кочевой системы, объединившей Южное Приуралье и Юго-Западное Приаралье [16, с. 64 и сл.], в систему которой могли быть включены и такие культовые памятники Северного чинка Устюрта, как группа святилищ конца VI — V века до н. э. — Кайнар и Тасастау [10, с. 24 и сл.].

Литература

1. Смирнов, К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов / К. Ф. Смирнов. М. : Наука, 1964. 380 с.
2. Бессонова, С. С. О культе оружия у скифов / С. С. Бессонова // Вооружение скифов и сарматов. Киев : Наукова думка, 1984. С. 3–21.

3. Васильев, В. Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала / В. Н. Васильев // УАВ. Уфа, 1998. Вып. 1. С. 25–43.
4. Гуцалов, С. Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н. э. / С. Ю. Гуцалов. Уральск, 2004. 136 с.
5. Железчиков, Б. Ф. Ранние кочевники Западного Приуралья : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Б. Ф. Железчиков. М. : б. и. 16 с.
6. Мошкова, М. Г. Новокумакский курганный могильник близ г. Орска / М. Г. Мошкова // МИА. 1962. № 115. С. 204–241.
7. Мошкова, М. Г. Памятники прохоровской культуры / М. Г. Мошкова // САИ. 1963. Вып. Д1–10М.
8. Мошкова, М. Г. Сарматские погребения Новокумакского могильника близ г. Орска / М. Г. Мошкова // МИА. 1972. № 153. С. 27–48.
9. Пшеничнюк, А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала / А. Х. Пшеничнюк. 1983. М. : Наука. 199 с.
10. Самашев, З. Храм-святилище Кузьлууйк / З. Самашев, А. Онгар, Е. Оралбай [и др.]. Астана : Археология, 2011. 200 с.
11. Смирнов, К. Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время / К. Ф. Смирнов // Материалы по хозяйству и общественно-му строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 68–90.
12. Смирнов, К. Ф. Вооружение савроматов / К. Ф. Смирнов // МИА. 1961. № 101. М. : Наука, 1961. 162 с.
13. Смирнов, К. Ф. Орские курганы ранних кочевников / К. Ф. Смирнов // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. С. 3–51.
14. Смирнов, К. Ф. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья / К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко // Археология СССР. САИ, Д1–9. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 39 с.
15. Смирнов, К. Ф. Сарматы на Илеке / К. Ф. Смирнов. М. : Наука, 1975. 376 с.
16. Таиров, А. Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. / А. Д. Таиров. Челябинск : Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2007. 273 с.
17. Федоров, В. К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья / В. К. Федоров // УАВ. Вып. 2. Уфа, 2000. С. 21–75.
18. Хабдулина, М. К. Памятники раннего железного века Северо-Казахстанского Приишимья и их урало-сибирские параллели / М. К. Хабдулина // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа (репринты докладов и сообщений). Уфа, 1976. С. 33–34.
19. Яблонский, Л. Т. Коллективные погребения могильника Сакар-чага I / Л. Т. Яблонский // Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма (древность и средневековье) : в 2 ч. Ч. 2. М., 1992. С. 3–61.
20. Ягодин, В. Н. Курганный могильник Дэвкескен 4 / В. Н. Ягодин // Археология Приуралья. Ташкент : Фан. 1990. С. 28–81.
21. Воробьева, М. Г. Дингильдже. Усадьба середины I тыс. до н. э. в Древнем Хорезме / М. Г. Воробьева // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 9. М. : Наука, 1973. 220 с.

А. М. Сеитов

ИШИМСКИЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ФАЛАР

Прежде чем приступить к характеристике изделия, следует осветить историю, связанную с нахождением данного фалара*.

В 1997 году исследователями В. И. Мордвинцевой, Г. Б. Здановичем и А. Д. Таировым в журнале «Российская археология» № 4, была опубликована ста-

* Работа выполнена при поддержке гранта «Исследование древнего Торгая в контексте взаимодействия древних культур Евразии: палеэкономика, сакральный мир, транскультурные связи».

тья под названием «Фалар эллинистической работы с берегов р. Ишим». В статье было указано следующее обстоятельство нахождения фалара: «При разработке песчаного карьера в 2–2,5 км от ж.-д. станции Сурган Есильского района Акмолинской (ранее Целиноградской) области, на левом берегу реки Ишим в 1993 или в 1994 году был разрушен небольшой курган. По словам информаторов, в кургане были найдены серебряная с позолотой кольчуга, рукоять сабли и серебряный, позолоченный фалар. Современное местонахождение кольчуги и рукояти сабли не известно. Фалар был передан в археологическую лабораторию Челябинского государственного университета, где и находится в настоящее время» [17, с. 176–180].

Опубликованная находка должна была иметь себе пару, отличающуюся изображением, выполненным в зеркальном отражении, местонахождение которой долгое время было неизвестно в научном мире.

Второй фалар был случайно найден И. Т. Зайцевым в 1986 году при строительстве водозаборных сооружений на левом берегу реки Ишим, недалеко от совхоза Победа (с. Бузулук), расположенного в 10 км к югу от ж.-д. станции Сурган Есильского района Акмолинской области (рис. 1, а, б; рис. 2, а, б). Находка была передана в Аркалыкский областной музей степного края города Аркалык (Костанайская обл.), где и находится в настоящее время (КП 3837)*.

Фалар выкован из серебряного листа, местами покрыт позолотой, круглый, диаметром – 23,9 см. Сечение выпукло-вогнутое. Высота 3,7 см, вес 430 г, толщина 0,1–0,2 см. На оборотной стороне фалара расположены три дуговидные петли длиной – 3,2–3,8 см. Петли сделаны из толстой серебряной, округлой в сечении, проволоки диаметром – 0,3 см. Окончания петель расплющены и соединены с диском при помощи трех пар заклепок, шляпки которых зашлифованы на лицевой стороне фалара. Край изделия имеет утолщение в виде валика и вдавленный пояс в виде узкой полоски.

На лицевой стороне фалара, в центральной части, в высоком рельефе изображен лежащий лев, обращенный в правую сторону (рис. 2, б). Передняя часть хищника показана в анфас сверху, задняя – в профиль. Передние лапы с четырьмя когтями, задние – с тремя. Голова льва повернута и лежит на правой лапе. На лицевой части изображены глаза, в виде полукруглых выступов с углубленной точкой посередине, имитирующей зрачки. Уши сильно стилизованы, округлые с большими отверстиями, внешние края покрыты вертикальными насечками. Крупный нос в верхней части соединяется с массивными бровями, декорированными поперечными насечками. На шее грива показана в виде отдельных извивающихся прядей. Лопатки льва обозначены завитками, на спине проведены две тонкие линии обозначающие хребет. Хвост с кисточкой пропущен у изгиба задней правой лапы хищника. На правом бедре льва насечками в виде «елочки», по-видимому, изображена шерсть. Контуры лап также обозначены косыми насечками.

Вокруг льва изображен веноч, состоящий из 12 пучков листьев с плодами. В каждом пучке по семь лепестков и одному плоду. Листья узкие, длинные, заостренные и имеют посередине прожилку, обозначенную двумя линиями. Веноч можно разделить на две половины, в каждой по шесть пучков листьев с плодами. Первая половина полукругом, листьями вверх расположена по часовой стрелке. Вторая половина полукругом, листьями вверх расположена против часовой стрелки. Две

* Выражаю искреннюю благодарность и признательность Р. М. Касеновой за помощь в работе с фондами Аркалыкского областного музея степного края.

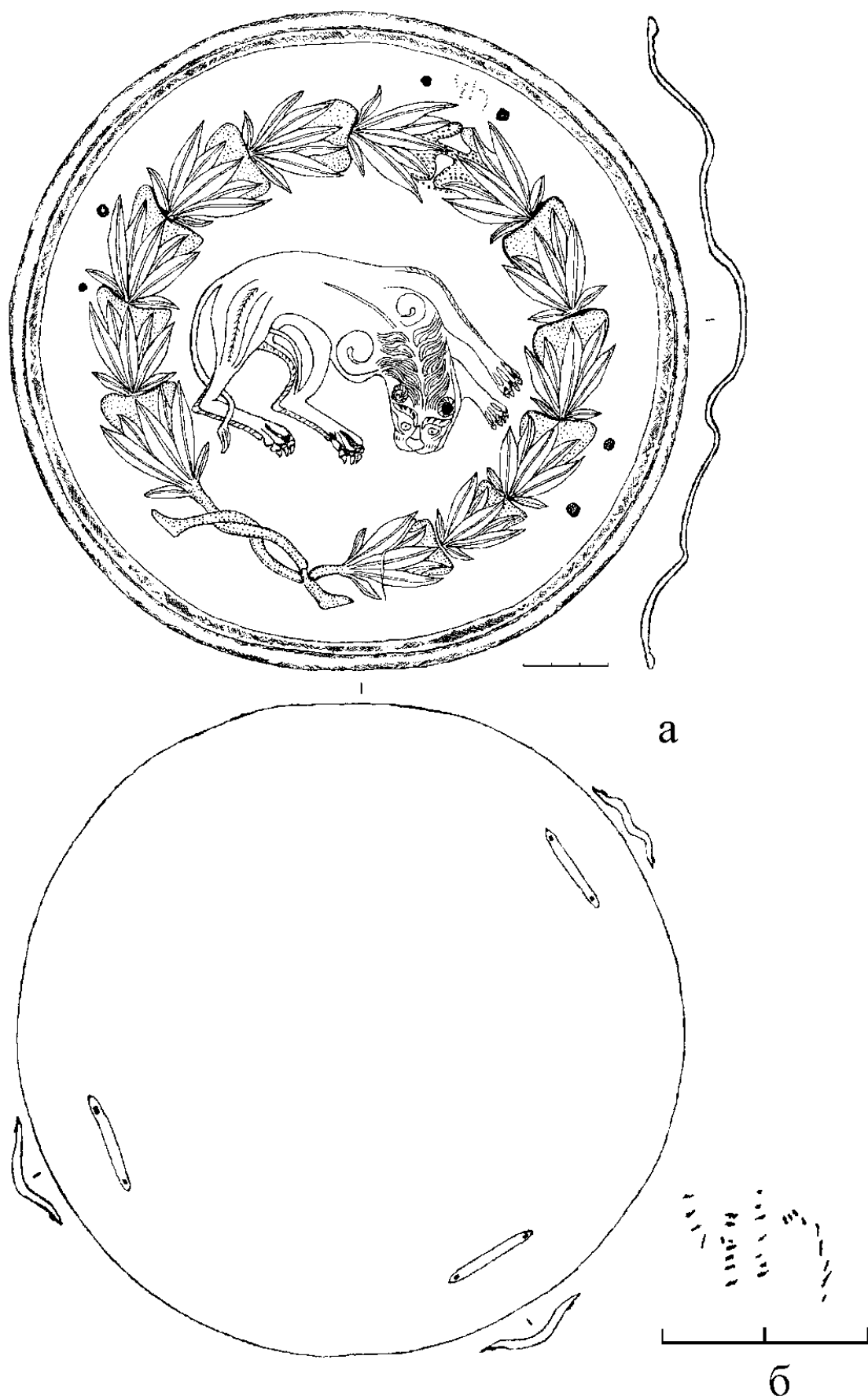

Рис. 1. Ишимский серебряный фалар: *а* — лицевая и оборотная стороны; *б* — надпись

а

б

Рис. 2. Ишимский серебряный фалар: а — общий вид; б — деталь лицевой стороны с изображением льва

половины венка соединяются в верхней части расположенными друг против друга верхушками листьев с плодами. В нижней части, в основании, ветви двух половин венка переплетены между собой. Плоды и веточки декорированы точечными наколками. В верхней части фалара, в месте соединения двух половин венка, плоды декорированы маленькими кружочками со сферическим бугорком посередине, оставленными пуансоном с трубочкой на боевой части.

Рельефные изображения, по-видимому, выкованы на матрице с обратной стороны фалара, а детали с лицевой стороны доработаны чеканом, резцом и пуансоном.

На лицевой стороне изделия, в верхней части, между двумя шляпками заклепок маленькими насечками нанесена надпись, состоящая из двух (?) знаков похожих на «ч» и «h». Следует отметить, что правая ножка знака «h» отделена от вертикальной левой и, возможно, является другим – третьим знаком (рис. 1, б).

Фалар поврежден, имеет вмятины, в нижней части венка, на левом плече, по контуру головы, шеи и живота льва имеются трещины. По-видимому, фигуру хищника пытались отсоединить от основной части фалара.

Ишимские фалары практически идентичны и отличаются только деталями. В отличие от своей пары, исследуемый фалар легче, имеет изображение, выполненное в высоком рельефе, фигура льва обращена в правую сторону.

Изделие относится к классу наплечных конских украшений (тип 1а – по классификации В. И. Мордвинцевой), представленных в комплексах, обычно, парой одинаковых экземпляров. Фалары были распространены в последние века до нашей эры и первые века нашей эры у евразийских кочевников от Центральной Азии до Восточной Европы [15, с. 54–56; 18, с. 51–61]. По форме, размерам, материалу, композиции и некоторым другим деталям ишимская находка близка фаларам «греко-бактрийского» стиля из погребения у села Володарка в Западном Казахстане, Новоузенска в Нижнем Поволжье, Сидоровки в Западной Сибири и коллекции Кунсткамеры [14, с. 12, 47, 141–142; 17, с. 179–180; 26, табл. 1–4].

Изобразительная композиция (венки, обрамляющий центральное изображение) характерна для эллинистического искусства [17, с. 179–180]. В эпоху эллинизма было характерно украшение металлических изделий из драгоценного металла и керамики растительным орнаментом. Одним, из часто встречающихся видов орнамента, были венки из листьев лавра, оливы, пальмы [17, с. 178; 26, табл. 1, 2, 9, 14, 31, 50; 28, с. 151; 31, fig. 35 A–D]. Исследователи В. И. Мордвинцева, Г. Б. Зданович и А. Д. Таиров считают, что венок, изображенный на фаларе с берегов реки Ишим составлен из пальмовых ветвей и плодов. М. Ю. Трейстер со ссылкой на G. Hübner считают, что данный венок составлен из листьев лавра или мирта [17, с. 177; 28, с. 139]. Стилизованный венок из листьев украшают фалары и чашу из коллекции Государственного Эрмитажа, фалары из Федуловского клада, Ахтанизовского клада и Успенской станицы в Северном Причерноморье, относящиеся к III–II векам до н. э. [26, с. 48, 70, табл. 1, 2, 14]. Серебряная чаша IV в. до н. э. из кургана 1 у села Прохоровка также декорирована гирляндой из стилизованных листьев [27, с. 148, 152, рис. 2]. Форма листьев с продольной жилкой на ишимском фаларе аналогична изображению листьев оливковой ветви на фаларе из клада у города Старобельск в Северном Причерноморье, а также на золотом сосуде II века до н. э. из коллекции Государственного Эрмитажа [26, с. 55–56, 103–104, табл. 9, 31]. Сходные изображения листьев и плодов на серебряных сосудах из кладов I и II в Музее Гетти, а также на стеклянной двухслойной чаше из кургана у станицы Государственной около города Моздок [Северный Кавказ; 26, с. 158–162, рис. 12; 31, fig. 69–70].

Изображение льва было широко распространено на Ближнем Востоке с IV тысячелетия до н. э. и в Древней Греции в классический и эллинистический периоды. Для данных изображений характерно терзание львом других животных. Данный сюжет широкое распространение получил в зверином стиле евразийских кочевников [9, с. 78; 8, илл. 39 д; 13, с. 93–94, илл. 300; 17, с. 178; 20, с. 355–398]. Выполненный на ишимском фаларе лев представлен одиночной фигурой, однако, его поза напоминает излюбленный кочевниками сюжет терзания хищником другого животного.

Некоторые детали композиции и технические приемы, также свидетельствуют, по-видимому, о влиянии звериного стиля на создание рассматриваемого изделия. Изображение лопаток льва завитками, трактовка мышц на крупе в виде дуговидной линии, изображение шерсти насечками и «елочкой» имеют аналогии в зверином стиле кочевников Евразии [1, с. 86, 100, 106; 20, с. 355–398, рис. 3, 11; рис. 5, 6, 8, 19; рис. 6, 2; рис. 12, 3; рис. 14, 4; 3, рис. 34, 71, 180, 182, 220; 24, с. 156–157, 160, 206]. С. И. Руденко считает, что изображения спиралевидных линий в виде «запятых», подчеркивающих плечи, дуговидных фигур на крупе животных, распространились под влиянием скотоводческих племен в подражание изображению фигур животных выполненных техникой аппликации из кожи и войлока, а изображение насечек – подражание швов. [23, с. 100–106].

Письменные знаки на фаларах с берегов реки Ишим идентичны. Исследователи В. И. Мордвинцева, Г. Б. Зданович и А. Д. Таиров интерпретируют надпись как греческие цифры $\Upsilon\eta$ обозначающие вес «408» [7, с. 369; 17, с. 178]. Данные надписи, по всей видимости, арамейские. Имперское арамейское письмо получило широкое распространение в Персидской империи от Ближнего Востока и Малой Азии до Индии и Средней Азии с середины I тыс. до н. э. Вышло оно из употребления только после распространения ислама [6, с. 306–309]. После распада Ахеменидской державы арамейский алфавит разветвился на многие виды письма, как для семитских языков (написание еврейское квадратное, набатейское, пальмирское, арабское, сирийское и др.), так и для несемитских: (написание пехлевийское (парфянское), авестийское, кхароштли, хорезмийское, согдийское, древнетюркское и др.) [6, с. 311–373; 7, с. 224–223; 21, с. 6–16; 29, с. 95–105].

Данная интерпретация ишимской надписи основывается на палеографических таблицах имперского арамейского и парфянского писем и вариантах прочтения парфянских и хорезмийских надписей исследователем В. А. Лившицем [6, с. 362, рис. 168; 10, с. 241, рис. 4; 11, с. 153–156; 21, с. 16]. Ишимскую надпись, по-видимому, следует читать справа налево. Сходство начертания многих букв имеющих разное значение и звучание, а также различные варианты написания одной буквы не позволяют однозначно прочесть рассматриваемую надпись.

В латинской транслитерации каждая буква рассматриваемой надписи имеет следующие варианты прочтения:

Буква похожая на «h»: t, s.

Буква похожая на «ч»: r, d, k.

Возможные варианты прочтения надписи:

tr; td; tk

sr; sd; sk.

Наиболее вероятно, надпись читается как tr или td. Следует отметить, что возможно иное прочтение. Буква похожая на «h» в надписи визуально разделена на два знака, которые могут являться двумя самостоятельными буквами, обозначающими в латинской транскрипции w и y. В таком варианте надпись читается как wуr или wуd.

Начертание и взаиморасположение букв на ишимском фаларе имеют сходства с надписями на сосудах и монетах из металла последних веков до нашей эры, найденных в Средней Азии, Казахстане, на Южном Урале, Западной Сибири и Восточной Европе [1, с. 54–60; 12, с. 43–56; 25, с. 193–194, табл. 87; 26, с. 67–113, табл. 14; 27, с. 152–153; 30, с. 335–336, табл. CLXVI]. Техника нанесения букв в виде пунктирных насечек на ишимском фаларе напоминает парфянские надписи, выбитые точечным пунктиром на золотой чаше из собрания Государственного Эрмитажа, на серебряных чашах из кургана 1 у села Прохоровка в Южном Приуралье и серебряной чаше № 3 из кургана 3 Исаковского могильника близ Омска, относящихся к III–II векам до н. э. [4, с. 98–106; 12, с. 55; 16, с. 155–157; 26, с. 68–71, табл. 14; 27, с. 145–153].

На серебряной чаше № 2 III–II веков до н. э. из кургана 3 Исаковского могильника, в хорезмийской надписи кроме указания веса чаши имеется слово, которое в латинской транскрипции можно прочесть как *tyru* [12, с. 52–53]. Буквы *t* и *r* сходны по начертанию с буквами на фаларе. В. А. Лившиц считает, что слово *tyru* означает имя или должность (социальный ранг). На одной из серебряных чаш из кургана 1 у села Прохоровка, переделанных в фалары, в парфянской надписи «*tašti Athromithr*» («чаша Атромитра») последние согласные буквы *t*, *r* схожи по начертанию и взаиморасположению с ишимской надписью [16, с. 156].

В этимологическом словаре иранских языков слова **ātr-*, *ātar* переводятся как «огонь». В согдийских, буддийских и манихейских текстах *tr [āt(a)r]* — «огонь» [22, с. 318–319].

Иное прочтение надписи на серебряной чаше из кургана 1 у села Прохоровка было предложено языковедом А. С. Аманжоловым. Данный исследователь считает, что это тюркская руническая надпись и переводит ее с древнетюркского языка следующим образом: «Позволь выбить (надпись)! Дважды очищаясь, взлети!». В данном контексте последнее слово «*ten*» переводится как «подниматься, взлетать» [2, с. 249–250].

Ишимская надпись имеет черты сходства с легендами на хорезмийских монетах, обнаруженных не только в Средней Азии, но и далеко за ее пределами в Поволжье, Приуралье, Прикамье [5, табл. I–VII; 30, с. 335–336, табл. CLXVI; 19, с. 36–83]. Ишимская надпись сходна с буквами на некоторых хорезмийских медных монетах (тип B²19 по Б. И. Вайнберг). На данных монетах представлено одно слово *w/z* у *k/r/*. В. А. Лившиц считает, что данное слово — имя и читается как *wir* (*wyr*) — «муж». Данные монеты, предположительно, относятся ко времени позже III века н. э. [5, с. 57, табл. II].

Интерпретация ишимской надписи, на данный момент, еще затруднительна и нуждается в дальнейшем анализе.

Таким образом, фалар относится ко II в. до н. э., изготовлен в среднеазиатском регионе мастером, использующим элементы эллинистической культуры и звериного стиля кочевников, и предназначался для украшения коня элитного всадника.

Литература

1. Акишев, К. А. Курган Иссык / К. А. Акишев. М. : Искусство, 1978. 132 с.
2. Аманжолов, А. С. История и теория древнетюркского письма / А. С. Аманжолов. Алматы : Мектеп, 2003. 368 с.

3. Артамонов, М. И. Сокровища саков / М. И. Артамонов. М. : Искусство, 1973. 280 с.
4. Балахванцев, А. С. Серебряная чаша из Прохоровки / А. С. Балахванцев, Л. Т. Яблонский // РА. 2006. № 1. С. 98–106.
5. Вайнберг, Б. И. Монеты древнего Хорезма / Б. И. Вайнберг. М. : Наука, 1977. 223 с.
6. Дирингер, Д. Алфавит / Д. Дирингер. М. : Иностран. лит., 1963. 656 с.
7. Истрин, В. А. Развитие письма / В. А. Истрин. М. : АН СССР, 1961. 396 с.
8. Колпинский, Ю. Д. Искусство Эгейского мира и Древней Греции / Ю. Д. Колпинский. М. : Искусство, 1970. 318 с.
9. Кузьмина, Е. Е. Сцена терзания в искусстве саков / Е. Е. Кузьмина // Этнография и археология Средней Азии. М. : Наука, 1979. С. 78–83.
10. Лившиц, В. А. Парфянские остраки из Коша-депе / В. А. Лившиц // СА. 1980. № 4. С. 232–243.
11. Лившиц, В. А. Парфянский алфавит / В. А. Лившиц // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М. : Наука, 1981. С. 53–56.
12. Лившиц, В. А. Три серебряные чаши из Исаковского могильника № 1 / В. А. Лившиц // ВДИ. 2002. № 2. С. 43–56.
13. Луконин, В. Г. Искусство Ирана / В. Г. Луконин // Искусство Древнего Востока. М. : Искусство, 1968. С. 85–96.
14. Матющенко, В. И. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье / В. И. Матющенко, Л. В. Татаурова. Новосибирск : Наука, 1997. 198 с.
15. Мордвинцева, В. И. Классификация фаларов конской упряжи 3 в. до н. э. — нач. 2 в. н. э. и типы парадного конского снаряжения у сарматов / В. И. Мордвинцева // Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар : Краснодар. гос. акад. культуры, 1998. С. 51–67.
16. Мордвинцева, В. И. О вторичном использовании ахеменидских блюд из Прохоровского кургана / В. И. Мордвинцева // РА. 1996. № 2. С. 155–159.
17. Мордвинцева, В. И. Фалар эллинистической работы с берегов р. Ишим / В. И. Мордвинцева, Г. Б. Зданович, А. Д. Таиров // РА. 1997. № 4. С. 176–180.
18. Мордвинцева, В. И. О формировании «Причерноморского графического стиля» на фаларах 2–1 вв. до н. э. / В. И. Мордвинцева, Е. В. Переводчикова // Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар : Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств, 2000. С. 51–63.
19. Мухамадиев, А. Г. Туранская письменность / А. Г. Мухамадиев // Проблемы лингвоэтноистории татарского народа. Казань : ИЯЛИ, 1995. С. 36–83.
20. Полидович, Ю. Б. Хищник и его жертва: выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода / Ю. Б. Полидович // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 3. Донецк : ДонНУ, 2006. С. 355–398.
21. Расторгуева, В. С. Среднеперсидский язык / В. С. Расторгуева, Е. К. Молчанова // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М. : Наука, 1981. С. 6–146.
22. Расторгуева, В. С. Этимологический словарь иранских языков / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. М. : Вост. лит., 2000. 327 с.
23. Руденко, С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани / С. И. Руденко. М. : Искусство, 1968. 131 с.
24. Тасмагамбетов, И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников / И. Тасмагамбетов. Алматы : Берел, 2003. 336 с.
25. Толстов, С. П. Древний Хорезм / С. П. Толстов. М. : МГУ, 1948. 444 с.
26. Тревер, К. В. Памятники греко-бактрийского искусства / К. В. Тревер. М. ; Л. : АН СССР, 1940. 178 с.
27. Трейстер, М. Ю. Произведения торевтики Ахеменидского стиля и на «Ахеменидскую тему» в сарматских погребениях прохоровского и филипповского курганных могильников в Южном Приуралье / М. Ю. Трейстер // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург : ОГПУ, 2008. С. 145–170.
28. Трейстер, М. Ю. Серебряные фалары с изображением Беллерофонты и Химеры из сарматского погребения в Володарке (Западный Казахстан). Еще раз к вопросу о так называемом греко-бактрийском стиле в эллинистической торевтике / М. Ю. Трейстер // Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 1. М. : Собрание. 2011. С. 90–146.
29. Эдельман, Д. И. Хорезмийский язык / Д. И. Эдельман // Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки. М. : Индрик, 2000. С. 95–105.
30. Ягодин, В. Н. Хорезм / В. Н. Ягодин, А. Б. Никитин, Г. А. Кошеленко // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М. : Наука, 1985. С. 319–337.
31. Pfrommer, M. Metalwork from the Hellenized East / M. Pfrommer. Malibu : J. Paul Getty Museum, 1993. 244 с.

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ
В УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЯХ
ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ**

Период, относящийся к гуннскому времени и к эпохе Западно-Тюркского Каяганата в урало-казахстанских степях, представлен весьма скромно. Накопление материала из числа традиционных погребальных комплексов V–VII веков с обрядом ингумации с необъятных территорий Урало-Поволжья, Центрального и Южного Казахстана происходит крайне медленно. На сегодняшний день известно чуть более десятка комплексов этого времени, расположенных на границе лесостепи и степи, от Заволжья до Западной Сибири, а также в пределах северной части степей Казахстана (Шипово, курганы 2, 3; Новоселки; Верхне Погромное; Энгельс (Покровск), курган 36, погребение 2; Ленинск; Авилов; Бережновка I, курган 111, погребение 1; Бородаевка; Переполовенка; Каменный Амбар, курганы 5, 6; погребение Аркаим; Городищенское IX, курган 5; Ераска; Сопка 2, погребение 688; Тугозново; Усть-Суерка; Кызыл-Адыр, Боровое, Канатгас, Кара-Агач, Каратобе II).

Ярким исключением в этой ситуации являются многочисленные комплексы, которые демонстрируют два наиболее крупных историко-культурных очага, расположенные в пределах лесостепей Урала и полупустынь Южного Казахстана. Речь идет о погребально-поселенческих памятниках турбаслинской и джетыясарской культур, которые охватывают исторический период с V по VIII вв. При этом просматривается очевидная их культурная взаимосвязь, в рамках которой существовали эти культурные эпицентры Урала и Арала. Поддерживалась ли она сезонной перекочевкой отдельных групп населения или эта связь сохранялась как система торгово-обменных контактов между двумя разноландшафтными хозяйственными зонами, сказать трудно. Думается, основа этого коммуникационного ареала лежала в этнокультурном единстве населения его северной и южной провинций, которое возникло с первых веков н. э. и существовало до VIII века. Это единство подтверждается не только наличием отдельных типов керамики, сходных с джетыясарской посудой в турбаслинских и бахмутинских памятниках Южного Приуралья, но и, что весьма важно, находками схожих оригинальных предметов культового назначения. Речь идет о зооморфной пластике на ритуальных керамических сосудах и антропоморфных изображениях в металле. Особенно поражает схожесть металлических мужских фаллических фигурок, обнаруженных в Алтынасарских, Бирском и Кушнаренковском могильниках.

Еще одной яркой параллелью урало-аральских памятников являются находки гончарной сетчатой керамики, сделанные в последние годы на городище Уфа II, аналогии ее уводят в Приаралье и на Сырдарью. В этой связи удивительный комплекс V века был исследован Ж. Смагуловым на юго-западе Актюбинской области, курган 1, могильник Каратобе II. Он относится к кругу джетыясарских памятников V века. Особая деталь погребения — сосуд с сетчатой резкой орнамента.

По своему внешнему облику эти сетчатые сосуды из городища Уфа II авторами исследований вполне справедливо соотносятся с раннеболгарским культурным влиянием на территории Приуралья. Следует заметить, что керамика этого облика встречена как в раннесалтовских погребальных комплексах юга Восточной Европы, так и в памятниках Приаралья, Сырдарьи и Западного Казахстана.

Гуннский и постгуннский облик несут на себе также некоторые известные южно-казахстанские и среднеазиатские комплексы: Шамси, Жаман-Тогай, Кызылкайнартобе, Актобе и другие, своеобразно маркируя некий эфталито-кидаритский ареал.

Основные черты погребальной обрядности позволяют говорить, что приведенные памятники в большинстве своем входят в единый горизонт, который характеризуют постгуннские традиции: узкие прямоугольные ямы, ямы с подбоем, погребения с северной ориентировкой, частая деформация черепа. Существенной инновацией является помещение, как правило, в ногах, а также сбоку на приступке жертвенников, чаще всего, в виде черепа и костей конечностей (шкура?) крупного и мелкого рогатого скота или верблюда, реже — скелетов коней. В первом случае эта черта сближает данные комплексы с некоторыми лесостепными и лесными памятниками Поволжья (именьковская культура: могильники Коминтерновский II, Ташкирменский) и Приуралья (турбаслинская культура: могильники Кушнаренковский, погребения 2, 27; Манякский, погребения 1, 8, 22; Новобикинский; Лагереvский, курган 10). Во втором случае традиция совершения погребения с целыми костяками лошадей в дальнейшем получила свое развитие в раннетюркских (болгаро-хазарских, аварских) памятниках Причерноморского ареала и Карпатского бассейна. Традиция положения костей черепа, конечностей и шкуры лошади на приступ — с боку от погребенного — получает свое распространение в лесостепной полосе Южного Урала, Западной Сибири и Восточного Казахстана, в комплексах с широтной ориентировкой, появляющихся в VII–VIII веках (могильники Манякский, Лагереvский, Бобровский, Ближние Елбаны XIV, Черноозерье, Жарлы, Чиликты, Егиз Койтас) и возможно отражает динамику становления другого историко-культурного комплекса (мадьярского, кимакского, кыпчакского (?)).

В целом, приведенные погребальные комплексы позволяют выделить в V–VI веках в пределах урало-казахстанских степей наличие некоторого переходного этапа, который условно можно назвать как ранне- или протоболгарский. По всей видимости, в этот момент происходит кардинальная смена основных векторов культурогенеза (гуннского и тюркского). Как нам представляется, это отразилось и на антропологическом облике населения региона. Реконструкции из курганов 5, 6 могильника Каменный Амбар демонстрируют в расовом облике женщины — уральский смешанный тип, мужчины — яркие черты центрально-азиатской монголоидности.

Раннетюркский период наиболее массово представлен степными памятниками. Это хорошо известные специалистам комплексы курганов с «усами» или памятники селенташского типа. Курганы с «усами» исследованы в четырех основных микрорайонах: сары-аркинский (Центральный Казахстан, Западное Поиртышье), улутауский, мугоджарский, зауральский.

На сегодняшний день известно более 300 комплексов этого типа. По нашему мнению, эти памятники представляют собой культово-погребальные комплексы, с трупосожжением на стороне — на, или над ритуальной площадкой, с последующим помещением погребальных остатков на открытом оконтуренном (организованном) пространстве. Нет смысла приводить характеристику и типологические

особенности данных памятников. Об этом подробнейшим образом было сказано в работах автора и его коллег. По нашему мнению, принципиально курганы с «усами» имеют два конструктивных типа. С одиночным центральным курганом и двойным, когда центральные насыпи располагаются по линии С–Ю. Иные сочетания (расположения центральных насыпей по линии З–В, наложение двух или более насыпей) чаще всего демонстрируют двойную планиграфию или стратиграфию комплекса. Памятники, первоначально выделенные как комплексы селенташского типа, представляют собой еще один конструктивный тип памятников этого круга. По сути, они являются объектами идентичными по архитектуре и функциональной нагрузке центральным курганам в комплексах курганов с грядами или «усами». Оригинальность им собственно и придает отсутствие последних составляющих элементов. Отсутствие «усов», по нашему убеждению, является либо фактом их разрушения, либо определенным хронологическим маркером. Первое довольно отчетливо подтвердилось в случае с эпонимными комплексами, Селенташскими курганами № 4 и 5. Первоначально они были опубликованы как отдельные комплексы селенташского типа. Однако позже при аэродешифровке данного микро-района было выявлено, что от курганов 4 и 5, расположенных по линии С–Ю, отходят грунтовые усы в направлении ВСВ.

Вероятнее всего, гряды были сnivelированы пашней, ранее расположенной на площадке памятника. Аналогично этому, после полного исследования составляющих частей кургана с «усами» Кызыл-Жар, были реконструированы его гряды.

При этом курганы селенташского типа существуют сами по себе. Чаще всего они располагаются либо в непосредственной близости с курганами с «усами» (Кызыл Жар, курган 3; Суходол, курганы 1–4; Городищенский, курганы 3, 4; Ижевский-2, курганы 5, 6), либо в единых с ними долинах (Александровский, курганы 1, 2; Крутой овраг, курганы 1, 3, 4).

Своеобразной диффузией традиции ингумации в среду селенташского степного населения можно считать и расположение вблизи комплекса с «усами» могильника Ижевский-2 кургана № 3 из Сары-Арки с погребением с СЗ ориентировкой и частей животных крупного рогатого скота (КРС) на боковой приступке. Такую же картину являет курган № 5 могильника Городищенский IX, который входил в единый комплекс с курганом с «усами» и курганом селенташского типа (курган 3). В нем располагалось погребение с северной ориентировкой, черепной деформацией и частью скелета (шкура?) верблюда (череп, часть позвоночника, ребра, одна конечность) на приступке. Он датируется по характерной, бесщитковой сегментовидной с прямыми боковыми дужками железной пряжке с выступающим язычком в пределах V–VII вв.

И, наконец, наиболее ярким степным комплексом, интегрирующим эти две магистральные традиции, является известный курган 19 комплекса Канаттас, где в центральном кургане комплекса с грядами было совершено групповое погребение с северной ориентировкой с черепами и конечностями крупного и мелкого рогатого скота в юго-восточном углу.

В связи с тем, что среди коллег, несмотря на очевидные нестыковки в историко-культурной интерпретации памятников этого типа продолжает сохраняться определенный скепсис, нами проделано выборочное датирование по С14, по углю, кости и керамике из группы курганов Южного Зауралья. Насколько можно судить по результатам, наиболее раннюю, фактически синхронную позицию занимают курганы Сарбулат, курган 2 и Суходол, курган 5: при вероятности 68,2 % они датируются в пределах начала V — начала VII в. с пиком в середине VI в.

Следующую дату за ними занимает курган 14 Кайнсай и Городищенский IX, датированный по фрагментам большого сосуда, вазам и углю: при вероятности 68,2 % – середина второй половины VI – середина и конец VII с пиком на рубеж VI–VII веков.

Наиболее поздняя дата получена по углю, взятому с погребенной площадки кургана 2 группы Суходол и по керамике из кургана 5 Селенташ, с вероятностью 68,2 % – конец VII – конец VIII с пиком на рубеж VII – середину VIII века.

Таким образом, полученные даты указывают на то, что эта серия курганов с «усами» существовала в период существования раннетюркского горизонта, по крайней мере, в пределах южноуральского микрорайона в рамках конца V – VIII века.

В целом селенташские традиции формировались на широком историко-культурном фоне в среде центрально-азиатских кочевников, о чем достаточно много говорилось автором. Однако присутствие в некоторых из них (Селенташ, курган 4; Кайнсай, курган 14) керамики кушнаренковского типа, а также нахождение этого типа керамики на северо-казахстанском пограничье, в поселении Берсуат (рис. 1, I, 2) фактически не случалось. Особо акцентирую на том, что столь раннее присутствие материалов кушнаренковского круга формируется лишь здесь на зауральско-казахстанском пограничье. По тому, как специалистам хорошо известно, что наиболее ранние памятники распространены в среде оседлого населения лесостепной полосы из пределов Исетско-Тобольского в бассейн рек Белая и Кама (рис. 1, I, 1). Появление материалов этого типа в VI–VIII вв. далеко в степной зоне позволяет осторожно говорить о некоем протомадьярском присутствии в среде урало-казахстанских кочевников в период существования Западно-Тюркского Каганата. Однако эта тема требует своего особого осмысления.

Неожиданное подтверждение мысли о существовании некоей долговременной культурной коммуникации зауральской лесостепи с ареалом степных кочевников получило в материалах погребального комплекса Уелги, исследование которого продолжается последние четыре года. Как известно, в целом памятник датируется более поздним временем – IX–XI веками, однако бросается в глаза тот факт, что наряду с традиционным средневековым материалом, характерным для лесостепных районов Башкортостана и Прикамья, здесь присутствует яркий степной кочевнический комплекс, аналогии которого уводят на Запад и на Алтай, Восточный и Центральный Казахстан. Первоначально это просматривалось в ярких урало-алтайских параллелях, в вещевом материале. При этом стационарные исследования выявили целую серию погребений с трупосожжением, что не характерно для уральской традиции этого времени. Особенно ярко этот комплекс проявился в могильнике Уелги, курганы 1 и 1а. По внешнему облику (подпрямоугольная обваловка, ограды, присутствие продуктов огня и жертвенников на подкурганной площадке, сочетание категорий предметов – колчан и конская узда) эти курганы демонстрируют все те же селенташские традиции. Неразграбленные погребения, обнаруженные в них, ярко демонстрировали обряд трупосожжения, а также своеобразные тайники-жертвенники.

Приведенный экскурс позволяет говорить, что процессы культурогенеза, имеющие место в пределах урало-казахстанских степей в постгуннское, раннетюркское время (V–VIII вв.) и в последующий период, демонстрируют две основные тенденции. На фоне продолжающих свое развитие с позднесарматского времени

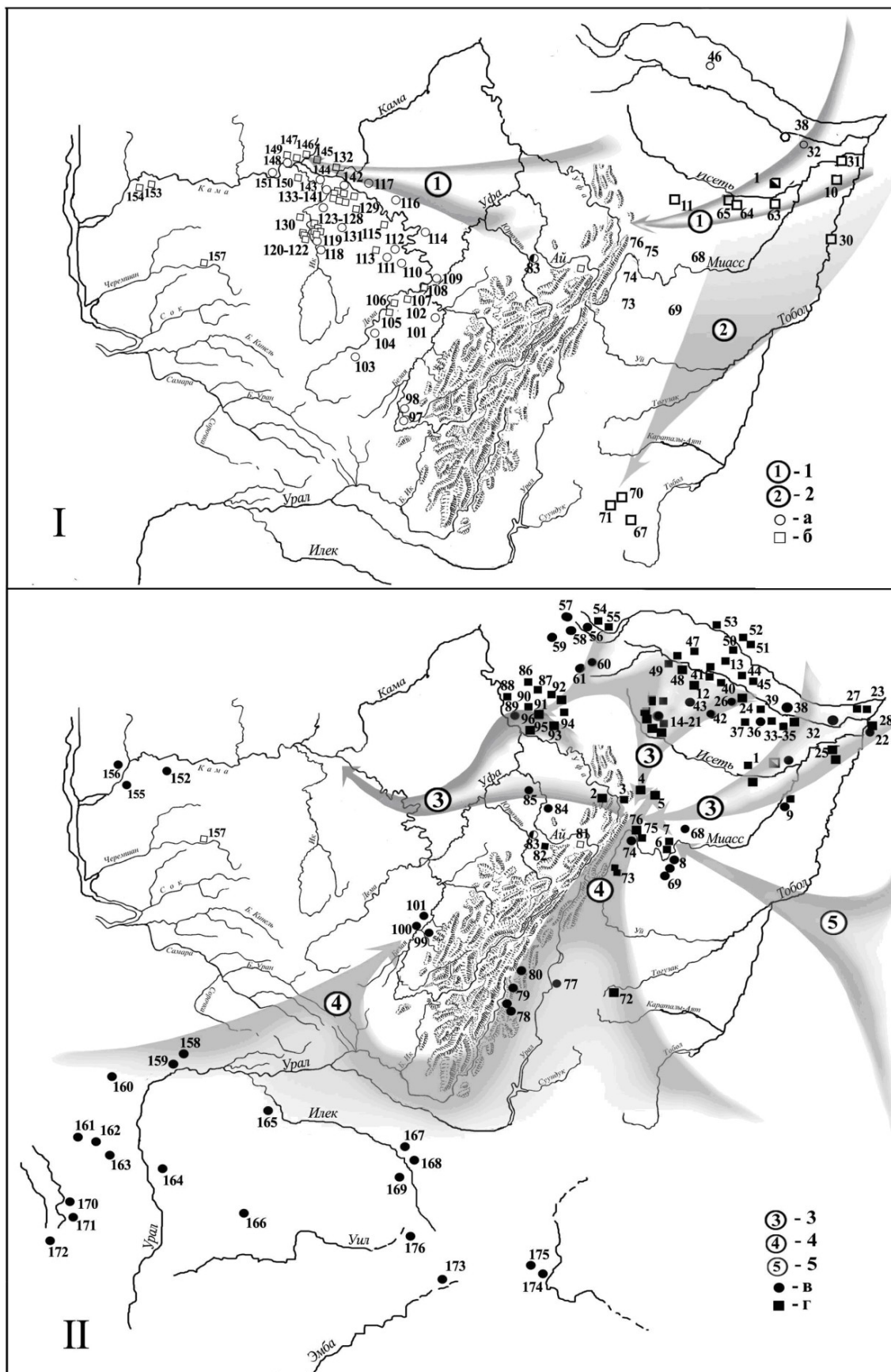

Рис. 1. Карта распространения памятников протомадьярского и раннеугорского облика (по [1–8]).
 I: а — ранние кушнаренковско-караякуповские могильники и одиночные погребения V–VIII вв., а также памятники с материалами этого культурного облика; б — кушнаренковско-караякуповские городища, селища и местонахождения этого культурного облика V–VI вв.;

И: в — кушнаренковско-караякуповские петрогромско-юдинские могильники IX–X вв.; *г* — кушнаренковско-караякуповские петрогромско-юдинские городища, селища, святилища и местонахождения IX–XI вв.

1 — миграция кушнаренковско-караякуповского населения из Исетско-Тобольского бассейна в Прикамье; 2 — проникновение кушнаренковско-караякуповского населения в Урало-казахстанскую степь; 3 — миграция лесного петрогромско-юдинского населения; 4 — отток позднекушнаренковско-караякуповского населения из степной зоны; 5 — приход сросткинского (кыпчакского) населения из Обь-Иртышья;

1 — Прыговское городище; 2 — Араслановские писаницы, пещера; 3 — Средний Шихан; 4 — Уфа-4; 5 — Мурино; 6 — Малышево; 7 — Шершни; 8 — Смолино; 9 — Кочегарово селище, погребения; 10 — Старо Лыбаевское селище; 11 — Зотинское IV городище; 12 — Ликийский могильник; 13 — Молчановское селище; 14 — Петрогром гора; 15 — Палатки I, IV; 16 — Исетское III Б, могильник; 17 — Три Сестры; 18 — Кырманские скалы; 19 — Иертово городище; 20 — Вершина 1 у ст. Исеть; 21 — Исетское I правобережное селище; 22 — Вак Кур могильник; 23 — Святой Бор 5; 24 — Имги Тура городище; 25 — Коловское городище и селище; 26 — Пылаевский могильник; 27 — Барсучье; 28 — Криволукское городище; 29 — Уелги; 30 — Усть Утяк; 31 — Рафайловское; 32 — Перейминский могильник; 33–35 — Андреевские, Багадинское городища, Козловский могильник; 36 — Деминский могильник; 37 — Мохиреевское городище; 38 — Молчановский клад; 39 — Линчинское городище; 40 — Боровок; 41 — Юдинское городище; 42 — Ирбитское озеро; 43 — Ирбитское; 44 — Городищенское; 45 — Андроновское; 46 — Петровское; 47 — Мишинское; 48 — Куртумовское; 49 — Санкино; 50 — Галкино; 51, 52 — Городские I, II; 53 — Золотая Гора; 54, 55 — Заозерные I, II; 56 — Ликийское городище; 57 — Лобвинская; 58 — Черемухово; 59 — «Жилище Сокола»; 60 — Гора Синяя; 61 — Голый Камень; 62 — Тарманский; 63 — Красногорское; 64 — Нечунаевское святилище; 65 — Большое и Малое Бакальские городища; 66 — Усть Терсюк городище, могильник; 67 — Берсуат; 68 — Граултры; 69 — Синеглазовский I, II; 70 — Кайнсай; 71 — Селенташ; 72 — Варна; 73 — Каскаскинский, Коваленковские рудники; 74 — Байрамгулово; 75 — Аргазы; 76 — Сугояк; 77 — Наровчатский; 78 — Бекешевские I, II курганы; 79 — Хусаиновские; 80 — Муракаевские; 81 — Веселовка; 82 — Сикияз Тамак; 83 — Лагеревский; 84 — Старо-Халиловские; 85 — Каранаевский; 86 — Верх-Саинское I городище; 87 — Бартымское II, селище; 88 — Подкаменное городище; 89 — Селянино Озеро, могильники; 90 — Ермаково городище; 91 — Лобач городище; 92 — Сухой Лог селище; 93–94 — Кишешерские могильники, поселение; 95 — Морозково IV поселение; 96 — Чашинское селище; 97 — Красногорский; 98 — Береговский; 99 — Ишимбайский; 100 — погребение Ишимбай; 101 — Стерлитамакский; 102 — Шареевский; 103 — Турбаевский; 104 — Ибраевский; 105 — Чукраклинское; 106 — Караякуповское; 107 — Таптыковское; 108 — Уфа II; 109 — Ново-Турбаслинский; 110 — Кушнаренковский; 111 — Сантыштамакский; 112 — Булгарский; 113 — Чатринское; 114 — Бирский; 115 — Старо-Калмашское; 116 — Манякский; 117 — Старо-Янзигитовский; 118 — Куштерьякский; 119 — Ново-Сасыкульский; 120 — Русско-Шуганское II; 121 — Русско-Шуганское I; 122 — Русско-Шуганское; 123 — Старо-Чекмакское; 124 — Муслюмовское; 125 — Старо-Варяжское II; 126 — Старо-Варяжское I; 127 — Меллятамакское V; 128 — Меллятамакское II; 129 — Новобикинский; 130 — Татарско-Азибейская II; 131 — Азметьевская; 132 — Мариямалинское; 133 — Биксентаевская VII; 134 — Биксентаевская IV; 135 — Биксентаевская II; 136 — Иртышское; 137 — городище Тактялачук; 138 — Юртовская IV; 139 — Иманлейский; 140 — Такталачукский; 141 — Чишминский; 142 — Игимский; 143 — Татаро-Чилчикское; 144 — Благодатное; 145 — Кузебаевское; 146 — Петропавловский; 147 — Верхнесуганское; 148 — Кырнышское; 149 — Луговское; 150 — Больше-Тиганский; 151 — селище «Курган»; 152 — Щербакское; 153 — Танкеевский; 154 — Тетюшский; 155 — Татарско-Сунгелевское; 156 — Тавлыкаевские; 157 — Рубежка; 158 — Калмак-Чабан; 159 — Солянка; 160 — Орлиное гнездо; 161 — Турбаза; 162 — Шалкар; 163 — Покровка; 164 — Лебедевка; 165 — Жаман Каргала; 166 — Песчаный карьер; 167 — Болгарка; 168 — Мамай; 169 — Кос-Оба; 170 — Карасу; 171 — Эмба; 172 — Жолуткен 4; 173 — Атва; 174 — Уркач I

постгуннских традиций — небольшие групповые курганы или фигурные (подпрямоугольные) насыпи, узкие прямоугольные, простые и подбойные ямы, северная ориентировка, наличие деформации, соответствующий комплекс категорий вещевого инвентаря. Для мужских — мечи с дисковидным навершем, трехлопастные ромбические наконечники, узда с кольчатými удилами и накладки-зажимы, поясные пряжки с подвижным щитком и женских (колты и диадемы с полихромом, калачиковидные серьги, зеркала, керамика), появляется совершенно новый историко-культурный комплекс — курганы с «усами» и памятники селенташского типа, к числу которых также относятся курганы-кострища с кремацией Нижнего Поволжья. В недрах этих магистральных направлений культурогенеза начинают формирование будущие средневековые болгарские, мадьярские и кыпчакские средневековые этносы.

Распад Западно-Тюркского Каганата, вероятнее всего, ознаменовался значительными обратными перемещениями зауральско-казахстанского населения в лесостепную зону (рис. 1, II, 4), где происходит активное смешение его с угорскими петрогромско-юдинскими лесными культурами (рис. 1, II, 3), а общую картину довершает переселение на Южный Урал сrostкинско-го или кыпчакско-го кочевого населения из пределов Алтая (рис. 1, II, 5).

По справедливому мнению барнаульских коллег (А. А. Тишкин, В. В. Горбунов), высказанному на II международном конгрессе средневековой археологии Евразийских степей, в этой массе сrostкинско-го населения, вероятнее всего, присутствовал некий кыргызский компонент, который угадывается в наличии обряда кремации, столь ярко представленного в некоторых уелгинских комплексах.

Литература

1. Бисембаев, А. А. Кочевники средневековья Западного Казахстана / А. А. Бисембаев // История, археология и этнография Западного Казахстана. Актобе, 2010. 248 с.
2. Викторова, В. Д. Археологические культуры в верховьях реки Исети во время великого переселения народов / В. Д. Викторова // Проблемы бакальской культуры : Материалы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск : Рифей, 2008, С. 81–93.
3. Гарустович, Г. Н. Ареал расселения угров на южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н. э. / Г. Н. Гарустович, В. А. Иванов // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. С. 17–31.
4. Генинг, В. Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. (проблема этноса и его происхождения) / В. Ф. Генинг // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
5. Казаков, Е. П. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья / Е. П. Казаков // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань : ИЯЛИ им. Ибрагимова КФАН СССР, 1981. С. 115–136.
6. Казаков, Е. П. Постпетрогромская культура: истоки, время, территория / Е. П. Казаков // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург : Аква-Пресс, 2004. С. 120–128.
7. Матвеева, Н. П. Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи / Н. П. Матвеева, Л. А. Орлова, Т. Н. Рафикова // РА. 2009. № 1. С. 14–151.
8. Пастушенко, И. Ю. К вопросу о времени существования петрогромской культуры (по материалам памятников Приуралья) / И. Ю. Пастушенко // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург : Аква-Пресс, 2004. С. 115–119.

Д. Н. Маслюженко

ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНА № 55 СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА УСТЬ-ТЕРСЮК-3 В НИЖНЕМ ПРИИСЕТЬЕ В 2012 ГОДУ

Летом 2012 года экспедицией Курганского государственного университета под руководством И. К. Новикова и Д. Н. Маслюженко были исследованы три кургана могильника Усть-Терсюк-3, расположенного в Шатровском районе Курганской об-

ласти в нижнем течении реки Исеть. Памятник был выявлен в 2010 году на основании сообщений местных краеведов о его частичном разрушении в результате сооружения противопожарных рвов и грабительских раскопок. По данным информаторов, из нескольких ям как в курганах, так и за их пределами было извлечено более 200 металлических артефактов, в том числе предметы урало-сибирского звериного стиля. Возможно, что часть из них была обнаружена на месте грунтового могильника или святилища. Собранная в 2011 г. вокруг грабительских ям керамика относится к эпохе неолита и энеолита (средневековый памятник расположен на поселении каменного века с крупными жилищными впадинами), а также средневековья. Для последней в основном характерны круглодонные сосуды, орнаментированные гребенчатым штампом, в манере характерной для юдинской культуры. Проведенная весной 2012 г. разведка показала, что работы «черных археологов» были продолжены и новые грабительские ямы появились во многих курганных насыпях, часть могильника была пройдена сплошным перекопом. С учетом слабой изученности погребального обряда населения лесостепного Притоболья в эпоху средневековья, это стало основой для определения целей археологических исследований летом 2012 года.

Могильник Усть-Терсюк-3 расположен на восточной стороне мыса, образованном старицами реки Исеть, на высоте 6 м от уреза воды. Всего было выявлено 60 курганных насыпей, которые можно разделить на две группы. Первая группа характеризуется довольно крупными насыпями (диаметром до 15 м, высотой до 0,5 м) и значительным расстоянием между курганами, идущими по одной линии вдоль края террасы. Вторая группа курганов компактно располагается в северо-восточной части могильника, сильно заросшей лесом. Она характеризуется курганами небольшого размера (диаметром от 3 до 8 м, и высотой от 0,1 до 0,4 м), наличием ровика у всех курганов (у первой группы единичны) и незначительным или отсутствующим расстоянием между курганами (ровики некоторых курганов сливаются). Все курганы задернованы, большинство имеют характерные углубления в центре – следы грабительского раскопа. Один курган разрезан грунтовой дорогой и параллельно идущим противопожарным рвом, на нем же зафиксирована новая грабительская яма.

Было раскопано три кургана – № 47 и 60 в лесной части и № 55, разрезанный дорогой и противопожарным рвом. Материалы первых двух и последнего комплексов значительно отличаются друг от друга по специфике погребального обряда и керамике. В данной статье мы остановимся только на материалах кургана № 55, высота которого около 0,4 м при диаметре 11 м.

Наибольшее количество находок представлено керамической коллекцией, которую можно условно разделить на две группы: 1) неолит и энеолит, происходит из разрушенного слоя поселения, территория которого впоследствии использовалась как некрополь; 2) средневековье. Керамика первой группы встречается по всей насыпи, в то время как второй группы концентрируется в основном в центральной части кургана, иногда вокруг и внутри погребения.

К интересующей нас второй группе керамики отнесено 27 орнаментированных фрагментов, из которых условно выделяются 12 сосудов. Тесто сосудов имеет серый и серо-коричневый цвет, некоторые с коричнево-красным оттенком. Отсутствие в коллекции придонных частей и плоских доньев, позволяет предположить, что все сосуды круглодонные. Орнамент покрывает только венчик, шейку и плечико сосудов, не опускаясь на тулово. По форме и орнаментации сосуды разделяются на два типа.

К первому типу относится 19 фрагментов (условно выделяется 8 сосудов) с закругленным или приостренным венчиком, четко выраженной шейкой, вогнутой вовнутрь, и плечиком, на венчике одного из сосудов имеется внутренний налест. В одном случае фиксируется сосуд с плоским венчиком, прямой шейкой, плечико плавно переходит в тулово. Большинство венчиков украшено нарезками. Основным элементом орнамента являются ямки, расположенные по венчику или шейке, псевдошнуровой оттиск и наклонный гребенчатый штамп, покрывающие венчик, шейку и плечико сосудов, и тройная горизонтальная линия, выполненная оттиском гребенчатого штампа, расположенная на венчике сосудов. По форме и орнаментации сосуды первого типа схожи с посудой юдинской культуры X–XIII веков, в одном случае сплошное покрытие гребенчатым орнаментом сближает его с керамикой потчевашской культуры VII–IX веков. Они имеют определенное сходство и с посудой, обнаруженной вокруг грабительских ям, ближайшие из которых расположены в 5–6 м от кургана. Резонно предположить, что ограбление и хозяйственное использование насыпи могло привести к попаданию фрагментов керамики из соседних разрушенных комплексов, хотя большинство из них фиксируются вокруг погребения на глубине его фиксации.

К керамике второго типа было отнесено 8 фрагментов (условно выделено четыре сосуда). Сосуды горшечной формы, слабо профилированы. Шейка короткая, прямая, плечико плавно переходит в тулово. Венчики – выгнуты наружу, имеют прямой срез или закругление, имеющее насечки. Преобладающим орнаментом второго типа являются ямочные вдавления, расположенные по шейке сосудов, в двух случаях нанесенные изнутри, образуя с внешней стороны негатив в виде «жемчужин». Также в одном случае присутствует орнамент из резных линий, расположенный по венчику, образующих горизонтальную «елочку». По форме и орнаментации сосуды второго типа схожи с посудой бакальской культуры, хотя миниатюризация пропорций, профилированность некоторых сосудов может свидетельствовать об их кушнаренковском происхождении. В целом фрагменты керамики этого типа широко распространены в насыпи и не имеют такой четкой приуроченности к погребению.

К сожалению, сильная фрагментированность коллекции не во всех случаях позволяет сделать однозначный вывод о культурной принадлежности керамики. При этом, несмотря на ее наличие, разрушенность кургана не позволяет нам однозначно связать эту посуду именно с самим захоронением и уточнить его культурную принадлежность на основании керамической коллекции.

В северной части кургана зафиксирована могильная яма размерами 2,5×1 м при условной глубине около 15 см, ориентированная по линии СВ–ЮЗ. С юго-восточной стороны к могильной яме примыкает неглубокая ниша 1,2 м × 1 м, частично затронутая при ограблении и разрушенная противопожарным рвом. Погребение было ограблено в древности, что не позволяет полностью реконструировать погребальный обряд. По всей видимости, субъект в нем был погребен вытянуто на спине головой на северо-восток. До обработки антропологических данных сложно сказать был ли этот субъект один или погребении было парным.

В нише были обнаружены сильно фрагментированные остатки кольчуги. Плетение обычное «четыре в одно», так называемое «противостороннее», когда кольца каждого ряда направлены в другую сторону по отношению к выше- или нижележащим. Внешний диаметр кольца примерно равен 12 мм, при толщине примерно 2 мм. В сечении кольцо (или проволока) круглое. Все кольца сведенные, в отличие

от имеющихся опубликованных более поздних аналогов, где кольца заклепывались специальными «гвоздиками». Возможно, ряды сведенных колец переплетались с рядами колец сварных (каждое кольцо сводилось, а за тем концы скреплялись посредством кузнечной сварки), однако плохая сохранность не позволяет однозначно решить этот вопрос. При таком соотношении диаметра кольца к его толщине получается довольно плотное плетение. Под фрагментами обнаружены частички ткани темно-синего цвета, а в районе наибольшего скопления два железных сильно коррозированных крючка длиной 4,5 см и толщиной 0,7 см. Такие крючки являются крепежом для нагрудного элемента доспеха, служащего для смягчения ударов. Часть фрагментов плотно слежались, из чего можно сделать предположение, что кольчугу поместили в нишу в свернутом виде, что не противоречит частым случаям укладки кольчуги свернутыми в узел у головы [12, с. 35]. Внутри остатков кольчуги обнаружен железный концевой наконечник ремня килевидной формы длиной 3,3 см.

Также в нише под кольчугой обнаружены отдельные фрагменты костей животного и нижняя челюсть человека (вторая для этого погребения). Стратиграфия позволяет предположить, что, поскольку ниша была слабо углублена, кольчуга возвышалась над могилой. Складывается впечатление, что она была уложена на края, а затем закрыта тонким деревянным перекрытием, которое реконструируется лишь по небольшим фрагментам. В нижнем слое ниши под челюстью человека был расчищен небольшой молоток (длина 8 см, с подквадратным отверстием для крепления рукояти 1 см) с загнутым и опущенным к низу чеканом и массивным бойком.

В северо-восточной части погребения в восточном углу были обнаружены останки человеческого черепа, рядом с которым найдена кольчатая серьга с гвоздикообразной подвеской.

В районе черепа и кольчуги найдены два комплекта плоских железных наконечников стрел по три штуки. Первый комплект состоит из двух наконечников длиной с черенком около 11 см (треугольный и листовидный), третий — ассиметрично-ромбовидный наконечник длиной с черенком 15 см. Второй комплект содержит наконечники меньших размеров (около 8 см) и состоит из двух листовидных и треугольного. Кроме того, в погребении обнаружено три небольших трехлопастных втульчатых наконечника, относящихся к V–II векам до н. э. Наконечники подобного типа могут встречаться и в средневековых могильниках, в том числе как реликвии [8, с. 170], хотя с учетом разрушенности памятника это не очевидно.

В юго-западной части погребения зафиксированы втульчатый конусовидный (втоковидный?) наконечник копья (длина 20 см с втулкой, диаметр втулки 2,5 см) и половина кольчатых удил в виде большого железного кольца (внутренний диаметр 3,2 см), подвижно закрепленного на конце стержня. В центральной части, ближе к западному углу, погребения найден череп лошади (?), отдельные фрагменты человеческих костей, оселок (длиной 7,5 см, шириной средней части 2 см) и фрагменты фольги (?), которые могли выполнять функцию накладок.

Инвентарь погребения достаточно разнообразен и позволяет уточнить датировку этого кургана. Прежде всего, отметим, что для исследуемой территории в эпоху средневековья сам по себе курганный погребальный обряд не был характерным явлением и связан с влиянием степного мира кочевых культур. Об этом же, скорее всего, свидетельствует и наличие черепа и костей лошади. Одиночные подкурганные погребения в сопровождении частей коня характерны для кочевнических культур IX–XIII веков. С учетом разрушенности погребения следует отметить,

что большинство костей коня, в том числе череп, концентрируются в противоположной стороне от черепа, что сужает датировку до XII–XIII веков. [9, с. 520]. При этом северо-восточная ориентировка погребенных была характерна для погребальных памятников сросткинской культуры и связанной с ней культуры кыпчаков [10, с. 103–110].

Предметы вооружения представлены оборонительным и наступательным оружием. Кольчуги активно использовались населением Западной Сибири в эпоху раннего и развитого средневековья. Скорее всего, кольчужный доспех сформировался в период Великого переселения народов под влиянием западных кочевых традиций и среднеазиатского военного дела [3, с. 88–89]. В то же время находки подобных кольчуг весьма редки, что может свидетельствовать о доступности оборонительного доспеха только для представителей социальной элиты [1, с. 85]. Интересные аналоги имеют найденные фрагменты фольги, возможно выполнявшие роль накладок, которые по своим размерам и формам схожи с серебряными накладками из погребения в одиночном кургане у «Третьего плеса», которое В. П. Костюковым датировано первой половиной XIII века. [7, с. 148–151].

Большинство видов железных черешковых наконечников стрел были широко распространены в степной и лесостепной зоне Евразии и датируются в рамках X–XIV веков [12, с. 28; 13, с. 118]. Наконечники копья подобного типа известны в памятниках X–XII веков [12, с. 24].

Удила широко известны в степной зоне и по типологии Г. А. Федорова-Давыдова относятся к типу Г-II. Их появление в Сибири датируется IX–X вв. [Там же, с. 19, рис. 2]. Они широко бытуют в памятниках Западной Сибири XI–XII веков [11, с. 164], хотя продолжают встречаться в XIII–XIV веках в Южном Зауралье [2, с. 384].

Оселок по форме, размерам и отсутствию отверстия для подвешивания схож с точилами XII–XIV веков [6, с. 15].

Наконечник ремня сильно коррозирован. Аналогичные появляются не ранее второй четверти XI в., являются частью конского снаряжения и продолжают бытовать в «сросткинской» культуре и у кыргызов до конца XII века [4].

Серьги подобного типа имеют большое число аналогов и широко бытовали в большинстве кочевых культур X–XII веков. Их появление связано с распространением моды на серьги салтовского типа с середины VIII века [3, с. 142]. Существует предположение о том, что серьга являлась неотъемлемым атрибутом тюркского воина.

Несколько выпадает из воинского комплекса находка молотка, который относится к молоткам-чеканам для ювелирной обработки цветных металлов. Его аналогии известны в памятниках Волжской Булгарии X–XII веков, однако встречаются они и в более позднее время [5, с. 132].

Таким образом, несмотря на значительный хронологический разброс аналогий обнаруженных в погребении артефактов, оно может быть датировано второй половиной XI – первой половиной XIII века. Кости лошади и состав инвентаря характерен для мужских погребений степного мира. В данном случае наличие кольчуги позволяет говорить о погребении представителя воинской элиты, чему несколько противоречит ювелирный молоток-чекан. Причины столь сильной подвижки степных групп на север, на самую границу лесостепной зоны и тайги, и сооружения здесь погребальных памятников могут быть связаны со степными конфликтами, например монгольскими походами, хотя однозначно об этом говорить до проведения раскопок соседних курганов преждевременно.

Литература

1. Бисембаев, А. А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.) / А. А. Бисембаев. Уральск : Зап.-казахстан. обл. центр истории и археологии, 2003. 232 с.
2. Боталов, С. Г. Поздняя древность и средневековье / С. Г. Боталов // Древняя история Южного Зауралья. Ранний железный век и средневековье : в 2 т. Т. 2. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 207–430.
3. Васютин, А. С. На северной границе кочевого мира. Дописьменная история населения юга Западной Сибири раннего средневековья / А. С. Васютин, С. А. Васютин, С. С. Онищенко. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. 204 с.
4. Горбунова, Т. Г. Наконечники ремней конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая (классификация и типология) / Т. Г. Горбунова [Электронный ресурс] // Древности Алтая. № 11. Межвузов. сб. науч. тр. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2003. URL: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2003/11/11.html>
5. Зыков, А. П. Итоги изучения Эмдера в 2001 г. / А. П. Зыков, С. Ф. Кокшаров // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 1. С. 110–139.
6. Иванов, В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.) / В. А. Иванов, В. А. Кригер. М. : Наука, 1988. 103 с.
7. Костюков, В. П. Одиночный курган у «Третьего плеса» (К проблеме конфессиональной идентификации погребальных памятников кочевников Золотой Орды) / В. П. Костюков // История и культура Улуса Джучи. 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. Казань : Фэн АН РТ, 2007. С. 144–168.
8. Матвеева, Н. П. Могильник Устюг-1 по материалам раскопок 2009–2010 гг. / Н. П. Матвеева // Ab origin. Археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2012. Вып. 4. С. 38–75.
9. Матюшко, И. В. Кочевнические культуры Южного Урала эпохи средневековья (по данным анализа взаимовстречаемости признаков погребального обряда) / И. В. Матюшко // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2007. Т. 9. № 2. С. 515–522.
10. Савинов, Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху / Д. Г. Савинов. Л. : ЛГУ, 1984. 174 с.
11. Сулейменов, М. Г. Конское снаряжение в раннем и развитом средневековье на территории Кузнецкой котловины / М. Г. Сулейменов, А. М. Илюшин // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 162–167.
12. Федоров-Давыдов, Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов / Г. А. Федоров-Давыдов. М. : Изд-во моск. ун-та, 1966. 276 с.
13. Худяков, Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья / Ю. С. Худяков. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.

**Р. В. Исаков, Н. Н. Афоньков, А. Г. Шереметьев,
М. С. Архангельский**

ПАРАДНЫЙ ЗОЛОТОЙ ПОЯС РАННЕДЖУЧИДСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МАРИЕНТАЛЯ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

История находки. В июне 1929 г. в Саратове было получено телеграфное известие о находке драгоценных вещей у села Мариенталь (Тонкошуровка, позже — Советское) Советского района Саратовской области: на них наткнулись местные

жители М. Герстнер и А. Мехер во время добычи суглинка в карьере. На место выехал известный археолог РНП Пауль Давидович Рау, выкупивший ряд вещей для музея. Археологами были расчищены остатки прямоугольной могильной ямы, ориентированной по линии В-3. В погребении располагался лежащий на спине скелет мужчины головой на запад. В могиле были найдены остатки парчи и шелка, обломки стрел, стремян, клинка сабли и обкладки луки седла. Кроме того, там находился ряд предметов из драгоценных металлов: серебряная ручка поясного кобша, обломки серебряных колец и невероятной красоты золотой пояс. Характер захоронения и инвентарь, позволяют отнести погребение к числу воинских, а наличие золотого пояса указывает на высокий статус погребенного. Пояс был датирован П. Д. Рау XIII–XIV веками [2, с. 188–189].

Следует оговориться, что существует и иная, неофициальная история находки пояса. Как было отмечено Рау, немецкие крестьяне проявляли живейший интерес к археологическим памятникам — они занимались их разграблением [14, с. 33–39]. Согласно ряду устных сведений, мариентальский пояс был добыт в ходе грабительских раскопок и впоследствии изъят сотрудниками ОГПУ после проведенного обыска у двух вышеозначенных местных жителей.

Без малого сто лет оставалось загадкой, что изображено на элементах пояса из Мариенталья. Для авторов это явилось толчком к написанию данной работы.

Критерии датировки статусных золотоордынских поясных наборов из зоны европейских степей. Выбор критериев для датировки статусных поясов, по мнению авторов, может быть обусловлен не общей датировкой погребального или кладового комплекса, в состав которого они входили. Это связано с тем, что совместное нахождение с четко датирующими предметами не всегда фиксирует точное время их изготовления и не всегда отсекает верхнюю границу их бытования. Общеизвестно, что статусные и вотивные предметы «жили долго», представляя собой особо ценностные категории, передаваемые из поколения в поколение.

Исходя из публикаций, посвященных статусным золотоордынским погребениям и кладовым комплексам, можно выделить следующие признаки присущие поясным наборам, характерным, в целом, для XIII в. и встречающихся в степях Евразии:

1. Состав набора (элементы укрупнены, без учета узких обоймиц): пряжка с щитком, хвостовик, три крупных подвижных обоймицы (две из которых с подвесными петлями), малые накладки (без учета их формы и количества).

2. Технологические особенности изготовления. Элементы выполнены:

а) с использованием выколотки по матрице с высоким рельефом, позволяющим достичь объемного изображения;

б) в технике ажурного литья с высоким рельефом.

3. Сюжетные изображения на элементах гарнитуры: выполнены в традициях, характерных для декоративного искусства северного Китая эпохи Ляо-Цзинь. Геральдические (и соответствующие им семантические) линии:

а) 花卉 — цветы и травы (в старинной китайской живописи четвертая группа сюжетов);

б) 荔枝 (仙花) — плоды и листья личи (императорский цветок);

в) 云龙 — достигшие облаков драконы (небесные);

г) 戏狮 — резвящийся лев (символ, отчасти, связан с влиянием буддизма);

д) 秋山 — горы в осеннем уборе (олени и другие животные в окружении растительности);

е) 春水 — весенние воды реки (водные птицы в окружении растительности).

4. Присутствие символики, олицетворяющей центральную власть (изображение чешуи на тыльной стороне крупных подвижных обоймиц, либо хвостовика; поясные элементы с изображением дракона).

5. Наличие в составе погребального, либо кладового комплекса поясного ковша с ручкой в виде протомы дракона.

База данных систематизирована с соответствующими статистическими выкладками, представленными в прилагаемой табл. 1, где указаны пункты обнаружения артефактов, материал из которого они изготовлены, а также соответствующие принципиально важные признаки.

Таблица 1

№ п/п	Поясной набор	Материал	Соответствие признакам				
			1	2	3	4	5
1	Курган в урочище Гашун-Уста, Ставропольский край [7]	Золото	+	+	+ (д)	+	+
2	7 могильник Олень Колодезь, Каширский район Воронежской области [4]	Серебро	+	+	+ (г, д)	+	+
3	3 курган 15 Власовского могильника, Грибановский район, Воронежская область [5]	Серебро	+	+	+ (а?)	+	—
4	Городище Красный Яр, Астраханская область [7]	Серебро	+	+	+ (в)	+	—
5	Находка у поселения Карги в Поднепровье [8]	Серебро	+	+	+ (в)	+	(*)
6	Погребение на о-ве Березань в Днепровском лимане [8]	Серебро	+	—	+ (в)	+	(*)
7	Находка из с. Ново-Подкряж в Приорелье [8]	Серебро	+	+	+ (в)	+	(*)
8	Могильник Таш-Башат, Галасская долина, Киргизия [8]	Серебро	+	+	+ (д)	+	(?)

(*) — упомянуты серебряные поясные чаши, но нет информации об их ручках.

(?) — неизвестно, неопределенно.

Изображение дракона — одно из самых часто встречающихся на предметах материальной культуры золотоордынского сообщества. М. Г. Крамаровский [8] связывает его с личной эмблематикой хана и его гвардии и, позднее, армейского руководства. Авторы предполагают, что значение этого символа несколько шире. Вероятнее всего, дракон, являясь общеимперским символом, олицетворял верховную власть хана, носителями которой были и воинская элита, и кочевая аристократия, образующая армейский аппарат.

Примечательно, что в китайских «Историях» домонгольского времени нет упоминаний о разделении сюжета в зависимости от ранга или службы по гражданскому и военному ведомству (кроме личи; вообще могло быть 3, 5, 9 ягод). Напротив, в «Юань ши» 《元史·輿服志》 упоминается, что все чиновники с первого по девятый класс, кроме растительных декоров, на поясах могут носить: гражданские — только изображения птиц (но не животных); военные — только изображения «четвероногих» (но не птиц). «Четвероногие» — представители геральдической группы «д» в вышеизложенной выборке встречены дважды (отдельных находок и вырванных из контекста элементов с изображениями оленей — ланей на фоне цветущей природы гораздо больше). К этой же группе, предположительно, может быть отнесен поясной набор из могильника «Олень Колодезь». Хотя, возможно, изображения на его элементах так же могут входить в геральдическую группу «г». Сюжет (戏狮) — резвящийся лев, или, в нашем случае (兽) — хищный зверь, в «Истории Цзинь» не упоминается, на практике можно встретить буквально немногочисленные при-

меры. Вероятно, сюжет становится популярным именно в период предмонгольских завоеваний и, в общем характерен для периода Юань. Его появление напрямую увязывается с сэму (色目) — «цветноглазыми» (общее название немонгольских западных племен эпохи Юань). Эта этническая группа имела меньше прав, чем монголы, но больше, чем ханьцы.

С определенной долей вероятности, можно предположить, что золотоордынцы, носившие на своих поясах оленей и хищников, имели непосредственное отношение к армейскому аппарату управления. Возможно, изображение чешуи дракона на тыльной стороне накладок поясных наборов должно было подтверждать и подчеркивать эту причастность.

Предположение, высказанное М. Г. Крамаровским о разделении поясов на «воинские» и «охотничьи» [8] в рамках проведенного исследования подтверждения не нашло.

Взяв в качестве примера несколько парадных поясных наборов более позднего времени, датированных началом — серединой XIV века, можно проследить их практически полное несоответствие более ранним вариантам. Это вполне очевидно по результатам системного анализа, представленного в табл. 2.

Таблица 2

№ п/п	Поясной набор	Материал	Соответствие признакам				
			1	2	3	4	5
1	Клад у г. Симферополя [7]	Золото	—	—	—	—	—
2	Акмолинская губерния [7]	Золото	+	—	—	—	(?)
3	Курган 1 Белореченского могильника [3]	Золото	+	—	—	—	—
4	Курган 2 могильника Высокая Гора [6]	Серебро	—	—	—	—	—
5	Могильник Старая калитва 2 [5]	Серебро	+	—	—	—	—

Руководствуясь этой же системой признаков, рассмотрим пояс, обнаруженный у села Мариенталь, и теперь вполне очевидно, что его показатели соответствуют группе XIII века (табл. 3).

Таблица 3

№ п/п	Поясной набор	Материал	Соответствие признакам				
			1	2	3	4	5
9	Село Мариенталь, Саратовская область [2]	Золото	+	+	+(б)	+	(*)

Учитывая совпадение, как минимум, по четырем из пяти признаков, можно заключить, что верхняя граница датировки этого поясного набора лежит на рубеже XIII и XIV веков, а предположительная дата его изготовления — середина XIII века.

При построении системы классификации поясных наборов М. Г. Крамаровский относит мариентальский пояс к группе с «ослабленной геральдикой». На этом основании он расширяет границы его датировки до середины XIV в. По мнению авторов, это ошибочное суждение, не учитывающее особенности техники изготовления и стиль декора, наличие орнамента в виде чешуи на тыльной стороне хвостовика, присутствие в погребении поясного ковша с ручкой. Роль изображения плодов личи в китайской системе рангов также осталась за рамками указанного анализа.

Прежде, чем перейти к более детальному рассмотрению орнамента на поясном наборе, обнаруженном у села Мариенталь, необходимо дать системный анализ элементам гарнитуры и выявить технологические особенности ее изготовления.

Описательная часть. Технология производства. Пряжка (ЭКМ 827 ДМ 54) состоит из полуовальной рамки, прямоугольного в сечении язычка и узкого прямоугольного щитка, скрепленных штифтом (рис. 1, А). Размеры рамки: длина 35 мм, ширина 23 мм, толщина 9,0 мм. Размеры щитка: длина 28,5 мм, ширина 11 мм с внешней стороны. Просвет: длина 24 мм, ширина 5 мм. Вес 21,6 г. Все элементы этого изделия отлиты в жесткой (каменной?) форме. Лицевая сторона рамки декорирована накладным, вероятно напаянным, рельефным элементом. Внешняя поверхность щитка гравирована зубчатым орнаментом, образованным повторяющимися линиями.

Лицевая часть хвостовика утрачена. Тыльная накладка хвостовика (ЭКМ 825 ДМ 52) представляет собой тонкую пластину с чеканным орнаментом в виде чешуи (рис. 1, Б). Размеры: длина 65 мм, ширина у основания 24 мм. Вес 4,1 г. В пластине имеются три небрежно выполненных отверстия, служивших предположительно для скрепления пластины и лицевой части наконечника. Чеканка достаточно грубая, не соответствующая уровню мастерства, с которым изготовлены прочие элементы поясной гарнитуры. Это может свидетельствовать о замене хвостовика в условиях кочевья в связи с утратой элемента-оригинала.

Крупные четырехлепестковые накладки-обоймы имеются в количестве трех экземпляров (ЭКМ 821/1–3 ДМ 48) (рис. 1, В). Две из них с петлей и одна «разделительная». Размеры: длина 50 мм, ширина 44–46 мм, высота (без учета П-образных дуг) 4,5–5,0 мм. Вес соответственно 29,61 г, 30,61 г, 30,49 г. Изготовлены в технике басмы из тонкой золотой пластины в несколько этапов. Предположительно, на первом этапе лицевая сторона накладок выколачивалась с помощью «мягкой» (свинцовой?) матрицы «жестким» чеканом с пуансоном (бронзовым?). На втором этапе, после получения общих очертаний, изделие накладывалось на «жесткий» пуансон и дополнительно выколачивалось через свинцовую пластину, с целью конкретизации деталей и рельефа. Возможно, изображение дорабатывалось специальными более тонкими чеканками. Следов подчистки штихелями не замечено.

Тыльные пластины обоймиц без орнамента. На каждую из них напаяны две вертикальные узкие П-образные дуги (шириной 6 мм) для продевания ремня. Просвет по высоте 5,0–5,5 мм, просвет по ширине 27–28 мм. В нижней части тыльных пластин сабельных обоймиц припаяна горизонтальная узкая (шириной 6,0 мм) П-образная дуга для подвешивания ремня. Просвет по высоте 6,0 мм, просвет по ширине 12 мм.

По центру тыльных пластин всех обоймиц располагается круглое отверстие, диаметром 9,0 мм. Вероятнее всего, оно служило для заполнения внутреннего объема накладки пастой, с целью обезопасить рельеф от случайной деформации. Примером такого решения могут служить накладки-лунницы из «красноярского» поясного набора (см. [7]).

После обработки, лицевая сторона накладки скреплялась с тыльной и прочими элементами посредством пайки. Швы аккуратно зачищены напильником и заполированы.

Малые четырехлепестковые накладки-регуляторы подвесных ремней. В наборе два экземпляра (ЭКМ 823/1, ЭКМ 823 ДМ 50) (рис. 1а, Г). Размеры: длина 23 мм, ширина 18 мм, высота 7,0–8,5 мм. Состоят из двух половин, выколоченных из тонкой золотой пластины на матрице и скрепленных пайкой. Имеют сквозное прямоугольное отверстие для ремешка, с размерами: длина 10 мм,

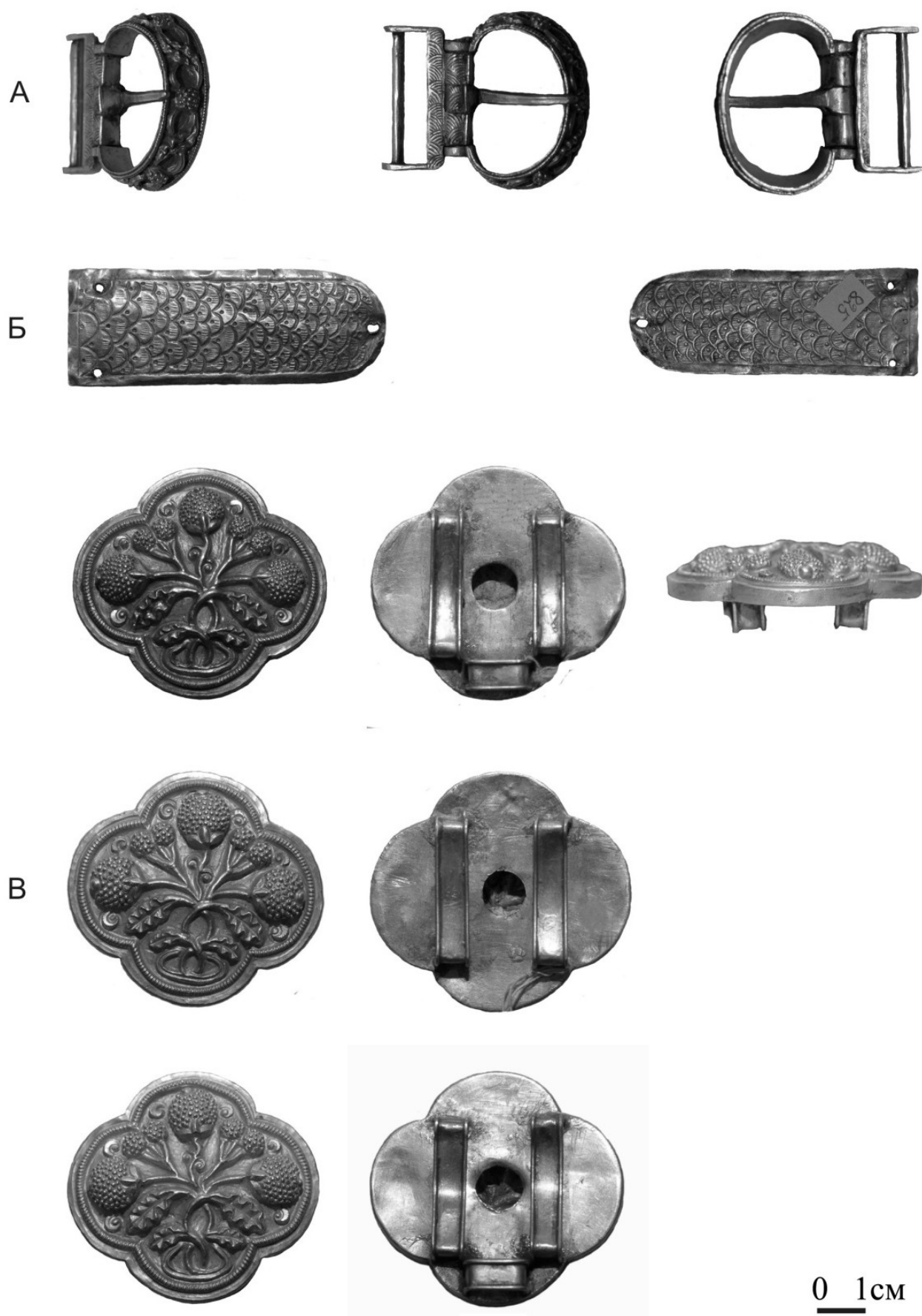

Рис. 1. Элементы мариентальского пояса:
 А — пряжка (ЭКМ 827 ДМ 54); Б — тыльная накладка хвостовика (ЭКМ 825 ДМ 52); В — крупные обоймы
 (ЭКМ 821/1—3 ДМ 48)

0 1cm

Рис. 1а. Элементы мариентальского пояса:
 Г — регуляторы подвесных ремней (ЭКМ 823/1, ЭКМ 823 ДМ 50); Д — малые четырехлепестковые накладки (ЭКМ 822/1–12 ДМ 49/1–9); Е — футляр для зубочисток (ЭКМ 826 ДМ 53)

ширина 4 мм. Рельеф высокий. Изображение четкое. Один из регуляторов сломан по месту пайки. Его вторая половина утрачена. На тыльной стороне видны четыре загнутых усика, обычно служащих для закрепления накладки на ремне.

Можно предположить, что изначально были изготовлены четыре малые четырехлепестковые накладки, которые впоследствии переделали в ременные регуляторы. Место скрепления половинок второго регулятора зачищено небрежно. Видны следы работы напильником. Это может косвенно подтвердить версию с переделкой накладок в регуляторы вне мастерской, в которой был изготовлен поясной набор, либо быть следами починки. Вес целого регулятора 6,39 г, сломанного — 3,41 г.

Малые четырехлепестковые накладки с острым верхним лепестком. В наборе их двенадцать экземпляров (ЭКМ 822/1–12 ДМ 49/1–9) (рис. 1а, Д). Размеры: длина 17 мм, ширина 17 мм, высота 4,0–5,0 мм. Вес 1,71–1,91 г. Выколочены на матрице из тонкой золотой пластины. Рельеф высокий. Изображение четкое. С тыльной стороны имеют два припаянных штифта, служащих для закрепления накладки на ремне. Штифты у всех накладок проходят сквозь тонкую прямоугольную пластинку с овальными окончаниями. Такая пластина не позволяет расклепаным штифтам прорвать кожу пояса и фиксирует положение накладки.

Добиться такого высокого рельефа и детализации, как на крупных четырехлепестковых обоймицах, и при этом не допустить разрыва металла, используя технику выколочки крайне непросто. Сборка элементов, выбитых из очень тонких золотых пластинок при помощи пайки, тоже достаточно сложный процесс, требующий от мастера высокого профессионализма и аккуратности. Это свидетельствует об изготовлении поясного набора в мастерской, где трудились люди, имеющие многолетний опыт и хорошо знающие традиции производства ювелирных изделий, в совершенстве владеющие широкими навыками приемов ремесла.

Учитывая параметры просветов щитка пряжки, ширину тыльной пластины хвостовика, а так же сквозных отверстий в ременных регуляторах, можно предположить, что ширина ремней составляла: поясного — не более 24 мм, подвесных — не более 10 мм. Вероятно также, что конструкция самого ремня соответствовала фрагментам аналогичных портупей, обнаруженных в статусных погребениях. К примеру, в кургане 7 могильника «Олень Колодезь» ремень состоял из двух полос тонкой, до 1 мм, кожи разной ширины. Узкая полоса была обернута широкой таким образом, что края последней соединялись в середине тыльной стороны. Получившийся трехслойный ремень был аккуратно прошит по краю [4]. Гарнитура поясного набора, по мнению авторов, могла располагаться на ремне слева направо следующим образом: пряжка, крупные обоймицы (с подвесами по краям, «разделительная» в центре), малые накладки, хвостовик (рис. 2).

В число вещей обнаруженных у села Мариенталь в комплексе с поясом, входит предмет из золота с подвесным кольцом (ЭКМ 826 ДМ 53), напоминающий колпачок или оправу (рис. 1а, Е). В инвентарных комплексах статусных золотоордынских погребений подобные артефакты неизвестны. Предмет имеет вытянутую цилиндрическую форму, сужающуюся к верхней части. Размеры: длина — 39 мм, диаметр нижний — 13×14 мм, диаметр верхний — 10 мм. Он собран при помощи пайки из двух основных элементов: из тонкой (приблизительная толщина около 0,4–0,5 мм) пластины и округлой крышечки с напаянной петлей для кольца. Само колечко диаметром 11 мм свернуто из гладкой проволоки. Предмет украшен полосами чеканного растительного орнамента. Нижний край декорирован выпуклым валиком

с частой горизонтальной насечкой, имитирующим рубчатую проволоку. В 1 см от нижнего края расположено сквозное отверстие со вставленным и расклепанным на концах штифтом. Вес 7,80 г.

Как выяснилось, аналогичные предметы, являлись гигиеническим аксессуаром на поясе чиновничьего сословия в Китае – в период династий Сун и Юань, и встречаются вплоть до этнографического периода [19] (рис. 3). Цилиндрическая оправка в нашем случае представляет собой верхнюю часть футляра для зубочисток. Нижняя часть следующим образом пробка утрачена.

Историко-культурный и семантический аспекты исследования. Среди всех приведенных аналогов, мариентальский пояс занимает особое место. На всех элементах (исключая тыльную пластину хвостовика), входящих в поясной набор, изображены плоды в обрамлении удлинненных с волнистым краем листьев. Подобный сюжет не встречается ни на одном из известных парадных поясов, входящих в круг золотоордынских древностей.

Фронтальным обзором материалов авторами выявлены аналогичные изображения на китайских ременных накладках, относящихся к периоду с X до XVII века [17] (рис. 4). Ягоды мариентальского пояса являются плодами дерева личи. Китайские личи (лат. *Litchi chinensis* Sonnerat, кит. упр. 荔枝, палл.: личжи) – плодовое дерево семейства сапиндовых, известное также, как «лиджи», «лайси», «лиси» и «китайская слива». Это вечнозеленое тропическое дерево высотой 10–30 м (обычно до 15 м), с раскидистой кроной. Произрастает в Южном Китае и Юго-Восточной Азии. Листья сложные, парноперистые (реже бывают непарноперистыми), состоят из 4–8 листочков вытянуто-яйцевидной или ланцетовидной формы с заостренным концом. Листовая пластинка цельнокрайняя, сверху блестящая, темно-зеленая, снизу серовато-зеленая.

Рис. 2. Реконструкция мариентальского пояса

Рис. 3. Китайский золотой футляр для зубочисток периода династии Мин, гробница Ван Шици (1551–1618). Музей провинции Чжэцзян [по <http://blog.163.com>]

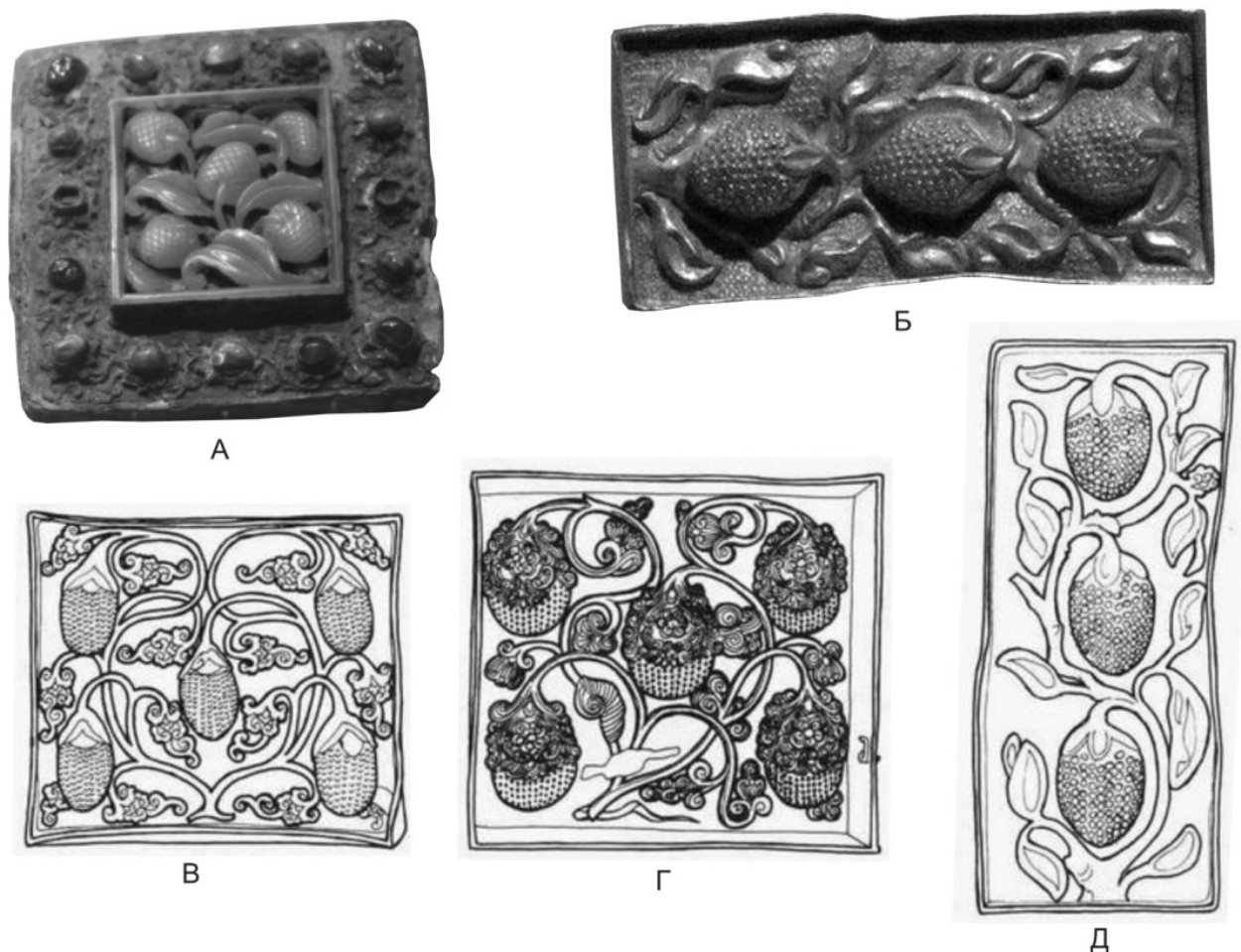

Рис. 4. Китайские наклейки с личи (по [http://baike.baidu.com, http://blog.163.com]):
 А — Си-ся, 1038–1227 гг. Золото. Музей Нинся-Хуэйского автономного района; Б — Династия Мин, 1368–1644 гг. Нефритовая вставка с декором личи. Музей провинции Хубэй; В, Г, Д — узор-личи [17, ил. 18–29. С. 279]

Плоды небольшие, овальные, длиной 2,5–4 см. Кожура их красного цвета, сухая, покрыта многочисленными остроконечными бугорками. Светлая желеобразная мякоть легко отделяется от кожуры, обладает сладким вкусом с небольшим винным оттенком. По вкусу личи напоминает виноград, но обладает легким вяжущим действием. В центре плода скрыта темно-коричневая косточка овальной формы [13] (рис. 5).

В одну из категорий традиционной китайской семантики входят плоды трех растений: личи (荔枝), лонган (桂圆) и грецкий орех (核桃). Все они объединены одним понятием «округлая форма» — 圓, это слово имеет омоним 元 со значениями — «главный, исток, основа». В добавление, первый иероглиф 荔 в слове «личи», включает в себе омонимы 俐 — «высокоморальный, умный» и 利 — «польза, лучшие качества». То есть, это игра смысла и слов, как образов. Потому иносказательное восприятие сюжета может быть описано формулой — «владелец этого пояса — основа высокой морали и избранных качеств (распорядитель)».

В современном Китае, образ личи — символ роскоши, реже, беспредельной любви. Согласно историческим заметкам, император Хэ-ди (89–105 гг.) династии Восточная Хань повелел наладить доставку в столицу Лоян, ко двору, свежих плодов личи с далекого юга. Расстояние в более чем 2000 ли (свыше 1000 км) нужно было преодолевать в краткие сроки, для чего была проложена специальная дорога,

Рис. 5. Дерево и плоды личи

учреждена эстафета, и, придуман способ сохранения плодов, так как они портятся уже после третьего дня. Спустя столетия, во времена династии Тан при императоре Сюань-цзуне (712–756 гг.), история повторилась, когда для любимой и печально знаменитой наложницы Ян Гуйфэй была учреждена и подобная дорога и эстафета. Безмерная роскошь и потребительский спрос двора, нашли отклик в едкой сатире танских поэтов, например, Ду Фу, Бай Цзюйи и Ду Му. Только императоры могли позволить себе подобные слабости, поэтому плоды личи стали называть «императорскими».

Здесь необходимо перейти к ременным китайским гарнитурам. Сюжет «плод личи» или «императорский цветок» в Поднебесной — транзитный. Он возникает в X веке во времена династии Сун (960–1279 гг.) [17]. В 《宋史·輿服志》 официальной «Истории дома Сун, уложение о выездах и нарядах», где оговариваются правила ношения одежды для поддержания иерархических различий, упомянутый сюжет с личи (среди пяти прочих), является разрешенным для декорирования золотых накладок к поясам придворных чиновников [16]. Далее, декор личи прослеживается как неперенный атрибут чиновника 3 и 4 ранга, включая династию Мин (1368–1644 гг.), — о чем подробнее ниже, в примерах из династийных хроник. Однако классические китайские поясные накладки имеют прямоугольную форму. Поясные накладки киданей, чжурчженей и монголов, зачастую — четырехлепестковую или близкую формы, соотносящуюся с традиционным для них узлом счастья [9, с. 23–27]. Четырехлепестковая форма бляшек мариентальского пояса соответствует вкусам «застенных варваров», то есть пояс был изготовлен специально для них, вероятно китайским мастером. Последнее допущение следует из того, что мастер детально передал внешний вид личи, следовательно, ранее уже изготавливал бляшки с подобным узором, или видел плод растения воочию, или хотя бы имел его подробное описание.

Безусловно, подобная эклектика (китайский имперский сюжет — четырехлепестковая «монгольская» форма накладки) отчасти была направлена на демонстрацию легитимности монгольской власти в Китае и пограничных территориях. Очевидно, в преемственности подобной традиции не последнюю роль сыграла деятельность Елюй Чуцая, советника Чингисхана и Угэдэя.

Ношение поясных блях в самой Поднебесной было строго регламентировано. В «Истории дома Юань, в уложении о выездах и нарядах» 《元史 輿服志》 пишут следующее: чиновники 1-го класса носят накладки на пояс из нефрита, 2-го — из рога носорога, 3–4-го — из золота с узором личи, 5-й и ниже — из менее ценных материалов [20]. С ней согласны, в соответствующих разделах, «История Цзинь» 《金史 輿服志》 [18], и, «История Мин» 《明史 輿服志》 [11]. При этом главное значение имел сам массив золота. Однако там же декларировалось, что за особые заслуги жаловалось право носить пояса с декором личи мелким чинам, но тут же оговорено, что они были медными или серебряными в позолоте. Последнее подтверждается находками разрозненных бронзовых элементов поясной гарнитуры с узором личи, на памятниках чжурчженей на Дальнем Востоке России [1].

Ранг чиновников 3-го и 4-го класса соответствовал центральному аппарату власти, то есть это были лица непосредственно приближенные к императору, таковыми являлись: 御史大夫 юйшидафу — цензоры, 中丞 чжунчэн — помощник цензора и 侍郎 шилан — товарищ министра.

Цензорат или Юйшитай (кит. упр. 御史臺, пиньинь: yùshǐtái, палл.: юйшитай, дословно «Терраса державных наблюдений») — орган надзора в Китае, осуществлявший надзор за чиновничеством и судопроизводством, подчинялся императору. Юйшитай существовал с Ханьских времен, а должность цензора-юши существовала и до того. В европейской традиции этот орган стали именовать «цензорат» по аналогии с древнеримскими цензорами. Юйшитай обладал судебными и надзорными функциями, которые были очень широкими. Юйшитай следил за службой всех чиновников, проверял отчеты, траты, рассматривал жалобы на чиновников и возбуждал дела против них, в случае выявления нарушения, проводил внеплановые проверки и служебные расследования (подробнее: [15]).

Монголы многое заимствовали из систем государственного управления покоренных народов. Как известно, администрирование в Монгольской империи вели образованные люди из числа киданей, уйгуров, тибетцев и китайцев. Этот факт способствовал легитимизации монгольской власти на оккупированных территориях. Так уже в 1231 году был создан высший гражданский административный орган «Дворцовый секретариат» (Чжуншушэн) — во главе с Елюй Чуцаем, которому подчинялись традиционные для Китая «Шесть Ведомств» (чинов, налогов, ритуалов, судебное, общественных работ и военное). А непосредственно при монгольском каане были учреждены «Военный совет» (Шумиюань) и «Цензорат» (Юйшитай).

Каким же образом пояс попал к его обладателю? Логично предположить, что такой статусный предмет:

1) мог быть подарком монгольскому послу на приеме, например, при сунском или тангутском дворе, и соответствовал взглядам китайской номенклатуры на иерархическое положение монгола-посла;

2) пояс был изготовлен в подвластных монголам землях, например, Пекине (или, в самом Каракоруме), китайскими мастерами, в тех же целях — подчеркнуть статус владельца (на китайский манер), как ханского доверенного лица.

Кому мог принадлежать пояс? Ответить на этот вопрос весьма сложно. Если принять небезосновательное предположение Л. Ф. Недашковского [12] о том, что территория Лисьей Балки у села Советское Саратовской области представляла собой летник Бату, то пояс мог принадлежать человеку, непосредственно сопровождавшему Бату в походе в Волжскую Булгарию и западные территории, и оставшемуся с ним. Либо человеку, который прибыл ко двору Батые или его преемников, например, с посольством из Каракорума или Пекина, и почил на месте.

Кроме того, пояс мог быть пожалован вместе с соответствующим иерархическим рангом.

Как предполагает А. Г. Юрченко, все монгольские офицеры высоких рангов, погибшие во время венгерского похода, транспортировались для погребения в Монголию [21, с. 287–304]. Однако, сомнительно, что в период обособления Улуса Джучи завоеватели твердо следовали этим правилам. Не исключено, что погребение высших чинов военного аппарата осуществлялось уже в Золотой Орде.

Поиски конкретного лица, носившего пояс, практически нереальны, однако, на наш взгляд, учитывая высокий социальный ранг обладателя, имя его могло сохраниться в китайских документальных хрониках. Возможно, дальнейшие исследования смогут пролить свет на личность хозяина пояса, несомненно, относившегося к кругу степной элиты.

Следует отметить, что между Улусом Джучи и юаньским Китаем длительное время осуществлялись политические, экономические и прочие связи. В качестве примера взаимоотношений между правящими элитами Поднебесной и Золотой Орды, можно привести весьма показательный пример. «Во втором году девиза царствования Чжи-юань (1264 г.) Юецзибе прислал послов (в Пекин), просил выделить ему земли и назначить ежегодные пожалования (передать доход с этих земель) с тем, чтобы оказать помощь армии и (содержанию) почтовых станций. У столицы (Пекина) изначально не имелось (во владениях Юецзибе) управляемых ею административных центров (фу, губернаторств), [поэтому] в третьем году девиза царствования Чжи-юань (1265 г.) императорский секретариат (Чжуншу) подал императору (Хубилаю, Ши-цзу) прошение об учреждении (во владениях Юецзибе) управлений цзунгуаньфу (генерал-губернаторств). (Самому Юецзибе) пожаловали основной ранг третьей степени и печать. В первом году девиза царствования Чжи-да (1308 г.) Юецзибе умер. Ему наследовал его сын Чжагунбе. При его правлении ему по прежнему были выделены и пожалованы земли пяти округов Пиньян, Цзиньчжоу, и Юнчжоу. С ежегодным доходом с этих земель в перечне на ассигнации в 2400. Средства начали выделять с пятого года девиза царствования Чжи-юань под циклическими знаками сы-мао (1339 г.)» [20] (цит. по: [10, с. 32]).

Как указано в приведенном выше тексте, представитель административно-военного аппарата Улуса Джучи получил основной ранг третьей степени, предполагающий вручение золотого пояса с личи, согласно китайским дворцовым предписаниям. Безусловно, невозможно проведение прямых корреляций между властной иерархией юаньского Китая и военно-административным аппаратом Джучиева Улуса, в силу культурных, идеологических и ментальных различий. Однако, нельзя полностью отрицать хотя бы некоторое сходство в управленческой модели. Безусловно, представители монгольской элиты вряд ли постигали тонкости китайских семантических конструкций, однако, по мнению авторов, им хорошо были знакомы атрибуты власти Имперского Китая. Подобная атрибутика должна была подчеркивать статус военных-чиновников и на удаленных от Китая территориях зарождающейся Золотой Орды.

Этому вопросу авторы намерены посвятить дальнейший вектор своей работы.

В заключение, авторский коллектив выражает благодарность Энгельскому краеведческому музею (в лице О. В. Сергеевой и Е. Н. Плаховой) за предоставленные материалы, а также В. А. Лопатину (Саратовский государственный университет) за критический просмотр рукописи.

Литература

1. Васильев, Ю. М. Погребальный обряд покровской культуры (IX–XIII вв. н. э.) / Ю. М. Васильев. Владивосток, 2006.
2. Гарустович, Г. Н. Раскопки П. Д. Рау 1929 года на территории Республики немцев Поволжья / Г. Н. Гарустович, А. И. Ракушин, А. Ф. Яминов // Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа, 1998.
3. Горелик, М. В. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой / М. В. Горелик, И. А. Дружинина // Батыр. М., 2011. № 1.
4. Ефимов, К. Ю. Золотоордынские погребения из Могильника Олень Колодезь / К. Ю. Ефимов // Донская археология. Ростов н/Д., 1999. № 3–4.
5. Кравец, В. В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды / В. В. Кравец. Воронеж, 2005.
6. Кравец, В. В. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая гора» на юге Воронежской области / В. В. Кравец, В. Д. Березуцкий, А. А. Бойков // Донская археология. Ростов н/Д., 2000. № 3–4.
7. Крамаровский, М. Г. Золото Чингисидов: джучидская сокровищница / М. Г. Крамаровский // Сокровища Золотой Орды. СПб., 2000.
8. Крамаровский, М. Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца первой половины вв. (источниковедческие аспекты) / М. Г. Крамаровский // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2001.
9. Кугай, В. Г. Металлические ажурные привески из районов Амура и Северного Приморья / В. Г. Кугай, И. С. Жушиховская // Родная старина. 2010. № 1.
10. Кычанов, Е. И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде / Е. И. Кычанов // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2001.
11. Мин ши. Цз. 67 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guoxue.com/wenxian/wxshi/wxshi.htm>
12. Недашковский, Л. Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа / Л. Ф. Недашковский. М., 2010.
13. Новак, Б. Тропические плоды. Биология, применение, выращивание и сбор урожая / Б. Новак, Б. Шульц. М., 2002.
14. Рау, П. Д. Курганы и древние находки в представлении крестьян немецкого Поволжья / П. Д. Рау // Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения П. Д. Рау (1887–1997), г. Энгельс, Саратов. обл., 12–17 мая 1997 г. «Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей». Саратов, 1997.
15. Рыбаков, В. М. Танская бюрократия. Ч. 1. Генезис и структура / В. М. Рыбаков. СПб., 2009.
16. Сун ши. Цз. 153. [Электронный ресурс] URL: <http://www.guoxue.com/wenxian/wxshi/wxshi.htm>
17. Цзи, С. Чжунго гудайде дай цзюй (Древнекитайская ременная гарнитура) / Сунь Цзи // Чжунго гу юфу лунь (Древнекитайские выезды и наряды, сборник статей). Вэньу чубаньше (Изд-во культур. наследия), 2001.
18. Цзинь ши. Цз. 43. [Электронный ресурс] URL: <http://www.guoxue.com/wenxian/wxshi/wxshi.htm>
19. Чжишуй, Я. Шицзин миньу синь чжен (Классическая поэзия о сущности вещей, новые свидетельства) / Ян Чжишуй. Бэйцзин гуцзи чубаньше (Пекин. изд-во древ. лит.). 2000.
20. Юань ши. Цз. 78. [Электронный ресурс] URL: <http://www.guoxue.com/wenxian/wxshi/wxshi.htm>

21. Юрченко, А. Г. Тайные монгольские погребения (по материалам францисканской миссии 1245 года) / А. Г. Юрченко // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время : сб. науч. работ. Донецк, 2008.

22. В статье использованы тексты и фотоматериалы китайских электронных ресурсов. URL: <http://baike.baidu.com>; <http://blog.163.com>

Ф. Н. Петров

КАЛАЧЕВИДНОЕ КРЕСАЛО И ДРУГИЕ НАХОДКИ В УСТЬЕ РЕКИ ХУДОЛАЗ

Участниками Московского областного общественного фонда «Наследие» и нашими челябинскими коллегами, в ходе ознакомительной поездки по реке Урал, была сделана интересная находка. На левом берегу Урала, при впадении в него реки Худолаз, по левому берегу последней, в районе заброшенного животноводческого хутора Худолаз (Кизильский район Челябинской области), на наклонной площадке коренного берега над старым бродом, по которому через реку Худолаз раньше проходила старая дорога вдоль реки Урал, было найдено кресало*.

Калачевидное кресало с треугольным язычком и завитками на концах (один завиток обломан) имеет длину 8,7 см и высоту 3,8 см (рис. 1).

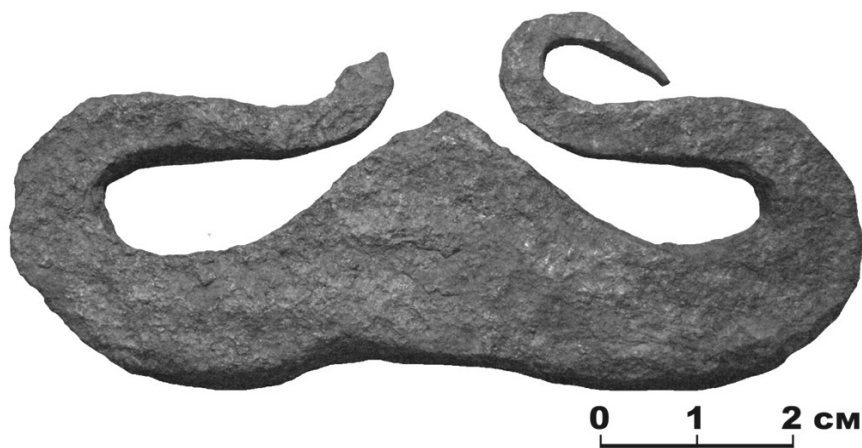

Рис. 1. Калачевидное кресало. Челябинская область. Устье реки Худолаз

Кресала такого типа были широко распространены на территории Центральной, Северной и Восточной Европы, на Урале и в Сибири — вплоть до Забайкалья и Приамурья. На древнерусских археологических памятниках они датируются в основном X — серединой XII в., хотя в небольшом количестве встречаются до середины XIV в. Также подобные кресала широко известны в погребениях поздних кочевни-

* В осмотре местности в устье реки Худолаз в районе находки кресала участвовали: Андрей, Ирина, Полина и Павел Злоказовы; Алексей и Екатерина Даниловы, Михаил Угаев и Сергей Марков.

ков, начиная с XI века, но, как правило, в комплексах XIII–XIV веков [1, с. 188–192; 2, рис. 197, 1–3; 3, с. 98, рис. 3, 4]. В пермском Предуралье кресала такого типа бытовали, главным образом, с X до начала XIII века [4, с. 158].

Традиция изготовления стальных кресал калачевидной формы была заимствована средневековыми кочевниками у древнерусского населения, кресала этого типа были широко распространены в кочевой среде [1, с. 203].

В ходе осмотра площадки коренного берега сделанного после этой находки, было обнаружено еще девятнадцать предметов из камня, черного и цветного металла (1):

- четыре орудия на отщепах серого кремня (рис. 2, 17–20);
- прямоугольная железная ременная пряжка (рис. 2, 12);
- железная скоба (рис. 2, 13);
- два кованых железных гвоздя (рис. 2, 14–15);
- фрагмент верхней части чугунного котла (рис. 2, 16);
- поясная накладка из тонколистовой бронзы, орнаментированная чеканкой (рис. 2, 3);
- миниатюрный бронзовый пинцет (рис. 2, 5);
- фрагмент бронзовой пластинки с отверстием (рис. 2, 4);

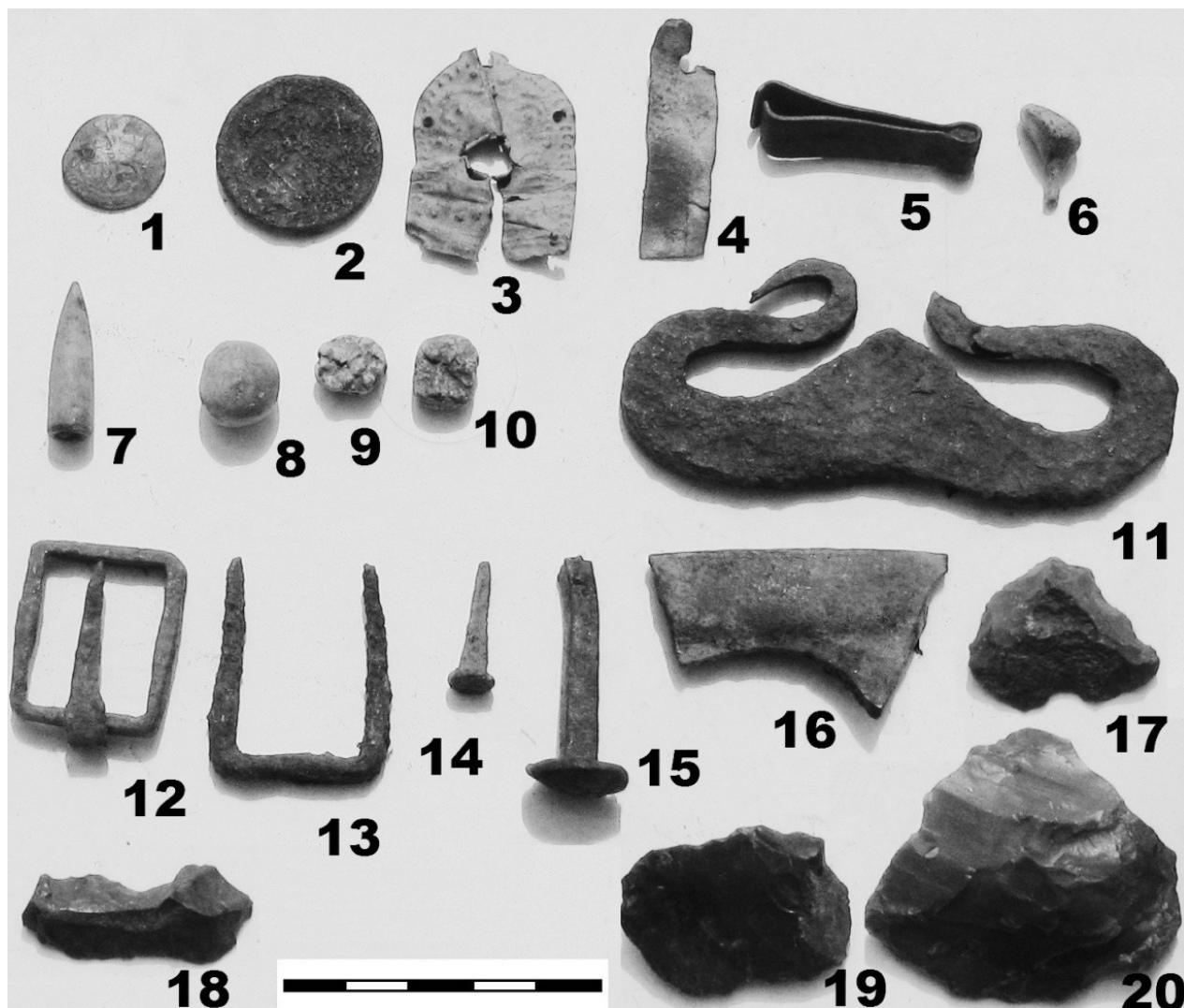

Рис. 2. Находки, сделанные в районе устья реки Худолаз. Челябинская область

- обломанный литник, оставшийся от заливки в форму какого-то бронзового предмета (рис. 2, 6);
- круглая свинцовая пуля (рис. 2, 8);
- два куска свинца (картечины?) (рис. 2, 9-10);
- винтовочная пуля (рис. 2, 7);
- медная екатерининская полушка (1776–1796 гг., точная дата не сохранилась – затерта) (рис. 2, 1);
- медная двухкопеечная монета 1813 года, производства Екатеринбургского монетного двора (рис. 2, 2).

Большинство перечисленных предметов могут датироваться тем же временем, что и найденные монеты: второй половиной XVIII – первой третью XIX века. Возможно, они маркируют место расположения Худолозского форпоста Оренбургской военно-пограничной линии, функционировавшей по реке Урал с конца 1730-х – начала 1740-х годов на протяжении ста лет, до момента образования Новолинейного района.

Форпост Худолозский (Худолозской) располагался в устье реки Худолоз. Отмечен на целом ряде карт конца XVIII – начала XIX вв. между Кизильской крепостью и Грязнушенским редутом (генеральная карта Уфимского наместничества 1791 г., карта Оренбургской губернии 1800 г. и др.).

Однако найденное на этом месте калачевидное кресало, судя по аналогиям, может датироваться золотоордынским периодом или (менее вероятно) домонгольским временем.

Предмет передан находчиком Андреем Алексеевичем Злоказовым в музей клуба юных археологов «Формика» Дворца пионеров и школьников имени Н. К. Крупской (Челябинск).

Литература

1. Евгелевский, А. В. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы / А. В. Евгелевский, Т. М. Потемкина // Степи Евразии в эпоху средневековья : в 2 т. Т. 1. Донецк, 2000. С. 181–208.
2. Захаров, С. Д. Древнерусский город Белоозеро / С. Д. Захаров. М. : Индрик, 2004. 592 с.
3. Колчин, Б. А. Хронология новгородских древностей / Б. А. Колчин // СА. 1958. № 2. С. 92–111.
4. Крыласова, Н. Б. Хронология кресал пермского Предуралья / Н. Б. Крыласова // Изв. Челяб. науч. центра РАН. Вып. 1 (35). 2007. Вып. 1 (35). С. 157–161.

«ТАТАРСКАЯ КЕРАМИКА» ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПРОБЛЕМА СООТНЕСЕНИЯ КЕРАМИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ С КОНКРЕТНЫМ ЭТНОКУЛЬТУРНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ

Во второй половине XX — начале XXI века одной из наиболее острых проблем сибирской археологии стало воссоздание исторических событий второй половины II тысячелетия н. э., периода, когда в Сибири в общих чертах формировалась система расселения аборигенного населения, весьма близкая современной этнической картине. Изучение культуры населения этого периода путем выделения археологических культур стало малоэффективным, хотя такие попытки исследователями предпринимались. Для Тоболо-Иртышского региона и Барабы В. П. Левашева выделяла «культуру Сибирского юрта» [11], для Северной Барабы и Среднего течения реки Тара В. И. Молодин, В. И. Соболев и А. И. Соловьев — «кыштовскую культуру» [23, с. 193; 26], для Томского Приобья М. П. Грязнов — «тояновскую культуру» [Татауров, 2012]. Общая проблема этих археологических конструктов заключалась в том, что границы распространения каких-либо культурных явлений, выявленных археологическими методами, весьма затруднительно соотносились с реальными границами проживания определенных этнических групп. Наиболее показательную эту ситуацию иллюстрирует история хронологической и этнической атрибуции керамики населения лесостепной полосы Западной Сибири XIV–XVI веков.

Археологические работы В. П. Левашевой 1920-х годов по обследованию памятников Барабы и, в частности, Вознесенского городища (Тон-Тура), позволили сибирской археологии сделать первый шаг в плане этнической интерпретации позднесредневековых археологических материалов. Во время публикации результатов своих работ на Вознесенском городище (Барабинская лесостепь) В. П. Левашева сделала очень осторожный вывод — «определить народность, которой принадлежал этот памятник, пока еще не представляется возможным, так как антропологического материала мы не имеем, сравнение с другими западно-сибирскими памятниками тоже мало может дать, так как они еще совершенно не изучены, но все же некоторый намек мы имеем — это сходство с татарскими памятниками, городищем Искер и могилами Тоянова городка» [12, с. 97].

В известной публикации «О городищах Сибирского юрта» (1950) В. П. Левашева отнесла материалы городищ Вознесенского, Искер, Самарово, Тоянова городка, Чиняиха Шеломок к «культуре Сибирского юрта». Уже тогда она указала на одну важную особенность керамической традиции населения этих городищ: «орнаментированная керамика является характерной для данной культуры независимо от народности, так как в состав Сибирского юрта входили не одни татары» [11, с. 349]. Таким образом, во-первых, В. П. Левашева, указав ряд опорных памятников, очертила границы новой археологической «культуры Сибирского юрта», включив в нее центральные и восточные территории Сибирского ханства Кучума (на период 1580-х гг.). Во-вторых, она четко развела по разные стороны керамическую традицию, единую по ее мнению, для всего населения «Сибирского юрта», и этническую характеристику носителей этой археологической культуры, все же признав численное преобладание среди них — татар.

В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская в 1951 году по результатам работ на городище Большой Лог, верхний культурный слой которого они датировали XII–XVI вв., от этнических определений воздержались, отметив лишь близость материалов верхнего слоя городища Большой Лог с материалами Вознесенского городища [32, с. 78].

В 1957 году В. Н. Чернецов предположил, что появление на Безымянном городище керамики, аналогичной «описанной В. П. Левашевой по Вознесенскому городищу на Оми, относится к совершенно иной (по отношению к древнехантыйской), видимо татарской культуре» [33, с. 219–220]. Таким образом, В. Н. Чернецов, находясь в парадигме «археологических культур» и являясь этнографом, предложил для носителей керамической традиции Безымянного городища (Среднее Прииртышье) и Вознесенского городища (Барабинская лесостепь) иное, в отличие от В. П. Левашевой, наименование. Он ушел от использования в качестве маркирующего признака керамической традиции — государственности, заменив его конкретным этническим наполнением — наименованием одного из народов — «татар». Результаты этого предположения В. Н. Чернецова сказались достаточно скоро.

В 1960-х годах на памятниках южнотаежного Среднего Прииртышья XIV–XVI веков проводил работы В. А. Могильников. В своих публикациях, посвященных результатам работ на многослойных Никольском IV и Екатерининском V (Ананьинском) городищах, он дал предварительную характеристику их керамическим комплексам. Отметив, «некоторую связь с посудой предыдущего хронологического этапа», В. А. Могильников объяснил новую керамическую традицию Среднего Прииртышья появлением татар, которые, частично ассимилировав и частично оттеснив местное население, восприняли некоторые элементы культуры, в том числе гребенчатую орнаментацию керамики [20, с. 281; 22, с. 247]. Гораздо позднее, в 1994 году, анализируя соотношение керамических комплексов XIV–XVIII веков и керамических комплексов предыдущего хронологического периода, В. А. Могильников использовал термин «татарская керамика», отметив ее малочисленность и повторив, что керамический узор ее заимствован от предыдущей эпохи [21, с. 123].

Появлению же самого термина «татарская керамика» мы обязаны другому ученому — Р. Д. Голдиной, которая в 1969 г. в статье «Перечень работ уральской археологической экспедиции в 1963 г.», при описании полученного материала, в том числе и раскопок Кучумова городища на реке Ишим, впервые ввела в научный оборот термин «татарская керамика». В обоснование культурно-хронологической принадлежности комплекса артефактов Кучумова городища на реке Ишим Р. Д. Голдина писала: «Что касается этнической принадлежности населения, обитавшего на городище Кучум Гора, то ее определение не представляет большой трудности. Местоположение городища на высоком мысу, сильная укрепленность поселения, столь необычные в ишимской лесостепи, указывают на связь с городищами Сибирского юрта, которые, как правило, располагались в удобных стратегических пунктах и были хорошо укреплены. Вещевой комплекс городища Кучум Гора очень схож с предметами, обнаруженными на тех же поселениях. Даже конструкции жилищ в основных чертах повторяются. Да и само название поселения, бытующее среди местного населения, говорит само за себя. Несомненно, что это городище принадлежало к числу опорных пунктов Сибирского юрта» [4, с. 25].

Внимательное прочтение этого «обоснования» не дает нам понимания доказательной базы Р. Д. Голдиной в обосновании этнической принадлежности населения городища Кучум Гора. Речь вновь шла о поиске аналогий в среде известных археологических памятников Западной Сибири. Отсутствие в конце 1960-х годов в отечественной археологии отдельной, обоснованной и «защищенной» археоло-

гической «культуры Сибирского юрта», предложенной еще В. П. Левашевой в 1950 году, не позволили Р. Д. Голдиной оперировать собственными полученными данными в поле парадигмы «археологическая культура». По этой причине, сообразуясь с публикациями В. Н. Чернецова, В. А. Могильникова, она обратилась к следующей логической конструкции — «государственное образование Сибирский юрт» (по В. П. Левашевой) — «татарская культура» (по В. Н. Чернецову) — народ «татары» (по данным исторических и этнографических источников) — «керамическая традиция татар» (по В. А. Могильникову) — «татарская керамика». Для нас важным является тот факт, что под «татарской керамикой» Р. Д. Голдина понимала характерные керамические комплексы только XVI века, не распространяя этот термин на керамику более раннего периода.

Почти одновременно с конструкцией Р. Д. Голдиной в науке появилась более осторожная атрибуция керамических комплексов Среднего Прииртышья XIV–XVI вв. В. Ф. Генинг, после проведения работ на городище Большой Лог (Омское Прииртышье), в 1970 году писал о том, керамический комплекс верхнего слоя (XII–XVI вв.) оставило местное население, подвергнувшееся тюркизации. Подчеркнув, что «это не означает, что все они были тюрками» [3, с. 228].

В 1970–80-е годы на территории Барабинской лесостепи плодотворно работали экспедиции новосибирских археологов В. И. Молодина, В. И. Соболева, А. И. Соловьева и др. Изучению подверглись 29 позднесредневековых городищ, поселений, могильников и культовых мест. В обобщающей работе «Бараба в эпоху позднего средневековья» (1990) значительное место заняли археологическая характеристика и типологизация керамических комплексов XIV–XVI веков. Авторы монографии изначально разбили эти комплексы по этническому признаку на «изделия барабинских татар», «изделия южных хантов», «изделия селькупов». В текстах разделов были использованы термины «керамические комплексы барабинцев», «керамика группы барабинских татар», «керамические комплексы тюменских татар», «керамика западно-сибирских татар» [23, с. 16–32]. Столь уверенное использование этнических терминов, при наименовании, атрибуции и типологии керамических комплексов населения Барабинской лесостепи XIV–XVI веков, было основано на уверенности исследователей в том, что формирование упоминаемых ими этнических групп состоялось к XIV веку [Там же, с. 194]. Аналогичная терминология была использована В. И. Соболевым и при подготовке им докторской диссертации [25, с. 126–128, 130]. В. И. Соболев считал, что в XIV веке (заметьте, что уже не к началу XIV в., а течение этого столетия) завершился процесс сложения западно-сибирских татар [Там же, с. 272].

Таким образом, от конструкта «татарская керамика», предложенного Р. Д. Голдиной для обозначения керамических комплексов известных городищ Сибирского ханства второй половины XVI века, в 1980–90-е годы сибирская археология перешла к оперированию терминами, отражающими, по мнению новосибирских исследователей, более стройные иерархические (прежде всего своим этническим наполнением) структуры более ранних исторических периодов — XIV–XVI веков. Выстроилась, по сути, этнографическая иерархия археологических комплексов керамики: «керамика западно-сибирских татар», в которую входили «керамические комплексы барабинцев», «керамические комплексы тюменских татар» и др.

Одновременно с археологическими исследованиями культуры населения Среднего Прииртышья и Барабы XIV–XVI вв. на протяжении второй половины XX века происходило активное изучение вопросов этногенеза и этнической истории западно-сибирских татар. Уже к 1981 году у ведущих отечественных этногра-

фов-сибириеведов сложилось обоснованное мнение о том, что сибирские татары начали консолидироваться в феодальную народность только в XV–XVI веках [2, с. 22, 44]. По мнению Н. А. Томилова, даже в начале XX в. единого этноса сибирских татар не существовало, и они представляли из себя не до конца консолидированную метаэтническую общность [31, с. 212–213]. По этой причине использование этнически-наполненных терминов «керамика группы барабинских татар», «керамические комплексы тюменских татар» при атрибуции керамических комплексов XIV–XV веков Среднего Прииртышья и Барабы выглядит по меньшей мере странно. Поскольку ни барабинских, ни тюменских, никаких других групп западно-сибирских татар в это время еще не существовало.

С 1993 года группа омских этноархеологов, в числе которых были В. Б. Богомолов, Б. В. Мельников, С. Ф. Татауров, С. С. Тихонов, приступила к изучению археологических памятников и этнографии тарских татар XVII–XX веков. При исследовании археологических памятников конца позднего средневековья – Нового времени здесь были получены представительные коллекции артефактов. При анализе, атрибуции и описании полученных керамических комплексов учеными был автономно от Р. Д. Голдиной вторично использован термин «татарская керамика». Обоснованием для такого использования стал факт того, что исследованию подвергались остатки населенных пунктов и могильники XVII–XVIII веков, однозначно оставленные проживавшими здесь тарскими (аялыньскими, туралиньскими) татарами. Эти этнические термины были зафиксированы в многочисленных письменных и изобразительных источниках XVII–XX веков. Таким образом, в отличие от предыдущих исследователей, омские этноархеологи на самом деле придали термину «татарская керамика» не только культурно-хронологический, но и этнодиагностирующий характер [27, с. 31; 29]. При этом вполне справедливо отмечалось, что пришлое сюда ранее тюркское население, не имевшее собственной керамической посуды, заимствовало ее у местного населения, и на основе которой сложилась «татарская керамика» XVII–XIX веков [30, с. 132–133].

Термин «татарская керамика», появившийся первоначально в лексике означенных авторов как термин «технический», необходимый, прежде всего для полевого обозначения керамического комплекса, отличного от керамики русского населения региона XVII–XIX веков прочно закрепился в публикациях 1990-х годов омских исследователей. Вместе с тем уже сейчас нельзя признать его корректность, поскольку термин распространяется на все известные группы татарского народа: казанских, астраханских, крымских татар. Тем не менее, важнейшим достижением омских этноархеологов в 1990-е годы стало не только выделение этого характерного керамического комплекса, присущего татарскому населению Тарского Прииртышья XVII–XIX веков, но и предположение об определенной схожести его с известными на тот момент опубликованными и неопубликованными (музейными) археологическими керамическими коллекциями XIV–XVI веков Среднего Прииртышья и Барабы [15].

Последующие археологические изыскания на памятниках XIV–XVI веков в южно-таежной зоне Среднего Прииртышья, проведенные А. В. Матвеевым и С. Ф. Татауровым в 2004–2007 годах, позволили получить новые серии керамических изделий [13; 14, с. 69–86; 16, с. 149–152; 17, с. 350–360; 27]. Их облик и орнаментация дали возможность авторам более чем смело использовать термин «татарская керамика» для их атрибуции и описания. Прежде всего, снова как технический термин, необходимый для отличия этой керамики от керамики предшествовавшей усть-ишимской археологической культуры X–XIII веков. Вместе с тем исследователи предполагали

и провозглашали генетическую связь между керамическими комплексами тарских татар XVII–XVIII веков и керамикой исследуемых ими городищ и селищ XIV–XVI веков (городище Надеждинка IV, могильник Надеждинка VII, городище Кошкуль IV, Крапивка II, Екатерининское V (Ананьинское)). А. В. Матвеев для разделения полученных в культурном слое городищ Кошкуль IV, Крапивка II материалов, использовал термин «сосуды татарского облика», «сосуды усть-ишимского облика» [17, с. 356]. Таким образом, появился еще один некорректный термин для обозначения керамических комплексов XIV–XVI веков Среднего Прииртышья.

Активизация работ по изучению археологических комплексов населения Сибирских тюрко-татарских государственных образований XV–XVI веков, проводимых С. Ф. Татауровым и А. В. Матвеевым, привел к возникновению ряда дискуссий. Одним из вопросов этих дискуссий, развернувшихся на конференциях и в публикациях 2006–2011 годов стал вопрос о корректности использования термина «татарская керамика» для обозначения керамических коллекций XIV–XVI веков населения Среднего Прииртышья и Барабы. В. В. Михалев совместно с М. А. Корусенко (2006), а затем отдельно (2011) представил следующую аргументацию: «Керамическое производство усть-ишимской культуры, угорской в своей основе, явилось базой, на которой сформировалось керамическое производство XIV–XVII вв. аборигенного населения Среднего Прииртышья. Трансформация этой усть-ишимской керамики в позднесредневековую (XIV–XVII вв.) хорошо прослеживается по материалам городищ Кошкуль IV и Крапивка II. Подчеркнем, говорить о смене населения для Среднего Прииртышья в позднем средневековье нет оснований. Тюркские этнические группы, проникавшие на данную территорию контактировали с местным населением, что и привело к сложению населения, получившего современное название «сибирские татары». Как неоднократно отмечали исследователи, позднесредневековая керамика Среднего Прииртышья и Барабы имеет четкие аналогии в керамике предшествующих культур – саргатской раннего железного века и потчевашской культуры раннего средневековья, что свидетельствует о глубокой преемственности традиции в изготовлении керамики, которая не имеет отношения к тюркскому миру» [19, с. 141].

Таким образом, по мнению В. В. Михалева [термин «татарская керамика»], употребляемый к позднесредневековому этапу развития керамических традиций в южнотаежном Прииртышье, заранее огрубляет реконструируемую историческую действительность. Очевидно, что керамические традиции трудно связать с каким-либо конкретным этнокультурным образованием. Скорее речь идет о традиции населения на определенной территории в определенный хронологический период, где были представлены несколько этнокультурных образований, которые изготавливали керамику, имеющую общие черты... Обозначение «татарская» по отношению к керамике, являющейся продолжением традиций, сформировавшихся в иной (вероятно, угорской) среде неприемлемо. С нашей точки зрения, керамику этого времени уместнее называть, вслед за В. П. Левашевой, «керамикой Сибирского юрта», или использовать другое обозначение, не несущее этнической окраски» [Там же, с. 141]. Однако, это совершенно неправомерно для периода после присоединения Сибири к российскому государству, хотя бы исходя из того, что к тому времени Сибирского юрта уже не существовало.

В 2004–2006 годах А. В. Матвеев и С. Ф. Татауров провели анализ многочисленных керамических комплексов XIV–XVI веков Среднего Прииртышья, Приишимья, Притоболья, Притомья и Барабы, на основании чего подтвердили вывод В. П. Левашевой о схожести их орнаментальных мотивов [15]. Этот результат был

неожиданным, поскольку согласно ряду письменных и устных этнографических источников, население южнотаежной и лесостепной полосы Западной Сибири в конце XIV – XVI веке было чрезвычайно пестрым по своему этническому составу. Согласно сибирским рукописям о религиозных войнах учеников шейха Багаутдина в районе реки Иртыш к 1394 году проживали четыре «народа»: хотан, ногай, каракыпчак и иштяк. Первые три из них имеют отношение к кыпчакам; последний мог иметь отношение, как к кыпчакам, так и к «остякам», то есть хантам. По данным Д. М. Исхакова, в 1428–1429 годах в окрестностях города Туры (Чимги-Туры) проживали буркуты, к которым вскоре Абулхаир хан назначил даругами знатных лиц из племен кушчи, найман, уйгур, кунграт, дурман. Еще ряд письменных и устных источников говорят о том, что в бассейнах Тобола и Иртыша во второй половине XV века проживали племена салжигут и табын [6, с. 244–245]. К сожалению, нет данных о наименовании племен, проживавших в XIV–XV веках конкретно в Среднем Прииртышье. Однако в его «пестроте» сомневаться не приходится. Этнокультурное различие проживавшего здесь населения было не только зафиксировано исследователями и фискалами в XVII–XX вв., но и до настоящего времени сохраняется в языке и самосознании представителей различных групп западно-сибирских татар.

Таким образом, получается, что, несмотря на то, что в XIV–XVI веке население исследуемой территории имело различное происхождение, оно культивировало одну (с учетом наличия локальных вариантов) керамическую традицию. В. П. Левашева снимала это противоречие великой объединяющей ролью государства – Сибирского юрта. Мы же предлагаем решение, основанное на результатах современных исследований казанского ученого Д. М. Исхакова, который утверждает, что население тюрко-татарских государственных образований Западной Сибири XV–XVI веков делилось по этнословному признаку на две неравные по численности их представителей, части.

Первой частью было ясачное население (чернь), генетически восходившее к дозолотоордынским этническим общностям, то есть к населению усть-ишимской археологической культуры, подвергнувшемуся непрерывной тюркизации. Это ясачное население жило оседло по «волостям». К ясачному же населению относились кочевые и полукочевые представители кыпчако-кимакских родовых подразделений, проживавших в степи и лесостепи Западной Сибири.

Другой составляющей государств Западной Сибири XV–XVI веков был слой феодалов из золотоордынских групп с четким клановым делением («татар»), которых Д. М. Исхаков делит на многочисленные племена тюркского или монгольского происхождения. «Татары» вели кочевой или полукочевой образ жизни и жили в «улусах» [6, с. 172–173]. Очевидно, что немногочисленные представители этого слоя феодалов не занимались изготовлением керамической посуды, и в большинстве своем использовало либо кожаную, либо металлическую (котлы) посуду. Либо посуду для них изготавливала «чернь» – зависимое население, представленное группами тюрков, тюркизированных угров, тюркизированных селькупов.

В соответствии с концепцией Д. М. Исхакова такое положение дел выглядит логичным для XV–XVI веков. Как нельзя кстати в 2007 году в своей монографии, посвященной раннему и развитому средневековью Среднего Прииртышья, омский ученый Б. А. Коников отошел от моноцентричной (угорской) концепции этнической принадлежности носителей усть-ишимской археологической культуры X–XIII веков и говорит о ее мультиэтничности (южные ханты, тюрки, кеты) [8, с. 255–256].

Таким образом, единство керамической традиции населения южнотаежной и лесостепной полосы Западной Сибири XIV–XVI веков формировала не позднелазоордынская государственность, которая как явление появилось здесь лишь в XV веке, да и не на всей исследуемой территории, а общие процессы деградации керамической традиции, населения развитого средневековья. Именно по этой причине обычным фактом является обнаруживании в культурном слое однослойных поселений XV–XVII веков великолепных (почти классических) фрагментов фигурно-штампованной и гребенчато-ямочной керамики, обычно датируемой X–XIII веками. Подобные находки в Омской области производили Б. В. Мельников на территории поселения Черталы I, А. В. Матвеев в культурном слое городищ Кошкуль IV и Крапивка II; на территории современной Тюменской области М. С. Знаменский на городище Искер, А. В. Матвеев на территории легендарных Бегишевского княжева городка, древнего воинского укрепления царя Саргачика, датированных временем похода отряда атамана Ермака.

Итогом нашей публикации, казалось бы должен стать термин, противный термину «татарская керамика» и в полной мере корректно отражающий суть описываемых явлений. Для керамики XVII–XX веков на наш взгляд уместно использование терминов «керамический комплекс тарских татар», «керамический комплекс барабинских татар» и т. д., и более высокий в иерархическом плане «керамический комплекс западно-сибирских татар».

Для характеристики керамической традиции населения южнотаежной и лесостепной полосы Западной Сибири XIV–XVI веков мы не можем вслед за В. П. Левашевой, М. А. Корусенко и В. В. Михалевым использовать термины «керамика Сибирского юрта», поскольку Сибирского юрта в XIV веке здесь не существовало. В последующем XV – первой половине XVI века позднелазоордынские политические объединения занимали не всю исследуемую нами территорию. До 1560-х годов тюрко-татарская государственность отсутствовала на территории Омского Прииртышья, Барабы, Томского Приобья.

Действовать в парадигме «археологическая культура» и создавать серию археологических культур для эпохи позднего средневековья Западной Сибири, мы считаем неоправданным. По этой причине для характеристики керамической традиции нам нужно ответить на вопрос: «кем было населения рассматриваемого региона?» Здесь мы выходим на более обширную проблему этнической истории и этногенеза сибирских татар.

С точки зрения археологии, основой для выработки корректной терминологии, отражающей специфику керамической традиции южно-таежного и лесостепного населения позднего средневековья Западной Сибири XIV–XVI веков, должен стать феномен «процесс тюркизации». Этот устоявшийся в науке термин для большинства исследователей однозначно отражает реальный этнический процесс, проходивший на всем протяжении средневековья на территории Западной Сибири и подтверждающийся археологическими данными. Корректным термином для обозначения характерной керамической традиции мог стать термин «керамика тюркизируемого населения Западной Сибири XIV – XVI вв.». Его использование подразумевает, что в конце этого хронологического периода произошло формирование известных нам групп западно-сибирских татар со своим комплексом материальной и духовной культуры, в том числе и керамики. Однако термин звучит крайне неблагозвучно, а кроме того он всегда подразумевает необходимость понимания и обоснования степени этой «тюркизации».

По этой причине авторы предлагают для обозначения керамической традиции южно-таежного и лесостепного населения позднего средневековья Западной Сибири XIV–XVI веков использовать термин «керамика ранних татар Западной Сибири», либо «керамика раннетатарской культурно-исторической общности Западной Сибири» по аналогии с известными терминами «раннеславянская керамика», «раннескифская керамика» и т. д. Вместе с тем, требуется обосновать само использование термина «ранние татары Западной Сибири» или «раннетатарская культурно-историческая общность Западной Сибири». Оно исходит из концепции становления средневекового татарского этноса, предложенной Д. М. Исхаковым и И. Л. Измайловым. Согласно которой историю становления этноса можно разбить на три этапа: образование основных этнических компонентов (III – середина XIII в.); формирование единой татарской этнополитической общности (середина XIII – первая четверть XV в.); деконсолидация татарского этноса и незавершенный этап становления самостоятельных общностей в составе татарских государств (XV – начало XVII в.) [7, с. 21].

На материалах Среднего Прииртышья в общих чертах эта концепция работает.

Так, к концу XIII века здесь только в южной тайге сохранялись городки мультиэтничного населения усть-ишимской археологической культуры. О присутствии тюркского компонента в материальной и духовной культуре этого населения говорят материалы курганных могильников Иванов мыс I, Кипы III [8, с. 255, 258].

В лесостепи и степи уже в X–XI веках безраздельно господствовали родовые подразделения кимаков и кыпчаков. Их «тюркский» пласт материальной культуры, который, пока за неимением другого термина, археологи относят к сроткинской археологической культуре, отражается в материалах IX–XI веков курганных могильников у села Изылбаш, хутора Романтеевка [10, с. 159–160], села Соляное [18; 24], поселения Батаково-20, курганного могильника Батаково-18 [1, с. 162].

В XIII веке все население долин рек Иртыш, Ишим, Омь в пределах современных Омской, Курганской и южной части Тюменской областей вследствие монгольских завоеваний было интегрировано в золотоордынские клановые образования. При этом не играла никакой роли их прежняя родоплеменная система. Д. М. Исхаков и И. Л. Измайлов пишут: «по сути дела, уже в период завоевания евразийских степей были уничтожены прежние родоплеменные структуры и родовые культы и традиции, введен территориальный принцип военно-административного управления и расселения народа, а также были образованы новые улусы и кланы, куда вошли осколки прежних кыпчако-кимакских племен... В условиях распада старой племенной структуры, крушения родовых связей и абберации сознания, значительная часть населения, особенно аристократия, стремилась включиться в новую социальную систему, активно перенимая новую этнополитическую идентичность» [7, с. 176, 179]. Таким образом, народы, проживавшие в Среднем Прииртышье, являясь разными по происхождению, стали идентифицировать себя с татарами (или тюрко-монголами). На этом основании их материальная культура может быть названа «татарской». Но, торопиться со столь смелой терминологией не следует, поскольку очевидно, что такой резкий культурный слом здесь произойти не мог по нескольким причинам.

Территория Среднего Прииртышья, Приишимья, Барабы относится к самой северо-восточной периферии Улуса Джучи. И, несмотря на то, что область Ибир-Сибир к XIV веку стала отдельной его административной единицей, этнополитические процессы здесь происходили с меньшей интенсивностью. Да, лесостепное

и степное кыпчако-кимацкое в своей основе население, близкое по материальной культуре кочевникам тюрко-монголам, быстро изменило свою этнополитическую идентичность, оставив без изменений свою материальную культуру. Оседлое население южнотаежной и таежной по зоне расположения усть-ишимской археологической культуры, не могло достаточно быстро изменить в значительной степени части своей материальной и духовной культуры. Одним из этих элементов была керамическая традиция, которая в условиях постепенного уничтожения прежних родоплеменных структур, идеологии и родовых культов, по инерции какое-то время продолжала воспроизводить прежние орнаментальные мотивы. Однако с каждым поколением все хуже и небрежнее. По этой причине, являясь, по сути, продолжением лесной усть-ишимской керамики, керамические комплексы южнотаежного и лесостепного населения позднего средневековья Западной Сибири с начала XIV века могут быть названы «керамикой ранних татар Западной Сибири», либо «керамикой раннетатарской культурно-исторической общности Западной Сибири». Несомненно, что уже в конце XVI – XVII веке потомки носителей этой керамической традиции однозначно относились к той или иной группе западносибирских татар и воспроизводили характерную керамику. Б. А. Конилов, со ссылкой на результаты исследований А. Н. Багашева, пишет о том, что наблюдаемая по краниологическим материалам преемственность между средневековым населением и тоболо-иртышскими татарами свидетельствует о том, что смена культур не сопровождалась изменением физического типа местного населения. Усть-ишимская культура сыграла едва ли не определяющую роль в формировании общности тоболо-иртышских татар [8, с. 255].

Таким образом, промежуточный этап развития керамической традиции южнотаежного и лесостепного населения Среднего Прииртышья, датируемый XIV–XVI веками, может быть связан с термином «ранние татары», поскольку, на наш взгляд, именно этот термин полностью отражает существовавшую этнополитическую и культурную реалии.

Литература

1. Ахметова, Ш. К. Процессы тюркизации южных территорий Среднего Прииртышья / Ш. К. Ахметова, Л. И. Погодин, И. В. Толпеко // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик ; Омск, 2001. С. 162–163.
2. Валеев, Ф. Т. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX в. (Историко-этнограф. очерки) / Ф. Т. Валеев. Казань : Татар. кн. изд-во, 1980. 232 с.
3. Генинг, В. Ф. Памятники железного века в Омском Прииртышье / В. Ф. Генинг [и др.] // Проблемы периодизации и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та. 1970. С. 203–228.
4. Голдина, Р. Д. Перечень работ уральской археологической экспедиции в 1963 г. / Р. Д. Голдина // ВАУ. 1969. Вып. 8. С. 7–29.
5. Исааков, Д. М. Введение в этнополитическую историю сибирских татар / Д. М. Исааков // Сибирский сборник. Казань : ЯЗ, 2011. С. 243–248.
6. Исааков, Д. М. О методологических аспектах исследований проблемы становления сибирско-татарской этнической общности / Д. М. Исааков // Сибирский сборник. Казань : ЯЗ, 2011. С. 170–179.
7. Исааков, Д. М. Этнополитическая история татар (III – середина XVI в.) / Д. М. Исааков, И. Л. Измайлов. Казань : Школа, 2007. 356 с.
8. Конилов, Б. А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье / Б. А. Конилов. Омск : Изд-во ОмГПУ : Наука, 2007. 466 с.

9. Корусенко, М. А. К вопросу о влиянии степных традиций на развитие керамического производства в южнотаежном Прииртышье в IX–XVI веках нашей эры / М. А. Корусенко, В. В. Михалев // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Красноярск ; Омск : Наука, 2006. С. 252–256.
10. Левашева, В. П. Вознесенское городище / В. П. Левашева // Известия Государственного Западно-Сибирского музея. Омск : Изд-во Гос. Зап.-Сиб. музея, 1928. № 1. С. 87–97.
11. Левашева, В. П. О городищах Сибирского юрта / В. П. Левашева // СА. 1950. Т. XIII. С. 341–349.
12. Левашева, В. П. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западно-Сибирского музея на 1920–1927 гг. / В. П. Левашева // Известия государственного Западно-Сибирского музея. Омск, 1928. № 1. С. 157–162.
13. Матвеев, А. В. Городище Екатерининское V (Ананьинское) в ряду памятников Сибирского ханства / А. В. Матвеев, С. Ф. Татауров // Этническая история и культура тюркских народов Евразии : сб. науч. тр. Омск : Издатель-Полиграфист, 2011. С. 358–362.
14. Матвеев, А. В. Исследование городища позднего средневековья Кошкуль IV в Тарском Прииртышье в 2003–2004 гг. / А. В. Матвеев, Ю. В. Трофимов // Труды по археологии и этнографии ОГИК музея. Омск : ОГИК-музей, 2006. С. 69–86.
15. Матвеев, А. В. Коллекции фонда археологии Омского государственного историко-краеведческого музея – источник по истории Сибирских ханств / А. В. Матвеев, С. Ф. Татауров // Музейные ценности в современном обществе : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 130-летию Омского гос. историко-краевед. музея, Омск, 14–17 мая 2008 г. Омск, 2008а. С. 73–77.
16. Матвеев, А. В. Проблемы культурно-хронологической интерпретации памятников XIV–XVI вв. в Среднем Прииртышье / А. В. Матвеев, С. Ф. Татауров // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции : материалы Зап.-Сиб. археол.-этнограф. конф. Томск : Аграф-Пресс, 2008б. С. 149–152.
17. Матвеев, А. В. Работа Омского музея просвещения по сохранению памятника археологии «Городище и селище Крапивка II» XIV–XVI вв. / А. В. Матвеев, И. Е. Скандаков // Культура и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск : Том. гос. ун-т, 2008. Вып. 2. С. 350–360.
18. Мельников, Б. В. Новые материалы раннесредневекового времени из лесостепного Прииртышья / Б. В. Мельников, В. Б. Яшин // История, краеведение и музееведение Западной Сибири. Омск, 1988. С. 34–36.
19. Михалев, В. В. К вопросу о «татарской керамике» в Среднем Прииртышье / В. В. Михалев // Этническая история и культура тюркских народов Евразии : сб. науч. тр. Омск : Издатель-Полиграфист, 2011. С. 140–142.
20. Могильников, В. А. Ананьинское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья и Барабы / В. А. Могильников // СА. 1965. № 1. С. 275–282.
21. Могильников, В. А. К проблеме характеристики культуры Сибирских татар XIV–XVI вв. / В. А. Могильников // Таре 400 лет. Проблемы социально-экономического освоения Сибири. Омск : Изд-во ОмГТУ, 1994. С. 120–128.
22. Могильников, В. А. Никольское IV городище (в связи с некоторыми вопросами древней истории Прииртышья) / В. А. Могильников // СА. 1964. № 1. С. 242–247.
23. Молодин, В. И. Бараба в эпоху позднего средневековья / В. И. Молодин, В. И. Соболев, А. И. Соловьев. Новосибирск : Наука, 1990. 262 с.
24. Овчинникова, Б. Б. Соляновские курганы в Прииртышье / Б. Б. Овчинникова // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005. С. 231–237.
25. Соболев, В. И. История Сибирских ханств (по археологическим материалам) / В. И. Соболев. Новосибирск : Наука, 2008. 356 с.
26. Соловьев, А. И. Кыштовская культура / А. И. Соловьев // Современные проблемы археологии России : сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. 2. С. 191–193.
27. Татауров, С. Ф. История археологических исследований сибирских татар и проблемы этнической интерпретации / С. Ф. Татауров // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск : Изд-во ОмГПУ : Наука, 2010. С. 27–31.
28. Татауров, С. Ф. Материалы исследований Тоянова городка М. П. Грязновым в архиве МАЭ ОмГУ / С. Ф. Татауров // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова : сб. науч. тр. Омск : Амфора, 2012. С. 193–196.

29. Татауров, С. Ф. Раскопки поселения Бергамак III в Муромцевском районе Омской области / С. Ф. Татауров, Л. В. Татаурова // Новое в археологии среднего Прииртышья. Омск : Омский гос. ун-т, 1999. С. 101–119.

30. Татауров, С. Ф. Тарское Прииртышье в XIV–XVI вв. / С. Ф. Татауров, С. С. Тихонов // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск : Наука, 2002. С. 122–133.

31. Томилов, Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. / Н. А. Томилов. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 271 с.

32. Чернецов, В. Н. Городище Большой Лог / В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 78–87.

33. Чернецов, В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры / В. Н. Чернецов // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири // МИА. 1957. № 58. С. 36–135.

А. Р. Сафарова, А. С. Якимов, В. С. Мосин

ГЕОХИМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ КОЧЕГАРОВО I

На сегодняшний день комплексными почвенно-археологическими и геохимическими исследованиями почв на археологических памятниках лесостепного Приобья охвачена небольшая территория этого региона. В то же время в последние годы появился ряд научных работ по этой проблематике [3; 6; 8; 9]. Отсутствие почвенных исследований существенно влияет на полноту археологических в связи с тем, что именно геохимическое изучение распределения микроэлементов в почвах на археологических памятниках позволяет производить реконструкцию хозяйственной деятельности древнего человека и среду его обитания. Индикаторами хозяйственной деятельности человека в основном служат химические элементы биогенного (фосфор, калий) и биогенного (магний, кальций) происхождения. Наиболее информативным химическим элементом является фосфор, наличие которого в почве связано с попаданием в нее различных продуктов органического происхождения [1]. Кроме того, для проведения палеогеографических реконструкций природной среды, идентификации свойств почв, унаследованных от предшествующих этапов ее эволюционного развития, геохимического анализа современных и древних условий почвообразования и осадконакопления, стали применяться различные геохимические коэффициенты (отношения макро и микроэлементов) [2; 4; 5; 10; 11; 13].

В этой связи целью нашего исследования было установление закономерностей распространения химических элементов и их связь с различными видами хозяйственной деятельности древнего человека на территории поселения Кочегарово I, а также реконструкция условий почвообразования и осадконакопления.

Объектами исследования были палеопочвы голоценового возраста на археологическом памятнике Кочегарово I и их современные аналоги.

Основными методами изучения современных и древних почв были почвенно-археологический и метод рентгенфлуоресцентной спектроскопии с применением рентгеновского аппарата «Спектроскан Макс-GV» (рентгенфлуоресцентная спек-

троскопия выполнена в лаборатории геохимии и минералогии почв Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, г. Пушкино).

Почвенно-геохимическое изучение поселения Кочегарово I проводились в 2010 и 2012 гг. Само поселение было открыто в 1992 г. Район исследования приурочен к зоне лесостепи с зональным типом черноземных почв и располагается в пределах Западно-Сибирской равнины. Памятник расположен на правом берегу реки Миасс, в 1 км к юго-западу от деревни Кочегарово, на границе Юргамышского и Мишкинского районов Курганской области РФ. Климат исследуемого региона относится к умеренному континентальному и характеризуется холодной малоснежной зимой и жарким сухим летом. Характерной особенностью климата является недостаточное увлажнение с периодически повторяющейся засушливостью. Почвообразующей породой преимущественно являются крупнозернистый песок аллювиального происхождения.

В ходе исследования были заложены почвенно-археологический и фоновый разрезы (рис. 1 и 2).

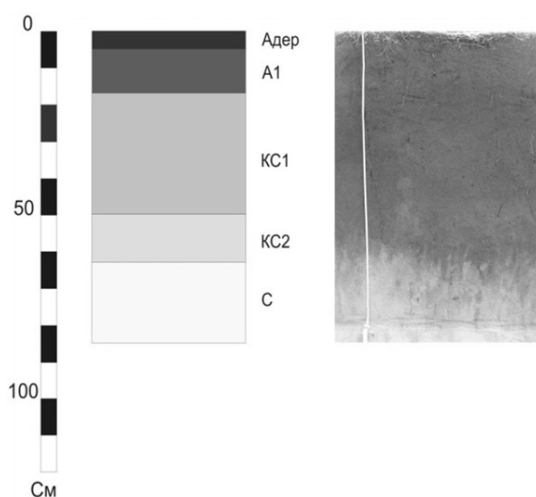

Рис. 1. Почвенно-археологический разрез

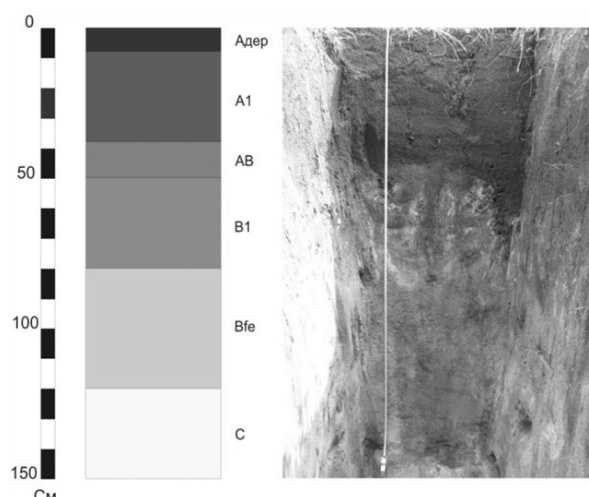

Рис. 2. Фоновый почвенный разрез

Были отобраны образцы на геохимический анализ. В результате были получены данные по 38 элементам, основными из которых являются элементы биогенного (MgO , CaO) и биофильного (P_2O_5 , K_2O) происхождения. Данные макроэлементы аккумулируются в основном в верхних слоях профиля, и отличаются низкой миграционной активностью. На археологических памятниках высокие концентрации этих элементов связаны с интенсивной хозяйственной деятельностью в древности.

Рассмотрим распределение биофильных элементов в разрезе современной почвы и палеопочвы. По графику (рис. 3) видно, что основная концентрация фосфора зафиксирована в верхних слоях почвы. Затем концентрация понижается до глубины 57 см (палеопочва) и до 62 см (современная почва). Именно на этих глубинах зафиксирован второй пик концентрации фосфора.

Содержание калия (рис. 4) в профиле палеопочвы с глубиной практически не изменяется за исключением небольшого увеличения концентрации на глубине 57 см. В профиле современной почвы аккумуляция калия в основном наблюдается в гумусовом горизонте и в почвообразующей породе.

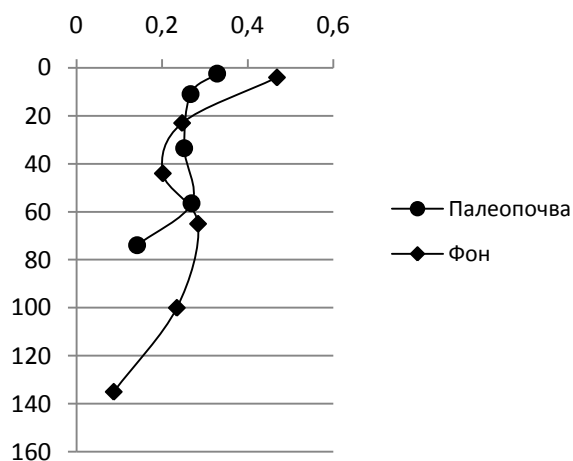

Рис. 3. Распределение P₂O₅

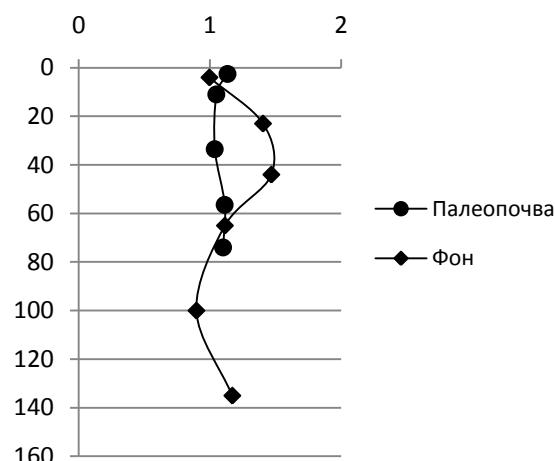

Рис. 4. Распределение K₂O

Распределение биогенных элементов имеет следующую тенденцию. Аккумуляция магния (рис. 5) в основном зафиксирована в верхних слоях почвы, затем концентрация снижается. Следует обратить внимание на то, что второй пик концентрации магния также наблюдается на глубине 57 см (палеопочва) и на глубине 62 см в современной почве.

Также отмечается высокое содержание кальция (рис. 6) в древних (2,5 %) и современных почвах (4,5 %). Аккумуляция данного элемента отмечается в основном в верхних слоях почвы. Незначительное увеличение концентрации кальция отмечается в палеопочве на глубине 57 см.

Значения железа не превышают допустимых концентраций данного элемента в почвах. По графику (см. рис. 7) видно, что концентрация железа зафиксирована в верхнем слое почвы и на глубине 57 см.

В профиле палеопочвы концентрация алюминия (5 %) отмечается в верхней части профиля и на глубине 57 см. В современной почве алюминий в основном аккумулируется в гумусово-иллювиальном горизонте (см. рис. 8).

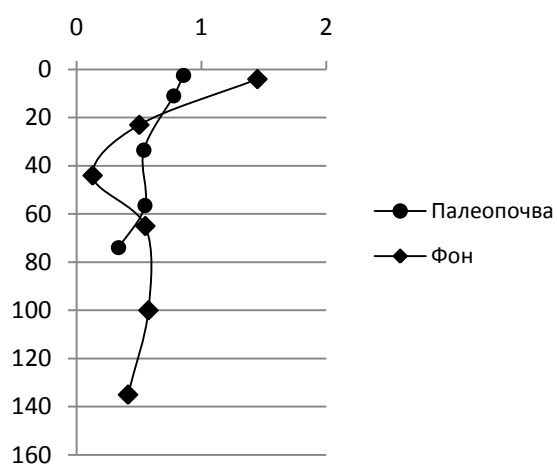

Рис. 5. Распределение MgO

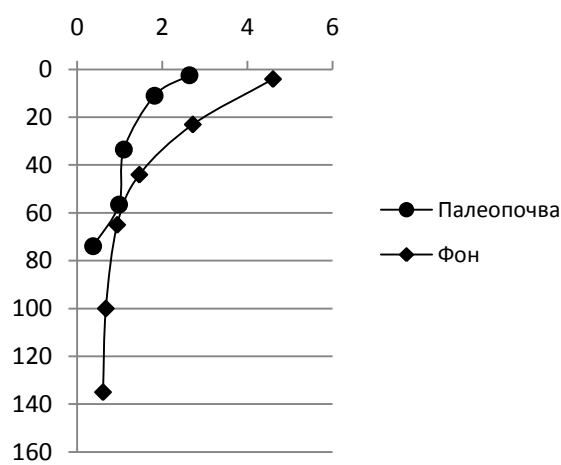

Рис. 6. Распределение CaO

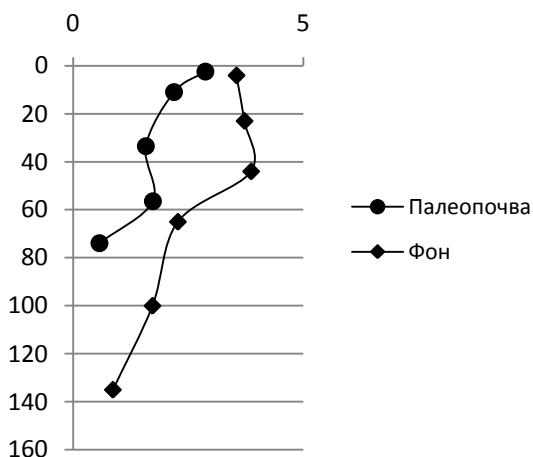

Рис. 7. Распределение Fe₂O₃

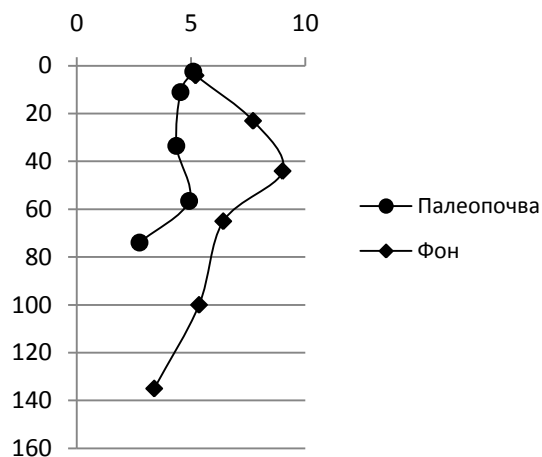

Рис. 8. Распределение Al₂O₃

В наземном жилище наблюдается повышение концентрации биогенных и биофильных элементов, макроэлементов Al₂O₃, Fe₂O₃ на глубине 57 см, что соответствует расположению культурного слоя, датированного эпохой неолита. Вероятно, поступление этих элементов связано с пищевыми остатками. Анализ распределения и концентрации CaO и K₂O позволил нам предположить, что в структуре хозяйства немаловажную роль играло рыболовство.

По литературным данным известно [11], что основными геохимическими показателями позволяющими производить реконструкцию условий почвообразования и осадконакопления являются интеграционные показатели (коэффициенты), рассмотренные подробно ниже.

Коэффициент выветривания Al₂O₃/(CaO+Na₂O+K₂O+MgO) представляет отношение Al₂O₃ (глинистая составляющая) к основным катионам, выносимым в почвенные растворы. На графике (рис. 9, а) наблюдается увеличение значений от эпохи неолита, энеолита до настоящего времени, где отмечается максимум развития процессов выветривания. В процессе гидролитического выветривания идет разрушение легкорастворимых минералов в результате реакции гидролиза и последующим выносом CaO, Na₂O, K₂O, MgO, которые являются основными катионами, выносимыми в почвенные растворы.

Отношение Rb/Sr предложено на основании разницы в устойчивости различных минералов к выветриванию, а именно спод и калиевых полевых шпатов, с которыми в ассоциации находится Rb и карбонатов, с которыми ассоциирует стронций [10]. Из профильного распределения отношения Rb/Sr (рис. 9, b) также видно, что наибольшая интенсивность гидролитического выветривания отмечается на современном этапе. Хотя значения периода неолита, энеолита близки к современным показателям.

Также на современном этапе на исследуемой территории интенсивно проявляются процессы выщелачивания, особенно в средней и нижней части профиля. На это указывают значения коэффициента Ba/Sr [7]. Для палеопочв активное выщелачивание характерно для верхних горизонтов (рис. 9, c).

Коэффициент (Fe₂O₃ + MnO)/Al₂O₃ характеризует степень окисления почвенного материала. По графику видно (рис. 9, d), что окисление почвенного материала уменьшается от эпохи неолита, энеолита к современному этапу. Важно отметить, что наиболее интенсивно процесс окисления почвенного материала проявляется в верхней части профилей.

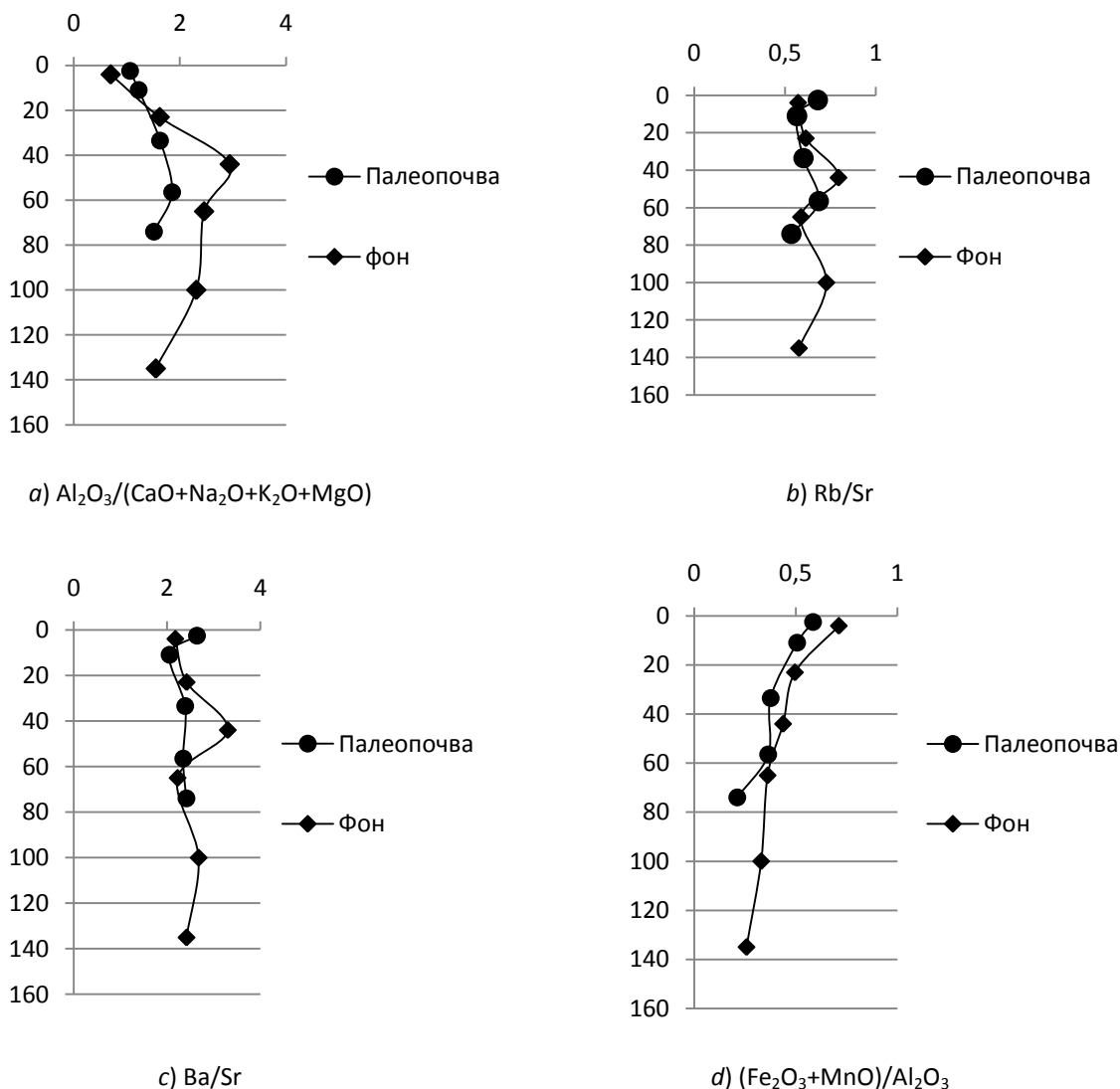
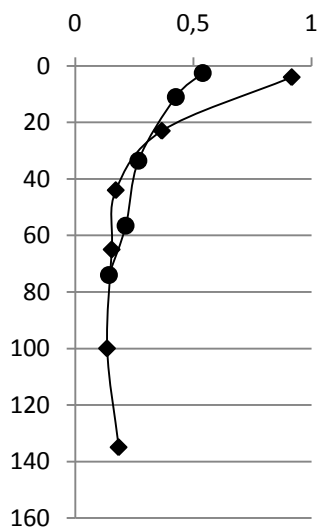

Рис. 9. Распределение значений коэффициентов $Al_2O_3/(CaO+Na_2O+K_2O+MgO)$, $(Fe_2O_3+MnO)/Al_2O_3$, Rb/Sr, Ba/Sr в профилях древней и современной почвы

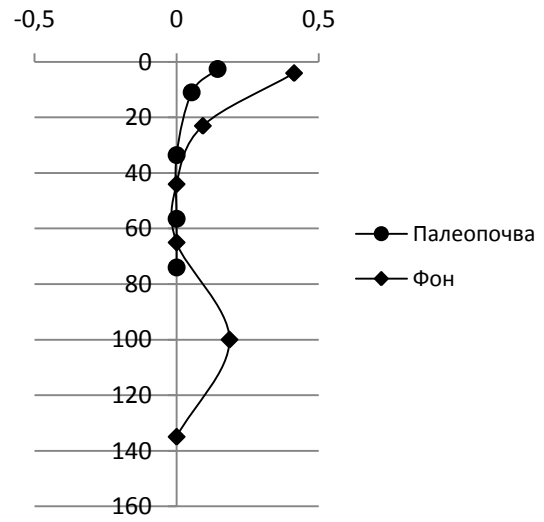
Коэффициент $(CaO+MnO)/Al_2O_3$ отражает накопление почвенного кальцита и доломита. Высокие значения коэффициента $(CaO+MgO)/Al_2O_3$ характерны для верхней части профиля современной почвы, что связано с относительно высокой увлажненностью.

Отношение Na_2O/K_2O , Na_2O/Al_2O_3 , $(K_2O+Na_2O)/Al_2O_3$ характеризует поведение легкорастворимых солей в профиле почвы. По показателю, характеризующему поведение легкорастворимых солей Na_2O/K_2O , наблюдается резкое увеличение степени засоления на современном этапе в верхней части профиля, а также аккумуляция солей в средней части профиля современной почвы (см. рис. 10, b).

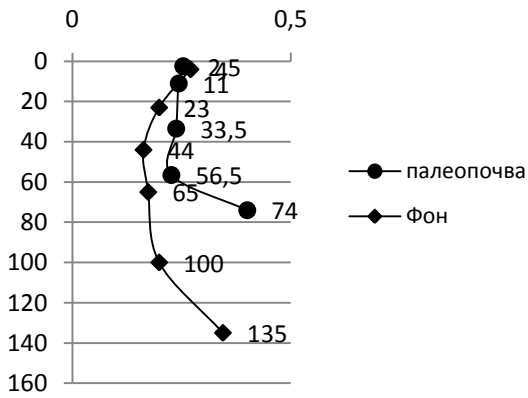
Коэффициент TiO_2/Al_2O_3 позволяет оценить однородность почвообразующих пород и определить наличие привноса вторичного материала [2; 12]. Из графика видно, что почвы являются идентичными (и литологически однородными), сформированными на одной материнской породе. Также не отмечается поступление вторичного материала на этапах почвообразования.

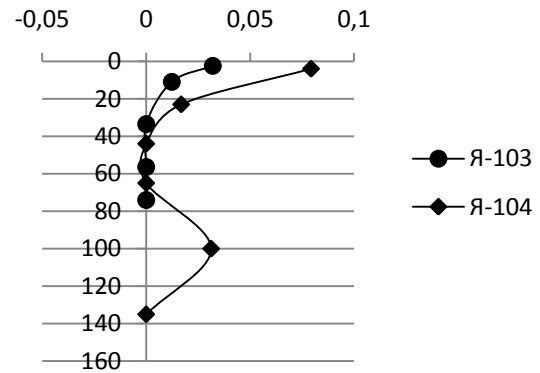
a) $(CaO+MnO)/Al_2O_3$

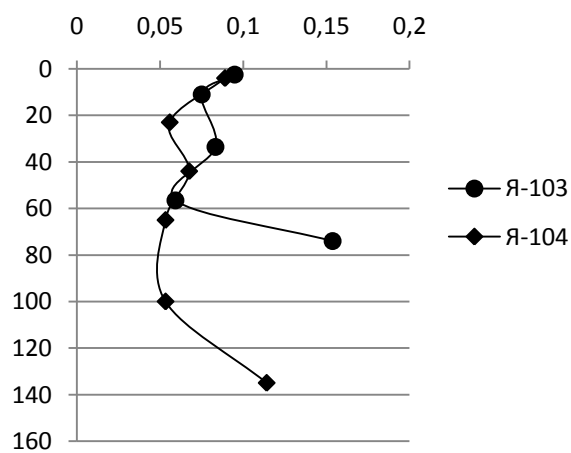
b) Na_2O/K_2O

c) $(K_2O+Na_2O)/Al_2O_3$

d) Na_2O/Al_2O_3

e) TiO_2/Al_2O_4

Рис. 10. Распределение значений коэффициентов $(CaO+MnO)/Al_2O_3$, Na_2O/K_2O , $(K_2O+Na_2O)/Al_2O_3$, Na_2O/Al_2O_3 , TiO_2/Al_2O_4 в профилях современной и палеопочвы

Литература

1. Андерсон, Д. Дж. Возможности фосфатного метода при определении структуры животноводческих поселений / Д. Дж. Андерсон, А. В. Харинский, И. В. Стерхова [и др.] // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. Вып. 7. С. 24–38.
2. Бушинский, Г. И. Титан в осадочном процессе / Г. И. Бушинский // Литология и полезные ископаемые. 1963. № 2. С. 7–14.
3. Валдайских, В. В. Экологические особенности формирования почв на местах древних антропогенных нарушений (на примере лесостепной зоны Западной Сибири) : автореф. дис. ... канд. биол. наук / В. В. Валдайских. Екатеринбург, 2007. 24 с.
4. Елизарова, Т. Н. Влияние смены условий лито и педогенеза в верхнем плейстоцене и голоцене на свойства и эволюцию основных типов почв и почвообразующих пород равнин юга Сибири / Т. Н. Елизарова // Почва как связующее звено функционирования природных и антропогенно-преобразованных экосистем : материалы II междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2006. С. 85–87.
5. Калинин, П. И. Геохимические характеристики погребенных голоценовых почв степей Приволжской возвышенности / П. И. Калинин, А. О. Алексеев // Вестн. ВГУ. Сер. География. Геоэкология. 2008. Вып. 1. С. 9–15.
6. Махонина, Г. И. Заключение по почвенным исследованиям археологических памятников / Г. И. Махонина, В. В. Валдайских // Коловское городище (Древности Ингальской долины: археолого-палеоэкологические исследования. Вып. 2). Новосибирск : Наука, 2008. Прил. 1. С. 201–207.
7. Перельман, А. И. Геохимия / А. И. Перельман. М., 1989. С. 59.
8. Якимов, А. С. Почвы раннесредневекового (IV–VI вв. н. э.) городища Среднего Приоболья и их палеогеографическое значение. / А. С. Якимов [и др.] // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 4 (52). С. 134–143.
9. Якимов, А. С. Природные условия Туро-Пышминского междуречья в X–IV вв. до н. э. / А. С. Якимов // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 8. С. 206–225.
10. Gallet, S. Geochemical characterization of the Luochuan loess-paleosol sequence, China, and paleoclimatic implications / S. Gallet, J. Borming, T. Masayuki // Chemical Geology. 1996. Vol. 133. P. 67–88.
11. Retallack, G. J. Soils and Global Change in the Carbon Cycle over Geological Time / G. J. Retallack // Treatise On Geochemistry. 2003. P. 581–605.
12. Schilman, B. Global climate instability reflected by Eastern Mediterranean marine records during the late Holocene / Bettina Schilman [et al.] // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology/ 2001. Vol. 176. P. 67–88.
13. Whitfield, C. J. A comparison of weathering rates for acid-sensitive catchments in Nova Scotia, Canada and their impact on critical load calculations / C. J. Whitfield [et al.] // Geoderma. 2006. Vol. 136. P. 899–911.

А. Н. Плеханова, В. В. Ткачев

ПАЛЕОУРБАНОЗЕМЫ ПОСЕЛЕНИЯ ИШКИНИНО СТЕПНОЙ ЗОНЫ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Проведены исследования антропогенно-преобразованных почв, включающих в себя горизонт «культурный слой» на археологическом памятнике в окрестностях города Гай Оренбургской области. Время существования памятника относится к эпохе средней бронзы (II тыс. до н. э.). В пределах поселения представлены палеоурбаноземы с различной степенью трансформации и новыми горизонтами, встроенными в систему горизонтов естественных почв. Получены морфоло-

гические и физико-химические характеристики палеоурбаноземов, позволяющие описать разнообразие природно-антропогенных отложений.

В степной зоне доля почв, преобразованных человеком с древности, в речных долинах составляет около 1 % [22]. Вместе с тем деградация современных пастбищ в местах наличия палеоурбаноземов идет быстрее в 3–6 раз [19–21], что заставляет обратить особое внимание на свойства палеоурбаноземов, их интеграцию в современный ландшафт в разных природных зонах.

В современном почвоведении признано, что древнее антропогенное воздействие, будь то окультуривание почв, строительство поселений, пастьба, — ведет к деградации окружающих ландшафтов [3; 8; 25 и др.]. В плане индикации древних антропогенных воздействий устойчивыми признаками считается наличие культурных слоев [1] с характерной неоднородностью, подщелачиванием, обогащением гумусом и фосфором.

Основные задачи почвенно-археологических исследований заключаются в познании закономерностей эволюции почв различных биогеографических областей юга России. В установлении направленности и скорости изменчивости почвенных свойств и процессов в связи с вековой динамикой климата в голоцене на основе исследований разновозрастных погребенных палеопочв памятников древней истории (курганы, поселения) с III тыс. до н. э. до XIX в. н. э., а также в оценке степени влияния человека на почвенный покров и ландшафты в различные исторические эпохи.

Особенностью отечественных исследований является особое внимание к вопросам реконструкции погребального обряда древних народов при изучении курганов, тогда как за рубежом основное внимание уделяется изучению поселений [7]. Поселенческие памятники исследованы мало, и могут быть использованы для решения общих вопросов генезиса почв [6; 14; 15]. Именно поселенческие памятники могут быть использованы при рассмотрении распределения артефактов, интеграции культурного слоя в природную среду, роста природно-антропогенных наносов, и при индикации антропогенных воздействий на окружающую среду.

К настоящему времени накоплен опыт исследований антропогенно-преобразованных почв-палеоурбаноземов Зауралья с различной степенью трансформации, где особый интерес вызывает горизонт «культурный слой» различной мощности, являющийся новым горизонтом, встроенным в систему горизонтов естественных почв [19; 22]. Исследования многослойных разновозрастных археологических памятников имеют как широкую географию, так и различные методические подходы [9; 23].

Объектом исследования послужили почвы многослойного разновозрастного памятника — поселения Ишкининское, расположенного в степной зоне Оренбургской области на административной территории Гайского района вблизи поселка Ишкиновка на расстоянии 650 м, азимут 270°. Координаты поселения: север 51°27'42", восток 58°17'03,6", рядом с ущельем Аул-Ган. С рудника видна гора Беркутовая. Раскоп имеет вид вытянутого прямоугольника с длиной свыше 15 м и шириной 9 м. Автор раскопа, держатель открытого листа В. В. Ткачев. Площадь проективного покрытия растительности составляет 70 %, высота 20 см, ассоциации полынно-типчаковые. Почва сформировалась на суглинистых и тяжелосуглинистых карбонатсодержащих отложениях. Грунтовые воды располагаются на глубине более трех метров. В настоящее время участок используется под пастбище с умеренным выпасом. Растительные ассоциации разнотравно-типчаковые, разнотравно-луговые с растительностью рудеральной и синантропной групп, кроме того, вдоль современной дороги (к востоку от раскопа) встречаются бурьянистые сообщества

с доминированием лебеды и конопли. Площадь проективного покрытия в зарослях доходит до 80–90 %, высота растений к востоку от раскопа 50–70 см, к югу 15–25 см.

В исследовании применялись сравнительно-хронологический, сравнительно-географический и почвенно-археологический методы. Морфологические описания и определение химических свойств почв проводилось по общепринятым методикам [2; 10; 17; 26]. Величина магнитной восприимчивости измерялась капшаметром КТ-5.

Общие особенности культурных слоев. Для культурных слоев характерна неоднородность, подщелачивание, обогащение гумусом и фосфором [10; 16]. Измерение магнитной восприимчивости почв считается перспективным экспресс-методом диагностики эволюционных изменений почв, в том числе и на культурных слоях археологических объектов. В состоянии разработки находится микологический метод индикации антропогенных воздействий. Для микроскопических почвенных грибов установлены разнообразные реакции (на организменном, популяционном и уровне сообществ) на различные антропогенные воздействия [16]. Например, при пирогеенном воздействии на поселениях отмечается увеличение доли меланинсодержащих грибов, снижение биомассы и видового биоразнообразия, сохранение грибов преимущественно в виде спор и др. Культурные слои фиксируют древнюю поверхность, поэтому наибольшие изменения претерпевают верхние горизонты почв: преобразуется структура, увеличивается плотность, уменьшается порозность, меняется водный и воздушный режимы, что ведет к локальным трансформациям форм Fe [24]. Культурный слой как древних поселений, так и современных городов неоднороден как морфологически, так и в пространственном распределении по площади поселения. Во время бытования поселения культурный слой обогащается органическим веществом и фосфором, в групповом составе гумуса значительно преобладают гуминовые кислоты [3], появляются многочисленные включения, связанные с деятельностью населения [11]. Причем, некоторые из почвенных новообразований вследствие сходного облика могут быть неверно описаны как следы человеческой деятельности (пепел, минеральная краска, обмазка) [5; 11].

В составе почв древних памятников отмечено обогащение слоев тяжелыми металлами [11; 13], что авторы исследований связывают с различными ремеслами. Анализ химического состава [4] продуктов минерализации предположительно бронзовых накладных украшений с бруи (курган с «усами» Солончанка I, Оренбургская область) позволяет говорить об использовании для их изготовления цинк-содержащего медного сплава — латуни. При изготовлении украшений, найденных на Южном Урале, уже в IV в. н. э. использовались разнообразные металлы и сплавы — золото, серебро, латунь, медь, бронза, практиковались их литье и пайка.

Содержание тяжелых металлов (Zn, Cd, Ni, Co, Mn, Pb, Cu, Cr, Fe) в подкурганых почвах стоянок неолита и энеолита, стоянок и могильников эпохи бронзы Самарской области определено с целью получения фонового содержания и последующего определения степени современных техногенных нагрузок на ландшафты [12]. Отмечено увеличение содержания всех элементов в современных почвах, за исключением Ni, содержание которого почти на треть выше в погребенной почве ямного времени.

Особенности палеоурбаноземов поселения Ишкининское. Вся площадь поселения Ишкининское интенсивно использовалась. Культурный слой сплошной, многогоризонтный (до 8 подгоризонтов, в разрезе Ишк-01), с общей мощностью около 1 м, местами достигающий до 1,5 м, золистый, легкосуглинистый, распашке не подвергался. Разрезы с первого по 11-й характеризуют антропогенно-преобразованные почвы, включающие в себя горизонт «культурный слой» (далее — КС) различной мощ-

ности. На раскопе расчищено два колодца, два очага и развалы двух конструкций с большим содержанием органических включений. Кроме обычных для подобных поселений золистого, углистого и прокаленного КС, отметим сохранность многослойности культурных слоев, в особенности, наличие и сохранность органического КС. Отметим наличие на поселении плотного светло-серого КС.

Верхние 70 см разреза представляют собой природно-антропогенный нанос, включающий среднесуглинистый гумусированный культурный слой с остатками органических древесных конструкций и включениями кости. Особенностью разреза является выделение большого числа подгоризонтов культурного слоя, в том числе «пегматитового» зольника, возможно являющегося примером чистого зольника, и ярких органических прослоев хорошей сохранности. На шести образцах произведен споро-пыльцевой анализ.

После того, как население эпохи бронзы оставило поселение, территория неоднократно использовалась людьми. Непосредственно культурный слой, представленный преимущественно легкосуглинистым зольником (с переходами к супеси, либо к среднему суглинку) в пределах поселения выходит на современную поверхность почвы, где подвергся неоднократным циклам засоления-осолодения.

Природно-антропогенный нанос охватывает верхние 30–45 см профиля. Особенностью разреза 4 (квадрат Б2, восточная стенка западной экспозиции) является двукратное формирование солонцового горизонта в толще современного горизонта КС (AB_{SL}) орг. (5–45 см). Отметим неоднородное растрескивание стенки при подсыхании, толщу возможно подразделить на три подгоризонта, по степени выраженности остаточного-солонцовых столбчатых отдельностей.

На глубине 10–15 см расположение трещин через 5 см, второй тип растрескивания на глубине 30–40 см, с шириной отдельностей 7–9 см. Вскипание горизонта от 10% НСЛ местами, в целом средне-нормальное; внутри отдельностей при разломах выражается слабее, чем в иных точках горизонта, как и на гранях отдельностей. Граница горизонта является линией сплошного вскипания (выше линии вскипания участками). Сформировался палеоурбанозем остаточного-солоцеватый с двумя циклами засоления-рассоления в профиле. Вероятно, данный КС отражает этапы почвообразования на заброшенном поселении.

В разрезе 5 мы встречаем сформированные по культурному слою осолоделый и солонцовый горизонты. Солонец тонкостолбчатый с отдельностями шириной 3–5–7 см, длиной до 10–12 см, верх окатан, имеет горизонтальную непрочно-призматическую делимость. Отдельности непрочные, при легком надавливании рукой разрушаются. Корнями пронизан сильно. Вероятно, солонцовый процесс имел место в некотором прошлом.

Внутрипочвенные застойные водные явления отмечены в квадратах Б–В–2, где на поверхности фиксируется микропонижение. Поверхностным горизонтом становится $A1A2$ – яркий, белесый, пылящий с тонкой пластинчатостью, ниже лежит AB_{SL} слабо уплотненный, вероятно на начальном этапе осолонцевания, либо на конечном рассолонцевания. В правом углу квадрата В2, где разрез Ишк-02 светло-серый горизонт прошел над очагом – над внутрипочвенным водоупором, сам горизонт в своей современной морфологии является частично следствием внутрипочвенных застойных явлений.

Гранулометрический состав представим в докладе таблицей – химические свойства и состав водной вытяжки.

Химический состав почв поселения Ишкинино

Горизонт, глубина отбора, см	рН вод, н	Гумус	CaCO ₃	CaSO ₄	P ₂ O ₅ по Ма- чиг., мг/100 г почвы	Обменные катионы, % от ЕКО				ЕКО, мг- экв/ 100 г
						Ca ⁺⁺	Mg ⁺⁺	Na ⁺	K ⁺	
Разрез ИШК-01										
A1 A2 0-5	7,3	14,913	4,385	0,050	21,6	67,9	18,4	0,6	13,0	45,06
КС /8 5/10-20	7,24	21,085	4,635	0,374	14,4	77,3	18,4	0,6	3,6	70,51
КС /7 18/22-30	7,58	9,999	6,952	0,419	36,0	73,4	21,0	0,7	4,9	57,60
КС /6 орг30-30	5,82	35,894	6,952	0,580	20,0	62,0	32,5	0,7	4,8	109,84
КС /5 зол 40-50	6,46	7,344	6,702	1,249	16,8	61,4	28,8	1,3	8,5	99,02
КС /4 50-60	6,90	7,775	6,952	0,419	26,4	56,5	30,2	1,4	11,9	71,74
КС /3 угл 60-70	6,89	15,016	2,636	0,566	22,4	52,4	33,1	1,9	12,6	83,98
КС /2 прк 60-65	7,07	1,810	10,179	0,720	15,2	57,5	24,7	1,7	16,1	73,20
КС /1 65/70-75	6,97	5,844	8,793	0,499	22,4	55,3	28,2	1,8	14,8	67,49
BC 70/75-80↓	7,14	1,483	12,496	0,448	16,0	62,6	22,2	1,6	13,7	46,83
Разрез Ишк-05										
A1 A2 0-7	7,80	13,516	9,724	0,029	27,2	75,4	10,6	0,6	13,5	49,23
ABsl 10-15	7,37	23,429	0,454	0,124	56,0	81,0	14,2	0,8	3,9	68,24
КС орг 20-30	5,70	21,309	4,158	1,214	45,6	73,9	22,9	0,4	2,8	72,55
КС кмк 40-50	7,10	17,257	7,180	0,669	58,4	73,3	21,0	0,4	5,3	72,44
КС сер пл 45-60	7,04	5,637	9,724	0,816	28,0	67,7	22,2	0,7	9,5	67,25
Разрез Ишк-12, фон										
КС 0-7	7,35	11,896	3,476	0,021	24,8	57,0	30,4	0,5	12,2	45,12
КС 15-20	7,45	8,948	4,158	0,029	28,0	46,0	37,8	0,5	15,7	45,48
КС 30-35	7,56	9,051	3,476	0,029	20,8	40,8	40,0	0,6	18,6	46,78
КС 45-55	7,27	7,775	3,226	0,036	16,8	39,2	35,8	0,4	24,7	46,69
AB 65-75	7,53	4,155	2,772	0,043	9,8	40,3	31,2	0,3	28,2	41,70
BC 85-90	7,86	0,948	2,317	0,029	5,0	53,3	22,8	0,3	23,7	39,98

На глубине 40–65 см в разрезе 4 (квадрат Б2, западная стенка) сохранилась нижняя часть погребенной почвы мощностью около 20 см, представленная горизонтом [A/V], языки-трещины которого являются реликтом эпохи с резко континентальным климатом, имевшей место до строительства поселения, то есть более 3500 лет назад.

Разрез 12 находится в 30 м от поселения и является нестрогой фоновой почвой для поселения, поскольку почва здесь также испытывала антропогенное воздействие, и шло формирование природно-антропогенного наноса, содержащего слабее выраженный, и более плотный, чем на поселении, культурный слой мощностью до 40 см. Глубже лежит среднесуглинистый горизонт [A/V], представляющий собой остаток погребенной почвы, включенный в процессы почвообразования. С 80 см лежит переходный к почвообразующей породе тяжелосуглинистый горизонт BCFe, MN, имеющий карбонатные новообразования в виде конкреций до 1 см диаметром, карбонатные корки по граням отдельностей, а также железо-марганцевые новообразования в виде точек, либо пропиток и корочек по граням отдельностей. Дернина не обособлена ни на самом поселении, ни в фоновом разрезе, вся площадка использовалась в различные периоды.

Во всех случаях в пределах поселения сформировались антропогенно-преобразованные почвы, представленные палеоурбаноземами с различной степенью трансформации, с новыми горизонтами, встроенными в систему горизонтов

естественных почв. При накоплении данных о физико-химических свойствах культурных слоев, можно описать разнообразие природно-антропогенных отложений, в настоящее время классифицируемых как культурный слой.

Литература

1. Александровский, А. Л. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье / А. Л. Александровский, Н. А. Кренке // Крат. сообщ. ИА РАН. 1993. № 208. С. 20–31.
2. Аринушкина, Е. В. Руководство по химическому анализу почв / Е. В. Аринушкина. М. : МГУ, 1970. 490 с.
3. Ахтырцев, Б. П. О влиянии первобытного человека на почвенный покров в местах стоянок / Б. П. Ахтырцев // География и плодородие почв. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1973. С. 15–25.
4. Бушмакин, А. Ф. Проблема определения состава древнего металла по продуктам коррозии / А. Ф. Бушмакин // Материалы междунар. конф. «Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.». Челябинск : Аркаим, 1999. С. 339–342.
5. Демкин, В. А. Палеопочвоведение и археология / В. А. Демкин. Пушкино : ПНЦ РАН, 1997. 213 с.
6. Демкин, В. А. Результаты палеопочвенного исследования культурного слоя поселения Ерзовка-1 в сухостепной зоне Волго-Донского междуречья / В. А. Демкин // Руководство по изучению палеоэкологии разновозрастных культурных слоев древних поселений (лабораторные исследования). М., 2000. С. 55–57.
7. Демкин, В. А. Археологическое почвоведение на пороге третьего тысячелетия / В. А. Демкин, Т. С. Демкина // Проблемы эволюции почв : материалы IV всерос. конф. Пушкино, 2003. С. 29–34.
8. Демкин, В. А. Итоги палеопочвенного изучения поселения Ерзовка-I в Волгоградской области / В. А. Демкин, А. Н. Дьяченко // РА. 1994. № 3. С. 216–222.
9. Демкина, Т. С. Микробиологические исследования палеопочв археологических памятников степной зоны / Т. С. Демкина, Т. Э. Хомутова, Н. Н. Каширская [и др.] // Почвоведение. 2010. № 2. С. 213–220.
10. Детюк, А. Н. Анализ почв на содержание фосфатов как метод определения мест расположения древних поселений / А. Н. Детюк, Н. П. Тараненко // Естественно-научные методы в полевой археологии. Вып. 1. М. : Ин-т археологии РАН. 1997. Вып. 1. С. 43–58.
11. Евдокимова, А. К. Тяжелые металлы в культурном слое средневекового Новгорода / А. К. Евдокимова // Вестн. МГУ. Сер. Геогр. 1986. № 3. С. 86–91.
12. Иванов, А. И. Опыт сравнительного анализа подкурганых и современных почв по содержанию элементов тяжелых металлов / А. И. Иванов, М. И. Дергачева, П. Ф. Кузнецов // Проблемы взаимодействия природы и человека в Среднем Поволжье. Самара, 1997. С. 28–31.
13. Кайданова, О. В. Накопление тяжелых металлов в почвах городов Курской области на разных исторических этапах / О. В. Кайданова // Антропогенная эволюция геосистем и их компонентов. М. : ИГ РАН, 1987. С. 127–142.
14. Коркина, И. Н. Почвы археологических памятников как антропогенно-природные образования (таежно-лесной зоны Западной Сибири) / И. Н. Коркина // Современные проблемы популяционной, исторической и прикладной экологии. Екатеринбург, 2001. Вып. 2. С. 112–120.
15. Красильников, П. В. Почвы древних и средневековых селищ побережья оз. Кубенское (Вологодская область) / П. В. Красильников, Н. А. Макаров, Л. И. Скороходова [и др.] // Проблемы эволюции почв : материалы IV всерос. конф. Пушкино, 2003. С. 59–65.
16. Марфенина, О. Е. Антропогенные изменения комплексов микроскопических грибов в почвах : автореф. дис. ... д-ра естеств. наук. М., 1999. 48 с.
17. Мякина, Н. Б. Методическое пособие для чтения результатов химических анализов почв / Н. Б. Мякина, Е. В. Аринушкина. М. : МГУ, 1979. 63 с.
18. Плеханова, Л. Н. Древние нарушения почвенного покрова речных долин степного Зауралья / Л. Н. Плеханова // Природа. 2010. № 3. С. 37–43.
19. Плеханова, Л. Н. Некоторые результаты работ по созданию Красной Книги почв Челябинской области / Л. Н. Плеханова // Вестн. ЧелГУ. Сер. Экология. Природопользование. 2010. № 8 (189). Вып. 4. С. 29–35.
20. Плеханова, Л. Н. Почвы заповедника Аркаим в свете антропогенных преобразований / Л. Н. Плеханова // Степи и лесостепи Зауралья: материалы к исследованиям. Челябинск : Крокус, 2006. С. 133–166.

21. Плеханова, Л. Н. Природно-антропогенная эволюция почв речных долин степного Зауралья во второй половине голоцена : автореф. дис. ... канд. биол. наук / Л. Н. Плеханова. М. : МГУ. 2004. 22 с.
22. Плеханова, Л. Н. Древние нарушения почвенного покрова речных долин степного Зауралья / Л. Н. Плеханова, В. А. Демкин // Почвоведение. 2005. № 9. С. 1102–1111.
23. Плеханова, Л. Н. Палеопочвы комплекса Солончанка IX и климат степного Зауралья в IV в. н. э. / Л. Н. Плеханова, В. А. Демкин // Экология. 2008. № 5. С. 357–365.
24. Сычева, С. А. Почвенно-геоморфологические условия древних поселений Среднерусской возвышенности и характеристика их культурных слоев / С. А. Сычева // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М. : ИА РАН, 1993. С. 190–204.
25. Сычева, С. А. Катастрофические изменения ландшафтов в окрестностях Нижнего Новгорода в XIV–XVIII вв. / С. А. Сычева, Н. Н. Грибов // Экология древних и современных обществ : докл. конф. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. Вып. 2. С. 90–93.
26. Сычева, С. А. Руководство по изучению палеоэкологии разновозрастных культурных слоев древних поселений (лабораторные исследования) / С. А. Сычева, Н. Б. Леонова, А. Л. Александровский [и др.]. М., 2000. 88 с.

А. И. Баженов, Л. Р. Сафарова, А. С. Якимов, А. Д. Таиров

«КИРПИЧ-ЦЕМЕНТ» — УНИВЕРСАЛЬНАЯ СИСТЕМА ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА КУРГАНОВ

Введение. Курганные комплексы в общем виде представляют собой насыпное сооружение над погребениями. Но существуют различные способы постройки этих сооружений, которые зависят от многих факторов, основными из которых являются: сложившаяся традиция, уровень развития технологий данного периода, природные условия, социальный статус погребенного, целевая необходимость, исключая ритуал погребения. Поэтому так важно раскрывать технологию строительства сооружений данного типа. Однако не все исследователи обращают на это внимание, либо не делают на этом акцентов в публикациях [2; 10].

Материалом для строительства чаще всего служили доступные почвенные горизонты и верхний слой осадочных пород [11; 13; 14], которые изымались из ровика, обрамляющего курганную насыпь [7], либо срезались с окружающей территории. Известны сооружения, сложенные из культурных слоев более ранних поселений [8]. Встречаются также и каменные сооружения, земляные насыпи, в которых камни использовались в качестве средств укрепления сооружения [5; 6; 16]. Вскрыты курганы, сложенные глинистым материалом, поверхность которых обжигалась. Обнаружены курганы с перекрытием погребальной ямы бревенчатыми накатами, берестой, каменными плитками, материковой глиной [3; 9].

Размеры курганных насыпей сильно разнятся, высота в пределах от десятков сантиметров до 10–20 м, диаметр от 5–7 до нескольких сотен метров [4]. В наиболее простом варианте насыпь представляет собой смесь почвенных горизонтов, преимущественно состоящую из А1, В, и ВС [13; 14; 7]. Встречаются, однако, и более сложные конструкции, для которых характерна ступенчатость [15]. Для внутреннего строения может быть свойственно упорядоченное сложение почвенных горизонтов в обратном порядке, наличие обваловки вокруг могильной ямы, перекрытый слоем (3–5 см) почвообразующей породы или дер-

ниной. Морфологические особенности насыпей зависят, от слагающего их материала и в большинстве случаев отражают исходные свойства отдельных генетических горизонтов палеопочв [4].

Район Исследования. Курган Шихан-Убатау (53°28' с. ш., 59°42' в. д.) расположен в Нагайбакском районе Челябинской области вблизи поселков Курганский и Фершампенуаз. Данная территория относится к лесостепной зоне. Курган находится в пределах второй речной террасы реки Гумбейка. Абсолютная высота вершины кургана около 415 м.

Методы исследования. Морфологический метод изучения строения почвенного профиля является базисным при проведении полевых почвенных исследований, и составляет основу полевой диагностики почв. Морфологический анализ почвы является начальным этапом всех почвенных исследований [1]. Поэтому в полевых условиях был использован морфологический метод, который позволил выделить морфологические особенности почвенного покрова современной и погребенной почв, а также строение кургана.

Сравнительно-географический метод, основанный на сопоставлении почв и соответствующих факторов почвообразования в их историческом развитии и пространственном распространении, позволяет делать обоснованные заключения о генезисе почв и закономерностях их географии [Там же]. Он позволил оценить общую направленность истории развития исследуемых почв.

Почвенно-археологический, суть которого состоит в сопряженном изучении современных почв и палеопочв разновозрастных археологических памятников, время сооружения которых определяется археологическими методами [4; 12]. Метод позволил оценить смену палеоклиматических условий. Исследования проводились совместно с археологической экспедицией Южно-Уральского государственного университета (рис. 1).

Результаты и обсуждения. В ходе работ шурфами были вскрыты три разреза: современной почвы в 100 м от кургана Шихан-Убатау, погребенной почвы в днище насыпи, срез курганной насыпи, описаны морфологические признаки (табл. 1). Установлено, что современная почва (разрез Я–151) относится к чернозему обыкновенному маломощному на окарбоначенных глинах (со следами распашки).

В профиле Я-153, насыпь кургана Шихан-Убатау (рис. 2): черноземный процесс развивается на поверхности выкида, а также развивался на глубине 1 м. Выделены черноземы типичные маломощные. В профиле выделен слой Скурганное, являющийся основным телом насыпи кургана. Сложен блоками из генетических почвенных горизонтов ВС и D, которые скреплены материалом из горизонта А1.

В профиле Я-154, профиль в восточном склоне кургана. С поверхности черноземы типичные маломощные. В профиле выделен слой Скурганное, являющийся основным телом насыпи кургана. Сложен блоками из генетических почвенных горизонтов ВС и D, которые скреплены материалом из горизонта А1. В основании насыпи погребенная почва чернозем на окарбоначенных глинах маломощный.

На основании морфологических признаков выявлено сходство между современными генетическими почвенными горизонтами ВС, D и блоками («кирпичами») в слое Скурганное. А также сходство между генетическими горизонтами современных и погребенных почв А1 и заполнителем между блоком («цементом»). Однако в слое Скурганное произошло преобразование изначально сложенных почвенных горизонтов.

Произошло уплотнение, особенно «цемента», преобразование структуры. Карбонатные новообразования были перемыты из блоков в заполнитель.

Рис. 1. Работы по вскрытию кургана Шихан-Убатау

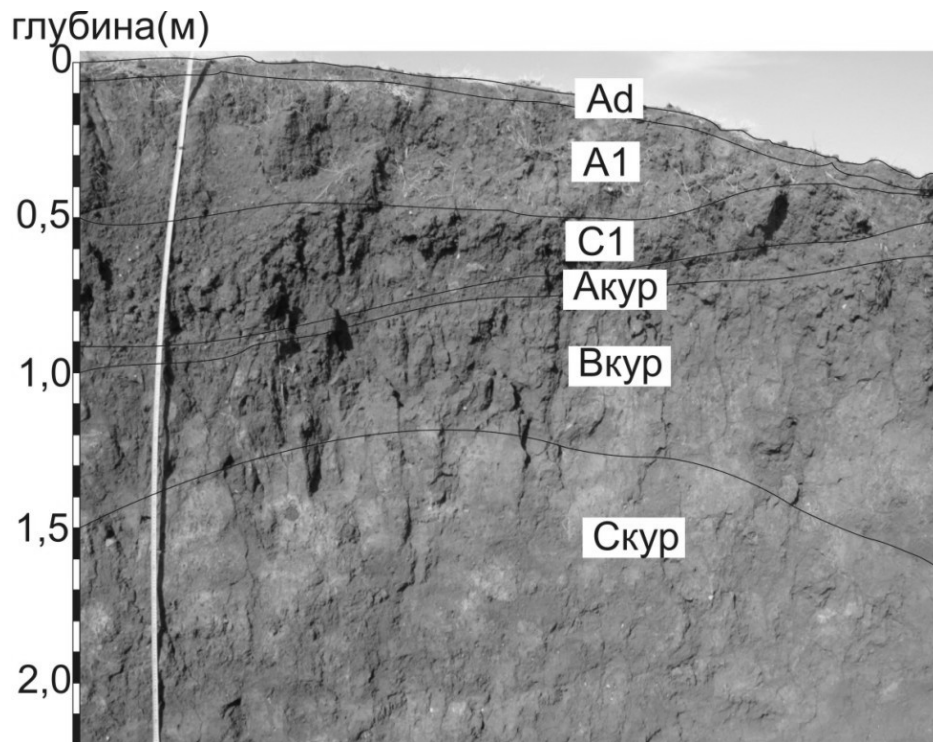

Рис. 2. Курган Шихан-Убатау. Профиль Я-153

Таблица 1

Морфологические характеристики почвенных горизонтов и слоев

Горизонт (слой)	Глубина, м	Морфологические характеристики									Примечание
		Цвет	Структура	Предварительный грансостав	Плотность	Влажность	Новообразования	Включения	Нижняя граница	Переход	
Профиль Я-151, современная почва в 100 м. от Шихан-Убатау											
Ad	0-0,1	10 YR3/2 (очень темно-серовато-коричневатый)	Мелкокомковатая	Легкий суглинок	Рыхлый	Сухой	Не обнаружены	Корней трав, а также эпизодические мелких мин. зерен	Ровная	Заметный по структуре, цвету и плотности	
A1 (залечь)	0,10-0,19	7,5 YR3/1 (очень темно-серый)	Плитчато-неясно-призматическая	Средний суглинок	Плотный	Сухой	Не обнаружены	Корни трав и минеральные зерна	Ровная	Заметный по цвету и структуре	Разбит на структурные отдельности близкие к призматическим
A1	0,19-0,24/0,34	2,5 Y2,5/1 (черный)	Плитчато-ореховатая	Средний суглинок	Плотный пластичный	Сухой	Не обнаружены	Корни трав и минеральные зерна	Затечная	Ясный по цвету	
AB	0,24/0,34-0,43	Неоднороден по цвету:(10) YR 5/6 (желтовато-коричневый) с затеками (10) YR 3/2 (очень темно-серовато-коричневый)	Призматическая	Средний суглинок	Плотный	Сухой	Не обнаружены	Корни трав и минеральные зерна	Ровная	Ясный по вскипанию НС1 и ясный по цвету	
BC(Ca)	0,43-0,62	10 YR 5/4 (желтовато-коричневый)	Комковатая	Тяжелый суглинок	Плотный пластичный	Увлажненный	Карбонатные в виде псевдомицелий	Корни трав и минеральные зерна	Волнистая	Заметный по цвету	Реагирует с кислотой. Грани структурных отдельностей имеют матовый блеск
D	0,62-1,00	10 YR 4/4 (темно-желтовато-коричневый)	Комковато-плитчатая	Глина (тяжелый суглинок)	Плотный пластичный	Увлажненный	Карбонатные в виде псевдомицелий	Эпизодические остатки растительности и минеральные зерна	Не вскрыта	Не вскрыта	Реагирует с кислотой

Горизонт (слой)	Глубина, м	Морфологические характеристики									Примечание
		Цвет	Структура	Предварительный грансостав	Плотность	Влажность	Новообразования	Включения	Нижняя граница	Переход	
Профиль Я-153, профиль насыпи кургана Шихан-Убатау											
Ad	0-0,06	10 YR3/1 (очень темно-серый)	Безструктурный	Супесь	Рыхлый	Сухой	Не обнаружены	Корни трав и минеральные зерна	Ровная	Ясный по структуре и заметный по цвету	Затеки гумуса по трещинам в нижележащий горизонт
A1 (современный)	0,06-0,5	10 YR3/2 (очень темно-серовато-коричневатый)	Мелкоореховатая	Легкий суглинок	Неоднороден, от очень плотного до рыхлого у трещин	Сухой	Не обнаружены	Корни трав и минеральные зерна	Ровная	Ясный по структуре	На основе выкида, разбивается на структурные отдельные трещинами
Выкид (Слой 1)	0,50-0,98	7,5YR 3/7 (темно-коричневый)	Призматическая	Средний суглинок	Рыхлый, нецементирован	Сухой	Марганцевые в виде черных точек	Корни трав и минеральные зерна	Ровная	Ясный по цвету	
Акур (А1курганное)	0,98-1,02	7,5YR 3/1 (очень темно-серый)	Ореховатая, ореховатокомковатая	Легкий суглинок	Рыхлый	Сухой	Не обнаружены	Корни трав и минеральные зерна	Ровная	Ясный по цвету	
Вкур	1,02-1,45	7,5YR 3/2 (темно-коричневый)	Комковатая	Легкий (средний) суглинок	Неоднороден, от очень плотного до рыхлого у трещин	Сухой	Не обнаружены	Корни трав и минеральные зерна	Ровная	Ясный по вскипанию и заметный по цвету	
С курганное (блок)	1,45-2,20	10 YR4/2 (темно-серовато-коричневый)	Неяснопризматическая, комковатая	Средний (тяжелый) суглинок	Плотный	Сухой	Эпизодически карбонатные в виде псевдомицелий	Корни трав и минеральные зерна	Не вскрыта	Не вскрыта	Эпизодически реагирует с кислотой, представлен отдельными блоками
С курганное (межблочье)	1,45-2,20	7,5YR 2,5/2 (очень темно-коричневатый)	Комковатая	Супесь (легкий суглинок)	Рыхлый	Сухой	Эпизодически карбонатные в виде псевдомицелий	Корни трав и минеральные зерна			в толще гумусированного материала

Горизонт (слой)	Глубина, м	Морфологические характеристики									Примечание
		Цвет	Структура	Предварительный грансостав	Плотность	Влажность	Новообразования	Включения	Нижняя граница	Переход	
Профиль Я-154 в восточном склоне кургана Шихан-Убатау											
Ad	0-0,03	2,5Y 3/2 (очень темно-серовато-коричневый)	Комковато-плитчатая	Средний (тяжелый) суглинок	Плотный пластичный	Увлажненный	Не обнаружены	Корни трав	Ровная	Заметный по цвету и структуре	
A1	0,03-0,50	7,5YR 4/1 (темно-серый)	Комковатая	Легкий суглинок	Плотный	Сухой	Не обнаружены	Корни трав и минеральные зерна. Эпизодически зерна карбонатов	Ровная	Заметный по цвету	
С курганное (блок 1) «Красноватые»	0,5-2,80	2,5Y3/2 (очень темно-серовато-коричневатый)	Комковато-плитчатая	Средний (тяжелый) суглинок	Пластичный	Увлажненный	Не обнаружены, но вскипает	Корни трав и минеральные зерна	Ровная	Ясный по цвету	Неоднороден по цвету и плотности, представлен отдельными блоками в толще гумусированного материала, в нижней части встречается тальк (2,36-2,79 м)
С курганное (блок 2) «Желтоватые»	0,5-2,80	10 YR3/3 (темно-коричневый)	Плитчатая	Средний суглинок	Пластичный	Увлажненный	Не обнаружены	Остатки растительности и минеральные зерна			
С курганное (меж-блочье)	0,5-2,8	10 YR2/2 (очень темно-коричневатый)	Комковатая	Легкий суглинок (супесь)	Рыхлый	Увлажненный	Не обнаружены	Остатки растительности и минеральные зерна			
[A1]	2.8-3.0	10 YR3/1 (очень темно-серый)	Комковато-плитчатая	Средний суглинок	Плотный пластичный	Увлажненный	Не обнаружены	Остатки растительности и минеральные зерна, нора на глубине 2,95, диаметром 0,06 м.	Волнистая	Ясный по цвету, структуре, вскипанию и грансоставу	
CD	3.00-3.20	10 YR4/4 (темно-желтовато-коричневый)	Плитчатая	Тяжелый суглинок (глина)	Плотный	Увлажненный	Не обнаружены, но вскипает	Остатки растительности и минеральные зерна	Не вскрыта	Не вскрыта	Грани структурных отделностей имеют матовый блеск

Выводы. Таким образом, несмотря на преобразования и перераспределение некоторых элементов, выявлено, что курганная насыпь имеет сложное морфологическое строение, и сложена с помощью древнейшего строительного принципа: «кирпич-цемент». Установлено, что в роли «кирпичей» выступают суглинистые блоки нижней части почвенного профиля и почвообразующей породы, а «цемент» — гумусовый горизонт супесчаного гранулометрического состава. В целом технология сооружения насыпи представляла собой поэтапную установку суглинистых блоков из генетических почвенных горизонтов ВС и D и заполнение полостей между ними супесью из гумусового горизонта. Этот алгоритм повторялся много раз, пока не была сооружена насыпь необходимой высоты. Такая конструкция отличалась простотой и надежностью, позволяла использовать доступный материал.

Литература

1. Белицина, Г. Д. Почвоведение : учеб. для ун-тов : в 2 ч. / Г. Д. Белицина, В. Д. Васильевская, Л. А. Гришина и др.; под ред. В. А. Ковды, Б. Г. Розанова. Ч. 1. Почва и почвообразование. М. : Высш. шк., 1988. 400 с.
2. Буваев, Д. А. Материалы исследований курганного могильника «Гашунский» в г. Элиста / Д. А. Буваев // Вестн. КИГИ РАН. 2011. № 1. С. 75–80.
3. Вадецкая, Э. Б. Исследование коллективных могил позднетагарской культуры в верховьях Чульма (раскопки кургана 2 у деревни Береш) / Э. Б. Вадецкая // АВ. № 4. СПб., 1995а. С. 96–122.
4. Демкин, В. А. Палеопочвоведение и археология / В. А. Демкин. Пушкино : ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. 213 с.
5. Кагазежев, Ж. В. Кабардинские курганные захоронения на территории нижнего Притеречья / Ж. В. Кагазежев // Вестн. Владикавказ. науч. центра. 2011. № 4. С. 29–32.
6. Кукушкин, И. А. Новые исследования на могильнике Ащису / И. А. Кукушкин // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 71–75.
7. Матвеева, Н. П. Старолыбаевский-4 курганный могильник (по раскопкам 1999 г.) / Н. П. Матвеева // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 98–113.
8. Медведев, А. П. Курганные некрополи скифского времени на Среднем Дону и Северском Донце: итоги сравнительного изучения / А. П. Медведев // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Социология. Воронеж, 2010. № 1. С. 32–41.
9. Мельничук, А. Ф. Поселение Усть-Очер I — энеолитический памятник в Оханском Прикамье и проблемы изучения поселений новоильинского культурного круга / А. Ф. Мельничук // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История и политология. 2011. Вып. 1 (15). С. 22–36.
10. Мышкин, В. К. Курганный могильник Карабаевка 1: некоторые итоги исследования / В. К. Мышкин, Р. С. Багаутдинов // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2010. № 3. С. 42–46.
11. Полосьмак, Н. В. Исследование второго кургана могильника пазырькской культуры Ак-Алаха-1 / Н. В. Полосьмак // Археолог. вести. 1995. № 4. С. 91–96.
12. Рябогина, Н. Е. Палинологические и палеопочвенные исследования на археологических памятниках: анализ возможностей и методика работ / Н. Е. Рябогина, А. С. Якимов // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. №2 (13). С. 186–200.
13. Савинов, Д. Г. Курганы андроновской культуры могильника Юрман-1 в Западной Сибири / Д. Г. Савинов, В. В. Бобров // Археолог. вести. 1995. № 4. С. 83–90.
14. Семочкина, Т. Г. Палинологическая характеристика разреза кургана 15 Чистолыбязского могильника / Т. Г. Семочкина, Н. Е. Рябогина // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 2. Тюмень, 1997. С. 115–120.
15. Хохлова, О. С. Естественно-научные исследования Большого Синташтинского кургана в Челябинской области / О. С. Хохлова, А. А. Хохлов, А. А. Гольева [и др.] // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2008. № 10 (92). С. 150–156.
16. Шелепова, Е. В. Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности: систематика и анализ / Е. В. Шелепова // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер. История. 2008. № 4/2. С. 223–230.

ПРОМЫСЛОВЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В ГОЛОЦЕНЕ*

К группе промысловых млекопитающих могут быть отнесены все виды млекопитающих, так как все они являются съедобными. Но реальный видовой состав этой группы применительно к прошлому может быть определен по результатам изучения костных остатков из древних поселений. Очевидно, что не все костные остатки диких млекопитающих, найденные в культурном слое могут быть отнесены к промысловым видам. Прежде чем включить тот или иной вид в группу промысловых, необходимо доказать, что его остатки оказались в культурном слое в результате промысловой деятельности населения. Обычно исследователи не проводят специальных исследований этой проблемы, а относят виды к промысловым видам на основании аналогий и «здравого смысла». Если известно, что на этот вид где-то кто-то охотится, то его относят к промысловым. Или на какой-то вид могли охотиться, основываясь на «здравом смысле», то его тоже относят к промысловым. В большинстве случаев такой подход не приводит к сколько-нибудь заметным ошибкам. Но иногда бывает трудно однозначно определить, добыт этот вид человеком или его остатки попали в культурный слой в результате естественных процессов. Чаще всего это бывает в случаях, когда в культурном слое устраивают норы крупные животные — сурки, лисицы, барсуки. В этом случае их кости и кости их добычи могут быть ошибочно отнесены к промысловым видам. Решить эту проблему часто позволяет выполнение элементарного тафономического анализа: визуальная оценка однородности костных остатков по типам сохранности (цвет, степень фоссилизации, степень раздробленности) и анализ состава элементов скелета (все ли элементы скелета имеются, есть ли части скелетов).

После выполнения этих процедур можно будет исключить виды, попавшие в культурный слой не в результате промысловой деятельности человека. Видовой состав остального костного комплекса будет отражать видовой состав промысловых млекопитающих у какой-либо группы населения в определенном районе в конкретный период времени.

В данной работе рассмотрены видовые составы промысловых млекопитающих для территории Южного Зауралья. Эта территория включает с севера на юг южную лесостепь и степную зону до северной границы сухостепной подзоны. От восточных склонов Южного Урала до водораздела рек Ишим и Тобол. Определение полного видового состава промысловых млекопитающих для определенного хронологического периода зависит от объема выборок костных остатков из местонахождений соответствующего периода. Видовой состав промысловых млекопитающих определен для следующих хронологических периодов [8]. Мезолит, который включает предбореальный и бореальный периоды голоцена, и охватывает от 10300 лет назад до 8000 лет назад. Неолит, который включает атлантический период от 8000 лет

* Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 12-М-456-2024.

назад до 4600 лет назад. Энеолит, который охватывает начало суббореального периода (суббореал 1) от 4600 до 4100 лет назад. Эпоха поздней бронзы, которая включает суббореальный 2 и 3 периоды, от до 2600 лет назад. Эпоха железа, которая соотносится с субатлантическим периодом голоцена до исторического времени, от 2600 до примерно 200 лет назад. Рецентный период (см. таблицу) соответствует историческому времени, то есть последние 200 лет. На рассматриваемой территории известно два основных типа голоценовых местонахождений, в которых найдены кости промысловых млекопитающих: археологические памятники и пещерные местонахождения. Однако, для ранних хронологических периодов (мезолит, неолит), количество данных невелико, поэтому для реконструкции видового состава использованы данные, полученные из местонахождений с соседних территорий: Башкирии, Северного Казахстана [1] и Ишимо-Иртышского междуречья. В результате была составлена таблица видового состава промысловых видов (см. таблицу).

Таблица

Видовой состав промысловых млекопитающих Южного Зауралья

Вид	Хронологический период ¹					
	М ²	Н	ЭН	ПБ	Ж	Рец
Заяц-беляк – <i>Lepus timidus</i>	+	+	+	+	+	+
Заяц-русак – <i>Lepus europaeus</i>	–	–	–	–?	–	+
Бобр – <i>Castor fiber</i>	±	±	+	+	+	+
Сурок степной – <i>Marmota bobak</i>	+	+	+	+	+	+
Волк – <i>Canis lupus</i>	+	+	+	+	+	+
Корсак – <i>Vulpes corsac</i>	+	+	±	+	+	+
Лисица – <i>Vulpes vulpes</i>	+	+	+	+	+	+
Медведь – <i>Ursus arctos</i>	±	±	+	+	+	+
Соболь – <i>Martes zibellina</i>	±	±	±	±	±	+
Куница – <i>Martes martes</i>	±	±	±	±	+	+
Росомаха – <i>Gulo gulo</i>	±	±	±	+	+	+
Горноста́й – <i>Mustela erminea</i>	+	±	+	+	+	+
Норка европейская – <i>M. lutreola</i>	±	±	+	±	±	+
Хорь светлый – <i>M. eversmanni</i>	+	±	+	+	+	+
Барсук европейский – <i>Meles meles</i>	±	±	+	+	+	–
Барсук азиатский – <i>Meles leucurus</i>	–	–	–	–	+	+
Выдра – <i>Lutra lutra</i>	±	±	+	+	+	+
Рысь – <i>Lynx lynx</i>	±	±	±	±	+	+
Тарпан – <i>Equus (E.) ferus</i>	+	+	+	+	+	+
Верблюд дикий – <i>Camelus ferus</i>	±	±	±	–	–	–
Кабан – <i>Sus scrofa</i>	±	±	±	+	+	+
Олень благородный – <i>Cervus elaphus</i>	±	±	+	+	+	+
Косуля – <i>Capreolus pygargus</i>	+	+	+		+	+
Олень гигантский – <i>Megaloceros giganteus</i>	+	±	–	–	–	–
Лось – <i>Alces alces</i>	±	±	+	+	+	+
Олень северный – <i>Rangifer tarandus</i>	±	±	–	±	±	–
Тур – <i>Bos primigenius</i>	±	+	+	+	–	–
Сайга – <i>Saiga tatarica</i>	+	±	+	+	+	+

¹ Хронологические периоды: М – мезолит; Н – неолит; ЭН – энеолит; ПБ – поздняя бронза; Ж – железный век (ранний железный век и средневековье); Рец – исторический период.

² «+» – остатки вида найдены в местонахождениях Южного Зауралья; «±» – остатки вида найдены в местонахождениях соседних регионов; «–» – вид отсутствует.

Анализ таблицы показывает, что на протяжении голоцена происходит уменьшение количества промысловых видов. К началу среднего голоцена исчезают гигантский олень и дикий верблюд. К концу среднего голоцена исчезает тур.

Рассматривая видовой список, следует сделать несколько замечаний, которые касаются как промысла некоторых видов, так и наличия видов в составе фауны.

Не ясно, почему древнее население Южного Зауралья практически не добывало сурков. Степной сурок обитает в Южном Зауралье на протяжении всего голоцена. С хозяйственной точки зрения это «выгодный» вид, так как он дает хорошее мясо, жир и шкуру хорошего качества. С промысловой точки зрения сурок «удобный» вид, так как промысел его не требует больших затрат. Это связано с особенностями его биологии [9]. Сурки живут колониями в норах, что позволяет легко организовать промысел и целенаправленно добывать животных в течение весны, лета и осени. Промысел невозможен только зимой, когда животные спят. Однако археозоологический анализ костных комплексов из поселений показывает, что охота на этот вид практически не проводилась. Подавляющее большинство остатков из раскопок поселений принадлежат животным, погибшим в норах, которые были устроены на месте оставленных поселений. Только некоторые остатки с определенной долей вероятности можно отнести к промысловым. Учитываю потенциальную простоту и легкость промысла сурка, не ясно, почему его практически не добывали. Это одна из загадок.

В списке видов указан соболь, достоверные остатки которого не найдены в Южном Зауралье (табл.), но они найдены в местонахождениях горной части Южного Урала [3]. Также в письменных источниках XVIII в. есть указание о его обитании в этом регионе [7]. Исходя из биологии этого вида, можно с большой вероятностью полагать, что соболь обитал в Южном Зауралье в голоцене. В связи с этим, следует отметить, что в целом, в Южном Зауралье добывали очень мало представителей рода *Martes* — куницы и соболя [5].

Дикая лошадь — тарпан, указана для всех периодов, включая исторический период (табл.). Разделить костные остатки дикой и домашней форм лошади не возможно. Однако из письменных источников известно, что тарпаны обитали на Южном Урале в XVIII в. [6]. На этом основании тарпан указан для всех периодов.

В списке видов указан также заяц-русак (табл.). В изученных нами материалах, определены остатки только зайца-беляка, а достоверные остатки этого вида не определены [10]. Однако в работе Л. Л. Гайдученко [2] этот вид указан. Нам представляется, что находки его голоценовых остатков в Южном Зауралье требует дополнительного подтверждения.

Следует также отметить, что на протяжении начала позднего голоцена (ранний железный век) в Южном Зауралье произошло замещение европейского барсука азиатским барсуком [4]. Различия в биологии этих видов очень не большие и не могли привести к различиям в организации и эффективности их промысла.

В целом на протяжении голоцена в Южном Зауралье, главным образом в первой половине, произошло уменьшение числа промысловых видов млекопитающих. Однако основной их комплекс сохранился почти неизменным до исторического времени.

Литература

1. Ахинжанов, С. М. К истории скотоводства и охоты в Казахстане / С. М. Ахинжанов, Л. А. Макарова, Т. Н. Нурумов. Алма-Ата : Гылым, 1992. 218 с.
2. Гайдученко, Л. Л. Биологические остатки из укрепленных поселений «Страны городов» Южного Зауралья / Л. Л. Гайдученко // Аркаим — Синташта: древнее наследие Южного Урала : в 2 ч. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. Ч. 1. С. 96–108.
3. Гасилин, В. В. Видовой состав рода *Martes* на Южном Урале в голоцене / В. В. Гасилин, Д. О. Гимранов // Динамика экосистем в голоцене. Екатеринбург, 2010. С. 65–67.

4. Гасилин, В. В. Замещение европейского барсука (*Meles meles* L., 1758) азиатским барсуком (*M. leucurus* Hodgson, 1847) на границе Европы и Азии в голоцене / В. В. Гасилин, П. А. Косинцев // Доклады Российской академии наук. М., 2010. Т. 432. № 5. С. 715–717.
5. Гасилин, В. В. История охоты на куниц на территории Поволжья и Южного Урала в голоцене / В. В. Гасилин, Д. О. Гимранов, П. А. Косинцев // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. В печати.
6. Кириков, С. В. Промысловые животные, природная среда и человек / С. В. Кириков. М. : Наука, 1966. 348 с.
7. Паллас, П. С. Путешествие по разным местам Российского государства : в 2 ч. / П. С. Паллас. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. 386 с.
8. Хотинский, Н. А. Новая схема периодизации ландшафтно-климатических изменений в голоцене / Н. А. Хотинский, З. В. Алешинская, М. А. Гуман [и др.] // Изв. АН СССР. Сер. географ. 1991. № 3. С. 30–42.
9. Шубин, И. Г. Байбак / И. Г. Шубин, В. И. Абеленцев, С. Н. Семихатов // Сурки. Распространение и экология. М., 1978. С. 10–38.
10. Kosintsev, P. A. Late Pleistocene and Holocene mammal fauna of the Southern Urals / P. A. Kosintsev, O. P. Bachura // Quaternary International. 2013. Vol. 284. P. 161–171.

А. А. Гайдученко

ДРЕВНЕЙШИЕ ФОРМЫ КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ*

Новые археозоологические материалы, появившиеся в последние десятилетия, позволяют приблизиться к реконструкции наиболее ранних этапов появления и становления экономики производящего типа в большом регионе — Урало-Казахстанских степях. Это актуально, так как позволяет наметить некоторые связи между территориями расположенными к востоку, западу и югу от изучаемого региона.

Первобытный тур — *Bos primigenius*, как материальная основа приложения идеи доместикации в голоцене Казахстана и Южном Зауралье отсутствовал**. Крупный рогатый скот (далее КРС или скот), кости и зубы которого в обозначенном регионе фиксируются, начиная с эпохи неолита, приведен сюда с других территорий.

Изучение остеологических материалов с большой территории — от Прииртышья на востоке до Приуралья на западе и от Северного до Центрального Казахстана включительно, привлечение к предпринятым исследованиям по необходимости сю-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00293 а.

** Проведенные мною библиографические изыскания показали, что изначально включение этого вида в состав голоценовой фауны Казахстана и ряда сопредельных территорий основываюсь на спорных определениях, типа: «*Bos* aut *Bison*, бык или тур? *Bos*» и т. п. Позднее это было «подтверждено» с привлечением стратиграфически не привязанных материалов с бечевников. Взаимоссылками археологов на мнения палеонтологов и последних на мнение археологов идея обитания первобытного тура в голоцене Казахстана и Южного Зауралья обрела статус постулата.

жетов изобразительного искусства позволяют выделять в древности обозначенного региона несколько форм КРС. Описание этих форм в последовательности достаточно определенно отвечающей хроностратиграфической*, приводится ниже.

Карамурзинский скот. Название дано по стоянке Карамурза 6, откуда получена первая коллекция костей этого скота. В эпоху неолита был распространен по всей территории степи от Прииртышья (с выходом на Правобережье) до Приуралья. Возможно, что ареал этой формы включал южную часть лесостепи и северную часть полупустынной зоны. Останки этой формы собраны на стоянках: Пеньки 1, Борлы, Мичурино (Прииртышье); Шидерты 3 (Сара-Арка); Карамурза 6 (север Торгая), Светлый Жаркуль и в неолитическом слое поселения Лебяжье 4 (Южное Зауралье).

Этот скот характеризуется достаточно крупными размерами. Высота в холке: коров ($n = 16$), колеблется от 127 до 140 см (при средней 134 см); быков-производителей ($n = 7$), соответственно – 155–162 и 158 см; волов ($n = 2$) – от 141 до 147 см.

Как быки, так и коровы этой формы скота были исключительно рогатыми. По характеру изогнутости и способу отхождения от черепа рога напоминали рога первобытного тура и серого степного скота, но были значительно мельче (табл. 1). Это был скот мясного направления, но, возможно, часть коров подвергалась доению. Небольшое количество взрослых и отсутствие старых волов свидетельствует об ограниченном использовании их в качестве транспортного средства.

Таблица 1

Размеры роговых стержней крупного рогатого скота (КРС)

Скот	Пол	Промеры*, мм				
		1	2	2	4	5
Черноборский	Корова	≈100	≈93	35	–	–
	Бык	≈120	≈120	41	37	130
Алакульский	Коровы	240	180	46	–	–
		235	163	–	35	–
		225	150	40	38	136
		223	141	41	–	–
	Быки	220	140	41	–	–
		200	200	58	≈56	–
		170	165	–	–	–
		150	150	44	44	147
Синташтинский	Быки	320	300	38	37	124
		200	200	63	62	206
	Вол	>400	≈300	90,5	80,7	271
Каратауский		–	–	–	–	–
Терсекский	Корова Волы	142	–	51	–	–
		>500	≈400	–	–	–
		670	500	97	96	273
		575	500	98	–	–
Карамурзинский	Корова Быки	≈170	–	42	≈41	≈130
		235	220	≈60	60	≈190
		430	300	70,7	60,0	208
		>200	–	65	–	–

* 1 – длина по кривизне; 2 – длина по прямой; 3 – передне-задний поперечник; 4 – верхне-нижний поперечник; 5 – обхват основания.

* Несоответствия или неполные совпадения оговариваются в тексте.

Карамурзинский скот, вероятно, являлся исходной формой, становление которой происходило за пределами изучаемого региона. Судить о том, откуда в пределы изучаемого региона мог быть приведен этот скот пока преждевременно.

Терсекский скот. Название дано по терсекскому типу поселенческих памятников Торгая. Из этих памятников — поселения Кожай 1, Кумкешу 1 и стоянка Каинды 3 — происходит первая достаточно крупная коллекция костей терсекского скота, в том числе и черепов.

В эпоху энеолита был широко распространен по югу лесостепной, по всей степной и по северной половине полупустынной зоны Казахстана. Рассматривается в этих пределах от Прииртышья на востоке до Южного Зауралья на западе. Это часть более обширного ареала, уходящего на восток до области обитания окуневских племен включительно. Южная граница ареала уходит в пределы ареала зебувидного скота и зебу. Местами терсекский скот, вероятно, доживает до рубежа III–II тыс. до н. э.

Кости этой формы КРС собраны на поселении Борлы 4 (Правобережное Прииртышье). Т. Н. Нурумовым и Л. А. Макаровой «туроподобный скот» отмечен на поселении Ботай [12], присутствует он в сборах на стоянке Гренада (Сары-Арка), в сборах на поселениях Кожай 1, Кумкешу 1 и стоянки Каинды 3 (Южный Торгай), в энеолитическом слое поселения Каменный Брод (Южное Зауралье). К этой форме КРС, вероятно, следует отнести и рог, найденный на Аркаиме и отнесенный П. А. Косинцевым к первобытному туру [10].

Описание терсекской формы скота опубликовано [4, с. 234–254]. Оно дополняется материалами поселения Борлы 4. На этом поселении найдены целые роговые стержни КРС описываемой формы.

Терсекский скот характеризуется крупными размерами. Высота в холке коров ($n = 27$) — от 137 до 149 см (средняя — 142 см); быков-производителей ($n = 6$) — 155–162 и 158 см соответственно; волов ($n = 11$) — от 150 до 159 см, при средней 155 см.

Быки этой формы скота были исключительно рогаты. Среди коров преобладали рогатые особи, но изредка встречались комолые. По характеру изогнутости и способу отхождения от черепа рога терсекских быков и волов напоминали рога первобытного тура («туроподобный скот» из Ботая, Т. Н. Нурумова и Л. А. Макарова). Размеры рогов так же отвечали таковым у первобытного тура, равно как и крупного серого степного скота (табл. 1; рис. 1). Размерные характеристики ряда костей терсекского скота, как уже отмечалось мною [4, с. 247–252], находятся между

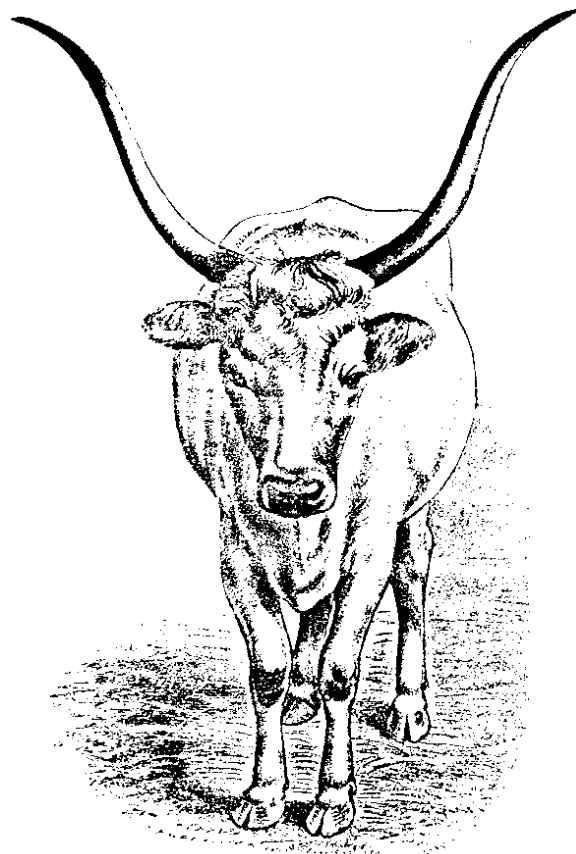

Рис. 1. Бык венгерского отродья серого степного скота [7]

такowymi первобытного тура и крупными формами КРС Восточной Европы, в частности майкопского скота.

Присутствие в коллекциях останков этой формы скота достаточно большого количества костей волов, в том числе старых, свидетельствует о значимости их в качестве тягловой силы. В целом же это был скот мясного направления. Часть коров доилась, фиксируется молоко в составе пригоревшей в сосудах пищи [5, с. 150–167].

Кроме остеологических остатков эта форма КРС может быть охарактеризована по памятникам изобразительного искусства. Это изображения длиннорогих быков в сюжетах олентинской писаницы (северо-восток Сары-Арки) (рис. 2), а также многочисленные изображения в Центральном и Южном Казахстане (см., например [9; 11 и др.]).

Наиболее близкий по размерам и облику к первобытному туру серый степной скот, который известен в нескольких отродах и племенах, различающихся как экстерьером, так и производительностью [1, с. 46].

Ко времени выхода работы А. А. Браунера серый степной скот характеризовался разорванным ареалом. Западная его часть была представлена тремя отродами: итальянским, венгерским и украинским. Кроме того, скот этого типа существовал в Испании и на Балканах. Восточная часть ареала этой формы КРС приурочена к югу Западной Сибири и Алтаю. До нас дошло описание алтайского скота, сделанное Бремом [2]: «Крупный рогатый скот среднего роста, крепкий, гармонично сложенный, рога большие и сильно изогнутые, как у диких быков, да и вообще этот домашний скот по всему своему облику сильно напоминает дикий...»

Каратауский скот. Название дано по хребту Каратау, где сосредоточены изображения скота этой формы. Характеризуется только по наскальным изображениям, так как osteo-логические остатки, уверенно соотносимые с этой формой, в Казахстане пока не выявлены. Это скот зебу (*Bos indicus*) и помесный скот (различные варианты гибридов (*Bos indicus* и *Bos taurus*)). Зебу характеризуется сильно выделяющимся горбом, значительно развитыми шейными складками, свисающим подгрудком и крупным треугольной формы препуцием (см. рис. 3). Головы быков, как правило, вооружены рогами. Величина рогов внутри вида может быть различной. Известны комолые формы.

Распространение в регионе скота-зебу и его помесей может быть приурочено к рубежу III–II тыс. до н. э., или к первой трети II тыс. до н. э. Выделение этой формы КРС объясняет присутствие крови зебу у калмыцкого и казахского [8, с. 134] скота XIX–XX вв. Появление и распространение зебу в регионе связано с крупно-ампли-тудными перемещениями (субмери-диональные направления) населения эпохи бронзы.

Синташтинский скот. Название дано по поселению Синташтинское (Южное Зауралье). Этот вид скота широко распространен в регионе с рубежа III–II тыс. до н. э. и примерно по середину II тыс. до н. э. Появление этого скота связано с импортом его из западных территорий [6, с. 110–115] и имеет «взрывной» характер — он появляется массово и сразу на большой территории.

Сравнительно мелкий скот. Высота в холке коров ($n = 45$) составляет от 108 до 128 см (средняя 121 см); быков-производителей ($n = 14$) — 132–139 и 135 см соответственно; волов ($n = 22$) — от 145 до 151 см (средняя — 148 см). Коровы этой формы скота были исключительно комолы, быки — рогаты или преимущественно рогаты, рога небольшие (табл. 1). Синташтинский скот имел молочное направление (или преимущественно молочное). Присутствие волов, в том числе и старых особей, их крупные размеры (внутри этой формы скота), указывают на широкое использование волов в качестве тягла.

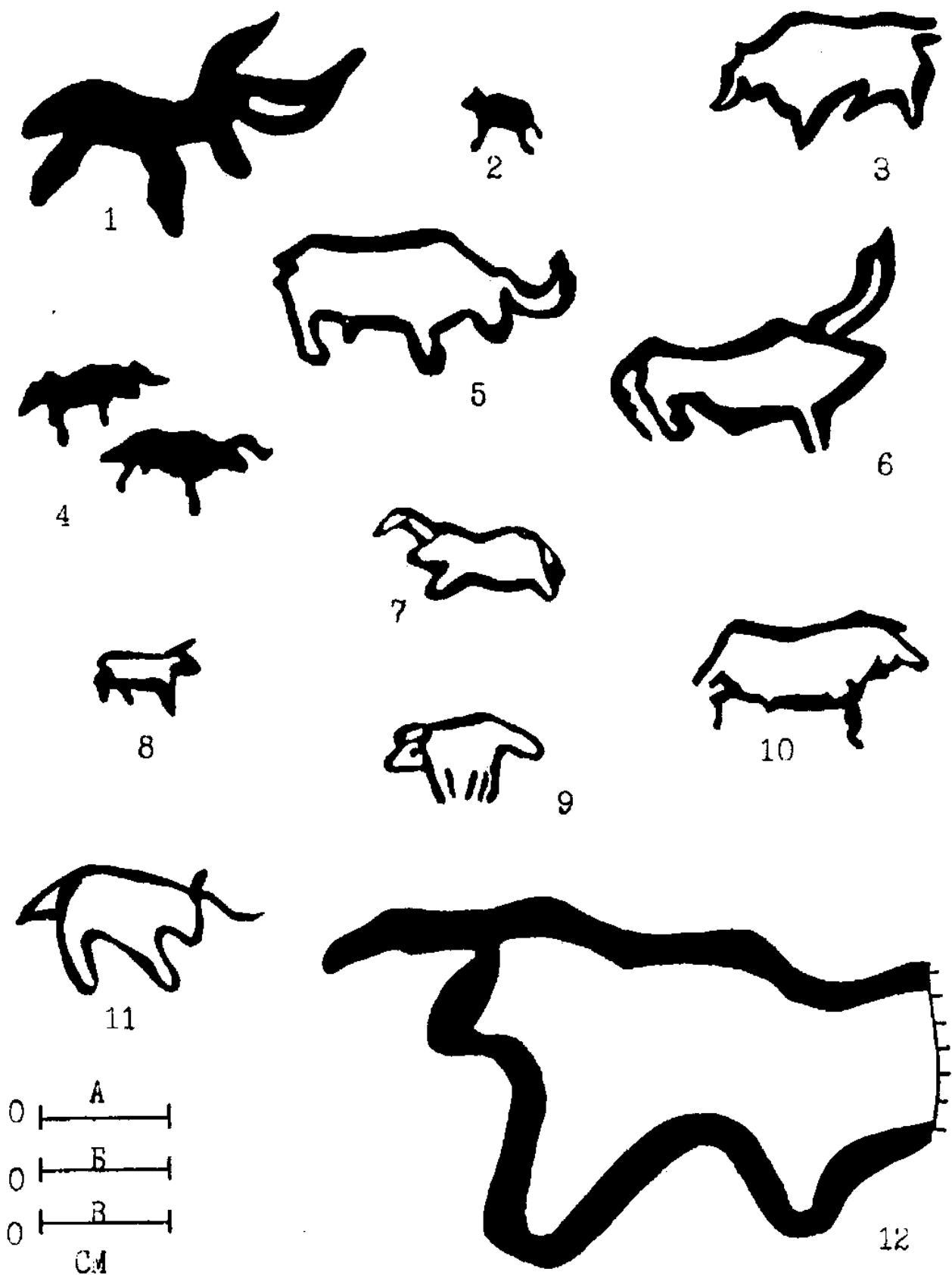

Рис. 2. Изображения быков на Олентинской писанице

Распространение в регионе этого скота связано с населением эпохи средней бронзы и может быть объяснено лишь более высокой молочностью синташтинских коров по сравнению с предшествующей формой. Исчезновение синташтинского скота в регионе имеет характер постепенного. Судя по основному признаку этой формы — комолости, она от эпохи средней бронзы к финальной постепенно сходит на нет.

Алакульский скот. Название дано по Алакульскому могильнику. Этот вид скота повсеместно распространен в регионе и на сопредельных территориях. Генетически это продолжение линии синташтинского скота, вобравшего в себя примесь всех бытовавших тогда форм из сопредельных регионов, в том числе зебу и зебувидного скота. Алакульскую форму крупного рогатого скота можно считать начальной для казахской породы.

Распространение алакульского КРС связано с племенами алакульской и федоровской культур, а также других культур эпохи поздней бронзы региона. Скот мелких размеров. Высота в холке коров ($n = 69$) составляет от 108 до 116 см (средняя 112 см); быков-производителей ($n = 27$) — 118–137 и 126 см соответственно; волов ($n = 35$), соответственно 120–138 и 128 см. Быки этой формы были исключительно рогаты, коровы — преимущественно рогаты. Черепа комолых коров алакульской формы иногда встречаются, но такие случаи единичны.

Черноборский скот. Назван по Черному бору — памятнику природы, у которого расположен памятник Архангельский прииск, давший первую крупную остеологическую коллекцию по этой форме КРС. В регионе этот вид скота распространен повсеместно. Генетически эта форма продолжает ряд: «синташтинский — алакульский — черноборский».

Географическое распространение этой формы КРС связано с племенами финальной бронзы и, возможно, с переходом от эпохи бронзы к железному веку.

Скот мелких размеров. Высота в холке коров ($n = 31$) колеблется от 107 до 117 см (средняя 111 см); быков-производителей ($n = 9$) — от 113 до 124 см соответственно; волов ($n = 11$) — соответственно 112–127 и 121 см. Все особи без разбора по полу рогаты, рога некрупные (табл. 1). Способ отхождения роговых стержней от черепа различен. Очень редко встречаются спицевидные рога, отходящие от лобных костей вверх и слегка в сторону.

Черноборская форма КРС завершает древнейший этап истории КРС в урало-казахстанских степях. Этот этап продолжался около трех тысячелетий и положил начало казахской породе крупного рогатого скота.

Изложенные материалы позволяют наметить картину появления и становления ранних этапов животноводства в урало-казахстанских степях. КРС проникает сюда в неолите самостоятельно, или, наиболее вероятно, вместе с домашней лошадью,

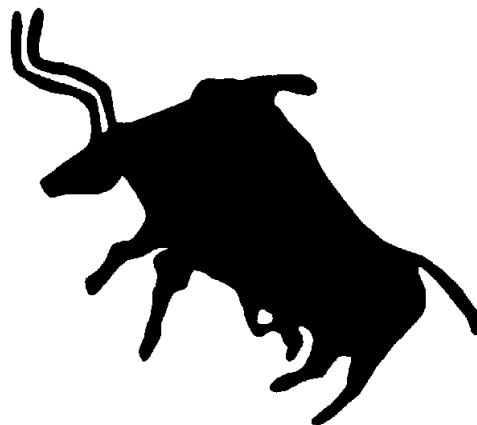
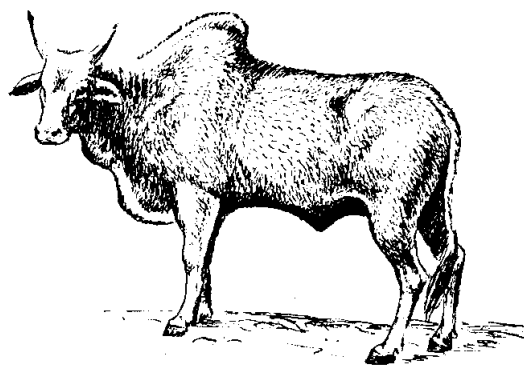

Рис. 3. Бык зебу (вверху) и изображение быка зебу (внизу) на Тамгалинской писанице [11]

с каких-то территорий, располагающихся на запад от изучаемого региона. Воспринятые местными охотниками на эквид (дикая лошадь, кулан и дикий европейский осел), домашние копытные успешно здесь приживаются. Некоторое время в неолите региона племена с охотничье-собирательским хозяйством и с новым, животноводческим, обитают совместно. Преобладающим (а, быть может и единственным) направлением скотоводства как и коневодства [3, с. 27–30] было мясное.

В неолите короткорогий карамурзинский скот сменяется (возможно, не повсеместно) длиннорогим терсекским. Проникновение в регион этого скота можно соотносить как с южным, так и западным импульсами. К энеолиту относится и первое фиксированное появление молочной пищи [3, с. 21–22].

Длиннорогий скот в регионе доживает до эпохи бронзы (рубеж III–II – первое столетие II тыс. до н. э.) и замещается в это время преимущественно комолым синташтинским скотом. Происходит это, вероятно вследствие более высокой молочности синташтинского скота.

На фоне этих событий с юга (Средняя Азия, север Индии) в южную половину Казахстана проникает скот зебу и помесный зебувидный скот, известный пока лишь по изображениям.

К концу II тыс. до н. э. на базе основных форм – короткорогой карамурзинской, длиннорогой терсекской, комолой синташтинской и зебу (зебувидного скота) сформировалась некая исходная форма, впоследствии давшая степной казахский скот. Алакульский и черноторский скот рассматриваются мною уже в качестве ранних форм казахского скота, окончательное оформление которого произошло в раннем железном веке и в средневековье.

Литература

1. Браунер, А. А. К вопросу о географической изменчивости домашних животных / А. А. Браунер // Вестн. животноводства. 1928. № 12. С. 44–52.
2. Брем, А. Путешествие по Алтаю: Отрывок из дневника / А. Брем ; предисл. и пер. с нем. Л. В. Малиновского // Алтайский сборник. Барнаул : Изд-во Алт. отд. ВФК : Краевая краевед. ассоц. 1992. Вып. 15. С. 97–127.
3. Гайдученко, Л. Л. Домашняя лошадь в неолите Казахстана / Л. Л. Гайдученко // Маргулановские чтения – 2009: Материалы междунар. науч. конф. : в 2 т. Петропавловск, 2009. Т. 1. С. 27–30.
4. Гайдученко, Л. Л. Домашняя лошадь и крупный рогатый скот поселения Кожай I / Л. Л. Гайдученко // Поселение Кожай I / С. С. Калиева. Алматы : М-во науки АН РК : Ин-т археологии РК, 1998. С. 234–254.
5. Гайдученко, Л. Л. Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением урало-казахстанских степей в эпоху неолита-бронзы / Л. Л. Гайдученко // Археологический источник и моделирование древних технологий: Тр. музея-заповедника «Аркаим». Челябинск, 2000. С. 150–169.
6. Гайдученко, Л. Л. Место и значение Южного Урала в экспортно-импортных операциях по направлению Восток – Запад в эпоху бронзы / Л. Л. Гайдученко // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы конф. Челябинск, 1995. Ч. 5. Кн. 2. С. 110–115.
7. Дарвин, Ч. Изменение животных и растений в домашнем состоянии / Ч. Дарвин. М. ; Л. : ОГИЗ : Сельхозгиз, 1941.
8. Добржанский, Ф. Г. Домашние животные юго-восточной части Казахстана (Семиречья) / Ф. Г. Добржанский, Я. Я. Лус, Н. Н. Медведев. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. 328 с.
9. Кадырбаев, М. К. Наскальные изображения хребта Каратау / М. К. Кадырбаев, А. Н. Марьяшев. Алма-Ата : Наука, 1977.
10. Косинцев, П. А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим / П. А. Косинцев // Археологический источник и моделирование древних технологий: Тр. музея-заповедника «Аркаим». Челябинск, 2000. С. 17–44.

11. Медоев, А. Г. Гравюры на скалах / А. Г. Медоев. Алма-Ата : Жалын, 1979.

12. Нурумов, Т. Н. Домашние и дикие животные эпохи неолита и бронзы Центрального и Северного Казахстана: остеологический обзор к проблеме древнего скотоводства и охоты / Т. Н. Нурумов, Л. А. Макарова // Проблемы палеонтологии Казахстана по археологическим данным. Алма-Ата : Наука, 1988.

**А. А. Гайдученко, В. Ф. Зайберт, П. А. Косинцев,
Н. А. Пластеева**

ЛОШАДИ БОТАЙСКОЙ И ТЕРСЕКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР*

В работе приведены результаты изучения размеров и пропорций костей лошадей из поселений ботайской (Ботай) и терсекской (Кожай 1, Кумкешу 1) археологических культур.

Анализ размеров и пропорций костей лошадей из вышеуказанных памятников уже был представлен в работе А. К. Outram с коллегами [10, с. 1332–1335]. Авторы привели результаты сравнения индексов значений ширины диафиза (SD/GL) и нижнего эпифиза (Bd/GL) пястных костей лошадей из раскопок Ботая в 2005–2006 гг., а также из различных древних и современных популяций [10, с. 1333]. В результате этого исследования были выявлены отличия лошадей поселения Ботай по размерам и пропорциям пястных костей от лошадей поселений Кожай и Кумкешу.

В более ранних работах были опубликованы размеры и пропорции метакарпальных костей из поселения Ботай раскопок 1980–1992 гг. исследования [1, с. 44; 6, с. 49; 7, с. 119]. Значения этих признаков оказались отличными от приведенных в работе А. К. Outram с коллегами. Согласно этим результатам, лошади Ботая не отличаются по пропорциям костей от лошадей из Кожая и Кумкешу.

Рассматриваемые поселения исследовались под руководством В. Ф. Зайберта (Ботай), С. С. Калиевой (Кожай) и В. Н. Логвина (Кумкешу). Все они относятся к эпохе энеолита, и имеют одинаковый радиоуглеродный возраст. По костям животных из Ботая получено 11 радиоуглеродных дат (от 4430 до 4900 лет назад и одна дата – 4160 лет назад) [8, р. 8; 9, с. 14; 10, р. 1334]; по образцам из Кожая 1 получено две даты – 4570 и 4600 л. н. [4, с. 225] и по образцу из Кумкешу 1 получена дата – 4570 л. н. [5, с. 190]. Радиоуглеродные даты свидетельствуют о том, что все три поселения имеют один радиоуглеродный возраст – около середины III тыс. до н. э. Костный материал из поселения Ботай включал выборку 1980 года [1, с. 44], 1980–1987 годов [7, с. 119], 1980–1992 годов [6, с. 49] и 2005–2006 годов [10, с. 1332–1335]. Промеры лошадей из поселения Кожай 1 приведены по опубликованным данным [2, с. 241].

Для анализа выбраны кости дистальных отделов конечностей (пястная, плюсневая, таранная). Статистическими методами (метод Краскелла-Уоллиса) проана-

* Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 12-М-456-2024.

лизированы 15 признаков пястной и плюсневой кости, а также шесть признаков таранной кости, включая индексы ширины костей.

Данные по размерам и пропорциям метакарпальных костей из местонахождений приведены в табл. 1.

Таблица 1

Средние значения размеров и пропорций пястных костей лошадей Ботая, Кожая и Кумкешу, мм

Признак	Ботай				Кожай	Кумкешу ⁴
	Годы раскопок					
	1980	1980–1987 ¹	1980–1992 ²	2005–2006 ³		
	n = 39	n = 33	n = 33	n = 18		
Длина наибольшая	228,2	226,6	226,6	—	222,1	226,5
Ширина диафиза	37,4	36,9	36,9	—	36,3	37,2
Индекс ширины диафиза	16,4	16,3	16,8	ca15	16,3	16,5

¹ — по [7, с. 117].

² — по [6, с. 49].

³ — по [10, р. 1333], значение признака вычислено по рис. 1.

⁴ — измерения выполнены Д. А. Явшевой.

Как видно из таблицы, промеры лошадей из поселения Ботай 1980–1992 годов исследования схожи. Однако новые данные из раскопок Ботая 2005–2006 годов значительно отличаются от полученных ранее. Это хорошо видно на диаграмме средних значений двух индексов (рис. 1). Выборки образовали две группы. Первую группу образуют выборки из поселения Кент и из раскопок Ботая 2005–2006 годов исследования. Вторую группу образуют выборки из раскопок Ботая 1980–1992 годов, поселений Кожая и Кумкешу.

По рассматриваемым признакам кости лошадей из поселения Ботай (раскопки 2005–2006 гг.) достоверно отличаются от костей из Кожая и Кумкешу [10, р. 1333]. Однако приведенные данные по пропорциям метакарпальных костей из Ботая

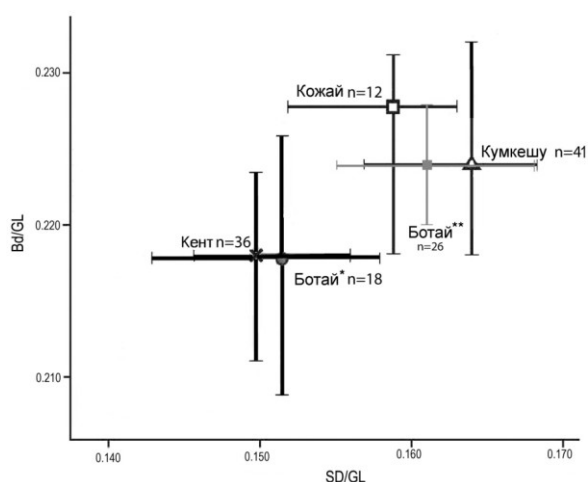

Рис. 1. Диаграмма средних значений индексов ширины диафиза (SD/GL) и ширины нижнего конца (Bd/GL) пястных костей лошадей (по [10, р. 1333] с изменениями): * — раскопки 2005–2006 гг., ** — раскопки 1980–1992 гг.

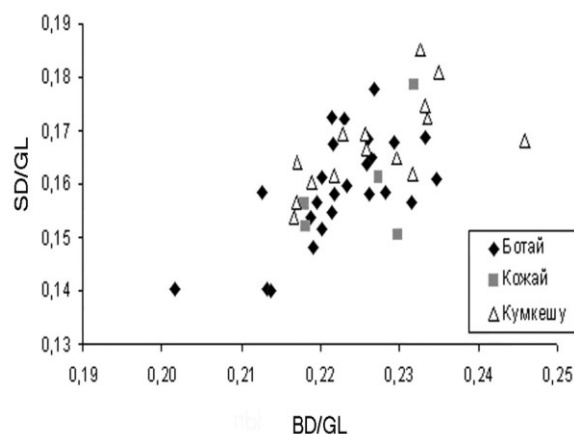

Рис. 2. Распределение значений индексов для пястных костей лошадей из поселения Ботай (1980–1992 гг.), Кожая и Кумкешу

(раскопки 1980–1992 гг.) находятся в той же части диаграммы, что и данные из Кожая и Кумкешу и их пределы изменчивости очень близки. Объемы выборок репрезентативны. Все это позволяет полагать, что различия между выборками из Ботая (раскопки 2005–2006 гг.) и Ботая (раскопки 1980–1992 гг.) так же статистически достоверны.

Статистическим анализом по 15 признакам пястной и плюсневой кости, а также по шести признакам таранной кости достоверных различий между лошадьми Ботая (раскопки 1980–1992 гг.), Кожая и Кумкешу не выявлено ($p > 0.05$). Распределение экземпляров пястных костей этих трех выборок образует единое облако (рис. 2).

Таким образом, три выборки из раскопов Ботая 1980–1992 годов не различаются между собой, а одна выборка, из раскопов 2005–2006 годов, от них отличается. Причины различия пропорций метакарпальных костей из раскопов 1980–1992 и 2005–2006 годов трудно объяснить. Раскоп 2005–2006 года является продолжением раскопов 1980–1992 годов, поэтому крайне маловероятно, что выборка метакарпальных костей 2005–2006 годов и выборка метакарпальных костей 1980–1992 годов относятся к разным генеральным совокупностям. Из вышесказанного следует, что полученные А. К. Outram с коллегами результаты следует поставить под сомнение.

Проведенный нами анализ показал, что лошади из поселений Ботай, Кожай и Кумкешу достоверно не различаются между собой в размерах и пропорциях костей и относятся к одной генеральной совокупности. Вероятно, это одна группа родственных популяций.

Литература

1. Ахинжанов, С. М. К истории скотоводства и охоты в Казахстане / С. М. Ахинжанов, Л. А. Макарова, Т. Н. Нурумов. Алма-ата, 1992. 218 с.
2. Гайдученко, Л. Л. Домашняя лошадь и крупный рогатый скот поселения Кожай 1 / Л. Л. Гайдученко // Поселения Кожай 1. Алматы, 1998. С. 234–252.
3. Зайберт, В. Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья / В. Ф. Зайберт. Петропавловск : Наука, 1993. 244 с.
4. Калиева, С. С. Поселение Кожай 1 / С. С. Калиева. Алматы, 1998. 255 с.
5. Калиева, С. С. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры / С. С. Калиева, В. Н. Логвин. Кустанай : ИА МН-АН РК : КустГУ, 1997. 179 с.
6. Косинцев, П. А. Лошади Ботая и Синташты: сравнительная морфометрическая характеристика / П. А. Косинцев // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2002. С. 48–50.
7. Кузьмина, И. Е. Лошади Северной Евразии от плейстоцена до современности / И. Е. Кузьмина // Тр. зоолог. ин-та РАН. 1997. Т. 273. 224 с.
8. Anthony, D. W. Eneolithic horse exploitation in the Eurasian steppes: diet, ritual and riding / D. W. Anthony, D. R. Brown // Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Papers for symposium. Vol. 1. Cambridge : The McDonald Institute, 2000. P. 1–11.
9. Benecke, N. A. Von den Driesch. Results of the study on horse bones from Botai (Northern Kazakhstan) / N. A. Benecke // Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Papers for symposium. Vol. 1. Cambridge : The McDonald Institute, 2000. P. 12–13.
10. Outram, A. K. The Earliest Horse Harnessing and Milking / A. K. Outram et al. // Science. 2009. Vol. 323. P. 1332–1335.

СЕЗОНЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ СКОТОВОДОВ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ*

Введение. В настоящее время имеются многочисленные работы, посвященные хозяйственной деятельности древнего населения в эпоху средней бронзы в Южном Зауралье [3, с. 105–108; 10, с. 203–205; 11, с. 55–68; 12, с. 17–44; 13, с. 216–217; 14, с. 258–261]. В этих работах рассмотрены вопросы животноводства и земледелия. Вопросы внутригодовой динамики (сезонной) функционирования данных поселений затрагивались лишь в некоторых из них [4, с. 150–152]. Изучение годовой периодичности пребывания людей на территории древних поселений Южного Зауралья в эпоху средней и поздней бронзы является одной из важных задач, решение которых необходимы для полного понимания процессов развития социальной и этнической структуры населения. В частности, это позволяет выявить постоянно или только в определенные периоды (сезоны) в течение года население находилось на той или иной территории. Насколько данное явление характерно для населения определенного поселения или для населения данной эпохи в целом.

Основой хозяйства населения эпохи бронзы в зауральской степи являлось скотоводство, а именно разведение крупного и мелкого рогатого скота [10, с. 2003–2005; 11, с. 58–65; 12, с. 17–44]. Охотничья деятельность населения эпохи бронзы была весьма разнообразной, однако не имела большого хозяйственного значения [10, с. 2003–2005; 11, с. 58–65; 12, с. 17–44; 5, с. 105–108]. Маловероятно, что рыболовство могло удовлетворить пищевые потребности населения, так как среди остатков определены только мелкие виды рыб [3, с. 110–113; 13, с. 216–217]. Нет подтверждения наличия земледелия у населения укрепленных городов [11, с. 65; 21, р. 1007–1037]. Следовательно, периоды забоя скота на поселении могут служить одним из показателей пребывания здесь населения.

В настоящее время выполнены работы по определению сезона забоя домашних животных из пяти поселений «Страны Городов»: Степное и Аландское [3, с. 309–311; 4, с. 150–152), Устье, Каменный Амбар и Аркаим (1, с. 31–33; 2, с. 11–12]. Это позволяет охарактеризовать внутригодовую динамику проживания населения на территории Южного Зауралья в эпоху средней бронзы, а именно в синташтинский период.

Цель данной работы реконструировать сезоны функционирования поселений средней бронзы в Южном Зауралье на основании изучения регистрирующих структур в зубах домашних животных.

Материал и методы. В работе использованы материалы, обработанные автором, из трех памятников: Устье, Каменный Амбар (Ольгино) и Аркаим, а так же литературные данные из памятников Аландское и Степное [4, с. 150–152]. Все эти памятники представляют собой укрепленные поселения, которые расположены в южной части Челябинской области (рис. 1).

* Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 12-М-456-2024.

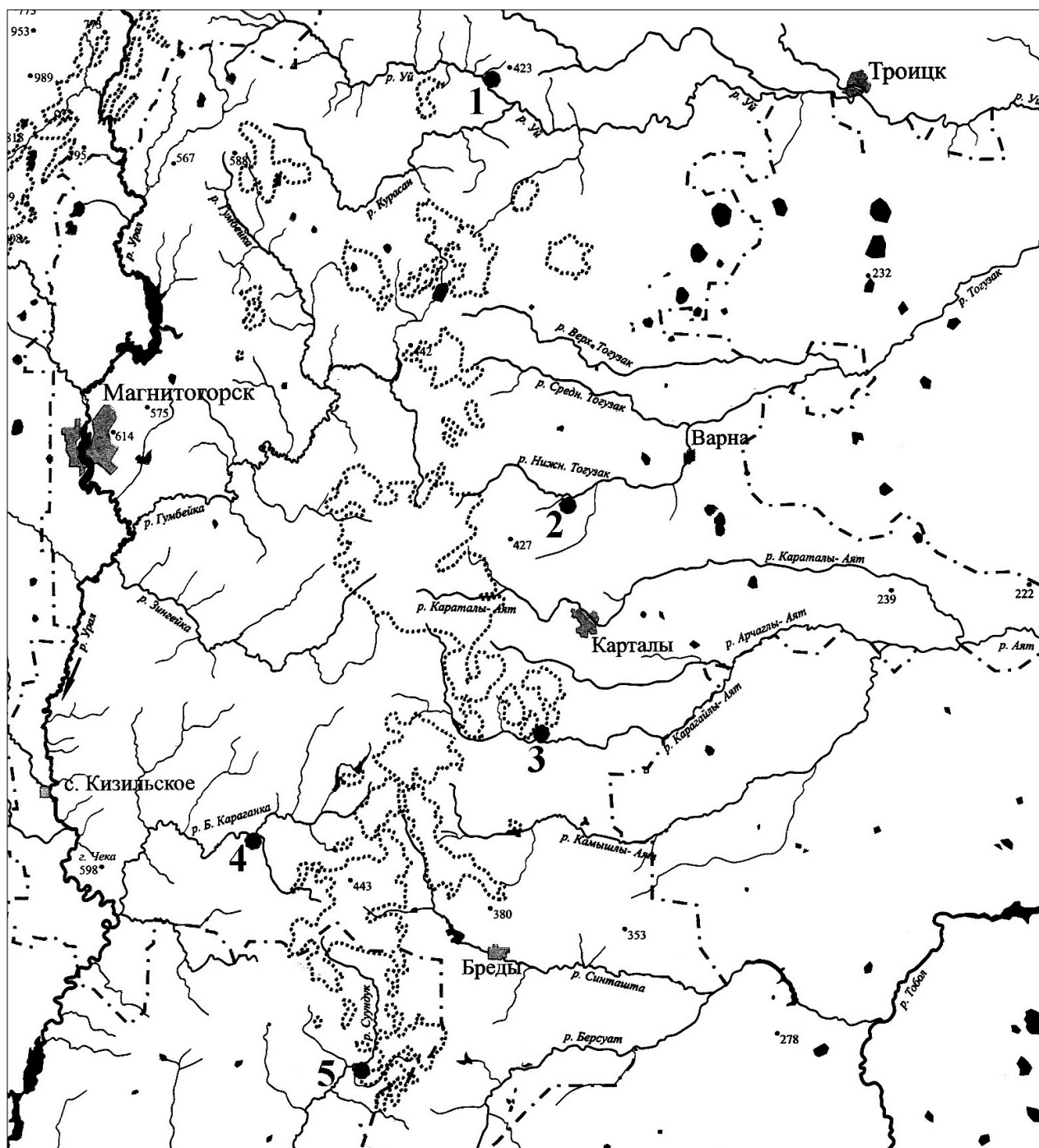

Рис. 1. Схема расположения укрепленных поселений эпохи средней бронзы в Южном Зауралье:
 1 — Степное; 2 — Устье; 3 — Каменный Амбар; 4 — Аркаим; 5 — Аландское

Укрепленное поселение Аркаим датируется синташтинской культурой рубежа среднего и позднего бронзового века (III–II тыс. до н. э.) [6, с. 40–54]. Образцы для анализа были отобраны из материалов раскопок 1987–1991 гг. [2, с. 12]. Укрепленное поселение Устье состоит из двух разнокультурных комплексов — синташтинского и петровского [6, с. 164–168]. Анализировались данные только из нижних не перемешанных слоев, характеризующих синташтинский комплекс [1, с. 31–33]. На поселении Каменный Амбар выделяется два комплекса: синташтинско-петровский и срубно-алакульский [11, с. 55]. Анализировались материалы синташтинской культуры.

Данные поселения Аландское приведены совместно для синташтинского и петровского комплексов [4, с. 151]. Из поселения Степное приведены сведения для материалов синташтинской культуры [Там же, с. 151].

Время гибели особей крупного и мелкого скота определяли с помощью методики, которая основана на подсчете годовых слоев в зубах (цементе и дентине). Формирование этих слоев отражает периоды роста организма: активный рост (весна — лето) и замедление роста (осень — зима) [9, с. 6]. Это единственный метод в настоящее время, который позволяет определить время гибели (забоя) животных. К сожалению, в отечественной литературе такого рода работы, где применяется данный метод в археозоологических исследованиях, встречаются крайне редко [4, с. 150–155; 7, с. 129–132; 8, с. 30–41]. За рубежом этот метод применяется при исследовании археологических памятников гораздо чаще [15, р. 479–493; 16, р. 211–232; 18, р. 525–539; 19, р. 101–146; 20, р. 283–317; 23, р. 308–321 и др.].

Определение времени гибели животного возможно только до сезона [Клевезаль, 1988. С. 240–244]. Более точно определить время гибели нельзя, так как существует индивидуальная изменчивость в формировании линий. Сезон гибели определялся на основании полноты формирования последней промежуточной (летней) линии по отношению к предыдущим промежуточным линиям или наличия основной (зимней) линии. Определение сезона осуществлялось по следующим критериям:

- если по краю виден полностью сформированный промежуточный (летний) слой, но не видно основной (зимней) линии — осень;
- если по краю видна основная (зимняя) линия — поздняя осень-зима;
- если по краю начала формироваться очередная промежуточная (летняя) линия или если промежуточная (летняя) линия сформирована менее чем на 50 % — весна;
- если по краю промежуточная (летняя) линия сформирована более чем на 50 %, но еще не полностью — лето.

У большинства животных, в том числе у крупного и мелкого рогатого скота, активный рост продолжается с апреля по ноябрь, а замедление роста с декабря по март независимо от географической области распространения данного животного [17; 22, р. 11–27]. В связи с этим, под сезонами понимаются их календарные сроки.

Для исследования были взяты щечные зубы крупного и мелкого рогатого скота. Подсчет и анализ слоев в зубах животных производился на аншлифах в отраженном свете. Слои подсчитывали в цементе. В некоторых случаях, когда слои плохо читались в цементе, дополнительно исследовался дентин зуба.

Результаты и их обсуждение. На основании анализа слоев в цементе зубов крупного и мелкого рогатого скота для каждого поселения получены следующие результаты.

На самом северном поселении Степное (рис. 1), согласно данным Л. Л. Гайдученко [4, с. 151], крупный рогатый скот забивали в течение осени и зимой, а мелкий рогатый скот — преимущественно весной (табл. 1). По данным этого же автора на поселении Аландское, расположенном в южной части «Страны Городов» (рис. 1), крупный и мелкий рогатый скот забивали преимущественно в течение осени и зимой, а отдельные особи были забиты весной и летом (табл. 1).

На поселениях, расположенных в центральной части «Страны Городов» выявлена несколько другая картина забоя скота. На самом крупном поселении Аркаим крупный и мелкий рогатый скот забивали в основном в течение весны или осени и зимой [2, с. 11–12]. Крупный рогатый скот забивали в равной степени в оба эти сезона, тогда как мелкий рогатый скот осенью забивали больше, чем весной. В летние

Таблица 1

**Сезоны забоя крупного и мелкого рогатого скота
на поселениях синташтинской культуры**

Поселение	Количество экземпляров		
	Весна	Лето	Осень – зима
Крупный рогатый скот			
Степное	–	–	13
Аркаим	21	12	21
Устье	9	1	9
Каменный Амбар	17	–	6
Аландское	1	1	15
Мелкий рогатый скот			
Степное	3	–	–
Аркаим	8	3	14
Устье	7	–	17
Каменный Амбар	3	–	10
Аландское	3	1	16

месяцы забивали небольшое количество скота (табл. 1). На поселении Устье крупный рогатый скот забивали с осени до начала лета [Там же, с. 32]. Так же как на Аркаиме, на поселении Устье интенсивность забоя крупного рогатого скота в весенние и осенние месяцы была одинаковой. Мелкий рогатый скот забивали преимущественно осенью и зимой (табл. 1) [Там же, с. 33].

На поселении Каменный Амбар (Ольгино) в синташтинский период и в период поздней бронзы крупный и мелкий рогатый скот забивали с осени до начала лета. В летний период скот здесь не забивали. Мелкий рогатый скот забивали преимущественно осенью. В отличие от других поселений крупный рогатый скот забивали здесь преимущественно в течение весны (табл. 1). Данное отличие от других поселений снимается, если рассматривать сезон забоя крупного рогатого скота отдельно по объектам. Основное количество остатков от особей крупного рогатого скота, забитых весной, происходит из жертвенника и из материалов 2006 года раскопок (табл. 2). Вероятно, жертвоприношение совершали преимущественно весной. Большое количество особей крупного рогатого, забитых весной, в материалах 2006 года, пока сложно объяснить. В материалах 2007 года из постройки 2, интенсивность забоя крупного рогатого скота была одинаковой весной и осенью (табл. 2). Скорее всего, на данном поселении, интенсивность забоя крупного рогатого скота в течение года была такой же, как и на поселениях Аркаим и Устье.

Анализ полученных данных показывает, что на всех поселениях в летние периоды скот либо не забивали совсем, либо забивали гораздо меньше, чем в другие месяцы. Вероятно, это может служить показателем того, что летом большая часть населения уходила с территории поселений со стадами на летние пастбища. Синташтинско-петровский период характеризуется излишней концентрацией населения в крупных поселенческих комплексах и, соответственно, концентрацией стад непосредственно прилегающих к этим поселениям долинах. Возможно, летние миграции со стадами в отдаленные районы были необходимы для сохранения

Сезон забоя крупного рогатого скота в различных участках поселения Каменный Амбар

Местоположение в памятнике	Сезон забоя	Количество особей
2006 г	Осень – зима	1
2006 г	Весна	5
2007 г., «зольник»	Весна	1
2007 г., постройка 2	Осень – зима	4
2007 г., постройка 2	Весна	4
2008 г., постройка 1	Весна	1
2009 г., жертвенник	Весна	6
2009 г., жертвенник	Осень – зима	1

кормовой базы для скота в холодное время года вблизи поселений. Скорее всего, в летние месяцы населенность самого крупного поселения Аркаим была выше, чем в других поселениях.

Мелкий рогатый скот на всех поселениях забивали в основном в течение осени и зимой. А интенсивность забоя крупного рогатого скота различается между поселениями. На Степном и Аландском поселениях крупный рогатый скот, как и мелкий, забивали преимущественно осенью или зимой. Возможно, население этих городов уходило на летние пастбища еще весной. На других поселениях – Аркаим, Каменный Амбар и Устье интенсивность забоя крупного рогатого скота была одинаковая и весной и осенью. Скорее всего, люди оставались здесь до начала лета.

Заключение. Показано, что на изученных поселениях синташтинской культуры был сходный тип хозяйства. Население проживало на территории поселений преимущественно в холодное время года (с осени до весны или начала лета). В этот период крупный и мелкий рогатый скот содержали и выпасали вблизи поселений. В летние месяцы скот отгоняли в отдаленные от поселений районы, для того чтобы сохранить кормовую базу для холодных периодов года. В летний период на территории поселений оставалось, скорее всего, небольшая часть населения, а большая часть уходила вместе со стадами. На территории поселения Аркаим в летние месяцы численность населения была выше, чем на других поселениях.

Литература

1. Бачура, О. П. Определение сезона и возраста забоя животных по регистрирующим структурам из поселения Устье / О. П. Бачура // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2009. С. 31–33.
2. Бачура, О. П. Сезон и возраст забоя домашних копытных по регистрирующим структурам из укрепленного поселения Аркаим / О. П. Бачура, Г. Б. Зданович, П. А. Косинцев // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. С. 11–12.
3. Гайдученко, Л. Л. Биологические остатки из укрепленных поселений «Страны городов» Южного Зауралья / Л. Л. Гайдученко // Аркаим – Синташата: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. С. 96–108.

4. Гайдученко, Л. Л. Внутригодовая динамика населенности укрепленных поселений эпохи средней бронзы в Южном Зауралье / Л. Л. Гайдученко, Д. Г. Зданович, Е. В. Куприянова [и др.] // *Экология древних и традиционных обществ*. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. С. 150–155.
5. Гайдученко, Л. Л. Особенности обеспечения мясной пищей населения укрепленного поселения Аландское на ранних этапах его обитания / Л. Л. Гайдученко, Г. Б. Зданович, Т. С. Малютина // *Аркаим – Синташата: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича*. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. С. 109–117.
6. Зданович, Г. Б. Аркаим – Страна городов: пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований) / Г. Б. Зданович, И. М. Батанина. Челябинск : Крокос, 2007. 259 с.
7. Калиева, С. С. К вопросу о сезонности поселения Кожай I / С. С. Калиева, Л. Л. Гайдученко, В. Н. Логвин // *Актуальные проблемы методики западносибирской археологии*. Новосибирск, 1989. С. 129–132.
8. Кириллова, И. В. Комплексный метод определения сезона совершения погребений эпохи бронзы Калмыкии / И. В. Кириллова, А. А. Гольева, Г. А. Клевезаль [и др.] // *Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке*. М., 2000. С. 30–41.
9. Клевезаль, Г. А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях / Г. А. Клевезаль. М. : Наука, 1988. 285 с.
10. Косинцев, П. А. Животноводство и охота населения поселения «Устье» в синташтинское время / П. А. Косинцев // *Пятые Берсовские чтения*. Екатеринбург, 2006. С. 203–205.
11. Косинцев, П. А. Историко-экологические исследования поселения Каменный Амбар / П. А. Косинцев, А. Ю. Рассадников, О. П. Бачура О.П [и др.] // *Андроновский мир*. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. С. 55–68.
12. Косинцев, П. А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим / П. А. Косинцев // *Археологический источник и моделирование древних технологий*. Челябинск, 2000. С. 17–44.
13. Некрасов, А. Е. Рыболовство у населения укрепленного поселения поздней бронзы Каменный Амбар / А. Е. Некрасов, П. А. Косинцев // *Шестые Берсовские чтения*. Екатеринбург : Квадрат, 2011. С. 216–217.
14. Явшева, Д. А. Животноводство и охота населения на поселении Устье 1 / Д. А. Явшева // *VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова*. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2008. С. 258–261.
15. Burke, A. Histological Observations of Cementum Growth in Horse Teeth and their Application to Archaeology / A. Burke // *Journal of Archaeological Science*. 1995. Vol. 22. P. 479–493.
16. Errico, F. De Criteria for Identifying Red Deer (*Cervus elaphus*) Age and Sex from Their Canines. Application to the Study of Upper Palaeolithic and Mesolithic Ornaments / F. D'Errico, M. Vanhaeren // *Journal of Archaeological Science*. 2002. Vol. 29. P. 211–232.
17. Klevezal, G. A. Recording structures of mammals. Determination of age and reconstruction of life history / G. A. Klevezal // *Balkema Publish. House ; Rotterdam*, 1996. 74 p.
18. Liberman, D. E. The biological basis for seasonal increments in dental cementum and their application to archaeological research / D. E. Liberman // *Journal of Archaeological Science*. 1994. Vol. 21. P. 525–539.
19. Pike-Tay, A. From Reindeer to Wallaby: Recovering Patterns of Seasonality, Mobility, and Prey Selection in the Palaeolithic OldWorld / A. Pike-Tay, R. Cosgrove // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2002. Vol. 9. №. 2. P. 101–146.
20. Pike-Tay, A. Seasonal variations of the Middle-Upper Paleolithic transition at El Castillo, Cueva Morin and El Pendo (Cantabria, Spain) / A. Pike-Tay, V. C. Valdes, F. B. de Quiros // *Journal of Human Evolution*. 1999. Vol. 36. Issue 3. P. 283–317.
21. Stobbe, A. Archaeobotanical Investigations in the Trans-Urals (Siberia): The Vegetation History / A. Stobbe, A. J. Kalis // *Journal for Ancient Studies*. 2012. Vol. 3. P. 1007–1037.
22. Wall-Scheffler, C. M. Digital Cementum luminance analysis (DCLA): a tool for the analysis of climatic and seasonal signals in dental cementum / C. M. Wall-Scheffler, R. A. Foley // *Journal Osteoarchaeological*. 2008. Vol. 18. P. 11–27.
23. Wisniewski, T. On the periphery of the Magdalenian World: An open-air site in Klementowice (Lublin Upland, Eastern Poland) / T. Wisniewski // *Quaternary International*. 2012. Vol. 272–273. P. 308–321.

К ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЭТАПА ЭПОХИ БРОНЗЫ — НАЧАЛА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ*

Переходный этап от эпохи бронзы к раннему железному веку на большой территории степной полосы Евразии остается белым пятном или как назвал его А. В. Епимахов в одной из своих статей «Темными веками» эпохи бронзы Южного Зауралья [4]. Именно в этот период происходит переход к принципиально новому, кочевому, образу жизни населения степи.

На рубеже II-I тысячелетий до н. э. на территории Южного Зауралья и сибирско-казахстанских степей ситуация в экологическом отношении становится нестабильной. Наравне с увеличением гумидизации в районах Южного Зауралья, увлажнение достигло пика к началу VIII в. до н. э. [3; 5]; в соседних областях степного природного пояса, напротив, продолжается аридизация [6]. Эти палеоэкологические события, несомненно, повлияли на подвижность населения большого региона. Носители традиционно скотоводческих культур были вынуждены искать способы к переадаптации в хозяйственно-промышленной деятельности, либо новые земли с более благоприятными экологическими условиями. Известно, что как минимум в начале VII в. в Южном Зауралье появляются группы типичных кочевников, связываемые с сакским культурно-хронологическим горизонтом.

Антропологический материал с территории Южного Зауралья рубежа эпохи бронзы — раннего железного века крайне немногочислен. В литературе были описаны лишь морфологические особенности индивидов из двух погребений из группы курганов Верблюжьей Горки, раскопанных в Карталинском районе на юге Челябинской области [10]. Череп из погребения 1 кургана 2 выражено долихокраний, низкосводный, имеет мезоморфное и достаточно профилированное по горизонтали лицо, абсолютно средневысокие орбиты, узкий и сильно выступающий нос. По заключению Д. И. Ражева он типично европеоидный [Там же, с. 135].

К переходному времени (возможно, к заключительному этапу эпохи бронзы) относятся антропологические материалы из двух погребений, полученных в результате раскопок отрядом А. В. Епимахова в Еткульском районе Челябинской области на реке Чумляк*. Оба мужских черепа из кургана 5 могильника Шатрово I не целые, соответственно, неполна и их морфологическая характеристика (табл. 1). По имеющимся признакам можно отметить, что они сходны по поперечному диаметру мозговой коробки, высокому своду, средневысокой орбите, углам вертикальной профилировки.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 12-01-00293а.

* Антропологический материал из того же могильника, полученный в результате исследования археологическим отрядом под руководством Н. М. Меньшенина, был обработан сотрудником отдела антропологии Института этнографии РАН Г. В. Рыкушиной, но опубликован не был. Костные материалы не сохранились.

Таблица 1

**Индивидуальные данные черепов переходного времени от эпохи бронзы
к раннежелезному веку Южного Зауралья**

Признак		Мужской череп					Женский череп
		1	2	3	4	5	6
1	Продольный диаметр	191,0	194,0	170,0	181,0	180,0	164,0
8	Поперечный д.	134,0	146,0	147,0	154,0	154,0	137,0
17	Высотный д.	130,0	148,0	140,0	147,0	130,0	121,0
20	Ушная высота	110,0	124,0	115,0	122,5	—	106,0
5	Длина осн. черепа	104,0	114,0	100,0	100,0	104,0	92,0
9	Наим. ширина лба	102,0	105,0	90,0	96,0	97,0	93,5
10	Наиб. ширина лба	117,0	126,0	116,0	—	119,0	111,0
11	Шир. осн. черепа	132,0	132,0	122,0	143,0	140,0	117,0
12	Ширина затылка	109,0	119,0	111,0	112,0	130,0	103,0
25	Сагиттальная дуга	—	398,0	349,0	365,0	343,0	332,0
26	Лобная дуга	—	140,0	121,0	122,0	120,0	124,0
27	Теменная дуга	—	136,0	120,0	131,0	115,0	106,0
28	Затылочная дуга	—	122,0	108,0	112,0	108,0	102,0
29	Лобная хорда	—	122,0	—	109,5	109,0	108,0
30	Теменная хорда	—	123,0	107,0	115,5	104,0	96,0
31	Затылочная хорда	—	96,0	—	92,0	91,5	87,0
40	Длина осн. лица	101,0	108,5	95,0	101,0	—	97,0
43	Верхняя ширина лица	110,0	113,0	101,0	108,0	109,0	101,0
45	Скуловой диаметр	135,0	—	—	149,0	146,0	122,0
46	Средняя ширина лица	96,0	103,0	84,0	98,5	104,0	87,0
47	Полная высота лица	110,0	129,0	112,0	122,0	126,0	104,0
48	Верхняя высота лица	70,0	77,0	71,0	75,5	77,0	64,0
51	Ширина орбиты	44,5	45,8	—	42,9	42,1	40,0
51a	Ширина орбиты от d	41,0	43,6	—	—	39,7	38,4
52	Высота орбиты	34,5	34,0	33,0	36,6	31,3	30,6
54	Ширина носа	23,4	28,5	24,3	23,3	22,0	22,0
55	Высота носа	51,2	54,6	53,0	55,3	54,2	48,0
60	Длина альвеол. дуги	—	57,0	—	57,5	59,0	53,0
61	Шир. альвеол. дуги	—	44,0	—	63,0	70,5	58,0
sc	Симотическая ширина	6,8	9,2	—	3,3	6,5	6,1
ss	Симотическая высота	4,3	5,9	—	1,2	5,0	4,9
dc	Дакриальная ширина	22,0	—	—	—	20,3	16,3
ds	Дакриальная высота	13,0	—	—	—	11,7	10,2
FC	Глуб. клыковой ямки	—	3,8	7,0	6,1	3,4	7,5
Sub. NB	Высота изгиба лба	—	—	—	22,5	18,5	27,4
32	Угол наклона лба	83,0°	81,0°	82,0°	79,0°	75,0°	86,0°
GM/FH	У. профиля лба от g	71,0°	71,0°	74,0°	69,0°	62,0°	82,0°
33(4)	У. перегиба затылка	—	118,0°	127,0°	121,0°	—	—
72	У. общелицевой	83,0°	85,0°	85,0°	76,0°	92,0°	82,0°
74	У. альвеолярной части	—	83,0°	76,0°	70,0°	85,0°	60,0°
75	У. наклона нос. костей	—	46,0°	—	40,0°	54,0°	51,0°
75(1)	У. выступания носа	30,0°	39,0°	—	36,0°	38,0°	31,0°
77	У. назомаллярный	138,0°	137,0°	—	156,0°	143,0°	145,0°
zm	У. зигомаксиллярный	126,0°	127,0°	121,0°	127,0°	135,0°	132,0°
8/1	Черепной указатель	70,2	75,3	86,5	85,1	85,6	83,5
17/1	Высотно-продольный ук.	68,1	76,3	82,4	81,2	72,2	73,8
17/8	Высотно-поперечный ук.	97,0	101,4	95,2	95,5	84,4	88,3
9/43	Фронтально-малярный ук.	92,7	92,9	89,1	88,9	89,0	92,6
40/5	Выступания лица ук.	97,1	95,2	95,0	101,0	—	105,4
48/45	Верхнелицевой ук.	51,9	—	—	50,7	52,7	52,5
52/51	Орбитный ук.	77,5	74,2	—	85,3	74,3	76,5

Признак		Мужской череп					Женский череп
		1	2	3	4	5	6
54/55	Носовой ук.	45,7	52,2	45,8	42,1	40,6	45,8
61/60	Альвеолярный ук.	—	77,2	—	109,6	119,5	109,4
ss/sc	Симотический ук.	63,2	64,1	—	36,6	76,9	80,3
ds/dc	Дакриальный ук.	59,1	—	—	—	57,6	62,6
65	Мыщелковая ширина	124,0	134,0	115,7	129,5	131,5	114,0
66	Угловая ширина	100,0	111,0	91,0	108,0	113,0	89,0
67	Передняя ширина	—	52,5	47,6	51,5	51,5	46,0
69	Высота симфиза	—	38,0	29,8	36,5	36,0	29,0
69(1)	Высота тела	—	34,0	29,2	35,5	33,0	29,0
69(3)	Толщина тела	—	16,4	10,7	15,0	15,0	16,1
71a	Наим.ширина ветви	—	40,0	30,6	43,0	38,5	35,0
С	У. выст. подбородка	—	70,0	69,0	—	—	77,0
Надпереносье		—	—	3,0	5,0	5,5	3,0
Затылочный бугор		—	—	1,5	0,0	1,5	0,5
Сосцевидный отросток		—	—	1,5	2,5	3,0	2,0
Передненосовая ость		—	—	3,0	3,0	5,0	2,0

Примечание: 1 – могильник Верблюжья Горки, курган 2, погребение 1 [10, с. 146]; 2 – Шатрово I, курган 5, яма 2; 3 – Шатрово I, курган 5, яма 3; 4 – курган у села Черноборка; 5 – могильник Иртяш XIV, курган 2, погребение 2; 6 – могильник Кумкуль, курган 3.

Первый череп заметно крупнее как в мозговой части, так и в лицевой, по форме он мезокранный, имеет более выраженный макрорельеф, выделяется широким носом. Имеет высокое и хорошо профилированное по горизонтали лицо, сильно выступающий нос, очень высокое переносье. По комплексу признаков череп европеоидный. Второй череп из этого же кургана 5 (яма 2) отличается гипербрахикранией, узким лбом, меньшим по широтным и высотным размерам лицом, более резко профилирован на среднем уровне, имеет очень глубокую клыкковую ямку. Можно сказать, что в расовом отношении он также европеоидный. Рассматривая оба черепа необходимо отметить, что черепа не имеют общих морфологических черт, что указывает на разные физические особенности их носителей.

Антропологических материалов, относимых к раннему этапу раннего железного века (сакский период), также немного. Всего имеется три скелета из следующих могильников сакского периода:

– курган у с. Черноборка (исследован отрядом А. Д. Таирова в Чесменском районе Челябинской области);

– Иртяш XIV, курган 2, погребение 2 (исследован отрядом А. Г. Гаврилюка в Каслинском районе Челябинской области);

– Кумкуль, курган 3 (исследован отрядом С. Г. Боталова и М. Л. Плешанова в Аргаяшском районе Челябинской области).

Следует заключить, что шатровские черепа, как и ранее изученный череп из группы курганов Верблюжья Горки переходного времени от эпохи бронзы к раннежелезному веку, европеоидные, но все они морфологически разные и имеют разные генетические истоки. Поиск истоков затруднен вследствие единичности представленных находок и вероятности проявления на каждом из черепов индивидуальной изменчивости. Так же, видимо, их разные морфологические особенности можно объяснить и разным периодом существования вышеперечисленных могильников. Так, в литературе давно рассматривается вопрос о разделении заураль-

ского позднебронзового века на две части. И в данном случае материалы из могильника Шатрово I можно отнести к первой фазе, при том, что указанные нами материалы из могильника Верблюжьих горки относятся к «переходным» [4, с. 47].

Три черепа раннего периода РЖВ (VII–VI вв. до н. э.) также происходят из разрозненных могильников. Череп из могильника Иртяш XIV принадлежал мужчине зрелого возраста. Его мозговая коробка характеризуется средним продольным, очень большим поперечным и малым высотным диаметрами, по указателям гипербрахикранный. Основание очень широкое. Лобная кость среднеширокая, но узкая относительно верхней ширины лица, наклонная. Макрорельеф значительный в области надпереносья и в носовидной части, умеренный по развитию затылочного бугра. Лицевой отдел крупный, очень большой по скуловому диаметру и большой по верхней высоте, при этом уплощенный по горизонтали на обоих уровнях. В вертикальной норме он ортогнатный. Орбиты низкие как абсолютно, так и относительно. Нос очень малый по ширине, лепторинный по указателю, в профиль выступает сильно. Носовые косточки очень узкие и высокие по симметрическим показателям. Нижняя челюсть массивная, характеризуется большими величинами признаков. В целом данный череп по комплексу черт можно оценить как европеоидный, с небольшой примесью монголоидности.

Мужской череп из кургана у села Черноборка по ряду признаков сходен с черепом из могильника Иртяш XIV, курган 2, погребение 2 (по тотальным размерам мозговой коробки и лицевого отдела, широтным размерам лба, основания черепа, орбиты, носа, углу выступания носовых костей, по признакам нижней челюсти и развитию макрорельефа). Имеются, однако, и достаточно очевидные отличия. Мозговой отдел этого черепа очень высокий, абсолютно и относительно высокими оказываются орбиты. Носовые косточки достаточно резко сужены к основанию, их абсолютные симметрические размеры очень малые, а указатель средний. Лицевой отдел значительно уплощен на верхнем уровне за счет низкого расположения точки *nasion*, на среднем уровне, напротив, сравнительно профилированный. В целом комплекс признаков европеоидный.

Женский череп из могильника Кумкуль (курган 3), характеризуется малыми размерами мозговой коробки и очень малыми — лицевого отдела с умеренно развитым макрорельефом. Черепной указатель брахикранный. Свод низкий. Лоб среднеширокий, прямой. Лицевой отдел мезогнатный, альвеолярная часть прогнатная. Горизонтальный профиль умеренный. Нос абсолютно и относительно узкий, выступает в профиль сильно, в симметрическом сечении широкий и очень высокий. Клыковая ямка глубокая. В целом этот череп можно назвать европеоидным, при этом обращают на себя внимание низкий свод и горизонтальная уплощенность лицевого отдела, что может подразумевать небольшую примесь монголоидности.

Все эти три черепа (VII–VI вв. до н. э.) имеют между собой некоторые черты сходства: брахикрания, узкий и сильно выступающий в профиль нос, уплощенный горизонтальный профиль, прогнатия альвеолярной части. Можно отметить также сходство между собой мужских черепов по выраженности гиперморфии. Женский череп в этом отношении малый, но по ряду относительных признаков сближается именно с черепом из Иртяшского могильника.

Сравнение между собой имеющихся черепов раннего железного века и финального периода эпохи бронзы показывает, в первую очередь, содержание в первой выборке определенной доли европеоидности, при наличии на двух черепах

следов незначительной монголоидности, чего в более ранней хронологически выборке не прослеживалось. В целом «сакская» группа устойчиво выделяется брахикранией и умеренной горизонтальной профилировкой лица. Все эти морфологические особенности свидетельствуют о том, что генезис «сакского» населения, оставившего могильники на территории Южного Зауралья, не связан с населением предшествующего финального этапа эпохи бронзы.

Конечно, на сегодняшний день сложно выявить конкретные генетические связи населения Зауралья с какой-либо территориальной сакской группой, имеющей в своем составе индивидов с наличием монголоидной примеси. Однако почти всеми исследователями отмечается, что монголоидность имеет связь с Восточным импульсом в общем и с территорией Синьцзяна или Алтая в частности [1; 2; 7; 8 9; 12 и др.]. В нашем случае наиболее важным является сравнение населения Зауралья с населением синхронного времени Центрального Казахстана, что подтверждается и близостью археологического инвентаря ранних кочевников Зауралья с тасмолинской культурой [11].

К сожалению, сравнение наших антропологических материалов с тасмолинскими осложнено теми же обстоятельствами, что и с предшествующими по времени. В первую очередь, из-за немногочисленности опубликованных антропологических сведений о населении тасмолинской культуры [7]. Эти данные, а также новые, которые находятся в работе с перспективой выхода отдельной публикации [Китов, неопубл.], говорят о крайней неоднородности населения этой культуры. Предварительно можно сказать, что в них встречаются черепа не только монголоидные и европеоидные, но и имеющие смешанные характеристики. Это предполагает выход, как минимум части их носителей из Центральной Азии. Пути проникновения, вероятно лежат через Джунгарскую впадину с территории Синьцзяна, с возможным процессом биологических контактов с местным населением оставившем памятники бегазы-дандыбаевского типа.

Так как население, оставившее могильники Черноборка, Иртыш XIV (к. 2, п. 2) и Кумкуль (к. 3) в Южном Зауралье, не связано с населением предшествующего финального этапа эпохи бронзы и не находит аналогов среди индивидов переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. Можно предположить, что становление физического облика населения Зауралья на раннем этапе раннего железного века зависело от притока населения, оставившего памятники тасмолинской культуры в Центральном Казахстане. Пока представленные нами палеоантропологические сведения, включая результаты анализа, следует воспринимать как предварительные в перспективе выявления этногенетических процессов на территории Южного Зауралья в переходный период от бронзового к раннему железному веку.

Литература

1. Алексеев, В. П. Антропология Азиатской части СССР / В. П. Алексеев, И. И. Гохман. М. : Наука, 1984. 208 с.
2. Гинзбург, В. В. Палеоантропология Средней Азии / В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова ; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1972. 371 с.

3. Демкин, В. А. Палеоэкология степей Волго-Уралья в древности и средневековье / В. А. Демкин [и др.] // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000.
4. Епимахов, А. В. «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья / А. В. Епимахов // Рос. археология. 2010. № 2. С. 39–50.
5. Иванов, И. В. Вопросы археологического почвоведения и некоторые результаты палеопочвенных исследований в заповеднике Аркаим / И. В. Иванов, В. В. Чернянский // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.
6. Иванов, И. В. Роль пространственно-временных изменений экологических условий евразийских степей в развитии древних культурно-исторических областей / И. В. Иванов, Т. С. Луковская // Эпоха бронзы и раннежелезный век в истории древних племен Южноуральских степей : материалы междунар. науч. конф. : в 2 ч. Ч. 2. Саратов, 1997.
7. Исмагулов, О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование) / О. Исмагулов. Алма-Ата : Наука, 1970.
8. Исмагулова, А. О. К изучению антропологического типа населения Центрального Казахстана раннекочевнического времени / А. О. Исмагулова, А. З. Бейсенов // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гунский феномен : тез. докл. междунар. конф. 6 в 2 ч. Ч. 1. Улан-Удэ, 1996. С. 110–115.
9. Итина, М. А. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен) / М. А. Итина, Л. Т. Яблонский. М., 1997. 187 с.
10. Костюков, В. П. Погребения из курганной группы Верблюжьих горки и некоторые проблемы перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Южном Зауралье / В. П. Костюков, Д. И. Ражев // Вестн. ЧГПУ. Сер. Ист. науки. 2004. № 2. С. 129–149.
11. Таиров, А. Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. / А. Д. Таиров. Челябинск : Чел. гос. ун-т, 2007. 274 с.
12. Яблонский, Л. Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников) / Л. Т. Яблонский. М., 1996. 184 с.

О. Ф. Бытковский, Л. Л. Гайдученко

ФРАГМЕНТ УХА С БРОНЗОВОЙ СЕРЬГОЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА КАЗАЧЬЯ ГУБЕРЛЯ I

Предлагаемая статья посвящена описанию уникальной для региона — Южного Приуралья — находки, представляющей собой фрагмент уха человека с продетой в его мочку бронзовой серьгой. Подобная находка, сделанная в области вечной мерзлоты или в области с очень сухим климатом, где находки мумифицированных или замороженных трупов достаточно часты, могла бы и не вызвать большого к ней интереса, но она сделана в регионе где подобные находки если не уникальны, то редки.

В 1998 году Орской археологической экспедицией под руководством одного из авторов проводились охранные раскопки на могильнике Казачья Губерля I, расположенного в Гайском районе Оренбургской области.

Могильник расположен в 1,2 км восточнее поселка Губерля (Казачья Губерля — название среди местного населения), на уплощенной части долины, окаймленной с южной и восточной сторон Губерлинскими отрогами Уральских гор, а с северной и западной — руслом реки Губерля. Могильник ежегодно распахивается. Большая

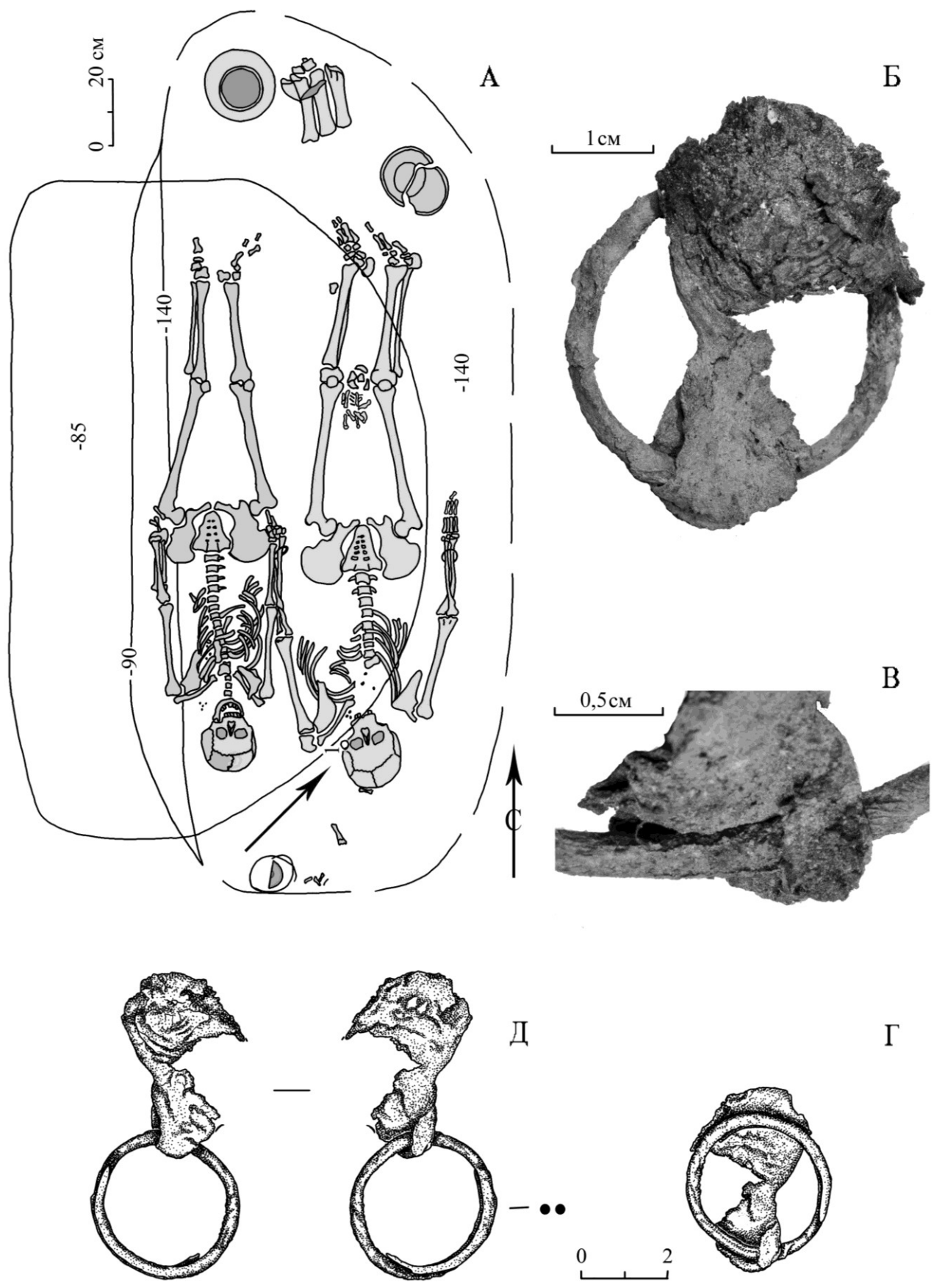

Рис. 1. Могильник Казачья Губерля I, курган 3, погребение 5.

А — общий вид погребения; Б — ушная раковина с серьгой, вид сверху (тыльная сторона); В — ушная раковина с серьгой, крупно, вид снизу (лицевая сторона); Г — прорисовка; Д — реконструкция

часть насыпей практически разрушена. В 1992 г. было зафиксировано 13 каменно-земляных насыпей [4, с. 32–33], слегка вытянутых с ЗСЗ на ВЮВ, за исключением несколько обособленно расположенного кургана 3. В 1996 г. экспедицией были раскопаны курганы 1, 2, относившиеся к эпохе поздней бронзы [1]. В течение полевого сезона был исследован курган 3, расположенный на засеянном пшеницей поле [2].

Данный курган располагался в 200 м юго-восточнее основной группы. Насыпь представляла собой овальную каменно-земляную возвышенность высотой 0,55 м размерами по линии С–Ю — 8,5 м, З–В — 10,5 м. В ходе работ под земляной частью насыпи была выявлена мощная каменная ограда вытянутая с С на Ю. Ее внешние размеры с В на З составляли 9,05 м, с Ю на С — 8,3 м, ширина ограды — до 2,5 м, мощность — до 0,5 м. В юго-западном секторе, под насыпью, в 3,75 м от центра обнаружены железный псалий и одна половинка удил.

Стратиграфически и хронологически курган представлял собой семейную усыпальницу сарматского времени, содержащую пять последовательных погребений с останками семи погребенных.

Предметом исследования в данной статье является мумифицированное ухо человека с бронзовой серьгой, обнаруженное во впускном групповом погребении 5, которое было совершено в 3 м западнее нулевой отметки кургана и ориентированное по линии С–Ю. На дне подбойной подпрямоугольной камеры выявлены три костяка (рис. 1, А). По предварительному заключению А. А. Хохлова, восточный костяк принадлежал зрелой женщине, западный — женщине старческого возраста, третий скелет — младенец (либо только что родившийся, либо выкидыш). Он лежал сильно скорчено между колен восточного костяка. Наряду с косметическими, бытовыми и культовыми предметами, среди украшений выделяется бронзовая серьга, вместе с которой, пропитанная соединениями меди, сохранилась часть ушной раковины.

Следует отметить, что в регионе находки органических остатков разного времени, начиная с эпохи раннего металла, связанные с консервирующим действием соединений меди и железа, уже встречались. [3]. Тем не менее, описываемая находка примечательна дополнительно тем, что позволяет однозначно интерпретировать как положение на теле, так и назначение — это серьга. Она продета в мочку левого уха восточного костяка, что на рис. 1, А показано стрелкой. При положении на дно ямы серьга подвернулась и оказалась перекрытой сверху ушной раковиной.

По мере перегнивания мягких тканей выделявшаяся жидкость взаимодействовала с металлом изделия, и образующиеся подвижные соединения меди пропитывали прилежащие мягкие ткани. Шел процесс консервации, препятствовавший окончательному разложению достаточно сильно пропитанных соединениями меди тканей. В данном случае — тканей левого уха женщины.

Серьга имеет вид кольца диаметром 3,2 см с заходящими заостренными концами (диаметр 3,2 см), сделанного из круглой в сечении бронзовой проволоки диаметром 0,2 см. На рис. 1, Б, В хорошо виден способ крепления ее — она продета в отверстие мочки уха. Положение серьги в норме реконструировано (рис. 1, Г, Д).

Авторы выражают благодарность А. А. Хохлову за предварительное определение костных останков людей из погребения.

Литература

1. Бытковский, О. Ф. Отчет о работе Орской археологической экспедиции в 1996 г. / О. Ф. Бытковский. Орск, 1997 г. // Архив ОИКМ.
2. Бытковский, О. Ф. Отчет о работе Орской археологической экспедиции в 1998 г. / О. Ф. Бытковский. Орск, 1998 г. // Архив ИА РАН. № 221091998.
3. Гайдученко, Л. Л. Органика в колчанах и футлярах ранних кочевников Южного Зауралья / Л. Л. Гайдученко // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : докл. VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск : Изд-во ЮУрГУ. 2007. С. 190–193.
4. Заседателева, С. Н. Инвентаризационный отчет по памятникам археологии Новоорского, Гайского районов и городов Орск и Новотроицк / С. Н. Заседателева. Орск, 1992 г. // Архив НИИЦ.

О. В. Аникеева, О. Ф. Бытковский

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КАМЕННЫХ БУС ИЗ РАННЕСАРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Изучение каменных бус из раннесарматских курганов Южного Урала* раскопанных за последние 30 лет, показало, что количество каменных бус в погребениях V–IV вв. до н. э. резко возрастает и часто не уступает стеклянным. В курганах Филипповка 1 — 288 каменных и 230 стеклянных, в коллекциях Орского музея количество каменных бус уступает стеклянным, но составляет $\frac{2}{3}$ от содержания стеклянных бус. Следовательно, каменные бусы попадают в категорию многочисленных находок и обладают вариабельностью, подразделяясь на множество групп и типов [2, с. 168–183].

Применение при изучении каменных бус минералого-технологического анализа позволяет разделить группы одинаковых по форме и материалу бусы на разные по технологическим приемам изготовления типы. Установление аналогий** с появлением и распространением выделенных типов каменных бус в это время на Южном Урале, Кавказе, в Средней Азии, Северном Причерноморье и на Памире, в Индии и Персии, позволяет предположить возможные ремесленные центры их изготовления или регионы, откуда они попадали на Южный Урал.

В работе проведен минералого-технологический анализ бус из курганных могильников Оренбургского Зауралья Орского района: Новоорский, Четыре Мара

* Минералого-технологический анализ бус из курганов могильников Кичигино I, Прохоровка, Филипповка 1, отдельных курганов из могильников Переволочаны, Линевка, Акоба, Лабазы, Бердянка, Шумаево, Мечетсай, у Нижней Павловки, Мавринский Увал, курганной группы Победа, курганов Темир и Яковлевка 1 проведен Аникеевой О. В. и опубликован (см. [2, с. 168–188]).

** В работе рассматриваются аналогии в одновременных уральских курганах, датированных концом V — IV веком до н. э.

(раскопки С. Н. Заседателевой 1985, 1997 гг.), Новокумакский (раскопки К. Ф. Смирнова, 1971–1973 гг.), Красноуральский, Казачья Губерля (раскопки О. Ф. Бытковского 1998–1999 гг.), у Телевышки (к. 4, раскопки О. Ф. Бытковского 1995 г.; к. 8, раскопки С. Н. Заседателевой 1993 г.), бусы, найденные на территории могильника Алимбай VII в Домбарском районе.

Методика изучения подробно изложена в работе О. В. Аникеевой [2, с. 168–170]. В работах по каменным бусам, где учитываются технологические характеристики изготовления [1; 7], авторы придерживаются мнения, что основной характеристикой конкретного ремесленного центра является способ сверления. Подтверждение высказанных ранее предположений о распространении сверления сквозных отверстий алмазным сверлом из Индии в ремесленные центры Персии и Средней Азии [2, с. 187] и использовании готовых импортных заготовок с отчетливо выведенной формой [Там же, с. 179] позволяет нам предположить, что продукция определенного ремесленного центра характеризуется комбинацией следующих характеристик.

Способ сверления — самая ответственная операция, определяющая продуктивность конкретной мастерской. Изучение бус данной коллекции позволило определить черты, характерные для сверления отверстий корундовым сверлом. Сверло представляет собой сплошной стерженек из корунда. При вхождении сверла в камень отверстие имеет угловато-округлую форму, его края, как правило, ровные, с единичными микроскопическими сколами. Округлая форма дна каналов сверления (в бусах с двусторонним сверлением и некоаксиальными каналами) имеет угловатые неровности. Стенки каналов гладкие, диаметр отверстий 1,5–2 мм, каналы имеют постоянный диаметр и идут по прямой линии. Сверление производилось как горизонтально, так и под наклоном. При отсутствии информации о дне и форме каналов (в бусах из непрозрачного камня) этот способ сверления без микроскопического изучения каналов и входных отверстий можно спутать со сверлением отверстий алмазным сверлом. Распространен был среди удлиненных эллипсоидных бус из сердоликового оникса и сердолика.

Характер шлифовки и полировки поверхности определяет различия в выведении формы бус, позволяет предположить способ выведения формы.

Подготовительные операции перед сверлением для минимального повреждения поверхности камня при вхождении сверла: шлифованные площадки, лунки-углубления, сделанные как вручную, так и сверлами больших размеров.

Нанесение на поверхность каменной бусины искусственного орнамента: орнамент представлен белыми непрозрачными линиями или кольцевыми надрезами узкого трубчатого сверла.

Наличие искусственного улучшения окраски и прозрачности камня.

Минералогические характеристики: различные оттенки цвета внешне одинакового камня, степень прозрачности и естественный рисунок камня позволяют судить о количественном разнообразии и возможном местонахождении источников каменного материала.

Минералогическое определение материала изученных бус показало, что из твердых камней для изготовления бус использовались преимущественно минералы группы кремнезема: преобладают бусы из агата, сердолика и сердоликового оникса, присутствуют бусы из сардоникса, сардера, единично встречены бусины из горного хрусталя и аметиста. Среди других минералов, близких им по технологическим свойствам и поэтому включенных в исследуемую группу, были определены бусы пирита (рис. 1, 64, а, б), бусина из флюорита (рис. 1, 4). Бусы из мягких пород

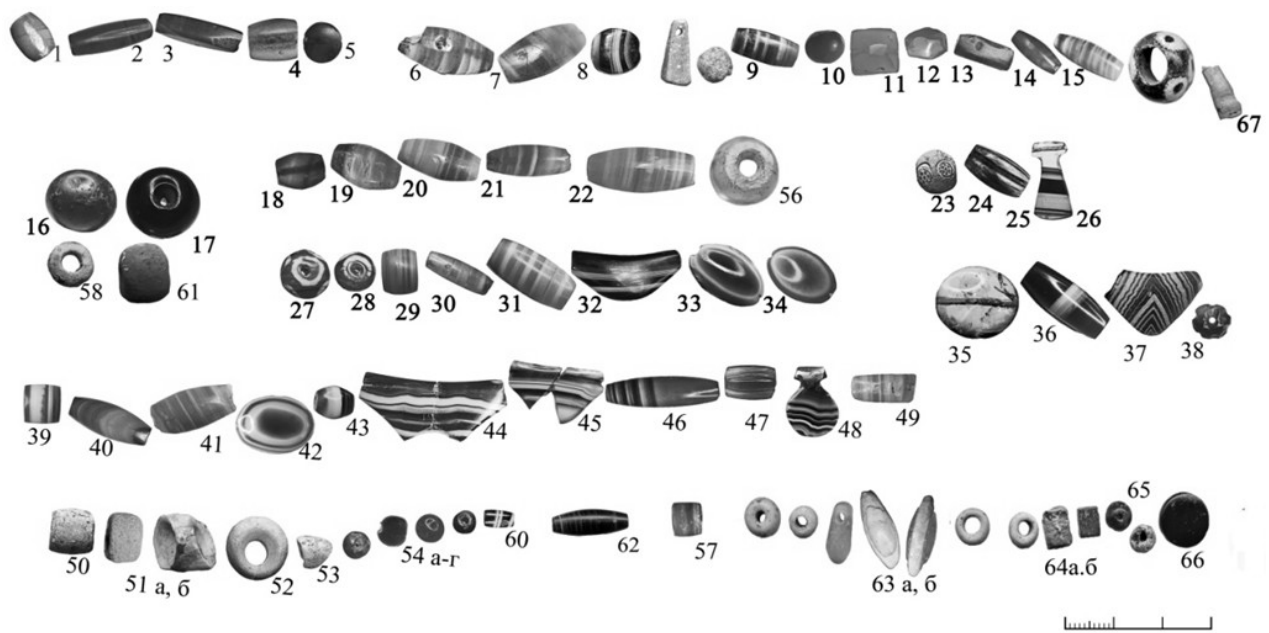

Рис. 1. Наборы бус из раннесарматских курганов Южного Зауралья*.

1–5 — могильник Алимбай VII; 6–8 — могильник Новый Кумак, курган 20, погребения 7, 8; 9–15 — могильник Новый Кумак, курган 13, погребение 1; 16, 17, 58, 61 — могильник 4 Мара, группа II, курган 20; 18–22 — могильник Красноуральский, курган 1, погребение 2; 23–34, 39–54, 60 — Новоорский могильник, курган 10, погребение 1 (23 — бусина из насыпи кургана; 24–26 — костяк 2, бусы у головы; 27–34 — западный костяк, бусы левого запястья; 39–49 — костяк 2, бусы правого запястья; 50–54, 60 — восточный костяк); 35–38 — могильник Казачья Губерля I, курган 3, погребение 5; 56 — могильник Красноуральский, курган 15, погребение 1; 57 — могильник У Телевышки, курган 4; 62 — могильник Новый Кумак, курган 17; 63–67 — могильник У Телевышки, курган 8

и минералов** представлены бусами из известняка и мрамора (рис. 1, 50–53, 58, 61), коралла (рис. 1, 68) и красного железняка (рис. 1, 61). Надо обратить внимание на единичные бусы из красного железняка и флюорита, а также каменные глазчатые бусины, сделанные из комбинации двух камней, разных для основы и глазка: змеевик + белый камень (рис. 1, 23), белый камень + горный хрусталь (рис. 1, 63, а, б). Бусины из этих минералов редки не потому, что не встречаются, а потому что в попавшихся мне наборах были определены как стеклянные или пастовые.

В данной выборке бусы разделились на три категории: бусы, подвески и бусы-пронизы. Для характеристики бус составлена сводная таблица, в которой использовались общие принципы классификации украшений, изложенные в работах Е. М. Алексеевой, однако, основное внимание уделено технологическим характеристикам. Описание изделий каждой категории приведено в таблице по следующим признакам: форма и размеры, техника обработки поверхности (степень шлифовки [ш] и полировки [п]), характер сверления (А — алмазное сверло, К — корундовое сверло, Т — металлическая трубка, С — металлический стержень, проволока) и форма каналов (если видно, то форма стыковки каналов при двустороннем свер-

* Под № 56 показана пронизь (ворварка) из горного хрусталя (Красноуральский могильник), но по технологии изготовления и использованию (в погребении лежит вместе с мечом) изделие не является ни бусиной, ни бусиной-пронизью, поэтому в описании бус и в табл. 1 она отсутствует.

** Изменения поверхности бус из мягких камней в процессе бытования значительные, что не позволяет установить технологию их изготовления. Поэтому в данной работе они не учитывались.

лении), форма и диаметр ($d_{\text{отв}}$) входных отверстий, минерал и его визуальная характеристика (рисунок, цвет, прозрачность).

Бусы. По форме бусы подразделены на сфероидальные, эллипсоидальные, граненные и бусы-пронизы и подвески. Внутри этих групп детальное подразделение производилось по принципу сверления отверстий.

При этом высотой бусины (h) считается расстояние между отверстиями (длина канала), H — наибольший размер бусины в направлении, перпендикулярном размеру h (разный у разных форм бус), диаметр бусины (d) измеряется в месте наибольшего расширения. Среди бус-пронизей присутствуют бусы с боковым ребром. Если ребро расположено перпендикулярно к горизонтальной оси, в размерах указывается размер сечения (C), если ребро находится под углом к горизонтальной оси, даны размеры верхнего сечения (BC) и нижнего сечения (HC). Высота ребра обозначена $h_{\text{бок}}$. У линзовидных пронизей, имеющих форму сегмента шара, даны размеры диаметра (d) и высота сегмента (H).

I. Сфероидальные бусы (табл., типы 1–6).

1. Среди *мелких шаровидных бус* из сердолика выделены два типа. Бусы типа 1а (рис. 1, 54, θ , 65) изготовлены четко по технологии опытными мастерами. Способ выведения формы и сверления предполагают их индийское происхождение, где они и были широко распространены с конца II по I тыс. до н. э. [28, р. 88–89], являясь одной из распространенных групп бус наряду с эллипсоидными.

Бусина типа 1б (рис. 1, табл. 1, 54, δ) сделана из индийского сердолика по технологии бус 1а. Способ ее сверления показывает, что она изготовлена в мастерской, только осваивающей способ сверления алмазом, как и другие бусины этого типа (рис. 1, табл. 1, 54, a , z). Но они сделаны из совершенно другого камня. Минералогические характеристики сердолика бус 54а, г идентичны сердоликам, добывавшимся, по мнению Б. А. Литвинского, в Средней Азии. Они распространены в курганах V–I вв. до н. э. Ферганской долины и Памира [8, с. 79, 80–82]. По технологии изготовления эти бусы являются несовершенной (грубоватой) копией бус 1а. Это позволяет предположить, что такие бусы производились в среднеазиатских мастерских из заготовок индийских бус и местного сердолика с освоением индийской технологии изготовления.

Аналогии им установлены в могильниках Переволочаны ($\kappa 1$, $\text{п}2^*$), Филипповка 1 ($\kappa 3$; $\kappa 16$, $\text{п}1$), Акоба ($\kappa 1$, $\text{п}3$, скелет 1), Кичигино ($\kappa 2$, $\text{п}7$). Бусина из Кичигино единственная, сделанная из касситерита — рудного минерала олова.

2. *Уплощенные шаровидные бусы* из сердолика и агата (рис. 1, 4, 8, 66) — новый тип бус и аналогий им в раннесарматских погребениях пока не найдено. Способ выведения формы и характер сверления предполагают их индийское происхождение, где они и производились, начиная со II по I тыс. до н. э. [28, р. 88–89]: в северной Индии [26, р. 261], в слоях IV в. в мастерской Таксила, Пакистан [24, Pl. II, 4]. Найдены в курганных погребениях раннего железного века в Корее, датируемых V–IV веками до н. э. [27, fig. 12] и считаются индийскими.

3. *Сфероидные орнаментированные бусы* из сердолика (рис. 1, 27, 28) имеют сжатую сферическую форму и линейный орнамент из белых линий, выполненный в технике травления при нагревании. Рисунок представлен двумя кругами вокруг отверстия и четырьмя кругами между ними. Аналогии найдены в кургане Бес-Оба в Казахстане [30]. Их индийское происхождение сегодня не вызывает сомнений [26, Pl. V. 7; 27, р. 210, tab. 1.1].

* $\kappa 1$, $\text{п}2$ — курган 1, погребение 2 (здесь и далее — принятая форма сокращения).

Таблица 1

Типология и минералого-технологические характеристики каменных бус из курганов ранних кочевников под Орском

Тип бус	Номер на рис. 1	Нахождение: название могильника, курган (к.), погребение (п.)	Форма бусины и торцевых граней	Размеры (мм): d – диаметр; h – высота; H – ширина; $d_{\text{отв}}$ – диаметр отверстий	Технологические характеристики: ш – шлифовка; п – полировка; св – сверление; А – алмазное сверло; К – корундовое сверло; Т – металлическая трубка; С – металлический стержень, штифт	Минерал	Характеристика минерала	Количество, шт.
I. Сфероидальные бусы								
1а	54, б 65	Новоорский, к.10, п.1; У Телевышки, к.8	Сфера, форма идеальная	d – 4–4,5, $d_{\text{отв}}$ – 1	Св. двустороннее, каналы коаксиальны, производилось А, отверстия на пришлифованных площадках, ш и п идеальны	Сердолик	Красный, матово-прозрачный, окраска искусственно улучшена	2
1б	54, а, б, г	Новоорский, к. 10, п. 1	Сфера, форма не выдержана	d – 5,5 и 4, $d_{\text{отв}}$ – 1 и 1,5	Св. двустороннее, каналы часто некоаксиальны, производилось А и С, одно отверстие на пришлифованной площадке, второе не попадает на нее, ш разная, п		Кирпично-красный, иногда просвечивает на краях, с темными включениями и прожилками (54, а, г) Красно-оранжевый, просвечивает, окраска искусственно улучшена (54, б)	3
2	4, 8, 66	Алимбай VII; Новокумакский, к. 20, п. 7–8	Форма чечевицы	d – 6мм, h – 2,5–1,8, $d_{\text{отв}}$ – 1–0,8	Св. двустороннее, каналы коаксиальны, расположены горизонтально или под небольшим углом, производилось А или А и К: ш и п – тщательные	Сердолик, черно-белый агат	Сердолик – темно-красный, прозрачный или просвечивающий Агат – чередование черных и белых полос, непрозрачный	3
3	27, 28	Новоорский, к. 10, п. 1	Шаровидная, сжата по высоте	d – 10–8; h – 8; $d_{\text{отв}}$ – 1 и 1,5–1,7	Св. двустороннее, от каналов идут трещины, в канале видна форма шестигранника, производилось А	Сердолик	Оранжевый, прозрачный, на поверхности орнамент из белых линий представлен окружностями	2
4	23	Новоорский, к. 10	Глазчатая шаровидная	d – 9–8; $d_{\text{отв}}$ – 1,5–2; размер глазков – 2–3	Св. двустороннее, поверхность часто покрыта краской, глазки покрыты белой, голубой, желтой краской, рисунок из черных точек по кругу	Змеевик и белый камень	Змеевик серый на поверхности вырезаны отверстия, в которые вставлены 5–6 глазков из белого камня, покрыты краской, на глазках – черные точки	1
5	16	Четыре Мара, группа II, к. 20	Сфера, уплощенная по оси сверления	d – 16; h – 13; $d_{\text{отв}}$ – 2	Св. двустороннее, каналы конусовидные, сверлились С, отверстия – на площадках	Сердолик, сардер	Красно-оранжевый, прозрачный, поверхность орнаментирована кольцевыми надрезами сверла	1

Тип бус	Номер на рис. 1	Нахождение: название могильника, курган (к.), погребение (п.)	Форма бусины и торцевых граней	Размеры (мм): d – диаметр; h – высота; H – ширина; $d_{\text{отв}}$ – диаметр отверстий	Технологические характеристики: ш – шлифовка; п – полировка; св – сверление; А – алмазное сверло; К – корундовое сверло; Т – металлическая трубка; С – металлический стержень, штифт	Минерал	Характеристика минерала	Количество, шт.
6	17	Четыре Мара, группа II, к. 20	Сфера	d – 13; h – 13; $d_{\text{отв}}$ – 2-4,5	Св. двустороннее, каналы в форме конусов, производилось С		Буро-коричневый, просвечивающий. Красно-коричневый, прозрачный	1
II. Бусы эллипсоидной формы								
7	63, а, б	У Телевышки, к. 8	Глазчатая, сечение основания – ромб, глазки – овальные линзы	Сечение – $9 \times 5,5$; h – 6; $d_{\text{отв}}$ – 1,5	Св. двустороннее, производилось С, глазки удлинённо-линзовидной формы, плоским основанием приклеены на уплощенные овальные площадки	Белый камень, горный хрусталь	Белый камень, визуально, похож на известняк или серпентинит	2
8а	14, 15, 21, 36, 40, 60, 62	Новый Кумак, к. 17; к. 20, п. 7-8; Красноуральский, к. 15, п. 2; Новоорский, к. 10, п. 1; Казачья Губерля, к. 3, п. 5	Форма финика, торцевые грани выведены, имеют форму овала	d – 4-7; h – 8-18; $d_{\text{отв}}$ – 1; 1,5; 1,7	Св. двустороннее, производилось Т или К, иногда досверлены А, ш и п – тщательные, торцевые грани шлифованы, полированы	Сердоликовый оникс, сердолик, черный и серый агат	Рисунок сердоликового оникса состоит из поперечных параллельных полос оранжевого, розового, желтого (прозрачных) и белого (непрозрачных) цвета Сердолик желто-оранжевый, просвечивающий	7
8б	6, 7, 19, 20, 41	Новый Кумак, к. 20, п. 7-8; к. 17; Красноуральский, к. 15, п. 2; Новоорский, к. 10, п. 1	Форма уплощенная, сжата с боков, грубовата, торцевые грани не выдержаны	d – 4-9; h – 11-20; $d_{\text{отв}}$ – 1,5 и 1,8	Св. двустороннее, каналы не коаксиальны, есть каналы-тупики; сверление А и К, Т и А; форма уплощена из-за площадок для сверления с намеченными отверстиями		Для сердолика и оникса характерна искусственная интенсивная окраска Рисунок непрозрачного черного агата расположен посередине бусины и представлен прожилками серо-белого цвета или искусственно нанесенными белыми линиями	5
8в	9, 22, 29, 31, 39, 49, 57	Новый Кумак, к. 13, п. 1; Красноуральский, к. 15, п. 2; Новоорский, к. 10, п. 1; У Телевышки, к. 4	Рубленые: нарезаются механически из длинной заготовки	d – 5-8; h – 7-18; $d_{\text{отв}}$ – 1; 1,2; 1,5; 1,7; 1,9	Св. двустороннее, производилось преимущественно А и К, редко Т, каналы коаксиальны, горизонтальны или под углом, ш и п – отличные, торцевые грани выполированы		7	
9а	1	Алимбай VII;	Форма грубовата, лопасти первичной обработки, торцевые грани отчетливы	d – 6; h – 8; $d_{\text{отв}}$ – 1,2 и 1,7	Св. одностороннее, канал со слабым коническим сужением; сверление Т; ш и п – средние; торцевые грани ш и п	Сердоликовый оникс	Просвечивает, размер полос в рисунке меняется от 0,2 до 3-4 мм: широкие – бело-желтые, узкие – оранжевые, красные; отличен от ониксов типов 8-10	1

Тип бус	Номер на рис. 1	Нахождение: название могильника, курган (к.), погребение (п.)	Форма бусины и торцевых граней	Размеры (мм): d – диаметр; h – высота; H – ширина; $d_{отв}$ – диаметр отверстий	Технологические характеристики: ш – шлифовка; п – полировка; св – сверление; А – алмазное сверло; К – корундовое сверло; Т – металлическая трубка; С – металлический стержень, штифт	Минерал	Характеристика минерала	Количество, шт.
9б	18	Красноуральский, к. 15, п. 2	Форма оливки, торцевые грани выдержаны	d – 6; h – 8-9; $d_{отв}$ – 1,2 и 1,5	Св. одностороннее с досверливанием, каналы коаксиальны, основной канал горизонтален, досверливание под углом, сверление Т и А		Прозрачный, рисунок представлен чередованием красно-оранжевых и желтовато-бесцветных слоев; отличен от онисков типов 8-10	1
9в	43	Новоорский, к. 10, п. 1	Форма идеальна, торцевые грани – круг	d – 6,5; h – 8; $d_{отв}$ – 1,7	Св. двустороннее, каналы горизонтальные, коаксиальны, сверление широкой Т; ш – тщательная, п – матовая для поверхности и торцевых граней	Агат	Рисунок представлен тремя широкими полосами (2-3 мм) белого, черного и коричневого цвета; матовый или просвечивающий	1
III. Бусы граненые								
10	11	Новый Кумак, к. 17	Форма грубовата, десятигранная	h – 8-9; H – 4; $d_{отв}$ – 1 и 1,5	Св. двустороннее, каналы узкие коаксиальные, горизонтальные, сверление А и Т; ш и п – тщательные	Сердолик	Сердолик прозрачный светло-желтый	1
11	12, 24	Новый Кумак, к. 17; Новоорский, к. 10, п. 1	Форма не выдержана, грубовата, восьмигранная	h – 7-13; H – 5-6; $d_{отв}$ – 1,2 и 1,5	Св. двустороннее, каналы коаксиальны, расположены под углом или почти горизонтальны, сверление А или А и К; ш и п – тщательные	Сердолик, аметист	Сердолик оранжевый, просвечивающий, с точечными красными включениями Аметист прозрачный, окраска меняется от бесцветной до фиолетовой	2
12	38, 47	Новоорский, к. 10, п. 1; Казачья Губерля, к. 3, п. 5	Форма грубовата, каннелюр (38), торцевые грани - 4 лепестка (47)	h – 7-9; H – 5-6; $d_{отв}$ – 1,5	Св. двустороннее, каналы горизонтальные или под небольшим углом, коаксиальны, сверление А и Т; ш и п – хорошие, торцевые грани шлифованы, приполированы	Сердолик	Окраска изменяется от бесцветной до красно-оранжевой, прозрачен, без дефектов	2
13	64	У Телевышки, к. 8	Куб, форма природных кристаллов	h – 6-8; H – 3-4; $d_{отв}$ – 1,5	Св. одностороннее	Пирит	Покрыт буровой патиной, на неизменной поверхности цвет металлический, желтый, черта черная	1

Тип бус	Номер на рис. 1	Нахождение: название могильника, курган (к.), погребение (п.)	Форма бусины и торцевых граней	Размеры (мм): d – диаметр; h – высота; H – ширина; $d_{отв}$ – диаметр отверстий	Технологические характеристики: ш – шлифовка; п – полировка; св – сверление; А – алмазное сверло; К – корундовое сверло; Т – металлическая трубка; С – металлический стержень, штифт	Минерал	Характеристика минерала	Количество, шт.
14	4	Алимбай VII	Кривогранная шестигранная призма, торцевые грани – равносторонний шестигранник	h – 10; H – 7; $d_{отв}$ – 2,5–2,7	Св. одностороннее, отверстия круглые ровные, производилось Т, грани сглажены в ходе бытования, ш и п – хорошие, блеск матовый	Флюорит	Голубовато-зеленоватый, прозрачный, твердость ниже неизмененного стекла (4), хрупкий, растворяется и разрушается при воздействии водных растворов NaCl (из почвы), в отличие от стекла на поверхности отсутствуют патина, пленки иризации, изменение цвета	1
IV. Бусы-пронизи								
15а	30 46	Новоорский, к. 10, п. 1	Трубчатая, форма идеальна, торцевые грани – круг	d – 6; h – 24; $d_{отв}$ – 1,5 и 1,7	Св. двустороннее, производилось А или А и К; ш и п – весьма тщательные на поверхности и торцевых гранях	Агат, сердо- ликовый оникс	Рисунок агата на половине бусины: чередование (1–1,5 мм) полосок коричнево-оранжевого, желтого и белого цветов Рисунок оникса см. типы 8–10	2
15б	2, 3, 13	Алимбай VII; Новоорский, к. 10, п. 1	Трубчатые, форма от идеальной до грубоватой торцевые грани – квадрат	d – 4-5; h – 12–17; $d_{отв}$ – 1 и 1,2	Св. двустороннее, производилось Т и А (К), торцевые грани часто обрезаны под металлическую оправу, ш и п хорошие	Сердолик	Сердолик красно-оранжевый, прозрачный	3
16	35	Казачья Губерля, к. 3, п. 5	Форма выведена скарабеоид, нижняя грань плоская	HC – 17×16; h – 6; $h_{бок}$ – 4; $d_{отв}$ – 1,5	Св. двустороннее, каналы коаксиальны, почти горизонтальны, сверление А; отверстия на пришлифованных площадках, ш и п – тщательные	Горный хрусталь	Прозрачный, бесцветный, с внутренними трещинами	1
17	33, 34, 42	Новоорский, к. 10, п. 1	Форма линзы, выведена и выдержана	HC – 15–17×10–11; H – 3,5; $d_{отв}$ – 1 и 1,2	Св. одностороннее с досверливанием, производилось Т досверливалось А (33); св двустороннее, производилось Т (34, 42); ш и п – тщательные	Агат	Рисунок: белый прослой в средней части разбивает коричневый цвет и оконтуривает темно-коричневый глазок; прозрачный – просвечивающий	3

Тип бус	Номер на рис. 1	Нахождение: название могильника, курган (к.), погребение (п.)	Форма бусины и торцевых граней	Размеры (мм): d – диаметр; h – высота; H – ширина; $d_{отв}$ – диаметр отверстий	Технологические характеристики: ш – шлифовка; п – полировка; св – сверление; А – алмазное сверло; К – корундовое сверло; Т – металлическая трубка; С – металлический стержень, штифт	Минерал	Характеристика минерала	Количество, шт.
18	32 37	Новоорский, к. 10, п. 1, Казачья Губерля, к. 3, п. 5	Форма пиявки, в поперечном сечении – линза	h – 23; H – 8; толщина – 3; торцевые грани – 4; $d_{отв}$ – 1 и 1,2	Св. двустороннее, каналы под небольшим углом, коаксиальны, сверлились К или Т; торцевые грани выведены, имеют форму овала, приполированы; ш и п – хорошие	Агат	Рисунок: горизонтально-волнистое чередование полосок черного и белого цвета (непрозрачных в нижней части), коричневатожелтого цвета (прозрачных, в верхней части)	2
19	44, 45	Новоорский, к. 10, п. 1	Форма пластины, разбиты на два фрагмента	h – 20–29; H – 12–13; толщина – 1,5–2,5; торцевые грани – 1,5×4 и 2,5×6; $d_{отв}$ – 1 и 1,2	Св. двустороннее, каналы горизонтальны, коаксиальны, сверлены Т; торцевые грани выведены, имеют форму овала, приполированы; ш и п – тщательные	Агат	Рисунок камня сложен волнистым чередованием темно-коричневых прозрачных, черных и белых непрозрачных и бесцветных полосок. Окраска камня искусственная	2
V. Подвески фигурные								
20	25	Новоорский, к. 10, п. 1	Форма уплощенного топорика	h – 7; H – 16; толщина – 2; $d_{отв}$ – 1 и 0,8	Св. двустороннее, каналы горизонтальны, коаксиальны, сверлены Т и А; ш – тщательная, п – матовая	Агат	Рисунок: состоит из поперечных полос: буровато-коричневой прозрачной (2 мм); черной непрозрачной (5 мм); тонкого чередования серых и бесцветных полосок (3,5 мм); буровато-коричневой, прозрачной (2 мм); коричневой матовой (1 мм); желто-коричневой прозрачной (1 мм)	1
21	26	Новоорский, к. 10, п. 1	Форма «зуба» (уплощенный конус), сверху переходит в трубочку	h – 5; H – 14; толщина – 3; $d_{отв}$ – 1 и 0,8	Св. двустороннее, каналы горизонтальны, коаксиальны, сверление Т и А	Агат	Рисунок: волнистые агатовые прожилки желтого, коричневого (прозрачные), белого и черного (непрозрачного) цвета; камень искусственно покрашен	1
22	48	Новоорский, к. 10, п. 1	Форма грубовата: круглая пластина сверху переходит в трубочку	h – 15; d – 12; толщина – 3,5; размеры трубочки – 7×3,5; $d_{отв}$ сверху – 1,5; $d_{отв}$ снизу – 1	Имеет два сквозных отверстия: св. сверху (в трубке) двустороннее, сверлилось Т; св. в средней части круга двустороннее, каналы горизонтальны, сверление К и А, ш и п плоских граней – тщательная, ребра – приполированы	Агат	Рисунок: волнистое чередование темно-коричневых прозрачных, черных и белых непрозрачных и бесцветных полосок; окраска камня искусственная	1

4. Шаровидная глазчатая бусина (рис. 1, 23) из змеевика, на поверхности которого вырезаны шесть кругов, в которые приклеены глазки из белого камня. Поверхность глазков имеет точечный рисунок: точка в центре и шесть точек по диаметру глазка.

Такие бусы есть в одном филипповском кургане (к16, п1 и п2), где они встречаются с визуально совершенно идентичными бусами, но сделанными из стекла. М. Ю. Трейстер проанализировал распространение таких стеклянных бус из этого кургана в скифских курганах Нижнего Приднепровья. Они широко распространены и датируются концом V — серединой IV века до н. э. В Предкавказье и Северном Причерноморье они появляются в конце IV века до н. э. [19, с. 158].

Глазчатые шаровидные бусы из халцедона и сердолика, обсидиана и халцедона, змеевика и перламутра найдены в Ассирии при раскопках Ниневии (слои IX–VII вв. до н. э.) [23, р. 435], в Индии появляются в III веке до н. э. [24, Pl. II, 36–37]. Х. Бек считал, что такие каменные бусы в Месопотамии довольно быстро начинают копироваться идентичными стеклянными бусами. В Индию они попадают в ахеменидское время из Персии [Там же, р. 5–7].

Сферические бусы из сардера (табл. 1, типы 5, 6) близкие по форме и материалу различны по технологии изготовления и производились в разных мастерских.

5. Бусина (рис. 1, 16) сверлилась узким стержнем из твердого металла, на ее поверхности видны следы орнамента, нанесенного кольцевыми надрезами трубчатого сверла. Характер шлифовки и полировки предполагает, что следы резного орнамента пытались убрать. Аналог такой бусины встречен в Филипповке 1 (к3). Такой вид орнамента характерен для ассирийских печатей-цилиндров, но и позже широко встречается на Кавказе на сердоликовых бусах разной формы [7, с. 159].

6. Бусина (рис. 1, 17) идеальной формы сверлена стержнем из меди или бронзы. На Урале такие бусы единично появляются в курганах конца V — IV в. (Кичигино I, к2, п7; Филипповка 1, к16, п2), но широко распространены в прохоровское время до II в. до н. э. [2, с. 179; 14, с. 45]. Анализ их распространения в соседних регионах [2, с. 179] позволяет предположить, что они поступали на Урал с Кавказа.

II. Бусы эллипсоидной формы (табл., типы 7–11).

7. Удлиненные глазчатые бусы (рис. 1, 63, а, б) сделаны из двух камней: в центре плоский удлиненный ромб из белого камня, к которому с двух сторон приклеены хрустальные глазки. На Южном Урале они установлены в Филипповке 1 (к16, п2), Линевке (к6, п2) и Переволочанах (к11, п2). Эти бусы начинают производиться в Месопотамии с середины I тыс. до н. э., в Индии известны с III в. до н. э. и, по мнению Х. Бека, попадают в Индию из ахеменидской Персии [24, р. 6, tab. 2, 35].

8. Эллипсоидные бусы из сердоликового оникса, сердолика, черного агата (табл. 1, тип 8) являются самой многочисленной группой бус в курганах Оренбургского Зауралья. По технологии изготовления подразделяют на три типа:

8а. Бусы в форме «финика» (рис. 1, 14, 15, 21, 36, 40, 60, 62). Один конец у них немного уже, чем другой. На Урале встречаются в Кичигино I (к2, п7), Филипповке 1 (к1; к 29, п2 и 4), распространены в наборах из Победы (к3, п4), Линевки (к6, п2), кургана Яковлевка II (п4), Новотроицкий I, к1 [3, с. 120–126; 14, с. 52].

Единичны они в сакских курганах Хорезма [20, с. 108] и Памира [8, с. 79]. В Индии производились со II тыс. до н. э. по V в. н. э., причем характерной чертой формы таких индийских бус является то, что они сжаты с боков, так что в поперечном сечении имеют не круг, а овал, и сверлены корундовым или алмазным сверлом [24, Pls. I, 30, III 34, 40]. Такие бусы многочисленны в наборах некрополей Персеполь и Ур ахеменидского времени [33, р. 77; 36, р. 123–128].

8б. Уплощенные эллипсоидные бусы из сердоликового оникса (рис. 1, 6, 7, 19, 20, 41). Характерные черты их технологии показывают, что они являются несовершенной копией бус типа 8а и имеют грубоватую невыведенную форму и с трудом сходящиеся каналы сверления. Очевидно, это продукция мастерской, только осваивающей производство бус типа 8а. Аналогов им пока не найдено.

8в. Рубленые бусы из сердоликового оникса (рис. 1, 9, 31, 39, 49, 57) имеют цилиндрическую форму, резаные и слегка пришлифованные торцевые грани. На Урале эти бусы появляются в конце VI в. до н. э. Рубленая короткоцилиндрическая бусина найдена в наборе бус из могильника Тара-Бутак, к2 [17, с. 311]. Аналогичные бусы установлены в Новоорском могильнике (рис. 1, 29, 39), Кичигино I (к2, п7), Филипповке 1 (к15, п2) и Линевке (к6, п2). Распространены среди бус из Победы (к3, п4) и Филипповки 1 (к15, п2 и 4; к29, п4; к16, п3), Мечетская (к8, п5), Линевки (к6, п2), кургана Яковлевка II (п4).

Они встречаются в сакских курганах Ферганской долины и Хорезма [8, табл. 28; 16, с. 118; 4, табл. XV; 20, с. 106]. Это традиционная форма индийских бус, которые производились в западной Индии со II тыс. до н. э. в мастерских Хараппы и Чанху-Даро [29, pls XIX, XX; 28, fig. 5 12–14] до III в. до н. э. [24, p. 8]. Распространены они в некрополях Ура [36, p. 113, pl. 24] и Персеполя [33, p. 77, tb. III].

Присутствие среди бус типов 8а и 8в экземпляров, сверленных трубчатым сверлом, показывает, что они могли производиться и в мастерских, имитирующих данную индийскую форму. Широкое распространение их в некрополях Ура и Персеполя позволяет предположить, что персидские мастерские осваивают их производство.

Важно, что на Южном Урале эллипсоидные бусы из сердоликового оникса появляются в VI в. до н. э. и исчезают в начале III в. до н. э. В прохоровских погребениях редко встречаются бусы типа 8 в, но сделаны они из черного агата или сердолика и по технологии изготовления являются индийскими.

9. *Мелкие эллипсоидные бусы* (рис. 1, 18, 1, 43) в курганах Оренбургского Зауралья единичны. По технологии изготовления подразделяются на три типа:

9а. *Бусина грубоватой формы* (рис. 1, 1) из сердоликового оникса встречена единично в курганах Оренбургского Зауралья. Аналогий ей пока не найдено.

9б. *Бусина в форме оливки* (рис. 1, 18) имеет идеальную форму и сверлена с одной стороны трубчатым сверлом. Такие бусы из сердолика появляются на Южном Урале в конце VI века до н. э. (Тара-Бутак, к2 [17, с. 311]), известны они в наборах бус из Линевки (к6, п2), Акобы (к3, п2), где сделаны из сердоликового оникса резко отличного от оникса бус типов 8–10. В наборах бус прохоровского времени не известны [14, табл. 30, 31].

9в. *Бусина из бело-коричнево-черного агата* (рис. 1, 43) имеет бочковидную форму. Способ сверления, форма и материал аналогичны единичным бусам, найденным в курганах Филипповки 1 (к15, п4; к29, п4), но характер выведения формы (шлифовка, полировка) позволяют предположить, что такие бусы являются относительно более поздними по отношению к филипповским бусам [2, тип 16]. Такие бусы известны в сакских курганах Присарыкамьшской дельты [20, с. 106, рис. 4]. Целое ожерелье из таких бус найдено в акрополе Суз [35, p. 25, № 241.1] ахеменидского времени. На Кавказе они появляются на рубеже III–II вв. до н. э., в Северном Причерноморье еще позже — в I веке до н. э. [1, с. 89, табл. 36].

III. Граненые бусы (табл., типы 10–14).

10. *Десятигранная бусина из сердолика* в форме усеченной кубической пирамиды (рис. 1, 11). Аналогии найдены в сокровищнице Персеполя [3, p. 77, Pl. 44, 7], в Индии эта форма бус известна с I в. н. э. [24, . Pl. III, 30; Pl. IV, 29].

11. Бусы, идентичные *восьмигранным бусам из аметиста и сердолика* (рис. 1, 12, 24), найдены в Филипповке 1 (к3; к16, п2), распространены в Персеполе [33, p. 77, table III. Pl. 43, 24], Сузах [31, s. 389, abb. 65, D.10.h]. В Индии они известны с III века до н. э. [24, Pl. IV, 1, 4, 40]. На Кавказе [7, с. 166] появляются в III веке до н. э.

12. *Кривогранные дольчатые сердоликовые бусы* (рис. 1, 38, 47), торцевые грани имеют четыре или шесть лепестков. Такие бусы из аметиста, сердолика, горного хрусталя и неопределенных минералов в значительных количествах (43 шт.) найдены в сокровищнице Персеполя [33, p. 77, table III, p. 1. 44, 8–9].

Для индийских граненых бус этого времени характерны более сложные формы (пентагоиды, додекаэдры), четко выведенная форма и сверление отверстий алмазным сверлом [24, Pl. I, 28; II, 41–43, IV, 2, 5].

Использование в технике сверления бус типов 10–12 смешанного типа сверления трубчатым и алмазным сверлом, грубоватость выведения формы, распространение в Персеполе и Сузах и отсутствие таких бус в других регионах позволяют предположить, что в V–IV веках до н. э. такие бусы начинают производить иранские мастерские.

13. *Бусы в виде природных кристаллов пирита* (рис. 1, 64) появляются на Южном Урале в конце VI в. до н. э. (Покровка 2, к3, п2), присутствуют в Филипповке 1 (к16, п2 и 3). В раннепрохоровское время они известны в курганах могильника Свистунка 1 [3, с. 38–39], в среднепрохоровское время — в курганах левобережного Дона (х. Новый, к14, п2 [6, с. 40]). Найдены в значительных количествах в позднесарматском погребении, где ими была расшита сумочка (могильник Магнитный, к21, п1, раскопки А. Д. Таирова 2011 г.). Распространены в Средней Азии в культурных слоях IV–I веков до н. э. Старого Мерва и Джанбас-Калы [5, с. 105; 16, с. 113], в сакских курганах Присарыкамышской дельты [20, с. 106, рис. 4; 9, с. 144] и Памира [8, с. 73]. Пик их широкого распространения в Средней Азии попадает на конец III — I век до н. э. [11, с. 51, 168, табл. XIX].

Широкое распространение их на территории Средней Азии и отсутствие таких бус в других регионах позволяет предположить, что в VI в. до н. э. такие бусы начинают производить среднеазиатские ремесленные центры.

14. *Бусы флюоритовые восьмигранные* (рис. 1, 4) имеют форму кривогранной шестигранной призмы. Бусы визуально похожи на стеклянные (см. различия в табл. 1, тип 14), отличительная черта — одностороннее сверление отверстий довольно широким трубчатым сверлом. На Южном Урале аналоги найдены в могильнике Филипповка 1 (к29, п2), где датируются IV веком до н. э. [21, с. 18] и в могильнике Свистунка I, где датируются концом IV — началом III в. до н. э. [3, с. 39].

IV. Бусы-пронизи (табл. 1, типы 15–19).

Трубчатые бусы-пронизи по технологии обработки разделяются на два типа.

15а. *Цилиндрические бусы* (рис. 1. 30, 46) по технологии изготовления можно отнести к рубленным бусам типа 8в. Появляются на Урале в VI веке до н. э. (Тара-Бутак, к3 [17, с. 310]), единично встречены в Кичигино (к2, п7). Такие бусы производились в западной Индии со II тысячелетия до н. э. [29, pls. XIX, XX] и известны там до III века до н. э. [24, pls. I, 11]. От более узких и мелких бус такой формы, производившихся в Египте, их отличают способ сверления и материал. Возможно, они являются более ранней формой рубленных бус типа 8в и постепенно вытесняются ими.

15б. *Трубчатые бусы*, поперечным сечением которых является квадрат (рис. 1. 2, 3, 13), также появляются на Урале в VI в. до н. э. (Тара-Бутак, к2 [17, с. 311]). Аналоги найдены в Филипповке 1 (к16, п3). В раннепрохоровское время они единично встречены в могильнике Старые Кишки (к13, п10) и датируются IV–III веками

до н. э. [14, с. 52, табл. 30, № 44*]. Они широко распространены на Переднем Востоке [31, с. 90, 104; 35, р. 59, 65] в ахеменидское время. Среди трубчатых пронизей из некрополя Ура преобладают сердоликовые и агатовые, встречаются лазуритовые и кварцевые [36, р. 113–129]. В Индии единичные экземпляры из лазурита датированы V веком до н. э.

Грубоватость выведения формы, смешанный способ сверления отверстий, разнообразие этих бус на Переднем Востоке показывают, что в VI веке до н. э. такие бусы начинают производить иранские мастерские.

16. *Скарабеоидные бусы-пронизы* (рис. 1, 35) в раннесарматских курганах имеют идеальную форму: плоскую нижнюю грань, выраженную линзовидную верхнюю грань, скошенные к центру боковые грани. В прохоровское время форма таких бус упрощается: уплощенный овал, боковые грани не выдержанны или отсутствуют [14, табл. 31]. Аналогии на Южном Урале найдены в могильниках Кичигино I (к2, п7), Филипповка 1 (к1; к15, п4), Мечетсай (к8, п5), Прохоровка (к3), кургане Темир (п2).

В Средней Азии встречаются в сакских курганах Присарыкамьшской дельты и Памира [8, с. 78; 9, с. 144; 20, с. 108]. Появляются на территории Урарту (Кармир-Блур, Тейшебиани), где, вероятно, начинают производиться из заготовок или полуфабрикатов под печати в конце VIII — VI веке до н. э., о чем свидетельствует несовпадение формы и техники изготовления со стилем и техникой выполнения изображений [15, с. 49–51]. Широко распространены на территории Западной Грузии и Закавказья в III веке до н. э. — IV веке н. э. [7, с. 166–167].

Бусы скарабеоидной формы из агата, оникса и сардоникса были найдены в Сузах [31, с. 94–95, 107–108, 391], встречаются в наборах бус некрополей Ура [36, р. 113, 123–125, 128]. Существует мнение, что после завоевания персами Египта форма скарабея вытесняет цилиндрическую форму и становится популярной среди каменных бус и печатей с IV в. до н. э. [Ibid., р. 103].

Использование и изготовление каменных печатей в форме скарабеоида на территории Урарту в доахеменидское время, широкое развитие бус такой формы с III века до н. э. в Западной Грузии и Закавказье и незначительное их распространение в соседних регионах позволяют предположить, что они начинают производиться в ремесленных центрах Кавказа в ахеменидское время.

17. *Бусы-пронизы линзовидной формы* (рис. 1, 33, 34, 42) в зарубежной литературе получили название «глаз из камня» (eye stone). Их находят оправленными в золото, нижние грани таких бус часто декорированы вотивными надписями. Появляются они на территории Ассирии в IX веке до н. э. [33, р. 74], широко распространены в наборах бус ахеменидской Персии в Персеполе [Ibid., р. 76–78], Сузах [31, с. 94–95, 107–108] и Пасаргадах [34, р. 206–207], где, вероятно, и производились. Аналогии на Урале установлены в могильнике Мечетсай (к8, п5).

18. *Бусы-пронизы* такой формы (рис. 1, 32, 37) в зарубежной литературе получили название «пиявка» (leech bead). На Южном Урале аналог найден под Оренбургом в могильнике Нижняя Павловка (к3), датированном прохоровским временем. Также они встречаются в бусах из клада Тель эль Масхута в Нижнем Египте (рубеж V–IV веков до н. э.), в погребениях III века до н. э. в Вани — в Грузии, в эллинистическое время в Парфии и в Прикубанье [19, т. 1, с. 72], в некрополях Персеполя [33, Pl. 44, 11–13]. Бусы-пронизы являются традиционной формой индийских бус, разнообразны и широко распространены на территории западной Индии [28, р. 89, fig. 5, 22; 24, Pl. III, 1–6] во II–I тысячелетиях до н. э.

* У М. Г. Мошковой этот курган обозначен как Ново-Акермановка.

19. *Пластинчатые бусы-пронизи зубчатой формы* (рис. 1, 44, 45) в погребениях найдены разбитыми на две части. Подобные бусы-пронизи известны в Месопотамии с эпохи бронзы [32, p. 45 f. Nr 2], 1–6, 53 f. Nr. 9B]. Аналогии им известны в Сузах [31, s. 95–96, 108. Nr. D.14.b; s. 391. Abb. 67; 35, p. 67. № 83] и Персеполе [33, p. 77, tb. III. Pl. 44, 11–12].

IV. Подвески (табл. 1, типы 20–22).

20. *Подвеска в форме топорика* из прозрачного агата (рис. 1, 25) имеет пластинчатую форму. Точный аналог ей найден в Филипповке 1 (к16, п3). Изготовлена она из агата, который не встречается в Индии и характерен для месторождений Аравийского полуострова, разрабатывающихся с глубокой древности. По технологии изготовления является продукцией того же ремесленного центра, что и пластинчатые бусы-пронизи типа 19. Каменные подвески в виде топорика близкой формы известны в Месопотамии с глубокой древности [12, с. 86, рис. 15].

21. *Подвеска из прозрачного агата* (рис. 1, 26) имеет уплощенную грубоватую форму: вниз сужается конусом, в верхней части сужается и переходит в ручку-трубочку, в которой просверлены отверстия. Форма ручки состоит из трех звеньев, грубо оконтурированных углублениями сверла. Сверление двустороннее, каналы горизонтальные, сверлены трубчатым и алмазным сверлом. Точный аналог такой подвески найден в могильнике Филипповка 2 (к1, п4, раскопки Л. Т. Яблонского 2012 г.). Изготовлена из индийского агата. Подвеска такой формы была найдена в индийской мастерской Таксилы [24, Pl. VII, 3], но сделана из перламутра и датируется III веком до н. э.

22. *Подвеска-распределитель* из просвечивающего агата (рис. 1, 48) имеет форму плоского круга, сверху быстро переходящего в цилиндрическую ручку-трубочку. Имеет два сквозных канала. Первый просверлен в верхней ручке, сверление двустороннее, производилось, вероятно, трубчатым сверлом. Второй канал просверлен в средней части пластины круга, очевидно позже, так как для сверления использовалось корундовое сверло. Каналы горизонтальные, строго коаксиальные. Сначала бусина использовалась как подвеска (с верхним отверстием), позже было просверлено еще одно сквозное отверстие, и она могла использоваться как распределитель ниток бус в ожерелье. Изготовлена подвеска из индийского агата, аналогичного агату бус-пронизей типа 19, однако, технология изготовления отличается от индийской и характерна для мастерских Передней Азии. Близкая по форме агатовая подвеска (внизу имеет форму сжатого шара) найдена в индийской мастерской Таксилы [24, Pl. III, 14] и датируется III веком до н. э.

Применение при изучении каменных бус минералого-технологического анализа позволяет разделить группы одинаковых по форме и материалу бусы на разные по технологическим приемам изготовления типы. Установление аналогий с появлением и распространением выделенных типов каменных бус в это время на Южном Урале, Кавказе, в Средней Азии, Северном Причерноморье и на Памире, в Индии и Персии, позволяет предположить возможные ремесленные центры их изготовления или регионы, откуда они попадали на Южный Урал.

Установление технологических приемов сверления сквозных отверстий показало, что в индийских мастерских бусы сверлились корундовым сверлом, сверла из металла не использовались. В I тысячелетии до н. э. в Индии для сверления отверстий начинает использоваться алмазное сверло и с VII–VI веков до н. э. сверление отверстий в ремесленных центрах на северо-западе Индии производилось преимущественно алмазным сверлом [25, p. 159]. Торговые связи между государствами Передней Азии и Индией отчетливо прослеживаются с эпохи бронзы. Сверления

отверстий корундовым сверлом было известно в древней Месопотамии (сверла из корунда есть среди находок в залах древней Месопотамии в Лувре). Однако, в Месопотамии и Ассирии для сверления каменных бус в I тысячелетии до н. э. применялись преимущественно металлические сверла из поллой трубочки [10, с. 94].

Технологический анализ данной выборки каменных бус позволил подтвердить следующие факты, ранее высказанные как предположения [2, с. 187–188]:

1) при изготовлении каменных бус наряду с использованием импортного каменного сырья использовались импортные заготовки каменных бус (бусы типов 1б и 8б);

2) в изученных бусах широко представлена продукция ремесленных центров, только начинающих осваивать сверление алмазным сверлом (бусы типов 1б, 8а, 8б, встречается в VIII в., 10, 12, 15б, 17, 20–22), что выражается в появлении смешанного типа сверления отверстий (с одной стороны металлическим сверлом, с другой стороны досверливалось алмазным сверлом). При этом каналы часто некоаксиальны, на месте входных отверстий часты крупные выколы и утраты камня;

3) продукция этих ремесленных центров попадала на Южный Урал, как правило, с территории Ахеменидского государства или из ремесленных центров Средней Азии.

Проведенные исследования позволили выделить каменные бусы, которые производились в следующих ремесленных центрах:

а) Индия: мелкие шаровидные бусы типа 1а; бусы типа 2, имеющие форму чечевицы; сфероидные орнаментированные бусы типа 3, эллипсоидные бусы типов 8а и 8в, удлинённые бусы-пронизи типа 15а, бусы-пронизи типа 18;

б) Древний Иран: удлинённые глазчатые бусы типа 7, эллипсоидные бусы типа 8, гранёные бусы типов 10–12, трубчатые бусы типа 15б, линзовидные бусы-пронизи типа 17, пластинчатые бусы-пронизи типа 19, подвеска типа 20;

в) Средняя Азия: мелкие сердоликовые бусы типа 1б, бусы из кристаллов пирита типа 13;

г) Кавказ: сардеровые бусы типа 6, скарабеоидные бусы-пронизи типа 16.

Все вышеизложенное позволяет считать, что сверление сквозных отверстий в каменных бусах алмазным сверлом в середине I тысячелетия до н. э. начинает распространяться из Индии в персидские ремесленные центры и на соседние с ними территории. При этом по-прежнему не известно никаких фактов, показывающих, что в это время сверление каменных бус алмазным сверлом применялось в ремесленных центрах Кавказа и Северного Причерноморья. Е. М. Алексеева со ссылкой на Г. Г. Леммлейна пишет, что сверление алмазом вошло в моду с III–II веков до н. э., особенно в сасанидское время [1, с. 6]. Сейчас очевидно, что этот факт отражает лишь время применения алмазного сверления на Кавказе и в Северном Причерноморье. Анализ опубликованных данных по каменным бусам из этих регионов показывает, что в Северном Причерноморье индийские и иранские бусы, визуально соответствующие типам 1а, 8, 15, появляются в I веке до н. э., а распространяются в I–III веках н. э. [Там же, с. 20].

На Кавказе в VIII–VII веках до н.э. иранские и индийские бусы единичны и представлены типами 1а и 8. Начиная с VI в. их количество возрастает и целые низки таких бус, среди которых появляются гранёные каменные бусы типов 10–12, встречаются в Мингечауре в погребениях VI–V веков до н. э. [15, с. 48]. Установленные нами бусы из среднеазиатских ремесленных центров (типы 1б и 13) отсутствуют.

На Южном Урале иранские и индийские бусы появляются в погребениях ранних кочевников Южного Урала предположительно еще в конце VI – начале V века до н. э.: бусы из могильников Покровка 2, к3, п2 [22, с. 34–35] и Тара-Бутак, к2 и к3

[17, с. 310, 311]. С конца V по IV век до н. э. резко увеличивается их количество и видовое разнообразие. Эта тенденция является общей для Южного Приуралья и Зауралья. Отличительной чертой изученных наборов каменных бус из Южного Зауралья является возрастание доли бус индийских ремесленных центров (бусы типов 2 и 3 неизвестны в Южном Приуралье, бусы-пронизы 15а и 18 установлены в единичных экземплярах), наряду с доминированием среди них иранских каменных бус (эллипсоидные бусы типа 8). Этим они отличаются от ранее изученных бус ранних кочевников Южного Приуралья, где иранские каменные бусы значительно преобладают над остальными [2, с. 188].

Соотношение разных групп бус следующее:

- 40 % составляют эллипсоидные бусы;
- доля сфероидальных бус и бус-пронизей одинакова и составляет 21,7 %;
- граненые бусы составляют 11,7 %;
- подвески встречаются единично — в 5 % случаев.

Атрибуция выделенных типов бус показала следующее:

1. Эллипсоидные бусы количественно преобладают над остальными бусами и представлены преимущественно удлинёнными бусами типа 8, остальные типы встречаются единично. Это объясняется, на мой взгляд, тем, что в крупных городах Ахеменидского государства наряду с широким распространением индийских каменных бус развивается собственное производство эллипсоидных индийских бус (тип 8) с освоением и копированием индийской техники обработки камня.

2. По сравнению с каменными бусами Приуралья возрастает доля сфероидальных бус и бус-пронизей. Для сфероидальных бус это объясняется увеличением доли среднеазиатских бус (тип 1б). Такие бусы производились в среднеазиатских мастерских из заготовок индийских бус и местного сердолика с освоением индийской технологии изготовления. Среди бус-пронизей появляются новые типы (18 и 19).

Интересно, что после падения Ахеменидской державы большинство типов иранских и индийских бус на Южном Урале исчезают, импорт индийских каменных бус резко сокращается. Это позволяет предположить, что до конца IV в. до н. э. индийские бусы попадали на Южный Урал через территорию Ахеменидского государства.

Литература

1. Алексеева, Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е. М. Алексеева // САИ. Вып. Г1-12. Т. 2. М.: Наука, 1982.
2. Аникеева, О. В. Украшения ахеменидского круга из цветного камня (на примере изучения каменных бус из курганов ранних кочевников Южного Приуралья) / О. В. Аникеева // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V-III вв. до н. э.). М., 2012. Т. 1. С. 168-188.
3. Бытковский, О. Ф. Среднеазиатский «след» в погребальном обряде ранних кочевников Южного Урала (по материалам Свистунского 1 могильника) / О. Ф. Бытковский // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 7 (21). Ч. 2. С. 38-44.
4. Вайнберг, Б. И. Памятники куясайской культуры / Б. И. Вайнберг // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т. 11. М., 1979. С. 1-77.
5. Дресвянская, Г. Я. Бусы с городищ Старого Мерва / Г. Я. Дресвянская // Труды ЮТАКЭ. Т. 14. Ашхабад, 1969. С. 96-114.
6. Ильюков, Л. С. Сарматы междуречья Сала и Маныча / Л. С. Ильюков, М. В. Власкин. Ростов н/Д., 1992. 288 с.
7. Леммлейн, Г. Г. Опыт классификации форм каменных бус / Г. Г. Леммлейн // КСИИМК. Вып. XXXII. М.; Л., 1950. Вып. XXXII. С. 157-172.

8. Литвинский, Б. А. Древние кочевники «Крыши мира» / Б. А. Литвинский. М., 1972.
9. Лоховиц, В. А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-Кичиджик / В. А. Лоховиц // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. М., 1979. Т. 11. С. 134–151.
10. Лукас, А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта / А. Лукас. М., 1958. С. 92–108.
11. Мандельштам, А. М. Памятники кочевников кушанского времени в северной Бактрии / А. М. Мандельштам // Труды ТАЭ. Т. 7. Л., 1975.
12. Массон, В. М. Первые цивилизации / В. М. Массон. Л., 1989.
13. Мордвинцева, В. И. Произведения тореветики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье: в 3 т. / В. И. Мордвинцева, М. Ю. Трейстер // Симферополь ; Бонн, 2007.
14. Мошкова, М. Г. Памятники прохоровской культуры / М. Г. Мошкова // САИ. Д1-10. 1963.
15. Пиотровский, Б. Б. Кармир-Блур III. Бусы и мелкие украшения / Б. Б. Пиотровский // Археологические раскопки в Армении. Результаты работ археологической экспедиции Института истории АН АрССР и Государственного Эрмитажа 1951–1953 гг. Ереван, 1955. № 5. С. 46–54.
16. Пташникова, И. В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма / И. В. Пташникова // ТХАЭЭ. Т. 1. М., 1952. С. 105–118.
17. Смирнов, К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат / К. Ф. Смирнов. М., 1964.
18. Таиров, А. Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья VII–II вв. до н. э. / А. Д. Таиров // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. V междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 3–21.
19. Трейстер, М. Ю. Произведения пост-ахеменидской традиции / М. Ю. Трейстер // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.). М., 2012. Т. 1. С. 134–166.
20. Трудновская, С. А. Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Туз-Гыр / С. А. Трудновская // ТХАЭЭ. М., 1979. Т. 11. С. 101–111.
21. Яблонский, Л. Т. Новые раскопки могильника Филипповка 1 / Л. Т. Яблонский // Естественно-научные методы в изучении Филипповского 1 могильника. М. : Таус, 2011. С. 7–19.
22. Яблонский, Л. Т. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году / Л. Т. Яблонский [и др.] // Курганы левобережного Илека. М., 1994. С. 4–56.
23. Beck, H. C. Beads from Niniveh / H. C. Beck // *Antiquity*. Vol. 5/20. 1931. P. 427–437.
24. Beck, H. C. The beads from Taxila / H. C. Beck // *Memoirs of the archeological survey of India*. 1941. № 65.
25. Chatterjee, B. K., Basu A. A historical account of the agate industry at Cambey and its distribution in India / B. K. Chatterjee, A. Basu // *Oracle Java Message Service*. 1961. Vol. LI. № 4. P. 148–162.
26. Dikshit, K. N. Late Harappa in Northern India / K. T. Dikshit // *Frontiers of the Indus Civilization*. 1984. P. 253–270.
27. Glover, I. Alkaline Etched Beads East of India in the Late Prehistoric and Early Historic Periods / I. Glover, B. Bellina // *Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient*. 2001. T. 88. P. 191–215.
28. Kenover, J. M. Ornament styles of the Indus Valley tradition: evidence from recent excavations at Harappa / J. M. Kenover // *Paleorient*. 1991. Vol. 17/2. P. 79–98.
29. Mackay, E. Chanhu-Daro excavations 1935–36 / E. Mackay // *American Oriental Series*. Vol. 43. New Haven, 1943. P. 41–58.
30. Popescu, G. A. L'uomo d'oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni / G. A. Popescu, C. S. Antonini, K. Baipakov (eds.). Venezia, 1998.
31. Rehm, E. Der schmuck der Achameniden / E. Rehm // *Alttertumskunde des Vorderen Orients*, Ugarit-Verlag. Munster, 1992.
32. Rudolph, W. A Golden Legacy. Ancient Jewelry from the Burton Y. Berry Collection at the Indiana University Art Museum / W. Rudolph. Bloomington ; Indianapolis, 1995.
33. Schmidt, E. F. Persepolis II / E. F. Schmidt // *Contents of the treasury and other discoveries*. Vol. LXIX. Chicago ; Illinois, 1957.
34. Stronach, D. Pasargadae: A Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963 / D. Stronach. Oxford, 1978.
35. Tallon, F. Les pierres precieuses de l'Orient ancien, Les dossiers du Musée du Louvre / F. Tallon. Paris, 1995.
36. Woolley, L. With a contribution by Mallowan M. E. L. Ur excavations / L. Woolley // *The Neobabylon and Persian periods*. London, 1962. Vol. IX.

СЕКЦИЯ ЭТНОГРАФИИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Г. К. Валеев

ТИПОЛОГИЯ «СКОЛЬЗЯЩИХ ЭТНОНИМОВ»

Этнонимы не только в словарном составе языка, но и среди собственных имен образуют самый архаичный пласт. Как отметил зачинатель и корифей современной отечественной ономастики В. А. Никонов: «Более или менее выяснены этимологии большинства антропонимов и в меньшей степени топонимов. Но на каждую сотню этнонимов трудно найти один, этимологию которого можно признать бесспорно». Одну причину этого парадокса ученый назвал тут же: «Причина этого не только в слабости этнонимии. И река и человек — более четкие объекты, чем этническая общность» [22, с. 14–15]. Другая сложность в изучении этнонимов кроется в том, что самоназвание народов неотделимо от понятий, формирующих его сознание. Поэтому для объяснения древнего этнонима надо суметь взглянуть на мир глазами члена первобытного общества.

Этноним — название различных видов этнических общностей, конкретизируется в большом числе дробных понятий, многосторонне раскрывающих сам термин. *Макроэтноним* — название крупных этносов и этнических союзов, часто сложившихся из генетически разнородных этносов: *русские, американцы*; *микроэтноним* — обозначение мелких этнических групп, субэтносов, родовых подразделений, например, среди русских: *поморы, камчадалы* и др. С точки зрения номинанта выделяют *автоэтнонимы* (в этнологии — *эндогенные этнонимы*) и *аллоэтнонимы, эктоэтнонимы* (в этнологии — *экзогенные этнонимы*): *русские* — у финнов *venäjä*, латышей — *krievs*, якутов — *нууча*. К последним примыкают, так называемые, *научные этнонимы* — названия, данные в кабинетах: *австралийцы* (жители terra australis). *Литературные этнонимы* отличаются от предыдущих тем, что даются вымышленным народам: *лилипуты* (Джонатан Свифт), *аватары* (Джейс Камэрон). Названия стран и территорий образуют названия народов, так появляются топоэтнонимы: *россияне, британцы*. Этнотопонимы часто не разграничиваются от этнохоронимов (гр. *χώρα* «край, страна»), образующихся от названий любой территории: *сибиряки, бушмены*, в том числе и исторически сложившиеся: *пошехонцы, чудь*. Используются и другие термины: *псевдоэтнонимы, ландшафтные этнонимы, палеоэтноним* и др.

Помимо существующих терминов с компонентом *этно-*, еще один термин — «скользящий этноним» ввел этнолог, специалист по Индокитаю, Г. Г. Стратанович. «Скользкими этнонимами»... называются наименования народа, благодаря кото-

рым можно попробовать проследить смещение этнической территории народа (а не простой его миграции), если это смещение можно проследить на достаточно большом промежутке во времени. Проблема «скользящих этнонимов» и состоит по своей сути в возможности проверки достоверности реконструкции «скольжения» этнонимов при крайней заманчивости доверия к ее результатам».

Один из его примеров «скольжения» этнонима. Во время экспедиционной работы на острове Калимантан у небольшой этнической группы таман было обнаружено, что все крупные празднества у них включают скачки «на конях». Танцоры изображают также бой всадников. Это среди безлошадного, невоинственного населения всего острова. Дальнейшими исследованиями было установлено, что этническая группа таман, сохраняя единственное и предпочтительное занятие свое коневодство и военную службу, последовательно меняли свое местожительство, оставляя по старому местожительству о себе память у соседей, исторические сведения или отколовшиеся роды. С VII по XX век этническая группа таман прошла путь из Южного Китая (Юньнань) — Тибет — Непал — Малакка (Бирма) до Калимантана, где, даже не имея лошадей и не понимая значения танца, сохранила свой ритуал. То есть, одна этническая группа реально меняла свою этническую территорию [24, с. 56–57].

Термин сейчас, можно сказать, закрепился. Но кардинально поменял свое содержание. Г. Г. Стратанович показал, что вместе с этнонимом по историко-географической карте продвигался и менял свою территорию обитания этнос. Сейчас, по имеющимся данным, под термином «скользящие этнонимы» однозначно понимают передачу этнонима по самым разнообразным этноисторическим, культурологическим и другим признакам соседнему родственному или даже географически и диахронически отстоящим друг от друга очень далеко этносам независимо от генетического родства.

То, что «содержание этнонима (его соотнесенность с называемым объектом) не остается неизменным», — заметил в вышеназванной программной для изучения этнонимии статье В. А. Никонов. Он привел две основные причины этого явления. Во-первых, может меняться содержание объекта при сохранении самого этнонима, во-вторых, могут измениться этнические представления о называемом у тех, кто употребляет этноним [22, с. 8–11].

Сейчас достаточно много частных классификаций этнонимов. По этносам — башкир [18, с. 9–21], туркмен [4], тюрков [5, с. 199–207], индонезийцев [27, с. 87–102], вьетов [19, с. 18–22], кумыков [10, с. 23–27], цыган [11, с. 28–35]; определенной территории — Англии [20, с. 223–241], Кореи [17, с. 61–77], народов Дальнего Востока [23, с. 44–69] и др. Единой общепринятой классификации этнонимов не существует, хотя такие попытки делались. Одна из первых классификаций, вероятно, принадлежит Г. Лангефельту (Вена, 1919–1920). Аналогичные классификации были предложены А. И. Поповым (1947), В. А. Никоновым (1970). Наиболее разработана последняя классификация на базе славянских языков у В. И. Супруна. Он среди автоэтнонимов выделяет семь моделей: 1) этнонимы со значением «человек, народ, свой, настоящий человек»; 2) этнонимы со значением «говорящие понятно, понимающие»; 3) этнонимы от тотемных названий; 4) патронимические этнонимы; 5) этнонимы ландшафтные (по месту обитания); 6) оттопонимические этнонимы; 7) заимствованные этнонимы (по [16, с. 11]).

Мы не останавливаемся на всех достоинствах и недостатках классификаций, отметим лишь то, что В. И. Супрун свою классификацию обосновывает только на

семантико-этимологических основаниях. Совершенно не учитываются историко-этнологический и лингвокультурный аспекты.

Наша классификация никак не отрицает семантико-этимологические классификации, а строится на метонимическом переносе этнонима на этнос или этническую группу в эндо- или экзоэтнонимах. Причем изначально не имеют значения семантические мотивации, как возник этноним, на генетически родной почве или нет.

Типологические модели «скользящих этнонимов»:

1. Генерализация ядерного этнонима как отражение процесса консолидации этноса.

2. Специализация, сужение значения этнонима до микроэтнонима для обозначения субэтноса.

Данные модели «скольжения» этнонимов с лингвистической точки зрения связаны с расширением и сужением семантики любого слова. Сравни, в нарицательной лексике: *краска* и *чернила* — первоначально жидкости для окрашивания и письма только в красный и черный цвета; *пиво* — вначале любой напиток; *писать* — кроме общего значения способности к письму, приобрело еще узкое значение «творить, сочинять», только от этого значения образовался неологизм *писатель*.

Расширение и сужение значения слова мотивируются общностью постоянного и реального соотношения явлений, которые передаются стилистической фигурой, определяемой термином *синекдоха*, (гр. συνεκδοχή «соотнесение»): *швед*, *русский* — *колет*, *рубит*, *режет* (Пушкин); *и слышно было до рассвета, как ликовал француз* (Лермонтов); *вся земля от холода гудела, все костры замглились в дыму, когда его охладевало тело* (Н. Асеев).

В этнологии при генерализации и специализации эпоним этнонима изначально присутствует в собственном имени, хотя при расширении значения этнонима носитель эпонима может полностью раствориться в макроэтносе. Волею исторических судеб большинство древних этнонимов сохранились благодаря генерализации своего значения.

Русский этноним *чудь* независимо от своего, по разным версиям, прибалтийско-финского, германского либо славянского происхождения обозначал некое прибалтийское племя, возможно, емь — эстонцев, а сейчас относится ко всему кругу финно-угорских народов. Произошла генерализация — расширение содержания этнонима.

При специализации общее имя собственное может сохраняться за одним или несколькими подразделениями этноса. Этноним *славяне* (*славяне*) с расселением славян на огромной территории Центральной и Восточной Европы сохранился в названиях всех трех групп славян. В южной группе — словенцы, в западной — словаки, в восточной — новгородские славяне (*славяне*).

Следующие типы «скользящих этнонимов» связаны с приобретением престижного, часто чуждого, независимого от генетического родства этнонима.

3. Обретение приоритетного этнонима как фактор функционирования «скользящих этнонимов».

3а. Суперстратный этноним. В эпоху формирования этнических сообществ и в раннефеодальный период немногочисленная группа завоевателей ассимилируется местным населением. Этноним завоевателей, как признак причастности к социальной элите, титулатура социальной верхушки, ряд административных, экономических, политических терминов усваиваются аборигенным населением. В лингвистике это явление известно под названием суперстрата.

В этнической истории этнонимы очень многих крупных современных этносов возникли подобным образом.

В 486 году западно-германские племена франков под предводительством князя (короля) Хлодвига (Людовика I) завоевали северную часть римской провинции Галлия с галло-римским населением, говорившем на кельто-романских языках. В дальнейшем на этой территории складывается этнос, этноним и страна — *французы* и *Франция*.

Тюркское племя болгаров, создавшие в 681 году на славянизированных территориях Нижнего Подунавья Первое Болгарское царство, ассимилировалось среди аборигенных фракийцев, иллирийцев, греков и славян, но передало новому этносу свое имя — *болгары*, и страна стала называться *Болгарией*. Историки создателей Болгарской государственности — тюрков, называют *протоболгарами*, а современных жителей славян, принявших новое имя, — *болгарами*, а лингвисты — древних тюрков обозначают как *булгары*, а современное славянское население страны — *болгары*.

Этноним *русский*, возникший на основе «северной», наиболее обоснованной гипотезы происхождения имени *русь*, восходит к норманнским переселенцам Южного Приладожья (ср. финское название Швеции — *Ruotsi*, шведов — *ruotsalaiset*). Скандинавы, приходившие по водным торгово-военным путям, проложенным готами не позднее IV в., постепенно оседали на славянских землях, образовали военно-политическую аристократию. Несмотря на прочные связи со своей родиной и постоянное пополнение новыми дружинами, норманны ассимилировались среди местного населения. К середине X в. процесс славянизации пришельцев русов (варягов) завершился. Скандинавское начало дало восточным славянам, кроме этнонима *русь*, ряд терминов: *князь*, *тиун*, *гридь*, *ябеда*, *церковь*, *ящик* и др. [14, с. 117–124; 15, с. 116–138].

36. С образованием централизованных государств, которые постоянно расширяли свои территории, соседние народы попадали под их политическое и культурное влияние и принимали «*имперский этноним*».

От латинского *romanus* («римлянин») в первые века нашей эры все гето-дакское население современной Румынии стало называться румынами.

Многочисленное, до двух миллионов, древне-фракийское население северной Греции, Албании, Македонии, восточной Румынии (Добрунджа) и сейчас продолжает называть себя арумыны, ароманы, арманы [Арумыны].

Греческое население Восточно-Римской, Византийской империи именовало себя тоже римлянами. Это название заимствовали и соседи-арабы, которые Балканы называли страной румов (*Rum*), от которых этот оним перешел и к туркам-османам. Европейская часть Османской империи называлась Румелией (тур. *Rum diyori*). Арабы и турки греков наряду с *al-junān*, *junan-li* «ионийцы» (это пример генерализации названия одного из начальных греческих племен) называли *rum*, *rum-li*. Этноним *римлянин* прочно удерживался в греческих диаспорах Северного Причерноморья (Крым, Приазовье, Кавказ) даже когда часть греческого населения перешла на золотоордынский язык. Тюркоязычные урумы и грекоязычные румеи вместе представляют собой этническую группу, исповедовавшую христианство и переселенную в 1778–1779 годы из Крыма в Северное Приазовье. Самоназвание — *урумлар* и *рѳмео* [21, с. 450].

Самоназвание европейских цыган — *ром*, *ромеи*. Этноним с добавлением территории формирования субэтноса звучит так: *лотфитка рома* «латышские цыгане» (от польск. *Łotwa* «Латвия»), *крымитка рома* «крымские цыгане», *татаритика рома* — цыгане Крыма, Причерноморья, Кубани, *лалориткэ рома* «эстонские цыгане» (от цыган. *лалоро* «эстонец», буквально «немой») и т. д. [1, с. 368–370; 11, с. 28–35].

Классической территорией «имперских этнонимов» является Китай. Этнонимы китайцев обычно следовали господствующей династии Инь, Чжоу, Хань, Цинь, Суй, Тан, Сун, Мин, Цин и др. Большинство из них сохранились лишь в истории Китая. Мир знает китайцев под именем *цинь, син, шина*, нем., англ. *Chinese*, фр. *Chinois*. Этноним восходит к династии Цинь, когда в 221 году до н. э. императору Цинь Шихуаньди удалось создать первое централизованное китайское государство. Автоэтноним китайцев *ханьжэнь, ханьцзу* происходит от названия следующей династии Хань (207 г. до н. э. — 220 г. н. э.), когда могущество Древнего Китая еще больше выросло. В этих случаях мы имеем дело с генерализацией одного из китайских этнонимов.

Однако Китаем правил ряд некитайских династий: киданей — династия Ляо (916–1115), чжурчжэней — династия Цзинь (1115–1234), монголов — династия Юань (1271–1368), маньчжуров — династия Цин (1644–1911). В русском языке аллоэтнонимом китайцев является не имя монголоязычной династии Ляо, а (редкий случай для китайской этнонимии) этноним завоевателей — киданей. Этноним Китай в форме *Satai* в Европе приписывают знаменитому путешественнику Марко Поло, который, правда, прибыл в Китай в 1271 году, намного позже завоевания Северного Китая киданями. Европейцы до XVII века четко не отождествляли Южный Китай (*China*) и Северный Китай (*Cathay*). Разгромленные чжурчжэнями, кидани уже в 1125 году в Средней Азии создали государство кара-киданей или кара-китаев, просуществовавшее до монгольского завоевания. В Средней Азии они тюркизировались. Распространению этнонима Китай несомненно способствовали тюрки. В тюркских рунах они известны с VII века как *Qitañ, Qitai*. В современных тюркских этносах — уйгурах, узбеках, казахах, каракалпаках, башкирах — представлены племена и родовые подразделения *кытай, катай*.

Этноним *китай, кытай, катай* в тюркских, средневековых европейских и в русском языках — яркий пример «имперской» этнонимии.

Население Горного Алтая с середины XV в. до середины XVIII в. попадает в зависимость от западно-монгольских (ойротских) ханов, образовавших Джунгарское ханство. Несмотря на разгром последнего китайско-маньчжурской армией в 1755–1757 годах и почти полное истребление его ойротского населения, алтайские народы вплоть до 1948 года назывались собирательным именем — *ойроты*.

В лингвистическом отношении этноним *ойрот* представляет собой монгольский субстрат алтайского языка.

4. «Скользящие метаэтнонимы».

Принцип «скольжения» этнонимов, в целом, связан с большой реальной взаимосвязью замещающихся по метонимии коннотаций (сем) в ониме. В основе «скольжения» метаэтнонимов лежит принцип смежности реальных явлений и отношений: пространства, времени, причины и категорий сосуществования, последовательности или логической связи. Генерализация и сужение значения этнонима основаны тоже на метонимических отношениях *pars pro toto* «часть перед целым». Однако в этнонимах частный случай метонимии оказался наиболее востребованным, и, поэтому генерализацию и специализацию этнонимов мы представили как основные виды «скользящих этнонимов». Другие виды «скольжения» этнонимов по метонимии (др.-греч. *μετονομία* — «переименование») мы систематизировали по признакам переноса значения наименования.

4а. *Пространственные метаэтнонимы*. В глазах соседних народов этнос, заселивший, завоевавший чужую территорию, вместе с ней получает и этноним вытес-

ненного племени, народа. В древности и средневековье это регулярное явление, связанное с миграцией родо-племенных групп на значительные расстояния из-за экстенсивного ведения хозяйства и низкой производительности труда. Поэтому историки часто могут лишь предположительно определить этническую принадлежность народа, проживающего под одним и тем же этнонимом в одном и том же регионе даже через небольшой промежуток времени. Ученые, например, признавая имя *венет*, *вэнд* экзоэтнонимом славян, расходятся во мнении: являются ли венеты изначально кельтами или славянами [16, с. 21–22]. Буртасы с VII века по 1552 год обитали по Волге от современного Волгограда до Самарской Луки и известны по многочисленным историческим событиям, однако до сих пор они остаются «белым пятном» в этнической истории. Исследователи причисляют буртасов то к иранским народам (Г. Е. Афанасьев, Е. С. Галкина, И. Г. Добродомов) [12, с. 119–129], то к тюркским (А. Х. Халиков, М. З. Закиев, А. Г. Каримуллин) [14, с. 28–30; 15, с. 17–21], то к финно-угорским (П. Гольден, А. П. Новосельцев) [7].

Пространственные метаэтнонимы изначально призваны быть экзоэтнонимами, так как по самому определению новый этноним приобретает по заселению территории обитания другого этноса.

Пруссы, балтийское племя, жившее с IX в. на Юго-Восточном побережье Балтийского моря, с начала XIII века ассимилируется рыцарями Тевтонского ордена, истребляется и к концу XVII века полностью исчезает как самостоятельный этнос. Этноним *Preuße* «прусс, житель Пруссии», по-русски *прусак*, стал обозначать северо-восточных немцев.

Остяки, иштяки — экзоэтноним манси у тюркских народов и русских. С XVI века иштяками в восточных источниках регулярно начинают называть зауральских башкир. Это название через соседей башкир — ногайцев, калмыков, казахов начинает распространяться и на всех башкир. В. Н. Татищев пишет, что «татара их (башкир. — *Г. В.*) зовут шери иштек, то есть черные остяки» [26, с. 309]. Данный экзоэтноним башкир может говорить о сложном этногенезе башкир, особенно северо-восточной группы, в формировании которых принимали участие южно-сибирские самодийские и финно-угорские родоплеменные группы. А также может быть метаэтнонимом по смежности когда, начиная с XVI века, башкиры потеснили на Южном Урале и Зауралье хантыйские племена еще дальше на север и заняли их земли [2, с. 66; 25, с. 183].

В пространственных этнонимах метонимический перенос этнонима одного народа другому возможен только из-за совмещения этнонимического и хоронимического значений слова, напр.: *придоша Литва* («Повесть временных лет»); и *раздбрася вся земля Русьская* (Новг. I лет.); *Украина глухо волновалась* (Пушкин). Такое совмещение двух понятий у филологов и историков-медиевистов определяется термином *этникон*.

5. **Ложные метаэтнонимы** возникают из-за установления номинантами ложной логической причинно-следственной связи между двумя этносами, в результате которой мы получаем научные ложные метаэтнонимы и народные ложные метаэтнонимы.

5а. **Научные ложные метаэтнонимы** отражают уровень развития науки того периода, когда новый этнос входит в круг интересов европейцев и традиционно продолжает употребляться в литературных языках с мнимой этимологией и с «неправильным» значением.

Классическим примером научного ложного метаэтнонима является макроэтноним *индейцы*, обозначающее все аборигенное население двух Америк, кроме але-

утов и эскимосов. Как всем известно, он возник в конце XV века, когда первооткрыватель Новой Земли Колумб, свято веря католической церкви и Птоlemeю, вопреки фактам и своему открытию, подрывающему все средневековое мировоззрение, стремился доказать, что новооткрытые земли находятся в Восточной Азии.

Интересно, как устраняют возникшую лексическую омонимию европейские языки? Испанский, французский и английский языки сохраняют статус-кво, соответственно: *indio, indian, Indian* — «индиец, индианка», «индеец, индианка», «индийский», «индейский». Правда, в английском языке делается попытка из *American Indian* сочинить *Amerindian*. Немецкий язык устраняет омонимию: *der Inder(-in)* — «индиец, индианка», *die Indianer(-in)* — «индеец, индианка». В русском языке омонимия устраняется только в мужском роде — индеец, индеец, а в женском роде слова совпадают — индианка.

5б. Народные ложные метаэтнонимы возникают, как и научные, из-за недостаточных знаний о новых этносах, появившихся на дальних рубежах ойкумены. Провести границу между научными и народными ложными метаэтнонимами достаточно сложно. Вероятно, единственным критерием их разграничения является эмотивный оттенок, содержащийся в народных ложных метаэтнонимах. Соседние культуры воспринимаются как аномальные, неправильные, вредные, дикие и т. п. Племена-соседи и народы щедро награждают друг друга негативными сравнениями, прозвищами и небылицами. Е. Л. Березович это явление удачно назвала «лексической ксенономинацией» [6, с. 7], греч. *ξημιώδης* «убыточный, вредный». Появление соседей всегда ущемляет наше реальное или мнимое пространство и право. Пришельцев независимо от количества, всегда кажется много. Народы-завоеватели откладываются в памяти как великаны. О легендарных спорах, разгромленных во II веке н. э., согласно Иордану, готами, история ничего не знает, кроме того, что в славянских языках их этноним обозначает великанов: польск. *stolin, stolum*; кашуб. *stolem*; др.-русск. с XI века — исполинъ. Об аварах, два с половиной века (середина VI в. — 803 г.) угнетавших славян, в частности дулебов, еще три века спустя помнит Нестор: «Быша бо обърѢ тѢлом велици». Значение «великан» за аварами-обрами сохранили западные славяне: др.-польск. *olbrzyn*, в.-луж. *hober*, словац. *obor*, словен. *uber*, чеш. *obr*.

В немецком языке великан, исполин называется *der Hüne* «гунн». Грозные степные завоеватели отложились в памяти и других европейских народов как угнетатели, великаны. Венгры стали известны Европе только с начала IX в., однако европейцы их восприняли как наследников гуннов. Венгрию в средние века называли королевством гуннов, так она упоминается в романе «Песнь о Нибелунгах» [9]. Самоназвание венгров — мадьяр, все экзоэтнонимы происходят от макроэтнонима угръ: ст.-слав. *жгринь*, мн. *жгре*, др.-рус. *ѡгринь*, рус. венгр заимствование из польск. *węgień*, лит. *veñgras*, нем. *Ungar(n)*, швед. *ungrare*, греч. *Οὐγγρικὸς*. Ложное совмещение в народном сознании двух этносов отражается и в языке. В средневековой латыни из-за сближения этнонимов гунны — *Hunni* и угры — *Ungari* во втором слове появляется начальный *h*: *Hungari, Hungaria* «Венгрия», который затем проходит в английский и французский языки — *Hungarian(s), hongroi(s)*. Во французском языке *ogre* «великан-людоед», возможно, тоже происходит от *hongr(ois)* «венгр».

Многие источники пользуются термином псевдоэтнонимы. Небольшую классификацию псевдонимов мы обнаружили только в диссертационном исследовании В. А. Буряковской [8, с. 45]. Необходимо разграничить псевдонимы от выделенных нами ложных метаэтнонимов. Между ними есть две общие особенности:

1) ложные метаэтнонимы и псевдоэтнонимы обозначают новые этносы или аморфные социально-политические, конфессиональные, территориальные и иные совокупности людей, заменяющие этносы;

2) ложные метаэтнонимы и псевдоэтнонимы возникают одинаково: путем метонимического перехода старого имени на новое.

Их кардинальное отличие заключается в том, что в ложных метаэтнонимах, как и во всей группе «скользящих» этнонимов, новое этническое наименование возникает в результате метонимического переноса реального этнического наименования на новую этническую группу или этнос. В псевдоэтнонимах вместо исходного этнонима используются другие характеристики: географическая (*азиаты*), расовая (*негры, мавры*), антропологическая (*длинноголовые, желтые — половцы*), этнографическая (*кызылбаши, каракалпаки*), конфессиональная (*салафиты, духоборы*), профессиональная (*казаки, варяги, офени*), материально-культурная (*пахари, плотники*), культурно-эстетическая (*варвары, косоглазые*) и др.

В результате исследования мы установили, что в образовании этнонимов большое место принадлежит метонимическим наименованиям, данным по сосуществованию этносов в пространстве, по отношению части к целому и целого к части, по ложным научным и народным представлениям о сходстве этносов. В этом отличие «скользящих» этнонимов от псевдоэтнонимов, именующих новые социальные группы по неэтнонимическим параметрам и выполняющих роль своеобразных «предэтнонимов».

Тщательное исследование этнонимов, возникших путем метонимического переноса этнонима одного народа на другой, мы убеждены, поможет выявить метаэтнонимы и на иных основаниях: расовые (антропологические, этнографические), конфессиональные, по социальной организации общества, хозяйства, военного дела и др.

Литература

1. Агеева, Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы : слов.-справ. / Р. А. Агеева. М. : Academia, 2000. 424 с.
2. Агеева, Р. А. Страны и народы: происхождение названий / Р. А. Агеева. М. : Наука, 1990. 256 с.
3. Арумыны [Электронный ресурс]. URL: dacoromania.net/en/articles...romanii...hetco-arumyny (дата обращения 31.01. 2013).
4. Атаниязов, С. Словарь туркменских этнонимов / С. Атаниязов. Ашхабад : Ылым, 1988. 180 с.
5. Баскаков, Н. А. Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация / Н. А. Баскаков // Ономастика Востока. М. : Наука, 1980. С. 199–207.
6. Березович, Е. Л. О явлении лексической ксеномотивации / Е. Л. Березович // Вопр. языкознания. 2006. № 6. С. 6–20.
7. Буртасы [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 31.01. 2013).
8. Буряковская, В. А. Признак этничности в семантике языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. А. Буряковская. Волгоград, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://31f.ru/dissertation/100-dissertaciya-priznak-etnichnosti-v-semantike-yazyka.html> (дата обращения 31. 01. 2013).
9. Венгры [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 31. 01. 2012).
10. Волкова, Н. Г. Названия кумыков в кавказских языках / Н. Г. Волкова // Этническая ономастика. М. : Наука, 1984. С. 23–27.
11. Деметр, Н. Г. Этнонимия цыган Европейской части СССР / Н. Г. Деметр // Этническая ономастика. М. : Наука, 1984. С. 28–35.
12. Добродомов, И. Г. Этимология этнонима «буртас» / И. Г. Добродомов // Ономастика Поволжья. Саранск, 1986. С. 119–129.
13. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ : Наукова думка, 1985. 254 с.

14. Закиев, М. З. Проблемы этногенеза татарского народа / М. З. Закиев // Материалы по истории татарского народа. М. ; Казань, 1995. С. 28–30.
15. Каримуллин, А. Г. Татары: этнос и этноним / А. Г. Каримуллин. Казан : Татарстан китап нәшрияты, 1991. 160 б. (на тат. яз.).
16. Ковалев, Г. Ф. История русских этнических названий / Г. Ф. Ковалев. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1982. 160 с.
17. Концевич, Л. Р. Исторические названия Кореи / Л. Р. Концевич // Этнонимы. М. : Наука, 1970. С. 61–77.
18. Кузеев, Р. Г. Опыт родоплеменной стратификации родоплеменной этнонимии башкир / Р. Г. Кузеев // Ономастика Поволжья: материалы III конф. по ономастике Поволжья. Уфа, 1973. С. 9–21.
19. Лескинен, А. Н. Из этнонимии вьетов / А. Н. Лескинен // Этническая ономастика. М. : Наука, 1984. С. 18–22.
20. Маковский, М. М. Этнонимия Англии в сравнительно-историческом освещении / М. М. Маковский // Этнонимы. М. : Наука, 1970. С. 223–241.
21. Муратов, С. Н. Урумский язык / С. Н. Муратов // Языки мира: тюркские языки. М. : Индрик, 1997. 544 с.
22. Никонов, В. А. Этнонимия / В. А. Никонов // Этнонимы. М. : Наука, 1970. С. 5–33.
23. Никонов, В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР / В. А. Никонов // Этническая ономастика. М. : Наука, 1984. С. 44–69.
24. Стратанович, Г. Г. Проблема «скользящих этнонимов» / Г. Г. Стратанович // Этнонимы. М. : Наука, 1970. С. 51–60.
25. Таган, Г. Из какого улуса «хешдеки» Эвлие Челеби? / Г. Таган // Валиди Тоган А.-З., Инан А., Таган Г. Служение : сб. тр. башкир. ученых-эмигрантов – лидеров нац.-освободит. движения 1917–1920 гг. / сост. и пер. А. А. Юлдашбаев. Уфа : Китап, 2007. С. 181–184.
26. Татищев, В. Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский / В. Н. Татищев // Избранные произведения / под ред. С. Н. Валка. Л. : Наука, 1979. С. 153–327.
27. Членов, М. А. О некоторых индонезийских этнонимах (к вопросу об этнонимической классификации) / М. А. Членов // Этнонимы. М. : Наука, 1970. С. 87–102.

Н. А. Халиков

КАЗАНСКИЕ ЭТНОГРАФЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Впервые внимание казанских ученых к районам в востоку от Татарской республики было обращено в послевоенные годы. Тогда же, на рубеже 1940–50-х годов Н. И. Воробьевым, Е. П. Бусыгиным, Г. М. Хисамутдиновым и другими сотрудниками Казанского университета и только что созданного Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР (ИЯЛИ) были проведены первые, пока еще кратковременные экспедиционные выезды в районы Закамья.

По настоящему углубленные и серьезные исследования районов Южного Урала и прилегающих территорий были связаны с развернувшейся, с конца 1950-х годов работой по созданию историко-этнографического атласа татарского народа (ИЭА). Дело в том, что прежние исследовательские методы (описательный, сравнительно-исторический и др.), используемые до этого времени уже не отвечали возросшим и новым задачам этнографии и этнологии народов страны. Теперь акцент делается на разработку типологий и этнографическое картографирование элементов и явлений народной культуры. На такой основе были созданы первые истори-

ко-этнографические атласы — историко-этнографический атлас Сибири (1961), атлас «Русские» (1967). Примерно в это же время к работе над созданием историко-этнографического атласа татарского народа приступили сотрудники сектора археологии и этнографии ИЯЛИ.

Первые годы исследовалась традиционная культура татарского населения Среднего Поволжья, Прикамья и Окско-Сурского междуречья (Н. И. Воробьев, Р. Г. Мухамедова, Ю. Г. Мухаметшин). И лишь, когда сотрудники ИЯЛИ приступили непосредственно к работе над созданием историко-этнографического атласа татарского народа, исследованиями постепенно была охвачена вся огромная территория расселения поволжских татар. В 1965 году Р. Г. Мухамедова, тогда руководившая группой этнографов сектора археологии и этнографии, впервые работала в Закамье в юго-восточных районах Татарстана, примыкающих к Приуралью (Альметьевский и Бавлинский районы).

По мере развития и совершенствования исследовательской работы, увеличения числа сотрудников-этнографов в отделе экспедиционные полевые работы расширяются, становятся регулярными. Планомерно исследуется традиционный быт и культура татарского населения восточных районов, в том числе и селений, расположенных на Южном Урале. В 1977 году казанские этнографы работают в районах Самарской и Оренбургской областей, прежде входивших в Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский уезды Самарской губернии, затем, в 1979 и в 1980 годах — в Башкирии (прежде Стерлитимакский, Белебеевский, и Уфимский уезды Уфимской губернии). В 1981 году исследуются татарские селения южных районов Оренбургской области, до 1917 года относившихся к Оренбургскому и Орскому уездам. В последующие годы сотрудники сектора (позднее отдела) продолжали работу в районах и областях Южного Урала: в 1982, 1985, 1986 и 1987 годах — в Челябинской и Курганской областях (на территории бывших Верхнеуральского, Троицкого, Челябинского уездов Оренбургской губернии). Всего было обследовано татарское население почти сотни деревень.

Постоянными участниками экспедиций в разные годы были научные сотрудники сектора: Д. М. Исхаков, Р. Г. Мухамедова, Ю. Г. Мухаметшин, Ф. Ш. Сафина, С. В. Сулова, Л. Ф. Фаттахова (Шарифуллина), Н. А. Халиков, Р. К. Уразманова, художник А. А. Мазанов. Кроме того, привлекались внештатные сотрудники.

Полевые работы проводились методично и планомерно. По волостной и уездной «сетке», как это принято в этнографическом картографировании, заранее определялись деревни с таким расчетом, чтобы были отражены все субэтнические, конфессиональные и этнографические группы поволжских татар в пределах бывшего уезда: казанские, мишари, касимовские татары, крещенные нагайбаки, тептяри и др. Учитывался и сословный характер населения: государственные крестьяне, служилые казаки, вотчинники, торговцы, мещане.

Каждый исследователь — участник экспедиции — отвечал (собирал материал) за свое направление: хозяйство, транспорт, история возникновения деревень, поселения, жилища, одежда, пища, обряды и праздники и многое другое. Использовались специально созданные напечатанные программы-вопросники по темам «Хозяйство», «Поселения и жилища», «Одежда и украшения», опросные листы, охватившие почти все стороны традиционного быта и культуры. Полученные от информаторов сведения заносились в дневники, предметы быта и культуры фиксировались на фото-пленку, зарисовывались (все экспедиции обязательно сопровождал профессиональный художник). Также вычерчивались планы селений, построек и др.

Собранный за годы экспедиций поистине колоссальный материал (который, кстати, хранится в Отделе этнологии Института истории) дополнялся сведениями из фондов архивов (Оренбурга, Уфы), рисунками бытовых предметов, хранящихся в музеях Оренбурга, Бугуруслана, многих сельских и школьных музеев, рукописными и опубликованными материалами многих библиотек страны и составил основу будущих томов атласа татарского народа. Затем следовала длительная обработка и осмысление полученного материала. Итогом кропотливой работы стали многочисленные статьи в сборниках отдела, крупных монографиях, доклады и сообщения на конференциях, и, главное, эти труды воплотились в томах Историко-этнографического атласа татарского народа. Определенное и заметное место в этих трудах занимает история татарского населения Южного Урала.

Литература

1. Мухаметшин, Ю. Г. Усадьба тюркских народов: сельское жилище татар Поволжья и Урала (конец 19 – начало 20 в.) / Ю. Г. Мухаметшин, Н. А. Халиков. Астана, 2001.
2. Сафина, Ф. Ш. Ткачество татар Поволжья и Урала (конец 19 – начало 20 в.) / Ф. Ш. Сафина // Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 1996.
3. Сулова, С. В. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина 19 – начало 20 в.) / С. В. Сулова, Р. Г. Мухамедова // Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань : ФЭН, 2000.
4. Тартарика // Этнография. Казань ; М., 2008.
5. Татары // Народы и культуры. М. : Наука, 2001.
6. Уразманова, Р. К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл. 19 – начало 20 в.) / Р. К. Уразманова // Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань : Дом печати, 2001.

Г. Х. Самигулов

О ТЮРКСКИХ ВОЛОСТЯХ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ XVII–XVIII ВЕКОВ

Вопрос расположения тюркских волостей в Южном Зауралье в XVII–XVIII века актуален ныне в еще большей степени, чем в предыдущие периоды изучения истории края. Сегодня сложилась своеобразная ситуация – при относительно подробной изученности вопросов русского расселения в Зауралье этого периода, практически отсутствуют работы, посвященные истории расселения тюркского. В недавнее время этой теме коснулись в своих работах В. Д. Пузанов [18] и В. В. Менщиков [12]. Несомненно, замечательны работы Кузеева и его коллег [7; 8]. Но есть одна проблема, которая четко обозначилась как раз в работах курганских коллег – практически полностью отсутствуют исследования истории расселения тюркских групп и племен в Южном Зауралье XVII–XVIII веков на основе широкого массива письменных источников. Работа Б. О. Долгих [5а, с. 22–47] в части, касающейся юга лесной и лесостепной части Западной Сибири, судя по оценкам Р. Г. Кузеева

[7, с. 238–241] и Н. А. Томилова [24. С. 32, 34], требует тщательной проверки материалов. Попытки выявления и анализа такого рода документов сделаны автором в недавних публикациях [22; 23]. В предлагаемой статье я постараюсь оконтурить территорию расселения некоторых племен (родов) последней трети XVII в. и проследить изменение ситуации, а также проследить процесс создания вновь волостей на примере территории, входящей сегодня в состав Сафакулевского и Альменевского районов Курганской области.

Несколько пояснений. Это «пробная» работа и она не ставит своей целью воссоздание полной картины хотя бы в отношении тех групп, о которых пойдет речь. С одной стороны, в методике исследования ничего нового нет, с другой стороны, это большая детализация процессов — уточнение дат, границ волостей и пр. Я сознательно абстрагируюсь от выводов, сделанных предшественниками, поскольку не вижу подтверждений этим выводам. Вступать в полемику в рамках статьи невозможно, для этого здесь не хватит места. Упоминание о какой-либо волости применительно к разным территориям вовсе не обязательно означает, что волость (точнее, группа, по чьему имени эта волость называлась) переместилась. Исследовательница феномена башкирской волости Ф. А. Шакурова выделяет как минимум, три значения слова «волость» для Башкирии: земельная организация, наделенная правами собственника, административно-территориальное образование и волость как обозначение рода [26, с. 41–44]. В идеале все три значения совпадали. Волость как территориальная единица далеко не всегда была монолитна. Иногда она объединяла несколько участков, включенных в разные этапы хозяйственного цикла и располагавшихся на значительном расстоянии друг от друга.

У нас есть возможность оконтурить границы трех волостей последней трети XVII века на основании письменных источников. Точнее, на основании документов, непосредственно описывавших границы этих волостей. Это Сынрянская, Салзаутская (Сальютская) и Каратабынская волости. Расположение Катайской волости в Приисетье мы можем восстановить на основании отдельных указаний в различных источниках, хотя о точных границах в данном случае речь не идет.

Границы Сырянской волости, зафиксированные в 1673 году со слов сынрян: *«181 (1673–1674 гг.) году в переписных ясаиных вотчинных книгах переписи уфимские приказные избы подьячего Ивана Жилина да иноземского списку Наума Ногатикова написана... Вотчина де у них у сенирянцов у всех вопче за Урал горою, на степной стороне, а межа той вотчине с вершины речки Багаряк и до устья, а от той речки с вершины речки Елганды (совр. Боевка. — Г. С.) и до устья, а от устья той речки по речку Казиганды до вершины и до устья, да на вершины речки Уйлабасты и до устья, да через речку Сесер (Сысерть. — Г. С.) на сосняг а с того соснягу на вершины речки Исеть и с вершины Исети на речку Уктус, с устья и до вершины»*¹.

Границы Сальютской (Салжеутской, Челжеутской и пр.) волости описаны в документах разного времени. Самый ранний документ, известный мне и датированный 1673–1674 годами (7181 г. от сотворения мира — фактически одновременный документу о границах Сынрянской волости, приведенному выше): *«Вотчина-де у них у всех — Челжеуцкие волости вобше за Уралом-горою. А межа-де той вотчине: Сенияр-озеро, а с того озера на гору Моховую, а с той горы на устье речки Исеняк, а с тое речки до Котлунского устья и до вершины, а с той речки через Урал-гору к Уфимской стороне на вершину речки Уилги, а с той вершины на вершину ж речки Анагуль, а с той речки на вершину речки Чусовой, а с той вершины на вершину речки Шаханлы, а с той вершины на вершину ж речки Коган, а с той вершины на речку Елагач, а с той речки на речку Чекмарды, а с той речки на гору Чивулду, а с той горы на гору ж Навиердяк, а с той горы на речку*

Кавилгу, а с той речки на суходол Наенгарерчу, а с того суходолу на Уергын-камень, а с того камня на вершину речки Леуш, да по речке Левларды и сосняком, а с той речки через Урал-гору на степную сторону на речку Бултав, а с речки Бултава на речку Усман, а с той речки на речку Секирян, да с той речки на гору Елдамыш, а с той горы на речку Аремьль, а с той речки на вершину речки Сабает, а с той речки на речку Каминши, а с той речки до Толбинского устья, а с того устья на Ик-речку, а с той речки на камень Кумю, а с того камня на речку Сяир, а с той речки на речку Лубасты с устья и до вершины, а с той речки на озеро Кунгур, а с того озера на болото Кулес, а с того болота на речку Сеняр» [6, № 8]. В 1721 году: «А между своим вотчинам сказывают по сю сторону Чусовой-реки с Багарякского озера на Арамилскую вершину и ниже Курганской деревни» [Там же, № 2]. В 1724 году: «По Чусовой-де реке и которые речки [в]пали во оную Чусовую – вотчина-де исстари их, Челжеутской, да Терсятской, да Сениренской волостей Башкирцев» [Там же, № 7]. Обратим внимание, что южная граница Салжеутской волости, указанная в приведенных цитатах, совпадает с северной границей Сырянской волости, описанной в цитированном выше документе.

Но оказывается, что все не так просто, сальюты владели еще одним участком земли, включавшим в себя озера Маян и Улугуш. По опросам, проведенным в 1745 году в связи со спорами о земле, выяснилось, что мишари (служилые мещеряки) и ясачные татары, жившие в деревнях Улугуш, Ахуновой, Рысаевой, до начала восстания 1735–1740 годов платили башкирам Салзаутской волости кортом (аренду) по 15 копеек с двора².

По границам «степной» Катайской волости XVII века документов пока не выявлено, но есть ряд данных, которые позволяют предположить, что она локализовалась по правому берегу Исети в районе впадения реки Теча и вниз по Исети. Для подтверждения приведу цитаты из двух документов: в 1633 г. «приезжали те воинские люди к нему Козюбайку к юртам (на Исети выше устья Течи. — Г. С.) от Билягиля да пошли назад к Билягилю ж в Катайские волости» [13, с. 468] (Билягиль, с большой долей вероятности — оз. Беликуль в нынешнем Красноармейском районе Челябинской области); 1651 год, в розыске о нападении на Далматов монастырь, сказано: «...те воинские люди приходили к Успенскому монастырю из за Исети реки пониже Катайского бору да тою же де сакмою и назад пошли» [14, с. 348–349]. И еще из одного документа, 1623 г., известно, что Катайская и Сырянская волости находились рядом: «...съехались Уфинского уезду Катайской волости татарове и Верхотурского уезду сырянцы» [13, с. 342]. Границы Сырянской волости описаны выше, она также располагалась, преимущественно, в правобережье Исети, а Катайская, очевидно, граничила с ней с востока. Очень примечательно упоминание в документе 1647 года о том, что калмыки идут от уфимских Катайских волостей вниз по Исети к «нашим» (т. е. сибирским) волостям [Там же, с. 609].

Ограничимся пока перечисленными территориями (речь о Каратабынской волости пойдет дальше, во второй части статьи) и кратко рассмотрим, что происходило дальше. Катайская волость первой испытала на себе масштабный процесс русского переселения в Южное Зауралье. Освоение переселенцами земель по Исети шло опережающими темпами. Пышму на первых порах «проскочили» и начали ставить на ее берегах поселения после того, как территория по среднему и нижнему течению Исети была распределена между основанными слободами и острогами. Далматов монастырь, Катайский и Колчеданский остроги, Белоярская-Теченская и Пещанская слободы заняли значительную часть земель Катайской волости. Напомню, что каждой слободе нарезали значительные участки земли для освоения,

«на вырост» — 20×20, 30×30 верст. Насколько можно судить, лишившись большой части своих угодий, катаяйцы начинают продвигаться в междуречье Синары и Течи.

«7205 году апреля в 27 день по указу Великого Государя царя великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца стольнику Дмитрию Ивановичу Молостову, били челом великому государю Уфинского уезду Сибирской дороги симирянской волости башкирцы Мрячка Карабашев да Чирибачка Тарляков с товарищи... на их же вотчинников земли поселились русские многие люди четыре слободы Ремянская Камышенка Колчедан и Багаряк и в тех слободах населено дворов по триста и по четыре[ста]»³. Фактически вся территория волости была разделена между русскими слободами. При этом формально перед подтверждением отвода проводился «сыск», задачей которого было выяснить — не принадлежит ли земля, просимая под слободу, кому-нибудь. Но когда сыск проведен, указ от имени царя подписан, сделать что-либо уже сложно. Впоследствии, в 1743 году, Исетская провинциальная канцелярия указывала, что земля была признана «порозжей» необоснованно, при обследовании участка под отвод Багарятской слободе не было представителей от башкир и татар⁴. Последствием это не имело. Как писал сын основателя Багарятской слободы Данил Слободчиков: «...оные башкирцы и поныне живут за их Багаряцким чертежом, вверх по речке Карабалке»⁵. Фактически у сынрян осталась небольшая часть территории их волости, лежавшая к западу от Синарского озера.

В начале 1720-х годов в связи с планируемым строительством заводов капитан В. Н. Татищев начал переговоры с сальютами о передаче земли по Чусовой. Как он отмечал в определении от 6 сентября 1721 года: «...2-е, что оные места в самой близости к тем местам, где надлежит заводить медные и железные заводы, которым без достаточного числа людей содержаться невозможно. К тому ж оная Чусовая река никогда, чаю, татарская не была, но вогулицкая, ибо явно по тому, что когда Строгановы вогулич разогнали, тогда отданы им тех [вогулов] жилища, и именно Чусовая от устья до вершин со всеми впадунами и речками. Но хотя б и суще татарская была, а лежит пуста (ибо жилищ их ближе сорока верст нет). Государю же угодна и прибыток принести может, то мною, что взять у них безобидно. Ежели же бы она и суще Государева [была], а татары в тех местах селиться и работою за деньги помогать хотели, то б им селиться не воспретил; 3-я причина — место Косой Брод, о котором наиболее татары спорят, хотя на нем деревни не было, но выше и ниже оногo деревни поселены были русские, а на оном месте пахали пашню и сена косили. И понеже оный токмо един чрез Чусовую способнейший брод татарам приезжать в русские слободы для воровства, того ради, пресекая оное, весьма надлежит во оном месте быть караулу <...> Крайне же, что без жилища на оном месте заводов строить невозможно, ибо во время зимнее надобно иметь работным людям <...> пристанище на пути, чтоб в лесу пустом не ночевать и корм конский не всегда из дальних мест возить. Весною же и в осень быть перевозу или весьма сделать мост и оный кому хранить, дабы татары не сожгли...» [6, № 3].

Сальюты согласились на частичные уступки: «По Чусовой реке Косого броду приговорили не давать. А даем мы на Уктусский завод для поселения дву[x] деревень вместо Косого броду, которые поселены без отводу по Чусовой реке. И что под те две деревни понадобится земли и сенных покосов нам, башкуртам, с весны в предбудущее лето 1722 года съехаться на тое землю с г-ном капитаном и под тое селитьбу земли и сенных покосов отвести и разграничить по урочищам, что будет ему потребно и во близости той руды. А живучи им, крестьянам, на вотчине нашей земле лесовых и речных зверей не ловить и хмелю не драть» [Там же, № 4].

Ситуация для саллютов была практически безвыходной, поскольку территория по Чусовой была пожалована Строгановым: «А в копии с Грамоты <...> какова дана от

Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича Всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца в прошлом 7181 году июня в 1 день барону Григорию Строганову написано: Старинными родовыми вотчинами ни же Пермии Великой и у Соли Вычегодской владеть ему по деловой Чусовским городкам и острогам своею стороною с дворами, и с варницами, и деревнями, и пашнями, и пожнями, и мельницами Камою-рекою от устья Чусовского вниз по одной по левой стороне Лалвенского бору; и Чусовою-рекою от устья Чусовского вверх по правой стороне до Утки-реки; и малыми речками, и озерами, и истоками, которые в той меже впади в реку Каму и в Чусовую, и с селами и со всеми угодьями, и пашнями, и пожнями, и рыбными и зверными ловлями; и Сылвою-рекою от реки Чусовой вверх по обе стороны Сылвы-реки до остяцких улусов, и речками и истоками, которые в Сылву-реку впади от устья и до вершин, и деревнями и лесами, и пашнями и пожнями, и озера и рыбными и зверными ловлями и со всякими угодьями» [Там же, № 7]. Полностью жалованные грамоты Строгановым изложены в книге Н. Г. Устрялова, и Чусовая, на самом деле, была отдана Строгановым еще Иваном Васильевичем Грозным.

Речь шла уже не о разработке медных месторождений — Гумешевского и на реке Полевой — и отправке руды на Уктусский завод, как было до этого, а о строительстве новых заводов, в первую очередь Полевского. Земли к заводу были отведены, а сальюты в 1730 году писали прошение о денежной компенсации: «...бьют челом Уфимского уезду Сибирской дороги Салюцкой волости башкирцы Келчюра Кинжягулов, Шемуш Менбатеев с товарищи, а о чем — тому следуют пункты: 1. В прошлом 1723 году по указу блаженные и вечнодостойные памяти Его Императорского Величества взято владения нашего в Уфимском уезде в Салюцкой волости при речке Полевой место, при котором найдены медные руды и при той построен завод, с которого [места] мы платим ясак в казну Вашего ИВ и службы служим. 2. И в прошлом 1728 году просили мы Вашего ИВ в Москве в Высоком Сенате, чтоб нам за оное наше взятое под завод место дать Вашего ИВ жалованье, дабы нам от того разорения не было» [6, № 6].

Очевидно, денежной компенсации за земли они не получили и стали искать возможность расширить свои земельные владения. Ареной выяснения прав на землю становится междуречье Синары и Течи. Р. Г. Кузеев пишет, что в 1717 году катайцы получили жалованные грамоты на земли в верховьях реки Теча [7, с. 238]. В 1735 году землю между Синарой (даже захватывая полосу вдоль левого берега реки) и Течей отвели Кошунской (Кушсинской, кошсо) волости: «От большой сосны стоящей от Синары реки с версту по течению оной на левой стороне выше деревни Багаряцкой слободы Каневой верст около шести, от той сосны не приходя к реке Синаре за версту и за две на озера Малого и Большого Игошей и идено направо приближаясь к реке Синаре и не доходя до реки идено вниз не в далности оной дубровами и лугами до устья речки Багаряку и называл татарин Расмангулов, как о том помянутые Багаряцкие старожилы Слоботчиков»⁶. Тут же пишут протест сальюты: «С прошлых давних лет при Блаженные и вечнодостойные памяти Великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца, пожалованы прадедам их в Уфимском уезде Салжауцкою волостью, которая межи имеет между Сыгрянской и Мякотинской волостями. И потом деды, и отцы их, и они оною вотчиною и в ней звериными и рыбными промыслы владели по сей 1735 год.

А сего 1735 году в нынешнем июле-месяце Уфимского ж уезду Кушунской волости вотчинник Кучаши Аракмангулов с русским человеком, которого называл он, Кучаши, и другие капитаном, а они — подлинно капитан ли, и откуда — не ведают, приехав в их Чалжеуцкую волость, и отмежевали от оной их Чалжеуцкой волости земли со всякими имеющимися во оной угодья некоторую часть, и поставили самовольно грани, и им во оную ездить ни за чем не велели, от чего имеется им великое разорение. А она-де Кушунская к их Челже-

уцкой волости нимало не смежна, но от их волости весьма в дальнем расстоянии чрез другие волости. И прежде о том с ними, кушинцами, спору никакого не бывало» [6, № 14].

В 1742 году мишарям во главе со старшиной (полковником) Муслимом Ашировым отвели землю по реке Теча, а также большой участок к северу от нее — граница проходила по озерам Чебачье, Уелги, Аликуль. С запада и севера отвод граничил с землями башкир Бала-Катайской волости, с юга — с землями Челябинской и Миасской крепостей, с востока — с территорией Теченской слободы (Русская Теча). При межевании присутствовали представители казаков, крестьян и башкир⁷. Проследить подробно, как развивались события, пока сложно — не хватает выявленных документов — но как обстояло дело в XIX веке, известно. В XIX веке половина территории Мещерякской волости состояла в споре с: Улу-Катайской, Бала-Катайской, Балды-Катайской, Салзаутской (сальютской) и Сызрянской (Сынрянской) волостями⁸. И это объяснимо, о чем чуть позже.

Вернемся вновь к середине XVIII века. Межевание, проведенное летом 1745 года, определяло границу совместного владения Салжеутской и Терсятской волостей между реками Синара и Теча⁹. Далее сальюты продолжают споры с крестьянами Багарякской слободы и в 1758 году геодезисты Иван Калинин и Яков Мельников составляют план межевания земли крестьян Багарякской слободы — сальютам удастся лишь подтвердить права на земли в верховьях Синары (выше села Коневского) и далее до Багарякского озера¹⁰.

С течением времени ситуация усугубляется. В 1750-х годах сальют продают значительные участки оставшихся земель екатеринбургскому лекарю И. Х. Шнезе и коллежскому советнику Н. Г. Клеопину¹¹. В 1760-х годах продают два участка земли, на Иткульском истоке и реке Синаре князю Р. Л. Воронцову¹². Сынрян продают часть своих территорий Демидовым (оказалось, Сынрянская волость включала часть земель по р. Чусовой)¹³. Из этих документов выясняется также, что у сынрян был небольшой участок земли по реке Азяш, на стыке Шуранской, Чирлинской (сызгы) и Айлинской волостей, но он также был продан Н. Н. Демидову в 1759 году¹⁴. В тот же период катая продают, или сдают в долгосрочную аренду большую часть своих угодий в горно-лесной зоне к Нязепетровскому заводу, в разные годы П. Осокину и И. Масалову¹⁵ [10, с. 52–53].

В общем, территория, которую могли «невозбранно» использовать башкиры этих волостей сократилась и, в результате, обостряются земельные споры между башкирами разных волостей, а также между башкирами и крестьянами русских слобод и мишарями. Земля к югу от речки Караболки находилась в споре между башкирами Салзаутской и Улу-Катайской волости, причем, по комментариям посторонних людей, сальюты были вытеснены катаяцами и спор на то время (1792) разбирался в Екатеринбургской верхней расправе [25, с. 72–74]. Хочу сразу оговориться, что документ, который опубликован в книге, касается других споров и тема Салзаутской и Улу-Катайской волости «всплыла» там попутно, поэтому никаких подробностей по этому поводу пока не известно.

В документе по Мишарской волости есть интересный момент — «да с ними (мишарями. — Г. С.) имеют споры с дачами: первый башкиры Бала-Катайской волости деревни Сары Ибрагимовой в количестве 7173 десятин 632 сажен и 2-й Салзаутской, Улы-катайской, Балдыкатайской и Сызрянской волостей 20105 десятин 1155 сажен»¹⁶. Получается, что если башкиры Бала-Катайской волости спорили о «своей» части земли только с мишарями, то все остальные одновременно претендовали на спорную с мишарями землю и находились в земельном споре и друг с другом также.

Напомню, что когда мишарям отводили территорию, то из башкирских волостей она граничила лишь с Бала-Катайской. Спустя время, пограничных и более того, претендующих на часть земли волостей оказалось пять. Даже если допустить, что мишари и бала-катай при отводе мишарям могли «забыть» про одного соседа, появление такого количества претендентов может свидетельствовать лишь о серьезных подвижках в границах волостей в междуречье Течи и Синары в течение второй половины XVIII века.

Сейчас мы немного сместимся и посмотрим, как развивалась ситуация в XVII–XVIII веках на соседней территории, которая сегодня входит в состав Сафакулевского и Альменевского районов Курганской области. Об этом уже рассказывалось в недавно вышедшей книге [22], но представляется логичным представить здесь сжатый вариант, освещающий собственно формирование системы волостей на указанной территории. С большой долей вероятности можно считать, что вся территория современных Сафакулевского и Альменевского районов в XVII веке относилась к Каратабынской и Баратабынской неразделенной волости («Каратабынская и Баратабынская неразделенная волость», это вполне официальное название и встречается оно во многих документах. Но часто эта территория обозначается просто как Каратабынская волость, очевидно, по «старшему» родовому объединению. Далее в тексте иногда будет также использоваться название «Каратабынская» в отношении всей волости (Г. С.). Граница этой волости, по документу 1692 года в Зауралье проходила следующим образом: *«на вершину реки Урака и до устья оной на речку Ай до устья горы Шунгуруя, потом уральскую Мулдыбыик по речке Миясу и горе Укне-Имякне и на озеро Идрязи; поворот от онога на речку Тикюс и по оной до брода Кармали, со онога по речке Сумляне и до брода Буракая лежащего через реку Миас, до устья реки Уя и до степи состоящей за рекою Тоболом, до озера Юбелея и от онога до вершины реки до Черного тока и до местечка Акиар-Гиргу, от коего поворот до Чюрика-Икая»* [11, с. 80]. Если перевести на современные названия ориентиров, то от реки Ай по реке Миасс до озера Аргазы, затем, очевидно, до реки Теча, по ней до брода в районе современного села Бродокалмак Челябинской области, оттуда до брода в районе впадения реки Чумляк (Сумляне) в реку Миасс и далее на устье реки Уй и за Тобол, из-за Тобола к верхнему течению Яика (р. Урал) — огромная территория.

На начало XVII века документы, где бы оговаривались границы Табынской волости, нам не известны, но есть общие указания, которые позволяют полагать, что особых изменений в течение века не произошло: *«...а кочевать де им царевичам Кучумовым и наезжать себя велели на Тоболе реке, на Арал Карагае, от Каратабынские от башкирские волости ездут пять днищ»* [13, с. 195]; *«А к Каратабынскую, господине, башкирскую дальнюю волость послал яз с Уфы...»* » [Там же]; *«А ехали де, господине, они уфинские татаровя от Каратабынские от башкирские волости до царевичевых Кучумовых кочевий 8 днищ, а от Уфинского города ехали они до Каратабынские волости 10 днищ»* » [Там же, с. 196]. Все цитированные документы относятся к самому началу XVII века.

В это время Каратабынская волость считалась «дальнею» волостью Уфимского уезда. В 1620-х годах в состав Уфимского уезда вошла зауральская Катайская волость, чьи земли лежали по правому берегу реки Исеть, по реке Теча и, возможно, граничили с севера с землями Каратабынской волости [13, с. 195; 14, с. 348–349]. К востоку от табынцев располагались «оброчные статьи», то есть промысловые угодья племени терсяк: *«...приехали з зверовья Терсяцкой волости ясаиной татарин Янгит Бангучатов да захребетный татарин Якишураз Бахтуразов и били челом государю, а сказали, что де им от колматцких людей теснота и обида великая, и отняли от них колматц-*

кие люди их оброчные речки Кадамьш, да Ердамьш, да Лабугу и иные их вотчинные речки и озера, на которых оне речках бобры добывали, и боры, на которых борах белку, и лисиц, и куницы, государев ясак, добывали» [13, с. 450]. «Кадамьш, Ердамьш, да Лабугу» — реки Куртамьш, Юргамьш и Алабуга. Обратим внимание, что описанные в документе территории не пересекаются с границами Табынской волости, околонуменными в тексте конца XVII в. Терсяки же жаловались на то, что калмыки (которые в XVII в. активно действовали в Южном Зауралье) вытесняют их с охотничьих угодий, где они били пушного зверя, шкурки которого шли на уплату ясака.

Каратабынцам относительно повезло, до 1730-х гг. их территорий практически не коснулось отчуждение земель под строительство слобод. Территория, отведенная Чумлятской слободе, располагалась вниз по реке Миасс от реки Чумляк. Земля Теченской-Белоярской слободы (с. Русская Теча), заложенной в 1782 году, также доходила на юге до границы Каратабынской волости, где и возникла деревня Калмацкий Брод (Бродокалмак). Слободы ставились на территории Катайской, Сынрянской, Терсятской волостей. В конце XVII в. волна русского расселения в Южном Зауралье остановилась, не дойдя до табынских земель.

Ситуация изменяется в 1730-х годах. В 1734 году начинается деятельность Оренбургской экспедиции. Она была образована стараниями обер-секретаря Сената И. К. Кирилова. Первоочередные задачи экспедиции — строительство города Оренбурга и пристани на Аральском море. Первый Оренбург (сегодня город Орск) планировался, да и был заложен при впадении реки Ор в реку Урал, отсюда и название — Оренбург, то есть «город на р. Ор»¹⁷. В данном случае мы не будем вдаваться в нюансы, но, по мнению многих историков, деятельность Оренбургской экспедиции вызвала башкирское восстание, поставившее под вопрос выполнение ее задач.

Весной 1735 г. в верховьях реки Урал ставится Верхояицкая пристань (крепость, сегодня город Верхнеуральск), через которую к строящемуся Оренбургу должны были доставлять продовольствие. Обозы с провиантом шли от Теченской слободы, через деревню Калмацкий Брод, а дальше — более 300 верст без единого русского населенного пункта. Обоз с продовольствием, вышедший из Теченской слободы в декабре 1735 г., не дойдя до Верхояицкой пристани, был блокирован башкирами. Несмотря на подход подкрепления — Тобольского драгунского полка, переломить ситуацию не удалось. После почти месячного противостояния обоз вернулся обратно. Гарнизон Верхояицкой пристани был уничтожен восставшими башкирами. Основную часть строителей и гарнизона Оренбурга полковник Чемодуров был вынужден отправить пешком в сторону Волги, к Сакмарскому городку. Из 770 человек дошло 220, из которых 80 обморозили руки или ноги, остальные погибли в пути [4, с. 5].

Руководству экспедиции становится ясно, что на первый план выходит не претворение в жизнь задач, связанных с Оренбургской экспедицией, а подавление восстания. Корректировка планов была неизбежна. Восстание быстро захватило обширные территории. Зауральская Башкирия (Сибирская дорога), население которой поначалу проявило себя вполне лояльно к российским властям, также оказалось вовлечено в противоборство. Общее руководство действиями по подавлению восстания принял на себя вновь назначенный казанский губернатор и начальник вновь созданной Комиссии башкирских дел генерал-лейтенант А. И. Румянцев. В свою очередь непосредственную организацию действий в восточной части театра событий Румянцев поручил В. Н. Татищеву, начальнику Главного правления Казанских и Сибирских горных заводов, располагавшегося в Екатеринбурге.

Анна Иоанновна 11 февраля 1736 года подписала указ, адресованный Кирилову и Румянцеву, в котором содержались следующие пункты: «19. О строении вновь городов для свободного к Оренбургу проезда караванов и обозов, и лучшего содержания Башкирской и Бухарской сторон в надлежащем подданстве: чинить вам по своему разсмотрению. 20. Для поселения при Оренбурге и в других городах легких войск: принять вам охотников из Яицких казаков до 500 человек, да из Сибирских ближних городов казачьих и Дворянских детей неверстанных, и не положенных в подушной оклад до 1000, и из Уфимских служилых Мещеряков и при поселении дать им на строение домов денежнаго жалованья, против Волжских казаков; а впредь для их содержания под селение и под пашню отвести им земель и прочих угодий, против того, как давано Уфимским дворянам и казакам, только оных Мещеряков во всех местах селить между Русскими...»¹⁸. На основании этого указа было решено строить линию крепостей от Теченской слободы до Верхояицкой пристани, для того, чтобы обеспечить безопасный подвоз продовольствия к Оренбургу.

Практически все первые крепости, построенные в 1736–1748 годах, были поставлены на землях Каратабынской и Баратабынской волости. В частности, по реке Миасс были основаны Челябинская и Миасская крепости. Но дело осложнялось тем, что к этим крепостям в 1741–1743 годах были отведены земли под пашни и покосы для поселенных в них казаков. Отводы были весьма существенными, участки земель Челябинской, Миасской, Еткульской и Чебаркульской крепостей смыкались между собой. Тем самым из табынских земель был вырезан огромный кусок. Всего на территории Каратабынской и Баратабынской нераздельной волости было поставлено более десятка крепостей и слобод: Челябинская, Миасская, Чебаркульская, Еткульская, Троицкая, Крутоярская, Уйская, Звериноголовская, Усть-Уйская, Верхояицкая, Уклы-Карагайская, Степная, Кичигинская, Еманжелинская крепости, Кундравинская, Верхне- и Нижнеувельская, Кочердыкская слободы. От гигантской волости к осталась «полоса» от верховьев Яика, далее по Миассу, Зюзелге и Тече до озера Тишки¹⁹, а еще отдельный участок — современные Сафакулевский и Альменевский районы Курганской области и большая часть Октябрьского района Челябинской области. Впоследствии этот участок тоже оказался «распределен» между различными группами тюркского населения и русскими крестьянами Куртамышской и Качердыкской слобод.

В 1742 году мишарям во главе со старшиной (полковником) Муслюмом Ашировым отвели землю по реке Теча, а также большой участок к северу от нее — граница проходила по озерам Чебачье, Уелги, Аликуль. С запада и севера отвод граничил с землями башкир Бала-Катайской волости, с юга — с землями Челябинской и Миасской крепостей, с востока — с территорией Теченской слободы (Русская Теча)²⁰. Всего должно было переселиться 100 дворов служилых мишарей²¹. Возникло три больших деревни: Муслюмова (очевидно, по имени Муслюма Аширова, старшины служилых мишарей), Кунышакова и Курманова. Несколько позже дети этих мишарей переселятся еще раз (но далеко не все) и составят еще одну Мещерятскую, или Карасевскую волость, в составе Челябинского уезда. Но об этом чуть позже. Кроме деревень по Тече и на Кунашаке, в то время служилые мещеряки жили в деревнях Тюбук и Карабулак и в Усть-Багарятских юртах, где помимо них жили татары, к тому времени уже имевшие статус служилых. По П. И. Рычкову, к началу 1760-х годов в Исетской провинции было 219 мишарских дворов и в них 1683 человека («включая служилых татар», — пишет П. И. Рычков, что практически невозможно, как станет ясно из дальнейшего текста) [20, с. 73].

Уже история с отводом территории служилым мишарям показала, что власти довольно легко относились к вопросу передела земли, точнее, не дрогнувшей ру-

кой отмежевывали требуемые куски. Очевидно, восприятие земель в окрестностях крепостей как вотчинных, башкирских у местного руководства начало стираться. А в 1740-х годах, после того как были поставлены крепости Уйской линии (Троицкая, Каракульская, Крутоярская, Усть-Уйская) и к ним также нарезана земля, вся территория, оставшаяся вне этих отводов стала восприниматься как пустая — «порозжая». Собственно в этот период и начинается формирование состава населения Сафакулевского и Альменевского районов в том виде, в каком мы его знаем. Начнем с переселения двух групп, которые в будущем составили основу Сарт-Калмацкой волости.

В мае 1746 года в район озера Каясан был направлен секретарь Исетской провинциальной канцелярии Михайло Черемисинов. Его задачей было осмотреть и описать земли в районе озера, в присутствии понятых от Миасской и Еткульской крепостей, чтобы выяснить, не отданы ли они кому-нибудь в отвод²². Если же земли оказывались «порозжими», то их следовало отвести калмыку Бурану Ягоракову. Очевидно, земли были сочтены пустыми и отведены калмыкам, поскольку в 1748 году Буран Ягораков жаловался на то, что межевой знак на границе земель аюкинских калмык и Миасской крепости испорчен *«Катайской волости ведомства старшины Ямантая башкирцом Штаном Кусяковым, которой жительство имеет в Мияском отводе»*²³. В том же 1748 году геодезист Михей Мингалев писал в Миасскую крепость: *«велено мне отвести ис порозжей земли вниз по правую сторону Чюмляку речки, аюкинским калмыкам Бурану Югоракову, и сартам ясаулу Султану Ахметеву с товарищи... Того ради Мияская приказная изба да благоволит по вышеписанному Ея Императорского Величества указу учинить и прислать ко мне из лутчих людей пять человек в немедленном времени на Чюмляк речку в калмыцкую деревню Буранову»*²⁴.

Информации очень мало, но можно предположить, что аюкинским калмыкам и сартам отвели другой участок земли — правый берег реки Чумляк, это берег противоположный от озера Каясан. То есть сначала калмыкам отвели участок между озером Каясан и рекой Чумляк, а затем переселили на другой берег Чумляка, причем теперь земля была отведена им совместно со «служилыми сартами». А ту территорию, которую поначалу отвели калмыкам, отдали мишарям. Это только предположение, но оно имеет некоторые подтверждения. Именно на участке между Каясаном и Чумляком (точнее, между Течей и Чумляком) позже появятся мишарские деревни и именно эта территория станет называться «Мещерятской», а позже Карасевской волостью Челябинского уезда. В наказе в Уложенную комиссию, составленном весной 1767 года мишари писали: *«...землями довольствоваться велено по речкам Тече и Чульмяке (Чумляку. — Г. С.), по которым грани (межевые знаки, границы. — Г. С.) учинены»* [9, с. 258]. А в XX веке старики будут рассказывать о том, что «Есть река Чумляк — на одном берегу татарские, на другом башкирские авылы» [27, с. 227–228].

Но вернемся к основной линии рассказа. Кто же такие аюкинские калмыки и служилые сарты?

Аюкинских калмык описал в конце XVIII века И. Г. Георги: *«В Уфимском наместничестве, в Челябинской округе, на восточной стороне Уральских гор, населены три деревни Калмыками Мугамедданскаго Закона, ис коих каждая имеет из них же старшину. Обращены же они в Мугамедданскую веру Киргизами (казахами, которых тогда называли «киргизкайсаками», или «киргизами». — Г. С.), когда были от сих уведены (то есть «уведены ими» (казахами. — Г. С.) из числа Волгских Калмык... Число семей их простирается теперь до ста. Они живут между Башкирцами в особой волости (аймак); жизнь введут единообраз-*

ную с ними, имеют зимовники, а летом, с стадами своими, кочуют в войлошных юртах, на разных местах» [3, с. 23]. Само их название — «аюкинские калмыки», говорит о том, что они, скорее потомки калмыков, взятых в плен казахами еще в конце XVII — начале XVIII в., когда волжскими калмыками правил хан Аюка. У П. И. Рычкова читаем: «*Вся оная Калмыцкая орда при Аюке-Хане называлась Аюкинские, ныне же просто именуется Волжские Калмыки*» [20, с. 90]. Писал он это практически в те же годы, о которых идет речь — в 1750-е годы. Название «Аюкинские калмыки» показывало, что люди относятся именно к волжским калмыкам (а не к джунгарам, к примеру). А то, что к моменту выхода из казахского плена к российским границам они были уже отюркочязычены и приняли ислам («мугаммедданский закон» у Георги — мусульманская вера), объясняется тем, что они были потомками угнанных в плен, либо сами были угнаны еще, будучи детьми. То есть с детства, находясь среди казахов, они приняли ислам и усвоили казахский (тюркский) язык, но это не сделало их казахами.

Очевидно, слишком велика была неприязнь последних к калмыкам, да и само положение невольников постоянно напоминало калмыкам о том, кто они. Уйдя от казахов и выйдя из степи на российскую территорию (вряд ли они ушли все разом — скорее порознь и в разное время), они, очевидно, создали компактную группу. Возможно, они жили в какой-то башкирской волости на правах припущенников (арендаторов). А в 1740-х годах обратились к властям с просьбой выделить им земли, на которых они могли бы жить и вести хозяйство. В 1750-х годах их было 32 двора [Там же], то есть около 200 человек, если считать по шесть человек на двор. Число этих калмыков в Челябинской округе в 1782 году составляло 362 «души», то есть человека мужского пола [7, с. 271]. Р. Г. Кузеев считает, что это число сильно преуменьшено, «поскольку даже раньше, в середине XVIII века, многие зауральские калмыки учитывались в составе башкир» [Там же, с. 271]. Однако он не указывает, на основании чего он сделал такой вывод. Мы же можем лишь констатировать, что те калмыки, которые поселились на землях по Чумляку, очевидно и были учтены в 1782 г. и, скорее всего, данные, приведенные Р. Г. Кузеевым корректны, поскольку в 1797 г. численность аюкинских составляла 415 душ мужского пола [5, с. 289].

Р. Г. Кузеев пишет: «*Башкиры-калмаки считают своим предком Буранягорак, который по преданию, пришел сюда с Иртыша. Родовые подразделения буран, буранягорак, зафиксированные в составе башкирских калмыков, генеалогически связывают их с Буранягораком. В преданиях, как совершенно очевидно, идет речь о калмыках, появившихся в Западной Сибири в начале XVII века. Среди зауральских башкир можно услышать рассказ, что калмыки еще при жизни их дедов были шаманистами, за что их называли «кяфер-калмак» (кяфер — неверный). После принятия ислама их стали именовать сарт-калмаками*» [7, с. 245].

В действительности еще в первой половине XIX века они именуется в документах «аюкинскими калмыками». Объединение слов «сарт» и «калмак» в выражении Сарт-калмацкая волость происходит в середине XVIII века, но название (этноним) сарт-калмак, применительно к группе населения, здесь появился не раньше середины XIX века. Часть процитированного фрагмента текста Р. Г. Кузеева, касающегося «Буранягорак», написана на основании устных преданий потомков тех самых аюкинских калмыков и здесь хорошо видно, как происходит смещение — удревнение событий. «Буранягорак» из преданий башкир рода калмак, это Буран Ягорак — старшина аюкинских калмык, под чьим началом они поселились на землях возле реки Чумляк. Только произошло это в середине XVIII века, а не в XVII веке, как предполагал Р. Г. Кузеев, то есть предок жил в относительно недавнее время.

Эта деталь очень хорошо показывает, почему нельзя опираться на устные предания при реконструкции истории — память людей прихотлива и искажает очень многое. Это касается любых преданий — русских, татарских, башкирских. Про Бурана Ягоракова можно добавить, что в 1736 г. он, видимо, уже жил в Южном Зауралье. Летом 1736 г. «Калмык Буран сказывал полковнику Тевкелеву» о намерениях Юсупа (одного из руководителей башкирского восстания) и пр.²⁵

С сартами тоже отдельная история. Вообще словом «сарт» зачастую обозначали выходцев из Средней Азии, как собственно и ее жителей, причем земледельцев. Но Р. Г. Кузеев показал, что само слово «сарт» является также обозначением племени, достаточно древнего по происхождению. Этот этноним встречается, помимо башкир, у киргизов и туркмен [7, с. 200–201]. Относительно интересующих нас сартов, он написал, что «Небольшие группы сарт-айлинцев кочевали в приозерных степях между Тоболом, Миассом и рекой Уй уже в XVI в. Однако, большинство зауральских сарт-айлинцев переселилось туда лишь в XVIII в.» [Там же. С. 208]. Не совсем понятно, на что опирался Р. Г. Кузеев в своих выводах, вероятно, на устные предания. Насколько можно судить по документам, сарты поселились в этих «приозерных степях» именно в середине XVIII века и было их совсем немного. До того как в 1748 г. поселиться на правом берегу реки Чумляк они жили в деревне Ахметевой (и возможно не в ней одной). В 1736 году отряд капитана А. Житкова ограбил жителей деревни «башкирцев служилах сартов» Ахметевой. В документах фигурируют имена Ахмета Алметева, его сына Салтана (Султана, соответственно Ахметева) и служилого сарта Утягана Елимбетева²⁶. А как было сказано выше, старшиной служилых сарт при переселении на реку Чумляк был Султан Ахметев, а в 1811 году походным старшиной сартов был Абил Утяганов (сын Утягана), о чем ниже. Деревня Ахметева располагалась на озере Малый Аллак²⁷, в Мякотинской башкирской волости (сегодня оз. Малые Аллаки Каслинского района Челябинской области). Переселиться на новое место — на реку Чумляк — им пришлось, возможно, после того как башкиры Мякотинской волости продали в 1747 году земли под строительство Каслинского завода купцу Я. Коробкову²⁸. Хотя конкретно территория, включающая озера Аллаки, прописана лишь в купчей от ноября 1753 года, по которой часть земель Мякотинской волости отошла в собственность Н. Н. Демидова²⁹. В общем, точная причина не известна, но в 1748 году служилые сарты покинули деревню Ахметеву и перебрались к речке Чумляк. Когда и, откуда они переселились на прежнее место, к озеру Малые Аллаки неизвестно. В 1750-х годах на землях возле Чумляка насчитывался 31 двор сартов [20, с. 370].

При продаже земли купцу Я. Коробкову под строительство Каслинского завода от Мякотинской волости присутствовал, помимо прочих, «служилый сарт Антраш (Абдраш, Абдрашит) Акметев (Ахметев)³⁰. То, что он, скорее всего, сын того самого Ахмета Алметева из деревни Ахметевой, подтверждается полной тождественностью тамги, которую он поставил под купчей крепостью, с тамгами, которые использовали Ахмет Алметев и Султан Ахметев в 1736 году³¹. А в одном из документов 1783 года обнаруживаем запись: «Служилых сарт есаулов — Ямангула Султанова и Абдряша Ахметева»³². Это еще одно подтверждение того, что в конце 1740-х годов переселились на реку Чумляк служилые сарты, которые до этого жили в деревне Ахметевой в Мякотинской башкирской волости.

Ахмет Алметев, упоминавшийся выше, пользовался большим уважением начальника Сибирских и Казанских горных заводов В. Н. Татищева. В одном из писем, (адресат не указан) Татищев довольно много места уделил его персоне, в част-

ности: «Вашему сиятельству в пополнение сим всепокорнейшее доношу, что по заключении доношения посыланной мною в Башкирь, к Ахмет сарту, возвратился и что показал оное кратко в экстракте внесено, токмо об нем Ахмете не отписано. Он есть в Сибирской дороге почитай знатнейший... ныне он весьма ревностно к удержанию от бунта поступает... Ныне они намерены сюда быть сами для показания верности»³³. Письмо это было написано в августе 1735 года. Интересна оценка, данная Василием Никитичем Ахмету Алметеву — «знатнейший», это слово зачастую означало не благородство происхождения (дворянство), а степень влияния на окружающих. Возможно, Татищев и преувеличивал значимость персоны Ахмета Алметева, но то, что сарт был фигурой не из последних, среди тюркского населения Зауралья, можно говорить довольно уверенно. «Бунт», от которого удерживал «Ахмет-сарт» башкир Сибирской дороги, это башкирское восстание 1735–1740 годов, о котором говорилось выше.

В 1783 году и аюкинских калмыков и служилых сартов числилось по 32 двора³⁴ — практически столько же, сколько в 1761 году [Там же]. Скорее всего, это связано с Пугачевским восстанием, в ходе которого погибло много людей. Поэтому и деревни калмыков и сартов практически не выросли...

В 1750-е гг. башкиры Катайской волости продали свою землю по рекам Уфе и Уфалейке (Уфалею) И. Масалову для строительства Уфалейского завода³⁵. После этого у них в горной зоне остается мало земли для ведения хозяйства, в первую очередь для скотоводства. Надо учесть, что значительные участки Катайской волости были проданы еще до этого Демидовым и П. Осокину для нужд Кыштымского и Нязепетровского заводов³⁶. Оставшаяся территория Улу-Катайской и Бала-Катайской волостей в горной зоне и по реке Тече была не велика и не могла прокормить всех катайцев. В 1763 и 1765 годах в Оренбургскую губернскую канцелярию с челобитными обратились башкиры племени катай «сотник, брат ево Казаккула (Казанбаева. — Г. С.) Терегул Казанбаев да Чюкан Шадаев челобитными просили дозволения о переходе и о поселении всего четырьмя стами шестьюдесять шестью дворами на приисканную ими оставшую от поселения в линейных крепостях отставных, около озер Турналы, Асылы, Тибиз, Башкамай, Инатбану и по протчим урочищам порозжую землю»³⁷. Губернские власти отвели им просимые земли.

Табынцы, узнав об этом, обратились, в свою очередь, в губернскую канцелярию. При проверке выяснилось, «отведенная Катайской волости башкирцам земля оказалась принадлежащая каратабынцам и баратабынцам»³⁸. Табынцы заявили, что поскольку катаяцам земля отведена указом, то они с этим уже не спорят. Но часть их земель «между крепостью Каракульской и аюкинских калмык служилых сарт... с принадлежащими к ней озерами Чюбаратом, Алкезюгурганом, Тербяскулом и Сыркашлаганом да и протчими мелкими озерами и угожьями»³⁹ все еще оставалась «не розданной». Табынцы просили закрепить за ними документально право на бесспорное владение этой территорией. Губернское правление постановило оставшуюся землю закрепить за табынцами, поскольку те «уделением ис той их вотчиной земли во первых ичкинским татарам, а затем катаяцам и протчим людям итак несколько обиду чувствуют»⁴⁰.

Следовательно, земли катаяцам и еще ранее ичкинским татарам (современный Альменевский район Курганской области) были отведены из владений башкир Каратабынской и Баратабынской волости. На землях этой же (Каратабынской) волости была поставлена Миасская крепость⁴¹. Территория, которую отвели аюкинским калмыкам и служилым сартам, и, позже, «служилым мешчерякам», находится между Миасской крепостью и катаяцами с ичкинцами и тоже относилась к Каратабынской и Баратабынской волости, просто табынцы не стали «спорить» с губернскими

властями (как и в случае с катаяцами). Замечу еще, что эти территории входят в границы Табынской волости конца XVII в., о которых говорилось выше. Катайцы же в 1786 году на вопрос о том, есть ли у них «жалованные земли», то есть принадлежащие им издавна, ответили, «*что они имеют Пермского наместничества Екатеринбургской округи в Уральских горах (землю), на коей из платежа им оброку состоят два завода Уфалейский и Ураимский*»⁴².

Таким образом, катаяцы признавали, что их старая «жалованная» земля лежит в Уральских горах, а на территорию, которая позже стала называться «Ялан-Катайской волостью» они пришли после продажи своих вотчинных угодий под заводы. В фонде Кыштымских заводов архива Челябинской области есть дело, которое называется «Реестр башкирцев-вотчинников Катайской (ныне Улукатайской и Балдыкатайской) волости, согласных на отдачу в аренду башкирских земель и размер полученных ими за указанное время арендных плат»⁴³. В числе башкирских старшин, получавших плату за аренду земель, в разные годы (с 1776 по 1783 г.) указаны: Терегул Казанкулов, Казанкул Казынбаев и Сулейман Кармушаков (Кармышаков)⁴⁴.

Еще одна группа населения — ичкинские татары. Первоначальная область их расселения в Южном Зауралье — на реке Ичкин, притоке реки Исеть. Отсюда, собственно и название «ичкинские». Хотя деревни татар, которых называли «ичкинскими» располагались в разных местах по Исети, в частности Терсютские юрты в конце XVII века также были населены татарами (возможно, смежно с башкирами). В середине XVIII века часть из них переселяется на озеро Альменкуль (Могильное) и прилегающие территории. Земли эти, как уже говорилось выше, изначально относились к нераздельной Каратабынской и Баратабынской волости. Территория этой группы ичкинских татар показана на карте конца XVIII в.⁴⁵ Об их истории, как и об истории других групп, о которых говорилось выше, известно очень мало. В опубликованном в «Истории Курганской области» пересказе рукописи, составленной в конце XIX в. жителем Альменево Рамазаном Таиповым, в конце XIX — начале XX века, формирование ичкинских татар изрядно мифологизировано [1, с. 287–289].

Из источников, близких по времени к описываемым событиям, мы имеем записки академика П. С. Палласа, который проехал по нескольким маршрутам в Южном Зауралье в 1770–1771 годах и записал информацию о происхождении ичкинских татар в двух деревнях — Альменкуль (Могильной), располагавшейся южнее реки Миасс (современный Альменевский район Курганской области) и Ичкиной, стоявшей на реке Ичкин у реки Исети. В 1770 г., проезжая по Исети он записал: «*Напротиву того дорога предлежала мне по левой стороне Исети по степи чрез село Масленское, деревню Ичкину над ручьем такого же имени, от коего наречены и прочия деревушки оселенныя Татарами, происходящими из поколения Казанских и здесь во первых поселившихся в развалившийся Мехонский острог*» [15, с. 471]. Если перевести на современный язык, то получается, что первоначально татары поселились в Мехонском остроге. Это вполне возможная ситуация — Мехонский острог был основан в 1658–1659 годах, то есть в самом начале русского расселения на Исети. В первые остроги по Исети неохотно шли крестьяне из русских слобод Зауралья, поэтому значительную часть их первоначального населения составляли татары и чуваша [21, с. 30–35]. После того, как Мехонский острог прекратил свое существование как оборонительная единица, татары расселились на землях по реке Исеть.

В 1771 году П.-С. Паллас проехал через Альменкуль: «*Деревня Могильная, или по-татарски Елмен-Куль... В оной деревне находится до 20 татарских дворов. Сии татара*

суть роду Ичкинских казаков, которые лет за сто, или как старики меж ними говорят, во время юношества Петра Великого, пришед из Казанской провинции, поселились в малом числе на реке Ичкане, впадающей в реку Исеть, теперь же число их столь умножилось, что составляют почти 200 семей, которые живут рассеявшись по реке Тече и Миясу. Они так же как и мещеряки в нужном случае исправляют военную службу, и сего ради свободны ото всех податей и рекрутского набора, сеют гречуху, коея семена привезли с собой с Исети» [16, с. 30–31]. Характерно, что описывая эту группу ичкинских татар, Паллас практически смешивает их с мишарями — именно они жили в ту пору по Тече. Сложно сказать, почему так произошло, возможно, просто сказался схожий статус — «служилые люди», поскольку и мишари и ичкинские татары относились к служилому сословию.

Таким образом, в XVII веке на реке Исеть формируется группа татар, часть которых поначалу служила в Мехонском остроге. Впоследствии они переселяются на приток Исети, речку Ички (Ичкин), по которой получили название «Ичкинские». Скорее всего, эта группа сформировалась не в «один присест», а пополнялась новыми группами переселенцев. Возможно, часть из них также были мишари, на это указывает «цоканье», то есть замена «ч» на «ц» в названиях: «Ицке» вместо Ичке, Уцкуль вместо Учкуль [1, с. 287–288]. Об этом же говорит и содержание некоторых документов, когда речь идет о конкретных жителях ичкинских юрт, то их часто называли «служилыми мещеряками»: «ичкинских юрт старшины Алхана Ильясова деревни Алменевой мещеряк Рахмангул», «ичкинских юрт мещеряк Рахимкул Кулметев» (1790)⁴⁶, «деревни Могильной у служилых мещеряков»⁴⁷. То есть группа в целом называлась «ичкинские татары», но в ее состав входили как татары, так и мишари.

Примерно в 1760-х годах (может немного раньше) часть татар с Исети переселилась на земли в окрестностях озера Альменкуль и не просто переселились, а получили эти земли в вотчинное владение. Была образована деревня Альменкуль. Возможно, во время Пугачевского восстания 1773–1774 годов деревня была разорена и вновь начала заселяться уже в конце 1770-х — начале 1780-х годов. В 1783 году в одном из документов указано: «Переселившихся из Ичкинских юрт (то есть с Исети. — Г. С.) в деревню Могильную татар у сотника Исмаила Уразметева 30 дворов»⁴⁸. Никаких других групп, или деревень ичкинских татар не упоминается. Если бы имелись населенные пункты помимо Альменкуля (Могильной), то вряд ли они были бы упущены в этих документах — списках людей для отправки на линейную (пограничную) службу и переписке по поводу составления этих списков. Точнее, если бы имелись другие деревни, то писали бы просто «ичкинских татар», без указания единственной деревни и упоминания того, что они переселились из Ичкинских юрт... Но процесс переселения шел, видимо очень активно. В одном из документов 1786 года перечислены уже три деревни ичкинских татар в Челябинском уезде: «Могильная, Резяпова и Цаликульская»⁴⁹.

Сравнивая число дворов ичкинских татар в 1783 гду и количество душ мужского пола по ревизии 1795–1796 годах, мы видим резкий прирост: 30 дворов, или примерно 100–120 душ мужского пола и сразу 415 душ мужского пола. Такой быстрый рост населения был возможен только за счет переселения с Исети. А переселение было связано, очевидно, с тем, что многие ичкинские татары не хотели оставаться в ведении Шадринского уезда и переселялись в «Челябинскую округу». В 1781 году Исетская провинция прекратила свое существование, были образованы Челябинский уезд и Далматовский (позже Шадринский) уезд. Шадринский уезд переходил в состав Пермской губернии (наместничества), а Челябинский, в конце концов, ос-

тался в составе Уфимского наместничества, то есть бывшей Оренбургской губернии. Многие из служилых татар и мишарей не захотели оставаться в Шадринском ведомстве и переселялись в Челябинский уезд. Хотя возможно, все было проще — земли по Исети, где находились деревни Ичкино и другие, принадлежали башкирам⁵⁰, а татары жили там на правах припущенников. В конце XVIII века они просто переселились на «пожалованные» земли, то есть на земли официально отданные им.

По ситуации на 1761 год П. И. Рычков писал: «*Да в той же провинции (Исетской. — Г. С.) имеется служилых Мещеряков 166, Сарт 31, Калмык Аюкинских 32, итого 229 дворов. Ичкинских татар по переписи 419, да Багаряцких 196, итого 615 душ. Из них Ичкинские и Багаряцкие Татары состояли в полтинном ясаке, но ныне так, как и все башкирцы из ясака выключены*» [20, с. 370]. Эти данные (166 дворов мещеряков и пр.) взяты П. И. Рычковым из ответов на анкету Академии наук, составленных в Исетской провинциальной канцелярии в 1761 году⁵¹, поэтому можно считать эту информацию достоверной.

Перейдем к формированию Мещерятской, или Карасевской волости. Она сформировалась позже описанных выше волостей и для этого были свои причины. Хотя земля по Чумляку (точнее, по левому берегу р. Чумляк) и входила в состав земель, отведенных мишарям, но до ликвидации Исетской провинции, то есть до 1781 года они осваивали в основном территории по Тече, у озер Кунашак и Тышки (Тишки). Ситуация изменилась, когда территории севернее Течи отошли к Пермскому наместничеству (1781), а Челябинск оказался в Уфимском наместничестве (1782). В 1782 г. прекращает свое существование в прежнем виде и Оренбургская губерния, — в губернии вводится наместническая форма правления (Уфимское наместничество). Напомню, что недолгое время, до 1782 года, вновь созданный Челябинский уезд также был причислен к Пермскому наместничеству, и лишь затем передан в Уфимское наместничество.

В 1782 и в 1783 годах мишарям, жившим в деревнях Муслумовой, Кунашаковой и Курмановой были выданы два «билета» — документы на переселение из Далматовской округи, в которой эти деревни оказались, в Челябинский уезд. Один билет был на семьдесят дворов, второй на тридцать, всего должно было переселиться сто дворов. Поселиться они должны были на «вновь пожалованной земле»⁵², очевидно, земля, отведенная после указа 1742 года, считалась вновь пожалованной. В 1784 году пятьдесят шесть дворов из ста в «*оставшие в здешней Челябинской округе мещерятския деревни Мансурову, Карасеву, Аджитарову и состоящую при озере Тишки Чибину (Субину. — Г. С.) переселились*»⁵³. То есть перечисленные деревни уже существовали, просто при разделении территории между уездами, они остались в Челябинском уезде. Точнее, Аджитарова и Мансурова существовали и до этого, а вот деревня на озере Карасу (Карасева) в 1783 году указана как «вновь поселенная»⁵⁴. Прочие мишарские деревни (Какчерлино, Сафакулево, Сюлюклино) видимо возникли несколько позже. И переселялись туда как те сорок четыре семьи мишарей, которые оставались в старых деревнях Муслумово, Кунашак и Курманово, так и другие семьи, которые к тому времени уже перебрались было поближе к Верхнеуральску, но решили вернуться в привычные края.

Волостное деление в интересующей нас части Исетской провинции, позже Челябинского уезда, далеко не сразу сложилось в том виде, в каком мы видим его в середине XIX века. Первоначально основой волостей являлся племенной, или родовой признак. Так, в документе 1783 г. говорится: «*волостным старшинам: могилских юрт сотнику Уразымбетеву и аюкинских калмык к сотнику Мурзабаю Кашкину*»⁵⁵. Такое

вот существовало противоречие: с одной стороны, существовала единая административно и территориально оконтуренная Сарт-Калмацкая волость, с другой стороны — территория, на которой жили аюкинские калмыки, называлась Калмацкой волостью, а та, где жили сарты, соответственно называлась Сартской волостью. Стирание «границ» внутри волости происходит уже в XIX веке. Соответственно, были еще Мещерятская волость, Могильская волость (ичкинских татар) и Катайская волость. Катайская волость в документах конца XVIII века иногда называется «Улу-Катайской», то есть «Старо-Катайской»⁵⁶. Название «Ялан-Катай», или «Степные катайцы» возникло, очевидно, гораздо позже. В отличие от вышеперечисленных волостей у башкир Катайской волости в 1780-х годах было две команды: старшины Сулеймана Кармышакова и старшины Терегула Казанбаева (Казакбаева) — собственно, ему обязано первым названием (Терегулово) нынешнее село Танрыкулово.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в Сарт-Калмацкой и Катайской волостях (особенно в последней) было много деревень, в которых жили каратабынцы и айлинцы. То, что на территории этих волостей находились деревни табынцев, в общем понятно. Это изначально была их земля. Но вот то, что деревень айлинцев было, пожалуй, больше, чем табынских или катайских, требует объяснения. Отдельные группы айлинцев жили на территории Каратабынской и Баратабынской неразделенной волости, видимо, еще с конца XVII века, если не с более давних времен. В документе 1753 года говорится: «...ездил де он для размежевания башкирских земель в Баратабынскую и Каратабынскую волости у которых де одна вотчина старшин Таймаса тархана Шаимова, Арыка Исенбаева, Курманая Кулеева и с ними дв(о)е Айлинской волости команд, старшин — Кортбая Ишбаева, Бангазы Козямышева в той волости живущие по припуску... а что же де, в той вашей вотчине имеются вышеписанные изстари припущенные прапрадедами и дедами двух айлинских волостей башкирцы команды старшины Кортбая Ишбаева, Бангазы Козямышева, по договорным данным им угодьям, от прадедов и дедов ваших владеть яко то селением, санными покосами, пахотной землей, почему и ныне вы, Таймас с товарищ, им, айлинцам, жить в той вашей волости во обществе по тем договорам дозволяете»⁵⁷.

Несколько позже число айлинцев в Каратабынской и Баратабынской волости еще увеличилось, и вотчинники попытались отправить домой хотя бы часть из них. На что айлинцы команд старшин Кужи Левашева и Адилши Муртазина в 1793 году сообщили в земский суд: «...Айлинской волости башкирцы на принадлежащую как им Каратабынской так и Барынтабынской волости башкирцам вотчинную землю никогда самовольно не заселялись... а живут един-ственно с самых давних лет от прапрадедов по любовному между собой соглашению и припуску...»; «...на собственной нашей земле, пожалованной ото великих государей прапрадедам, дедам и отцам нашим, которая простирается от Уральских гор до реки Аю... ис которой прадедами и дедами нашими продано под бывшей во владении завотчика Масалова, а ныне Лугининых Златоустовской и вновь строящийся Кусинский заводы немалая часть. За тем же оставшею владеют той же Айлинской волости старшина Абдулкарим Кулбаков с подкомандующими, но и то состоит большею частию в одних Уральских горах, каменистых и болотистых местах, к поселению, хлебопашеству и скотоводству неудобное...»⁵⁸. Так что, к тому времени, когда катайцы пришли на эту территорию, айлинцы, скорее всего, уже были там. Вполне возможно, что к концу XVIII века айлинцы были самой большой по численности родовой группой башкир в Челябинском уезде. Очень сложно говорить о характере взаимоотношений башкир разных родов относительно прав на землю в то время. Айлинцы жили на земле Каратабынской и Баратабынской волости как припущенники. Затем часть территории этой волости отдают сартам и калмыкам, еще

часть — катаяцам. Считались ли айлинцы, жившие на территории вновь возникших волостей, припущенниками? А каратабынцы и баратабынцы, которые вообще были изначальными вотчинниками этих земель — считались ли они припущенниками сартов и катаяцев? Несомненно, какие-то группы населения приходят в эти волости позже, после отвода земель сартам, калмыкам и катаяцам. В целом, это вопрос довольно сложный и требует дополнительных исследований.

Еще одна яркая деталь — в Мещерятской, Ичкинской (Могильской) волостях и в той части Сарт-Калмацкой волости, которая была заселена калмыками, «посторонних» башкирских деревень не было. И если для Мещерятской и, возможно, Ичкинской волостей это еще объяснимо, так как у мишарей земля считалась казенной и там башкирская система распределения территорий не работала, то с калмыками видимо были другие причины. Возможно, они плотно использовали свою территорию под пастбища и покосы, и не соглашались на «подселение» чужих групп на своей земле.

В завершение хотелось бы подвести итог всему изложенному выше. Выводы напрашиваются довольно разноплановые и касающиеся не только собственно истории расселения тюрков в Южном Зауралье, но и методики исследования этих процессов. Представленный материал довольно фрагментарен, особенно в первой части, но четко показывает — **использовать устные предания при реконструкции исторических процессов можно как вспомогательные источники**. Воспринимать их как «полноценный» источник, равный письменному — огромная ошибка.

В части, касающейся Сарт-Калмацкой волости, пусть и скупо, я постарался показать в тексте, как расходятся реконструкции, сделанные на основе устных преданий и документальные свидетельства даже для относительно недавних периодов. А если вспомнить о первой части статьи, то можно привести цитату из Р. Г. Кузеева: «Уход катаяцев и салыутов с Чусовой, с верховьев Исети и вообще с северных земель находится в тесной связи с двумя крупными событиями: с одной стороны, с активизацией русской политики по освоению Пермского края и Сибири... с другой — с ослаблением и падением Сибирского ханства. <...> Массовый уход башкир с северных земель относился, однако, ко второй половине и даже к концу XVI в. <...> Первыми откочевали на юг салыуты. Они поселились к югу от Исети, локализуясь в бассейнах рек Синара и Теча. Катаяцы вновь разделились. Основная их часть сдвинулась на юг, <...>».

Другая часть катаяцев вслед за салыутами направилась в Зауралье; там они в основном заселили междуречье Синары и Течи в их верхних течениях» [7, с. 238]. Изложенный в первой части статьи материал очень отличается от картины, восстановленной Равилем Гумеровичем на основании полевых материалов. Исследователь смотрел на историю глазами потомков тех самых салыутов, что не могло не сказаться на результатах.

Несомненно, что история изменения мест проживания группами населения в Южном Зауралье многопланова и требует тщательного изучения. Процессы, происходившие в течение XVII–XVIII веков вполне возможно реконструировать, но необходим кропотливый поиск архивных материалов, особенно для раннего периода. Нужна большая детализация, поскольку на больших обобщенных «полотнах» сложно понять в каких случаях описания в различных документах разных территорий, относящихся к одной волости, являются отображением «дробности» земель волости, а в каких фиксируют передвижение племени. В целом, как и во многих других случаях, вопрос «упирается» в слабую изученность истории региона. Особенно в отно-

шении истории расселения нерусского населения. Многие данные, приведенные в статье, требуют уточнения. К примеру, локализация территории салют в между-речье Синары и Течи во второй половине XVIII века. Надо расширять географию и реконструировать изменения расселения других башкирских племен: терсяк, би-катин, катый (в целом) и т.д. Мы находимся лишь в начале пути...

Примечания

- ¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092. Л. 81.
- ² Там же. Д. 1092а. Л. 287–290 об.
- ³ Там же. Л. 81.
- ⁴ Там же. Л. 53–60.
- ⁵ Там же. Л. 261.
- ⁶ Там же. Л. 82.
- ⁷ ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 106. Л. 17–20.
- ⁸ ГАПК. Ф. 278. Оп. 1. Д. 496. Л. 53.
- ⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 266–270.
- ¹⁰ Там же. Ф. 59. Оп. 3. Д. 2239.
- ¹¹ ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 1. Л. 44, 52, 56.
- ¹² ГАСО. Ф. 59. Оп. 3. Д. 2237 (карта).
- ¹³ ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 7. Л. 140 об. – 141 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 199.
- ¹⁵ Там же. Д. 8. Л. 2–5; Там же. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–2 об., 10.
- ¹⁶ ГАПК. Ф. 278. Оп. 1. Д. 496. Л. 53.
- ¹⁷ ПСЗ I. Т. IX. № 6571. С. 312, 323.
- ¹⁸ Там же. № 6890. С. 744–745.
- ¹⁹ ГАСО. Ф. 59. Оп. 3. Д. 2236.
- ²⁰ ОГАЧО. Ф. И-115, Оп. 1. Д. 106. Л. 17–20.
- ²¹ Там же. Л. 15.
- ²² Там же. Ф. И-63. Оп. 1. Д. 1. Л. 598.
- ²³ Там же. Л. 818.
- ²⁴ Там же. Л. 854.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1532. Л. 334–335; ОГАЧО. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 98. Л. 30.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 626а. Л. 523–525, 529–529 об.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 271. Оп. 3. Д. 130.
- ²⁸ ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 7. Л. 92.
- ²⁹ Там же. Д. 6. Л. 2–2 об., 108–108 об.
- ³⁰ Там же. Д. 7. Л. 92.
- ³¹ Там же. Л. 92 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 626 а. Л. 529 об.
- ³² Там же. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 80. Л. 8 об.
- ³³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 139.
- ³⁴ ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 80. Л. 8 об.
- ³⁵ Там же. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 6. Л. 180; Д. 8. Л. 2.
- ³⁶ Там же. Д. 8. Л. 2–2 об.
- ³⁷ Там же. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 114. Л. 3.
- ³⁸ Там же. Д. 42. Л. 8.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Л. 8 об.
- ⁴¹ Там же. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 164. Л. 1.
- ⁴² Там же. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 114. Л. 1.
- ⁴³ Там же. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 51. Л. 1.
- ⁴⁴ Там же. Л. 2–2 об.
- ⁴⁵ Там же. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 1015.
- ⁴⁶ Там же. Ф. И-231. Оп. 1. Д. 12. Л. 487, 488.

- 47 Там же. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-5.
 48 Там же. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 80. Л. 20.
 49 Там же. Д. 109. Л. 401.
 50 ГАПК. Ф. 238. Оп. 1. Д. 478. Л. 3-4 об.
 51 НИА СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 10а. Д. 165. Л. 155.
 52 ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 88. Л. 1-1 об.
 53 Там же. Л. 2-2 об.
 54 Там же. Д. 80. Л. 20.
 55 Там же. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 114. Л. 4.
 56 Там же. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 80. Л. 8 об.; Ф. И-231. Оп. 1. Д. 12. Л. 498.
 57 Там же. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 164. Л. 18-19 об.
 58 Там же. Л. 16-16 об.

Литература

1. Абрамовских, Н. В. История Сафакулевского района / Н. В. Абрамовских // История Курганской области. Курган : Зауралье, 1999. Т. 5. С. 211-283.
2. Георги, И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов : в 4 ч. Ч. 2 / И. Г. Георги, К. В. Миллер. СПб. : Изданием книгопродавца К. В. Миллера, 1776. 180 с.
3. Георги, И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов : в 4 ч. Ч. 4. СПб. : При Император. Акад. наук, 1799. 387 с.
4. Дегтярев, И. В. Челябинская старина / И. В. Дегтярев. Челябинск : Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1996. 120 с.
5. Ден, В. Э. Население России по пятой ревизии / В. Э. Ден. Т. 2. Ч. 2. М., 1902. 320 с.
- 5а. Долгих, Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.
6. Корепанов, Н. С. «Горная власть» и башкиры [Электронный ресурс] / Н. С. Корепанов. URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/111b2.html> (дата обращения 29. 03. 2011).
7. Кузеев, Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения / Р. Г. Кузеев ; отв. ред. Т. А. Жданко. М. : Наука, 1974. 570 с.
8. Кузеев, Р. Г. Зауральские башкиры: Этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX в. / Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Т. 1. С. 171-267.
9. Кулбахтин, И. Н. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767-1768 гг. / И. Н. Кулбахтин, Н. М. Кулбахтин. Уфа : Китап, 2005. 272 с.
10. Материалы по истории БАССР. Т. 4: Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50-х – 70-х гг. XVIII в. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 495 с.
11. Материалы по истории Башкирской АССР / отв. ред. А. Чулошников. Ч. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 629 с.
12. Менщиков, В. В. Русская колонизация Зауралья в XVII-XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии : монография / В. В. Менщиков ; науч. ред. В. В. Пундани. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2004. 200 с.
13. Миллер, Г. Ф. История Сибири : т. 2 / Г. Ф. Миллер ; ред. кол.: Е. П. Батянова, С. И. Вайнштейн и др. Изд-е 2-е дополн. М. : Вост. лит., 2000. 796 с.
14. Миллер, Г. Ф. История Сибири : т. 3 / Г. Ф. Миллер ; ред. кол. Е. П. Батянова, С. И. Вайнштейн и др. М. : Вост. лит., 2005. 598 с.
15. Паллас, П. С. Путешествие по разным местам Российского государства : в 2 т. Т. 2. Кн. 1 / П. С. Паллас. СПб. : При Император. Акад. наук, 1786. 476 с.
16. Паллас, П. С. Путешествие по разным местам Российского государства : в 2 т. Т. 2. Кн. 2 / П. С. Паллас. СПб. : При Император. Акад. наук, 1786. 571 с.
17. Пестерев, В. В. Организация населения в колонизируемом пространстве: Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI – середины XVIII в. : монография / В. В. Пестерев ; науч. ред. В. В. Менщиков. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2005. 237 с.
18. Пузанов, В. Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI – начало XIX в.) / В. Д. Пузанов // История Курганской области (Управление Южного Зауралья в досоветский период) : т. 7 / отв. ред. Н. Ф. Емельянов. Курган : Курган. обл. о-во краеведов, 2002. С. 7-212.

19. Пузанов, В. Д. Военно-политические факторы колонизации Приисетья / В. Д. Пузанов. Шадринск : Исеть, 2001. 42 с.
20. Рычков, П. И. Топография Оренбургской губернии / П. И. Рычков. Оренбург : Оренб. отд. ние ИРГО, 1887. 405 с.
21. Самигулов, Г. Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости / Г. Х. Самигулов ; ред. А. Д. Таиров. Челябинск : Юж.-Урал. гос. ун-т, 2011. 278 с.
22. Самигулов, Г. Х. Территория Сафакулевского района в XVII – начале XIX века / Г. Х. Самигулов // Этнокультурная история населения Сафакулевского района (с древнейших времен до начала XX века) : монография / под ред. Д. Н. Маслюженко. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2012. С. 38–70; [Электронный ресурс]. URL: http://if.kgsu.ru/index.php?option=com_content&task=blogcategory&id=7&Itemid=38 (дата обращения 25.12.2012).
23. Самигулов, Г. Х. Тюрки Южного Зауралья в конце XVI – первой половине XVIII века: консолидация / разделение – к постановке вопроса / Г. Х. Самигулов // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы междунар. конф. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 127–131.
24. Томилов, Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. / Н. А. Томилов. Новосибирск : Изд-во Новосиб ун-та, 1992. 271 с.
25. Челябинская старина: Повседневный журнал по должности уездного землемера Горбунова по отказному делу при Каслинском заводе (1792 г.) / сост. О. В. Боярская. Вып. 9. Челябинск : Полиграф-Мастер, 2008. 151 с.
26. Шакурова, Ф. А. Башкирская волость и община в середине XVIII – первой половине XIX века / Ф. А. Шакурова. Уфа, 1992. 136 с.
27. Юсупов, Ф. Ю. Сафакульские татары: история, язык, фольклор / Ф. Ю. Юсупов. Казань : Татполиграф, 2006. 608 с.

И. Р. Атнагулов

ФОРМИРОВАНИЕ И СОВРЕМЕННАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАГАЙБАКОВ

Этническая история нагайбаков, как и любого другого народа, хронологически очерчивается от времени его возникновения и до современности. Для выяснения вопросов формирования исследуемой группы необходимо, во-первых, быть знакомым с первыми упоминаниями о народе, а во-вторых, знать начало его научного изучения. Современное состояние диагностируется методами полевого исследования.

Вопросы происхождения и современного этнического состояния нагайбаков весьма тесно взаимосвязаны друг с другом уже потому, что с момента первых упоминаний о предках нагайбаков в 1720-х годах и до настоящего времени прошло не более 280 лет. А если учесть, что формирование нагайбаков проходило не одноактно, а растянулось на десятилетия, а по некоторым параметрам и до начала XX века, то возникновение и современное этническое состояние нагайбаков есть процессы, сменяющие друг друга непосредственно.

В процессе изучения истории и культуры нагайбаков нам, так или иначе, приходилось сталкиваться с двумя важными вещами: проблемой происхождения нагайбаков и проблемой современной этнической диагностики этой группы. Происхождение нагайбаков объясняется по источникам XVIII века. Это различные доку-

менты 1820-х годов, в которых упоминаются одни из предков нагайбаков — «уфимские новокрещенные», а также произведения исследователей второй половины XVIII века — П. И. Рычкова, Н. П. Рычкова, И. П. Фалька, И. Г. Георги.

По имеющимся у этих авторов данным, основу населения Нагайбакской крепости и близлежащих населенных пунктов, создали уфимские новокрещенные, среди которых, вероятно, преобладали старокрещенные татары, прибывшие сюда из Казанской губернии еще в XVII в. во время строительства Закамской укрепленной линии. Новокрещенным это население называлось, вероятно, из-за большого числа языческого населения среди них, обращенного в православие в начале XVIII века. Во всяком случае, у П. И. Рычкова мы узнаем, что в формировании нагайбаков приняли участие старокрещенные татары, а также «идолопоклонники» [12, с. 204–209] (вероятно чувашаи и финноязычное население). Последние — маришцы и удмурты к тому времени были расселены в Восточном Закамье уже довольно широко.

О татарском происхождении нагайбаков в середине XIX века пишет П. И. Небольсин: «Ногайбаки — суть крещенные татары, переселенные в киргизскую степь из Белебеевского уезда, где еще в старые годы они населяли Ногайбацкий округ, названный так по Ногайбацкой крепости, и составляли особый род служилых татар» [9, с. 21–22]. В конце XIX века о татарском происхождении нагайбаков упоминает В. Н. Витевский: «нагайбаки во многом напоминают собою Казанских крещенных татар, которые едва ли не первые положили начало их происхождению» [5]. В начале XX века Е. А. Бектеева пишет, что в числе предков нагайбаков «были и татарские мурзы» [4, с. 165]. Оригинальную точку зрения предлагал М. А. Круковский, считая, что нагайбаки являются потомками отатаренных башкир, впоследствии метисированных также с астраханскими татарами [8, с. 262, 267]. Подобная точка зрения встречается впервые. В данном случае мнение о башкирском происхождении нагайбаков, по нашему мнению, основано на заблуждении М. А. Круковского. Он, вероятно, знал о том, что в прошлом нагайбаки проживали на территории западного ареала расселения башкир, и этот факт позволил ему сделать данное предположение. В состав нагайбаков в Белебеевском уезде была «вкраплена» какая-то часть крещенного тептярского населения, но последних, вероятно, было совсем немного.

Эндоэтноним — нагайбаки (нэгэйбэкльэр) давал повод многим исследователям говорить о ногайских корнях этого народа. Косвенное отношение к ногайцам видно из работы П. И. Рычкова. Он пишет, что недалеко от Нагайбакской крепости протекает «речка, кою по-татарски называют Кала-Елга, что значит городовая речка... от устья оной в полуверсте виден ров и земляной вал. Сказывают, что тут бывал город, и живали в нем якобы нагайцы» [12, с. 381]. Здесь также не совсем ясно происхождение топонима «нагайбак». У Рычкова усматриваются две версии. Согласно первой, происхождение названия крепости связано с башкирской антропонимией (упоминание некоего башкира по имени Нагайбак), а согласно второй, предложенной им версии, название было унаследовано от обитавших здесь «нагайцев».

И. Г. Георги пишет, что в Оренбургской, Астраханской и Казанской губерниях вперемешку с татарами среди прочих селились и ногайцы. Например, пишет он, в Оренбургской губернии «есть такие же перемешанные толпы или общества разных татар в Нагайбацкой крепости при Ике, вышедшей из Камы реке, и во многих сибирских, оренбургских и астраханских пограничных местах. Нагайбацкие татары приняли уже грекороссийскую веру и вступили чрез то еще больше в союз и соединение» [6, с. 75–84].

П. И. Небольсин, опираясь на сообщения, полученные им от астраханских татар, он пишет об участии ногайского компонента в этногенезе нагайбаков: «Когда я был в Астрахани, то тамошние мои знакомцы из юртовских и из кундровских татар передали мне предание, что несколько семей ногаев белой кости, или беков, поссорившись со своими родичами, откочевали от устьев Волги в Нарын-Пески, оттуда степями левого берега Волги достигли до Кинели и потом перешли на реку Ик, где и поселились. Сельбище их и названо поэтому Ногайбаком, обитатели которого, расплодившись и усилившись в числе другими сходцами, тоже мухаммеданами, платили правительству нашему ясак; но ясак этот при императрице Анне Иоанновне был с них, за разные услуги, снят и ногайбаком дано дозволение нести вместо того казачью службу» [10, с. 21–22].

В связи с этим сообщением возникает два вопроса: когда произошло переселение этих «ногаев» на Ик и когда произошел переход их из мусульманства в христианство. По сообщению П. И. Рычкова на месте Нагайбакской крепости ранее существовал город, в котором жили «нагайцы». Здесь мы находим подтверждение того, что топоним Нагайбак происходит от живших здесь ногайцев, а имя «башкирца Нагайбака», вероятно, также восходит к этническим ногайцам. П. И. Рычков о ногайцах говорит в прошедшем времени, то есть о народе который ушел из этих мест, оставив на память только название поселения. У П. И. Небольсина говорится о «ногайцах-мухаммеданах», которые после известных событий 1736 года на берегах реки Ик были обращены в казачье сословие. П. И. Рычков сообщает, что нагайбаки до 1736 года уже являлись христианами. Тогда о каких же «мухаммеданах» идет речь у П. И. Небольсина? Он пишет, что ногайцы «расплодившись и усилившись в числе другими сходцами, тоже мухаммеданами платили... ясак... но при Анне Иоанновне был с них... снят и ногайбакам дано дозволение нести вместо того казачью службу». Думается что «другие сходцы мухаммедане» это были те, кто по сообщению П. И. Рычкова выбежали из киргиз-кайсацкого плена и были поселены среди казаков Нагайбакской крепости. Таким образом, ногайцы-мусульмане вместе с «азиатцами» могли составлять если и не единую массу, то весьма определенную полиэтничную группу мусульманского населения, вошедшую в состав казаков и принявшую православное христианство.

Е. А. Бектеева приводит некий документ, предоставленный ей одним из нагайбаков: «Казань взята царем Иоанном Васильевичем Грозным 1-го октября 1552 года, тогда и ногаи окрестились, записались в подушный оклад и переселились на свободные башкирские земли...» [4, с. 165]. Здесь совершенно недвусмысленно говорится о возможном присутствии ногайцев среди формирующихся нагайбаков.

Заслуживает внимания мнение М. А. Круковского об астраханско-татарском компоненте в этногенезе нагайбаков, что не противоречит гипотезе о ногайском происхождении нашей группы. В пользу присутствия ногайского компонента в формировании нагайбаков говорят и исследования современных ученых: Д. М. Исхакова, М. И. Ахметзянова и др.

Третьим компонентом в составе формирующихся нагайбаков в XVIII веке были замечены, так называемые «азиатцы» — выходцы из киргиз-кайсацкого плена, селившиеся на территории Оренбургской губернии среди казачьего населения. Первым о них написал П. И. Рычков, подробно перечислив этнонимы и число вошедших в состав казаков Нагайбакской крепости: «Из них же восприняли святое крещение шестьдесят восемь человек, в том числе персиян сорок пять, аравитян двенадцать, бухарцев три, каракалпак два, которые по определению Оренбургской кан-

целярии селятся на назначенных им местах в Уфимской провинции, около Нагайбацкой крепости, между тамошними новокрещеными» [12, с. 136]. П. И. Рычков был активным участником Оренбургской экспедиции, лично посетил все населенные пункты Оренбуржья, в частности станицы, где проживали будущие нагайбаки. Далее П. И. Рычков пишет о том, что этот процесс продолжался и позже: «ныне из таких выбегающих большая часть уже с тем приходят, чтоб им принять крещение, которого они и сподобляются, и, по надлежащим в силу указов снабдени, туда ж на житье отсылаются» [Там же, с. 137]. Какое точное число этих «крещеных азиатцев» влилось в население Нагайбакской станицы — нам не известно. Даже если допустить, что их численность составляла около сотни человек — это мог быть весьма заметный компонент в составе населения. Судя по свидетельству П. И. Рычкова приток «азиатцев» в состав нагайбаков происходил в 40–50-х годах XVIII века. Целый ряд нагайбакских фамилий — Араповы, Маметьевы, Мамедалины и другие говорят о широком присутствии среднеазиатско-кавказских элементов в этногенезе этой группы.

Продолжил научное дело П. И. Рычкова его сын Николай. В 1770 году вышла его книга «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по провинциям Российского государства». Книга написана в форме дневника и в разделе «Описание реки Ика и всех достопамятных мест, по берегам его находящихся» под датой 16 и 17 июня имеется запись о Нагайбакской крепости и ее жителях, где он пишет, что население крепости есть «собрание различных азиатических народов: ибо тут находятся персияне, авганцы, каракалпаки, кызыл-баши и аравитяне. Все они из земель своих пленены были соседственными им киргис-кайсаками, и, желая свергнуть тяжкую неволю и избавиться жестокости сих диких народов, искали спасения, выбегая к российским границам. Охотно соглашались они принять закон христианский; а принявшие оной отсылаемы были для населения оной крепости, где и пребывают, упражняясь в хлебопашестве и скотоводстве: при том отправляют разные службы с живущими тут козаками, в число которых они и сами причислены» [11, с. 68–69]. Как видно из сообщения, к 1770 году среди крещенных «азиатцев» наблюдался процесс аккультурации в местную этническую среду. Ассимиляции еще не произошло, поскольку автором перечисляются этнонимы, зафиксированные еще П. И. Рычковым, но совместная служба уже сближает эти группы.

И. Г. Георги в своем произведении [6, с. 75–84] пишет о выходцах из азиатских стран, поселившихся среди татар. Он обращает внимание на то, что этноконсолидирующим фактором у нагайбаков на тот момент явилось принятие православия всеми этническими группами, влившимися в состав казаков. Наибольшее число среди переселившихся азиатцев, по мнению И. Г. Георги, составляли персы, несколько меньше — арабы, которые «поселились в нарочито великом числе... разных оренбургских городов у тамошних татар. Самое большое число персиян живет под именем кызылбаш в Оренбургской губернии, в Ставропольском уезде совокупно, а около Оренбургской линии и между уфскими татарами рассеянно. Они по большей части ушли к нашим татарам из киргизской неволи, и состоят из простых людей или персидской черни». Здесь мы видим, что персы из всех азиатских выходцев преобладали. Автор отмечает, что часть персов жила среди уфимских татар и близ оренбургской линии. Несомненно, это та часть «новопришедших», отмеченная П. И. Рычковым, которая влилась в состав казаков Нагайбакской крепости.

И. Г. Георги фиксирует местное название персов «кызылбаш», которое также было замечено И. И. Лепехиным. Он дает объяснение этому прозвищу: «Кызылбаш есть такое имя, которым киргизцы и другие татары вообще называют персиян

в поругание, чему может быть причиною персидская разность в рассуждении веры». Известная оппозиция между персами-шиитами и другими среднеазиатскими народами, исповедующими суннитский ислам, отразилась в данном случае на появлении этнического прозвища, происходящего от известного этнонима.

О признаках ассимиляции персов говорят их хозяйственные занятия и духовное состояние. И. Г. Георги пишет: «ставропольские кызылбаши производят землепашество; живущие при линии служат по большей части у других татар, пасут их стада и ходят за арбузными их огородами. Ставропольские так, как и нагайбацкие персияне крестились в грекороссийскую веру. Все же прочие содержат магометанский закон по Алиеву толкованию, и чрез то, выключая частные обряды, сходятся с прочими народами магометанской веры татарами в праздниках, пище, счислении времени, многоженстве, свадебных, похоронных и других обрядах так, как и во всем житии. Хивинцы, ташкентцы и туркестанцы живут... у всех татар, однако малыми только обществами и везде не в великом числе... но больше к татарам присовокупляются... Немало их из киргизской неволи к нам спаслось и осталось у нас на поселении».

И. Г. Георги сообщает и о других «азиатцах», вошедших в состав татар Оренбургской губернии: «аральцы... которым удастся от киргизской неволи избавиться бегством; и в таком случае пристают они к каким бы то ни было татарам. О тухменцах... новые выходцы из сих орд перебежали все от киргизцов и живут у наших кызылбаши и у других оренбургских и уфских татар, хотя и рассеяно, однако ж в нарочито знатном числе». Сообщения И. Г. Георги об этих иноэтничных группах среди уфимских татар подтверждают данные П. И. Рычкова об участии среднеазиатско-кавказских элементов в происхождении нагайбаков.

Таким образом, формирование нагайбаков в XVIII в. проходило на основе взаимодействия трех этнических массивов: поволжского крещено-татарского (включая группы новокрещенных чувашей, удмуртов и др.), ногайского и так называемого азиатского. Сближение этих групп проходило вокруг уфимских новокрещенных, поверстанных в казачье сословие. Эти события изменили этническую ситуацию в бассейне реки Ик. Во-первых, в крепости Нагайбакской, селе Бакалах и других близлежащих населенных пунктах произошло этническое сближение (этногенетическая миксация) групп кряшенского, чувашского и другого происхождения на базе казачьего сословия с усвоением общего самоназвания — нагайбакские казаки. Во-вторых, в силу принадлежности к казачьему сословию началось естественное отдаление этой группы от родственного им не казачьего населения края, а из опасения мусульманского влияния из нагайбакских населенных пунктов административными мерами было выселено все татарское население. В-третьих, в этот подготовленный, защищенный от мусульманского влияния субстрат почти сразу же стало вливаться большое число иноземцев — выходцев и из Средней и Передней Азии, принявших в Оренбурге христианство. Этот экзотический компонент в составе нагайбаков долгое время был заметен, потому и отмечался всеми наблюдателями. Они не повлияли каким-либо заметным образом на культуру нагайбаков, но сохранили свое присутствие в антропологическом облике у ряда родственных групп, а также в номенклатуре нагайбакских фамилий.

Вызывает несомненный научный интерес вопрос о современном состоянии этнической идентичности нагайбаков. Теоретическое значение решения этого вопроса связано с практическими вещами, которые впервые обнаружались при подготовке к проведению, а затем и подведению итогов Всероссийской переписи населе-

ния 2002 года. Как известно в современной отечественной этнологии господствуют две основные точки зрения на природу этноса и этничность – примордиалистская и конструктивистская. Опубликованные официальные результаты переписи отразили торжество методологического подхода последних, согласно которому нагайбаки, как и ряд других самоопределившихся групп, были признаны самостоятельными этносами. Причиной формирования нагайбакского этноса с этой точки зрения можно считать результат влияния целого комплекса вышеперечисленных процессов при активном вмешательстве государства, в частности в формировании словесной структуры общества.

С точки зрения примордиалистского понимания нагайбаки являются структурным подразделением в сложной иерархии татарского этноса, отраженного в табл. 1.

Судя по данной схеме, нагайбаки являются этнографической группой в составе субконфессиональной общности кряшен этнотерриториальной группы волго-уральских татар, входящих вместе с астраханскими и сибирскими татарами в состав татарской нации. Оснований для отнесения нагайбаков в состав татар с этой точки зрения более чем достаточно – общие этногенетические корни, общность языка, элементов традиционного хозяйства и культуры, особенно в архаичных пластах.

Таблица 1

Структура татарской этнической общности (по Р. К. Уразмановой, С. В. Чешко)

Татарская этническая общность			
↓		↓	
Этносы		Этнические группы	
Крымские татары (крымско-татарская нация)	Татарская нация	Литовские татары	Буджакские татары
↓			
Энотерриториальные группы			
Волго-уральские татары	Астраханские татары	Сибирские татары	
↓			
Субэтносы			Субконфессио-нальная общность
Казанские татары	Касимовские татары	Татары-мишари	Кряшены
↓ ↓ ↓ ↓			
Этнографические группы			
Казанские татары	Касимовские татары	Татары-мишари	Кряшены
Центральная Тептяро-башкирская юго-Восточная Пермская Чепецкая Ичкинская	Белый аймак Черный аймак Черные зипуны Бастанская	Северная Южная Лямбирская Приуральская	Казанско-татарская Елабужская Нагайбакская Молькеевская Чистопольская

Судя по данной схеме, нагайбаки являются этнографической группой в составе субконфессиональной общности кряшен этнотерриториальной группы волгоуральских татар, входящих вместе с астраханскими и сибирскими татарами в состав татарской нации. Оснований для отнесения нагайбаков в состав татар с этой точки зрения более чем достаточно — общие этногенетические корни, общность языка, элементов традиционного хозяйства и культуры, особенно в архаичных пластах.

Судя по той же схеме, нагайбаки должны обладать трехуровневым этническим самосознанием от низшего к высшему — нагайбакским, кряшенским и татарским. Как показывают результаты наших полевых исследований, нагайбаки Нагайбакского района транслируют собственную этническую идентичность в двухуровневом формате. При этом самоназванием первого уровня является этноконфессионализм «керэшэннэр», который они используют только при общении друг с другом на родном языке. При общении с представителями других этносов или друг с другом на русском языке называют себя нагайбаками. Под воздействием современной языковой ситуации, область функционирования самоназвания «керэшэннэр» сужается в пользу этнонима «нагайбаки». Этноним «татары», а точнее «крещеные татары» используются вдали от малой родины, где этнонимы «нагайбаки» и «кряшены» никому не известны.

На протяжении 2002–2009 гг. нами были проведены исследования, целью которых являлось определение параметров этнической идентичности нагайбаков. Были изучены языковая, религиозная ситуации, знание элементов народной культуры, брачные предпочтения. Подробные результаты исследований были опубликованы ранее.

Предложим краткое резюме исследования.

По состоянию на рубеже XX–XXI веков традиционная культура и этническое самосознание нагайбаков обнаруживает следующие особенности:

Во-первых, степень сохранности традиционной культуры выше всего в старших возрастных группах и уменьшается с каждой более молодой. Это касается в первую очередь таких показателей, как владение и использование родного языка, знание нагайбакских песен, сказок, что говорит о необратимых изменениях, связанных с усилением русского компонента в языке и повседневной культуре.

Во-вторых, степень сохранения традиционной культуры выше всего в Париже, где процент нагайбаков самый высокий и более высокий процент жителей старшего возраста, и ниже всего в Фершампенуазе, где этнический состав населения является наиболее смешанным.

В-третьих, несмотря на утрату основных этноопределяющих черт (сословная и религиозная принадлежность), нагайбаки на протяжении XX в. сумели сохранить этническое самосознание.

В-четвертых, этническое самосознание нагайбаков в настоящее время можно охарактеризовать как амбивалентное. В одном случае прослеживается стремление к этнической обособленности, в другом — сближение с русскими.

Литература

1. Атнагулов, И. Р. Религиозная идентичность нагайбаков: история формирования и современное состояние / И. Р. Атнагулов // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2007. Вып. 18. С. 305–312.

2. Атнагулов, И. Р. Языковая ситуация у нагайбаков как составляющая этнической идентичности / И. Р. Атнагулов // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2006. Вып. 16/2. С. 390–396.
3. Ахметзянов, М. И. К этнолингвистическим процессам в бассейне р. Ик (по материалам шеджере) / М. И. Ахметзянов // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань : ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 58–71.
4. Бектеева, Е. А. Нагайбаки. (Крещенные татары Оренбургской губернии) / Е. А. Бектеева // Живая старина. Периодическое издание отделения этнографии русского географического общества. Под ред. председательствующего в отделении этнографии В. И. Ламанского. СПб. : Тип. В. И. Мещерского, 1902. Вып. 2. С. 165–181.
5. Витевский В.Н. Нагайбаки Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Волжско-Камское слово, №72. – Самара, 1882.
6. Георги, И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд, и прочих достопамятностей. Часть II. О народах татарского племени / И. Г. Георги. СПб. : Изд-во К. В. Миллера, 1776. 188 с.
7. Исхаков, Д. М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография) / Д. М. Исхаков. Казань, 1993. 172 с.
8. Круковский, М. А. Южный Урал. Путевые очерки / М. А. Круковский. М. : Изд. К. И. Тихомирова, 1909. 311 с.
9. Лепехин, И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства: в 1768 и 1769 году / И. И. Лепехин. СПб., 1771. Ч. 1. 535 с.
10. Небольсин, П. И. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край / П. И. Небольсин // Вестн. ИРГО / под. ред. В. А. Милютин. Ч. 4. Кн. 1. СПб. : Тип. Э. Праца, 1852. С. 1–34.
11. Рычков, Н. П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году / Н. П. Рычков. СПб. : Император. Акад. наук, 1770. 189 с.
12. Рычков, П. И. Топография Оренбургской губернии. Сочинение П. И. Рычкова 1762 года / П. И. Рычков. Оренбург : Оренбург. отдел ИРГО, 1887. 405 с.

Е. А. Артюшкина

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННЫХ РЕМЕСЕЛ И ПРОМЫСЛОВ РУССКИХ СЕВЕРО-ВОСТОКА БАШКОРТОСТАНА (КОНЕЦ XIX — СЕРЕДИНА XX ВЕКА)

На основе полевых материалов, полученных комплексной этнографической экспедицией, которая была организована Институтом этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра Российской Академии наук в русские населенные пункты Дуванского и Белокатайского районов республики Башкортостан в 2011–2012 годах и по результатам изучения библиографических материалов выявляется общая картина бытования традиционных ремесел и промыслов русских северо-востока Башкортостана в конце XIX — середине XX века.

По роду сбыта производимых изделий в исследуемый период времени одновременно существовали разные формы организации труда. Самым распространенным было домашнее производство, когда изделия изготавливали для собственного

потребления. При мелком ремесленном производстве работа производилась по заказу самого потребителя, а при кустарном производстве мелкие производители работали на рынок, позже они преобразуются в государственные предприятия.

С конца XIX и до середины XX века на северо-востоке Башкортостана основные ремесленные занятия были связаны с обработкой дерева, животных продуктов и волокнистых материалов, металла и минеральных веществ.

Среди отраслей кустарного производства наибольшее развитие у русских Белокатайского и Дуванского районов Башкортостана получили промыслы, связанные с обработкой дерева. Такое положение можно объяснить обильными запасами естественного сырья — леса и широким использованием в крестьянской среде деревянного бытового и хозяйственного инвентаря. В конце XIX века облесенность Дуванской, Ярославской, Белокатайской, Емашинской волостей Златоустовского уезда Уфимской губернии колебалась от 50 % до 70 %. «Лес в этом районе совершенно не имеет внешнего сбыта, употребляется владельцами на свои собственные нужды или продается местному же населению соседних волостей» [4, с. 506, 545].

В деревообработке широко использовались деревья различных пород, произрастающих на этой территории, в большей степени использовали древесину березы, липы, осины, сосны, ольхи и ели [Там же, с. 507]. На рубеже XIX–XX веков среди разнообразных деревообрабатывающих промыслов, наиболее распространенными и характерными являлись столярный, бондарный, колесно-экипажный и дужный. В это время известны населенные пункты, где ремесленные занятия по обработке дерева были значительными и носили промысловый характер: колесный (с. Ярославка, с. Леузы), дужный (Леузы), тарантасный (с. Тастуба), бондарный (Ярославка) [2, с. 342–365].

По переписи 1927 года, на территории Белокатайского района работало 39 столярно-мебельных заведений, а в 30-е гг. была известна артель «Красный дугарь», в которой мастера изготавливали обручи, бочки, кадки, лапти, кули и рогожи. В середине XX века помимо основной деятельности работники Белокатайского лесхоза изготавливали столярные изделия, кошевы, сани-дровни, ободья и колеса для телег, корыта и др. [1, с. 241, 279]. Наряду с кустарными производствами по деревообработке почти в каждом населенном пункте Белокатайского и Дуванского районов жили известные мастера на всю округу, большинство из них посвящали ремеслу только свободное от сельскохозяйственных занятий время. Местные столяры работали непосредственно в жилых помещениях или в приспособленных мастерских.

Из самых распространенных работ с деревом были столярные работы. С помощью ручного инструмента, мастера изготавливали оконные рамы, двери, наличники, простую мебель для крестьянского обихода (столы, стулья, шкафы, кровати, табуреты и др.), предметы домашней утвари (дуги, оглобли, телеги, сани, коромысла, грабли и др.), традиционные орудия мужского и женского труда (колодки, инструменты, прялки, ткацкие станы, веретена, вальки и др.). Токарную работу, например, точение веретен, ножек для прялок и мебели, столяры выполняли на самодельном токарном станке с лучковым или электрическим приводом.

Мастера-бондари изготавливали широкий ассортимент деревянных сосудов, необходимых в крестьянском хозяйстве. Бондарные изделия были разнообразны как по технологиям изготовления, так и по применению. Из цельного ствола дерева липы делали «душлянки». Они служили емкостями для хранения меда, муки или приспособлениями для намотки ниток. Для этого липу с мягкой сердцевиной с помощью инструмента — тесла внутри тщательно «выдалбливали», «вычесывали» от лишней древесины. По низу делали «заутор» и вставляли круглое дно из дерева

липы или ели. Бондарную посуду из клепок делали из дуба, ели. Это были: кадцы, квашенки, чаны для воды, бочонки, лагушки и др. Старые мастера плашки «нарубали», «натесывали» топором по годовым кольцам. Плашки могли быть разного размера. Чертили круг нижнего диаметра и снизу плашки делали скос. Обручи делали из еловых сучков, их на половину выстругивали, и смыкали в кольцо «замком». Позже, местные столяры в бондарном деле для изготовления бондарных изделий стали применять фуганок, рубанок, золторник, а обручи стали делать из металла. Сбыт бондарной продукции осуществлялся мастерами, чаще всего в своей и соседних деревнях, реже изделия вывозились на торжки. В 50-е годы XX века в промкомкомбинате села Емаши работал бондарный цех. Бондари изготавливали бочки и кадки на заказ для колхозов [5].

К числу ведущих деревообрабатывающих производств относился и колесно-экипажный промысел. Для многих крестьян Дуванского района в конце XIX века извозничество было промыслом. «Ездят под извоз с купеческим азиатским товаром из города Троицка Оренбургской губернии в Казань, оттуда с панским товаром на Мензелинскую ярмарку в Ирбит, Тюмень и далее» [3]. Для этих целей деревенские столяры изготавливали различные транспортные средства: санки, дровни, телеги, кошевы, «развальники». Самодельные транспортные средства в крестьянском хозяйстве бытовали вплоть до середины XX века. Например, в селе Метели в каждой колхозной бригаде, а их было четыре, был свой мастер саночник, который сам изготавливал сани, колеса, обода и ступицы [6].

Основу производств по обработке животных продуктов в Белокатайском и Дуванском районах Башкортостана составляли кожевенный, овчинный и сапожный промыслы. По статистическим данным в конце XIX века в Белокатайской волости насчитывалось кожевенных мастерских, в Емашинской волости — две, в Дуванской — пять, в Тастубинской — одна, в Ярославской — четыре. По количеству зольных чанов мастерские подразделялись на классы: к первому классу относились мастерские, которые имели от одного до трех чанов, ко второму классу — от четырех до шести чанов, к третьему классу — от девяти чанов. Местные кожевенные производства считались небольшими и относились к первому и второму классу, производство кож шло исключительно на заказ. [4, с. 657].

Выделкой кож в Белокатайском и Дуванском районах Башкортостана занимались и в последующий период времени, в середине XX в. продолжают работать кожевенные цеха при промкомбинатах в селах Дуван и Емаши. Например, на базе бывшей артели имени Борчанинова (с. Емаши), которая в это время входила в состав промкомбината Белокатайского района, «кожевня» находилась рядом с «гончарней», на берегу речки Ямашка. Мастера цеха выделывали местное сырье для собственных нужд — шкуры коров, овец, телят, лошадей и кроликов. Процесс выделки кож был ручным и подразделялся на несколько этапов. После того, как шкуры были вымочены в деревянных бочках с водой, их «мздрили» — с помощью литовок снимали мех, затем их «заквашивали» — в течение недели шкуры лежали в больших бочках, в которых ячменная мука была растворена в воде, временами шкурки перебирали с одного бока на другой, чтобы они полностью пропитались раствором. Шкурки сушили на «вешалах» с помощью электрического калорифера, для придания им «мягкости», их опять чистили литовкой и покрывали «алибастрой». Из овчины шили шубы, из телятины — сапоги, сыромятина шла для шорных работ [7].

Сапожное дело относилось к самым распространенным и массовым видам кустарного производства. По переписи 1927 года, в Белокатайском районе насчитывалось 133 частных мастерских по изготовлению и ремонту кожаной обуви [1, с. 241, 279].

Из производств по обработке металлов и минералов главным в начале XX века оставался кузнечный промысел. «Близость горных заводов, дешевизна железа, бытовые привычки населения к металлургическому производству — все это способствовало развитию в Златоустовском уезде мелкого кузнечного производства, служащего частью для заказной ремонтной работы, частью для хозяйственных надобностей самих владельцев кузниц». В конце XIX в. в Емашинской волости насчитывалось 44 кузницы, в Белокатайской — 13, в Дуванской — 53, в Тастубинской — 11, а в Ярославской волости — 59 [4, с. 629]. Кузницы ставили как на своей земле (приусадебной или частной), так и на общественной. Кромековки коней в кузнице изготавливали изделия различной сложности: молотилки, веялки, сабаны, бороны и другую продукцию. В советское время кузнецы работали в колхозных мастерских, для нужд колхоза и делали изделия, нужные для домашнего обихода: оковывали повозки, телеги, сани, колеса, делали железные обручи на чаны и кади, изготавливали гвозди.

Развитие гончарного производства было связано с месторождениями хорошей глины. В конце XIX века в Дуване известно гончарное производство. «Есть также гончарное производство: глиняные горшки и корчаги выделываются и продаются на местных базарах, а иногда отправляются в Челябинский, Троицкий и Верхнеуральские уезды Оренбургской губернии [3]. По воспоминаниям информаторов в послевоенное время в Емашах в артели имени Борчанинова работали женщины семьи Соколовых. Мастерницы изготавливали посуду из красной глины разных форм: кринки, корчаги, квасники, ладки, сосуды для хранения зерна и других продуктов, горшки разных форм, выводы для печей, поилки для кроликов и др. Гончарная мастерская располагалась на берегу речки Ямашка, в районе Болота. Красную глину разрабатывали летом, на полигоне за деревней. Изготавливали посуду на ножном гончарном круге. Сушили посуду на стеллажах в цехе. Посуду обжигали в горне. Для украшения сосудов пользовались ангобами из белой глины. Некоторые сосуды глазировали, для этого расплавляли свинец и покрывали посуду жидким раствором. Из остатков глины лепили «свистушки», разных форм, в виде животных. Женщины посуду продавали сами на базаре в Емашах.

До середины XX века у русских, проживающих на северо-востоке Башкортостана, в обработке волокнистых материалов значительная роль отводилась ручному ткачеству и сопутствующему ему прядению. Ткачество и прядение, в большинстве случаев, носили домашний характер производства, реже ремесленный и были сосредоточены по многим населенным пунктам Белокатайского и Дуванского районов. Основное время производства тканого полотна приходилось на зимний период времени. Основным растительным материалом был лен. Вплоть до середины XX века на колхозных полях Дуванского и Белокатайского районов Башкортостана возделывали лен.

По многочисленным образцам, находящимся в музеях района и частным коллекциям, относящимся к концу XIX — началу XX века, можно говорить о высоком уровне технического исполнения и художественном мастерстве ткачей этой территории. На исследуемой территории бытовал ткацкий стан русского типа — «кросна». Простейшим видом было ткачество на двух ремизках полотняного холста из нитей обработанных стеблей льна и конопли, или пестроткани — рисунка в клетку или полоску. Из нее мастерницы делали предметы повседневного обихода — ткань на одежду, столешники, скатерти, рукотерники, салфетки, половики, ткань на мешки. В конце XIX в. ткали белые полотенца с бранным рисунком, а позже широкое распространение получила многоремизная техника ткачества. Полотенца и скатерти ткали в 4, 5, 6, 8, 12 нитченок. С середины XX века мастерницы стали ткать

половики — дорожки на пол. В ходе экспедиции зафиксированы половики, выполненные в закладной технике ткачества, в технике «перешлеты» и в технике «мех». Известны случаи ткачества половиков не только для себя, но и на заказ — «в люди», за 1 метр вытканного половика брали 1 рубль [8].

Наряду с ткачеством популярными женскими ремеслами было ручное вязание и лоскутное шитье, ручная вышивка.

Широкое распространение в Белокатайском и Дуванском районах Башкортостана получило изготовление валенной зимней обуви.

Таким образом, можно констатировать, что развитие традиционных ремесел находится в тесной зависимости от исторических, социально-экономических и природно-географических факторов.

Литература и источники

1. Белокатайский район: история и современность. Уфа : Диалог, 2004. 476 с.
2. Водарский, Я. Е. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий / Я. Е. Водарский, Э. Г. Истомина. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2004. 514 с.
3. Касимовский, В. Е. Исторически очерки о Дуване / В. Е. Касимовский // Уфимские губернские ведомости. 1868. № 3. С. 1877.
4. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1898. Т. 6. 750 с.
5. ПМА 1 — полевые материалы автора, 2012. Белокатайский район Башкортостана, с. Емаши. Информант: Пятков А. С., 1931 г. р.
6. ПМА 2 — полевые материалы автора, 2011. Дуванский район Башкортостана, с. Метели. Информант: Чечушков П. М., 1935 г. р.
7. ПМА 3 — полевые материалы автора, 2012. Белокатайский район Башкортостана, с. Емаши. Информант: Заполева Н. А., 1939 г. р.
8. ПМА 4 — полевые материалы автора, 2011. Дуванский район Башкортостана, с. Метели. Информант: Серебрянникова К. Г., 1936 г. р.

Н. А. Халиков

ПОВОЛЖСКИЕ ТАТАРЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ. НЕКОТОРЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Татарский народ и другие этносы Поволжья и Урала последние столетия входили в единую историко-этнографическую область. Представители разных национальностей имели во многом схожие исторические судьбы, относились к единому хозяйственно-культурному типу, часто жили чересполосно в соседних селениях, реже образуя компактные группы, занимавшие более или менее крупные районы. Это предопределяло тесные этнокультурные контакты и взаимовлияния между народами края, в том числе и в сфере быта, хозяйства и культуры.

Те же процессы происходили и на Южном Урале. Они хорошо прослеживаются на примере развития хозяйства, материальной культуры, в частности жилища татар. Переселенцы-татары на протяжении последних почти трехсот лет, начиная

с середины 18 столетия, испытывали определенное влияние местного тюркоязычного населения: башкир, кипчаков-ногаев, казахов, а также пришлых одновременно с татарами русских, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов и других народов. Особенно интересны результаты этнокультурных контактов татар с башкирами, поскольку справедливо подмечено, что в Приуралье переселенцы-татары в культурном отношении сблизилась главным образом с ними [9, с. 4]. Два тюркских народа прошли, хотя и в разное время, одинаковый путь развития от кочевничества к полной оседлости. Расселялись на Южном Урале чересполосно, нередко проживая в одном селении. Отсюда многие сходные черты в традиционной культуре и быту. В частности, у татар они просматриваются в планировке селений и обустройстве двора, в «примитивных» постройках, конструкции архаичных печей и др.

При этом следует учитывать и своеобразные природные условия Южного Урала: горно-равнинный ландшафт, засушливый континентальный климат лесостепной и степной зоны, что сказывалось на материальной культуре переселенцев и отличало их от татар западных от Урала районов.

Определенную роль играли и социальные факторы, поскольку в регионе Южного Урала были представлены все субэтнические и этнографические группы народа: казанские татары (в прошлом служилые казаки либо государственные крестьяне); мишари в составе башкиро-мещеряцкого войска; касимовские татары (среди сеитовских татар); служилые крещенные татары-нагайбаки, тептяри. В частности, служилые казаки и мещеряки-мишари, вотчинники пользовались значительными земельными владениями (по указам 1818 и 1832 гг. владели земельными наделами в 30 десятин земли), что обуславливало некоторые особенности хозяйства и, опосредовано, быта и культуры.

Ведущей отраслью хозяйства у татар описываемого региона было земледелие. В общих чертах агрокультура была сходной, как и у всех народов Поволжья и Урала. Существенным отличием было то, что наряду с паровой системой земледелия в широких размерах применялся, особенно у многоземельных селян, залежно-переложный способ восстановления плодородия почв. Ведущее место на их полях, сообразно почвенно-климатическим условиям, занимала пшеница, а не озимая рожь.

Еще в первой половине XIX века И. Дебу сообщал, что в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии татары, тептяри и башкиры земледелием занимаются мало, предпочитая скотоводство [3, с. 85]. Даже во второй половине столетия на Южном Урале, особенно у многоземельных и зажиточных мещеряков и татар-казаков, часто видное (иногда и ведущее) место в хозяйстве занимало скотоводство, причем и в полукочевой форме, с зимовками кышлау, летовками жэйләу, зимним тебеневанием скота. Причиной тому были не только обширные пространства свободной земли, доступные пастбища и сенокосы, но и влияние соседей, кочевых скотоводов башкир и казахов. Известно, что именно им зажиточные татары сдавали скот для выпаса, круглогодичного содержания молодняка, особенно лошадей, из своих многочисленных стад.

Садоводство и огородничество у поволжских татар, в том числе и на Южном Урале еще к концу 19 столетия находилось в неудовлетворительном состоянии, либо вовсе отсутствовало. На этом фоне в регионе заметно выделялись татары-нагайбаки; у них, как и вообще у крещенных татар огородничество было довольно развито. Нагайбаки же отличались масштабами птицеводства.

Много отличительных черт, в сравнении с татарами Поволжья и Прикамья, просматривалось у их соплеменников рассматриваемого района в области сельско-

го зодчества и строительной культуры. Причем, иногда такие различия наблюдались и у разных социальных категорий населения. Так, в 1832 году оренбургский губернатор рапортовал: «..я имел случай видеть, что селения башкирцев и мещеряков, ведущих кочевую жизнь, устроены беспорядочно и притом многие раздроблены на мелкие поселки, так что редко найти можно дома по три или четыре вместе..» [10, л. 1–2]. Подобное же явление было засвидетельствовано в губернском отчете 1850 г.: «...мещеряцкие и татарские деревни имеют более правильный вид (носили уличную или улично-квартальную планировку. — Н. Х.), чем тептярские, которые по большей части устроены без всякого порядка..» [8, л. 59–60].

На Южном Урале у татар в 19 столетии и ранее встречалась бессистемная планировка двора. Неупорядоченное расположение построек наблюдалась и во дворах башкир [11, с. 209]. Такая планировка была характерна для кочевников, переходящих к оседлости. Но предки татар прошли этот этап значительно раньше. Подобная планировка, кроме рассматриваемого региона, у татар в Волго-Камском регионе почти не наблюдалось, поэтому здесь с известной вероятностью можно говорить о башкирском влиянии.

Еще одной особенностью усадеб татар Южного Урала были неогороженные дворы. И. Г. Георги писал о них: «..однакож двора кругом не загораживают» [2, с. 12]. Считается, что эта традиция восходит ко времени оседания кочевников [4, с. 70–71), хотя скорее следует говорить о влиянии на татар их соседей — казахов и башкир. К тому же здесь у мещеряков, татар-казаков, тептярей, в отличие от татар Предкамья, Окско-Сурского междуречья при обилии скота, стада выпасались только под присмотром пастухов, поэтому во многих случаях селения, поля и выгоны не огораживались. У татар — государственных крестьян на Урале, имевших значительно меньше земли и скота в сравнении с татарами-казаками и мещеряками, часто селения и выгоны, особенно дворы, были огорожены.

Дворы, в отличие от татар к западу от Приуралья, были только открытые, с небольшим числом капитальных хлевов и конюшен. Причины этого следует усматривать в теплом климате, меньшем количестве осадков. Кроме того, просторные дворы (при большом количестве скота) сложно было перекрыть. Да и плодородные почвы, отсутствие необходимости в сборе навоза для удобрения не требовали многочисленных стационарных построек: хлевов, овчарен, конюшен. При малочисленности капитальных хозяйственных строений, особенно животноводческих, у местных татар чаще встречались дворы с однорядной планировкой, в отличие от татар западных от Урала губерний, где преобладали дворы двухрядного плана.

Этнографами традиционно типы дворов разделяются на одно, двух и трехчастные. Последний тип (передний двор с жилыми и хозяйственными постройками + двор животноводческий + огород либо гумно) в волго-уральском регионе был распространен почти исключительно на Южном Урале у татар-казаков и мишарей. Такие же дворы были у соседних башкир [11, с. 202]. Подобное сходство было детерминировано общностью хозяйственных условий, многоземельем, развитым скотоводством. Показательно, что у татар — государственных крестьян в Приуралье, имевших значительно меньше земли и скота, подобных дворов почти не было.

Была еще одна местная особенность. У татар и башкир на Южном Урале, скотные дворы имели своеобразный облик: срубные конюшни и хлева были немногочисленны, чаще встречались постройки из плетня, жердей, широко практиковалось устройство навесов, загонов-кард [11, с. 202–203; 12, с. 218–219]. Эта практика обуславливалась тем же большим поголовьем скота, недостатком строительного

леса, относительно теплым климатом. Для татар нельзя исключать и влияние хозяйственной культуры соседей, башкир и казахов.

Для рассматриваемого района была типичной еще одна постройка — алачык. Современник отмечал, что татары, как русские и мордва, имеют «по два жилья», то есть собственно избу и летнюю кухню, тот же алачык. Последняя служила для приготовления пищи (чтобы в летнюю жару не топить большую хлебопекарную печь в основной избе), использовалась для отдыха и сна, мелких хозяйственных работ в летнюю пору, а зимой — в качестве хранилища; там же могли держать молодняк скота. Алачык нередко сооружали и на отдаленных полевых заимках утар. В летних кухнях сооружали обычную хлебопекарную печь, иногда чувал или «тройчатку» (см. ниже).

Традиционные жилища различались по различным параметрам: применяемым материалам, конструктивным деталям построек и др. Существовали многие типы строений, причем поздние постройки в конкретной местности были одинаковыми у представителей разных народов. С. И. Руденко отмечал, что на северо-западе края, у башкир «вполне выработался тип домов и надворных построек, тип весьма близкий к типу построек русско-татарского населения Прикамья» [11, с. 172], что не случайно, так как это район первоначального появления пришлого из более западных губерний населения, где башкиры рано перешли к земледелию и оседлости. В селениях татар Южного Урала бытовали жилища типа изба-сени, изба-сени-изба, пятистенники, круглые дома, крестовики. Но совершенно отсутствовали жилища наподобие конструкции изба+сени+клеть, довольно распространенные в западных губерниях, особенно в предкамских уездах Казанской и Вятской губерний. Может быть, причину этого странного явления следует усматривать в том, что переселенцы оказались на Урале раньше, чем подобный тип дома появился в Казанской, Вятской и других губерниях, что происходило там, предположительно, с середины 19 столетия.

Поэтому представляют интерес жилища татар и башкир юго-восточных районов Башкирии, особенно архаичные типы построек. Следует сразу оговориться, что в сходстве сельского домостроения этих народов повинны не только этнокультурные взаимовлияния, но также сказывались природные условия Южного Урала.

Среди переносных жилищ у татар на Южном Урале встречалась постройка тирмэ, по конструкции напоминающая юрту башкир [Там же, с. 174–176]. Показательно, что наши информаторы, татары бывшего Троицкого уезда Оренбургской губернии прямо сближали тирмэ с башкирской юртой. Здесь, очевидно, можно говорить и о регенерации у татар под влиянием соседей давно угасших кочевнических традиций либо о прямом заимствовании такой постройки от башкир.

Из стационарных построек, одной из самых архаичных можно считать пластовую (дерновую) избушку кэс өй, сооружаемую, например, в Челябинском и Троицком уездах Оренбургской губернии переселенцами-нагайбаками [7, с. 33; Прим. 11, с. 38]. Подобные жилища «кэс өй» были и у башкир. Комментарии, думается, излишни. В отдельных случаях встречались даже пластовые бани, сложенные из дерна, чего вовсе не было в западных губерниях.

Также на Южном Урале у татар были распространены каркасно-столбовые постройки кэртэ өй, текмэ өй. Аналогичные жилища — «ситэн өй» — были у башкир [11, с. 185–186]. Их бытование в описываемом регионе объясняется не только нехваткой строительного леса, но и подходящими климатическими условиями, благодаря чему сохранились эти рудименты эпохи перехода кочевников к оседло-

сти. Однако говорить о башкирском влиянии в данном случае не приходится: каркасно-столбовые постройки татары сооружали в степной и лесостепной зонах всего Поволжья и Урала, переселенцами в качестве временного жилья, беднотой далеко за пределами башкирской территории.

Еще один тип архаичной постройки, нередко встречавшийся у татар преимущественно в Зауралье — однокамерная срубная изба ялгыз өй очень простой конструкции. Подобное жилище — «бурама», «бура аласык» бытовало и у башкир [Там же, с. 181]. Говорить в данном случае об этнокультурных взаимовлияниях едва ли возможно. Скорее, у обоих народов такие строения были этапом в самостоятельных линиях развития срубного жилища.

Широко распространенными на Южном Урале были жилища, как и другие хозяйственные постройки, из самана, вполне соответствовавшие степному и лесостепному ландшафту. Не случайно и конструктивно, и по названию (саман өй) у татар и башкир они не различались. Происхождение таких строений теряется в глубине веков. Можно лишь сказать, что истоки саманных жилищ следует искать на Востоке, в Средней Азии.

В предгорьях Южного Урала для возведения хозяйственных построек, уличных оград, а также, хотя и не часто, собственно жилищ таш өй использовался камень. Признанными мастерами в этом деле были казанские татары, продолжавшие болгарскую традицию каменного зодчества.

В конструкции жилищ довольно часто встречался фундамент из самана и камня, что также было свойственно постройкам в степной полосе волгоуральского региона. Исключением были селения в Челябинском уезде Оренбургской губернии, где преобладал фундамент на деревянных «стульях». Земляной пол в пластовых, каркасно-столбовых жилищах иногда располагался ниже почвенного горизонта. Архаичные постройки имели плоскую кровлю, сооружаемую из жердей, хвороста и камыша, покрытых землей, дерном, глиной. У нагайбаков встречалась кровля из плетня поверх несущих слег [7, с. 37]. Такая конструкция одновременно служила крышей и потолком. Двухскатной крышей, наличием потолка и деревянного пола отличалась срубная изба ялгыз өй, как, впрочем, и большинство более совершенных и поздних домов. Окна в избах лишь иногда украшались наличниками, но почти обязательно снабжались одно-двухстворчатыми ставнями, предохранявшими помещение летом от жары, а зимой от снега.

Характерной чертой архаичных построек, нередко и летних кухонь алачык была своеобразная печь-чувал, внешним обликом напоминая камин. Обычно чувал объединялся с очагом и вмазанным котлом. Более поздним видом была «печь-тройчатка», в которой чувал сочетали с очагом и хлебопекарной печью, расположенных на одном основании и соединенных дымоходами. Такие печи и с подобным же названием — «сыуал» — были в жилищах, летних кухнях, на дворах у башкир. Они же применялись в быту сибирских татар, хантов, манси. Подобные печи у татар к западу от Приуралья неизвестны. Это дало основание Ю. Г. Мухаметшину считать чувал в культуре приуральских татар, связанным с традицией местных народов, в первую очередь башкир [5, с. 85–86; 6, с. 52–53]. Говоря о небольших печах, следует еще упомянуть, что некоторые хозяева для приготовления пищи в летнее время устраивали тышки учак — небольшую каменную либо глинобитную, кирпичную печь с трубой и котлом, иногда с плитой, прямо на дворе. Подобной традиции почти не наблюдалось в западных губерниях.

С. И. Руденко совершенно справедливо объединял жилища из дерна, самана и плетня в одну группу, подчеркивая, что они характерны для степных безлесных

районов. Не случайно, кроме башкир, такие постройки на Южном Урале были характерны для татар и казахов [11, с. 209]. Обращает внимание, что С. И. Руденко упоминает три тюркских народа (башкиры, казахи, татары), в разное время перешедших от кочевания к оседлому быту. Подобные строения, скорее всего, были для них первыми постоянными жилищами.

Определенные различия в строительном деле на Южном Урале наблюдались и у представителей отдельных субэтносов татар. Подобные особенности, например, отчетливо просматриваются на примере внутренней планировки бани. Так, в селениях Троицкого и Верхнеуральского уездов Оренбургской губернии преобладал вариант с расположением печи у входа, развернутой устьем к противоположной боковой стене. От печи к передней стене простирался полук, Такая же традиция была характерна для казанских татар Предкамья. А в Челябинском уезде той же губернии чаще встречался иной план, где печь помещали у передней стены устьем ориентированной так же, как и в первом случае. Это была типичная планировка для бань татар-мишарей Окско-Сурского междуречья. Везде в регионе, но не так часто, встречался (в Оренбургском и Орском уездах преобладал) вариант бани с печью у передней стены, но устьем повернутой к входу, что было характерно в контактном для казанских татар и татар-мишарей Среднем Поволжье.

Говоря о печах, добавим, что печи в описываемом районе, прежде всего в домах казанских татар, обязательно снабжались вмазанным котлом (так называемая «татарская печь»). Конструкция была настолько рациональной и удобной для местных условий, что подобные печи с котлом охотно строили в окружающих русских деревнях [1, с. 273].

Традиционная материальная культура, хозяйство и быт татар-переселенцев на Южном Урале приобрели некоторые особенности, детерминированные местными природными условиями и влиянием соседей, прежде всего башкир. Это просматривается, в агрокультуре, на примере усадеб, а также хозяйственных построек и жилищах, особенно архаичных видов последних: пластовых, саманных, каркасно-столбовых. Лишь на Южном Урале у татар встречалась печь-чувал, характерная для традиционного жилища башкир, хантов, манси. С другой стороны отдельные черты в культуре приуральских татар можно рассматривать как свидетельства весьма отдаленных времен оседания кочевых предков татар, регенерированных в условиях экологической и этнокультурной среды Южного Урала.

Литература

1. Бусыгин, Е. П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX в.) / Е. П. Бусыгин. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1966.
2. Георги, И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов / И. Г. Георги. СПб., 1799.
3. Дебу, И. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии / И. Дебу. М., 1837.
4. Егерев, В. В. Самобытное расселение народностей казанского края / В. В. Егерев // Вестн. науч. о-ва татароведения (Казань). 1928. № 8.
5. Мухаметшин, Ю. Г. Типы сельских жилищ (конец XIX — начало XX вв.) / Ю. Г. Мухаметшин // Пермские татары. Казань, 1983.

6. Мухаметшин, Ю. Г. Функционирование и типологическое своеобразие углубленных в землю построек у татар Волго-Уральского региона в конце XIX — начале XX в. / Ю. Г. Мухаметшин // Историческая этнография татарского народа. Казань, 1990.

7. Мухаметшин, Ю. Г. Этнографический обзор конструкций и типов традиционных жилищ нагайбаков и их ближайших соседей / Ю. Г. Мухаметшин // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещенных татар-казаков). Казань, 1995.

8. Отчет оренбургского гражданского губернатора за 1850 год // ООА. Ф. 6. Оп. 8. Ед. хр. 13.

9. Приуральские татары : сб. ст. Казань : ИЯЛИ, 1990.

10. Рапорт начальника 5-го башкирского кантона Кучукова // ООА. Ф. 6. Оп. 11. Ед. хр. 216.

11. Руденко, С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки / С. И. Руденко. Уфа : Китап, 2006.

12. Тартарика. Этнография. Казань ; М., 2008.

Е. А. Чайко

ЧАСТУШКИ КАК ИСТОЧНИК В СИСТЕМЕ ГЕНДЕРНОГО АНАЛИЗА ДОБРАЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ЗОНЫ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА

Стереотипы добрачного поведения русского населения горнозаводской зоны Челябинской области в середине XX в. явились предметом анализа в рамках изучения истории семьи, в качестве сюжета, проясняющего место семьи в системе ценностных ориентиров данной группы населения. Приведем мысль К. В. Чистова, высказанную применительно к проблеме изучения русской крестьянской семьи XVIII–XIX веков: «Ясность общей линии развития не снимает настоятельной необходимости исследования реального хода этого процесса, особенностей и различий темпов его развития в разных районах проживания русских» [9, с. 131]. Ее, в полной мере, можно отнести к более позднему периоду. Не смотря на то, что мы довольно ясно представляем себе общие тенденции развития семьи в XX веке, реальный ход процессов, протекавший специфично в различных регионах, социальных и этнических группах населения изучен далеко не полно.

Частушки, собранные в выше названном регионе в послевоенный период (1947–1953) экспедициями известного советского фольклориста В. Е. Гусева¹, явились одним из источников нашего исследования. Ряд особенностей частушек в качестве жанровой разновидности фольклора определили пределы их использования в качестве источника.

Первые упоминания о частушках в печати относятся к 1860-м году. По мнению Д. К. Зеленина, «новая поэзия родилась впервые в городских и фабричных центрах» [3, с. 32]. Начиная с семидесятых-восьмидесятых годов XIX века частушки поются массово и повсеместно. В середине XX века сочинение и исполнение частушек являлось еще «живым» жанром народного творчества.

В соответствии со спецификой репертуара фольклористами принято различать не только этнографические и географические группы населения, но и группы,

характеризуемые определенным полом и возрастом. В естественной среде бытования частушки всегда оставались жанром молодого поколения. Так, Д. К. Зеленин замечает: «Частушки – песни молодежи, старое поколение деревни нередко относится к частушке отрицательно» [Там же, с. 36]; почти 100 лет спустя в отчете фольклорно-этнографической экспедиции за 1952 год читаем: «Фольклор старшего поколения – деловые и плясовые песни можно считать умирающим. Репертуар молодежи состоит из частушек»². Один из лучших исследователей этого жанра фольклора, Н. Трубецкой, проанализировав метрику частушки, делает вывод, что частушечный стих представляет собой частный вид плясового стиха [8, с. 388].

Частушки различаются также и по половой принадлежности. Согласно сведениям Д. К. Зеленина, в ранний период бытования частушек в деревнях (1860-е годы), они пелись только молодыми парнями во время плясок, на гуляниях, или в тесном кругу слушателей мужского пола [3, с. 32]. Однако, по замечаниям собирателей середины XX в., частушки исполнялись большей частью девушками, тогда как парни сопровождали пение игрой на музыкальных инструментах³. Анализ текстов частушек собранных в середине XX века показывает, что упоминания о голосе или пении встречаются в приложении к девушкам: «*Интересны песенки // Для милого пою*», «*Милый грал // Злодейка пела*». Отсутствие голоса, не желание петь ассоциируется с горестным душевным состоянием: «*Что подруга не поешь // В уголок прижалась? // Ушел милый на войну // Сиротой осталась*»; «*Куда голос мой девался? // Милый пропил на вине // С этой гадиной связался // Не стал думать обо мне*» и др. Напротив, гармонь выступает в качестве мужского символа, игра на гармонии – исключительно мужская прерогатива: «*Из-за лесу, из-за темного // Тальяночка играт // Не мой ли рассадовенький // В такую даль идет*»; «*Гармошка венская // Под лавочкой стояла // Подружка плакала // Милого провожала*». Показателен отмеченный фольклористами в послевоенные годы этнографический факт: в случаях исполнения частушек группами гуляющих девушек в отсутствие гармониста, игру гармонии одна из девушек имитировала голосом. Казалось бы, в условиях нехватки парней-гармонистов из-за массовой гибели на войне, можно было и девушкам научиться играть на гармонии (пахали ведь на тракторе), но они предпочитали исполнять партию инструмента голосом. Лишь в одном случае мы все же встречаемся с упоминанием пения в связи с парнем: «*По болотам я, по кочкам // Расстилала поясок // Слышу Панина гармошка // И Васюткин голосок*». В целом, приблизительно в 90 % частушек, собранных в 1940–50-е годы фольклорными экспедициями В. Е. Гусева, сюжет излагается от женского лица.

Обратимся к другим жанровым особенностям частушек. При рассмотрении их в качестве источника следует иметь в виду присущую им фольклорную природу. П. Г. Богатырев замечает, что существование фольклора всегда предполагает усваивающую его и санкционирующую его группу [2, с. 372]. Таким образом, подобно прочим фольклорным жанрам частушки отражают общепринятые в группе его носителей представления. В отношении частушек, верно то, что молодежное сообщество является как их производителем, так цензором и потребителем. Факт многократного исполнения частушки можно расценивать как результат успешного прохождения предварительной цензуры коллектива.

К. В. Чистов подчеркивает также, что при обращении к фольклору нужно помнить о том, что в нем мы встречаемся «с весьма разнообразным соотношением традиционных, уходящих своими корнями в более ранние исторические эпохи элементов и элементов, возникших на почве социальной действительности [9, с. 132],

того исторического периода, когда зафиксировано его бытование». Это замечание можно в полной мере отнести к частушкам. Для того чтобы понять, на сколько мы можем доверять частушке в качестве источника при изучении конкретной исторической эпохи, обратимся к специфике ее сочинительства. Рассуждая о процессе создания фольклорного произведения, П. Г. Богатырев приводит цитату М. Жуса, содержащую довольно точные объяснения: «Представим себе язык с двумя-тремястами рифмованных предложений, с четырьмя-пятьюстами типов ритмических схем, которые точно зафиксированы и передаются без нарушения устной традиции: личное изобретение состояло бы только в том, чтобы применяя эти ритмические схемы и фразовые клише в качестве образца, создавать по их аналогии другие ритмические схемы по возможности схожего содержания» [2, с. 380–381].

Приведенная цитата имеет прямое отношение к частушкам и помогает понять нам смысл текстов. Как и другим произведениям фольклора, частушкам присуще использование старых смысловых и образных формул для заполнения их новыми оттенками содержания. Благодаря этой способности они легко обновляются, варьируются в зависимости от актуализируемого события. В силу вышесказанного, к примеру, частушки, появившиеся в русско-японскую войну, исполнялись в Первую мировую, а затем в Великую Отечественную войну [1, с. 17]. В подобных случаях сохранялся зачин, но изменялись исторические приметы, иной оказывалась и психологическая оценка, появлялись новые герои. Приведем примеры: «У меня миленька два // Два и полагается: // Один по воду идет, // А другой стирается»; «У меня миленька два // Два и полагается: // Один в армию уйдет // А другой останется»; «У меня миленька два // Оба Николаи // Одного я продала // За два каравая»; «У меня миленька два // Оба инвалиды // Одного заели вши // А другого гниды»⁴. Таким образом, сам по себе факт бытования частушки в известной степени означает актуальность ее сюжета.

Традиционные поэтические формулы, в которых «живет» частушечное событие, заключают отношение к событию, его оценку. Обратимся к частушке: «Оставайся, моя ягода // На ягодной горе // Оставайся, мой садовенький // В окопах на войне». Событием в данном случае можно считать то, что «садовенький», то есть из сада, красивый, цветущий, молодой, остался в окопах на войне. Первые две строки четверостишия помогают нам понять отношение девушек к этому событию. Сравнение с не собранной, не съеденной, оставленной на горе ягодой (ее подразумеваемые спелость, сладкий вкус выступают в качестве дополнительных характеристик «садовенького») подсказывает нам, что он погиб, не выполнив своего предназначения в жизни. Слова «моя», «мой» означают, что факт гибели воспринимается девушкой как личная утрата, погибший оставил ее одну. Ничего не изменить, поэтому — «оставайся». Приведем еще один сюжет: «На горе алыи цветочек // Я думала по жар // А кому какое дело // Меня милый провожал». В русской народной поэзии алыи цвет символизирует любовь. В данном случае об алом цветочке упоминается, чтобы подчеркнуть: милый потому и провожал, что любит, в его любви состоит главный смысл частушки.

Важной особенностью жанра является перепевание старых частушек в случае сохранения ими актуальности. К числу наиболее ранних исследователи относят частушки из шести строк. В них слышатся отголоски старинных песен. Во всем массиве частушек собранных экспедициями В. Е. Гусева встретились только одна шестистроочная: «На пеньке-то деньги // Куплю Маше серьги // Остаются пяточки // Куплю Маше башмачки // Башмачки не мазаны // Чулочки не вязаны».

Частушки сочинялись «на злобу дня», мгновенно реагировали на изменение социальной обстановки, фиксировали ее каждое новое качество. В их содержании

мы найдем собственно событие и его оценку с точки зрения массовых представлений народа, либо обобщение совокупности аналогичных событий и их оценку. Содержание второго рода частушек явилось результатом анализа общественных явлений носителями фольклора. Сравним: «Ты, война, ты, война // Ты меня обидела // Ты заставила любить // Кого я ненавидела» и: «Ты, германец, черный ворон // Всю Россию победил // Много девушек оставил // И детей осиротил». В первой частушке речь идет о единичном событии и его оценке, во второй — об оценке совокупности событий.

Важным является ответ на вопрос о смысловой нагрузке смеха и смешного в частушке. Не вдаваясь в подробный анализ, отметим, что смеху, как правило, присущ оттенок осуждения: «У залеточки в дому // Была конференция // Ему милку выбирала // Вся интеллигенция»; «Все ребята как ребята // Мой миленок пузырек // Как завалится в канаве // Ноги кверху задерет».

В отношении сюжетов частушек верно замечание В. Я. Проппа, который считал, что фольклорный «сюжет не возникает как прямое отражение общественного уклада. Он возникает из столкновения, из противоречий смещающих друг друга укладов». Задачу исследователя он видел в том, чтобы «проследить эти противоречия, проследить, что с чем столкнулось в исторической действительности и как эти противоречия рожают сюжет» [7, с. 3]. В продолжение этой мысли отметим, что как и любой другой фольклорный жанр, частушки не отражают всего многообразия жизненных проявлений, они бытовали на почве одной из сторон жизни, а именно, добрачных отношений молодежи. Средой воспроизводства частушки объясняются многие присущие ей характерные черты. В частности, набор тем и сюжетов. По замечанию Д. К. Зеленина «частушка хочет быть лирикою, то есть иметь дело с чувствами» [3, с. 35] Основная их тема — индивидуальные переживания в связи с обстоятельствами личной жизни. Исторические события и явления получают отражение в частушке посредством конкретно-личностного преломления в судьбах, в качестве факторов, влияющих на отношения милой и миленка. Характерной чертой жанра является взгляд на мир со строго определенной точки зрения, парня или девушки, занятых выбором брачного партнера.

Наиболее ярко представлены в частушках реалии девичьей жизни. Это было замечено еще дореволюционными исследователями. В. И. Симакон на частушечном материале дал довольно полное представление о жизни девушки-северянки [6, с. 3]. В частушках, собранных в середине XX в. предстает весь комплекс отношений, в которые вступала девушка дома, на работе, на гуляньях.

Способность реагировать на событие превратила частушку за годы жанрового существования в устную газету, в летопись русской жизни [1, с. 14] Приведем в подтверждение этой мысли несколько частушек: «Всем колхозом купим козу // Бригадир будет доить // Председатель захворает // Молоком будем поить» (1950-е гг.); «В шесть утра петух поет // В десять — Пугачева // Магазин до двух закрыт // Ключ у Горбачева» (1980-е гг.)

Известный филолог, языковед, один из первых исследователей частушек Н. С. Трубецкой отметил в частушке «стремление к максимально краткому и максимально яркому выражению мысли, и притом к ритмическому расчленению мысли согласно строфической схеме четверостишия, что порождает громадное разнообразие троп, фигур, затейливых смысловых вывертов. Иной раз получается с виду бессмыслица, значение которой можно понять, лишь зная реальный факт, по поводу которого частушка была сложена» [8, с. 388]. В связи с отмеченным, важное значение имеет знание места, где были собраны частушки, времени их собирания,

требуется также привлечение дополнительных материалов, проясняющих сюжеты частушек. Все это позволяет рассмотреть содержание частушек на фоне исторического контекста их бытования.

Выявленные особенности информационного потенциала частушек позволяют использовать собранные экспедициями В. Е. Гусева частушки при рассмотрении вопроса о влиянии демографических последствий Великой Отечественной войны на добрачное поведение населения горнозаводских районов Челябинской области.

Так, массив частушек, собранных в послевоенные годы, свидетельствует о том, что в заводских поселках и деревнях сохранялась традиционно сложившаяся система добрачных отношений молодежи. Она включала набор традиционных форм поведения, систему знакомств и ухаживаний, времяпровождения (вечерки, ночевки, гулянья). Элементом этой системы было создание девушкой и парнем временной пары, внешне имитирующей отношения мужа и жены. В частушках, сочиненных в период Великой Отечественной войны, получили яркие характеристики поголовные военные призывы периода «Великой Отечественной»: *«Это что за война // Сразу два набора // Взяли брата и отца // Еще ухажера»*. Сокращение числа мужчин брачного возраста не привело к смене характера проведения молодежью свободного времени. Холостая молодежь устраивала гулянья, вечерки, ночевки. Приведем воспоминания жительницы деревни Меседа Катавского района: *«В войну я работала на заводе в Юрюзани по восемь часов. Гудок загудел, из Юрюзани босиком пешком шли. В 11–12 ночи дома. А тут пляски, песни, в гармошку играют»*⁵. Аналогичны воспоминания и других информантов⁶. Однако численность ухажеров резко сократилась, в тексте одной из частушек читаем обращение к «германцу-оборванцу»: *«Отпусти ребят до дому // Девочек некуда девать»*. Постепенно круг «холостежи» мужского пола ограничился мужчинами, не достигшими призывного возраста, не подлежавшими призыву по состоянию здоровья, ранеными и инвалидами войны. В этих условиях возможности выбора «миленка» у девушек резко сократились: *«Девушки, зима не лето // Не посеешь в поле рожь // Девушки, военно время // Не полюбишь кого хошь»*.

Перед девушками-невестами военного и послевоенного времени встала проблема отношений с вновь возникшей категорией ухажеров — «ранеными, бракованными»: *«Я на станции стояла // Санитарный поезд шел // С деревянной рукою // Ко мне милый подошел»*. Тема была болезненной, ей посвящено более 30% частушек, касающихся качественных характеристик девичьих избранников. Приведем воспоминания жительницы деревни Шемаха 1927 года рождения. На вопрос, как выбирали женихов, она ответила: *«У нас выбора-то не было. Война была. У нас ребят-то не было. Так что выбирать нечего было. Тот и твой, красивый или не красивый. У меня был весь израненный. Он в 19 лет был уже раненный, в войне был... Так что никаких ребят не было... Он в 18-ть на 19-й был ранен в Ленинграде, под Ленинградом. Полгода пролежал — без глаза, без уха, весь в жалезе, везде осколки были, зуба не было. Это все вырвано было. Что мне, кого выбирать было? Мне ведь 20-й год, взамуж надо... Хоть за этого выйти. Вот ребят нажила, четырех детей, и он умер»* [5, с. 17]. Девушки, с жалостью относились к инвалидам войны: *«Любите раненых ребят // Они не виноватые»; «До войны его любила // И сейчас обязана»*.

Гибель «ягодиночки» на фронте является сюжетом значительного числа частушек: *«Братец пишет издадека: // Милая сестреночка // На глазах моих убили // Твоего миленька»*. Массовая гибель мужчин привела к диспропорции мужского и женского населения. В соответствии с официальной статистикой наибольшие потери понесло поколение, родившееся в 1914–1923 годах, которому в год начала войны ис-

полнилось от 18 до 27 лет. По переписи 1959 года, мужчин этого возраста в среднем по СССР насчитывалось 62 на 100 женщин. Значительные потери произошли в группе 1924—1928 годов рождения, в ней осталось 83 мужчины на 100 женщин [4, с. 22]. Погибших на войне женихов нечем было заменить. Если еще недавно для девушки считалось зазорным не иметь ухажера, в период и после войны стало обыденностью: «У меня милого нет // Я уже привыкла»; «У меня матани нет // Видно мыши съели»; «Пойду в лес, поставлю крест // Кто-нибудь помолится // У нас улица большая // Не с кем познакомиться».

В условиях резкой диспропорции полов начался процесс стихийного перераспределения партнеров, замещения убитых на фронте женихов. Вернулись внутренне изменившиеся люди. Девушки испытывали робость при встрече со своими долгожданными ухажерами: «Провожала в пиджаке // Встретила в шинели»; «Мил приехал с орденами // Я не смею подходить». Многие фронтовики не стремились возобновлять любовные отношения со своими бывшими подругами. Приведем частушечный диалог: «Подружка моя // Что-то ты не весела // Твой герой вернулся с фронта // А ты нос повесила». На что подружка отвечает: «Орденами грудь увешал // И меня не узнает».

Традиционно ценившиеся в парнях и особо привлекавшие девушек сила, удаль, ловкость приписывались после войны вернувшимся фронтовикам-героям. Они были у девушек в особом почете: «Как увижу с орденами // Сердце остановится»; «Я любила лейтенанта // И ремень через плечо». Не воевавшие парни считались не такими престижными кавалерами. Так, героиня одной из частушек не хочет выходить замуж за «бракованного», то есть забракованного призывной комиссией, предпочитая дожидаться фронтовика: «Не пойду я, мама, замуж // За бракованного // Я из армии дождусь // Образованного». В частушках с насмешкою поется о «летчике», который «вылетает» из конюшни, о птичнике, за которыми на свидание «идет индюшек взвод», о «командире в поле над овечками», о пекаре «руки в тесте, нос в муке — лезет целоваться». Для сравнения о лейтенанте: «служит в армии он гордо и целует горячо». У кавалеров из «лейтенантиков» и «военных» был, пожалуй, самый высокий статус, не смотря на то, что они принадлежали к категории «Боля был, да на часок // Прилетел как ясный сокол // Улетел как голубок». Об их неверности сложено большое число частушек: «Я стояла с лейтенантом // Мимо нас прошел майор // Пока майором любовалась // Лейтенанта кто-то спер». За ухажерами-военными водился грешок многоженства. К примеру, о лейтенанте: «22 жены имеет, холостым считается», или: «Ты военный, ты военный // Ты военный не простой // Ты на западе женатый // На востоке холостой».

Чертой послевоенного периода следует считать стремление демобилизованных неженатых мужчин оставить родные места и уехать в города. Начавшись после войны, этот процесс продолжался и в последующие годы [8]. Значительное число частушек конца 1940-х годов повествует о «расстаночках с миленьким». Причинами разлуки называются служба в армии, отъезд на учебу, в ряде случаев причина упускается: «Хороши, хороши // Тюлевые шторы // В ФЗО уехали // Наши ухажеры»; «У меня миленький далеко // Он далеко учится // Я с товарищем хожу // Не знаю, что получится». Приведем комментарии этнографа, сделанные в 1952 г.: «одни мужчины не вернулись с фронта, другие уехали в города на производство, учиться в реальных училищах, ФЗО, школах»⁷. Миграция мужчин увеличила диспропорцию в половом составе сельского населения, несколько смягчая ситуацию для городов. В таких условиях подавляющее число послевоенных частушек посвящены «изменушкам». Если традиционно предполагалась некоторая стабильность добрачных любовных

пар, то после войны об этом не было никакой речи: *«Неужели сбудется, мил в подружку влюбится?»*, — читаем мы в тексте частушки. В другой частушке девушка заявляет: *«пусть у «мотани» «будет милок восемь или семь», она «хозяйка будет всем»*. Для девушки, в случае измены «милого», вероятность «завести» нового кавалера была невелика: *«Мене милый изменил // Что же я поделаю?// Пойду в лес, возьму топор // И из дуба сделаю»*. Всегда более лояльное отношение молодежного сообщества к парням-изменникам стало еще снисходительнее после войны: *«Это не изменушка // Когда изменит парень девушке // Вот тогда изменушка // Когда изменит девушка»*. В ряде частушек подчеркивается массовый характер неверности со стороны парней: *«Сорок елочек подряд // Нет по совести ребят // Был один по совести // Уехал на поезде»*. В условиях дефицита холостых парней, среди девушек стало обычным предпринимать более явные, чем принято обыкновенно, способы демонстрации симпатий, имели место случаи сватовства со стороны девушек, что не соответствовало традиционному стереотипу: *«Это что еще за люди, девки сватают ребят»*.

При недостатке холостых парней, первые браки для женщин зачастую становятся повторными для мужчин. Так, в ряде частушек слово «женатый» употребляется в том же контексте, что и «милый», «дроля», «ягодина» и др., в качестве объекта девичьей любви, хотя любовь «холостого» оставалась предпочтительней: *«Чем женатого любить // Лучшие холостого // Он не требует с меня // Подарка никакого»*. Происходившее в эти годы повышение числа браков с разведенными мужчинами само по себе стимулировало распад значительного числа уже сложившихся семей. «Некоторые фронтовики уже сменили по две-три жены», — читаем в полевом дневнике студента-участника фольклорной экспедиции⁸. Большинство разводов совершалось по инициативе мужчин, ослабевала прочность браков, сокращалась их длительность. Выбор девушек-невест был не велик: *«женатого любить», «женка сердится», «холостого любить», «скоро женится»*.

В качестве примера проявления непропорционального соотношения мужчин и женщин на практике приведем семью Н., сведения о которой содержатся в полевых записках студентов-фольклористов. В ней было трое взрослых детей: два сына и дочь. Младший из сыновей, Иван в детском возрасте лишился одного глаза, что не помешало ему разойтись с первой женой, и жениться вторично, «с первой жил не долго — три месяца, она ему не понравилась, и он ушел от нее». Старший сын Андрей, будучи женатым «стал ухаживать за другой женщиной». Жена Андрея «встретила свою соперницу в лесу и сильно избивала ее, после чего та умерла». «Этим она», — словами автора отчета, — «все решила»⁹. Сестра Ивана и Андрея — Маруся была «разведенкой» — «у нее муж чужих баб любил». Еще одно свидетельство: «Вопросы семьи и брака трактуются в Илеке весьма свободно. Термин «разженка» — в полном ходу. О всевозможных «изменушках» и говорить нечего. Наивно и бесхитростно говорят обо всем этом дети: «А у меня папы нету, меня мама нагуляла». «Вот когда моя мама с Пашкой Бахаревым жила, у нас корову увели»¹⁰. Появившаяся после войны категория молодых женщин, «разведенки», была довольно многочисленной. Так, в поселке Тюлюк Катавского района, по свидетельству очевидцев, разведенки было «больше, чем девушек»¹¹. Статус разведенки — не девица, не жена, не вдова, ни то и ни се с точки зрения традиционных представлений находит отражение в тексте частушки: *«Меня мамонька родила // В бору под сосеночкой // На роду мене сказала // Будешь разведеночкой»*. Когда жена уходила от мужа, она забирала свое приданое и складывала его в сундук. В этом, собственно, и состоял развод. Возвратившись к отцу и матери, разведенки имели статус, приближенный к статусу

девушки. Они считались такими же свободными. В уже упомянутой семье Н., Маруся была освобождена от некоторых семейных обязанностей, имела возможность гулять и ходить на вечерки. Разведенки ходили по улице своими компаниями, мало смешиваясь с девушками. Часть молодых неженатых ребят ухаживали не за девушками, а за разведенками, мотивируя это тем, что они не такие гордые. Некоторые из разведенкок сменили к 20 годам по нескольку мужей. По словам наблюдателя, честные девушки переживали по этому поводу, становятся менее гордыми или болезненно гордыми¹². Можно предположить, что в условиях острого дефицита женихов, разведенки проще чем девушки склонялись к добрачным связям: «*Меня милый уговаривал один на берегу, положил на сердце камень, отвалить я не могу*». Но как нам представляется, большое число матерей-одиночек, появившихся после войны, явилось не следствием широкого распространения добрачных связей, а результатом свободного отношения к браку со стороны малочисленного контингента мужчин: «*Лейтенанты уезжают // Уезжают день и ночь // А на память оставляют // Кому сына, кому дочь*». В те годы браки было не принято регистрировать в ЗАГСах в силу внедрявшейся в 1920–30-е годы практики уравнивания фактического и официально зарегистрированного брака, а также закрытия церквей, где могли происходить венчания. Многие пары, фактически вступившие в брак до или вскоре после войны, регистрировались после рождения ребенка. Совершения свадебного ритуала без регистрации было достаточно для того, чтобы брак считался легитимным в глазах местного сообщества.

Анализ содержащейся в частушках информации позволяет сделать вывод о том, что представленные в них суждения об ухажерах, о девичьих достоинствах, замужней жизни, будущей свекрови, любви, мечтах и др. выстраиваются в систему, позволяющую судить о том, что замужество/женитьба, по-прежнему, представлялось приоритетной целью девушки и парня. Ограниченность контингента мужчин в послевоенный период привели к возникновению жесткой конкуренции среди девушек, поведшей за собой некоторые изменения стереотипов поведения в группе населения брачного возраста.

Примечания

¹ Фрагменты частушек в статье цитируются по: ЧГКМ. Ф. документов. Оп. 4. Ед. хр. 239, 490, 404, 406, 407, 408, 411, 412, 505, 526, 529, 531, 540, 571, 593, 599; 10, Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 38.

² ЧГКМ. Ф. документов. Оп. 4. Ед. хр. 412. Л. 47.

³ Там же. Ед. хр. 490. Л. 3.

⁴ Там же. Ед. хр. 412. Л. 29, 25.

⁵ ОГАЧО. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 24. Л. 8.

⁶ Там же. Д. 23. Л. 13.

⁷ ЧГКМ. Ф. документов. Оп. 4. Ед. хр. 289. Л. 7.

⁸ Там же. Л. 8.

⁹ ОГАЧО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 48. Л. 18.

¹⁰ ЧГКМ. Ф. документов. Оп. 4. Ед. хр. 412. С. 44.

¹¹ ОГАЧО. Ед. хр. 301. Л. 11.

¹² Там же. Ед. хр. 289. Л. 10.

Литература

1. Астафьева, Л. А. Русская частушка / Л. А. Астафьева // Русские частушки. М. : Современник, 1987.
2. Богатырев, П. Г. Вопросы теории народного искусства / П. Г. Богатырев. М. : Наука, 1971.
3. Зеленин, Д. К. Новые веяния в народной поэзии. Избранные труды / Д. К. Зеленин. М., 1994.
4. Кваша, А. Я. Демографическое эхо войны / А. Я. Кваша // Проблемы исторической демографии СССР. Киев, 1988.
5. Личный архив автора. Тетрадь 11.
6. Новоселова, Е. Н. Динамика норм и ценностей семейно-брачных отношений в России (конец XIX — начало XXI в. в России): социологический анализ фольклора : автореф. дис. ... канд. соц. наук / Е. Н. Новоселова. М. : МГУ, 2008.
7. Пропп, В. Я. Эдип в свете фольклора // Пропп, В. Я. Фольклор и действительность : изб. ст. М. : Лабиринт, 2007.
8. Трубецкой, Н. С. О метрике частушки // Трубецкой, Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987.
9. Чистов, К. В. Севернорусские причитания как источник для изучения крестьянской семьи XIX века // Чистов, К. В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л. : Наука, 1986.

А. А. Ваганов

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТДЕЛЫ МУЗЕЕВ УРАЛА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Во всех крупных музеях Урала в дореволюционный период существовали отделы или коллекции, посвященные коренным народам нашего региона.

Этнографическая коллекция Пермского научно-промышленного музея стала пополняться предметами с 1983 года. В 1900 году в музее образовался этнографический отдел. К 1901 г. музей был обладателем 80 предметов и трех коллекций по этнографии. К концу первого десятилетия XX в. один из его отделов, которым заведовал Н. А. Третьяков, объединял экспонаты по минералогии, палеонтологии и геологии. Располагался отдел на нижнем этаже здания музея, занимая в нем две комнаты.

Этнографический отдел для Уфимского губернского музея был большой проблемой. Его коллекции были настолько бедны, что не «характеризовали народов, населявших здешний край». Вследствие этого, у департамента земледелия на развитие музея было запрошено 200 рублей. Товарищ председателя музея обратился к компетентным лицам в Бирском, Мензелинском и Стерлитамакском уездах с просьбой о содействии в приобретении музеем фотоснимков черемисов, чуваш и татар. Тем не менее, в этом музее, даже к 1917 году этнографическая коллекция из-за нехватки средств так и не была создана.

Этнографическая коллекция музея Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) сформировалась главным образом, за счет поступлений с Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 г., хотя отдельные предметы в нее поступили еще до выставки: женская и мужская зимняя одежда хантов, мансийский лук и стрелы, музыкальный инструмент и др. После выставки горный инженер

Л. А. Лебединский подарил большую коллекцию бытовых вещей (а также моделей), культовых предметов народа манси, кроме того — фотографий, представляющих типы манси, виды из построек, ритуалов, сделанных им во время экспедиций на север Урала. Большая коллекция бытовых вещей и одежды манси поступила в музей от бывшего экспонента выставки И. И. Шенина: зимняя одежда и обувь, берестяная посуда, «полотенца» из сосны, музыкальный инструмент, люлька, мешки из оленьей кожи и кожи налима, веревки из оленьих жил, лук и стрелы, лыжи, охотничий пояс с ножнами и ножом, модели нарт, лодки и др. Врач Д. П. Никольский передал коллекцию башкирских вещей, в том числе луки, стрелы, колчаны и башкирские лакомства [3, с. 72]. К концу 1898 года этнографическая коллекция музея насчитывала уже 659 предметов [1, с. 99]. В ней были представлены ханты, манси, коми-пермяки, удмурты, башкиры, ненцы, казахи, якуты, эвенки, буряты, дунгане, а также имелся один костюм русской женщины 18 века.

В 1889 году от Л. А. Лебедзинского, после очередной его экспедиции на Северный Урал, УОЛЕ получило еще несколько мансийских предметов: струг, детскую люльку, одежду малютки из оленьей шкуры, малицу, совик, кисет для табака из лапы лебедя, модели чума, юрты, лодки¹. После выставки дары в этнографическую коллекцию УОЛЕ сделали бывшие экспоненты, члены УОЛЕ — инспектор народных училищ из Красноуфимска В. В. Корватовский (вещи удмуртов), золотопромышленник из Никито-Ивделя И. С. Шаньгин (вещи хантов и манси), купец из Чердыни И. Ф. Юхнев (ненецкие вещи), учитель Попов из Соликамска (вещи коми-пермяков), врач из села Аряж Осинского уезда Н. И. Тезяков (вещи удмуртов), В. Баянбаев из села Кочкарь Троицкого уезда (вещи казахов) и др. В 1891 году И. Г. Остроумов составил описание этнографической коллекции, разобрал ее и привел в порядок. Коллекция продолжала пополняться. В 1902 году действительный член общества В. В. Блохин передал в музей череп караказа, народности жившей на склонах Саянских гор [3, с. 124]. В 1904 и 1912 годах большую коллекцию вещей хантов и манси подарил УОЛЕ метеоролог А. Р. Бейер, побывавший на Новой Земле и на Шпицбергене. В 1910 году член УОЛЕ И. С. Алин пополнил это собрание своими сборами на Новой Земле. В коми-пермяцкую коллекцию от А. Ф. Теплоухова поступили два вязаных пояса, а в 1916 году — восемь фотографий женщин-пермячек. Для коллекции бытовых предметов удмуртов в 1914 году музеем был куплен женский головной убор из Чердынского уезда. В 1915 году от наследников Д. Н. Мамина-Сибиряка поступил женский башкирский халат с вышивкой. Президент УОЛЕ П. П. Боклевский передал в музей вотяцкие старинные вышивки. В собрание киргизских вещей поступили предметы от П. Э. Штеллинга, М. О. Клера, А. А. Язвицкой. В 1911 г. А. А. Никольский-Косырев привез из Самарканда и подарил музею большую коллекцию бытовых вещей сартов — одежду, обувь, посуду и украшения.

Отдельные предметы по народам Урала и Сибири, а также других районов страны поступали от многих лиц. Большое собрание предметов народов Востока сложилось в УОЛЕ благодаря крупным пожертвованиям священника Г. И. Левитского и отдельным поступлениям от некоторых членов общества и жителей Урала. Будучи флотским священником Г. И. Левитский в 1894–1896 годах побывал в нескольких круглосветных путешествиях и привез из них большую коллекцию различных старинных бытовых и культовых вещей, произведений искусства китайцев, японцев, сингалов и других народов. С 20 октября по 16 ноября 1896 года священник представлял свою коллекцию на выставке в музее общества, а затем значитель-

ную ее часть подарил УОЛЕ². В 1901 году от него поступило еще семь предметов, и вся подаренная им коллекция стала насчитывать 186 единиц³.

С 1901 года заведующим этнографическим отделом был врач Н. А. Русских, с 1906 года — метеоролог А. А. Бейер. В своих отчетах хранители музея признавали, что системного пополнения вещей в этнографический отдел не ведется, большинство поступлений идет от дарителей. В 1910 году в своей «Записке» в комитет УОЛЕ ставший заведующим историко-этнографическим отделом преподаватель истории в Екатеринбургской мужской гимназии Г. К. Кузнецов писал: «Все внимание должно быть обращено на то, чтобы сделать музей незаменимым при изучении народностей уральского края. Здесь должен, до мельчайших подробностей, воспроизведен быт пермяков, зырян, вогул, черемис, вотяков и других инородцев нашего края, пока процесс ассимиляции не уничтожит все особенности быта этих народов. То же самое должно быть сделано для сохранения интересных бытовых деталей местного русского, особенно старообрядческого населения, деталей, отличающих жизнь этого населения от других местностей Урала. Кое-что в этом отношении уже сделано, и этнографический отдел может похвалиться некоторыми своими коллекциями, но вообще коллекции как этого, так и особенно исторического отдела, носят случайный характер» [1, с. 101].

В 1911 году в отделе появилась новая витрина — Туркестан, благодаря пожертвованиям А. А. Никольского-Косырева. В 1913 году отдел пополнился интересными предметами быта урянхайцев-сойотов, полным костюмом бурятки и переносным пологом тунгузов, сшитым из бычьей кожи [2, с. 32].

С самого начала своего существования музей Оренбургской ученой архивной комиссии включал в себя отдел «Образцы изделий и одежды местного населения». Многие предметы в него перешли из музеев, существовавших в Оренбурге ранее. Основным источником комплектования этнографической коллекции музея (ОУАК) было дарение. Дарились предметы как посторонними лицами, так и членами ОУАК. В организации процесса поиска и доставки ценных находок в музей участвовали высшие чины Оренбургского казачьего войска. Лучшее всего данный процесс отражает копия письма действительного члена Оренбургского губернского статистического комитета, полковника Федора Михайловича Старикова на имя атаманов станиц третьего военного отдела Оренбургского казачьего войска. «Наказной Атаман Оренбургского казачьего войска Генерал-Майор Владимир Иванович Ершов передал мне поручение Начальника Войскового Штаба Генерал-Майора Павла Петровича Бирк о том, чтобы собрал в среде войскового населения разного рода предметы прежнего вооружения и снаряжения казаков, редкие и более замечательные вещи из прежнего домашнего быта, а равно и все те предметы, которые более интересны в историческом, этнографическом и, вообще, в научном отношении всего края»⁴.

Примечания

¹ ГАСО. Ф. 101. Л. 29 об.

² Там же. Л. 205

³ Там же. Л. 12

⁴ ГАОО. Ф. 96. Л. 117–119 об.

Литература

1. Зорина, Л. И. Музей УОЛЕ – крупнейший научно-просветительский и научно-исследовательский центр Урала / Л. И. Зорина // Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929: Из истории науки и культуры Урала. Екатеринбург : Банк культур. Информ.: Свердлов. обл. краевед. музей, 1996. С. 99.

Отчет по музею за 1913 год // Зап. Урал. о-ва любителей естествознания. Т. 34. Вып. 1–2. Екатеринбург : Тип. Ершова и Ко, 1914. С. 32.

Протокол очередного общего собрания общества любителей естествознания 12 марта 1888 года // Зап. Урал. о-ва любителей естествознания. Т. 10. Вып. 4. Екатеринбург : Тип. «Екатеринбургская неделя», 1888. С. 72.

Р. Н. Масалимов

АНТАГОНИЗМ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ

Проблема этнической (национальной) идентичности – одна из самых навязчивых и бурно дискутируемых в научном мире, в общественной среде, прежде всего, в социальной философии, а конкретнее, в социальной антропологии и культурологии проблем. Как правило, предпочитают рассматривать ее как порождение глубоких противоречий между долгими веками архаического существования, модернизационным рывком последних трех столетий (XVIII–XX вв.) и социокультурным кризисом постмодерна, развертывающимся перед нашими глазами.

Понятия «идентичность» и «толерантность» относятся к разным аспектам общественного бытия, хотя они изучаются одними и теми же дисциплинами. Наше обществознание не может похвалиться особыми достижениями в исследовании причин кризиса самоидентификации нашего гражданина и проблем толерантности/интолерантности в нашем обществе. Как доказал С. Г. Кара-Мурза, причинами этого является целый комплекс факторов естественно-социального характера, присущих нашей российской евразийской цивилизации [3, с. 287–322]. Наша социально-гуманитарная наука не может ни объяснить причин социального недомогания, ни предупредить о грядущем кризисе. Эта беспомощность для большинства неискушенных граждан совершенно непонятна, что многие в ней видят злой умысел, даже обман и предательство.

Реальность же весьма проста. Человек живет, условно говоря, в трех «мирах» – мире Природы, мире Техники (Культуры) и Обществе. Все они связаны между собой, и знание о каждом блоке перекликается с другими. И в то же время каждый из этих «миров» обладает достаточной автономией, чтобы стать предметом специального знания. Поэтому мы различаем природоведение, систему знаний о технике (и технологии) и знание о человеке и обществе (социально-гуманитарные знания). При этом знание об одной сфере становится инструментом познания в другой. Так, в знании о человеке используется целые блоки знания о технике – человека уподобляют машине, которая служит полезной моделью. Борьбу за существование зве-

рей в джунглях переносят на мир человека. Это прием познания человека, стимулирующий мысль, но часто ведущий к ошибке. В то же время наблюдается антропоморфизм – проекция идеального типа человеческих отношений на природу.

Совершенно по-другому в обществоведении. Общество как самостоятельный объект наших наблюдений и размышлений поглощает метафоры и аналогии из мира природы и техники (материальной культуры). Эти знания о человеке и обществе возникли вместе с человеком, который сразу интегрировался в человеческой общности и не пребывал долгое время в промежуточном состоянии стада. Появление разума резко усилило, ускорило эволюцию человека. Он возник, по историческим меркам, действительно очень быстро, как будто был сотворен. Человек стал осознавать мир и себя в нем, создавать знание обо всех трех «мирах» и о себе. Сначала это было мифологическое знание, потом религиозное. Накопление опыта, который упорядочивался и систематизировался, создавало массив традиционного знания. Художественное знание появилось сразу же, на самых ранних стадиях развития человека.

До сих пор мы в значительной мере мыслим об обществе мифологически, то есть пользуемся мифами, которые и создаются, и вытесняются другими, и разрушаются. Так, и в советское время, и позже писали о биологическом расизме, понимая под ним расовые теории нацистской Германии. У нас он отсутствовал, а после Второй мировой войны его популярность резко упала и на Западе. К сожалению, мифы настолько крепко сидят в менталитете европейцев, что биологический расизм постепенно трансформировался в культурный расизм. После распада СССР эта чаша не миновала и Россию. Крах многонационального Союза в одночасье нанес такую травму нашему обществу, испытавшему чувство потери идентичности. Экономические реформы привели к бедственному положению едва ли не большинства населения. Произошли межэтнические конфликты в Средней Азии, войны в Приднестровье и в Закавказье, но самые страшные в Чечне. И, как следствие, массы беженцев, хлынувших в центральные районы России. К этому добавился демографический спад, усиленный паническими рассуждениями некоторых политиков и журналистов о «вымирании» русского народа. Так на фоне чуть ли не сплошь негативных событий в сознании общества возникли ощущение враждебности окружающего мира, чувство опасности, всюду нас поджидающей.

Недовольные низким уровнем демократии, отсутствием личной безопасности люди чувствуют себя уязвимыми, поскольку власти заботятся о них больше на словах, а на деле вовсе с ними не считаются. В поисках выхода накапливаемое раздражение вначале обращалось на чужаков, «приезжих», «иностранцев» (с властью предпочитали не связываться). Стали популярны псевдонаучные рассуждения целой армии интеллектуалов, что «они» не только не похожи на «нас» внешне, но резко отличается и их внутренний мир. Короче говоря, и у нас утверждается культурная сегрегация. Как предлагает известный ученый Виктор Шнирельман, «Нужно строить реальную демократию, формировать гражданское общество, ибо общественный негативизм проистекает от чувства униженности и незащитности перед всемогущими чиновниками» [7, с. 11].

Предлагаемый нами подход к изучению этнической идентичности и толерантности базируется на совершенно новых, нежели у большинства ученого сообщества, научно-философских положениях. Последние связаны непосредственно с философией человека, с философской антропологией, которая и есть квинтэссенция всего комплекса социогуманитарных знаний [9, с. 149–152]. Научный подход к про-

блеме идентичности и толерантности может быть обоснован в рамках парадигмы «социальных дефиниций» с позиций феноменологической социологической теории. Методология выявления превращений (метаморфоз) этничности и ее среды существования в рамках феноменологического подхода сводится к проблеме концептуальных механизмов поддержания символического универсума. В центре внимания феноменологического подхода находится личность, конструирующая социальную реальность, в том числе и свою идентичность и взаимосвязи с окружающим миром, значит и проблемы толерантности и интолерантности. Но и к этому подходу отношение у исследователей разное. Например, известный социолог, академик РАН и АН РБ, заведующий кафедрой философии УГАТУ доктор философских наук Ф. С. Файзуллин как-то эмоционально высказался: «Не люблю я это новомодное слово — толерантность. А что это такое? Терпимость к другому человеку, к другому народу, расе. Но терпеть — значит просто не вмешиваться в чужие дела. Этого же мало, требуется большее: понимание, сочувствие, помощь. Сейчас много говорят о толерантности в этническом плане» [1, с. 158].

Здесь весьма полезным оказалось обращение к такой перспективной научной дисциплине, как психология личности, прежде всего, к психоанализу [5]. В трудах по психологии толерантности и интолерантности содержатся важные для методологии нашего исследования дефиниции, в частности понятия «ненависть». Ненависть, согласно одному автору, — это «ответ на угрозу свободе, жизни и ценностям» или «сложный аффективный конструкт как результат повторных неприятных переживаний» [11, р. 123, 125], согласно другим, — это «негативная идентификация», которая описывается как «тенденция к многочисленным и многообразным переживаниям, включающим объект ненависти» и «феномен заторможенного сопротивления» [12, р. 5, 6, 21]. В проведенных феноменологических описаниях в составе ненависти указываются такие эмоции, как гнев, мщение, депрессия, «интенсивная враждебность и отвращение». В отличие от гнева, но подобно ревности, ненависть включает ощущения некомпетентности, слабости и дискомфорта. Ненависть рассматривается также как готовность испытывать все эти эмоции. При этом необходимо отметить, что все упомянутые выше эмоции сходны по своему предмету и неотделимы от его восприятия и понимания. Иногда ненависть понимают как совокупность разнородных явлений, включающих не только эмоции и тенденцию к враждебному действию, но и известное мировоззрение.

Личностно-персоналистский подход способен объяснить ненависть к людям, ибо именно такая ненависть чревата наиболее трагическими последствиями, что мы и наблюдаем в современном мире. Большинство авторов подобных работ сходятся в том, что все формы агрессии и насилия могут вызывать и развивать ненависть у обеих сторон конфликта, идет ли речь об инструментальной агрессии, о реакции на угрозу «Мы-концепции», об идеологических репрессиях, этнических чистках, о кровной вражде или проявлениях садизма.

Как отмечал ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, доктор исторических наук Евгений Рашковский, философия человека — это «тонкое тело» научных знаний [6, с. 33]. Иной подход, который может быть назван архаичным, традиционным, продемонстрировал главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, доктор исторических наук Камалуддин Гаджиев. Он, признавая, «что национальная идентичность имеет множество измерений», выпячивает лишь одну сторону идентичности — историческую, заявляя, «что чрезвычайно важным фактором сохранения идентичности является память о прошлом, поскольку ею во многом питается сознание отдельно взятого человека, коллектива, общества» [2, с. 6].

Модернистское понимание идентичности связано с работами двух западных авторов Э. Эриксона и М. Кастельса. Эрик Эриксон выделил три основных аспекта идентичности: 1) чувство идентичности; 2) процесс формирования идентичности; 3) идентичность как результат [8]. Мануэль Кастельс различает три формы построения идентичности: 1) легитимизирующую идентичность, связанную с рационализацией социальным актором принадлежности к доминирующим социальным институтам; 2) идентичность сопротивления, возникающую у тех социальных акторов, которые формируют механизмы сопротивления и выживания на основе принципов, отличающихся от распространенных в данном обществе или противостоящих им; 3) проектирующую идентичность, когда социальные акторы конструируют новую идентичность, заново определяющую их положение в обществе, и пытаются изменить всю структуру социальных отношений [10].

Целый ряд процессов глобализации — демократизация, информатизация, экономизация, культурная стандартизация, ценностная универсализация и другое — непосредственно способствуют противостояния этнической, национальной идентичности и толерантности. Авторы одной коллективной монографии отмечали, что «единой концепции толерантности в настоящее время не существует...» [4, с. 4]. Они абсолютно правы, ибо само явление, известное под словом «толерантность», в нашей науке никогда не было объектом социально-философского анализа.

Анализируя исторический опыт, исследователи отмечают превалирование интолерантных отношений во все времена во всех обществах. И нынешний мир находится перед лицом многочисленных опасных тенденций — традиционных и новых, в числе которых политический радикализм с его жесткой нетерпимостью, социальные конфликты с их классовой борьбой, военные конфликты и терроризм, который впервые в истории приобретает планетарный масштаб. Происходит порою, подмена понятий: компромиссные решения принимаются за толерантность. Социально-политические реалии современного мира создают иллюзию того, что все держится на толерантности. Демократизация современного мира властно диктует необходимость перехода к общим правилам игры, как во внутренней, так и во внешней политике, необратимо меняя иерархию основных элементов социума.

На первое место в этой иерархии объективно выходит личность, на второе — общество, оттесняя государство на третье место и делая его, прежде всего инструментом защиты интересов личности и общества. Любая страна, претендующая на какую-нибудь заметную роль в мировых делах, сегодня вынуждена строго соблюдать эту иерархию. Демократизация внешней среды, идущая пусть непоследовательно и противоречиво, никому не дает возможности безнаказанно попираť демократические нормы и процедуры, игнорировать интересы и права человека. Ни одно государство современного мира не может себе позволить одну политику внутри своих границ и принципиально другую — за ее пределами.

Этническая идентичность как раз исторически детерминировалась как противоположность толерантности, ибо свои «Мы» нельзя дифференцировать, выделять, сливаясь с чужими «Другие». Признавая свою принадлежность к своей этничности, индивид теряет свои индивидуальные различия. Очевидно, что групповая динамика находится под сильным влиянием характера членов этнической группы. Чувство этнической солидарности становится защитой от опасностей враждебного внешнего мира. Когда существование этноса оказывается под угрозой, это увеличивает этническое единство, поскольку каждый индивид обнаруживает, что под угрозой находится его собственный источник безопасности. Другими словами, это,

прежде всего определенный стиль поведения и сознания, где именно сознание как специфическая форма его организации выявляет его характерность. Отсюда нетолерантность, чувство этнической исключительности, национальный экстремизм, что и есть вызывающе-отличный жизненный стиль людей, создающих свою особую субкультуру, свой мир, чьи значения и ценности вступают в резкое, осознанное противоречие с общепринятыми взглядами, моралью окружающих. «Жизненный стиль» — это образ жизни, обширная гамма самовыражений этнической группы: во взглядах на мир, общество и личность, в одежде, языке, ценностях, в особенностях взаимоотношений с «другими». Для экстремистского стиля характерен общий повышенный агрессивный тонус в общении с «другими», как категорией, хотя в отношениях с конкретно-отдельными представителями «других» могут складываться вполне общепринятые дружелюбные связи. Таким образом, потребность к принадлежности к этнической общности необходима индивиду для достижения устойчивой идентичности.

Как правило, государство как специальный аппарат общества рассматривается как средство, примиряющее антагонистические стороны и регулирующие их взаимоотношения. Так, в сфере экономической государство как совладелец общественного богатства якобы должно воспользоваться своими полномочиями, чтобы в принудительном порядке заставить тех, кому повезло, поделиться частью своей собственности или дохода с обездоленными. Эта конструкция, однако, построена на мифе о невозможности определения индивидуального вклада каждого, — как в прошлом, так и в настоящем, — в общественное сотрудничество, породившее это общественное богатство. Исходя из этого, утверждается, что любое богатство создано всем обществом в целом. Однако же, несмотря на то, что все богатство в мире, несомненно, создано в процессе общественного сотрудничества, утверждение о невозможности определить вклад каждого в сотрудничество не соответствует действительности. Каждый, кто вложил в него свой труд, получил за него оплату в рамках добровольного обмена. В каких-то случаях, эти средства были «проедены», в каких-то — сэкономлены и инвестированы, и правовой титул на возникшие в результате активы принадлежит тому, кто вложил в них деньги. Заставлять этих людей отдать кому-то то, что им принадлежит, чем они свободны распоряжаться по своему усмотрению, было бы несправедливо. Хотя, несомненно, все люди в течение тысячелетий вносили свой вклад в создание и накопление общественного богатства, это не означает, что все находятся у общества в долгу.

Государство как гражданская ассоциация должна защищать свободу своих граждан предпринимать любые действия, лишь бы те не причиняли вреда другим, и не вели к нарушению своих обязанностей. Желание многих критиков глобализации и мультикультурализма использовать государство, чтобы силой закона навязать всем свое понимание морали, прямо противоречит положениям классической политологии. Государство должно — и это в его силах — ограничить себя предоставлением только тех общественных благ, которые составляют необходимую часть инфраструктуры эффективной глобализации, и защитой свободы, в рамках которой граждане вольны предпринимать любые действия, не приносящие вреда другим и не влекущие нарушения обязательств. Все прочие аспекты морали и культуры лучше всего предоставить семье и другим институтам гражданского общества.

Литература

1. Будем работать дальше! // Ватандаш. 2012. № 9. С. 157–164.
2. Гаджиев, К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект / С. К. Гаджиев // Вопр. философии. 2011. № 10. С. 3–16.
3. Кара-Мурза, С. Г. Несоответствие между кризисом России и обществоведением: попытки объяснения причин / С. Г. Кара-Мурза // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 6. С. 287–322.
4. Киекбаев, М. Д. Этническая толерантность как феномен современного общества / М. Д. Киекбаев, Д. М. Абдрахманов, И. З. Султанмуратов. Уфа : Хан, 2008. 155 с.
5. Рахматуллин, Р. Ю. Этническая враждебность: психологический аспект / Р. Ю. Рахматуллин, Э. Р. Семенова // Россия и ее регионы: в поиске гражданского и межнационального согласия : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2011. С. 59–62.
6. Рашковский, Е. Б. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн... / Е. Б. Рашковский // Вопр. философии. 2011. № 6. С. 33–39.
7. Уважать раздражающих: Нашему обществу необходимо учиться толерантности // Поиск. 2012. 4 мая. № 18. С. 11.
8. Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон. СПб. : Летний сад, 2000. 416 с.
9. Ярошовец, В. И. Экзистенциально-антропологическое измерение историко-философского знания / В. И. Ярошовец // Вопр. философии. 2011. № 9. С. 149–152.
10. Castells, M. The Power of Identity / M. Castells // The Information Age: Economy, Society and Culture (2nd Edition). Vol. 2. Oxford : Wiley-Blackwell, 2010. 539 p.
11. Opatow, S. Hate, Conflict, and Moral Exclusion / S. Opatow // The Psychology of Hate / Robert J. Sternberg (ed.). Washington ; DC : American Psychological Association, 2005. 263 p.
12. Royzman, E. B. From Plato to Putnam: Four Ways to Think about Hate / E. B. Royzman, S. McCauley, P. Rozin // The Psychology of Hate / Robert J. Sternberg (ed.). Washington ; DC : American Psychological Association, 2005. 263 p.

Н. В. Усманов

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ БАШКИРИИ В 1920-е ГОДЫ

После Октябрьской революции Башкирия была одной из сложнейших с точки зрения межэтнических отношений территорий Советской России. В годы гражданской войны лидеры башкирского движения за автономию попеременно присоединялись то к одному, то к другому противоборствующему лагерю, и это негативно сказалось на отношении к башкирам со стороны как красных, так и белых. После войны в республике разгорелось национальное повстанческое движение, при подавлении которого со стороны отдельных представителей советской власти проявлялась излишняя жестокость. Все это наложило негативный отпечаток на межнациональные отношения в республике.

В начале 20-х годов территория Южного Урала, разоренная войной, пережила жесточайшую засуху. От бедствия особенно пострадало башкирское население, сравнительно поздно перешедшее к оседлой жизни и не обладавшее еще хорошими навыками земледелия. Значительная часть башкир проживала в отдаленных от железных дорог глухих селениях, и доставка продовольствия в эти места была существенно затруднена. Запаздывание же помощи нередко воспринималось, как

сознательный отказ поддержать народ в такое тяжелое время. Высокая потребность коренных жителей Урала в помощи заставило обратить на них особое внимание работавшей здесь американской благотворительной организации. Однако это вызвало недовольство со стороны части русского населения, которое посчитало, что башкиры незаслуженно пользуются преимуществом в получении продовольствия¹.

Огромные потери башкирского народа вследствие голода и эпидемических болезней привели к тому, что вскоре на их земли хлынули потоки неорганизованных переселенцев. В результате численность населения в отдельных русских хуторах и поселках увеличилась в два-три раза, а порой и 5-10 раз. Захваты земель сопровождались мерами устрашения, запугивания и гонения башкирских крестьян. БашЦИК был даже вынужден в марте 1922 года издать приказ, в котором отмечалось, что обезземеливание башкирского населения «достигло таких размеров, которых не было во времена царизма» [6, с. 661]. В свою очередь меры правительства автономной республики, направленные на ограждение башкирских земель от захватов вызывали недовольство русских переселенцев. Эта часть населения Башкирии особенно остро воспринимала разного рода слухи о «выселении небашкир» за пределы республики, об «обращении в башкирскую веру» и т. п. Однако захваченные и засеянные земли оставались, как правило, в распоряжении русского земледельческого населения. Такой подход объяснялся хозяйственными задачами – башкирские крестьяне не могли в силу объективных причин обеспечить посев и сбор урожая в том объеме, который был у русских крестьян. Конечно, подобные аргументы при отчуждении земли в пользу тех, кто более рационально ее использовал, башкирским населением не могли быть приняты.

Образование так называемой «Большой Башкирии» путем объединения в 1922 году Башкирской Республики с Уфимской губернией создало некоторые предпосылки для улучшения межэтнических отношений. На решения этой задачи нацеливали руководство республики решения XII съезда РКП(б) и центральных органов партии большевиков. Однако, в силу многих причин, добиться каких-либо успехов в этом деле в 20-е годы было нелегко.

К концу рассматриваемого времени острота межселенных споров несколько спала, но взаимные претензии продолжали сохраняться. Так в информационной сводке о выступлениях и требованиях отдельных групп избирателей во время перевыборов в Советы в 1928-1929 годах говорилось, что «в некоторых районах со стороны русской части населения и чуваш были выступления по национальному вопросу, главным образом проявлялось недовольство по землепользованию и развитию школьной сети». Здесь же приводились в качестве примера выступления крестьян, требовавших «обратить внимание на башкир», которые, якобы, «имеют громадное количество земли, сами ее не обрабатывают, сдают в аренду окружающему населению»².

В годы нэпа по всей стране свирепствовала безработица. Тысячи башкир и татар после разорения своих хозяйств во время голода были вынуждены перебираться из своих аулов в города. Здесь они конкурировали за рабочие места с преимущественно русским населением. Если в середине 20-х годов башкиры и татары составляли всего 10 % от общего числа безработных, то к 1928 году их доля увеличилась почти до 20 %. При этом почти все они были зарегистрированы как младший обслуживающий персонал³.

Еще в 1924 году руководством республики было принято решение о вовлечении башкир и татар в производство. В частности предлагалось «там, где это можно бу-

дет провести без ущерба для производства, заменить отдельных рабочих русских, находящихся в достаточно благоприятном имущественном положении, татаро-башкирами и нацменами из беднейшей части...» [1]. Определенные льготы, оказываемые представителям указанных национальностей при приеме на работу и вообще привлечение их в промышленность в условиях безработицы, порождали нездоровые отношения у значительной части русского городского населения. Любые ошибки, заключавшиеся, скажем, в сокращении русского работника и приеме на его работу «национала» обрастали всяческого рода слухами. Газета «Красная Башкирия» писала по этому поводу: «Биржа труда является в известном смысле скопищем, так или иначе задетых нацполитикой людей» [5. 1928. 29 июня].

От безработицы особенно страдала молодежь и, поэтому именно в этой среде часто выражалось недовольство некоторыми моментами национальной политики. Так на собрании допризывников в Уфе высказывались таким образом: «Кругом сидят татары и башкиры, а русским куда? За плетень?» [5. 1929. 12 дек.]. Русская молодежь проявляла недовольство и в связи с льготами, предоставляемыми для представителей коренной национальности при наборе на учебу. «Ребята говорят, что на нашу волость не дается разверстка для русских, дается для башкир. Эти разговоры опасны для комсомольцев», – признавался руководитель комсомола Башкирии⁴. Шовинистические и националистические настроения молодежи в 20-е годы не всегда находили отпор в школе. Об этом с тревогой говорили в руководстве республики: «Возьмите русскую школу, разве там не воспитывается вражда к национальному населению, не воспитывается пренебрежительное отношения к преподаванию государственного башкирского языка? Воспитывается. Возьмите национальную школу, что там не воспитывается вражда к русскому населению, как к населению, которое является пришлым населением на данной территории? Воспитывается. Эта вражда, эта ненависть воспитывается»⁵.

Для обслуживания башкирских и татарских трудящихся на родном языке в республиканских органах власти и в других учреждениях необходимо было привлекать на работу в них лиц коренной национальности. В Башкирии такая практика начала проводится с середины 20-х годов. Предполагалось, сравнительно за короткий срок, а именно к 1930 году, довести удельный вес башкир и татар в советских и хозяйственных органах почти до 50 % [2, с. 62]. Однако так называемая «коренизация аппарата» вызвала недовольство у русскоязычного населения. Так в информационной сводке о предвыборных собраниях в Советы в 1928-1929 годах в качестве типичного примера приводилось следующее мнение русских крестьян села Бурново Стерлитамакского кантона: «В ВИКе сидят башкиры и татары, которые жмут русских и оказывают различные привилегии башкирам»⁶. В условиях высокой неграмотности среди трудящихся башкир и татар, коренизация была вынуждена проводиться за счет выходцев из городской буржуазии, зажиточных крестьян и даже мусульманских священнослужителей. Многие русские рабочие и крестьяне выражали недоумение, встречая в советских учреждениях башкирских и татарских служащих явно не пролетарского происхождения. Ведь многие из таких чиновников не желали вникать в дела простых людей. Сама идея коренизации, таким образом, дискредитировалась в глазах населения. Вряд ли поэтому можно полностью согласиться с утверждением, встречавшимся в литературе о том, что коренизация в указанное время являлась «эффективным средством межнационального сплочения» [4, с. 97]. На самом деле все было гораздо сложнее. «Эффект» на практике часто сводился на нет.

Неоднозначно башкирским и татарским населением было воспринято решение о переводе их письменности с арабской графики на латинскую. Движение за латинизацию письменности зародилось среди тюркоязычных народов России еще до революции. Однако, явная поспешность и администрирование, продемонстрированное советскими властями в деле реформирования письменности, привели к недовольству значительной части башкир и татар. Латинизация письменности также ставила задачу облегчить для русского населения, проживавшего в автономной республике, изучение башкирского языка. На практике же это вызывало разного рода слухи и пересуды и способствовало росту межнациональной напряженности.

Активно проводимая коренизация во второй половине 20-х годов совпала с так называемой «рационализацией» — сокращением числа служащих различного рода учреждений. Это явилось дополнительным компонентом, ухудшающим межнациональные отношения в автономной республике. Широко распространялись слухи о том, что биржа труда не посылает русских на работу. «Красная Башкирия» верно подметила особенности психологии части населения: «По обыкновению, когда на работу посылают русских, имеют привычку не замечать, а когда посылают на работу националов, люди начинают кричать» [5. 1928. 29 июня]. Разумеется, не всегда межнациональная напряженность ограничивалась «криками». Осенью 1929 года имели место факты хулиганского отношения к рабочим из башкир и татар на сооружении Уфимской электростанции. Во время суда над организаторами драки выяснилось следующее: «Постановление БашЦИК о коренизации аппарата и о латинской письменности было использовано провокаторами в таком духе, что если русские рабочие не будут изучать башкирский язык, их будут выселять за пределы Башкирии» [Там же. 1929. 6 дек.]. Этот случай получил широкую известность, но подобные действия имели место и на других предприятиях. Так, по информации, полученной в обкоме комсомола республики, в железнодорожных мастерских Уфы имели место «истязания татаро-башкир», причем «при участии комсомольцев» [3, с. 230].

Отрицательно на межнациональных отношениях в 20-е годы сказывалась и неустойчивость административно-территориальных границ автономной Башкирии. В начале 20-х годов окружающие автономии губернии на практике были склонны не признавать сам факт существования Башкирии как автономной республики. Неоднозначно населением было встречено и образование Большой Башкирии со столицей в Уфе. Границы автономной республики менялись вплоть до середины 20-х годов, со стороны соседних губерний имелись территориальные претензии к БАССР.

В то же время с середины 20-х годов в Башкирии начался процесс межселенного, а затем сплошного землеустройства на основе разработанного «Земельного кодекса БАССР». На основании «Лесного кодекса» крестьянам были возвращены леса местного значения. Отход от некоторых положений «Декрета о земле», в которых башкиры видели покушения на свои земельные права, значительно оздоровило обстановку среди башкирских крестьян.

Большую роль в укреплении межэтнического доверия сыграла забота Советской власти о повышении культурно-образовательного уровня башкир. С 1924 года в печатной продукции стал использоваться башкирский литературный язык. Впервые дети башкир получили возможность светского обучения на родном языке. В конце 20-х годов башкирские школы I ступени (начальные) получили необходимые комплекты учебников. Расширилась возможность для башкирской молодежи в получении и среднего образования, хотя разрыв в охвате школами II ступени русского и нерусского населения в 20-е годы оставался еще высоким.

До середины 20-х годов были сильные межнациональные трения и внутри областной организации большевистской партии. IX областная конференция ВКП(б), состоявшаяся в 1925 году «с особым удовлетворением» отметила «изжитие национальных трений внутри Обкома» [7, с. 231]. Тем не менее, среди некоторых членов Башкирской парторганизации в конце 20-х годов существовало недоверие к представителям иной национальности. Так, в 1928 году руководство областного комитета партии, обсуждая состояние дел в партийной организации одного из кантонов, отметило среди прочих «болезненных явлений» «неусвоение политики по нацвопросу», и «случаи среди партийцев... пренебрежительного отношения к нацполитике»⁷. В информационной сводке по итогам перевыборов в Советы также сообщалось о претензиях русских крестьян-коммунистов к башкирам, касающиеся землепользования и неумении (или нежелании) руководителей сельских партийных ячеек правильно осветить этот вопрос⁸.

В конце 20-х годов в партии был выдвинут лозунг развертывания «жесткой самокритики» и борьбы с фактами разложения и бюрократизма в работе партийного и государственного аппарата, профсоюзных и хозяйственных органов. Эта кампания была болезненно воспринята некоторыми коммунистами из башкир и татар, недавно занявшими ответственные должности в аппаратах разного уровня. Некоторые из них высказывались, что-де эта кампания «используется русской частью партии для гонений против националов»⁹. Подобные примеры ненормальных взаимоотношений в среде коммунистов автономной республики в указанное время можно продолжить.

В целом, отмечая состояние межнациональных отношений в Башкирии в 1920-е годы, следует отметить, что они были весьма непростые. Давали себя знать сложные взаимоотношения народов, населявших край в дореволюционный период и в годы гражданской войны. Голод и разорение крестьянских хозяйств также не способствовали улучшению межнациональных отношений. В условиях нэповской действительности проводимая партией большевиков политика, направленная на преодоление этнической отчужденности и на укрепление солидарности трудящихся была существенно затруднена, хотя и имела некоторые положительные результаты. В целом же реализовать эту политику удалось лишь после свертывания новой экономической политики, а именно в 1930-е годы.

Примечания

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 27. Л. 75 об.

² ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 7. Д. 36. Л. 24.

³ Там же. Оп. 8. Д. 6. Л. 16.

⁴ Там же. Д. 10 Л. 166.

⁵ Там же. Оп. 7. Д. 8. Л. 256–257.

⁶ Там же. Д. 36. Л. 24.

⁷ Там же. Д. 6. Л. 102.

⁸ Там же. Д. 36. Л. 24.

⁹ Там же. Д. 5. Л. 15.

Литература

1. Власть труда. Орган БашЦИК, Башобкома РКП (б) и Башпрофсовета. 1924.
2. Вопросы истории Башкортостана. Вып. 2. Уфа : БашГУ, 1972. 210 с.
3. История башкирского народа : в 7 т. Т. 5. Уфа : Гилем, 2009. 468 с.
4. К проблеме наций и национальных отношений. Уфа : БашГУ, 1984. 144 с.
5. Красная Башкирия. Орган БашЦИК, Башобкома РКП (б) и Башпрофсовета. 1928–1929.
6. Образование Башкирской АССР : сб. док. и материалов. Уфа : Башкнигоиздат, 1959. 990 с.
7. Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов обкома КПСС (1917–1940). Т. 1. Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1959. 734 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алаева Ирина Павловна, научный сотрудник лаборатории археологических исследований Челябинского государственного педагогического университета
alaevaira@mail.ru

Аникеева Ольга Викторовна, кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации (Москва)
olganikeeva@yandex.ru

Артюшкина Елена Александровна, заведующая отделом Челябинского государственного центра народного творчества

Архангельский Максим Саввич, кандидат геолого-минералогических наук, доцент Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского
paleozoo@gmail.com

Атнагулов Ирек Равильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Магнитогорского государственного университета
i.atnagulov@mail.ru

Афоньков Николай Николаевич, руководитель общественной организации «Вечное небо» (Саратов)
nikolavoron@mail.ru

Баженов Анатолий Игоревич, аспирант, стажер-исследователь Института криосферы Земли СО РАН (Тюмень)
bazhenov-ikz-anatolii@mail.ru

Бачура Ольга Петровна, кандидат биологических наук, научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН (Екатеринбург)
olga@ipae.uran.ru

Богалов Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УРО РАН (Челябинск)

Бытковский Олег Федорович, научный сотрудник археологического центра Орского гуманитарно-технологического института (филиал ОГУ)

Ваганов Александр Александрович, аспирант кафедры истории Челябинской государственной академии культуры и искусства

Валеев Гадель Камилевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Челябинского государственного университета
vgadel@gmail.com

Гайдученко Леонид Леонидович, кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Челябинского государственного университета

Гильмитдинова Алина Харисовна, студентка исторического факультета Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)

Григорьев Станислав Аркадиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН (Челябинск)
stgrig@mail.ru

Епимахов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН (Челябинск)
eav74@rambler.ru

Зайберт Виктор Федорович, доктор исторических наук, директор научного центра археологии и культурогенеза Академии наук Республики Казахстан (Кокшетау)
zaibert-ku@mail.ru

Зданович Геннадий Борисович, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе заповедника «Аркаим» (Челябинск)

Иванова Надежда Оттовна, заведующая методическим отделом Челябинского государственного краеведческого музея
n.o.ivanova@rambler.ru

Исаков Рудольф Викторович, член общественной организации «Вечное небо» (Бийск)
ewa42@yandex.ru

Китов Егор Петрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

Коноплева Ксения Геннадьевна, магистрант Московского государственного университета
konoplyova-ksenya@mail.ru

Косинцев Павел Андреевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН (Екатеринбург)
kra@ipae.uran.ru

Куприянов Вадим Анатольевич, научный сотрудник Центра археологических исследований (Челябинск)
v-kupriyanov@yandex.ru

Куприянова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, директор Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека Челябинского государственного университета
dzdan@mail.ru

Котов Вячеслав Георгиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
kslav1@yandex.ru

Логвин Андрей Викторович, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологических исследований Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (Республика Казахстан)

Макеева Анна Игоревна, аспирант отдела физической антропологии Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)
anigma88@yandex.ru

Малютина Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник заповедника «Аркаим» (Челябинск)

Масалимов Рияз Ниязович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и документоведения социально-гуманитарного факультета Бирского филиала Башкирского государственного университета
riazmass@yahoo.com

Маслюженко Денис Николаевич, научный сотрудник Курганского государственного университета
denmas13@yandex.ru

Матвеев Алексей Викторович, кандидат исторических наук, заместитель директора Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля
amatveev@list.ru

Мосин Вадим Сергеевич, доктор исторических наук, директор Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН (Челябинск)

Пантелеева Софья Евгеньевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург)
spanteleyeva@mail.ru

Переводчикова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Исторического музея (Москва)
perevelena@yandex.ru

Петров Федор Николаевич, кандидат философских наук, директор музея археологии и краеведения города Дубны (Московская обл.), директор по науке Московского областного фонда историко-краеведческих исследований и гуманитарных инициатив «Наследие»
steppe-exp@mail.ru

Пластеева Наталья Алексеевна, младший научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН (Екатеринбург)
plasteeva@rambler.ru

Плеханова Людмила Николаевна, кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории археологического почвоведения Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (Пушино)
dianthus1@rambler.ru

Рассадников Алексей Юрьевич, аспирант сектора археологии эпохи раннего металла Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург)
ralu87@mail.ru

Рафикова Янина Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Уфа)

Речкалова Влада Витальевна, студентка исторического факультета Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)
vlarech@inbox.ru

Самигулов Гаяз Хамитович, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней истории и этнологии Евразии Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)
gayas-@mail.ru

Сафарова Луиза Рависовна, аспирант Института криосферы Земли СО РАН (Тюмень)
luizasaf@mail.ru

Сеитов Абай Мейрамович, магистрант, младший научный сотрудник лаборатории археологических исследований Костанайского государственного университета им. А. Байтурсьнова
sajrim@mail.ru

Семьян Иван Андреевич, аспирант кафедры «Древняя история и этнология Евразии» Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)
semyan_viatich@hotmail.ru

Степанова Надежда Александровна, заведующая отделом археологии Челябинского государственного краеведческого музея

Таиров Александр Дмитриевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой древней истории и этнологии Евразии Южно-Уральского государственного университета
tairov55@mail.ru

Татауров Сергей Филиппович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН; старший научный сотрудник кафедры первобытной истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского
tatsf2008@rambler.ru

Ткачев Виталий Васильевич, кандидат исторических наук, директор археологического центра Орского гуманитарно-технологического института (филиал ОГУ)
vit-tkachev@yandex.ru

Усманов Наиль Вакилович, кандидат исторических наук, доцент Бирского филиала Башкирского государственного университета, доцент
nailhammer@front.ru

Ушаков Александр Матвеевич, аспирант кафедры древней истории и этнологии Евразии Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)
iscander_1988@mail.ru

Федоров Виталий Кимович, кандидат исторических наук, доцент Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Уфа)

Халиков Наиль Альфредович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань)
halikov51@mail.ru

Хохлов Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры зоологии и анатомии, физиологии, безопасности жизнедеятельности человека Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (Самара)

khokhlov_aa@mail.ru

Чайко Екатерина Анатольевна, кандидат исторических наук, заведующая музеем археологии и этнографии Челябинского государственного университета

Ченченкова Ольга Петровна, кандидат искусствоведения, художник-реставратор археологического металла Свердловского областного краеведческого музея (Екатеринбург)

chenchen@rambler.ru

Чуев Николай Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней истории и этнологии Евразии Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)

Шевнина Ирина Викторовна, научный сотрудник Костанайского государственного университета (Республика Казахстан)

shevnina_i@mail.ru

Шереметьев Александр Григорьевич, аспирант Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

alexandrsheremetev@yandex.ru

Шиманский Евгений Олегович, преподаватель Челябинского государственного университета

evgenshim@ya.ru

Ягодин Вадим Николаевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (г. Нукус)

vyagodin@rol.uz

Якимов Артем Сергеевич, кандидат геологических наук, старший научный сотрудник Института криосферы Земли СО РАН (Тюмень)

yakimov-artem@mail.ru

Loyer Jeanna, Laboratory of Anthropology of Past and Present Populations Université de Bordeaux (France)

jeannaloyer@gmail.com

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН – Академия наук
АПО – «Археологические памятники Оренбуржья» (Оренбург)
АСГЭ – «Археологический сборник Государственного Эрмитажа» (Ленинград, Санкт-Петербург)
АЭБ – «Археология и этнография Башкирии» (Уфа)
БАССР – Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
БашГУ – Башкирский государственный университет
БашЦИК – Башкирский Центральный Исполнительный Комитет (Советов)
БФ АН – Башкирский филиал Академии наук
ВАУ – «Вопросы археологии Урала» (Свердловск, Екатеринбург)
ВДИ – «Вестник древней истории» (Москва)
ВИК – волостной исполнительный комитет (Советов)
Дон НУ – Донецкий национальный университет
ИА – Институт археологии
ИАиЭ – Институт археологии и этнографии
ИИА – Институт истории и археологии
ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам (Москва)
ИПОС – Институт проблем освоения Севера (Тюмень)
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт истории языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР
КА УрГУ – кабинет археологии Уральского государственного университета (Свердловск, Екатеринбург)
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КСИА – «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР» (Москва)
КСИИМК – «Краткие сообщения Института истории материальной культуры» (Москва)
МаГУ – Магнитогорский государственный университет
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – «Материалы и исследования по археологии СССР» (Москва, Ленинград)
МКАЭН – Международный конгресс антропологических и этнографических наук
НАВ – «Нижеволжский археологический вестник» (Волгоград)
ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области
ОГИК-музей – Омский государственный историко-краеведческий музей
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет
ОмГУ – Омский государственный университет
ООА – Оренбургский областной архив

РА – «Российская археология» (Москва)
РАН – Российская академия наук
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
СА – «Советская археология»
САИ – «Свод археологических источников» (Москва, Ленинград)
СГЭ – «Сообщения Государственного Эрмитажа» (Ленинград, Санкт-Петербург)
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук (Новосибирск)
УАВ – «Уфимский археологический вестник»
УдГУ – Удмуртский государственный университет (Ижевск)
УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск)
УрГУ – Уральский государственный университет (Свердловск, Екатеринбург)
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук (Свердловск, Екатеринбург)
ЦГАОО РБ – Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан
ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан
ЧГКМ – Челябинский государственный краеведческий музей
ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)

Научное издание

ЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Сборник научных трудов

Ответственные редакторы А. Д. Таиров, Н. О. Иванова

Оригинал-макет: *И. Н. Козырева*
Компьютерный набор: *Н. О. Иванова*
Обложка: *Г. В. Терсков, А. В. Суворов*

Пописано в печать 20.04.13. Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 44,2. Уч.-изд. л. 35,8. Тираж 200 экз. Заказ ____.

Отпечатано в ООО ЦИКР «Рифей»
454091 г. Челябинск, ул. Коммуны, 68